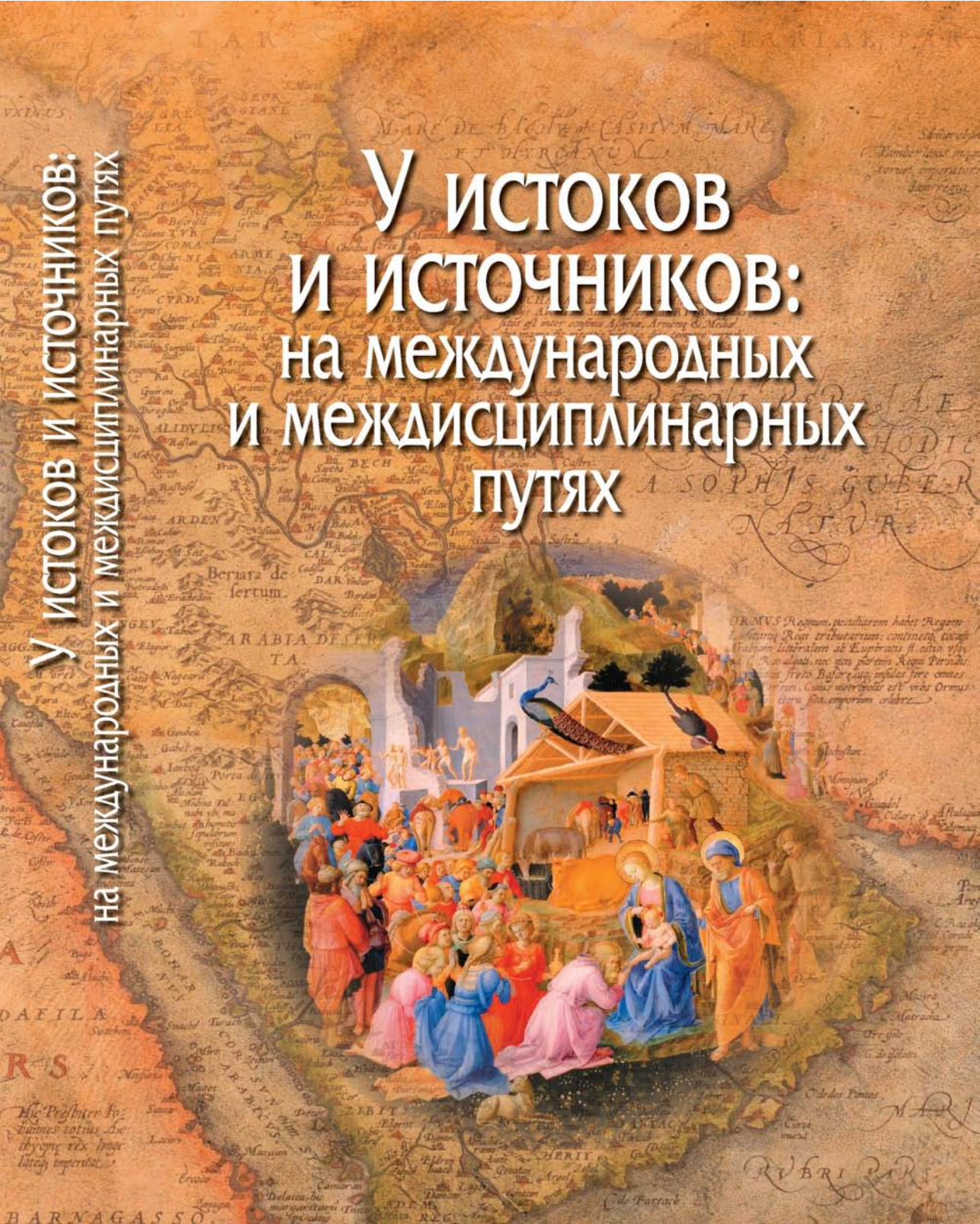

У ИСТОКОВ И ИСТОЧНИКОВ:
на международных и междисциплинарных путях

У ИСТОКОВ И ИСТОЧНИКОВ: на международных и междисциплинарных путях

ORMVS Regnum, p[ro]vinciam habet Regem
Lithuanie Regi tributarium continet totam
partem litteralem ab Europam fl. caspii usque
Ras aliam, nec non p[ro]vinciam Regni Persiarum
in parte Babiloniae m[un]diali fore omnes
urbes, Cuius metropolis est v[er]o Ormus
Cuius fl. imperium habet.

His Praefiteri
v[er]o totius de
throno rex Imper
latus imperat.

RUBRI RAR

BARNAGASSO

Cal. Fortuac

Институт российской истории
Российской академии наук

У ИСТОКОВ
И ИСТОЧНИКОВ:
на международных
и междисциплинарных путях

*Юбилейный сборник
в честь Александра Васильевича
Назаренко*

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2019

УДК 94(100-87)(09)
ББК 63.3(0)4
Б25

Ответственный редактор
доктор исторических наук Ю.А. Петров

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук Н.Н. Лисовой,
доктор исторических наук И.Ю. Смирнова,
кандидат исторических наук М.И. Бълхова

У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях [Текст] : Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко . — М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив , 2019 . — 582, [2] с.

ISBN 978-5-98712-727-8

Сборник, посвященный юбилею известного медиевиста, специалиста по истории Восточной и Центральной Европы и истории Церкви А.В. Назаренко, отражает многогранность интересов, исследований и открытий самого юбиляра. Работы его друзей, коллег и учеников, представленные в книге, охватывают широчайший круг эпох и проблематик: история Русской Церкви — от 1000-летия Русского Афона до католических влияний в наследии преп. Серафима, государственность ранней Руси — от Олега Вещего до Владимира Красного Солнышка и Иакова Мниха, сведения древних источников — от Равеннского Анонима и Баварского Географа до «Золотых копей» ал-Мас'уди, русская жизнь, как она предстает в скандинавских сагах и сочинении Марко Поло, реконструкция биографических реалий царственных особ — от датского короля Свена Эстридсена XI в. до русской царицы Агафьи XVII в., лингвистический образ варвара в древнерусской традиции и евангельского Иуды в литературе российского декаданса, — целый сложный мир этнокультурных, торговых, политических и духовных взаимодействий Руси с Византией, Востоком, Западом.

Книга рассчитана не только на историков, филологов, источниковедов, но и на самого широкого читателя, неравнодушного к прошлому и будущему нашего Отечества.

ISBN 978-5-98712-727-8

© Институт российской истории РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019
® Центр гуманитарных инициатив, 2019

Содержание

Вступительная статья	5
<i>М.В. Бибииков</i> . Акт лавры св. Афанасия 1016 г.: первая подпись игумена обители рос(а) на Афоне	7
<i>Е.М. Верещагин</i> . Догадка о генетической связи между правилом «Полутораста богородиц» и молитвословием Розария (в изложении историка церкви архим. Иоанна-Хризостома [Пляшкевича])	14
<i>Т.Л. Вилкул</i> . Толковый Апокалипсис в «Повести временных лет»	28
<i>А.Ю. Виноградов, священник Михаил Желтов</i> . Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156—1159 гг.)	35
<i>М. Гардзанини</i> . Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка	57
<i>Т.В. Гимон</i> . Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания	73
<i>А.А. Гиппиус</i> . Несколько конъектур к «Слову на обновление Десятиной церкви» (к реконструкции древнейшей русской гомилии)	90
<i>А.А. Горский</i> . Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья	103
<i>В.М. Гуминский</i> . Средневековая Европа в записках русских путешественников	109
<i>Т.Н. Джаксон</i> . Об отдельных противоречиях источников касательно Свена Эстридсена	147
<i>С.А. Иванов</i> . Византийский нарратив о войне 941 г.	156
<i>Т.М. Калинина</i> . Раннее христианство по данным арабского писателя X в. ал-Мас‘уди (X в.)	166
<i>А.М. Камчатнов</i> . Реконструкция языка оригинала древнерусского памятника письменности как лингвистическая задача	180
<i>В.М. Кириллин</i> . Эволюция оценочных представлений о святом Владимире Великом в посвященных ему агиографических текстах XII—XV веков	186
<i>Е.Л. Конявская</i> . Смоленская земля в XII веке в раннем летописании	207
<i>О.Ф. Кудрявцев</i> . От средневековых описаний Руси к ренессансным: картины русской жизни у Марко Поло и его продолжателя	218
<i>В.А. Кучкин</i> . Москва в историографии XIX—XX вв.	233
<u><i>Н.Н. Лисовой</i></u> . Кто был автором «Дневника архимандрита Антонина»? Имя, творчество, судьба	260

<i>А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. Об именах царицы Агафьи Симеоновны Грушецкой</i>	292
<i>П.В. Лукин. Немецкие данные о телесных наказаниях в средневековом Новгороде</i>	307
<i>Н.А. Макаров. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси</i>	317
<i>В.И. Матузова. Литература Тевтонского ордена в Пруссии: поэтические парафразы книг Библии (конец XIII — XIV вв.)</i>	328
<i>Е.А. Мельникова. Восточноевропейский мир IX—X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации</i>	342
<i>С.М. Михеев. Фарьманъ и Поромонь дворъ: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике</i>	360
<i>В.Б. Перхавко. Отношение к военно-историческим памятникам России в эпоху Просвещения</i>	372
<i>Н.М. Рогожин. «...Живой благодати родник...» (Приглашение к паломничеству)</i>	396
<i>В.М. Рычка. «...Нѣсть се Олегъ но святыи Дмитрии»</i>	407
<i>С.Ю. Темчин. Владимир Креститель как Иоанн Предтеча в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона</i>	416
<i>А.П. Толочко, П.П. Толочко. Печати протопроедра Евстафия</i>	428
<i>Прот. Павел Хондзинский. Два Иуды</i>	445
<i>К. Цукерман. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит</i>	457
<i>С.З. Чернов. Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические данные</i>	483
<i>Л.С. Чекин. «Был у нас толмач-немчин»: Богословский диспут между шведским архиепископом и московским «патриархом» и его отражение в литературе</i>	517
<i>М.И. Чернышева. «Варвар» глазами «варвара»: предварительные наблюдения</i>	530
<i>С.М. Шамин. Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам</i>	539
<i>И.Н. Шамина. Эпизод затянувшегося кризиса: о бесчинствах игумена Спасо-Нуромского монастыря в середине 1660-х гг.</i>	546
<i>А.С. Щавелев. К идентификации названия «eptaradici» в «Описании городов и областей к северу от Дуная» («Баварском географе»)</i>	555
<i>С.Г. Яковенко. Е.Ф. Шмурло — ученый корреспондент Академии наук в Риме: учреждение должности (1895—1903)</i>	562
<i>Библиография трудов А.В. Назаренко</i>	576

Дорогой Александр Васильевич!

Друзья и коллеги сердечно поздравляют Вас со славным юбилеем. Ведущий историк и источниковед, Вы служите всем нам бесспорным образцом и эталоном подлинного исследователя — с широчайшим диапазоном интересов, высокой требовательностью и научной добросовестностью.

Ученик выдающегося отечественного историка В.Т. Пашуто, Вы неизменно продолжаете и развиваете основанное им научное направление — изучение зарубежных источников по истории Древней Руси и ее международных связей и внешней политики. В своей научной и организационной деятельности Вы твердо придерживаетесь возрожденного В.Т. Пашуто важнейшего принципа исторического исследования — соединения истории и филологии.

Начав свою научную деятельность как филолог-германист, Вы стали крупнейшим ученым, тонко и глубоко проникающим в суть источника, способным увидеть связь между свидетельствами самых разножанровых и разновременных памятников и документов, как отечественных, так и зарубежных.

Ваши исследования международных связей Древнерусского государства, открытый Вами путь «из немец в хазары», выявленные Вами династические связи Рюриковичей с правящими домами едва ли не всех стран Европы создали новое направление в отечественной медиевистике. Широчайшие познания позволяли Вам обращаться в Ваших трудах к сопоставлению политической структуры государства Рюриковичей и Франкского государства, Польши, Чехии, Венгрии. Особо хочется отметить Ваш вклад в историю и реконструкцию денежно-весового счета Древней Руси.

Блестящего исследователя нашла в Вашем лице история Церкви Древней Руси в европейском контексте, в том числе сложные проблемы, связанные с крещением Руси, деятельностью княгини Ольги, Ярополка, Владимира, а также со становлением епархиальной структуры Русской Церкви. История Церкви — область не только Ваших научных интересов, но и организационных забот и трудов в качестве руководителя Центра истории религии и Церкви в Институте российской истории РАН.

Ваша деятельность продолжает высокие традиции русской науки, органично сочетающие патриотизм, православность и строгость научного метода. Ваши труды, находки и открытия, по достоинству оце-

ненные современниками, навсегда войдут в сокровищницу российской исторической науки.

Искренне желаем Вам и впредь новых творческих замыслов и их воплощения, неисчерпаемого вдохновения и простого человеческого счастья, а для исполнения всего этого — долголетия и крепкого здоровья.

Ждем от Вас, дорогой Александр Васильевич, новых трудов и свершений — и обобщения накопленного богатого опыта, так нам всем необходимого!

VIVAT, CRESCAT, FLOREAT
ALEXANDER NOSTER!

М.В. Биби́ков*

Акт лавры св. Афанасия 1016 г.: первая подпись игумена обители рос(а) на Афоне

Аннотация: В статье рассматривается круг документов и свидетельств, связанных с началом истории Русского монастыря св. Пантелеимона на Афоне. Публикуется новый перевод древнейшего акта с подписью игумена монастыря Рос(а).

Ключевые слова: Русский монастырь, Афон, акты, датировка, игумен, свидетельства.

M. V. Bibikov

Act of the St. Athanasius Laura of 1016: The first signature of the hegoumenos of Ros Monastery on Athos

Abstract: The article deals with the series of documents and evidences about the initial period of the history of Russian St. Panteleemon monastery on Athos. The publication of the new translation of the first act with the signature of the hegoumenos of Ros monastery is attached.

Keywords: Russian monastery, Athos, acts, dating, hegoumenos, evidences.

В истории монашества Святой Горы Афон и прежде всего ее Русского Свято-Пантелеимонова монастыря есть важная, точная и непреложная дата — «февраль 14-го индикта», то есть, скорее всего, 1016 г., как хронологически первое документально верифицированное упоминание «обители Рос(а)», игумен которой Герасим собственноручно подписал документ с указанием своего возвращенного титула. Грамота из архива святогорской Лавры св. Афанасия [Lemerle, Guillou, Svoronos, Papachryssanthou. I. P. 155.37—38] сохранилась в подлиннике и издана в 1970 г. П. Лемерлем с коллегами в парижской серии «Архивы Афона» по этому оригиналу с приложением альбома фотографий [Lemerle etc., II. Tabl. XIV]. Первое издание актов Лавры 1937 г. было основано на копии документа [Rouillard, Collomp. I. P. 51—52].

* Биби́ков Михаил Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Bibikov Michael Vadimovich, Dr. habil. (History), Professor, Chief research fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Подлинный документ представляет собой гарантийное подтверждение («Ἀσφάλεια») игумена обители св. Илии Николая, который, судя по тексту, намерен обосноваться в монастыре Предтечи «Атциоанна» (τοῦ Ἀτζιωάννη), где игуменом являлся Симеон, для того чтобы исполнять свои обязанности (игумена) по управлению (обителью) — временно, на один год. Акт подписан свидетелями — игуменами афонских монастырей, среди которых — «пресвитер и игумен обители Рос(а)» Герасим.

По наблюдению специалистов-кодикологов, уверенная и четкая подпись Герасима свидетельствует о том, что это грамотный человек, возможно, неплохо, по византийским критериям, образованный [Каждан, Фонкич. С. 49]. Акт датируется издателями 1016 г. исходя из наличия в нем подписей прота Афона Никифора, Феодорита из Лавры, Евфимия из Иверского монастыря, Кос(ь)мы из Торнариса, Михаила из обители Равды и Никифора из Ставроникиты. Появление этих лиц одновременно в какой-либо другой год 14-го индикта невозможно.

Таким образом, февраль 1016 г. является неоспоримой, документально засвидетельствованной аутентичным актом важнейшего афонского архива датой первого упоминания русского монастыря на Афоне.

Сам этноним «Рос», обозначавший в греческой терминологии византийских источников середины IX — середины X в. (Житие Георгия Амастридского, Житие патриарха Игнатия, сочинения Константина Багрянородного и др.) дружинников (как правило, скандинавского происхождения: «из Франков», как говорится в текстах хроник Георгия по Ватиканскому списку, Псевдо-Симеона, Продолжателя Феофана) киевских князей Ольги, Святослава, Владимира и др., с середины / последней трети X века (Константин, Лев Диакон, многочисленные печати духовных и светских владык) применялся по отношению ко всем выходцам из Руси — «Росии», как впервые назвал эту страну Константин Багрянородный [Бибииков, 2004. I. С. 636—652].

Что касается «обители Роса», то точно так же афонский Русский монастырь именуется и в развернутой собственноручной подписи «монаха (обители) Роса» Ки(риака) — писца акта святогорского прота Павла в апреле 1081 г. [Vompaire. P. 63.68], не говоря о других прямых свидетельствах второй половины XI — XII вв.

В отличие от этих, документально засвидетельствованных дат, другие вехи хронологии начала русского присутствия на Афоне зиждутся или на местных легендах (часто позднего происхождения), или на поздних свидетельствах, ретроспективно обращенных в прошлое, или на очевидных спекуляциях нового и новейшего времени.

К такого рода случаям относятся и нередко вновь выдвигаемые сейчас старые, казалось бы, уже дезавуированные, данные и особенно датировки пребывания на Афоне основоположника русского монашества

Антония Печерского. Сведения о нем в основном черпаются из Повести о Печерской обители в ПВЛ, имеющей существенные хронологические и содержательные различия в разных редакциях памятника [Артамонов, 2001. Вып. 3; Назаренко, Турилов, 2001. Т. 2. С. 602—603], а также из Киево-Печерского патерика (30-е годы XII в.).

С другой стороны, мирское имя подвижника — Антипа засвидетельствовано лишь одним списком ПВЛ в составе «Летописца Переяславля Суздальского» в редакции середины/второй половины XV в. [ПСРЛ. Т. 41. С. 56] и оценивается сейчас нередко как поздний домысел [Артамонов, 2003. С. 379—395; Артамонов, 2014. С. 31—32]. Ни даты, ни места пострига Антония на Афоне ни один из аутентичных старших источников не сообщает.

Сведение о втором путешествии Антония появляется только во Второй Кассиановской редакции Патерика в 1462 г. и является откровенным следом работы редактора, стремившегося преодолеть хронологические несовпадения своих источников. В настоящее время как датировка, так и сам факт двукратного пребывания Антония на Афоне вызывает небезосновательный скепсис исследователей [Thomson. Т. 56. Р. 662—663].

Указание в литературе на Лавру св. Афанасия, Эсфигмен или Иверскую обитель как на место пострига Антония являются лишь недоказуемыми источниковедческими предположениями [Артамонов, 2014. С. 32]. Неверифицированной признается и догадка, известная по некоторым местным афонским преданиям, возникшим только в XVIII—XIX вв., о Русском монастыре Ксилурга («Древодела») в том же качестве [Назаренко, Турилов. Т. 2. С. 602; Турилов, 2001. С. 255—258, 273—274].

Как уже давно установлено [Розанов. Т. 61. С. 101—118], Лаврская версия возникла в дневнике иеромонаха Ипполита Вишенского из Борисоглебского Черниговского монастыря, посетившего Афон с 23 мая по 16 июня 1709 г. и 5—6 июня записавшего рассказ об Антонии, переданный иеромонахом Лазарем Прокудой (бывшим Киево-Печерский иноком), жившим около Великой Лавры [Thomson. Т. 56. Р. 664]. Еще менее достоверна Иверская гипотеза начала XX в. [Кирион. С. 89—90]. Эсфигменская же легенда восходит к 1840 г., когда иеромонах Иаков Ватопедский, или Иаков Неаскитиот, в составленное им греческое Житие Антония в составе «Афониады» включил легенду о благословении Антония на монашеский подвиг эсфигменским игуменом Феоктистом. Это Житие в рукописях анонимно [Lampros. Vol. 2. Р. 518, 575], но атрибутировано А.Н. Муравьевым во время его пребывания в Эсфигменской обители 21 августа 1849 г. [Муравьев. Т. 1. С. 205—206].

Утверждается же эсфигменская «атрибуция» Антония, в составленном и опубликованном лишь в 1893 г. Константином Дукакисом «Великом Синаксаристе» «Житии блаженной памяти отца нашего Антония Русского Эсфигменита» [Doukakes. Р. 145—172]. Многочисленные

хронологические несоответствия и несуразности этого текста очевидны [Thomson. Т. 56. Р. 666], поэтому в новом издании памятника последовало немало произвольных изменений в хронологии, что, однако, еще больше запутало дело [Stamatoules. Р. 204—207]. В любом случае «Эсфигменская легенда» вряд ли восходит ко времени ранее 1840 г., поскольку об этом нет ни слова в «Истории Афона» главы Эсфигмена Феодорита (ум. после 1824 г.), сохранившейся лишь в нескольких фрагментах, но известной еп. Порфирию Успенскому, который свидетельствует об отсутствии там каких бы то ни было спекуляций об Антонии Печерском [Порфирий. Т. II/I. С. 243]. Еп. Порфирий прослеживает путь искусственно созданной легенды в канун визита на Афон в 1846 г. великого князя Константина Николаевича, которому предъявили «Антониеву пещеру», отстроенную затем в 1848—1850-х гг. Но легенда была подхвачена В. Григоровичем, посетившим Эсфигмен в декабре 1844 г. [Григорович. С. 50], и не раз некритически повторялась в XX веке (М. Геден, К. Вламос, Г. Ильинский, Р. Докинс, Н. Милонакос, И. Мамалакис, Э. Аманд де Мендиета, А. Жуковский, Р. Билетта и др.), хотя первый переводчик на русский язык греческих актов Свято-Пантелеимонова афонского монастыря и историк Русского Афона схимонах Азария (Попцов) дезавуировал рассматриваемую уже в 1865 г. легенду, составив совместно с иеромонахом Иаковом «Афониаду», включающую в себя «Житие преподобного Антония Русского» и не содержащую в основном тексте памятника никаких следов эсфигменских атрибуций (Cod. Athos. Panteleemon. gr. 281. С. 37—55 в 1-ой части; ср. версию «Афониады» 1855 г. по Cod. Athos. Panteleemon gr. 282. С. 117—120; об «Афониаде» Иакова Неаскитиота см. [Бибииков. 2017. № 3; № 4].

Таким образом, единственно достоверным фактом датированного русского присутствия на Афоне остается февраль 1016 г., когда в семье святогорских обителей занимал свое место уже существовавший тогда монастырь Роса.

В связи с вышесказанным приводим целиком текст акта Лавры св. Афанасия в новом переводе, где содержится первая аутентичная подпись игумена монастыря Рос(а) на Афоне — Герасима.

Акт Лавры св. Афанасия № 19.

Февраль 14-го индикта (1016 г.)

Знак | Николая

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. (Я), Николай, монах и игумен обители святого Ильи, даю и совершаю настоящий согласительный акт и обязательную гарантию, в сознании, по моему побуждению и собственной воле и выбору, а не по принуждению кого-либо или насилью или коварству или по тщетному любопытству или от незнания дела, но, напротив, скорее со всяческим рвением и со всей душой к тебе, монах Симеон, игумен обители Предтечи, называемой Атциоана, по следующему делу.

Поскольку снискали мы духовную любовь друг к другу, то решили я и ты объединиться друг с другом во имя Божие, чтобы исполнилась в нас Господня весть, говоря «где двое или трое согласятся во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:19—20). Сего ради счел я справедливым скрепить это наше устремление настоящей памяткой. Итак, я хочу и желаю прийти к тебе в обитель, соединиться с тобой и быть твоим духовным сыном от святой Церкви, и управлять всеми делами твоего монастыря беспрепятственно и распоряжаться всеми соответствующими работами и совершать необходимые расходы. Ты же до конца года будешь в ранге духовного отца, не препятствуя мне во всех, что захочу, работах и делах обители, но приняв на себя ранг предстоятеля в области духовной. По истечении года ты передашь мне все дела, как духовные, так и телесные (бытовые), и вселишься в свою келлию, чтобы управляться мною с Божией помощью, будучи (мне) помощником в делах непрестанно. И с той поры я получу власть в твоей обители, братстве и над всеми относящимися к обители средствами и при жизни моей и после смерти. Я же обязуюсь во все дни жизни твоей работать на тебя и опекать. А также, если случится мне умереть раньше тебя, то (я) имею право оставить преемника, кого захочу; мой же преемник и сам, как и я, должен опекать тебя как духовного отца. Если же кто-нибудь, чего да не случится, я или мой преемник не сможем о тебе печься, как ты того желаешь, то тогда по согласию и к удовольствию постановляю выдавать тебе ежегодно тридцать модиев хлеба, пятьдесят мер вина, шесть модиев бобов и сверх того на одежду и пропитание для тебя и твоего прислужника — шесть номисм. И согласовав это таким образом, ни я, ни ты не будем в праве отступить от настоящего гарантийного акта. Если же кто-то из нас двоих дерзнет отступить от этого или порушить (соглашение), да навлечет проклятие святых отцов и да подвергнется осуждению любого суда, а останется непреложно действительной настоящая наша гарантия, написанная по нашему решению во взаимное угождение рукой монаха Антония, ученика кир Евфимия в месяце феврале, индикта 14, в присутствии свидетелей. Посему ради особой непреложности поставил собственной рукой честной крест и свое имя

+

Никифор (прот)

Феодорит монах и предстоятель Лавры настоящий документ собственноручно подписал

Смиренный Феофилакт собственноручно подписал

Евфимий, последний из монахов и пресвитер собственноручно подписал

Георгий монах Ивер собственноручно подписал
(по-латыни) Иоанн монах и аббат
Григорий монах и игумен (монастыря) Добрых Старцев, свидетелствуя, под-
писал
Аристовул монах и игумен обители св.Андрея, прочтя и согласившись, сви-
детельствуя, собственноручно подписал
Евстратий монах
Косьма монах и проигумен обители св.Николая, Торнарис
Михаил монах и игумен (монастыря) Равды
Агафангел монах и игумен
Павел монах и игумен обители мучеников Глосийских собственноручно
подписал
Герасим монах Божией милостью пресвитер и игумен обители Рос(а), сви-
детельствуя, подписал
Никита монах, пресвитер и игумен
Петр монах, пресвитер и игумен обители пресвятой Богородицы
Иоанн монах и игумен
Никифор монах (монастыря) Ставроникита, свидетелствуя, собственно-
ручно подписал
Иоанн монах из Дохиара, свидетелствуя, собственноручно подписал
Георгий монах, свидетелствуя, подписал
Фантин монах (из) Хилиады, свидетелствуя, собственноручно подписал
Я, монах Симеон, со всем (моим) удовольствием передал тебе грамоту.....
(неясно) и монастыря собственноручно подписал.

Литература

- Артамонов Ю.А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3.
- Артамонов Ю.А. Жизнь и подвиги преп. Антония Печерского: факты и вымыслы // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003.
- Артамонов Ю.А. Антоний Печерский // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014.
- Бибиков М.В. Byzantinoglossica. I. Москва, 2004
- Бибиков М.В. Житие Антония Печерского в греческой традиции // Древняя Русь. 2017. № 3.
- Бибиков М.В. Новый памятник афонской историографии: «Афониада» (1848—1865) Иакова Неаскитиота // Новая и новейшая история. 2017. № 4.
- Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. Ученые записки, изданные Императорским Казанским университетом, 3. 1848; М., 1877.
- Каждан А.П., Фонкич Б.Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // Византийский временник. 1973. Т. 34.
- Кирион, еп. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
- Муравьев А.Н. Письма с Востока в 1849—1850 гг. Т. 1. СПб., 1851.
- Назаренко А.В., Турилов А.А. Антоний // Православная энциклопедия. Т. 2 М., 2001. .
- Порфирий (Успенский), еп. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Т. II/1. Киев, 1877.

- Розанов С. Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709 гг.) // Православный Палестинский сборник. Вып. 61. СПб., 1914.
- Турилов А.А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — перв. пол. XVI вв. // Славянский альманах 2000. М., 2001.
- Bompaire J. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964.
- Doukakes C. Μέγας Συναξαριστής... Ἀθήναι, 1893.
- Lampros S. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1900. Vol. 2
- Lemerle P, Gouillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D. Actes de Laura. Paris, 1970. Vol. I; II (Album).
- Rouillard G., Collomp P. Actes de Laura. Paris, 1937.
- Stamatoules B. Μέγας Συναξαριστής... Τ. Ζ'. Ἀθήναι, 1973.
- Thomson F. Saint Anthony of Kiev — the Facts and the Fiction // Byzantinoslavica ("Stephanos"). Т. 56. 1995.

Сокращения

- ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Е.М. Верещагин*

Догадка о генетической связи между правилом «Полутораста богородиц» и молитвословием Розария (в изложении историка церкви архим. Иоанна-Хризостома [Пляшкевича])

Аннотация: Знаменитый германский историк Церкви русского происхождения Иоанн-Хризостом (Пляшкевич) предложил своеобразную догадку о полном текстуальном параллелизме между Правилем полутораста богородиц, введенном весьма почитаемым русским православным святым Серафимом Саровским, и Правилем розария, бытующим в Римо-Католической Церкви. Типологические подобия между литургическими последованиями Православной и Католической Церквей встречаются, но текстологическое тождество бывает крайне редко, поскольку прямые текстологические заимствования не одобряются и практически никогда не наблюдаются в наследии русских православных святых. О. Хризостом исследовал возможные пути проникновения католической духовности в ментальность Серафима Саровского и его последователей. Правило Преподобного пережило эпоху воинствующего безбожия и употребляется также в наши дни.

Ключевые слова: православное Правило полутораста богородиц, католическое Правило Розария, проникновение текстов, духовные заимствования, генетическая связь.

Vereshchagin Evgeniy Mikhailovich

Genetic connection between the sc. Rule of 150 *theotokions* and the Devotion of the Rosary as observed by the Church historian Father John-Chrysostomus (Plashkevich).

Abstract: The well-known German Church historian of Russian origin John-Chrysostomus (Plashkevich) proposed an original hypothesis of full text parallelism between the Rule of 150 *theotokions* established by the very venerated Russian Orthodox Saint Seraphim of Sarov and the Rule of Rosary existing in the Roman-Catholic Church. The typological similarities between liturgical *akolouthias* of Orthodox and Catholic Churches are rather common but textological coincidence is extremely seldom because the direct textual borrowings are never approved and practically never observed in the legacy of Russian Orthodox Saints. Father Chrysostom investigated the possible penetration ways of Catholic spirituality into the mentality of Seraphim of Sarov and his followers. His Rule has survived the epoch of militant atheism and is in use till now.

Keywords: Orthodox Rule of 150 *theotokions*, Catholic Rule of Rosary, text penetration, spiritual borrowings, genetic connection.

* Верещагин Евгений Михайлович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Vereshchagin Evgeniy Mikhailovich, Grand PhD (Philology), Professor, Chief research fellow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

Русского происхождения германский историк Русской Православной Церкви Иоанн-Хризостом (Johannes-Chrysostomus [или -Chrysostom]; Пляшкевич)¹ в свое время пользовался у специалистов немалым авторитетом. Его высоко ценили и как ревностного иеромонаха, насельника монастыря в баварском городке Нидералтайх. На склоне лет о. Хризостом приобрел репутацию старца.

Нас же сейчас будет интересовать его отношение к другому старцу — св. Серафиму Саровскому и, в частности, одна мотивированная и интересная догадка, касающаяся духовности преподобного.

Соответственно ниже в трех разделах статьи: 1) кратко излагается трудный жизненный путь о. Хризостома, 2) приводится информация о замечательном монастыре в Нидералтайхе и, наконец, 3) подробно воспроизводится аргументация о. архимандрита, которая привела его к нетривиальному и важному для России заключению. Текстологическая аргументация ученого изложена нами безоценочно, хотя благочестивые устремления заслуженного историка, несомненно, подкупают.

При написании первых двух разделов мы в основном опирались на информативное интервью, в свое время данное автору этих строк учеником и последователем о. Хризостома архимандритом Иринеем (Тоцке) (см. [Иринея. С. 12—32]).

* * *

Архимандрит *Иоанн-Хризостом*² (в миру Василий Николаевич Пляшкевич, или Блашкевич; 1915—1981) происходил из священнического рода и вырос в благочестивой православной семье. Учился в Московском пединституте иностранных языков, овладел немецким языком.

Когда учился в Москве, входил в кружок почитателей находившегося в сибирской ссылке Серафима (Звездинского), еп. Дмитровского, викарія Московского³.

Однажды в жизни молодого студента случилось, по самосвидетельству, таинственное событие: в предрассветный час внятный голос сказал ему: «Будешь жить, где почитается Непорочное Зачатие». Поскольку в конце 1930-х годов Василий Пляшкевич не интересовался католичеством и ничего не знал о соответствующем догмате, он долго размышлял над услышанным и выспрашивал знакомых богословов. Кто-то сказал ему, что это одна из «папистских ересей», — на этом дело и кончилось.

Сразу же после начала войны В. Пляшкевич был призван в армию, и сразу же перешел к немцам. При всей парадоксальности этот поступок согласовался с горячим патриотизмом молодого человека. Его замысел

состоял в том, чтобы присоединиться к борьбе за освобождение России от большевистского ярма. Как убежденный монархист (монархия была для него «боговожделенным порядком»), он поверил обещанию Гитлера от 1934 г. восстановить монархию в Германии и в России. Но идеалиста быстро постигло разочарование, потому что Гитлер изменил своим прежним планам. Кроме того, В. Пляшкевич наблюдал режим террора, установленный гитлеровцами на захваченной территории. Будучи переводчиком в действующей армии, он помогал русским военнопленным своими «умелыми переводами» и выгораживал перед германской администрацией население, оказавшееся под оккупацией.

В годы войны дал обет (всегда особо почитавшемуся им) Серафиму Саровскому: если останется жив и здоров, станет монахом.

Придерживаясь идеи универсальной теократии, воспринятой от Владимира Соловьева, и страшась советского опыта, когда государству удалось обезглавить Церковь, он 28 августа 1944 г., по собственному выражению, «воссоединился» с католичеством, но остался в восточном обряде. Ему казалось, что он отыскивал православные параллели всем четырем пререкаемым католическим учениям (о Папском примате, *Filioque*, непорочном зачатии Девы Марии [сбылось пророчество!] и чистилище [*purgatorium*]). Так он стал «католико-православным», как Вяч. Ив. Иванов, Евреиновы, Кологривовы, Длусские, Волконские, Оболенские, Урусовы и другие русские дворяне, по аналогичным причинам перешедшие в католичество. О себе он говорил так: «православный, находящийся в общении с Папой»; «православный, но заодно с Папой».

После поражения Германии поступил в бенедиктинский монастырь в Нидералтайхе, небольшом городке в Баварии, где постригся (27 октября 1947 г.) с именем Иоанна-Хризостома (т.е. Златоуста). Присоединился к Ордену бенедиктинцев (OSB⁴). В Риме 1 июня 1952 г. был рукоположен во иерея. В Риме же 4 октября 1979 г. был возведен в сан архимандрита. Служил по восточному обряду, а латинский чин для России, в отличие от других русских католиков, отвергал как «не-дело» и даже как «бессмыслицу». В Нидералтайхе был заместителем приора (настоятеля), предстоятелем византийской декании.

Став монахом, о. Хризостом получил богословское образование в университете Пассау в Германии и в папском Восточном Институте в Риме, где подготовил диссертацию о написанных старообрядцами т.н. Поморских ответах. Он знал все староверческие согласия и толки⁵, любил и идеализировал их, так как противники Никоновых реформ при любом режиме не молились за власти. Имел ученую степень доктора богословия и как доцент преподавал в Зальцбургском университете историю Русской Церкви.

По поручению II Ватиканского собора участвовал в переводе Римского миссала на русский язык⁶.

Его главный научный труд — изданная на немецком языке трехтомная «История Русской Церкви новейшего времени»⁷. Другая его книга — «Религиозные силы в русской истории»; в ней изложена история России от великого князя Владимира до Николая II.

Две популярные брошюры (опубликованные о. Хризостомом под псевдонимом Андрей Беломорский на русском языке) «Правы ли отрицатели религии?» и «Правы ли отрицатели Церкви?» прославились в Советском Союзе, потому что атеистический журнал «Наука и религия» поместил на них подробную и крайне злобную рецензию.

Есть у о. архимандрита на русском языке брошюра «О первенстве св. славного и всехвального ап. Петра» (См. [Иоанн Хризостом]). О. Хризостом выступал с живыми проповедями по Ватиканскому радио для слушателей в Советском Союзе. Говорил проповеди и по-немецки. В различных городах Германии читал лекции о православии.

О. Хризостом длительное время занимал непримиримую позицию по отношению к Московскому Патриархату, но со временем, особенно после встреч с еп. Катанским Кассианом (Безобразовым), ректором Парижской Свято-Сергиевской Духовной Академии), и митр. Никодимом (Ротовым), перешел от богословия контрверзы к богословию примирения.

В нашем распоряжении имеются свидетельства очевидца — прелата Альберта (Рауха, Регенсбург), который присутствовал при первой встрече митр. Никодима с о. архимандритом в Мюнхене (и эта встреча решительно изменила умонастроение последнего). О. Хризостом стал принимать богословствование о. Сергия Булгакова, хотя раньше полемизировал с ним.

По представлению митр. Никодима в 1978 г. священноначалие РПЦ наградило о. Хризостома золотым наперсным крестом с украшениями.

Как вспоминал (ныне покойный) архим. Ириней (Тоцке), — о личности которого см. ниже, — о. Хризостом «с возрастом приобрел некоторые традиционные черты русского старца. Вокруг него, как и вокруг оптинских старцев, была определенная аура, некое излучение, и оно оказывало облегчающее и освобождающее действие. Он был немногословен с посетителями, но те уходили от него потрясенные».

Скончался скоропостижно, прямо за всенощной (3 октября 1981 г.)⁸.

Имя архим. Иоанна-Хризостома входит в перечень просвещенных людей одного с ним духа от Владимира Соловьева до митр. Никодима, свято веровавших во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

* * *

Познавателью сказать несколько слов о бенедиктинском⁹ аббатстве св. Маврикия (Нидералтайх), в котором водворился ученый монах.

21 марта 1924 г. Папа Пий XI (понтификат: 1922—1939 гг.) обратился к аббату-примасу Бенедиктинского ордена с посланием *Equidem Verba*,

в котором предлагалось, чтобы часть монахов-бенедиктинцев посвятила себя делу единства христиан и молитве за него, обратив при этом особое внимание на страждущую Россию. В послании речь шла о необычном эксперименте — основать в рамках ордена монастыри, в которых был бы введен славяно-византийский богослужебный чин.

Желая продемонстрировать католическому миру, что византийское богослужение равночестно латинскому, Папа предлагал не просто отстранено изучать его, а практиковать каждый день, то есть прямо жить по нему.

В ответ на это послание в двух европейских обителях бенедиктинцев — Св. Креста (Крестовоздвиженской) в Шевтони (начиная с 1925 г.) и св. Маврикия в Нидералтайхе (начиная с 1934 г.) — был введен славяно-византийский богослужебный чин. Примечательно, что на принятие положительного решения тогдашнего настоятеля монастыря св. Маврикия Эммануэля Хойфельдера, вероятно, повлияло высказываемое некоторыми историками предположение, что славянский первоучитель Мефодий, старший брат св. Кирилла, после суда над ним в Регенсбурге мог находиться в заточении именно в Нидералтайской обители.

В Шевтони с самого начала служили и продолжают служить на церковнославянском языке; в Нидералтайхе тоже сначала употреблялся славянский язык, и о. Хризостом служил по-славянски, но постепенно имел место, при сохранении славянских напевов, переход на немецкий язык. Такому переходу во многом содействовал ученик о. Хризостома и его духовный наследник церковный композитор о. Ириней Тоцке, который сумел согласовать со славянскими напевами все наиболее значительные тексты немецких переводов, в первую очередь Божественной Литургии (в нашем распоряжении имеется кассета с записью этой литургии).

* * *

Уже было сказано об особом почитании о. Хризостомом преп. Серафима Саровского. Соответственно о. Хризостом в своих многочисленных публикациях и устных лекциях-докладах усиленно знакомил своих читателей и слушателей с жизнью и духовностью великого русского святого.

Правда, свои исследования и суждения о. Хризостом не обобщил в отдельной книге, так что они остались разрозненными. В то же время ученый не раз выступал с одной излюбленной лекцией, целиком посвященной старцу; она так и озаглавлена: «Св. Серафим Саровский».

Далеко не все лекции о. Хризостома записывались на пленку, но, к счастью, однажды (21 сентября 1981 г.; за две недели до кончины о. Хризостома) интересующую нас лекцию записали на магнитофон. Копия записи, благодаря любезности о. архим. Иринея (Тоцке), оказалась в нашем распоряжении. В этой лекции о. Хризостом свел воедино свои разыскания о преп. Серафиме. Суть одного из них будет разобрана ниже.

Хорошего качества запись сделана в немецком городе Опладене¹⁰. Аудитория состояла из католиков, поэтому, чтобы быть доходчивей в рассказе о православной жизни, докладчик систематически ссылался на католических святых и приводил параллели из католического богослужения.

Обычно его православно-католические сопоставления не выходили за рамки *типологических* сближений (т.е. о. Хризостом там и тут отмечал спонтанные сходства, отнюдь не вызванные общностью происхождения). Типологические сближения о. Хризостома, безусловно, остроумны и интересны; они заслуживают внимания, но, откровенно говоря, ничего особенного в них нет.

Между тем примерно треть своего доклада о. архимандрит посвятил той малоизвестной жизненной линии св. Серафима, которая, по мнению лектора, свидетельствует о том, что набожность Саровского чудотворца, хотя в нем и было сфокусировано именно православно-русское благочестие, тем не менее испытала на себе прямое католическое влияние.

Речь сейчас идет, таким образом, о духовной близости не вследствие параллельного самостоятельного развития, а по причине прямого заимствования из католичества.

Далее мы начинаем цитирование из лекции. «Я сказал, что св. Серафим был совершенно особенным почитателем Матери Божией. И примечательно, что он оказал чрезвычайно мощное влияние на распространение почитания Матери Божией на Руси. Так, он ежедневно совершал своеобразную молитву к Матери Божией. Мы пришли в большое удивление, когда узнали, как была составлена эта молитва. Св. Серафим весьма советовал приходившим к нему за духовным советом совершать особую молитву, которая в обиходе называется *Полтора́ста богороди́ц*».

Далее в лекции указывается точный состав данного молитвословия (см. у нас ниже).

Возвращаемся к цитированию о. архимандрита: «Обнаруживается большое сходство (почти на сто процентов) с католическим Розарием (молитвой по четкам), с латинским Розарием».

И далее о. Хризостом обстоятельно излагает свои догадки, как могла возникнуть подобная практика. При этом он упоминает ряд многозначительных фактических подробностей, которые в обширной литературе о преп. Серафиме практически неизвестны.

* * *

Итак, в своей лекции 21 сентября 1981 г. о. Хризостом говорил о возможном католическом влиянии на благочестие св. Серафима Саровского. Ниже аргументы о. архимандрита рассматриваются по мере их выдвижения и снабжаются нашими комментариями. Доводы лектора печатаются курсивом, а наш комментарий — прямым текстом.

О. Хризостом: *Св. Серафим сам совершал и приходившим к нему за духовным наставлением советовал молитву Полутораста богородиц («Hundertfünzig»).* (Именование богородица в данном контексте значит то же самое, что богородичен [теотокион], т.е. имеется в виду краткая молитва Пресв. Богородице [а именно: Богородице Дево, радуйся и до конца].)

Комментарий: Св. Серафим Саровский, действительно, рекомендовал, как особо благодатное, это молитвенное последование при прохождении знаменитой «канавки» Дивеевского монастыря. Канавка, по его точным указаниям, была проложена по «тропинке» Пресв. Богородицы. Преподобный наставлял: «И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет, да Полтораста богородиц прочтет, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев». И далее: «Кто в Дивееве у меня живет, не для чего ему никуда ходить, ни в Иерусалим, ни в Киев, пройди по канавке-то с четочками, прочти Полтораста богородиц, — тут у меня и Иерусалим, и Киев!» [Летопись. С. 258, 290].

«Канавка» воспета в умилительном акафисте, написанном в рифмованных стихах митрополитом (впоследствии патриархом) Сергием (Страгородским, 1867—1944) [У2. С. 303—304]: «Странных видений причастник блаженный, / благостный старец отец Серафим / к сердцу приемлет завет незабвенный / Девы Марии и, Ею водим, / девам обитель особую строит; / меру соборному храму дает, / место святое канавкой обводит, / паству Пречистыя верно пасет, / правило жизни и чин полагает, / Богу неленостно пети внушает: / Аллилуиа.

О. Хризостом: *Молитвословие Полутораста богородиц было таково: «10 раз ‘Богородице Дево’; затем 1 раз ‘Отче наш’; затем ‘Слава Отцу и Сыну и Св. Духу’; наконец, особая молитва к Матери Божией (которая не известна на Западе): «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющихся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобю от бед: Ты бо еси Спасение рода христианского». Затем снова ‘Отче наш’; снова 10 раз ‘Богородице Дево’; ‘Слава’, и так всего 150 раз ‘Богородице Дево’.*

Комментарий: Под «Богородице Дево» имеется в виду Архангельское приветствие Деве Марии [Лк 1, 28]. Молитва «Милосердия двери» действительно включена преп. Серафимом в келейное правило [У1. С. 83]. В «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» описано несколько молитвенных правил, рекомендованных преп. Серафимом [Летопись. С. 46, 48, 63, 152, 170, 181, 208—209, 283, 327, 340, 363, 409, 462—463]. Среди них нет ни одного, которое напоминало бы описываемое о. Хризостомом.

О. Хризостом далее производит важное отождествление: «И это очень схоже, почти на сто процентов совпадает, с католическим Розарием (молитвой по четкам), с латинским Розарием.

Комментарий: Речь идет о молитвословии, которое у католиков называется Розарием¹¹, букв. «венцом из роз». Считается, что Розарий в молит-

венную практику ввел св. Доминик (1170—1221), которого наставила Сама Богоматерь. Папа Григорий XIII (1502—1585) признал небесное происхождение этой молитвы, а Папа Климент XI (1649—1721) (по другим данным, Папа Пий V, 1504—1572) ввел праздник Пресв. Девы Марии — Царицы Розария (Sacratissimi Rosarii V. Mariae Virginis; приходится на 7 октября; на протяжении всего октября Розарий читается особенно интенсивно), причем сама Пресв. Дева, явившись в 1917 г. в Фатиме, подтвердила это именование. Папа Пий IX (1792—1878) назвал Розарий «малым Евангелием».

Розарий охватывает 15 событий, или *тайн (mysteria)*, причем они распределены по трем частям (отсюда Розарий понимается как тройной венок Богородице): «радостные тайны» (благовещение, посещение Девой Марией Елисаветы, рождество Иисуса Христа и т.д.), «скорбные тайны» (Гефсиманское борение, бичевание Христа и т.д.) и «славные тайны» (Христово воскресение, вознесение и т.д.). Ежедневно прочитывается обычно одна часть Розария.

Розарий читается по (католическим) четкам (почему имеет другое название — «молитва на четках»). Его порядок такой: сначала берется пальцами крест и читается «Верую» (т.н. Апостольский символ веры), затем по пяти бусинкам читается вступление (Paternoster, или «Отче наш»; «Богородице Дево» трижды [«Ave Maria, gratia plena» в католич. версии на русском языке: *Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Амен*]; Gloria Patri, или «Слава»), затем объявляется название части и из нее также первой тайны (на большой бусинке читается «Отче наш», на маленьких — 10 раз «Богородице Дево», причем после слова «Иисус» может упоминаться тайна, о которой размышляют, например: *...Иисус, Которого Ты зачала от Духа Святого*), после чего (в конце каждой тайны) — «Слава». Размышляют и о плоде каждой тайны.

Католические четки (capellina) служат для счета молитв «Отче наш» (почему они имеют также название Paternoster) и «Богородице Дево»: они имеют или 33, или 50 бусин (учреждены, как считается, в XI в. св. Петром Пустынником). Св. Доминик ввел и четки из 150 зерен (специально для чтения Розария). Сейчас практически встречаются лишь четки в 50 бусин.

Православные четки (или *вервица*, у староверов: *лѣстовка*), как их описывает прот. Г. Дьяченко [Дьяченко. С. 821], это «нанизанные на нить шаррики или бусы, концы которых связывались; принадлежность монашествующих». Впрочем, четки могут представлять собой шнурок (в том числе из кожи) с узелками или нить с зернами из дерева. Поскольку они обычно употребляются, чтобы следить за большим количеством молитвенных возгласов «Господи помилуй», — а их бывает за один раз или 40 (например, по прочтении кафизмы), или (на Крестовоздвиженье) 100 (*сотница*), — соответственно четки бывают в 40 или 100 бусин (плюс три зерна вне счета). Последние даются монаху при пострижении и епископу при рукоположении.

На фотографии вещей преп. Серафима, хранившихся в Дивееве, хорошо видны его четки [см., например: У2. С. 185]: они состоят из 40 бусин.

О. Хризостом: «Конечно, нельзя представить себе, чтобы здесь было какое-то непосредственное влияние. Но я могу представить себе следу-

ющее. К св. Серафиму, как известно, в последние десятилетия его жизни, приходили очень многие посетители, многие люди, желавшие с ним поговорить. И известно совершенно определенно, что к нему приходили и неправославные. Так вот, я могу представить себе, что к нему однажды пришла какая-нибудь благочестивая польская женщина со своими четками, а св. Серафим спросил ее: «Что это у тебя в руках? Как ты молишься?» — «Так-то и так-то».

Комментарий: Действительно, к преп. Серафиму приходили инославные, и он принимал их: приходили староверы [Летопись. С. 346], приходил «пастырь западной церкви» [Летопись. С. 351]. Преп. Серафим принимал Анну Михайловну, в девичестве Эрн, жену любимого «Мишеньки» (Михаила Васильевича Мантурова), которая была уроженкой Лифляндии и лютеранкой [Летопись. С. 156, 159].

О посещении Преподобного богобоязненной польской женщиной с четками в руках известий не имеется.

О. Хризостом: Это молитвословие приобретает еще большую похожесть на Розарий, если вспомнить, что давался совет на каждой десятке «Богородице Дево» поразмышлять о каких-либо событиях из жизни Матери Божией или Иисуса Христа, то есть рекомендовалась медитация! Правило св. Серафима не совпадает полностью с тем, что мы видим в последовании католического Розария. Но на две трети они совпадают! Да, вы находите в правиле такие темы, темы для медитации, которые в католическом Розарии не встречаются. Например, бегство святого семейства в Египет, или чудо в Кане Галилейской, или введение Богородицы во Храм (празднуемое 21 ноября). Но целый ряд тем, напротив, совпадает!

Комментарий: «Тайны», или темы для размышления (медитации), Розария таковы: 1) Благовещение, Мария посещает Елисавету, Рождество Иисуса Христа, Сретение, Отрока Иисуса находят в храме; 2) Гефсиманское борение, бичевание, венчание тернием, крестный путь, распятие; 3) воскресение Иисуса Христа, вознесение, сошествие Св. Духа, успение (взятие на небо) Богородицы, венчание Девы Марии небесной славой.

О. Хризостом: Православные объясняют это следующим образом. Молитва Полтораства богородиц была введена через явление Божией Матери уже в VIII в. на Востоке, и Она посоветовала молиться именно так. (Это на Западе данное молитвословие было введено лишь во времена св. Доминика). Но затем эта молитва была позабыта. И один только св. Серафим снова обратил на нее внимание и стал ее советовать.

Комментарий: Св. Доминик (1170—1221) — основатель ордена монахов-доминиканцев (Ordo Praedicatorum, OP), монахов—проповедников,

преимущественно посвящающих себя науке и образованию, следящих за чистотой веры (отсюда *Domini canes*, букв.: «псы Господни»). Относительно роли св. Доминика в возникновении Розария в авторитетном Словаре под ред. Кросса сказано: «He is traditionally, but wrongly, held to have instituted the devotion of the Rosary» [Oxford Dictionary. P. 417].

О. Хризостом: *Но многое остаётся неясным. Если эта молитва действительно была широко распространена, как она могла тем не менее настолько отойти на задний план, чтобы ее полностью забыли? Почему эта молитва, невзирая на рекомендации св. Серафима, — предположим, что она когда-то употреблялась шире, — сейчас распространена лишь в узких кругах, исключительно среди почитателей св. Серафима (а они ее практикуют)? Я предполагаю, — и таково мое предварительное предположение, — что молитва эта там раньше известна не была и что она как-то была перенята с Запада, под влиянием наблюдений за опытом молитвы по Розарию. В этом надо усматривать большую терпимость св. Серафима! Ведь он был готов учиться даже у другой конфессии и перенял молитву! Иначе я не могу понять, почему это нигде не было отмечено и почему об этом не стало известно.*

Комментарий: Еп. Дмитровский Серафим (Звездинский) подтверждает бытование этой молитвы. Зимой 1926—27 гг. он говорил дивеевским сестрам: «Вы правильно понимаете слова преподобного. Преподобный Серафим учил читать полтора раза “Богородице Дево, радуйся” и говорил, кто исполняет это правило, того душу антихрист не одолеет» [Житие. С. 96.] Хождение вдоль канавки со чтением *полтора раза богородиц* неукоснительно соблюдалось в Серафимо-Дивеевском монастыре.

Монахиня Серафима (Булгакова) писала о времени начала века: «После утренних и вечерних молитв обязательно соблюдалось маленькое *правильце* Преподобного. По вечерам все ходили по Канавке и читали полтора раза “Богородице Дево, радуйся”. На каждый десяток читали “Отче наш” и поминали живых и умерших. 1 октября, на Покров, вечером после заутрени всем монастырем молились полтора раза в церкви. Так же молились постоянно и по корпусам за живых и за умерших и при всякой нужде. Это было самое обычное постоянное правило». Монахиня Серафима, впрочем, не упоминает о каких-либо медитациях.

В период советского богоборчества, традиция, конечно, прервалась, но есть свидетельство о ее возрождении, начиная с конца 1980-х гг., т.е. после празднования 1000-летия крещения Руси и непосредственно перед возобновлением монастыря [Рошко. С. 189—190].

С другой стороны, однако, ближайший сподвижник св. Серафима, Н.А. Мотовилов, который по заповеди преподобного ходил вдоль канавки, при этом, по словам его жены Е.И. Мотовиловой, распевал другую молитву — «О всепетая Мати» [Фомин. С. 332].

О. Хризостом: Я задавал вопросы православным епископам, я спрашивал также православных богословов, и большинство отвечало мне, что они никогда о чем-то подобном не слыхивали. И лишь в прошлом году, удивительным образом, в материалах, которые поступают из России и печатаются на Западе, появились две публикации, в которых об этом сообщается довольно подробно.

Комментарий: О. Хризостом, к сожалению, не называет эти публикации. Речь идет, скорее всего, о каких-либо эмигрантских изданиях 1980-х гг.

О. Хризостом: Будучи еще мирянином и живя в Москве, я прочитал обстоятельную толстую книгу «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (это женский монастырь, который руководствовался св. Серафимом). Я специально искал, нет ли там хоть какого-либо упоминания об этой молитве — полтораста богородиц. Книга насчитывает больше тысячи страниц, и в ней нашлось всего лишь одно указание, но такое, которое, полагаю, все же достаточно однозначно говорит в пользу того, что эта молитва действительно совершалась св. Серафимом. В одном месте там говорилось, что имелась земляная лестница (Erdtreppe), из 15 ступеней, которую св. Серафим построил сам и по которой он обычно восходил, когда молился Матери Божией. Стало быть, 15 ступеней — это определенно 15 “правильцев”, как тогда говорили, и когда он молился Матери Божией, то он, вероятно, как раз исполнял эти полтораста “богородиц”, с соответствующими медитациями. Трудно представить себе, чтобы дело обстояло иначе.

Комментарий: Просмотрев в указанной книге буквально каждую строчку, подобного сообщения мы в ней не обнаружили. Остаётся только гадать, откуда докладчик почерпнул эти интереснейшие сведения.

О. Хризостом: Но, конечно, цензура, — а в старое время еще имелась духовная цензура, которая действовала параллельно со светской, — тогда цензор, вероятно, сказал себе: «Бог мой, если мы всё это опубликуем, тогда великий святой станет другом католиков! Давайте-ка мы всё это вычеркнем». Вот и вычеркнули всё — вплоть до этой земляной лестницы из 15 ступеней. Иначе просто непонятно, почему эта огромная книга в 1000 страниц хотя бы немного не разъясняет, как всё это было, что это было. Сказано же лишь мимоходом, я дал более пространное освещение.

Комментарий: О. архимандрит прав, предположив, что [Летопись] подверглась духовной цензуре. Когда в июле 1896 г. сверстанные листы первого издания [Летописи] поступили к духовному цензору (им был хорошо из-

вестный прот. Григорий Дьяченко), он пометил много фрагментов текста, которые предназначались к исключению. «Изъятые цензором фрагменты в целом затрагивали следующие вопросы: что святые мощи Серафима Саровского будут покоиться в Дивеево, что Дивеево станет досель небывалой женской Лаврой, что московский Царь-колокол (олицетворяет государственность) переместится в Дивеево. Общий объем изъятий из книги, включая повторы, оказался значительным. Ни в первом (1896), ни во втором (1903) издании этих фрагментов, написанных на основе свидетельств самовидцев Преподобного, нет. Они вычеркнуты красным карандашом цензора» [У1. С. 342]. В цит. книге [Летопись. С. 343—348] воспроизведены фрагменты, исключенные по решению духовного цензора; среди них материалов, на основании которых можно было бы заключить, что преп. Серафим явно был «другом католиков», — нет.

О. Хризостом: Я упомянул о двух публикациях как раз этого года в западных журналах, которые поместили материалы, кружным путем поступившие из Советского Союза. Они дают довольно подробную информацию. Раньше я знал об этом только по рассказам, из круга людей, которые были большими почитателями св. Серафима. Но вплоть до нынешнего года я нигде не мог найти ничего письменного, печатного.

Комментарий: Остается еще раз пожалеть, что о. Хризостом не назвал точно источник своей информации.

* * *

Таковы аргументы, призванные подтвердить догадку о *генетической связи* между правилом *полтораства богородиц* св. Серафима Саровского и молитвословием Розария с точки зрения историка церкви архим. Иоанна-Хризостома. Как их оценивать? Правильно ли держать их под спудом?

В заключение, вероятно, следует остановиться на указывающих на Запад чертах иконы «Радость всех радостей» (именуется также *Умиление Серафимо-Дивеевская*) — той самой, которая находилась в пустыньке преп. Серафима и перед которой он скончался. Она была писана не прямо на доске, а на полотне, наклеенном на кипарисовую доску [Летопись. С. 500]. Дева Мария представлена с опущенным долу взором, со сложенными на груди руками, со свечением вокруг главы, но без контурного нимба, который замещен хайретизмом Богородичного Акафиста: «*Радуйся, Невесто невестная*». Образ явно «фряжского» пошиба написан, скорее всего, во второй половине XVIII в. (репродукции см.: [Летопись, на вклейке после с. 148; У2. С. 303].

Богородица на иконе, как отмечает о. Павел Флоренский [Флоренский. С. 763], «замечательна тем, что на ней Б. М. изображена без Младенца и даже до Его зачатия, — в момент “Архангельского обрадования”, т.е. как Пречистый Сосуд Св. Духа». Примечательно, — и это

о. Павел выделяет подчеркиванием [Флоренский. С. 355], — что преп. Серафим имел в своей келлии «только одну» эту икону.

Серафимо-Дивеевское «Умиление» типологически можно сблизить с католическими живописными и скульптурными изображениями Мадонны Розария (Rosenkranzmadonna; см.: [A. von Oertzen]). В частности, вместо контурного нимба Мадонна Розария может иметь венец из 15 стилизованных роз (звезд). Впрочем, иногда «Умиление» сближают с Виленской Остробрамской иконой [Козаржевский. С. 82].

Литература и источники

- Булгаков Н.* «Нет нам дороги унывать!..»: Второе обретение святых мощей преподобного Серафима Саровского, всея Росси чудотворца, 1991 г. / Преподобный Серафим Саровский и его советы. М.: Русский духовный центр, 1993.
- Вознесем сердца! Римско-католический молитвенник. Рим, 1990.
- Герф Е.* Архимандрит Иоанн Хризостом / «Истина и жизнь». 1993. № 11—12.
- Дьяченко П., прот.* Полный церковно-славянский словарь [со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений]. СПб., 1900.
- Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1991.
- Иоанн (Хризостом), архим.* О первенстве святого славного и всехвального апостола Петра. Как понимал его Святыи Отец и Учитель Церкви Иоанн Златоуст? Брюссель: «Жизнь с Богом», 1962.
- Ириней (Тоцке), архим.* Сообща править корабль Христов. Беседа [с проф. Е.М. Верещагиным] в библиотеке Экуменического Института в Нидералтайхе в неделю перед Рождеством Христовым (22.XII.91) // Новая Европа, 1993. № 3. С. 12—32. См. также сайт: www.krotov.info.
- Козаржевский А.Ч.* Московские святцы. (Православный месяцеслов). М.: Храм св. мц. Тагианы, 2005.
- Кологривов Иоанн, иером.* Очерки по истории русской святости / Брюссель: «Жизнь с Богом», 1961.
- К Тебе взываю. Молитвенник для католиков латинского обряда. М.: «Истина и жизнь», 1994.
- Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда, с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А.С. Мельгуновой. Составил архимандрит Серафим (Чичагов). СПб.: 1903. [Фотомеханическое переиздание Московского Богородице-Рождественского женского монастыря, 1996.]
- Молитвенник. Для католиков латинского обряда // Брюссель: «Жизнь с Богом». 1979.
- Рошко В.Л.* Преподобный Серафим, Саров и Дивеево: Исследования и материалы. Пер. с фр. М.: Sam and Sam, 1994.
- Струве Н.* Православие и культура. М.: Христианское издательство, 1992.
- У1 — Угодник Божий Серафим. Т. 1 / Сост. игум. А. Трубочёв, А.Н. Стрижев. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
- Угодник Божий Серафим. Т. 2. / Сост. игум. А. Трубочёв, А.Н. Стрижев. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
- Флоренский П.* Столп и утверждение Истины. М., 1914.
- Россия перед Вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С. Фомин. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993.

In memoriam Archimandrit Chrysostomus. / UNA SANCTA. Zeitschrift für ökumenische Begegnung, 1981, No 4.

P. Johannes Chrysostomus. Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit. I. Band: Patriarch Tichon. 1917—1925. München/Salzburg, 1965; II. Band: Das Moskauer Patriarchat ohne Patriarchen. 1925—1943. München/Salzburg, 1966; III. Band: Die russische Kirche in und nach dem Zweiten Weltkrieg. München/Salzburg, 1968.

Johannes Chrysostomus, P. Kirchengeschichte Russlands nach 1917. Freiburg im Breisgau, Basel, Wien, 1968.

Johannes Chrysostomus, P. OSB. Die Errichtung der Hierarchie der Altgläubigen im Jahre 1846 / Osrkirchliche Studien, 1969, 18, 4.

Chrysostomus (библиография) — Zum Gedenken an Archimandrit Johannes Chrysostomus (Basilius Blaschkewitz). Abtei Niederaltaich, 1981, S. 8.

Oertzen A., von. Maria, die Königin des Rosenkranzes. Augsburg, 1925.

Ordo Missae cum nonnullis partibus e proprio Missalis Romani Papae Pauli Sexti sumptis. Editio Oecumenica. Romae, 1979. — Чин мессы, или Божественной Литургии римского обряда, по Римскому миссалу Папы Павла Шестого. Рим, Editio Oecumenica, 1979.

The Oxford Dictionary of the Christian Church. Ed. by F. L. Cross and E. A. Livingstone. Oxford, 1974.

- ¹ Так его фамилия показана в кн.: [Струве. С. 151]. Её автор был знаком с о. архимандритом на протяжении многих лет, публиковал его материалы в «Вестнике Русского Христианского Движения». Фамилия в этой же форме дана в публикации ж-ла «Истина и жизнь».
- ² Источниками для краткой биографии о. архимандрита послужили, наряду с интервью архим. Ириней (Тоцке; см. [Иринея]), следующие издания: [In memoriam; Zum Gedenken].
- ³ Еп. Серафим прославлен в сонме священномучеников (память 13/26 августа).
- ⁴ Это сокращение (Ordinis Sancti Benedicti), по общему обычаю, регулярно помещалось после его имени.
- ⁵ В частности, он изучал историю Белокриницкой, или Австрийской, иерархии (см. [Chrysostomus]).
- ⁶ См.: [Ordo Missae] — «Чин мессы, или Божественной Литургии римского обряда, по Римскому миссалу Папы Павла Шестого». Откровенно говоря, перевод не представляется безупречным. Возможно, переводчики сознательно шли на языковые потери ради наибольшей близости к оригиналу. Во всяком случае, в предисловии сказано: «Этот перевод старается быть как можно ближе к латинскому подлиннику, и поэтому синтаксис перевода нередко несет на себе этот отпечаток». Ныне принятый перевод «Святой мессы», 23 сентября 1992 г. утвержденный Конгрегацией богослужения и дисциплины таинств, по языку намного лучше.
- ⁷ (См. [Chrysostomus]).
- ⁸ О. Хризостом писал стихи по-русски в манере Фета, но не считал возможным их публиковать. Незадолго до смерти он написал четверостишие по-немецки, озаглавив его Sonnenuntergang («На заходе солнца»): Mein Leben ist verfllossen. / Wer weiß, wann es erlischt? / Im Kleinen wie im Grossen / begleite mich das Licht. *Подстрочник:* Моя жизнь протекла. / Кто знает, когда она погаснет? / В малом и в большом / Да будет свет со мною.
- ⁹ Св. Венедикт (лат. форма: Бенедикт) Нурсийский (ок. 480 — ок. 550) — основатель западного монашества, почитаемый и в православии.
- ¹⁰ Перевод его доклада на русский язык выполнен автором этих строк.
- ¹¹ См.: [Молитвенник. С. 90—98; Вознесём сердца! С. 162; К Тебе взываю. С. 159—164].

Т. Л. Вилкул*

Толковый Апокалипсис в «Повести временных лет»

Аннотация: Положение о значимости для древнерусского человека темы Второго пришествия и Суда, затрагивающее также общие вопросы восприятия исторических событий сквозь призму Священной истории, серьезно обсуждается в научной литературе. Проблематика апокалиптических ожиданий в летописях, хрониках и квази-исторических сочинениях наиболее детально разработана на материале древнейшего известного в землях Руси оригинального исторического текста — Повести временных лет. Текстуальная база для исследований подобного рода, впрочем, довольно ограничена, поскольку цитаты из Апокалипсиса в Начальной летописи не столь часты, а пространных прямых заимствований мы практически не имеем. Однако текст Откровения Иоанна вместе с толкованиями Андрея Кесарийского был переведен еще в ранний период древнеславянской книжности, поэтому можно предполагать, что он был известен всем древнерусским летописцам. Тем не менее, последняя книга Библии не входила ни в какие литургические чтения, и может быть, поэтому не слишком часто цитировалась книжниками. Дальнейшее представляет собою попытку собрать воедино цитаты и аллюзии из Толкового Апокалипсиса в Повести временных лет. Сплошное сопоставление летописного и библейского текстов показывает наличие около полутора десятка параллелей, большинство из которых, к сожалению, не слишком надежны.

Ключевые слова: Повесть временных лет, Толковый Апокалипсис, Древняя Русь, библейские переводы; средневековая литература; средневековые хроники.

Tatiana Vilkul

The Interpretative Apocalypse in the Old Rus' Primary Chronicle

Abstract: The importance of the theme of the Second Advent in the Old Rus' historical writings, linked with general problem of historical events' perception through the prism of Sacred History in the Middle Ages, is widely discussed in the scholarly literature. The matters of apocalyptic expectations in the chronicles, histories and quasi-historical works in most detail are elaborated on the text of the Rus' oldest chronicle: the *Primary Chronicle* or the Tale of Bygone Years (*Pověst' vremennykh lět*). However, the textual base for such studies is rather pure because we have not ample quotations from the Revelation of John here, while the long direct ones are practically non-existent. The text of the Revelation together with the interpretations of Andrew of Caesarea was translated into Old Slavonic early enough, so we can assume that all Old Rus' chroniclers were acquainted

* Вилкул Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАНУ.

Vilkul Tatiana Leonidovna, Grand PhD (History), Leading Researcher, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine.

with *Interpretative (Tolkovy) Apocalypse*. Nevertheless, no part of the last book of the Bible was included into liturgical readings. Therefore, perhaps, we have comparatively low figure of quotes from the Revelation in the Old Rus' writings. What is below present an attempt to collect citations and allusions from the *Interpretative Apocalypse* of the *Primary Chronicle*. A close reading reveals a few more than dozen parallels, most of which, regrettably, are not too secure to draw on.
Keywords: The Old Rus' Primary Chronicle; Biblical translations; Textual Criticism; Revelation; Medieval Literature; Medieval Chronicles.

Положение о значимости для древнерусского человека темы Второго пришествия и суда сейчас можно отнести к совершенно традиционным. Детально разработана тема апокалиптических ожиданий в летописях, хрониках и квази-исторических сочинениях, затрагивающая общие вопросы восприятия исторических событий сквозь призму Священной истории. В особенности это касается древнейшего известного в землях Руси оригинального исторического текста — Повести временных лет (ПВЛ)¹. Текстуальная база для исследований подобного рода на материале Начальной летописи, однако, ограничена тем обстоятельством, что мы почти не имеем прямых цитат. Летописцы знакомы были с Откровением Иоанна. Текст Апокалипсиса вместе с толкованиями Андрея Кесарийского был переведен еще в ранний период древнеславянской книжности². Тем не менее, последняя книга Библии не входила ни в какие литургические чтения и, может быть, поэтому она не слишком часто цитировалась составителями летописей.

Дальнейшее представляет собой попытку собрать воедино цитаты и аллюзии из Толкового Апокалипсиса в ПВЛ. Сплошное чтение обнаруживает чуть более десятка параллелей, большая часть которых к тому же не слишком надежна. У нас, к сожалению, отсутствуют обширные заимствования как из основного текста, так и из толкований, почему приходится довольствоваться микроцитатами, а также редкой лексикой и сюжетными сопоставлениями. Как представляется, наиболее цельную картину получим, если сравним фрагменты в порядке следования их в ПВЛ, а не по ходу чтения Апокалипсиса (хотя само исследование отталкивалось от библейской книги). Ниже при ссылках на летопись использовано стандартное издание Полного собрания русских летописей по Лаврентьевскому списку; в квадратных скобках варианты из других списков, если в Лаврентьевском порча³. Текст Апокалипсиса привлекается по списку Апокалипсиса Никольского XIII в., подготовленному к изданию Томасом Хилари Оллером в своей Ph.D (1993)⁴.

Первую микроцитату можно предположить в рассказе о дани полян хазарам из недатированного Введения. Хазарские «старейшины» сетуют, что поляне, будучи ныне их данниками, в скором времени превзой-

дут хазар, вооруженных лишь саблями: «а сихъ оружье обоиду [обоюдоу] остро рекше мечъ» (17Л). Ср. Rev.1.16Г .дї. «държаи в роуцѣ своеи деснѣи . звѣздъ .з. из оустъ его *мечь обоюдоуоустръ* . изьострѣннъ исходя» (л. 12г, р. 95)⁵. Впрочем, «обоюдоострый мечъ» или др. оружие встречается в библейских книгах не только в Апокалипсисе⁶.

Еще один известный сюжет — из «Речи Философа» под 986 г. Прельщенные дьяволом «человѣкы»: «начаша кумиры творити . ови *древяныи* . ови *мѣдяны* . а друзии *мрамаряны* . а иные *златы* и *сребрены*» (91Л). Rev.9.20—21Г .рзї. «да не поклоняются [де]монови . ни идоломъ *златымъ* и *сребрнымъ* . и *мѣдянымъ* и *дрѣвянымъ*» (л. 46в, р. 164, 358). Однако здесь возможна цитата и из прор. Дан.5.4, или Варух.6.3 и под.⁷ Кроме того, подобные выражения многократно пересказаны в переводных византийских хрониках, так что точный источник определить затруднительно.

Перед решающей битвой со Святополком 1019 г. Ярослав взывает к Господу об убийстве Бориса: «*мьсти* от *крове* праведнаго сего . якоже *мьстиль* еси *крове* Авелевы» (144Л). Аналогичный призыв о граде-блуднице ср. Rev.19.1—4Г «...градоу . иже просмради землю любодѣяннемъ своимъ . *мьсти* *крѣви* рабъ своихъ . от роуки его» (84в, р. 240). В целом мотив мести довольно частотен, но выражение «мьсти-ти крови» встречается реже, хотя и далеко не уникально.

Под 1037 г. летописец помещает похвалу книгам: «се суть исходящя *м[удр]ости* . *книгамъ* бо есть неизчетная *глубина*» (152Л). Может быть, одним из источников его вдохновения было толкование о книгах из Rev.5.1Г: «.ѣи. *Книгы* *прѣмоудрость* бѣию . и *памят* разоумѣваемъ . в нихъже вси по *стмоу* дѣоу . написаны бывають . и соудьбѣ бѣию *глоубиноу* . вѣноутрѣоудоу же прикровенныя . разоумы мѣнить .з. же печати . свѣршению оутвържение книжное . и всемъ неразоумно . ли смотрения испытующа *глоубиноу* . бѣія дѣа...» (27г, р. 126). Впрочем, о важности книг и письма написаны тома, причем часть написанного приходится уже на древнее время.

Под 1065 г. в ПВЛ помещена серия зловещих знамений. Начинается она с появления кометы и одновременного затмения солнца: «звѣзда превелика лучѣ имущи *акы* *кровавы*... си бо звѣзда бѣ *акы* *кровава* . проявляющи *крови* пролитье... и *слнче* премѣнися . и не *быс* свѣтло . но *акы* *мѣць* бѣ^с» (164Л). Аналогичные, но не тождественные признаки в Апокалипсисе соответствуют открыванию 6-й печати. Речь идет о знаках в луне и солнце: Rev.6.12—13Г .лз. «И видѣхъ егда отвързе .з.ю печать . и *быс* троусъ велии . и *слнче* мрачно *быс* . яко врѣтище власяно . и *мѣць* *быс* *яко* *кровь*» (л.33г, р.137).

В размышлениях под 1068 г. встречается пассаж о том, что усобные свары на руку врагу рода человеческого: «и *дьяволь* радуется злomu *оубииству* ... и *крови* пролитью» (167Л). Близкое высказывание видим по поводу толкования значения «зверь» к Rev.17.1—3Г: «поустыню же

запоустѣние града мѣнить . хотящее тѣгда быти . а звѣрь *дьяволе оубиство* и *крѣворадование* мѣнить». Здесь можно предполагать влияние Откровения, хотя полной уверенности по-прежнему нет из-за клишированности образа (аналоги находим в переводных хрониках и др.).

Далее под этим же годом в завершении размышлений о грехах и бедствиях в связи с нападением половцев видим действительно редкостное рассуждение: «не словомъ нарицающесе *хѣяни* . а *поганьскы живоуще*» (170Л). Наиболее вероятно, что выражение взято из толкования к Rev.3.15—16I, что суть «теплыми», «студеныи» и «объуморивыи» («слабый, ни то ни се'): «Стоуденаго поганана мѣнить . а теплаго крѣтяна глѣть . живоущаго въ правѣ вѣрѣ . и обоумориваго толико *крѣтяна соуща* . а *поганьскы живоуща*» (л.22v, р.116).

Под 1072 г. в рассказе о перенесении мощей св. Бориса и Глеба специально отмечено поведение митрополита, не выказавшего пиетета к новым святым Руси: «и митрополита оужасть обиде . бѣ бо нетвердѣ верою [РА нетвердо вѣрова, ИХ *нетвердо веруя*]⁸ к нима и падѣ ниць просяше прощенья» (182Л). Здесь могло проявиться влияние заголовка к отрешению 3-й печати из Rev.6.5—6.6: «ОТРѢШЕНИЕ .Г.Я ПЕЧТИ . сказаеть отпадение *не вѣровавъшимъ* въ х^а *твѣрдо*» (л. 31r, р. 133).

Под 6599 / 1091 г., вероятно, в преддверии круглой даты 6600 г. (о чем ниже) вновь говорится о затмении солнца, а кроме того, о падении змия: «[бысть] *знаменье* в слнцѣ... акы . мѣць бы^с ... спаде *превеликъ змии* отъ *нбсе* . [и] оужасошася вси людье» (214Л). Параллельные тексты о знаменьях см. выше, явление же змия описывается в Rev.12.3T: (л. 54r, р. 179) «.рм. И яви ся ино *знамение* на *нбси* . се *змии чърмьнь велии* . имѣя главъ .з. а рогъ .і. и на главахъ его .з. *вѣнць*». С другой стороны, «великыи змии» могло быть обозначением метеора. Устрашающие подробности из Откровения Иоанна в виде «семи глав» змия и пр. в ПВЛ нигде не проявляются.

В 1094 г. с особой торжественностью фиксируется нашествие саранчи: «В се же лѣ^т . *придоша пружи на Русьскую землю* . мѣца . авгу^с . въ .кс... и не бѣ сего слышано в днѣхъ первы^х в земли Русьстѣ . яже видѣста очи наши . за грѣхы наша» (226Л). Ср. Rev.9.1—5T «помърче слнче и аерь ... *изидоуть проужи на землю*». Вновь-таки, по Апокалипсису, «пружи» должны явиться из дыма от «студеньца» (колодца), который открывает падающая звезда, и эти детали не отражены.

Под 6604 / 1096 г. встречаем выражение «преже сихъ .д. лѣтъ», указывающее, видимо, на 6600 / 1092 г., а также загадочное «индикта .д. на полы». Первое заимствовано скорее из Хроники Амартола⁹, хотя на оба текста могли повлиять также вычисления Откровения Иоанна, где встречается число 42 месяца¹⁰, округленное в толкованиях до «*поль 4 лѣт*». Ср. тексты, ПВЛ: «Се же хоцю сказати яже слыша^х пре^ж си^х . д̄ . лѣ^т»

(234Л); «се же бы^с исходящю лѣту . ѿ̄с̄.х̄.д̄. индикта .д̄. на полы» (254Л) — Rev.11.1—2I «граⁿ же ли новии ер^слмъ ли цр̄квь . языци съ антих^смъ оскверняютъ поль .д̄. лѣ^m . вѣрныя прогоняще» (50r, p.172); Rev.11.3—4I «р̄ки. Си еста енохъ илия . яже вѣрмя примѣша . на концинѣ поль .д̄. лѣ^m . имата прр̄цствовати» (50v, p.172); Rev.12.6I «р̄ме. ...ли въ поустыню горкоюу бежать . скрыти ся от лица антих^сва . поль .д̄. лѣ^m» (55v, p. 182).

Наконец, под 1110 г. описывается чудесное явление столпа над трапезной Печерского монастыря, чему тоже можно подыскать параллель в Апокалипсисе. ПВЛ: «явися столпъ огненъ от земля до н̄бси . а молнья освѣтиша всю землю ... се же бѣаше не огненныи столпъ . но видъ ан̄гльскъ» (284Л) — Rev.10.1T «р̄ӣ. И видѣхъ . инъ ан̄гль крѣпкъкъ съходящъ съ н̄бсъ . обълченъ въ облакъ . и доуга на главѣ его . лице емоу акы сл̄нче . нозѣ емоу акы стълпа огньна : Rev.10.1I р̄ӣ. Ан̄гль съ свѣтъ есть . облакъ же и доуга свѣтъ . ан̄гльское видѣние являеть . нб^снымъ различиемъ . стълпа же огньная . страхъ и моуки на грѣшники являеть» (47v, p. 166). Как и в остальных местах, детали не совпадают, речь идет не о двух столпах, а об одном, к тому же, столп может быть перетолкованным атмосферным явлением. Главное — нетождествен вкладываемый в явление смысл. В ПВЛ речь идет о «поощении» князей на победоносный поход против половцев, Откровение же Иоанна должно символизировать «страхъ и моуки на грѣшники». Также в статье этого года помещена обширнейшая подборка цитат с именем Михаила. В Откровении архангел Михаил упоминается два раза, в первом случае речь идет о четырех ангелах. Ср. Rev.9.13—16I «р̄е̄. Сия .д̄. ан̄глы етери . михаила и гаврила . оурила и рафаила . иже соуть привязани въ веселии бж̄ия видѣния . послании же боудоуть на соудныи дн̄ь . съ бещисльными ан̄глы . на осожение неч^стивыхъ» (л.45v, p. 162); Rev.12.7—8T «р̄мс̄. И бы^с брань на н̄бси . михаиль и ан̄гли его . брань створиша съ змиемъ» (л. 55v, p. 182). Впрочем, Михаил было крестильным именем тогдашнего киевского князя Святополка, что могло актуализировать появление этого коллажа.

Следует отметить еще вкрапления отдельных редких мотивов или лексики в предыдущих статьях. Недатированное Введение ПВЛ о половцах: «Половци законъ держать оц̄ь свои^x . кровь проливати а хваляще о сихъ» (16Л). Не исключено, косвенно отразилось толкование Rev.17.6—7I: «якоже се лицѣ любодѣича бы^с . ти старьи римъ вавоулонъ . въ петрове епистолии всякыи же градъ . иже о оубииствѣ и кр̄ви веселитъ...» (л. 77r, p. 225). 971 г. неудачное завершение похода Святослава Игоревича, когда в его стане наступил страшный голод: «и бѣ гладь великъ . яко по полугривнѣ глава коняча» (73—74Л). Летописец, по-видимому, сделал заимствование из Амартола, о чем мне уже приходилось писать¹¹. Однако именно конская глава могла быть худым знаком еще и

из-за такого пассажа Rev.19.17—18: «Придете сберете ся . на вечерю великую бию . да снѣте плѣти црѣь . и плѣти крѣпкихъ . и плѣти коньскихъ» (л.88v, р.248). Угроза перемещения земель описана под 1071 г. и вложена в уста некоего волхва, пришедшего в Киев: «яко на пятое лѣто . Днѣпру потещи вспячь . и землямъ преступати на ина мѣста . яко *статити* Гречьскы земли [на Руской] . а Русьск^ѣи на Гречьской . и прочимъ землямъ *измѣнитися*» (174Л). Не исключено, возникновению самой мысли о смещении рек и городов поспособствовало Rev.6.14—15Т: лѣ. «И всяка гора и отокъ *двигнѣть ся* . от мѣстъ своихъ». Это, впрочем, не единственный подобный пример в библейских книгах, ср. Исх. 8.22(18): «Премени в тои днѣ землю гесемлю на неи * люди моѣ *сташа*...». Под тем же годом в рассуждениях о наущениях бесов читаем: «бѣси бо не вѣдять мысли члвчское . но влагають помысль въ члвка . *таины не свѣдущи*» (178Л). В пассаже могло отразиться влияние толкования Rev.5.2—3I «.ξθ. Сирѣць ни англи ни санти . ни ишѣдше ис плѣти своя . ни члвци въ плѣти суще . *не могууть разоумѣти таинъ бѣи*» (л. 28r, р. 127).

Учитывая весьма широкий круг вероятных параллелей, нельзя исключать, что оказались упущены какие-то важные цитаты или аллюзии. Вдобавок ко всему, древнерусский книжник получал апокалиптические мотивы через византийских переводных авторов: «Паренесис» Ефрема Сирина, «Откровение» Мефодия Патарского и др. Для полного корректного сопоставления в современных условиях необходима прежде всего распознанная электронная версия, желательно с разночтениями, появление которой все еще дело будущего. Что хотелось бы отметить на имеющемся материале? Очень немного параллелей ПВЛ и Толкового Апокалипсиса, где выявляется предположительное заимствование хотя бы трех слов последовательно. К таким можно причислить тексты 1068 г. и с меньшей вероятностью — об идолах «древяных, золотых...» из Речи Философа 986 г. В принципе, нежелание обильно цитировать страшные тексты или даже просто упоминать страшные явления связано с древними магическими практиками умалчивания (дабы не будить лихо и не призвать его на свою голову). Но в таком случае поражает, так сказать, совершенно неапокалиптический общий смысл большинства предположительных апокалиптических аллюзий ПВЛ. Создается впечатление, что летописец брал отдельные кирпичики для построения общего здания, не считая нужным подстраиваться под общий контекст заимствованного им. Исключение составляют, по-видимому, записи 1068 г. с описанием бедствий, а также период около круглой даты 6600 / 1092 г. Можно предполагать, что этот отрезок представлял собою особый рубеж, ведь целые числа на уровне сотен и тысяч лет провоцировали тревожные ожидания¹². Собственно, в самой рукописи Апокалипсиса Никольского помещена именно дата 6600 г. «свершения числу» в Rev.14.20I: «първое бо есть свѣршение числуу .x. и

.ѣs.e бо лѣ^т новое . грѣхъ потописьъ есть . зане оскверниша тварь . створеную въ .s. днии» (л.68v, р.208). Однако знак тысяч к «б» (ѣs) является амплификацией. Как отмечает Томас Х. Оллер, должно читать 606 или же 600, что и видим в большинстве списков, поскольку речь идет о возрасте Ноя и о потопе¹³. Тем не менее, общее замечание о круглых датах остается в силе, и действительно, около 6600 года в ПВЛ сконцентрировано несколько примечательных записей. Под 6604 г. видим и несомненные цитаты из «Откровения» Мефодия Патарского, которое служило посредником в передаче апокалиптической тематики. И все-таки удивительно, каким до чрезвычайности кратким и сомнительным оказывается предварительный список заимствований и аллюзий к Толковому Апокалипсису.

- ¹ Напр.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; *Ego же*. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // *Ruthenica*. Т. IX. 2010. С. 7—16; *Isoaho Mari*, *The Last Emperor in the Primary Chronicle of Kiev // Past and Present in Medieval Chronicles*. Collegium. Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. 17. Helsinki, 2014. P. 43—81.
- ² *Oller, Thomas Hilary*, *The Nikol'skij Apocalypse Codex and its place in the textual history of medieval Slavic apocalypse manuscripts*. Ph.D. Brown University. P. 489. Автор отмечает также, что ранние списки Апокалипсиса все толковые, и во многих из тех, где вроде бы имеем «чистый» текст, остались следы толкований.
- ³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
- ⁴ *Oller, Thomas Hilary*, *The Nikol'skij Apocalypse Codex*.
- ⁵ Отмечены листы Апокалипсиса Никольского и стр. *Oller, Thomas Hilary*, *The Nikol'skij Apocalypse Codex*. Обозначение «Т» после цифр главы и стиха обозначает основной текст, «I» — Интерпретацию или толкование. В диссертации Т. Оллера использованы обозначения «Т» Текст, «С» — Толкование, и «Н» — заголовок.
- ⁶ Напр., уже И.И. Срезневский отмечает «обоюдоострый нож» из Суд.3.16; а также «... оружие» (т.е. меч) из Минеи 1096 г.: *Срезневский И.И.* Материалы... Т. 2. Стб. 536. Сюжет ПВЛ о хазарской дани и многие другие, о которых речь пойдет ниже, очень популярен. Не имея возможности каждую статью разбирать по отдельности, отсылаю к комментированным изданиям ПВЛ. Одно из последних: Повесть временных лет. / Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб., 2012.
- ⁷ Дан.5.4 «И похвалиша бгы златыя . и серебряныя и мѣденыя и каменья . и деревянные . и желѣзныя»; Варух.6.3 «Нынѣ же оузрите въ вавулонѣ . бгы серебряныя и златыя и деревянные»; по списку Троице-Сергиевской лавры №90, л. 380об., 436.
- ⁸ По-видимому, в Лаврентьевском порча, исправный вариант в Ипатьевском и Хлебниковском (172И).
- ⁹ *Вилкул Т.Л.* «Преже сих 4-х лѣтъ» 1096 г. Шахматова, Бестужева-Рюмина и составителя Повести временных лет // *Palaeoslavica*. Т. XXV. no. II. Cambridge, Massachusetts, 2017. P. 229—247.
- ¹⁰ 11.1—2Г .ркъ. «...и градъ стый . попероуть .м. и .в. мѣца :» (50r, р.172).
- ¹¹ *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 180: «яко продатиса главѣ ослина .л. серебряникъ». Сравнение текстов: *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського кийвського літописання. К., 2015. С. 122.
- ¹² *Isoaho Mari*, *The Last Emperor in the Primary Chronicle*, p. 59—60.
- ¹³ *Oller, Thomas Hilary*, *The Nikol'skij Apocalypse*. P. 389, прим. 2.

А.Ю. Виноградов, священник Михаил Желтов*

Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156—1159 гг.)**

Аннотация: Статья посвящена правовым актам, имевшим место в Русской Церкви при митрополите Константине I (1156—1159 гг.). Детально проанализированы данные летописных источников, из которых следует, что сразу по прибытии в Киев Константин провел митрополичий собор, занявший ригористическую позицию по отношению к Климу Смолятичу, неканоничному (с точки зрения Константинополя) предшественнику Константина, и его наследию: были демонстративно низложены все ставленники Клим; его патрон, великий князь Изяслав Мстиславич, и, видимо, сам Клим были подвергнуты анафеме; кафедральный собор Киева был, вероятно, пересвящен. Резкость Константина вскоре проявила себе также в истории со смещением Ростовского епископа Нестора и заменой его на грека Леона; как показано в статье, возможной причиной этого шага была невыплата Нестором долга, накопившегося за период митрополичества Клим. Жесткий характер правовых действий Константина I должен был восполнить десятилетний правовой вакуум в Русской Церкви, возникший из-за отъезда митрополита Михаила и избрания Клим Смолятича. При этом Константин одновременно демонстрировал и способность лавировать в зависимости от складывающихся обстоятельств: так, те из клириков Киева и окрестностей, кто был рукоположен Климом, но затем письменно отрекся от него, смогли заново получить у Константина отнятый было сан. Митрополит также включился в княжескую политику: он преподал Юрию Долгорукому торжественное благословение на княжение, тем самым встав у истоков этой традиции на Руси, и вмешался в судьбу Ивана Берладника. Однако итогом предпринятых Константином I действий стали сначала тяжелейший иерархический кризис в Ростово-Суздальской епархии, продолжавшийся — на фоне притязаний местного князя Андрея Боголюбского на создание от-

* Виноградов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Желтов Михаил Сергеевич, священник, кандидат богословия, доцент Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, доцент Московской духовной академии.

Vinogradov Andrey Yuryevich, PhD (history), Associate Professor, the National Research University "Higher School of Economics";

Zhelto Michael, Priest, PhD (Theology), Associate Professor, Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies & Moscow Theological Academy.

** В данной научной работе использованы результаты проекта «Символическое поведение на Западе и Востоке Европы в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году. Авторы благодарят за ценные советы А.А. Гиппиуса и П.В. Петрухина, а также В. Пермякова (за помощь с переводом аннотации).

дельной митрополии — до 1169 г., затем бегство самого Константина из Киева, а в конце концов — волнения в масштабах Русской Церкви в целом в ходе спора о постах в 1160-е гг. Тем самым, ригоризм позиции Константина оказался сильнее его способностей к поиску компромиссов, что следует объяснять как особенностями личности самого митрополита — яркого представителя интеллектуальной элиты Константинополя и одновременно строгого аскета, — так и экстренным характером его миссии, связанной с восстановлением контроля Патриархии над Русской Церковью.

Ключевые слова: история Церкви, история Древней Руси, Русская Церковь, Константинопольская Патриархия, XII век, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, летописи, митрополит, Киев, Ростов, Суздаль, церковное право, каноны, лишение сана.

A. Yu. Vinogradov, priest Michael Zheltov
The Legal Acts of the Russian Metropolitanate under Constantine I
(1156—1159)

Abstract: This article discusses the legal acts that were implemented in the Russian Church under Metropolitan Constantine I (1156—1159). A thorough analysis of the evidence found in the chronicles leads us to conclude that immediately upon his arrival in Kiev, Constantine held a council that took a very strict position with respect to the person and legacy of Klim Smolyatich, Constantine's predecessor (who was uncanonical, according to the view of Constantinople). At this council, all of Klim's appointees were deposed, his patron, Great Prince Iziaslav Mstislavich, and possibly also Klim himself, were anathematized, and the cathedral church of Kiev was most likely rededicated. Constantine's harshness also manifested itself in the affair concerning the dismissal of Nestor, bishop of Rostov, and the appointment of Leon, a Greek, as his replacement; the article shows that one possible cause for this step was Nestor's failure to pay his dues for the period when Klim held the metropolitan see. The strictness of Constantine's canonical actions was meant to compensate for the ten-year-long canonical gap that resulted from the departure of Metropolitan Michael and the election of Klim Smolyatich. At the same time, Constantine also showed ability to adjust his policy depending on the circumstances: thus, the clergy of Kiev and its environs who were ordained by Klim and then deposed by Constantine, were eventually reinstated to their positions. The metropolitan also played a role in the Russian princely politics: he bestowed a solemn blessing to govern upon Great Prince Yuri Dolgoruky, thus standing at the roots of this tradition in Rus; likewise he intervened in the affairs concerning prince Ivan Berladnik. Nevertheless, the actions of Constantine resulted in a massive ecclesiastical crisis in the diocese of Rostov and Suzdal that lasted until 1169, and was compounded by the pretensions of the local prince, Andrey Bogolyubsky, to create his own metropolitan see. Moreover, Constantine himself eventually had to abandon Kiev. Finally, all of the Russian Church experienced mass unrest in the course of the disputes on fasting in 1160s, which also should be considered as an aftermath of Constantine's policy. Therefore, the unbending strictness of Constantine's position prevailed over his ability to compromise, which could be explained by Constantine's own personality, as a remarkable representative of the Constantinopolitan intellectual elite and a strict ascetic at the same time. One must also take into consideration a special character of his mission that sought to reestablish the control of the Patriarchate of Constantinople over the Russian Church.

Keywords: Church history, history of Old Rus', Russian Orthodox Church, Patriarchate of Constantinople, 12th century, Yuri Dolgoruky, Andrey Bogolyubsky, Old Russian chronicles, metropolitan, Kiev, Rostov, Suzdal, canon law, defrocking.

Прибытие в 1156 году в Киев нового митрополита, взамен оставившего город Клима Смолятича, не признававшегося Константинополем¹, не могло не повлечь за собой действий по устранению проблем, связанных как с десятилетним вдовством — с точки зрения Патриархии — киевской кафедры, так и с наследием Клина.

Этим митрополитом был Константин I, принадлежавший к кругу интеллектуальной элиты Константинополя (в частности, именно он был автором определения, принятого 26 января 1156 г. на Соборе под председательством патриарха Константина Хлиарина, о богословии евангелистической Жертвы), разделявший взгляды «реформированного» византийского монашества² и, очевидно, стремившийся максимально эффективно решить упомянутые выше проблемы. Действия Константина I и единомышленных ему епископов были достаточно резкими и привели к нескольким церковно-правовым коллизиям, нашедшим отражение в летописях³. Подобные коллизии всегда интересовали нашего юбиляра, что и определило тематику настоящей статьи.

Митрополичий собор по прибытию Константина I в Киев

Появление Константина I на Руси стало возможным благодаря тому, что весной 1155 года Киев был занят великим князем Юрием Долгоруким, который в церковных вопросах поддерживал позицию Константинополя. Клима Смолятич уехал на Волынь к Мстиславу Изяславичу, сыну своего патрона — Изяслава Мстиславича, а весной 1156 года в Киев для встречи нового митрополита прибыли те из епископов Руси, кто был солидарен с Патриархией и, следовательно, являлся противником Клина: Мануил Смоленский, [Косма] Полоцкий, а также Нифонт Новгородский⁴.

Встреча митрополита описана так:

Лаврентьевская летопись

В лѣт(о) 6664... В то же лѣт^ѣ . приде митрополитъ изъ Цраграда Костантинъ . и приять его князь с честию и людье вси .

[ПСРЛ I: 347]

Ипатьевская летопись

В лѣто 6664... Тогда же митрополитъ Костантинъ приде изъ Црагорода . и приа и кнѣзь Дюрги съ ч^ѣстью . и Полоцкий еп^ѣпъ и Мануиль Смоленский еп^ѣпъ . иже бѣ бѣгалъ пере^а Климомъ .

[ПСРЛ II: 485]

Текст Лаврентьевской летописи — это явное сокращение известия общего с Ипатьевской источника, опускающее все имена. А коль скоро версия Ипатьевской летописи здесь первична — киевский летописец был, вероятно, очевидцем этих событий, — высока степень достоверности и того, что далее сказано только в ней:

и тако испровергыши Климову службу . и ставления . и створивше бж^ѣтвеную службу . и блгословиша кнѣза Дюрга Володимирича . а потомъ и дьякономъ ставление Ѡда . иже бѣ Климъ ставилъ митрополить . писа-ша бо к нему рукописание . на Клина [ПСРЛ II: 485].

Из этих слов следует, что по прибытии в Киев Константин I вместе с встретившими его епископами совершили ряд церковно-правовых действий, а именно:

1. испровергыши Климову службу и ставления
2. створивше бж^ѣтвеную службу
3. блгословиша кнѣза Дюрга Володимирича

Эти действия должны были быть каким-то образом оформлены. П.П. Соколов утверждал, что они основывались на «патриаршем отлучении», которое Константин якобы «привез» с собой, то есть на некоем документе из Патриархии [Соколовъ. С. 90]. Источники не дают оснований для подобных утверждений; при этом у Константина и единомышленных ему епископов имелись иные возможности принять нужные им решения в масштабах митрополии в целом. Наиболее очевидной из них был митрополичий собор⁵. Церковные каноны называют собрание епископов митрополии во главе с митрополитом «совершенным собором» (τελεία σύνοδος [Антиох. 16, 17, 18]⁶); вероятно, от лица подобного собора и были осуществлены перечисленные действия. Во всяком случае, с формальной стороны эти решения были приняты Константином I не единолично, на что указывает использование летописцем множественного числа в его рассказе. Единственное число появляется чуть ниже, в указании о предпринятых уже самим Константином мерах по отношению к рукоположенным Климом киевским клирикам:

4. а потомъ и дьякономъ ставление Ѡда . иже бѣ Климъ ставилъ митрополить.

Вполне понятно, почему это действие, в отличие от первых трех, не потребовало санкции собора епископов: оно не затрагивало общерусские интересы и относилось только к собственной епархии Константина.

Исправление «Климовой службы»

Итак, первым, что сделал предполагаемый «совершенный собор» во главе с митрополитом Константином, было аннулирование «Климовой службы» и совершение «Божественной службы»: испровергыши Климо-

ву службу... и створивше бж^ственную службу. Очевидно, вторая должна была каким-то образом исправить первую как неканоничную и, следовательно, «небожественную». В науке не было четко определено, что именно следует понимать здесь под «службой», а ведь это слово в древнерусском языке имеет широкий спектр значений: «служение» вообще, «штат служителей», «подчиненность» (кому-либо) и так далее, в том числе, «евхаристическая литургия» как конкретный богослужебный чин⁷.

Последнее понимание этого слова напрашивается в контексте ответа Нифонта Новгородского Климу, приведенного в летописи незадолго до известия о прибытии на Русь Константина:

нѣси приаѣль блгословления ѿ стѣи Софѣѣ . и ѿ стго великаго сбора . и ѿ патриарха тѣм же не могу с тобою служити . ни въспоминати тебе въ стѣи службѣ но поминаю патриарха [ПСРЛ II: 484].

Здесь «святая служба» — это *terminus technicus* для обозначения Божественной литургии. Но если принять это прочтение, то как можно «ниспровергнуть» совершавшуюся Климом, литургию, оставшуюся в прошлом?

Теоретически можно было бы предположить, что речь идет не о совершенных Климом служениях, а о некоей особой редакции текста. Не мог ли внести книжник Клим какие-либо изменения в формуляр или практику совершения литургии? Это маловероятно и не подтверждается никакими источниками⁸. Впрочем, изменения в литургию Св. Софии Киевской мог внести сам Константин, который был, с одной стороны, ревнителем чистой константинопольской традиции, а с другой, носителем новых богослужебных практик, связанных с «реформированным» византийским монашеством XII века [Виноградов, Желтов. 2014]. Действительно, в эпоху после Константина, в XIII веке, в русских Служебниках почти нет западновизантийских, то есть неконстантинопольских черт, которые отражены в древнейших славянских рукописях и вновь обширно представлены в русских Служебниках XIV века⁹. Впрочем, предположение об очищении Константином I русской литургии от неконстантинопольских черт наталкивается не только на вопрос о его знакомстве с деталями литургической практики Руси старше середины XII века, но и на ту проблему, что подобная практика должна была быть общей на Руси, в том числе и для епархий, поддерживавших позицию Патриархии — Смоленской, Полоцкой, Новгородской и Ростовской.

Поэтому следует поддержать иную возможность исправления неканоничной службы Клим: Константин мог заново освятить кафедральный собор, где служил киевский митрополит, то есть Св. Софию Киевскую, тем самым «очистив» ее от «Климовой службы». Подобное предположение высказывали еще П.П. Соколов¹⁰ и, вслед за ним,

А.В. Карташев¹¹. В его пользу теперь можно выдвинуть и очень сильный аргумент: такое действие находит прямую параллель в аналогичном поступке грека-митрополита Ефрема Киевского, который прибыл из Константинополя в 1052 году на смену неканонично (с точки зрения Патриархии) поставленного русина Илариона. Об этом сообщают месяцеслов Мстиславова Евангелия под 4 ноября и недавно опубликованное граффито из Св. Софии Киевской¹². Вполне вероятно, что и в Киеве, и в Константинополе середины XII века еще помнили об аналогичной коллизии столетней давности¹³.

Низложение ставленников Клима (и их последующая реабилитация)

Помимо «Климовой службы», были «испровергнуты» и совершенные им «ставления». Несомненно, речь идет о поставлениях в диаконский, священнический и, если таковые были (точных данных нет), епископский сан. Но что следует под этим понимать — только лишь запрещение в священнослужении или же полное извержение из сана?

Митрополит Макарий (Булгаков) считал возможными обе интерпретации [Макарий (Булгаков). Кн. 2. С. 292]. Е.Е. Голубинский писал о «запрещении» «всѣхъ священниковъ, поставленныхъ Климентомъ» [Голубинский. Т. 1, 1-я пол. С. 312]. П.П. Соколов утверждал, что сан был «возвращен» (неясно, в какой форме) только диаконам, а епископам и священникам — нет [Соколовъ. С. 90]. М.Д. Приселков, полностью вопреки тексту летописи, заявил, что «изъ всѣхъ посвященій Климента соборъ нашелъ возможнымъ признать ставленіе поповъ... и діаконовъ, потребовавъ отъ нихъ письменнаго отреченія отъ признанія Климита митрополитомъ» [Приселковъ. С. 389] — таким образом, в его интерпретации священники и диаконы не подверглись даже запрещению, в отличие от лишившихся признания (читай, извергнутых из сана) епископов (хотя таковые неизвестны). А.В. Карташев — видимо, опираясь на Соколова, — настаивал на сохранении сана (следовательно, запрете, а не извержении) только за диаконами, тогда как священникам пришлось, по его словам, «поголовно... перепоставляться», а епископы в сани восстановлены не были [Карташев. Т. 1. С. 174]. А. Поппэ полагал, что «все хиротонии Климита были аннулированы, только рукоположенные Климом диаконы были утверждены в своих должностях задним числом» [Поппэ. С. 456—457]. К оговоркам различных авторов относительно возвращения сана «только диаконам» мы вернемся ниже, а пока отметим, что в пользу полного *извержения из сана* — по крайней мере, священников

и епископов, — недвусмысленно высказываются Соколов, Карташев и Поппэ тогда как версию с *запрещением*, причем в расплывчатых выражениях, однозначно поддерживает только Голубинский.

Однако не так давно последняя версия обрела еще одного сторонника в лице Б.А. Успенского, который в своей фундаментальной работе 1998 года утверждал, что Константин не изверг Климовых ставленников, но лишь запретил их в служении; тем самым, Константин якобы счел действительными и поставления Клим, и его епископскую хиротонию. Эта теория основана на том, что в 1149 году русские оппоненты Клим, Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский, потребовали от Клим испросить у патриарха «благословение», но не настаивали на перепоставлении. Отсюда Б.А. Успенский делает вывод, что «сакраментальный характер действий, произведенных Климентом Смолятичем, в сущности, не подвергался сомнению: иначе говоря, сам он признавался архиереем... митрополит Климент имел в о з м о ж н о с т ь ставить священнослужителей, однако не имел п р а в а — не был уполномочен — это делать» (разрядка автора) [Успенский 1998. С. 33, прим. 6]¹⁴. Описанная Б.А. Успенским логика действительно присутствует в системе церковного права, но только не византийского, а римо-католического. Это так называемый принцип *validus sed illicitus*; в поствизантийскую эпоху известны примеры его применения и в православной среде. Однако в классическом церковном праве Византии этот принцип не действовал, так что рукоположения клириков незаконными епископами признавались полностью ничтожными, а не *validi sed illiciti*. Твердым основанием тому служило 4-е правило II Вселенского Собора, посвященное статусу Максима Киника («ниже́ Максим был, или есть епископ, ниже́ поставленные им на какую бы то ни было степень клира; и соделанное для него, и соделанное им — все ничтожно»; ср. комм. Зонары: «Он не был и не есть епископ, потому что был рукоположен незаконно, и рукоположенные им не суть клирики»¹⁵). Разбиравшийся в 381 г. казус Максима Киника представляет собой близкую аналогию случаю Клим Смолятича: оба были поставлены *законными* епископами, но не имевшими законного права именно на *такое* поставление, выходившее за пределы их юрисдикции. Кроме того, и сам Успенский признает, что в 1154 году в Константинополе Русским митрополитом считали не Клим, а Константина I. Поэтому нельзя отождествлять, вопреки Успенскому, высказывания русских оппонентов Клим, которые могли либо не вполне определиться в отношении законности поставления Клим, либо выдвигать требования о получении «благословения» в качестве тактической уловки, с позицией Патриархии, которую и должен был реализовывать в Киеве Константин I и в отношении которой нет никаких данных в пользу хотя бы частичного или условного признания епископского сана Клим.

Предположению о простом запрещении в служении противоречат и весь анти-климовский тон летописной статьи, и значение древнерусского глагола «изпроврещи (испроврещи)»: «опрокинуть, сбросить, уничтожить, разрушить, отменить, сделать напрасным, извернуть, отнять, лишить (сана)»¹⁶. А в свете процитированной выше византийской канонической нормы единственным приемлемым вариантом понимания слов испровергыши ... ставления остается то, что Константин счел все поставления, совершенные Климом, недействительными. В таком случае, следующие за этим слова: ставление Ѡда, должны указывать не на «снятие запрета» (а тем более, не на «утверждение [диаконов] в должностях задним числом», вовсе невозможное с точки зрения византийского права) со священнослужителей, но на их новое рукоположение уже законным митрополитом — очевидно, Константин сразу по приезду не хотел восстанавливать против себя значительную часть клира своей епархии, рукоположенную Климом за предшествующие 9 лет.

В домонгольской Руси случаев столь массового наказания клириков из-за поставившего их иерарха мы не знаем. В Византии такая ситуация тоже давно не возникала, так как там не было неканонически поставленных первоиерархов. Последние похожие случаи имело место в конце первого и второго иконоборчества, хотя и с разным исходом: если на VII Вселенском Соборе 787 года клирики, поставленные иерархами-иконоборцами, были приняты в церковное общение через покаяние, то в 843 году почти все они были извержены из сана. Действия же Константина совмещают в себе обе практики: с одной стороны, он, по всей видимости, не признает сан за ставленниками незаконного митрополита, а с другой, возвращает им незаконно — с его точки зрения — полученный сан, взяв покаянное «рукописание».

Здесь необходимо вернуться к вопросу о том, кому именно был возвращен сан. В число таковых точно не вошли поставленные Климом епископы (если они вообще были), но, без сомнения, вошли диаконы — летопись прямо говорит о них: потомъ и дьякономъ ставление Ѡда. Целый ряд исследователей делали на основании этих слов вывод о возвращении (либо признании) сана *только* в отношении диаконов, но не священников¹⁷. Но мы в данном случае полностью согласны с конъектурой М.Д. Приселкова¹⁸ и Б.А. Успенского: попомъ и дьякономъ ставление Ѡда¹⁹, причем даже вероятнее в версии А.А. Гиппиуса²⁰: потомъ попомъ и дьякономъ ставление Ѡда. Таким образом, митрополичий собор под председательством Константина признал ничтожными все совершенные Климом хиротонии, а позднее Константин повторно рукоположил тех из диаконов и священников Киева и окрестностей, кто хоть и получил сан от Климона, но подал Константину письменное отречение от последнего.

Проклятие Клима (?) и Изяслава

В связи с каноническим судом над ставленниками Клима следует рассмотреть и некое проклятие Константином главного покровителя Клима — великого князя Изяслава Мстиславича. О нем в 1159 году вспоминал его сын, Мстислав Изяславич в споре с Ростиславом Мстиславичем Смоленским:

Мьстиславъ же крѣпко прашеса . по Климѣ . река тако . не буде^ѣ
Костантинъ въ митропольи . зане клал ми ѿца [ПСРЛ II: 503].

Факт проклятия Изяслава Константином не вызывает сомнения: для Мстислава Изяславича именно оно является решающим аргументом против принятия Константина на Киевской кафедре. Судя по тому, что Изяслав умер еще в 1154 году, а Константин приехал в Киев только в 1156 году, проклятие это было посмертным — даже если Константин был наречен на Киевскую кафедру до 1155 года [Виноградов, Желтов. 2018], вряд ли бы он вынес проклятие Изяславу, причем публичное (о нем хорошо знали и Мстислав, и его собеседник Ростислав), находясь в Константинополе. Почти всеми исследователями признается, что митрополит Константин не мог подвергнуть князя Изяслава никакому другому проклятию, кроме церковного, то есть предания анафеме²¹.

В Византии известны случаи церковного проклятья не за ересь, а по церковно-политическим мотивам: так, анафеме были подвергнуты участники заговора против императора Константина VIII в 1026 году. Однако для домонгольской Руси акт церковного проклятия не за ересь до недавнего времени был уникален. Теперь искомую аналогию дала находка граффито на наружной стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском [Гиппиус, Михеев. С. 31—32]. Это граффито выглядит как раскрытый кодекс, на правой стороне которого содержится упоминание об убийстве Андрея Боголюбского и провозглашение ему вечной памяти, а убийцам — вечной муки, на левой же — имена его убийц и проклятие им. Очевидно, перед нами копия диптиха с церковным анафематствованием не за ересь, но за убийство, причем не клирика, а князя (подчеркнуто названного в надписи «великим князем»), и даже не связанное с церковными делами. Таким образом, становится ясно, что и на Руси миряне вполне могли подвергаться церковной анафеме не обязательно за ересь.

В этом свете поступок Константина имел даже больше оснований, чем проклятие убийц Андрея Боголюбского: митрополит мог подвергнуть Изяслава анафеме за антиканоничное вмешательство светских властей в церковные дела. Такая анафема могла читаться в храмах регу-

лярно (например, в неделю Торжества Православия), что соответствовало бы ее публичному характеру, о котором свидетельствует Мстислав Изяславич. Кроме того, логично предположить, что в анафему поставившему Клима Изяславу был включен и сам Клим, что еще раз подчеркивало бы «испровержение» всех его действий. Б.А. Успенский обращает внимание на то, что в составленном при митрополите Симоне (1495—1511) сборнике (рукопись РНБ, Погод. 1571, XVI—XVII вв., л. 16) Клим включен в число тех, кого запрещено помянуть за богослужением [Успенский. 2017. С. 184—185, прим. 22] — таким образом, он здесь не просто грешник, но именно отлученное от Церкви лицо.

Благословение великого князя Юрия

Проклятие Изяслава (и, предположительно, Клима) особенно контрастирует с благословением, которое было преподано Юрию Долгорукому митрополитом Константином и единомышленными ему епископами (бл҃гословиша кнѣза Дюрга Володимирича). Торжественность этого благословения, преподанного целым собором (глагол употреблен во мн. ч.), говорит о его особом характере. Иными словами, оно было чем-то большим, нежели обычное «благословение христианина духовным лицом»²².

Вполне возможно, что имя Юрия с пожеланием ему благополучного княжения было провозглашено во время церковной службы — либо само по себе, либо, что должно было звучать еще сильнее, сразу после проклятия в адрес Изяслава, аналогично тому, как после всех анафем в последовании Торжества Православия провозглашаются имена усопших и здравствующих православных императоров и патриархов.

Можно, однако, пойти дальше и предположить, что благословение Юрия следует понимать как его легитимацию в качестве великого князя со стороны Церкви. Усвоение присланному из Византии митрополиту права осуществлять такую легитимацию, несомненно, соответствовало бы политическим замыслам Константинополя в самой высшей степени. В свою очередь, Юрий мог пойти на это по двум причинам. Во-первых, десятью годами ранее великий князь Изяслав впервые включил в состав церемонии вокняжения церковный элемент — посещение Софийского собора [Гвозденко. С. 27]. При этом Юрий, заняв в 1155 году Киев, не мог торжественно посетить Св. Софию из-за отсутствия в соборе легитимного владыки (ср. известное свидетельство о распоряжении митрополита Михаила, цитируемое епископами-противниками Клима: не достоить намъ безъ митрополита . въ стѣѣ Софѣи слоужити [ПСРЛ II: 341]). Однако и полное исключение этого церковного элемента, только что введенного его противником, было бы для него нежелательным. Во-вторых, новый великий князь не пользовался любовью у киевлян, а его вокняжению предшествовал период поли-

тической нестабильности — Юрий был вынужден захватывать киевский великокняжеский престол уже в третий раз, — так что он мог испытывать потребность в дополнительном подтверждении своей власти.

Красноречивую параллель краткому известию о благословении Юрия митрополитом Константином во главе собора епископов, сразу после предполагаемого нами переосвящения Св. Софии, составляет статья Ипатьевской летописи под 6795 (т. е. 1287) годом:

взем же радѣ . с братомѣ . поѣха до Володимѣра . и приѣха Володимѣрь . ѣха во [е]пѣпью ко стѣ[и] Бѣи . и созва бояры Володимѣрьскыя . бра^ѣ своего . и мѣстичѣ Роусци и Нѣмцѣ . и повелѣ передо всеми чести грамотоу братноу ѿ даньи землѣ и всѣ^х городовъ . и столного города Володимѣра . и слышаша вси ѿ мала и до велика . епѣпъ же Володимѣрьскый Свьѣсѣгнѣи . и блѣгослови Мѣстислава крѣ^тмъ воздвизалнымъ . на княжение Володимѣрьское . хоташеть бо оуже княжити в Володимѣрѣ . но братъ емоу не да [ПСРЛ II: 905].

В этой статье мы видим, что благословение епископом князя на княжение является торжественной публичной церемонией правового характера. Здесь луцкий князь Мстислав Изяславич, уже давно хотевший вокняжиться в главном местном центре — Владимире Волынском, — легитимирует этот акт посредством предъявления грамот местным жителям и даже иностранцам, после чего принимает благословение от местного епископа Евс(т)игнея, окончательно признающего таким образом его право на княжение в городе. Аналогичную торжественную встречу нового князя епископом с богослужебной процессией мы в видим и в Новгороде в 1208 году [ПСРЛ I: 424]²³. Нельзя исключать, что подобная практика благословения нового князя иерархом, впервые фиксируемая именно в нашем случае, и была введена на Руси Константином I²⁴.

Лишение Ростовского епископа Нестора кафедры и изгнание его преемника Леона

В отличие от «испровержения» Климовых «ставлений», летопись ничего не сообщает о каких-либо низложениях русских епископов, участвовавших в поставлении самого Клима в 1147 году. Это были Онуфрий Черниговский, Феодор Белгородский, Дамиан Юрьевский, Евфимий Переяславский, Феодор Владимиро-Волынский [ПСРЛ II: 340—341]; в 1156 году они уже не упоминаются. Впрочем, исключать низложение кого-то из них нельзя, но летописи прямо сообщают лишь о двух епископских хиротониях Константина: Аркадия на Новгородскую кафедру

[ПСРЛ III: 30] и Леона — на Ростово-Суздальскую (см. ниже), при этом предшественники обоих (соответственно, Нифонт и Нестор) не являлись сторонниками Клим²⁵. С большой степенью вероятности, ставленником Константина был также епископ Черниговский Антоний, который упоминается в летописях не ранее 1159 года; если его предшественник Онуфрий — инициатор поставления Клим²⁵ Онуфрия, — еще был жив, то это единственный пример не формального, а действительного низложения Константином епископа из сторонников Клим²⁵.

Умолчание летописи о судьбе епископов, поддерживавших Клим²⁵, выглядит особенно загадочно в свете известия о лишении Ростово-Суздальской кафедры епископа Нестора, отправившегося в том же 1156 году «в Русь» — очевидно, к новому митрополиту. Примечательно, что Лаврентьевская летопись сообщает об этом сразу вслед за известием о приезде на Русь самого Константина, вместо разобранного нами выше рассказа о действиях нового митрополита в Киеве:

В то же лѣѣ . приде митрополитъ изъ Цраграда Костантинъ . и приять
кго князь с честию и людье вси . на ту же зиму иде епѣпъ Нестеръ в Русь.
и лишиша и епѣпья [ПСРЛ I: 347].

Можно было бы предположить, что к смещению Нестора привело поминовение им Клим²⁵. Однако Нестор нигде не упоминается как сторонник Клим²⁵. А ведь те русские епископы, кто не признал Клим²⁵, не только не лишились своих кафедр (Мануил Смоленский и [Косма] Полоцкий²⁶ [ПСРЛ II: 485]), но даже удостоились похвалы от патриарха (Нифонт Новгородский [ПСРЛ II: 484]). При выборе Клим²⁵ собором русских епископов в 1147 году Ростово-Суздальский епископ не присутствовал [ПСРЛ II: 341], что говорит, скорее всего, о нежелании суздальского князя Юрия Долгорукого признавать ставленника своего политического противника — князя Изяслава Мстиславича. Судя по событиям следующего — 1148 года, когда не признававший Клим²⁵ Нифонт Новгородский отправился в Суздаль, освятил там церковь Богородицы, а также антиминос для храма св. Георгия «повелениемъ епискупа ростовскаго Нестора при благочъстивемъ князи Георгии»²⁷, не только Юрий Долгорукий, но и Нестор входили в анти-климовскую коалицию [Назаренко. С. 23, прим. 67]. Соответственно, отправляясь к Константину в Киев, Нестор мог ожидать скорее награды, чем наказания.

Владимиристо-суздальский летописец видит за смещением Нестора происки его приемника — грека Леона:

Левнъ еп(и)с(ко)пъ . не по правдѣ постависа Суждалю . Нестеру
[є]п(и)с(ко)пу Сужьдальскому живущю . перехвативъ Нестеровъ столъ
[ПСРЛ I: 342].

Однако летописец, позитивно настроенный к Нестору и негативно — к Леону, в этом вопросе мог быть тенденциозен. Следуя отчасти ему, П.П. Соколов видел за смещением Нестора попытку Константина I занять все кафедры этническими греками, чтобы избежать повторения событий с избранием Климма [Соколовъ. С. 91]. М.Д. Приселков попытался увязать смещение Нестора с его предполагаемым конфликтом с Андреем Боголюбским, однако следуя ошибочной хронологии Никоновской летописи, Приселков считал Нестора инициатором русского спора о постах [Приселковъ. С. 395—396], что, безусловно, неверно [Виноградов, Желтов. 2018]. В.Т. Пашуто и, вслед за ним, А.В. Назаренко предположили, что Нестор, в какой-то момент, наоборот, сблизившийся с Андреем Боголюбским, стал жертвой недовольства самостоятельной политикой Андрея со стороны его отца — Юрия Долгорукого, который и пригласил Константина I в Киев [Пашуто. С. 191; Назаренко. С. 13—14] и который в 1148 году еще был близким сторонником Нестора²⁸; действительно, в пользу такого предположения может говорить отсутствие Нестора на торжественной встрече Константина I, к которой готовились заранее (ср. историю Нифонта).

Но какова бы ни была политическая подоплека смещения Нестора, Константин должен был найти для него подходящее каноническое обоснование. Таковое в случае Нестора могли создать либо какие-то гипотетические шаги в пользу Климма, либо серьезные проступки в нравственной сфере, либо какие-то обвинения, связанные с ненадлежащим управлением епархией. В пользу первого предположения можно указать лишь на то, что Нестор не явился в Киев для встречи Константина. Но это слабый аргумент; к тому же, Нестор не лишен был епископского сана, а лишь смещен с Ростовской кафедры, которую он занял вторично во второй половине 1160-х годов [Назаренко. С. 35], что говорит против предположения о какой-либо его связи с Климом, равно как и против предположения о каких-либо серьезных грехах в области личной нравственности. Остается только последнее предположение. Но простое недовольство митрополита тем, как Нестор осуществлял управление епархией, еще не давало канонических оснований сместить епископа; что же конкретно могло быть ему вменено в вину? Свет на эту загадку могут пролить последующие события в Ростово-Суздальской епархии.

После смещения Нестора Ростово-Суздальская кафедра вдовствовала почти два года — до 1158 г., когда туда прибыл назначенный Константином I грек Леон [ПСРЛ I: 348]. Столь долгий срок может указывать на то, что все это время продолжались объяснения Константина I с местным князем — Андреем Боголюбским, — по поводу низложения Нестора²⁹. Как мы видели выше, суздальский летописец воспринимал это назначение, при живом Несторе, как произведенное «не по правде», и

ставил его в вину самому Леону. Но и Леон был вскоре — всего через год — подвергнут изгнанию. Об этом повествуют и Лаврентьевская, и Ипатьевская летописи, причем под одинаковыми годами.

Лаврентьевская летопись

*В лѣт(о) 6666... Том же лѣт(ѣ)· при-
де Левнѣ на єп(и)с(ко)пью· Ростову·*

...

*В лѣт(о) 6667...Того ж(е) лѣт(а)· вы-
гнаша Ростовци и Суждальци· Левна
єп(и)с(ко)па· зане оумножилъ баше
ц(е)рк(о)въ граблѣи попы·*

[ПСРЛ I: 348—349]

Ипатьевская летопись

*В лѣт(о) 6666... Том же лѣт(ѣ)
Левнѣ на кп(и)с(ко)пью в Ростовѣ·*

...

*В лѣт(о) 6667...Том же лѣт(ѣ) вы-
гнаша Новгородьци [Хлебниковский и
Погодинский списки: Ростовци и] Суж-
далци Левна· єп(и)с(ко)па зане оум-
ножилъ баше ц(е)ркви граблѣи попы·*

[ПСРЛ II: 491, 493]

В обеих летописях совпадают не только известия о Леоне, но и предшествующие им записи: о закладке Успенской церкви во Владимире в 6666 г. и о смерти князя Бориса Юрьевича в 6667 г. Дословное совпадение всех этих известий в семьях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей показывает, что они восходят к общему, древнему и достоверному источнику.

Первая половина второго сообщения о Леоне не вызывает затруднений: чтение «Новгородьци» в Ипатьевском списке вместо «Ростовци и» в Лаврентьевской летописи — явная ошибка переписчика, так как последнее стоит и в Хлебниковском и Погодинском списках. А вот смысл второй его половины не столь очевиден: если выражение «граблѣи попы» ни у кого из исследователей не порождало сложностей в понимании, то слова «умножилъ бяше церковь/церкви», стоящие в явно негативном контексте, вызвали большие проблемы в истолковании (см. ниже). Эту неясность еще более усложняет разночтение в летописях: в позднейших — Новгородской Карамзинской летописи (2-я выборка), Московском летописном своде, Пискаревском летописце и Устюжском летописном своде — стоит чтение семьи Ипатьевской летописи, «церкви», однако для семьи Лаврентьевской летописи первично чтение «церковь», которое стоит в Лаврентьевском и Академическом списках³⁰ и летописце Переяславля Суздальского³¹.

Загадочное описание причины изгнания Леонтия получило разные толкования в литературе. А.В. Назаренко выделяет четыре основных варианта их понимания [Назаренко. С. 22—23]:

- что Леонтий увеличивал число церквей и священников, чтобы получать с них плату за поставление [= Голубинский. С. 454];
- что он обложил священников поборами на строительство новых церквей [= Соколовъ. С. 96—97; ср. Назаренко. С. 23];

- что он взимал церковную подать не по числу церквей, а по числу престолов [= Воронин. С. 34—35];
- что он грабил священников, чтобы компенсировать взятку митрополиту [= Лимонов. С. 51].

Не говоря об общей натянутости и отсутствии аналогий, все эти толкования наталкиваются на текстологические проблемы: последнее вообще игнорирует часть летописного текста, а остальные предполагают, что оригинально чтение семьи Ипатьевской летописи «умножилъ бяше церкви», а не семьи Лаврентьевской летописи «умножилъ бяше церковь», не сопровождая этот однозначный выбор никакими дополнительными аргументами. Между тем, чтение «церковь» дезавуирует все эти истолкования. Эту проблему могла бы решить иная пунктуационная разбивка фрагмента: «умножилъ бяше, церковь/церкви грабяи, попы». При таком прочтении выходило бы, что Леон увеличил штат священников, которых приходилось кормить за счет Церкви/церквей, то есть за счет горожан, однако оно крайне затруднено синтаксически³². Какой же выход можно найти из этого тупика?

Исследователи не обратили внимания на два важных факта. Во-первых, в Новгородской Карамзинской летописи (2-я выборка) и Московском летописном своде читается не «грабяи», а «грабя и». Во-вторых, точно так же данное место понято еще в двух летописях: в очень важном для суздальских свидетельств летописце Переяславля Суздальского (здесь: «зане умножил бяше грабя церковь и попы») и в Пискаревском летописце (здесь: «зане умножил бяше церкви и попы грабя»). Таким образом, древнерусские книжники видели здесь не полную форму причастия («грабяи»), а краткую + союз («грабя и»); «грабя попы» стоит и в Устюжском летописном своде. Действительно, полная форма причастия противоречит узусу летописи, где обычно используется краткая форма³³, в том числе и для глагола «грабити», ср.: баше бо мужь твой аки волкъ . восхищад и граба (Повесть временных лет под 6453 г. [ПСРЛ I: 56; II: 44])³⁴. Тогда получается, что в оригинальном известии стояло: «умножилъ бяше церковь/церкви грабя и попы». Такое словodelение вполне возможно и для Лаврентьевской, и для Ипатьевской летописей и позволяет одновременно снять проблему первичности чтения «церковь/церкви» (см. выше), так как упрощает понимание смысла известия: Леон грабил «церковь» — то есть то ли Ростово-Суздальскую епархию в целом, то ли соборную церковь, — или же «церкви» той же епархии, а также священников.

Но теперь, когда объект при «умножил бяше» исчез, что же мог «умножить» Леон? В принципе, глагол «умножити» использовался в древнерусском языке в том числе безлично, в значении медия — «умножиться»³⁵, что, однако, не подходит в нашем случае по смыслу. В церковнославянском, в переводных текстах, хорошо засвидетель-

ствована конструкция «умножити» + инфинитив (2 Цар 18: 8; 4 Цар 21: 6; Амос 4: 4), но встречается и конструкция «умножити» + причастие (1 Цар 1, 12: «умножиши молящихся» = ἐπλήθυνεν προσευχομένη, «она [Анна, мать Самуила,] увеличила/усилила/удлинила свою молитву»), аналогичная нашему случаю. Древнерусский же язык знает не только выражение «бьяше... грабя» [ПСРЛ I: 56; II: 44], но и подходящую к нашему случаю конструкцию глагол увеличения + причастие: ближайшая к нашему случаю аналогия обнаруживается в пассаже о «белгородском киселе» из ПВЛ под 6505 г.: «удолжиша остоя» (в традиции Лаврентьевской летописи) / «удолжишася остояче» (в традиции Ипатьевской летописи), в значении «удлинили осаду» [Петрухин. С. 243—246]. Следовательно, выражение «умножилъ бьяше грабя» в нашем пассаже следует понимать как «умножил/усилил ограбление».

Тогда становится совершенно ясна и причина изгнания Леона горожанами — умножение, то есть увеличение некоего «ограбления» церквей (или Церкви) и священников. Лучше понять характер такого обвинения епископа в «ограблении» Церкви помогает современное нашему пассажи аналогичное обвинение горожан в адрес иерарха, а именно упрек Нифонту Новгородскому в Новгородской первой летописи под 6664 годом (т.е. за 3 года до изгнания Леона):

Тои же весне прѣставися архепископъ Нифонтъ, априля въ 21: шьль бьяше Киеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, получивъ святую Софию, пошьль Царюграду; и много глаголаху на нь, нь собе на грѣхъ [ПСРЛ III: 140—141].

Здесь епископа обвиняют в ограблении именно одной церкви, соборной, что говорит в нашем случае в пользу чтения семьи Лаврентьевской летописи «умножилъ бьяше церковь грабя», где под словом «церковь», возможно, так же понимается соборная церковь Ростово-Суздальской епархии — вероятно, Успенский собор в Ростове, сгоревший в следующем, 1160 году. Упоминание обвинения Нифонта в контексте летописного рассказа о его поездке к новому митрополиту Константину I в Киев может указывать на то, что оно выдвигалось официально, хотя и не было рассмотрено ввиду смерти Нифонта еще до приезда митрополита. Итак, некоторые новгородцы обвиняли Нифонта в том, что он, взяв некие ценности из своего кафедрального собора, хотел передать их в Константинополь: в научной литературе это обычно толкуется как сбор средств для выплаты денег в Патриархию либо в митрополию — денег, не выплачивавшихся Новгородской епархией за время правления Клим Смолятича.

Возвращаясь к Леону, следует учесть несоответствие его образа как подвижника (что проявилось в его ригоризме в вопросах соблюдения

поста [Виноградов, Желтов. 2018]³⁶) известию об «ограблении» им церкви и священников. Это действительно выглядит странно и потому не вызывает доверия у исследователей (ср. [Назаренко. С. 22]). Однако наше прочтение летописи позволяет прояснить этот вопрос. Ведь если, как выясняется, Леон лишь *увеличил* поборы с церкви и духовенства, то значит, они имели место в Ростово-Суздальской епархии и прежде, то есть при его предшественнике. А им, как мы помним, и был Нестор, отрешенный от кафедры по не указанной летописью причине. Как мы уже говорили выше, отправляясь к Константину I в Киев, Нестор мог ожидать скорее поощрения, чем наказания. И даже если против Нестора и был настроен князь Юрий, желавший видеть в Ростове более подконтрольного ему иерарха, Константину все равно требовался канонический повод для низложения епископа, причем более основательный, чем простая неявка в Киев к прибытию митрополита. Мы уже видели, что этот повод не мог быть связан ни с отношением Нестора к Климу, ни с личной нравственностью Нестора, но лишь с его деятельностью по управлению епархией.

Единственной сколько-либо верифицируемой гипотезой здесь может быть, на наш взгляд, только предположение об обвинении Нестора в невыплате денег с Ростовской епархии за период митрополичества Клима, что выглядело особенно рельефно на фоне аналогичной выплаты их Нифонтом. Недостача позволяла предъявить Нестору обвинение в самочинном отчуждении или присвоении церковного имущества, что запрещается рядом канонических правил: Апост. 38³⁷, Карф. 35 (26), 42 (33)³⁸, и, особенно, VII Всел. 12 (о важности этого правила для византийцев-современников Константина свидетельствует огромный комментарий к нему Феодора Вальсамона, многократно превышающий средний объем его комментариев на другие правила)³⁹, которое предписывает изгонять епископа, допустившего отчуждение церковного имущества, из его епархии, а это ровно то, что было сделано с Нестором, который не выплатил долг (хотя, видимо, собрал — «грабил» — деньги в епархии). В свою очередь, Леон мог попытаться собрать-таки недостающие средства, чем и вызвал недовольство ростовцев и суздальцев. Во всяком случае, его действия, в отличие от действий (или, скорее, бездействия) Нестора, должны были соответствовать интересам митрополии, коль скоро обвинения Леона в «ограблении» епархии, если они и выдвигались его противниками, поддержаны не были, так как не позже 1161 года (обоснование даты: [Назаренко. С. 24]) Леон вернулся на свою кафедру, о чем прямо говорит Ипатьевская летопись [ПСРЛ II: 520].

Заключение

В правовой деятельности митрополита Константина I, прибывшего в 1156 году на Русь, сразу же бросается в глаза последовательный и даже чрезмерный ригоризм: демонстративное низложение всех ставленников своего предшественника, пусть и не признаваемого, посмертное проклятие великого князя, вероятное переосвящение кафедрального собора, смещение епископа Ростовского Нестора. Ригоризм этот, однако, не был лишь личной инициативой митрополита, а напрямую проистекал из позиции Константинопольской Патриархии (и поддерживавшей ее части русских епископов) по непризнанию каноничности Клим Смолятича — строго следуя букве церковных канонов, Константин I только подчеркивал, причем соборно, недействительность и даже вредоносность Климова служения.

С другой стороны, с самого начала правления мы видим в действиях Константина I готовность к определенным компромиссам. Так, он восстанавливает в сане письменно отрекшихся от Клим киевских клириков, чтобы не восставлять их против себя. Также нельзя исключать того, что часть действий митрополита была вызвана не церковно-каноническими, а политическими причинами (проклятие Мстислава Изяславича, благословение Юрия Долгорукого, смещение Нестора). Однако и эти действия облекались в правовую форму, став в определенных случаях важной новацией на Руси (благословение епископом нового князя). Тем не менее, вовлечение нового митрополита-грека в русскую внутрикняжескую борьбу, продолжавшееся и позднее (вмешательство в судьбу Ивана Берладника [ПСРЛ II: 488]), привело Константина I, в конечном счете, к печальному итогу — собственному изгнанию из Киева в 1159 году.

Резкость правовых действий Константина I должна была восполнить десятилетний правовой вакуум в Русской Церкви, возникший из-за отъезда митрополита Михаила и избрания Клим Смолятича. Получилось так, что в этом конфликте Патриархию поддерживали епископы запада (Смоленский и Полоцкий), северо-запада (Новгородский) и северо-востока (Ростово-Суздальский) Руси, оказавшиеся в силу своего географического положения отрезанными от прямой связи с Константинополем, с которым общались, по всей видимости, лишь посредством писем [ср. ПСРЛ II: 484]. Соответственно, после восстановления контроля Патриархии над всей Русской Церковью встал и вопрос о денежных выплатах, который не везде решался легко: в Юго-западной Руси, куда бежал Клим, они, вероятно, вообще не производились, а в Новгороде и, видимо, в Ростово-Суздальской земле наталкивались на сопротивление местного духовенства и населения. Предпринятые Константином I действия ввергли Ростовско-Суздальскую епархию в тяжелейший иерархический кризис, продолжавшийся — на фоне честолюбивых притязаний местного князя

Андрея Боголюбского на создание отдельной митрополии, — в течение почти полутора десятка лет, до 1169 года. В конце концов, ошибочность чрезмерно ригористичной позиции всей группы разделявших схожие идеалы греческих иерархов — Константина I, Леона Ростовского, Антония Черниговского, позднее митрополита Константина II, — стала очевидной: конфликт о постах, принявший в 60-е годы XII века общерусский масштаб, вынудил Патриархию напрямую вмешаться в ситуацию и принять меры по коррекции курса, первоначально взятого Константином I.

Литература

- Виноградов А.Ю., Желтов М.С. «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // *Slovène — Словѣне: International Journal of Slavic Studies*. 2014. Т. 3, № 1. С. 43—71.
- Виноградов А.Ю., Желтов М., *святи*. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2018. № 2 [в печати].
- Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом: Из истории русско-византийских отношений XII в. // *Византийский временник*. 1962. Т. 21. С. 29—50.
- Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2009. № 1. С. 17—35.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2017. Т. 3 (69). С. 31—32.
- Голубинский Е. *История Русской Церкви*. Т. 1, 1-я пол. М., 1901 [Изд. 2-е, испр. и дополн.].
- Карташев А.В. *Очерки по истории Русской Церкви*. Париж, 1959. Т. 1.
- Лимонов Ю.А. *Владими́ро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории*. Л., 1987.
- Макарий (Булгаков), *митр.* *История Русской Церкви*. М., 1995 [Юбилейное переиздание с комм. А.В. Назаренко]. Кн. 2.
- Макарий (Веретенников), *архим., Печников М. В.* Константин I // *Православная энциклопедия*. Т. 37. М., 2015. С. 22—24.
- Назаренко А.В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Междунар. науч. конф. (Владимир, 5—6 июля 2011 г.). Владимир, 2013. С. 13—36.
- Никольский Н.[К.] *О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века*. СПб., 1892.
- Паишутто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М., 1968.
- Петрухин П.В. К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1 (23). С. 232—249.
- Поньрко Н.В. Климент (Клим Смолятич) // *Православная энциклопедия*. М., 2014. Т. 35. С. 486—488.
- Поппэ А. Митрополиты и князья Древней Руси // *Подскальски Г.* *Христианство и богословская литература в Киевской Руси, 988—1237 гг.* СПб., 1996. [Изд. 2-е, испр. и дополн. для рус. перевода] (*Subsidia Byzantinorossica*; 1). С. 443—497.

- Приселковъ М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
- Соколовъ П.* Русскій архіерей изъ Византии и право его назначенія до начала XV вѣка. К., 1913.
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский Б.А.* Митрополит Климент Смолятич и его послания // *Slověne — Словѣне: International Journal of Slavic Studies.* 2017. Т. 6, № 1. С. 171—218.

- ¹ Основную литературу и обсуждение вопросов, связанных с личностью и биографией Климента, см. в статьях [Понырко 2014; Успенский 2017].
- ² О чем свидетельствуют как обстоятельства его кончины [Виноградов, Желтов. 2014], так и занятая его сторонниками позиция в споре о постах [Виноградов, Желтов 2018].
- ³ Причем и киевской, и владими́ро-суздальской, что подчеркивает важное значение этих коллизий для всей Древней Руси третьей четверти XII в.
- ⁴ Последний умер незадолго до приезда митрополита [ПСРЛ II: 483—484].
- ⁵ Ср. описание событий у М.Д. Приселкова, даже не предполагающее иных вариантов прочтения летописного известия: «Соборъ митрополита и двухъ епископовъ приступилъ, какъ видимъ, въ возстановленію правильной церковной жизни Кіева» [Приселковъ. С. 389].
- ⁶ Правила Святыхъ Помѣстныхъ Соборовъ съ толкованіями. М., 1880. С. 182—190.
- ⁷ Ср. словарную статью «Служба (Служьба)» в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 2000. Вып. 25. С. 120—124).
- ⁸ В частности, Климент «Вопрошания Кирикова», хотя и высказывается по вопросам евхаристической дисциплины (*Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты; 8). С. 416, §30), не только ничего не говорит о каких-либо исправлениях в тексте литургии, но, наоборот, сам просит Нифонта разъяснить порядок совершения литургии Преждеосвященных Даров епископом (Там же. С. 417, §43).
- ⁹ Подробное описание всех сохранившихся рукописей и информацию о наличии или отсутствии в них таких молитв см. в статье: *Желтов М., диак.* Чин Божественной литургии в древнейших (XI—XIV вв.) славянских Служебниках // *Богословские труды.* 2007. Сб. 41. С. 272—359. Можно предположить, что текст литургии, воспринятый русскими у южных славян, был в какой-то момент очищен от неконстантинопольских элементов (не митрополитом ли Константином I?), но впоследствии эти элементы снова вернулись в письменные формуляры благодаря влиянию устной традиции и копированию древнейших, ныне утраченных, списков.
- ¹⁰ «Можно подумать, что они вновь освящали Софійскій соборъ, оскверненный схизматикомъ» [Соколовъ. С. 90].
- ¹¹ «Может быть, самый Софійский собор был переосвящен малым чином» [Карташев. Т. 1. С. 174] — непонятно только, почему обязательно «малым» и как вообще понимать в контексте богослужения XII века выражение «переосвящать малым чином».
- ¹² *Гиппиус А.А.* К прочтению надписи № 1541 Софии Киевской // *Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто.* Москва, 20—22 апреля 2016. М., 2016. С. 79—81.
- ¹³ Ср. также: *Феодор Студит.* Письма 40. 142—143.

- ¹⁴ Дословно воспроизведено в статье [Успенский 2017. С. 183—184]. М.Д. Приселков некогда выдвигал еще и дополнительный аргумент в пользу того, что епископское достоинство Клима было признано, по крайней мере, Нифонтом [Приселковъ. С. 378]; он заключается в том, что Нифонт не уклонился от ответа Климу на вопрос о порядке совершения Преждеосвященной литургии епископом (см. в настоящей статье выше, прим. 8) — здесь, однако, следует вспомнить, что мы не знаем точной даты этого ответа.
- ¹⁵ Правила Святыхъ Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. М., 1877. С. 92—93.
- ¹⁶ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 74—75; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2000. Вып. 6. С. 296.
- ¹⁷ Таково мнение П.П. Соколова и А. Поппэ (см. выше); аналогичные утверждения: [Никольский. С. VI; Поньрко. С. 486; Макарий (Веретенников), Печников. С. 22; и др.]. А.В. Карташев, как уже отмечалось, решает проблему путем умножения сущностей: он пишет, что диаконы подверглись лишь запрещению (с последующим разрешением от него), а священники — извержению и повторному рукоположению [Карташев. Т. 1. С. 174].
- ¹⁸ [Приселковъ. С. 389], со ссылкой на Воскресенскую летопись, где действительно содержится чтение «попомъ» [ПСРЛ VII: 65].
- ¹⁹ [Успенский. 2017. С. 183], без упоминания Приселкова.
- ²⁰ Высказана в ходе обсуждения предварительной версии настоящей статьи на научном семинаре Лаборатории лингвосемиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 30 октября 2017 г.
- ²¹ В анафеме сомневаются [Макарий (Веретенников), Печников. С. 23], но без всякой аргументации.
- ²² Такая интерпретация допущена, наряду с мыслью об особом статусе этого благословения, в статье: [Гвозденко. С. 28].
- ²³ См. также: *Bartnicki M. Władca i poddani w historiografii ruskiej XI—XIII wieku. Lublin, 2015. S. 125—130.*
- ²⁴ Тем более, что Константину были, конечно же, хорошо известны византийские чины поставления светских сановников, с церковными молитвами (сохранившимися в Евхологиях) и осенениями поставляемых знаком креста.
- ²⁵ В поздней Воскресенской летописи под 1158 годом дополнительно упоминаются поставления Васильца на Переяславль и Косму на Галич [ПСРЛ VII: 66], но эти сведения недостоверны, вопреки [Приселковъ. С. 390], так как в действительности Косма был поставлен в епископы еще в 1143 году [ПСРЛ II: 314].
- ²⁶ Этот факт говорит против предположения Б. А. Успенского о том, что Косма Полоцкий дал повольную грамоту для избрания Клима в 1147 г. [Успенский 2017. С. 181, прим. 17].
- ²⁷ *Морозовъ Ѳ.* Антиминсь 1149 (6657) года // Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. 11. СПб., 1915. С. 197—209; см. также [Успенский. 1998. С. 277—278, прим. 31]. Аргументы против подлинности антиминса, высказанные в статье: *Загравский С.В.* Вопрос подлинности антиминса XII века из Николо-Дворищенского собора // Материалы XVIII международной краеведческой конференции (19 апреля 2013 года). Владимир, 2014. С. 179—189, несостоятельны (а именно: «архиепископом» Новгородский иерарх называется и ранее; летописная статья не обязана сообщать о всех действиях Нифонта во Владимиро-Суздальской земле; слова «повелением епископа ростовского Не[сте]ра» означают лишь санкцию местного епископа на освящение антиминса в его епархии более высоким по статусу иерархом; рассуждения о «пренебрежимо малой» вероятности попадания «некой жидкости (скорее всего, воды)» только на три места надписи, каж-

дое из которых занимает «не более 3% площади плата», являются натянутыми, поскольку, во-первых, 3×3% — это не так уж и мало, а во-вторых, значительная часть площади плата не заполнена надписями, и попавшая на эти места вода могла просто не оставить никаких следов; наконец, утверждения автора о практике использования антиминсов, опирающиеся на трехтомный популярный словарь «Христианство», попросту неверны, что легко увидеть, обратившись к специальной литературе по истории антиминсов — работам прот. К. Никольского, И. Петридиса, И. Гошева, Я. Иццо).

²⁸ Противоположная точка зрения высказана в работах: *Заграевский С.В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М., 2002. С. 120; *Его же.* Вопрос подлинности антиминса...

²⁹ Ср., однако, поставление Константином I Аркадия в Новгородские епископы также лишь спустя два года после избрания (соответственно, 1156 и 1158 гг. [ПСРЛ III: 29—30]). Что это — простое совпадение или свидетельство о неких процедурах (например, консультациях с Константинополем), проводившихся Константином при поставлениях им епископов?

³⁰ В Академическом списке далее добавлено «пустыхъ» [ПСРЛ I: 349—350. Прим. 10], что указывает на желание древнерусского книжника объяснить темное место собственным уточнением — правда, неудачным, — что Леон умножил число пустых церквей.

³¹ В Радзивилловской стоит бессмысленное «церквей».

³² Формально возможен еще один вариант (любезно указан М. Парфеней) — понимать «попы» как твор. падеж, т.е. «при помощи попов», но он маловероятен в смысловом отношении.

³³ Любезно указано нам А.А. Гиппиусом.

³⁴ Ср. «грабаче» в Ипатьевской летописи под 6666 г. [ПСРЛ II: 489].

³⁵ [ПСРЛ XXX: 187]; Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006. С. 121.

³⁶ Склонность к крайним аскетическим практикам проявил и поставивший Леона Константин [Виноградов, Желтов. 2014].

³⁷ Правила Святыхъ Апостоль съ толкованіями. М., 1876. С. 84—87.

³⁸ Правила Святыхъ Помѣстныхъ Соборовъ... С. 461—464, 482—485.

³⁹ Правила Святыхъ Вселенскихъ Соборовъ... С. 668—689.

Марчело Гарзанити*

Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка

Аннотация: В работе восстанавливается, на основе имеющихся источников, международная дипломатическая обстановка в момент прибытия в Москву Максима Грека (1518). В особенности делается попытка пролить свет на отношения Максима с греческой диаспорой как на западе, так и в России, а также на роль папской дипломатии, в частности доминиканского ордена, которая стремилась к созданию антитурецкой коалиции с участием Москвы.

Ключевые слова: Максим Грек, история России, папская дипломатия, османский вопрос.

Marcello Garzaniti

The arrival in Moscow of Maxim the Greek (1518) and the international diplomatic juncture

Abstract: On the basis of the available sources, the essay reconstructs the international diplomatic juncture in Moscow at the arrival of Maxim the Greek (1518) highlighting his relations with the Greek Diaspora both in the West and in Russia and the role of papal diplomacy, above all of the Dominican order that worked for the establishment of an anti-Turkish league that also included Moscow.

Keywords: Maxim the Greek, Russian history, papal diplomacy, Ottoman question.

Пятьсот лет назад, когда Максим Грек прибыл в Москву (4 марта 1518 г.), столица Великого княжества являлась важным перекрестком в международной политике той эпохи. Хотя афонский монах официально не выполнял в России дипломатических функций, деятельность в этом направлении оказалась весьма значимой, особенно если учесть определенные обстоятельства и совпадения, до сего времени ускользавшие от внимания исследователей при воссоздании картины прошлого¹.

* Марчелло Гарзанити, профессор Департамента языков, литератур и межкультурных исследований Флорентийского Университета.
Marcello Garzaniti, Full Professor of Slavic Philology Department of Languages, Literatures and Intercultural Studies University of Florence.

Максим ушел из Ватопедского монастыря еще в 1516 году, вместе с иеромонахом Неофитом и Лаврентием Болгариним; от Пантелеимонова монастыря к ним присоединился наместник игумена Савва [Синицына. С. 222, прим. 1]². Миссия окончательно сформировалась во время вынужденной остановки в Константинополе, так как ни одна официальная иноземная делегация не имела права покинуть столицу Османской империи до возвращения Сулеймана из его победоносного похода в Египет (1518). На первый взгляд может показаться, что только непредвиденное обстоятельство отдалило навсегда Максима от Ватопедского монастыря: он был послан в Москву взамен сербского монаха Саввы для перевода на славянский язык или исправления славянской версии священных текстов, по желанию великого князя Василия III, а также митрополита Варлаама [Синицына. С. 100].

Сам собой возникает вопрос о причинах отправки именно Максима, который, хотя и славился своей эрудицией, знал только греческий и латинский языки. Ведь были, несомненно, и другие монахи славянского происхождения, владевшие греческим и способные выполнить эту задачу. Чтобы ответить на данный вопрос, следует отметить важное значение Москвы не только для Афона, но и для всей Греческой Церкви, находившейся под османским игом, а также, в целом, сложность международной ситуации в ту эпоху.

Москва, если оставить в стороне дунайские княжества, являлась столицей единственного православного государства, в котором сохранялось традиционное византийское двоевластие — в лице великого князя и митрополита. Царствовавший в тот период князь Василий по происхождению был наполовину греком как сын Софии Палеолог, и Русская Церковь, несмотря на давнее провозглашение автокефалии (1448), оставалась тесно связанной с греческой традицией. Великое княжество московское было вовлечено в долгую войну с польско-литовским государством за господство в Восточной Европе, а также сопротивлялось с переменным успехом набегам орды Крымского ханства, вассала Оттоманской Порты.

При дворе Василия с 1508 года действовал Николай Булев (середина XV в. — 1548), врач и астролог из Любека, состоявший ранее на службе при дворе папы Юлия II и активно пропагандировавший союз с Римом и идею антитурецкой коалиции [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 133—138, 243—252]; однако до тех пор чаяния римской дипломатии в отношении Москвы оставались бесплодными. Дело сдвинулось, как представляется, именно во время появления в столице Максима.

Он прибыл в составе делегации, возглавляемой митрополитом Григорием (именуемым в русских источниках Григорием Греком) и в сопровождении патриаршего диакона Дионисия, — все они были направ-

лены патриархом Константинополя Феополитом. В биографии Максима Грека, подготовленной Н.В. Сеницыной очень тонко подмечено, что летописи повествуют об отправке митрополита с миссией только к великому князю, но не к русскому митрополиту, что подчеркивало непризнание автокефалии Русской Церкви. Исследовательница обоснованно связывает это событие со свидетельством, которое сохранилось в документах судебного процесса над Максимом и в котором приводятся его резкие упреки в неподобающем приеме посланников патриарха, адресованные митрополиту Московскому и даже великому князю [Сеницына. С. 102—103; Покровский, Шмидт. С. 118—119]³.

Миссия из Константинополя прибыла в Россию в период кипучей дипломатической деятельности европейских держав и обнаружила в Москве другие делегации из западной Европы. В 1517 году, когда Максим еще находился в пути, в Москву в качестве посла императора Максимилиана прибыл с делегацией барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486—1566), совершавший сюда свою первую миссию (1516—1517) с целью уладить конфликт между польским королем и великим князем литовским Сигизмундом, а также выявить возможности вовлечь великого князя Василия III в большой крестовый поход против Османской империи [Хорошкевич. С. 35]⁴. И под нажимом Венецианской республики император, как увидим в дальнейшем, счел уместным именно весной того же года (в апреле 1518 г.) отправить в Москву новую делегацию во главе с Франческо да Колло и Антонио де Конти для проведения переговоров о заключении мира с Польшей [Ronchi De Michelis. 1985].

Особенно внимательно следил за происходящим папа Лев X, который намеревался напрямую вмешаться в военную конфронтацию между христианскими державами в Восточной Европе с надеждой заполучить Россию в качестве союзника в борьбе против турок. Именно с этой целью он направил в Москву свою делегацию во главе с братом доминиканцем Николаем Шонбергом (Nikolaus von Schönberg, 1472—1537), почти забытым сегодня на западе, однако игравшим важную роль как в ордене доминиканцев, так и в римской курии⁵.

Потомок могущественного немецкого рода, Николай вступил во флорентийскую обитель Сан-Марко, очарованный Савонаролой, как многие его сверстники, получая доминиканское облачение из рук знаменитого настоятеля (1497), и дал свой торжественный обет в год его трагической кончины. Среди молодых монахов, оставшихся в Сан-Марко несмотря на вынесенный настоятелю смертный приговор, в обители находился и брат Николай как раз в тот момент, когда Михаил Триволис, т.е. молодой Максим Грек⁶, выразил свое намерение вступить в доминиканский орден⁷. Следовательно, прошлое Николая соприкасается с прошлым Михаила, когда последний был послушником доми-

никанского монастыря; данный факт до настоящего времени нигде не был отмечен. Подобное совпадение, как нам кажется, весьма важно для понимания общего контекста, в котором действовала дипломатическая миссия с участием Максима.

После отбытия Максима из Венеции (1506) [Синицына. С. 89] пути Михаила и Николая на долгие годы разошлись, однако в некоторых отношениях следовали параллельно. Брат доминиканец, по-видимому, приспособился к новому порядку, став вначале настоятелем Сан-Марко (1506), а затем, благодаря молниеносной карьере, получил должность генерального прокуратора доминиканцев (1508) под попечительством нового генерального магистра ордена Фомы де Вио, инициатора умеренной реформы ордена, более известного как кардинал Каэтан (1469—1534). Между тем Максим, будучи членом Ватопедской монашеской общины, установил связи с молдавскими и константинопольскими иерархами⁸. Спустя десять лет, когда Максим покидает Ватопедский монастырь, отправляясь в составе миссии в Россию, брат Николай, в свою очередь, поступает на дипломатическую службу в Ватикане.

В тот период в Риме, в курии папы Льва X, флорентийца и сына Лоренцо Великолепного, активно действовали другие соратники и старые знакомые афонского монаха, прежде всего, его учитель Ианос Ласкарис (1445—1534). После кончины Виссариона (1403—1472)⁹, в первой половине XVI века Ласкарис начинает играть ключевую роль не только в охране византийского культурного наследия и господства культуры греческого языка, но и в активной дипломатической деятельности при дворах европейских монархов, в том числе французского короля, чьим послом он являлся. При этом главной его задачей была настойчивая пропаганда против турок¹⁰. При поддержке Маркоса Мусурса (1475—1517), друга Максима еще со времен пребывания во Флоренции, после неудачной попытки в Милане Ласкарис основал в Риме первую греческую гимназию (1516)¹¹. Спустя год, когда Максим находился на пути в Москву, папа обратился именно к Ласкарису, несмотря на его преклонный возраст, с просьбой отправиться с миссией к султану Египта, которому угрожал Сулейман Великий. Только завоевание Египта Османской империей (и, возможно, недостаток финансовых средств) воспрепятствовало его опасному путешествию [Knös. P. 160—161]¹². Тем не менее, годом позже Ласкарис сопровождает в Париж папского посланника кардинала Биббиена (Бернардо Довици), с целью поддержать крестовый поход против Османской империи, как раз в тот момент, когда Максим начинает свою миссию в Москве [Там же. P. 162—163].

Среди прежних знакомых Михаила из ордена доминиканцев, помимо Никколо, следует упомянуть также другого ученика Савонаролы, Дзаноби Аччайоли (1461—1519), бывшего библиотекаря монастыря

Сан-Марко во Флоренции. Именно в 1518 году Аччайоли становится префектом Ватиканской Библиотеки [Redigonda; Denissoff. P. 232]. Таким образом, в Риме находились как важные представители греческой диаспоры на западе, так и доминиканцы — последователи Савонаролы. При этом и те, и другие старались склонить курию к одному и тому же курсу. Впрочем, проповедуемые ими реформационные идеи — от возврата к бедности в религиозных орденах и до призыва к высокой нравственности в общественной жизни — воспринимались в тесной связи с необходимостью противостоять турецкой угрозе путем организации крестового похода против Османской империи, на что очень надеялась греческая диаспора. Мы можем найти ясное тому свидетельство в работе одного из наиболее видных последователей Савонаролы и крупных представителей Флорентийской республики, Андреа Камбини (1445—1527), который был подвергнут жестоким репрессиям после казни феррарского брата и, уединившись, почти тридцать лет посвятил написанию важнейшего произведения той эпохи об Османской империи — «Комментарий Андреа Камбини, флорентийца, о происхождении турок и Османской империи» (*Commentario de Andrea Cambini fiorentino della origine de Turchi, et impero della casa ottomana*, 1529) [Masi. P. 83—86].

Эти подробности приобретают важность, если учесть, что Максим — и во время своего пребывания на Афоне, и особенно в период проживания в Константинополе — мог установить связь со своими братьями-греками на западе, которые, естественно, с трепетом следили за результатами турецкого похода на Египет¹³. Максим мог вновь наладить (или участить) контакты с Ласкарисом, находившимся в то время в Риме. Могли быть написаны зашифрованные послания, как это делал Ласкарис в переписке с Лоренцо Великолепным во время своих миссий [Ceresia]. Мы можем вполне обоснованно предположить обмен сведениями между ними и даже какие-либо согласованные действия. Папская курия собиралась взять в свои руки инициативу создания антитурецкой коалиции и, прежде всего, рассчитывала на участие Московии в этом предприятии. Вековая солидарность греков во имя сохранения византийского наследия должна была способствовать преодолению тех церковных преград, которые еще не успели приобрести слишком строгий характер, особенно при общем стремлении к такому высшему благу, как возрождение Константинополя. Подобные ситуации уже имели место в прошлом применительно к России: когда греческий кардинал Виссарион выступил посредником в браке Зои-Софии Палеолог с Иваном III¹⁴ и когда доминиканец-хорват (?) внес свой решающий вклад в создание первой славянской библии по инициативе архиепископа Новгородского Геннадия (ок. 1410—1505)¹⁵.

Когда Максим уже находился в Москве, папа Лев X послал брата Николая в Россию с деликатной миссией — убедить великого князя Васи-

лия вступить в антитурецкую коалицию, апеллируя к его византийскому происхождению и предлагая возвести Московского митрополита в сан патриарха, обновляя таким образом Флорентийскую унию¹⁶. Слишком много совпадений, чтобы предположить простую случайность, особенно если учесть возобновленное обязательство папы Льва X в организации крестового похода против турок, идея которого была выдвинута и принята на Пятом Латеранском соборе (1517). Сам генеральный магистр доминиканцев Де Вио, по приказу папы, временно оставил управление ордена в 1518 году после получения кардинальского титула и отправился в качестве папского легата к императору Максимилиану, чтобы выступить перед всем Рейхстагом в защиту антиосманской коалиции и постараться любыми путями привлечь к предприятию польское и венгерское королевства [Stöve].

В действительности, Николаю и Максиму так и не удалось встретиться, поскольку вначале император Максимилиан, а затем польский король помешали папскому посланнику добраться до столицы Великого княжества московского из боязни прямых соглашений между римской курией и князем Василием. Император Максимилиан не просто предупредил Сигизмунда о прибытии посланника, но и постарался выставить Николая в невыгодном свете с целью подорвать его авторитет и в глазах великого князя [Шмурло. С. 107]. Вероятно, посол Франческо да Колло был отправлен в Москву именно с целью контролировать действия папского посланника¹⁷.

Миссия все же была осуществлена, так как Николаю удалось передать послание от папы своему брату Дитриху, который в Кенигсберге стал правой рукой великого магистра и который впоследствии погиб в битве при Павии (1525). Тевтонский орден был заинтересован в укреплении союза с князем Василием в борьбе против поляков, и с этой целью весной 1517 года великий магистр послал в Москву монаха-рыцаря, который по возвращении с энтузиазмом сообщил о начавшемся сближении с Россией. Во время своего второго путешествия в 1518 году (март-апрель), когда в Москву уже прибыла делегация из Константинополя, Дитрих передал великому князю предложения от папы, которые однако были в целом отклонены. И в первом, и во втором случае переговоры вел Юрий Малый Траханиот (вторая половина XV в. — первая четверть XVI в.), видный русский дипломат, принадлежавший к самой могущественной семье греческой диаспоры в Москве [Буланин]¹⁸. Решающее значение приобретает для нас «*détail curieux*», т.е. курьезная подробность, отмеченная Пирлингом: именно деятели греческой диаспоры в Москве с особой твердостью воспротивились возведению митрополита Московского в сан патриарха [Pierling. P. 269]. Во время своего третьего посещения столицы Великого княжества московского (в марте 1519 г.) Дитрих, тем не

мене, добился разрешения въезда в Россию для своего брата Николая, ожидавшего возможности приехать в Москву, чтобы лично подать предложения от папы, и питавшего определенные надежды («*aliquam spem*») на успех данной миссии [Шмурло. С. 107—108]. Вместе с ним должен был отправиться и генуэзский купец Паоло Чентурионе, который, как увидим в дальнейшем, присоединился к делу борьбы против турок и союза с Москвой¹⁹. Однако въезду Николая воспрепятствовал, как было сказано выше, запрет со стороны германской империи и польского королевства, а не великого князя, и Чентурионе двинулся на Москву один, в надежде открыть новый путь на восток [Кудрявцев 2013].

Сам император к тому времени (в январе) скончался, и король Сигизмунд обратился с призывом снарядить новую миссию от папы в Москву для возобновления мира с великим князем. Этот призыв сопровождался просьбой не отправлять брата Николая, поскольку латинские духовные лица якобы принимались при русском дворе с неприязнью. Однако более правдоподобная цель данной просьбы заключалась в том, чтобы отодвинуть на задний план ненавистный Польше религиозный диалог, как доказывает история, связанная с женой Александра (предшественника Сигизмунда), дочерью Ивана III и София Палеолога²⁰.

Существование в римской курии различных позиций подтверждается тем, что по ходатайству поляка Эразма Циолека (1460—1522) в Москву был послан епископ Захария Феррери в сопровождении мирянина Джованни Тедалди, родственника папы Медичи, и с гораздо более осторожным письмом от главы Католической Церкви. Но, как известно, миссия не продвинулась дальше Кракова [Pierling. P. 271—273; Шмурло. С. 110—113]²¹. Мы больше не следим за братом Николаем после того, как он оставил Кенигсберг на обратном пути в Рим, однако упомянем, что впоследствии доминиканец был вознагражден кардинальской мантией за службу Святому Престолу (1535).

По прибытии в Москву Максим, конечно, усердно работал над введенными ему переводами, постепенно постигая церковно-славянский язык. В то же время из предоставленной ему кельи Чудова монастыря в Московском Кремле афонский монах установил связи не только со своими ближайшими русскими помощниками, которые поначалу переводили на славянский язык переработанные им латинские версии и среди которых числился Дмитрий Герасимов (ок. 1465 — после 1536) [Синицына. С. 113.]²², но и, безусловно, со своими греческими соотечественниками при дворе князя Василия и, наконец, с наиболее отзывчивыми представителями монашества и московской знати.

Как мы видели, в дипломатических кругах Великого княжества значительную роль играли деятели греческой общины, начиная с Юрия (Малого) Траханиота, который, вероятно, был привлечен и к пере-

водческой работе над священными текстами, так как, согласно свидетельству Герберштейна, попал в опалу именно из-за своего нелестного отзыва о существующих переводах на славянский язык (1523) и спасся только благодаря своей славе политического советника [Буланин. С. 437.]²³. К нему надо добавить и русскую ветвь семьи Ласкариса, в особенности Дмитрия Федоровича Ласкирева, приехавшего с отцом от двора Матьяша Корвина в 1496 г. и посланника великого князя при дворе императора Максимилиана всего за четыре года до прибытия Максима в Москву (1514), как и Мануила Ангелоса, которого великий князь послал в Венецию и Милан между 1493 и 1494 гг., т.е. во время первых посещений Максимом Венецианской республики²⁴.

Переводческая работа и правка священных книг, для которых Максим был официально призван в Россию, не исключали более широкого радиуса действия. Это позволяет лучше понять цели миссии, в которой участвовал Максим, а именно укрепление связи с Константинопольской Церковью и подтверждение роли патриарха, а также предоставление авторитетного образца афонского монашества и — далеко не последнее намерение — склонение Москвы к борьбе против Османской империи. Неслучайно *Послание московскому великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири* (1522), которое сопровождало его первый перевод²⁵, содержит важные размышления над отношениями между гражданской и церковной властью в свете традиций римско-византийского права. Представляя свою идею христианской империи, автор послания ясно выражал надежду на то, чтобы русский государь, потомок последнего византийского императора, действовал для освобождения Константинополя от турецкого ига. Подобные рассуждения, хотя и в русле западной традиции, можно прочесть в речи, которую всего несколько лет спустя произнес в Мадриде Ласкарис в присутствии императора Карла V после битвы при Павии (1525, см. ниже).

Непримиримая позиция Максима по отношению к Османской империи проявляется, в частности, в сочинении *Слово о том же кь благовѣрным на богоборца пса Моамефа* [Преподобный Максим Грек. Т. 2. С. 117—124.]²⁶. Неслучайно среди его работ мы находим перевод с латинского оригинала *Повести о взятии Царьграда* Энея Сильвия Пикколомини, в котором однако опущено упоминание о трусливом поведении императора, а также, по всей вероятности, перевод послания султана Сулеймана дожу Венеции с известием о захвате Роды (1522)²⁷.

Как видим, отношения между папским престолом и Россией не прекратились с миссией брата Николая и питались надеждами установить мир между Польшей и Россией ради совместной борьбы против Османской империи. На следующий год после падения Белграда (1521) и вышеупомянутого взятия Роды, когда на папский престол уже взошел

Климент VII, тоже из рода Медичи, вновь усилились попытки римской курии создать противотурецкую коалицию, и воскресла надежда на религиозное примирение. Это доказывает эпистола Альберто Кампензе (1490—1542) *Nova Moscovia*, адресованная Клименту VII (1523), в которой автор повествует «о делах Московии».

Данное послание представляет собой выражение реформационных тенденций, приведших на папский престол его учителя Адриана VI и побудивших его к дружбе именно с Николаем Шонбергом. В его призыве к объединению христианских держав против турок слышатся «савонарольские» интонации, особенно в отношении образа Василия III, который напоминает образ французского короля Карла VIII, «нового Кира», из проповедей феррарского брата²⁸.

В столь сложных обстоятельствах, в период обострения протестантского кризиса, папа-флорентинец, с одной стороны, вновь призвал к деятельности и рекомендовал императору Карлу V восьмидесятилетнего Ласкариса, состоявшего ранее на дипломатической службе при дворе французского короля Франциска I (1525)²⁹, а с другой стороны, приложил усилия к возобновлению замысла вовлечения русского государя в антиосманскую коалицию. Об этом последнем факте свидетельствует краткое послание, которое представил Паоло Чентурионе во время своего второго посещения Москвы весной 1525 года, незадолго до начала первого судебного процесса над Максимом.

На обратном пути в Рим Чентурионе сопровождал дипломатическую миссию от великого князя под руководством Дмитрия Герасимова, который, как мы видели, находился в тесном контакте с Максимом Греком в его переводческих трудах. Подробности римской миссии дошли до нас благодаря Паоло Джовио, имевшему поручение непосредственно от папы Климента, в его сочинении *De legatione Basilii Magni principis Moschovie* (1525), из которого явствует первое место османского вопроса для римского престола³⁰.

На обратном пути в Москву Дмитрия сопровождал брат минорит Джованни Франческо из Потенцы (Джованни Франческо Читто), формально назначенный епископом шведского города Скары, который, прибыв в Кремль (1525), возобновил предложения, уже выдвинутые ранее предшественником Климента, папой Львом X³¹.

Однако в целом ситуацию ожидали радикальные изменения, отмеченные трагической битвой при Мохаче (1526) и разграблением Рима (1527). Одновременно в среде греческой диаспоры в Москве, по всей вероятности, произошел переворот, следствием которого стало вышеупомянутое падение в опалу Траханиота (1523), и лишь двумя годами позже был арестован и отдан под суд (февраль 1525 г.) и Максим Грек. Вместе с тем должны были окончательно угаснуть реформационные

идеи, приведшие к обвинительному приговору Вассиана Патрикеева, вместе с которым на скамье подсудимых во второй раз оказался Максим (1530) [Синицына. С. 173—184].

Во всяком случае, история миссий брата Николая и последующих папских посланников представляет значительный интерес и заслуживает более глубокого изучения в контексте соперничающих европейских дипломатических миссий в Московию сразу после взятия Египта турками. Следует учитывать одновременно роль греческой диаспоры на западе и в Москве, а также значение греческой иерархии в Османской империи, начиная с самого патриарха, и даже греков в службе оттоманской дипломатии. При этом необходимо преодолеть традиционный историографический взгляд, согласно которому папская дипломатия была поражена хроническим недостатком политического реализма и неспособностью осознать глубину религиозного раскола и серьезность геополитического столкновения в восточной Европе.

Целесообразно также определить отношения греческой диаспоры с кругами гуманистов, наиболее открыто настроенных на религиозное обновление и церковную реформу, глубоко осознавших кризис средневековой Европы и искавших подлинные истоки христианства, прежде всего среди церковных служителей и монахов, которые после возникновения лютеранского реформационного движения оказались перед выбором между покорностью Римской Церкви и местными геополитическими обстоятельствами.

Все это помогло бы не только восстановить картину константинопольской миссии, в которой принял участие Максим Грек, но и определить контекст тернистого поприща его многолетней деятельности в России, отмеченной, прежде всего, отстаиванием прерогатив патриарха по отношению к русскому митрополиту³², непрерывной критикой на отклонения русской традиции от византийской и защитой от западных влияний язычествующего или протестантского направления³³. Вся история отношений Максима с греческой диаспорой в России и на Западе, с Константинопольским Патриархатом и Оттоманской Портой, которая пользовалась услугами греческих послов, должна по-новому рассматриваться в свете недавних исследований и для выявления истинных причин опалы афонского монаха.

Константинопольская Церковь, в любом случае, старалась осуществить свои замыслы, соперничающие с планами римской курии, как в церковно-культурной сфере, так и в общественно-политической³⁴ и ставила перед собой цель всеми способами поощрять Россию в охране византийской Церкви от турецкой власти, усматривая в верности «греческому вероисповеданию» гарантию восстановления Восточной империи. Таким образом, замысел антиоттоманской коалиции мог быть общей задачей в союзе

с Римом и западом. Вместе с тем Константинопольская Церковь старалась содействовать — как делали сторонники религиозного обновления на западе — возврату к истокам христианства, в данном случае к наиболее подлинной форме монашества, с целью исправить заблуждения, которые начинали обнаруживать в России тяжелые социальные последствия.

Дальнейшие исследования позволят прояснить преемственность, несмотря на изменения исторических условий, между Михаилом Триволисом и Максимом Греком, опираясь на связи с греческой диаспорой на западе, а также имея в виду среду доминиканцев и их сторонников (не только Савонаролы), осветив таким образом роль Максима, хотя и косвенную, в международных отношениях после его прибытия в Москву³⁵. Кроме того, следует пролить свет на эволюцию его идей после долгих лет плена и принудительного молчания, ставших важным промежуточным этапом в созревании у афонского монаха более глубокого духовного мировоззрения, которое еще ожидает своего основательного изучения.

Перевод Марина Гасанова-Мийат

Литература

- Боднарчук Е.В. Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи московской Руси с западной Европой в последней четверти XV — первой трети XVI в. СПб, 2015 (дисс. канд. ист. наук).
- Булагин, Д. Траханиот Юрий Дмитриевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Ч. 2, вып. 2. С. 437—438.
- Вернер И. Лингвистические особенности перевода “латинских” книг Геннадиевской библии 1499 г. // *Studi slavistici* VII, 2010, P. 7—31.
- Дунаев Б.И. Преп. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией. М., 1916.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV— в первой трети XVI вв. М. 1988.
- Клосс Б.М. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополь турками». В кн. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 55—61.
- Крутецкий В.Ю. Максим Грек и учреждение патриаршества (разрешительная грамота патриарха Иеремии II Максиму Греку, июль 1588 года). В кн.: 400-летие учреждения патриаршества в России / под ред. П. Каталано, Я.Н. Щапова Рим, 1991. С. 115—125.
- Кудрявцев О.Ф. Несостоявшийся маршрут, или русский проект генуэзца Паоло Чентурионе (из предыстории открытия Северного морского пути) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 52—52.
- Кудрявцев О.Ф. Спасти, чтобы спастись. Московитский проект Альберта Кампенского // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 14—35.
- Кудрявцев О.Ф. Примерное благочестие московитов: о некоторых аспектах восприятия русского мира итальянским гуманистом Павлом Йовием. В кн. *Universitas historiae*. Сборник в честь Павла Юрьевича Уварова / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2016. С. 293—301.

- Кудрявцев О.Ф. Русский книжник Дмитрий Герасимов и его рассказ о своей стране в интерпретации итальянского гуманиста Павла Йовия (1525 год) // Новая и новейшая история. № 6, 2017. С. 110—117.
- Преподобный Максим Грек. Сочинения // под ред. Н.В. Сеницыной. Т. 1. М., 2008.
- Преподобный Максим Грек. Сочинения // под ред. Н.В. Сеницыной. Т. 2. М., 2014.
- Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016.
- Плиузов А.И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
- Плюханова М.Б. Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV — начала XVI в. В кн.: «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X—XX вв. / отв. ред. И.В. Поткина. С. 19—45.
- Сеницына Н.В. Максим Грек. М., 2008.
- Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подг. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта.
- Флоря, Б.Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982. С. 123—143.
- Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии». В кн. *Герберштейн С. Записки о Московии* / Под ред. А.Л. Хорошкевича. Т. II. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М., 2008.
- Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега: К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. С. 477—488.
- Шмурло Е.Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом (1462—1528) // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская; Нарва, 1937. С. 91—136.
- Acta Nuntiaturae Polonae. Tomus II. Zacharias Ferreri (1519—1521) et nuntii minores (1522—1553) // Ed. H.D. Wojtyska CP. Romae, 1992.
- Bianca, C. Byzantines at Rome in the Fifteenth Century // Essays in Renaissance Thought and Letters in Honor of John Monfasani / Edd. A. Frazier, P. Nold. Leiden; Boston, 2015. P. 3—11.
- Ceresa M. Giano Lascaris // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. T. 63. Roma 2004. (<http://www.treccani.it/enciclopedia/giano-lascaris> 1.12.2017).
- Coppini D. Marullo Tarcaniota, Michele // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. T. 71. Roma 2008. (<http://www.treccani.it/enciclopedia/michele-marullo-tarcaniota> 1.12.2017).
- Danti A. Cantelli Centurione, Paolo // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. T. 18. Roma, 1975 (<http://www.treccani.it/enciclopedia/paolo-cantelli-centurione>. 1.12.2017).
- Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain-Paris, 1943.
- Garzaniti M. Michele Trivolis/Massimo il Greco (1470 circa-1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia 2, 2015. P. 341—366.
- Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *Atti del convegno "I Domenicani e la Russia"* / Ed. V. S. Dóci OP. Roma, 2018 (в печати).
- Knös B. Un ambassadeur de l'hellénisme: Janus Lascaris et la tradition greco byzantine dans l'humanisme français. Uppsala-Paris, 1945.
- Masi G. Stefano il Grande e la Moldavia nei "Commentari" di Andrea Cambini e Theodoro Spandugino Cantacuzeno // *Annuario dell'Istituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica*. T. VI—VII. 2004—2005. P. 83—120.
- Melani I. «Venire a unirsi con esso noi nelle cose della fede». Un vescovo, un Papa, un ambasciatore e «un re di nome non finto». La Moscovia di Paolo Giovio e la sua tra-

- dizione ramusiana // Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra medioevo ed età moderna (uomini, merci e culture) / Ed. I. Melani. Viterbo, 2011. P. 67—186.
- Menges F.* Schönberg, von // Neue Deutsche Biographie. T. 23: Schinzel — Schwarz. Berlin, 2007. P. 386—387 (<http://www.deutsche-biographie.de/pnd121101746.html> 1.12.2017).
- Mioni E.* Calliergi, Zaccaria // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. T. 16. Roma, 1973. (<http://www.treccani.it/enciclopedia/zaccaria-calliergi> 1.12.2017).
- Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. T. I. Paris, 1906 (2 изд.).
- Pontani P.* Paralipomeni dei “Turcica”: gli scritti di Giano Laskaris per la crociata contro i Turchi // Römische historische Mitteilungen. T. 27. 1985. P. 213—338.
- Redigonda A.L.* Zanobi Acciaiuoli // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. Roma, 1960. T. 1. (<http://www.treccani.it/enciclopedia/zanobi-acciaiuoli> 1.12.2017).
- Ronchey S.* Un'aristocratica bizantina in fuga: Anna Notaras Paleologina // Donne a Venezia / Ed. S. Winter. Roma, 2004. P. 23—42.
- Ronchey S.* Lenigma di Piero. L'ultimo bizantino e la crociata fantasma nella rivelazione di un grande quadro. Milano, 2006.
- Ronchi De Michelis L.* Da Collo, Francesco // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. Roma, 1985. T. 31 (<http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-da-collo> 1.12.2017).
- Ronchi De Michelis L.* Giovanni Francesco da Potenza // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. Roma, 2001. T. 56 (<http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-da-potenza> 1.12.2017).
- Schnitzer G.* Savonarola. T. 1—2. Milano, 1931.
- Sinicyna N.V.* Umanesimo e vocazione monastica nella biografia e nell'opera di Massimo il Greco // Forum “Massimo il Greco, Firenze e l'Umanesimo italiano” / Ed. M. Garzanti, F. Romoli / Studi slavistici. T.7. 2010. P. 313—326.
- Speranzi D.* Marco Musuro. Libri e scrittura. Roma, 2013.
- Stöve E.* De Vio, Tommaso // Dizionario Biografico degli Italiani / Ed. Istituto della Enciclopedia Italiana. Roma, 1991. T. 39 (<http://www.treccani.it/enciclopedia/tommaso-de-vio> 1.12.2017).
- Tomelleri V.S.* Il salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale: fra traduzione e tradizione. Con un'appendice di testi. München, 2004.
- Zabughin V.* Questioni religiose greco-slave negli scrittori del Rinascimento. Adversus Graecorum errores et pertinaciam di Alberto Pighe // Roma e l'Oriente. T. I. 1910. P. 111—117, 243—249. T. II. 1911. P. 98—107. T. IV. 1913. P. 222—228. T. V. 1914. P. 32—48. T. XI. 1919. P. 134—148, 212—231.

¹ О дипломатических отношениях той эпохи и, в частности, о связях между Россией и Святым Престолом см. фундаментальные исследования [Pierling, Шмурло]. Общий обзор см. в [Хорошкевич. 1980. С. 205—216]. Выражаю горячую благодарность коллеге С. Яковенко за его квалифицированную консультацию.

² Об обстоятельствах отбытия Максима в Россию в контексте отношений между Москвой и Афоном см. [Дунаев. С. 8—10].

³ Отказ великого князя от патриаршего благословения и отсутствие достойного приема константинопольской делегации со стороны русского митрополита свидетельствуют о напряженном противостоянии со вселенским патриархом, который стремился сохранить свои исторические прерогативы.

- ⁴ Этот высокоценный дипломат является автором наиболее важного в ту эпоху описания Московии *Rerum moscovitarum commentarii* (1549), в котором, среди прочего, говорится о деятельности Максима и его последующем исчезновении из общественной жизни.
- ⁵ Некоторые сведения о нем можно почерпнуть из *Neue Deutsche Biographie* [Menges], на портале старинного немецкого рода (<<http://www.familie-von-schoenberg.de/geschichte/nikolaus.html>>, 1.12.2017), а также у Г. Шнитцера, который однако высказывает об этой личности противоречивые суждения [Schnitzer. Т. 1. P. 381—382, 434, прим. 72]. Историю брата Николая следует начать именно с Летописи обители Сан-Марко, в которой ему посвящена целая глава. Прочитываем лишь один краткий отрывок: «Frater Nicolaus Scembergh domini Theoderici filius, natione germanus, iuris utriusque studiosus, annorum xxv, in manibus venerabilis prioris fratris Matthei solemniter est professus die 31 octobris 1498, hora noctis ferme secunda. Hic post prioratum lucensem, senensem et huius conventus defunctum, socius effectus est rev.mi ordinis magistri Iohannis Clareet provincialis Terrę Sanctę, post procurator totius ordinis in Romana curia ascitus; ipso officio ad presens probe admodum fungitur, etatis xxxvi annorum. [add.]: Demum de anno 1520 a Leone X^o effectus est archiepiscopus carpuanus et a Paulo 3° cardinalis» (Флоренция, Библиотека Лауренциана, Сан-Марко 370. Л. 97 об.).
- ⁶ См. по данному вопросу книгу Денисова, который, по нашему мнению, своими доводами развеял всякие сомнения в отождествлении Михаила Триволиса с Максимом Греком [Denissoff]. Некоторые колебания по этому поводу выражены еще в недавней работе Н.В. Синицыной [Sinicyna].
- ⁷ Об отношениях Максима Грека с доминиканцами см. [Garzaniti. 2018].
- ⁸ Монах Максим провел на горе Афон десять лет (1506—1516), о которых у нас имеются весьма скудные сведения. О его пребывании на Афоне см. [Синицына. С. 86—87]. О связях Максима с молдавско-валашскими землями см. работу И. Шевченко, который обращает внимание на возможные связи монаха с воеводой Валахии Нягое Басараба V (1459—1521) [Шевченко. С. 483]. Сочинения на греческом языке, написанные в тот период, см. в [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 84—115, под ред. Б.Л. Фонкича].
- ⁹ О присутствии греков в Риме, о роли Виссариона в событиях XV века и о первых десятилетиях следующего столетия, когда была основана «греческая гимназия», см. [Віанса 2015]. По этому же вопросу, но в отношении к России, см. [Плюханова, с обстоятельными библиографическими ссылками].
- ¹⁰ Тем не менее, значительность фигуры Ласкариса, если не учитывать его деятельность как гуманиста, продолжает оставаться в тени. К сожалению, у нас нет документальных подтверждений его пребывания в качестве посла французского короля в Венеции (1504—1509), которое частично совпадает по времени с присутствием там Максима, поскольку все бумаги Ласкариса в Венеции были уничтожены по приказу короля после распада союза с Венецианской Республикой. См. [Knös] и [Ceresa]. Мы лишь ограничимся замечанием, что последние исследования подчеркивают значение греческой общины в Венеции, среди представителей которой особого упоминания заслуживают наиболее видный ее член аристократка Анна Нотара, которая умерла в 1507 г. и византийский дворянин Феодор Спандуит Кантакузин (середина XV века — после 1538 г.). Первая в конце XV века основала греческое братство, получившее право отправлять богослужение на греческом языке, и поддерживала первые годы типографию Захарии Каллиерга, при сотрудничестве М. Мусурса и Ласкариса, когда были опубликованы важнейшие литургические тексты на греческом языке [Ronchey 2004, Mioni]; второй, выросший под попечительством вдовы султана Мары Бранкович, переехал в Венецию, но в 1509 г. был вынужден покинуть город из-за своей дружбы с французским послом Ласкарисом, ставшим персоной нон грата в Республике. Кантакузин поддерживал антитурецкую деятельность Ласкариса и, кроме того, написал по-итальянски ценное сочинение «о происхождении

- османских императоров», переведенное на французский, испанский и немецкий языки [Masi. P. 97—105].
- ¹¹ Об этом важном гуманисте, самом близком греческом сотруднике Альда Мануция, см. [Speranzi].
- ¹² См. в частности, свидетельство, сохранившееся в Дневниках его современника венецианца Марино Санудо.
- ¹³ У нас имеется косвенное доказательство непрерывности этих связей, а именно наличие в московской келье Максима книг, вышедших на западе после его отбытия из Венеции. В послании В.М. Тучкову Максим пишет об Альде Мануции и объясняет изображение на книгах, опубликованных этим издателем, а в последующем письме тому же адресату предоставляет перевод с греческого некоторых отрывков из византийской энциклопедии Суда, второе издание которой в 1514 году было осуществлено именно Мануцием [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 345—349, 488—490]. Ср. [Sinicyна].
- ¹⁴ О греческой «царевне» и обстановке в среде греческой диаспоры в Москве см. интересную биографию, опубликованную Т. Матасовой [Матасова].
- ¹⁵ Среди недавних исследований по данному вопросу см. работу И. Вернер, где выдвигается гипотеза о том, что на работу Вениамина влияла живая романская («фряжская») речь [Вернер].
- ¹⁶ В превосходной биографии, изданной Синицыной, подробно описывается дипломатическая миссия и предложения папы Льва X [Синицына. С. 109—112], однако не упоминается, как впрочем и в других исследованиях, об аналогичном прошлом Николая и Михаила.
- ¹⁷ Об этом свидетельствует сам посол в своем дневнике: «mentre furno in quella regione non si ebbe di esso frate alcun aviso intorno la sua venuta (в то время, когда они находились в том краю, о прибытии этого монаха не было никаких известий)» (Francesco Da Collo, *Trattamento di Pace*, цит. в [Ronchi De Michelis 1985]).
- ¹⁸ События описываются в [Pierling. P. 266—267]. В своей работе Шмурло полагает, что отправка брата Николая являлась ответом папы на начало переговоров с Москвой, о которых Дитрих сообщил в Рим [Шмурло. С. 105—106]. О дипломатической деятельности Траханиотов см. [Флоря].
- ¹⁹ См. посвященную ему замечательную статью [Danti].
- ²⁰ Шмурло приводит совершенно иное объяснение [Шмурло. С. 110].
- ²¹ Из недавно опубликованных документов о миссии Феррери и Тедальди [Acta Nuntiaturae Polonae. P. 1—134], а также о других, менее важных миссиях, с ясностью выявляются сложившиеся в римской курии различные позиции. В своем послании от 25 января 1525 г. королю Сигизмунду Циолек рассказывает о споре с братом Николаем в присутствии папы об отношениях между Польским королевством и Тевтонским орденом (Там же. P. 32—34).
- ²² О этой личности, сыгравшей впоследствии значительную роль в отношениях с Римом, см. [Tomelleri. P. 1—49; Боднарчук].
- ²³ Еще во Флоренции молодой Максим мог познакомиться с членом той же самой знаменитой византийской семьи, гуманистом Микеле Марулло Траханиотом (1453—1500), уроженцем Константинополя, который был свидетелем въезда во Флоренцию французского короля Карла VIII (1494) и в своих сочинениях восхвалял его планы крестового похода против турок [Coppini]. По мнению С. Ронкей он был не только дальним родственником вышедшего из греков русского дипломата, но и братом Юрия (Старого) Траханиота (Ronchey. 2006), дяди уже упомянутого Юрия (Малого) Траханиота.
- ²⁴ О семьях греческих выходцев, которые вошли в круг русской знати см. [Зимин. С. 273—275].
- ²⁵ [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 151—166].
- ²⁶ Непрерывная деятельность Максима против Османской империи подчеркивалась ранее Дунаевым [Дунаев. С. 11], который, в частности, цитирует отрывок

- из этого текста [Там же. С. 121]. Однако более правдоподобное толкование высказывается в предисловии Сеницыной [Преподобный Максим Грек. Т. 2. С. 24]: в данном сочинении выражается призрачная надежда на возрождение Восточной Римской империи. На наш взгляд, все-таки в нем отражено не столько крушение надежд, сколько созревание более глубокого понятия истории.
- ²⁷ Оба текста содержатся в ГИМ Син. 791, соответственно, л. 143—150 и 125—125об., 158. Мы извлекаем сведения об этом из работы Б.М. Клосса, в которой опубликована Повесть [Клосс]. Турецкий фетнам (от 28 января 1522 г.) венецианскому дожу Антонио Гримани был опубликован А.И. Плигузовым [Плигузов. С. 198—200]. Ср. [Сеницына. С. 176—177]. Плигузов предполагает, что послание было передано Максиму через Скиндера, турецкого посла в Москве, однако не стоит исключать, на наш взгляд, и посредничество российских дипломатов греческого происхождения. Ученый отмечает особый интерес Максима к турецкому вопросу в 1521—1522 годы, о чем свидетельствуют другие переводы, среди которых можно привести краткое описание османской столицы, указание на обременительный оброк Оттоманской Порте от патриарха и афонских монахов и, наконец, имперский табель о рангах [Плигузов. С. 200].
- ²⁸ Сочинение Кампензе, к которому следует добавить его *Contra Graecorum errores*, должно толковаться в данной перспективе, а не в ключе реальной политики XIX века. См. [Шмурло. С. 120—125]. Об авторе и его произведениях, связанных с Москвией и межрелигиозным диалогом в контексте европейской геополитики, см. [Melani. P. 113—125], но особенно [Кудрявцев 2015], где подчеркивается выраженная в *Nova Moscovia* склонность Москвы к объединению с Римом. Сочинение *Contra Graecorum errores* исследовалось В. Забугиным [Zabughin. 1910—1919].
- ²⁹ Речь пожилого византийца был обращена к императору в драматическом тоне не только от имени папы, но и от имени самой Греции, находящейся под турецким гнетом [Knös. P. 188—191]. О сочинениях Ласкариса по османскому вопросу, см. [Pontani. 1985].
- ³⁰ О произведении Джовио, посвященном России и ее рукописной и печатной традиции, а также восстановлению имиджа Московии и великого князя в контексте европейской геополитики, см. [Melani. 2013. С. 130—186], равно как и важные статьи [Кудрявцев 2016, 2017]. Во всяком случае, нам представляется маловероятным тезис, согласно которому Юрий Старый Траханиот сопровождал Герасимова в его путешествии в Рим, см. [Tomelleri. P. 24].
- ³¹ О личности францисканца и его дипломатической деятельности в северной и восточной Европе см. [Ronchi De Michelis. 2001], а документацию относительно Польши см. в [Acta Nuntiaturae Polonae. P. 247—284].
- ³² По данному вопросу см. еще работу Дунаева, который приводит важнейшее свидетельство Герберштейна [Дунаев. С. 12—14].
- ³³ Для начального понимания Максима Грека в более широком европейском контексте см. [Garzaniti. 2015].
- ³⁴ Эхо этих замыслов ясно слышится в переписке западных дипломатов в период миссии брата Николая; данная корреспонденция упоминается у Пирлинга [Pierling] и заслуживает более подробного изучения. Первое урегулирование напряженных отношений константинопольского патриархата с московской митрополией произошло только с учреждением Московского Патриархата (1589) во время пребывания в российской столице патриарха Иеремии II, написавшего разрешительную грамоту, в которой он снимал всякую вину с умершего Максима [Крутецкий].
- ³⁵ Преемственность между идеями Ласкариса и деятельностью Максима, о которой говорится в заключении работы Денисова [Denissoff. P. 369], не должна тогда отвергаться, а должна быть пересмотрена в свете как восстановления исторической действительности, так и творчества Максима.

Т.В. ГИМОН*

Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания

Аннотация: Статья посвящена проблеме происхождения исторических заметок «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха и их соотношения с «Повестью временных лет». Во-первых, подвергается критическому рассмотрению концепция А.П. Толочко и В.Ю. Аристова, по мнению которых, эти заметки целиком вторичны по отношению к летописи. Во-вторых, в сложном комплексе проблем соотношения двух текстов автор старается выделить те моменты, о которых можно говорить уверенно. Так, уверенно можно утверждать, что хронология «Памяти и похвалы» точна всюду, где ее можно проверить, и первична в сравнении с летописной, а кроме того — в древнем источнике «Памяти и похвалы» имелись как минимум два известия, в саму «Память и похвалу» не вошедшие. В-третьих, высказывается гипотеза относительно того, что мог представлять собой древний источник «Памяти и похвалы». На мой взгляд, это была своего рода царская надпись — обзор деяний Владимира, написанный при Десятинной церкви в самом конце X в. В первой половине XI в. он, видимо, был продолжен краткими анналами. Во второй половине XI в. этот обзор с продолжением послужил источником для летописца, создававшего погодную сетку.

Ключевые слова: Древняя Русь, источниковедение, летописание, «Память и похвала» Иакова Мниха, «Повесть временных лет», крещение Руси.

T.V. Guimon

The Historical notes of Jacob the Monk's Memorial and encomium for Prince Vladimir and the beginning of Old Rus historical writing

Abstract: Old Rus hagiographical compilation known as *Memorial and Encomium for Prince Vladimir* by certain Jacob the Monk includes several historical notes on the events of the late 10th century, in which some information and dates do not agree with those of the *Primary Chronicle* and have been supposed to reflect a very early source. The paper has three aims: 1) to discuss the recent argument by Olexiy Tolochko and Vadym Aristov that there was no early source behind the text in question (I find it not convincing) 2) to find amid the complicated problems of the interrelations between *Memorial and Encomium* and the *Primary*

* Гимон Тимофей Валентинович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Guimon Timofey Valentinovich, Grand PhD (History), Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Chronicle at least several solid points (it can be said more or less for sure that the chronology of *Memorial and Encomium* is trustworthy and primary in comparison to the *Chronicle*, and that there were at least two additional notes in its early source which have not been included into *Memorial and Encomium*); 3) to try to find out what kind of text could be the early source of *Memorial and Encomium*. It can be tentatively supposed that this source was something of the sort of ancient royal inscriptions, i.e. a summary of deeds of Vladimir the Saint written in the very end of the 10th century. This short text was continued with brief annals. Together with the continuation it served later as a source for the annalistic framework of the *Primary Chronicle*.

Keywords: Old Rus, source studies, chronicle writing, Jacob the Monk's *Memorial and Encomium of Prince Vladimir*, the *Primary Chronicle*, the conversion of Rus.

В составе компилятивной «Памяти и похвалы» князю Владимиру Иакова Мниха (далее: ПП)¹ читается серия исторических заметок, в которых иначе, нежели в «Повести временных лет» (ПВЛ), рассказывается о событиях конца X в., в частности о крещении, а также приводятся отличные от ПВЛ датировки. Эти заметки неоднократно привлекали к себе внимание ученых, в том числе в связи с проблемой зарождения древнерусского летописания.

Три важные работы, касающиеся ПП, увидели свет совсем недавно: в 2016 году. Во-первых, была опубликована большая и очень важная статья А.В. Назаренко, посвященная происхождению летописных дат за конец X — первую половину XI в., в которой ученый уделяет значительное внимание хронологическим показаниям ПП и их соотношению с летописными. Во-вторых, в этом же году увидела свет очень фундаментальная статья В.Ю. Аристова, в которой автор стремится показать, что ПП — это сравнительно поздний, единовременно созданный текст, а ее знаменитые исторические заметки — не более чем результат переосмысления сведений ПВЛ. В-третьих, в небольшой статье А.М. Введенского сделан ряд наблюдений над соотношением проложного жития княгини Ольги и похвалы ей же в составе ПП.

Настоящая работа не претендует на разрешение всех проблем, связанных с изучением ПП и ее исторических заметок. Я ставлю перед собой три задачи. Во-первых, я хотел бы дать критический ответ на аргументацию В.Ю. Аристова и защитить традиционный взгляд, согласно которому исторические заметки ПП восходят не к дошедшей до нас ПВЛ, а к более древнему источнику. Во-вторых, я попытаюсь еще раз взглянуть на проблему соотношения ПП и ПВЛ и определить, что все-таки может быть установлено достаточно твердо, а что — является не более чем предметом более или менее остроумных догадок. Наконец, в-третьих, я рискну предложить свою гипотезу относительно того, что за текст лежит в основе исторических заметок ПП и как он соотносится с ПВЛ.

Начну с анализа аргументации В.Ю. Аристова. Я буду говорить только о той части его рассуждений, которая касается непосредственно исторических заметок ПП². По мнению исследователя, эти заметки — не более чем опыт творческого переосмысления ПВЛ [Аристов. 2016. С. 69—82]. Чуть раньше такая же мысль, хотя менее развернуто, была высказана А.П. Толочко [2015. С. 35—39]³; Аристов соглашается с аргументами Толочко, однако добавляет ряд своих собственных.

В.Ю. Аристов возводит фразу ПП «вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоих» к известию ПВЛ под 982 г. о походе Владимира на вятичей, где сказано «и побѣди я вѣторое». Исследователь говорит: «намного проще было переосмыслить летописное сообщение в смысле похода на разных вятичей, нежели наоборот — из похода на две разных [группы] вятичей сделать два похода на одних и тех же» [Аристов. 2016. С. 69]. Однако мог ли древнерусский книжник (пусть даже и не в XI в., а позже) понять наречие «вѣторое» (т.е. «во второй раз») в смысле «на других вятичей»? Более вероятно, что «обоих» относится к *радимичам и вятичам*, пусть даже здесь и получается смысловой повтор (вначале сказано, что Владимир возложил дань на радимичей, а потом — что пошел на вятичей и возложил дань на тех и других).

Далее, В.Ю. Аристов, вслед за А.П. Толочко, считает, что именование болгар «серебряными» встречается только в Ипатьевской летописи под 1182 г., а значит — могло появиться не раньше конца XII в. [Толочко. 2015. С. 37—38, примеч. 28; Аристов. 2016. С. 69]. Однако если упоминаний *всего два* (в ПП и Ипатьевской летописи), то почему «не раньше», а не, например, «не позже»? Как вообще по одному единственному параллельному случаю можно что-либо датировать?

Сообщение ПП о походе Владимира на хазар, по мнению Аристова, заменило собой известие о походе на Польшу. Аристов выдвигает несколько предположений, почему создатель ПП мог заменить «ляхов» на «хазар»: он мог «взять» этот поход у Святослава; мог посчитать, что обложение вятичей данью означало победу над хазарами, которые такую взимали прежде; мог попытаться объяснить употребленный Иларионом титул Владимира — каган; мог пожелать заменить христиан-поляков на нехристианский народ [Аристов. 2016. С. 69—70]. Но все эти догадки никак не доказывают самого факта замены (вторичности хазар по отношению к полякам).

А.П. Толочко, а вслед за ним и В.Ю. Аристов, утверждают, что хронология ПП (в какой год правления или «по крещении» произошло то или иное событие) — признак вторичности по отношению к летописанию. Толочко приводит в пример англо-саксонскую хронику Этельвеарда (X в.), действительно вторичную по отношению к анналам [Толочко. 2015. С. 38—39; Аристов. 2016. С. 72]. Но аргумент этот в корне

неверен. Счет лет по годам правления или от какого-либо знаменательного события более архаичен, нежели счет с использованием эры (универсальной точки отсчета), и встречается в древности у самых разных народов [Бикерман. 1976. С. 57—62]. В той же Англии в намного более ранний, чем X в., период число лет правления королей было важным знанием [см.: Гимон. 2016а. С. 387—394, 404—405], а в историописании и актах нередко датировки по годам правления⁴. Не говорю уже о том, что данный способ датирования был распространен в Византии [см.: Назаренко. 2001. С. 385—388]. Аристов старается доказать, что вся хронология ПВЛ за вторую половину X в. искусственна, а хронология ПП — вторична по отношению к искусственной хронологии ПВЛ [Аристов. 2016. С. 72—81]. Однако достоверность ряда дат за конец X в. подтверждается независимыми источниками, причем именно в варианте ПП, а не ПВЛ (см. ниже).

Известие ПП о походе Владимира к порогам «на другое лето по крещеньи» Аристов не считает доказательством наличия у ПП независимого от ПВЛ источника и (гипотетически) возводит к летописному рассказу об идоле Перуна, который проплыл сквозь пороги, т.е., по мнению Аристова, тем самым автор ПП помещал низвержение идолов в промежуточный год между крещением и взятием Корсуня [Аристов. 2016. С. 79—81]. Согласен, что наличие в каком-то источнике уникальной информации само по себе не доказывает его древнего происхождения. Однако предлагаемое Аристовым объяснение тоже довольно сомнительно. Если перед нами творческое переосмысление, то его логика малопонятна. Почему автор ПП решил, что Владимир ниспроверг идолы только на следующий год после крещения? И зачем в связи с этим ему могло потребоваться ходить к порогам?

Наконец, Аристов считает плодом позднейшего переосмысления ПВЛ изложенную в ПП версию крещения и похода на Корсунь на 3-е лето по крещении [2016. С. 71]. Однако в самой ПВЛ эта версия упоминается — как *неправильная*, но уже существующая на момент работы летописца: «се же не свѣдуше право глаголють, яко крестилъся естъ в Киевѣ, и ини же рѣша Василиви, друзии же инако скажутъ»⁵.

Таким образом, аргументация А.П. Толочко и В.Ю. Аристова в пользу вторичности ПП по отношению к ПВЛ весьма уязвима. Само по себе это, конечно, не доказывает справедливости обратной точки зрения — о том, что у исторические заметки ПП восходят к более раннему, чем ПВЛ, источнику⁶ (буду называть его дальше: √ПП). Ниже я перечислю те положения, которые, на мой взгляд, установлены достаточно твердо и позволяют с уверенностью говорить о √ПП как об общем древнем источнике ПП и ПВЛ. Однако вначале необходимо дать обзор существующих гипотез о том, что мог собой представлять этот гипотетический древний текст.

1) $\sqrt{\text{ПП}}$ — это не что иное, как Древнейший свод, или Древнейшее сказание, или «ядро» — пространный памятник историописания, еще не имевший погодной структуры, но впоследствии легший в основу летописания (иначе говоря — самый ранний из текстов-предшественников ПВЛ).

А.А. Шахматов считал, что создатель ПП «несомненно имел в своем распоряжении летопись», сходную с ПВЛ, однако отличавшуюся по составу сообщений, порядку их изложения и датировкам, которые в ряде случаев в ПП первичны в сравнении с ПВЛ [Шахматов. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 37—38]. По Шахматову, источником ПП был Древнейший свод 1030-х годов, в котором еще не было последовательной погодной сетки, но имелось много относительных дат, например по годам «по крещении» [Шахматов. 2002—2003. Т. 1, кн. 1. С. 40, 311; Кн. 2. С. 316—317; 2014. С. 175]⁷.

Л.В. Черепнин [1948. С. 332—333], исходя из того, что исторические заметки ПП доходят только до дарования десятины в 9-й год «по крещении» (если не считать упоминания смерти Владимира), предположил, что древнейший летописный памятник был составлен уже в 996 г., сразу после освящения Десятинной церкви. М.Н. Тихомиров [1979. С. 61—63] полагал, что источником ПП (созданной, по мнению ученого, в первой половине XI в.) была древняя летопись, рассказывавшая о крещении Руси отлично от ПВЛ, а в части до вокняжения Владимира основанная на самом раннем памятнике русского историописания — «Сказании о русских князьях» конца X в.⁸ А.Г. Кузьмин [1977. С. 359—361] считал общим источником ПП и ПВЛ сказание о первых русских князьях, доходившее до 996 г., возможно — в обработке, сделанной при Десятинной церкви. А.В. Назаренко [2016. С. 631—645] тоже исходит из того, что $\sqrt{\text{ПП}}$ — это древнейшее, не разбитое на погодные статьи «ядро» летописи. По мнению ученого, это «ядро» было составлено еще при жизни Владимира, а во времена Ярослава получило продолжение, откуда в ПП попали указания на год смерти Владимира и число лет его жизни после крещения.

2) $\sqrt{\text{ПП}}$ — это серия кратких заметок о Владимире, использованных и в летописании, и в ПП. С.В. Бахрушин [1987. С. 18—19]⁹ полагал, что летописям могли предшествовать «лишенные дат краткие записи об отдельных княжениях» и что «отрывок такой записи» сохранился в составе ПП. А.Н. Насонов указал на наличие в ПП уникальных известий, отсутствующих в летописи, и заключил, что, если «быть последовательным», надо не возводить эти заметки «к киевским летописным сводам», а признать их «редчайшим образцом древнейших летописных записей» [Насонов. 1969. С. 31]. Ученый не сомневался, что эти заметки были составлены при Десятинной церкви, поскольку «они завершаются известием о построении церкви св. Богородицы, которому сопутствует

соответствующее рассуждение» [Там же. С. 30]. А.В. Поппэ пишет, что источник ПП «мог представлять собой отдельные анналистические записи (isolated annalistic records)», и дает отсылку к процитированному мнению Насонова [Poppe. 1976. P. 210].

По мнению С.М. Михеева [2011. С. 56—57], книжник, создававший погодную сетку летописи, воспользовался или самой ПП, «или каким-то сходным текстом». Исследователь отмечает, что летописные даты крещения Руси и последующих событий выводимы из хронологических показаний ПП. Таким образом, Михеев не разделяет точку зрения, что $\sqrt{ПП}$ — это Древнейшее сказание; напротив, он считает, что ПП или сходный с ней текст был привлечен на стадии разбивки Древнейшего сказания на погодные статьи (свод Никона?). Исследователь дает здесь ссылку на мнение А.Н. Насонова о том, что в основе ПП лежат древние краткие записи, хотя сам специально вопроса о характере этих записей не касается.

3) $\sqrt{ПП}$ — это *прижизненная биография Владимира*. Н.И. Милютенко полагает, что «факты биографии князя не интересовали автора (ПП. — Т.Г.) сами по себе. Он откуда-то почерпнул их в готовом виде и сгруппировал по своему усмотрению и исходя из своего замысла» [Милютенко. 2008. С. 57]. Этот же источник отразился и в летописании. Он заканчивался историей Десятинной церкви (иначе в летописи имелись бы подробные сообщения о последних 20-ти годах Владимира) и при этом рассказывал только о Владимире, но не о предыдущих князьях. История Ольги и Святослава, по мнению Милютенко, изложена в ПВЛ слишком легендарно, чтобы восходить к письменному источнику конца X в. (например, автор этого времени не мог не знать, что Святослав во время своей последней войны был осажден в Доростоле, а не в Переяславце). Следовательно, считает Милютенко, речь должна идти о жизнеописании (энкомии) Владимира, написанном по случаю освящения Десятинной церкви [Там же. С. 80]. Это жизнеописание, помимо древнерусских источников, отразилось (вероятно, через посредство устной передачи) в хронике Титмара Мерзебургского [Там же. С. 96—99].

Выбрать одну из трех названных точек зрения достаточно сложно. У нас есть, с одной стороны, краткие заметки ПП (и нет никакой гарантии, что их текст и порядок расположения не искажены в сравнении с гипотетическим древним источником¹⁰). С другой стороны, ПВЛ — текст тоже многослойный, и реконструкция этапов его сложения является предметом конкурирующих гипотез¹¹.

На мой взгляд, четыре тезиса относительно соотношения ПП и ПВЛ обоснованы достаточно надежно. Подчеркну, что на каждый из них возможны возражения, однако они подтверждают друг друга *взаимно*, и вместе составляют, на мой взгляд, довольно твердую основу для дальнейших рассуждений.

1) Несмотря на все сложности и неполноту данных источников, *наиболее вероятно, что указание ПП на то, что Владимир ходил на Корсунь в 3-й год «по крещении» (а значит — крестился не во время похода на Корсунь, как описывается в ПВЛ, а раньше), исторически достоверно* [см.: Назаренко и др. 2004. С. 696—697]¹². В этом случае получает объяснение и упомянутый в ПП поход «к порогомъ» на следующий год после крещения: Владимир отправился на встречу византийской принцессы Анны [Рорре. 1976. Р. 241; Назаренко и др. 2004. С. 697].

2) *Несомненна связь между годами «по крещении» ПП и датами событий 6496—6504 (988—996) гг. в ПВЛ, причем датировки ПП первичны.* Вот что сообщает ПП о событиях после крещения:

По святомъ же крещеньи поживе блаженни князь Володимиръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеньи к порогомъ ходи, на третье Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи; въ девятое лѣто десятину блаженни христоролюбивыи князь Володимиръ въда церкви святѣи Богородицѣ от имѣнья своего. <...> Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 день, въ лѣто 6523, о Христѣ Исусѣ [Шахматов. 2014. С. 182—184]¹³.

Итак, согласно ПП, Владимир в 4-й год «по крещении» основал Десятинную церковь. В ПВЛ это событие датировано 6499 (991) годом¹⁴ — как раз 4-м по крещении, если за 1-й принять 6496 (988) г. Согласно ПП, в 9-й год по крещении Владимир учредил десятину, чему в ПВЛ вполне закономерно соответствует 6504 г. (освящение Десятинной церкви и дарование ей десятины). Вряд ли случайно, что одним и тем же годом (5-м/6500) ПП и ПВЛ датируют строительство города (ПП — Переяславля, ПВЛ — Белгорода)¹⁵.

При этом поход на Корсунь (3-й год «по крещении» в ПП) состоялся, по данным зарубежных источников, между апрелем и июлем—августом 989 г. [Назаренко. 2016. С. 618—623]. Истинная дата крещения Руси — скорее всего, 6495 (987/88) г. [Там же. С. 623]. Вероятно, что годом ранее, чем указано в ПВЛ, была освящена и Десятинная церковь: А.А. Шахматов обратил внимание на то, что 12 мая — проложная дата этого события — приходилось на воскресенье не в 6504, а в 6503 г. [Шахматов. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 38]¹⁶. Таким образом, в ПВЛ видим сдвиг на год в сравнении с вероятными истинными датами событий: год самого крещения — 6496 вместо 6495, год освящения Десятинной церкви (9-й «по крещении») — 6504 вместо 6503, и т.д.¹⁷

Следовательно, первична датировка годами «по крещении», а не от Сотворения мира¹⁸. Видимо, летописец перевел даты «по крещении» в годы от Сотворения мира исходя из ошибочной даты крещения (6496 г.). Откуда летописец ее взял — другой вопрос. По-моему, самое

простое объяснение¹⁹ предложил С.М. Михеев [2011. С. 56—57]: летописец знал, что «по святомъ же крещеньи поживе блаженни князь Володимиръ 28 лѣтъ», — а при использовании «включающего» счета 28-м годом до 6523 (1015) г. оказывается как раз 6496 (988) г. Таким образом, летописные даты ряда событий конца X в. выводимы из указаний ПП на годы «по крещении».

3) Проверка летописных дат с помощью иностранных источников показывает, что в $\sqrt{\text{ПП}}$ было упомянуто больше событий, чем в дошедшей до нас ПП. Это блестяще продемонстрировал А.В. Назаренко, чьи выводы я здесь коротко резюмирую. Проверке по зарубежным источникам подлежат даты трех событий эпохи Владимира: похода Владимира на Польшу (в ПВЛ под 6489 [981] г., в действительности — 979 г.), похода на Корсунь (989 г., о нем уже говорилось) и похода на хорватов (в ПВЛ под 6501 [993] г., в действительности — 992 г.). В последнем случае сдвиг на год прекрасно укладывается в указанную выше закономерность: датировка в ПВЛ крещения Руси 6496 вместо 6495 г. привела к сдвигу на год всех событий после крещения. Следовательно, запись о походе на хорватов в $\sqrt{\text{ПП}}$ должна была быть датирована 6-м годом «по крещении» — и просто должна была там быть (иначе откуда в ПВЛ почти правильная дата этого события?). В первом случае сдвиг — на два года. Он хорошо объясним исходя из разницы в дате вокняжения Владимира (6486 [978] г. в ПП и 6488 [980] г. в ПВЛ). Назаренко предполагает, что в $\sqrt{\text{ПП}}$ поход на Польшу датировался следующим годом по вокняжении Владимира. Коль скоро создатель летописной хронологии датировал вокняжение 6488 г., поход на Польшу он поместил под следующий, 6489 г. [Назаренко. 2016. С. 616—627].

Отсюда следует, что приводимая в ПП дата вокняжения Владимира (6486 [978] г.) достоверна. В таком случае достоверно и указание ПП на то, что «крести же ся князь Володимиръ въ 10-е лѣто по убьеньи брата своего Ярополка» (от 6486 до 6495 г., при «включающем» счете, как раз и получается 10 лет). Из всего сказанного делаем четвертый уверенный вывод:

4) Хронологические указания ПП оказываются точными всюду, где их можно проверить²⁰, а значит $\sqrt{\text{ПП}}$ — это действительно очень ранний текст.

Дальше начинается поле для более гипотетичных рассуждений²¹. Например, из сказанного о дате похода на Польшу как будто следует, что в $\sqrt{\text{ПП}}$ события языческого времени были датированы годами от вокняжения Владимира. Однако А.В. Назаренко отказывается делать такой вывод. Ученый отмечает, что в ПВЛ в статьях 6489—6493 (981—985) гг. наблюдается принцип «один год — один поход», и только под первым из этих годов оказались два похода: на Польшу и на вятичей. Назаренко предполагает, что они оказались под одним годом потому, что ре-

дактор, переработавший летопись в соответствии с «корсунской» версией крещения, имел дело уже с текстом, в котором события имели абсолютные даты от Сотворения мира. Он упозднил на два года вокняжение Владимира и следовавший за ним поход на Польшу, а остальные походы не тронул, из-за чего под одним годом и «съехались» два похода в совершенно разных направлениях [Назаренко 2016. С. 616, 628]. Если и так, все равно речь идет о последующих стадиях развития летописного текста (по Назаренко, абсолютные даты проставил Никон, а упозднил вокняжение Владимира и поход на Польшу автор Начального свода [Там же. С. 628]). Ничто не мешает предположить, что в $\sqrt{\text{ПП}}$ была только абсолютная дата вокняжения Владимира (как сейчас в ПП), а последующие события датировались годами «по вокняжении». Такая мысль напрашивается по аналогии с годами «по крещении», хотя, конечно, настаивать на этом не приходится.

И в ПП, и в ПВЛ языческий период правления Владимира представлен как серия победоносных походов в разных направлениях, состав и порядок которых, однако, совпадают лишь отчасти:

ПП: Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ, и ятьвягы взя, и сребреныя болгары побѣди, и на козары, шедъ, побѣди я и дань на нихъ положи [Шахматов. 2014. С. 181].

ПВЛ: 6489 — на Польшу и на вятичей; 6490 — на вятичей (второй раз); 6491 — на ятвягов; 6492 — на радимичей; 6493 — на булгар.

Как выглядело описание этих походов в $\sqrt{\text{ПП}}$, сказать решительно невозможно, равно как и определить их первоначальную последовательность. Ясно только, что в $\sqrt{\text{ПП}}$ о победоносных походах Владимира говорилось²².

Много копий сломано относительно «обобщающих» хронологических указаний ПП. Их три (цитирую не в том порядке, в котором они приведены в ПП, курсив мой):

1) И сѣде в Киевѣ князь Володимиръ *въ-смое лѣто* по смерти отца своего Святѣслава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486.

2) Крести же ся князь Володимиръ *въ 10-е лѣто* по убьенъи брата своего Ярополка.

3) По святомъ же крещенъи поживе блаженны князь Володимиръ *28 лѣтъ* [Шахматов. 2014. С. 182—183].

Как я уже говорил, второе указание согласуется с абсолютной датой вокняжения Владимира по ПП (6486 г.) и *вероятной* датой крещения

(6495 г.) (счет «включающий»). Третье указание, однако, согласуется с *летописной* датой крещения (6496 г.) — или же с *вероятной*, если предположить «исключающий» счет²³. Одно явно не сочетается с другим.

А.В. Назаренко на этом основании предполагает, что год смерти Владимира и указание на 28 лет его жизни по крещении принадлежат не первоначальному тексту √ПП, доходившему только до конца X в., но *продолжению* √ПП [Назаренко. 2016. С. 630—632]²⁴. Скорее всего, ученый прав. Основной блок исторических известий ПП не выходит за рамки 990-х годов: последнее зафиксированное событие — это дарование десятины в 9-й год по крещении, т.е. в 6503 и 6504 (995 или 996) г. Большинство исследователей считают — и, видимо, справедливо, — что изначальный текст √ПП (что бы ни представлял собой этот памятник) доводил изложение до этого события и был составлен при Десятинной церкви вскоре после ее освящения²⁵. Если так, то указания на 28 лет жизни Владимира «в крещении», равно как и на год его смерти (6523), не могли находиться в первоначальном тексте √ПП.

С этим связан другой вопрос: была ли в √ПП абсолютная дата крещения Руси (в дошедшей до нас ПП есть абсолютные даты только вокняжения и смерти Владимира, а также смерти Ольги)? По мнению А.В. Назаренко, «здоровый смысл заставляет думать», что была, но агиограф не выписал ее, т.к. его заинтересовали только даты, включавшие месяц и день события [Назаренко. 2016. С. 629]. По-моему, это очень гипотетичное соображение. И наоборот, отсутствие абсолютной даты крещения в ПП, равно как и присутствие в ПВЛ даты *неправильной*, но выводимой из других хронологических показаний ПП, склоняет думать, что в √ПП годовой даты крещения не было.

Нет простого объяснения хронологическим расхождениям между ПП и ПВЛ в том, что касается княжения Ярополка. ПП говорит о 8-ми годах от смерти Святослава до вокняжения Владимира, а последнее датирует 6486 г. ПВЛ датирует гибель Святослава 6480 г., а вокняжение Владимира — 6488 г. Между последними двумя датами — 8 лет по «исключающему» счету, но вряд ли это имеет для нас какое-либо значение. Скорее, верно многоходовое объяснение соотношения «8-ми лет» и абсолютных дат, предложенное А.А. Шахматовым и скорректированное А.В. Назаренко [см.: Назаренко. 2001. С. 376—377].

Вернемся теперь к вопросу о том, что же представляла собой √ПП (и какого рода у нее было продолжение)? Выше говорилось, что высказывавшиеся на этот счет мнения, в общем, сводятся к трем: √ПП — это Древнейшее сказание (древнейший пласт летописи, еще не разделенный на годы), какие-то краткие исторические заметки или прижизненная биография Владимира. Каковы «плюсы» и «минусы» каждой из этих гипотез?

Гипотеза о Древнейшем сказании как об общем источнике ПП и ПВЛ требует его датировки временем вскоре после освящения Десятиной церкви (996 или, скорее, 995 г.), а не более поздним. Такая идея предлагалась неоднократно. Отчасти она основана как раз на том, что и летопись, и ПП практически не говорят о событиях правления Владимира после 996 г.²⁶ [Черепнин. 1948. С. 332]. Однако отсюда следует лишь то, что общий источник ПВЛ и ПП доходил до 996 г., — но он не обязательно был Древнейшим сказанием. Более того, аналогичную картину мы видим в ПВЛ применительно к правлению Ярослава Мудрого: первая половина правления заполнена событиями, затем говорится о строительстве важной церкви (на этот раз Софии Киевской, под 6545 [1037] г.) и дается обобщающая характеристика князя, после чего текст становится довольно лапидарным. Как бы ни объяснять это сходство летописных повествований о Владимире и Ярославе, делать отсюда вывод о появлении Древнейшего сказания сразу после строительства Десятиной церкви нельзя.

Более весомым является наблюдение А.А. Гиппиуса над распределением по тексту ПВЛ форм глагола «речи» и других черт языка и стиля [2001; 2009]. Хотя сам Гиппиус ограничил пределы Древнейшего сказания рассказом о крещении, архаичные формы типа «рѣша» встречаются и позже, а в статье 6504 (996) г. используются только они. Однако где бы ни проводить лингвистическую границу, она не обязательно означает, что Древнейшее сказание было создано на рубеже X—XI вв.; оно могло появиться и позже, но быть написанным двумя авторами, первый из которых довел изложение до времени Владимира. Сама летописная статья 6504 г. (которой, по всей логике, должна была бы заканчиваться √ПП, будь она Древнейшим сказанием) рисует обобщенный образ «золотого века» Владимира и отнюдь не производит впечатления написанной современником [Алешковский. 1971. С. 65—66; Гимон. 20166. С. 767—768]. Итак, появление Древнейшего сказания при Владимире не исключено, но, при отсутствии решающих аргументов, предпочтительным видится «скептический» взгляд, т.е. датировка этого историографического памятника временем Ярослава или даже Ярославичей.

Гипотеза о прижизненной биографии Владимира как об общем источнике ПП и ПВЛ требует признания того, что дошедший до нас рассказ ПВЛ о Владимире ушел очень далеко от этой биографии, т.е. фактически реконструкции еще одного пространного текста, до нас почти не дошедшего. Иначе пришлось бы «резать по живому» текст летописи, отделяя статьи о Владимире (восходящие к его биографии) от рассказа о его предшественниках (добавленного позже). Такой стилистической границы в ПВЛ вроде бы не видно, а ссылка Н.И. Милютенко [2008. С. 80] на сугубо легендарный характер повествования об Ольге и Святославе не

убедительна: слишком многое в летописных рассказах о них подтверждается византийскими источниками [см., например: Карышковский. 1952].

Таким образом, обе гипотезы о *пространном* общем источнике ПП и ПВЛ — будь то Древнейшее сказание или прижизненная биография Владимира — представляются допустимыми, но усложняющими дело.

Остается третий — и наиболее простой — вариант: √ПП — это краткая заметка, а не развернутый нарратив; эта заметка послужила одним из источников для летописца, выстраивавшего хронологическую сетку, известную нам по ПВЛ. Это ближе всего к точке зрения С.М. Михеева [2011. С. 56], однако, в отличие от него, я уверен, что источником летописцу не могла послужить дошедшая до нас ПП; следует говорить именно о √ПП — общем источнике летописи и ПП. Как говорилось выше, наблюдения А.В. Назаренко над известиями ПВЛ о походах на Польшу и на хорватов однозначно показывают: в √ПП были сообщения, в дошедшую до нас ПП не вошедшие.

Итак, в √ПП перечислялись победоносные походы Владимира языческого времени, говорилось о крещении, походах после крещения (на Корсунь, на хорватов, а также «к порогомъ»), основании храма и города, даровании первому десятины. Вероятно, к √ПП восходит и читающееся в ПП описание обстоятельств прихода Владимира к власти. Как можно определить жанр подобного текста?

Это, конечно, не летопись и не анналы. Можно было бы назвать этот текст биографией Владимира, но, по-видимому, чрезвычайно краткой. По-моему, наиболее близкая жанровая аналогия √ПП — *царские надписи* — вид текстов, известный у очень многих народов как одна из самых ранних форм письменности вообще и историописания в частности. Эти тексты излагали *достижения* правителей: военные победы, строительные предприятия, жертвоприношения богам и т.п.²⁷ Разумеется, в данном случае слово «надпись» не надо понимать в смысле «надпись на твердом материале»: вполне вероятно, что этот текст был записан в какой-нибудь важной пергаменной книге, принадлежавшей Десятинной церкви.

На протяжении первой половины XI в. в Киеве, по всей вероятности, велись краткие анналы. К ним восходит ряд известий ПВЛ, даты которых выдерживают проверку независимыми источниками, а также серия кратких сообщений о смертях под 6508—6519 [1000—1011] гг. [Назаренко. 2016. С. 596—614, 641—644; см. также: Гимон. 2016б. С. 770—774]. Эти анналы начинаются практически там, где заканчивалась √ПП, и тоже связаны с Десятинной церковью [Назаренко. 2016. С. 641]. Не были ли они не чем иным, как продолжением √ПП? Можно предположить, что после строительства Десятинной церкви был написан краткий обзор деяний Владимира (√ПП), а затем он стал несистематически продолжаться погодными записями, с датировками уже от Сотворения мира.

Этот обзор вместе с продолжавшими его анналами послужил источником и для летописи (которой дал опорные даты), и для ПП (в которой из погодных записей была использована лишь одна: о смерти Владимира)²⁸.

Литература

- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
- Арістов В.* Походження історичних повідомлень *Пам'яті та похвали князю Володиміру Якова Мніха* // Ruthenica. Київ, 2016. Вип. 13. С. 50—82.
- Артамонов Ю.А.* Крещение Руси // ПЭ. 2015. Т. 38. С. 723—730.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма* (Научное наследие). М., 1987. С. 15—35.
- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англос / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2001.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В.* Предисловие // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5—24.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1976.
- Бугославский С.А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. Т. 29. Л., 1925. С. 105—159.
- Введенский А.М.* Об источнике проложного жития княгини Ольги // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 44—48.
- Гимон Т.В.* Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 365—438. (а)
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748—800. (б)
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореві...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147—181.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореві...—3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 248—287.
- Дубровский А.М.* Предисловие // *Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма* (Научное наследие). М., 1987. С. 3—14.
- Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66—75.
- Карнов А.И.* Иаков Мних // ПЭ. 2009. Т. 20. С. 543—545.
- Карнов А.Ю.* Владимир Святой. М., 2015.
- Карышковский П.О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5. С. 127—138.
- Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Левитский Н.М.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. (По поводу мнения проф. Соболевского) // Христи-

- анское чтение. СПб., 1890. [№ 3—4.] С. 370—421, 687—740.
- Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593—654.
- Назаренко А.В. и др.* Владимир (Василий) Святославич // ПЭ. 2004. Т. 8. С. 690—718.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.): Корректированное издание. СПб., 1906.
- Роменский А.А.* Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков, 2015.
- Роменський О.О.* «Память і Похвала князеві Володимирі» Іакова Мніха: питання походження та хронології // Вісник Черкаського університету. Черкаси, 2012. № 22. С. 126—133.
- Серебрянский Н.И.* Древне-русские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46—66.
- Цыб С.В.* О летописном источнике «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Россия в X—XVII вв.: Проблемы, историографии и источниковедения: Сб. ст. и докл. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимина. [2-е изд.] М., 1999. С. 507—510.
- Цыб С.В.* Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период: Монография. Барнаул, 2003.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 293—333.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах; Кн. 2: Раннее русское летописание.
- Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. / Подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014.
- Щапов Я.Н.* «Память и похвала» князю Владимиру Святославичу Иакова мниха и Похвала княгине Ольге // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 181—185.
- The Electronic Sawyer: Online Catalogue of Anglo-Saxon Charters // <<http://www.esawyer.org.uk/about/index.html>> [21.10.2017].
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations Between 986—89 // *Dumbarton Oaks Papers.* 1976. N 30. P. 195—244.

Сокращения

- ВВ — Византийский временник. М.
ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ИЗ — Исторические записки. М.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг.
Н1мл. — Новгородская I летопись младшего извода
ПВЛ — «Повесть временных лет»
ПП — «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха
√ПП — гипотетический древний источник ПП
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия. М.

- ¹ Старейшие списки ПП относятся к XV в. Из многочисленных публикаций ПП по разным спискам см. последние: Зимин. 1963; Милютенко. 2008. С. 417—426; Шахматов. 2014. С. 178—184, 339—349. История сложения ПП, датировка памятника и его отдельных частей остаются спорными, см.: Никольский. 1906. С. 229—239; Серебрянский. 1915. С. 43—51; Бугославский. 1925. С. 127—141; Щапов. 2003; Милютенко. 2008. С. 80—92; Карпов. 2009; Шахматов. 2014. С. 59—68, 171—177, 195—198; Аристов. 2016. С. 56—69; Введенский. 2016. Исторические заметки находятся в заключительной части ПП, известной также как Древнее житие Владимира.
- ² Другая часть статьи [Аристов. 2016. С. 56—69] посвящена анализу ПП как целого. Исследователь стремится показать, что ПП — это не компиляция из нескольких источников, но памятник, составленный единовременно, не ранее конца XII в. См., однако, аргументы в пользу того, что к моменту появления пространной редакции русского Пролога в 1160-х годах ПП уже существовала как целое: Введенский. 2016.
- ³ А.П. Толочко, в свою очередь, ссылается на мнение С.А. Бугославского о том, что интересующая нас часть ПП «написана под влиянием Повести временных лет» [Толочко. 2015. С. 38]. Однако у Бугославского такой мысли мне найти не удалось. Ученый вообще не затрагивал вопроса о происхождении исторических заметок ПП, лишь замечая, что последняя часть ПП «отличается от первых двух совершенно иной манерой изложения — летописной, напоминающей “Повесть временных лет”» [Бугославский. 1925. С. 140].
- ⁴ Беда. 2001. Гл. I: 34; III: 4, 14 (2 раза), 24, 26; IV: 5, 12, 17, 21; V: 7, 19 (2 раза), 20, 23; Electronic Sawyer. № 10, 13, 23 и др.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111. Аристов иронизирует над тем, что ученые доверяют этим «несведущим» больше, чем автору ПВЛ [Аристов 2016. С. 54, примеч. 19]. Однако выводы о месте крещения Владимира можно делать лишь на основе анализа комплекса данных, процитированные же слова летописца доказывают то, что на момент работы летописца версии крещения, альтернативные «корсунской», существовали.
- ⁶ Третья альтернатива предлагалась в XIX в.: ПП написана раньше летописи на основании исключительно устных источников [см.: Левитский. 1890. С. 392—394, со ссылками]. Этот взгляд не выдерживает критики: между сведениями ПВЛ и ПП, несомненно, имеется генетическое родство, но при этом ПВЛ не всегда возводима к ПП в ее дошедшем до нас виде. Особняком стоит также гипотеза С.В. Цыба [1999. С. 510] о восхождении ПП к летописи, более ранней, чем ПВЛ, однако совсем ненамного: к перемышльскому своду Василия, который исследователь датирует 1106—1113 гг. Цыб полагает, что относительные даты ПП должны были быть основаны на абсолютных датах недошедшего до нас источника, который, соответственно, был летописью, но это вряд ли верно (см. ниже о датах «по крещению»). Еще один вариант (создатель ПП использовал документы «канцелярии киевских князей», пусть и наряду с «церковным источником» [Роменский. 2012. С. 131]) крайне маловероятен, учитывая отсутствие каких бы то ни было данных не только о канцелярии, но и вообще о светской деловой

- письменности на Руси ранее XI в. (А.А. Роменский ссылается на договоры X в. с Византией, но это, конечно, продукт византийской, а не древнерусской канцелярии). В более поздней работе исследователь не повторяет этой мысли, но пишет, что источниками ПП могли быть помянник Десятинной церкви и «Начальная летопись» [Роменский. 2015. С. 134].
- ⁷ Мнение о Древнейшем своде как об источнике исторических сведений ПП принял Н.И. Серебрянский [1915. С. 47—48].
- ⁸ Впрочем, ученый выражается довольно туманно. Из его текста как будто следует, что у ПП был один летописный источник, но тут же сказано, что Иаков «имел в своем распоряжении разные сказания и летописные записи» [Тихомиров. 1979. С. 62].
- ⁹ Работа написана между 1926 г. и второй половиной 1930-х годов [Дубровский. 1987. С. 7].
- ¹⁰ Перестановку «исторических» фрагментов в ПП предполагал А.А. Шахматов [Шахматов. 2002—2003. Т. 1, кн. 1. С. 35; Кн. 2. С. 315—316; 2014. С. 172 и сл.]. Недостаточно обоснованными эти рассуждения считал А.Н. Насонов [1969. С. 28—30]. Не более чем догадка и мысль Н.И. Серебрянского [1915. С. 49], что исторические заметки были выписками из Древнейшего свода, первоначально добавленными «как черновой материал» после ПП.
- ¹¹ Предшествующий самой ПВЛ этап летописной работы, так называемый Начальный свод, отразился, видимо, в Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.) [Шахматов. 2003. Т. 1, кн. 2. С. 428—464]. В описании правления Владимира различий между ними сравнительно немного.
- ¹² Полностью исключать возможность крещения Владимира в Корсуни зарубежные источники не позволяют [Назаренко и др. 2004. С. 696; Артамонов 2015. С. 728], однако «вся сумма данных» говорит против «корсунской» версии [Назаренко и др. 2004. С. 696].
- ¹³ Последняя фраза отделена от предыдущего достаточно большим фрагментом текста.
- ¹⁴ Здесь и далее даты по Ипат., Хлебн. и Н1мл. В Лавр., Радз. и М.-А. даты искажены.
- ¹⁵ По мнению А.А. Шахматова, в ПП первоначально упоминался Белгород [Шахматов 2002. Т. 1, кн. 1. С. 40; ср.: Михеев. 2011. С. 100, примеч. 140; Назаренко. 2016. С. 623—624, примеч. 114]. Н.И. Милютенко [2008. С. 77] отмечает, что оба города входили в число крепостей на южных рубежах, отстроенных Владимиром, и «могло быть и так, что в разных списках упоминались разные города». Рассказ об основании Переяславля имеется в ПВЛ под следующим, 6501 г., но это — основанная на устной традиции вставка создателя ПВЛ 1110-х годов; в Н1мл. этот рассказ отсутствует [Шахматов. 2003. Т. 1, кн. 2. С. 458].
- ¹⁶ Ряд альтернативных возможностей см.: Цыб. 2003. С. 86, 92.
- ¹⁷ А.И. Карпов [2009. С. 544] обращает внимание на то, что в ПВЛ рассказ о крещении распределен между тремя годами: 6494 и 6495 гг. — выбор веры, 6496 г. — поход на Корсунь и крещение, — и это как будто соответствует 1-му, 2-му и 3-му годам ПП. Возможно, исследователь прав в том смысле, что существовало какое-то общее представление о *трех годах крещения*, отразившееся в обоих памятниках. Но надежно устанавливаемые соответствия между датами ПП и ПВЛ показывают, что создатель летописной хронологии годом похода на Корсунь и крещения посчитал «1-й» год √ПП, а отнюдь не «3-й».
- ¹⁸ С этим согласны почти все исследователи, признающие древность √ПП [см.: Шахматов. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 38; Михеев. 2011. С. 56—57; Назаренко. 2016. С. 623—624, 627—628; и др.]. Противоположное мнение высказал А.П. Толочко [2015. С. 37]: относительные даты ПП вычислены на основе летописных. Это

- теоретически возможно, но маловероятно, учитывая, что летописные даты имеют сдвиг на год, тогда как даты ПП «по крещении» точны (см. также выше). С.В. Цыб [2003. С. 91] считает, что относительные даты ПП вторичны по отношению к абсолютным, однако не к тем, что находим в дошедшей до нас ПВЛ, а к другим, содержащимся в другой летописи (см также примеч. 6).
- ¹⁹ Объяснение А.В. Поппэ: 6496 г. — это оставшийся в памяти год крещения киевлян [Рорре. 1976. Р. 242], — носит, скорее, характер догадки.
- ²⁰ Вопреки: Роменский. 2015. С. 133—134..
- ²¹ Пессимизм относительно возможности прийти здесь к каким-либо твердым выводам усиливается еще и от того, что ранние историописатели могли использовать разные времяисчислительные системы — например, эры, отличные от Константинопольской, а также сентябрьские или ультрамартовские годы [см.: Цыб. 2003. С. 85—97].
- ²² С.В. Бахрушин [1987. С. 18—19] предполагал, что известия о языческих походах Владимира в ПП и ПВЛ восходят «к кратким записям об отдельных княжениях», но к разным. А.А. Шахматов [2014. С. 173—175] относил процитированный перечень походов к вставному фрагменту ПП и считал его, в отличие от других исторических известий ПП, примером неудачного использования летописи [Там же. С. 174]. Помимо прочего, ученый обращал внимание на отсутствие здесь датировок — в отличие от других исторических известий ПП [Там же. С. 174—175]. Однако состав и порядок походов Владимира, как он представлен в ПП, вряд ли выводим из дошедшего до нас текста ПВЛ. Если в других случаях мы предполагаем, что у ПП и ПВЛ был общий источник — √ПП, то не проще ли и в данном случае принять такую гипотезу?
- ²³ Кроме «исключающего» счета здесь можно предположить еще использование сентябрьского стиля (если Владимир крестился между 1 сентября 987 и 1 марта 988 г. — ср. догадку о том, что он мог креститься 6 января 988 г. [Рорре. 1976. С. 242; Назаренко и др. 2004. С. 697]). Также можно предположить счет не календарными годами, но именно годами *от момента крещения*: если, допустим, Владимир крестился в январе 988 г., то 28 й год, посчитанный таким образом, истекал в январе 1016 г., т.е. Владимир умер «в 28 й год» по крещению. О разных возможностях счета лет в ПП см. также: Роменский. 2015. С. 131—134.
- ²⁴ Напомню, по Назаренко, √ПП — это древнейшее «ядро» летописи, а продолжала его «повесть о Ярославле».
- ²⁵ Черепнин. 1948. С. 332; Насонов. 1969. С. 30; Милютенко. 2008. С. 80; Назаренко. 2016. С. 631; Карпов. 2015. С. 337. Противоположно мнение В.Ю. Аристова [2016. С. 70]: ПП здесь следует за ПВЛ, в которой после 996 г. прекращаются подробные сообщения о Владимире. См., однако, выше о том, что в части «по крещению» датировки ПП, несомненно, первичны в сравнении с датировками ПВЛ.
- ²⁶ Статью 997 г. в ПВЛ занимает легендарный рассказ о белгородском киселе, вставленный на этапе создания ПВЛ и отсутствующий в Н1мл. [Шахматов. 2003. Т. 1, кн. 2. С. 458]. После этого и до 1014 г. — только краткие записи о смертях.
- ²⁷ См.: [Беляев, Гимон. С. 8—13] и в статьях того же тома, с. 41—61, 203—258.
- ²⁸ Подчеркну: предложенная гипотеза не является текстологически обязательной. Она не вытекает со всей необходимостью из каких-либо данных. Но, на мой взгляд, она является *самым простым* из возможных объяснений соотношения ПВЛ и ПП, и в этом ее преимущество перед альтернативными возможностями.

А.А. Гиппиус*

Несколько конъектур к «Слову на обновление Десятинной церкви» (к реконструкции древнейшей русской ГОМИЛИИ)**

Аннотация: Статья написана в развитие гипотезы А.В. Назаренко, согласно которой общим источником двух древнерусских произведений, посвященных св. Клименту Римскому — «Слова на обновление Десятинной церкви» и «Чуда св. Климента об отрочати» — послужила гомилия, созданная в 40-гг. XI в. при Ярославе Мудром. Предложен ряд конъектур к тексту памятника и уточненная реконструкция его заключительной части.

Ключевые слова: литература Киевской Руси, агиография, гомилетика, Слово на обновление Десятинной Церкви, св. Климент Римский, Феодосий Грек.

A.A. Gippius

**Several conjectures to the «Discourse on the Renovation of the Tithe Church»
(towards the reconstruction of the earliest Russian homily)**

Abstract: The article brings forward A. V. Nazarenko's hypothesis according to which two 12th-century Russian compositions devoted to St Clement — «Discourse on the Renovation of the Tithe Church» and «The Miracle of St Clement and the Youth» — go back to a common source written during the reign of Jaroslav the Wise in 1040s. A series of conjectures is proposed leading to a modified reconstruction of the final passage of the 11th-century homily.

Keywords: literature of Kievan Rus, hagiography, homiletics, St Clement of Rome, Discourse on the Renovation of the Tithe Church

* Гиппиус Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт славяноведения РАН.

Gippius Aleksey Alekseevich, Grand PhD (Philology), Professor, the National Research University "Higher School of Economics"; the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16—18—02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

«Слово на обновление Десятинной церкви» было опубликовано М.А. Оболенским [1850] по принадлежавшему ему единственному, впоследствии утраченному списку XVI в. и представляет собой несомненно русское добавление к переводному «Мучению» св. Климента Римского.

Единодушно относя памятник к домонгольскому времени, исследователи разошлись во мнениях о его датировке, по-разному определяя и отношение его к другому произведению Климентовского цикла — так называемому «Чуду об отрочати», также продолжающему в рукописях текст «Мучения» и имеющему значительные текстуальные пересечения со «Словом». В то время как одни авторы (А.И. Соболевский, М.С. Грушевский и поначалу А.Ю. Карпов) видели в «Слове» расширенную переработку заключительной части «Чуда», другие (И.Я. Франко, Н.К. Никольский, Ю.К. Бегунов и А.Ю. Карпов в более поздней работе) полагали обратное, считая завершающую «Чудо» похвалу св. Клименту сокращением «Слова». Новое решение старой текстологической проблемы предложил недавно А.В. Назаренко [2009, 2013]. Взвесив аргументы приверженцев двух позиций и найдя, что ни одна из них удовлетворительно не объясняет соотношения текстов, которые, каждый по-своему, обнаруживают черты первичности, исследователь предложил считать «Слово» и «Чудо» не зависящими одно от другого, но восходящими к общему источнику. Этот гипотетический источник, названный им «прото-Словом», А.В. Назаренко предположительно датирует 40-ми гг. XI в., а «Чудо» и «Слово» считает возникшими столетие спустя, в середине XII в. «Слово», согласно его гипотезе, было написано в Киеве при Изяславе Мстиславиче в 1148 г., вскоре после поставления на митрополию Климента Смолятича (освященного, как известно, мощами св. Климента Римского); «Чудо» же, как альтернатива «Слову», возникло в кругу противников церковной политики Изяслава, и автором его был один из главных оппонентов Климента Смолятича новгородский епископ Нифонт.

В своих основных положениях эта реконструкция представляется нам убедительной и важной не только для текстологии Климентовского цикла, но и для понимания литературного процесса домонгольской Руси в целом. Находя для «Слова» и «Чуда» подходящий *Sitz im Leben* в русской церковной истории XII в., она вместе с тем обогащает новым памятником словесность предшествующего столетия, причем первой его половины, что особенно ценно. В научный оборот, по существу, введено древнейшее произведение русского торжественного красноречия — ведь, согласно А.В. Назаренко, написанное в 1040-х гг. прото-«Слово» хронологически предшествует «Слову о законе и благодати» Илариона и представляет иной извод киевской идеологической доктрины.

ны — извод, в котором роль апостола Руси, отводимая Иларионом Владимиру, принадлежит не ему, а св. Клименту Римскому.

Соглашаясь в целом с реконструкцией А.В. Назаренко, мы хотели бы сделать к ней несколько текстологических коррективов, призванных устранить противоречия, имеющиеся в авторском изложении этого интереснейшего построения. Аргументировав существование прото-«Слова» как общего источника «Слова» и «Чуда», А.В. Назаренко не стал реконструировать его текстуально, ограничившись указаниями на то, какие фрагменты двух памятников должны были читаться в составе этого гипотетического произведения. Между тем, такая реконструкция, особенно для заключительной части прото-«Слова», несомненно имеет смысл — как ввиду выдающейся древности памятника, так и потому, что, как следует из замечаний самого А.В. Назаренко, текст его извлекается из «Слова» в почти полном объеме, за исключением концовки, восстанавливаемой на основе «Чуда». Ниже мы предложим такую реконструкцию, но сперва проследим за ведущими к ней операциями над текстом двух памятников.

Приведем сопоставляемые фрагменты «Слова» и «Чуда» по публикации А.В. Назаренко вместе с текстологическими примечаниями исследователя, изменив их нумерацию и номера строк (в квадратных скобках — добавления к тексту, опубликованному М.А. Оболенским (шрифтовое выделение — наше):

«Слово на обновление Десятинной церкви»:

О апостоломъ сопрестольниче, ангеломъ равночестье! Бѣси прогоними бывають и недужи отбѣгають, рати безъ успѣха възвращаются и еретицы проклинаются, преславная же вѣра възрастаетъ наипаче, тобою^а обилнѣ наполняющесе благоденствуемъ, грѣховъ прощение тобою, угодниче Христовъ, надѣмся получитьи о уповании жизни вѣчныя, юже буди намъ наслѣдовати, все пристрастие отложасимъ, обоюду же добродѣтелями готовящимся. Но якоже сохранилъ еси отъ бѣссольныхъ звѣрии нападения отроча въ мори, тако и любящая тя отъ невидимыхъ звѣрии нападания^б въ мирѣ сохраняи, ^схристолюбивому же и вѣрному князю нашему полезная испроси, да к нынѣшнему добропробыванию вѣчныхъ благихъ сподоблени будутъ^с. Тако прародителески^д добродѣтели общникъ, церковь твою обновляи^е, якоже бо сего благороднаго благовѣрны праотець христолюбивыи сыи^ф, по истинѣ же мучениколюбець, со многимъ потщаниемъ, пребольшею вѣрою отгуду бо доздѣ любезно и благочестно принесе твоя пречестныя мощи на освящение и спасение себѣ же и всему роду своему, рекъ же^г и странѣ нашей, якожь и вѣруемъ. Тако и тыи <...>^h и апостольский подобниче Клименте, тою изчадие, гдѣ добро управлеи, отсюду же со всѣми на небесная обителища принеси, **сиа убо, о преподобниче, молимъ [намъ]ⁱ твоимъ ученикомъ обрѣстися.** Нынѣ же убо да веселуется старѣшинъствуя[и] въ князехъ, яко блаженъ есть воистинну обладая скипетры твоими молбами, яко имѣя присно [съ] собою...

^a Пунктуация условна: вполне возможно также възрастаеъ наипаче тобою, обилнѣ наполняющеся благоденъствуемѣ. ^b Так в О. ^{c-c} Отсутствие грамматического согласования между князю нашему и сподоблены будутъ выдаеъ неисправность текста. Возможно следует читать, как в стрк. 00, князю нашему со всѣми полезная испроси и далее по тексту. ^d О прародителескъ. ^e О обновляя, ср. чуть ниже, стрк. 00, управлеи. ^f О сии. ^g Быть может, следует читать рекъше. ^h Здесь текст явно неисправен, что дает основание подозревать утрату: см. § 1.2.4. ⁱ Явно недостающее намѣ восстанавливается по соответствующему тексту «Чуда» (стрк. 00).

«Чудо об отрочати»

[А]посѣто[ло]мѣ съпресътолнице, ангилемъ равночестне! Бѣси прогоними бывають, недужи отбѣгають, ратнии без успѣха възвращаються, обилья наполняющеся бл(а)годнѣствуемѣ, грѣховѣ прощения тобою угоднѣче Х(ристо)въ, надѣмся получитьи о уповании жизни вѣчныя, буди же намѣ всѣмѣ уллучити, всю отложивше злобу, добродѣтели готовящимся. Сия^a убо моли, преподобне, нам своимѣ рабомѣ даровати сп(а)сение, яко имѣя деръзновение къ всѣхъ Владыцѣ, да тобою, с(вя)тыи Клименте, направляеми и наставляеми сугубою бл(а)г(о)д(а)гию обоба[тѣ]вше до послѣдняго въздыхания, архиерею Х(ристо)въ, по твоему научению славимъ О(тѣ)ца и С(ы)на и Свѣятаго Д(у)ха въ трехъ собствѣхъ единого Б(о)га, нераздѣлимую единосущную Троицю, и нынѣ и пр(и)сн(о).

а Кто эти сия, из текста непонятно; очевидно, перед нами след неудачного редактирования прото-«Слова»: см. § 1.2.4. В «Слове» (стрк. 00) текст яснее.

Ключевой ход, сделанный А.В. Назаренко, состоит в соединении выделенных фрагментов в единый период, трактуемый исследователем как концовка прото-«Слова»:

Сиа убо, о преподобниче, молимъ намѣ твоимѣ ученикомѣ обрѣстися, да тобою, с(вя)тыи Клименте, направляеми и наставляеми сугубою бл(а)г(о)д(а)гию обоба[тѣ]вше до послѣдняго въздыхания, архиерею Х(ристо)въ, по твоему научению славимъ О(тѣ)ца и С(ы)на и Святаго Д(у)ха [Назаренко. 2013. С. 41—42]¹

В пользу этой реконструкции говорит не только общая связность получающегося текста, но и, особенно, возникающее соответствие между «твоимѣ ученикомѣ» и «по твоему научению». Можно понять и логику авторов «Слова» и «Чуда». Первый, отбросив самую концовку прото-«Слова», заменил ее продолжением похвалы князю-обновителю Десятинной церкви (новый текст начинается со слов «Нынѣ же убо да веселуется старѣишинѣствуя[и] въ князехъ...»). Второй, напротив, исключил весь пассаж, относившийся к князю, оставив в тексте лишь

св. Климента. Предполагаемая идейная оппозиция «Слова» и «Чуда» дает для этих операций самую убедительную мотивировку.

В своем понимании реконструированного пассажа А.В. Назаренко исходит из трактовки открывающего его слова «сия» как винительного падежа двойственного числа мужского рода, относя эту форму к двум упоминаемым выше князьям. В первоначальной версии гипотезы [Назаренко 2009] эта словоформа сопоставлялась с еще одним дуалисом, выступающим в сочетании «тою изчадие». Поскольку выше речь идет только об одном князе — Владимире Святославиче, исследователь предположил, что в месте, обозначенном отточием, в единственном списке «Слова» был утрачен пассаж, в котором говорилось о Ярославе Владимировиче. При таком взгляде на текст референтами двух дуалисов выступают Владимир и Ярослав, тогда как князь — адресат похвалы предстает как потомок этой двоицы, что автоматически датирует создание прото-«Слова» временем не ранее второй половины XI в.

Противоречия, обнаружившиеся в этом построении, вызвали к жизни его обновленную версию, изложенную А.В. Назаренко в книге 2013 г. Триггером этой версии стала конъектура, трактующая «тою» как неправильно прочитанное «того» («ю» в рукописях XIV—XVI вв. пишется с перекладной на уровне верха строки и могло легко быть смешано с «го»). Ликвидируя первый из двух дуалисов, чтение «того изчадие» устраняет и необходимость предполагать в тексте «Слова» пропуск фрагмента о Ярославе. Более того, такое определение князя — адресата похвалы позволяет видеть в нем самого Ярослава Мудрого и относить написание прото-«Слова» ко времени его княжения.² Вместо разорванных лакуной фрагментов получаем впечатляющих размеров сравнительный период, в котором принесение Владимиром мощей св. Климента из Херсона в Киев сопоставляется с грядущим перенесением самим св. Климентом действующего князя — «исчадия» Владимира в небесные обители. Выделение в тексте этого периода предполагает, что слова «Тако прародительскы добродѣтели обьщникъ, църквь твою обновляяи», являются вставкой «Слова», нарушившей синтаксическую структуру источника³; с этой вставкой корреспондирует и замена в следующей фразе слова «отец» на «праотец».

К сожалению, изложение этого построения в книге А.В. Назаренко несколько запутывает рудиментарное присутствие в нем элементов исходной версии, с которой исследователь прощается с известным сожалением, характеризуя ее как привлекательную и «не лишнюю некоторого изящества» [Назаренко. 2013. С. 36]. Первый из этих рудиментов представляет собой, впрочем, скорее технический недосмотр. Мы имеем в виду сохраненное указание на вероятный пропуск в списке «Слова» («Тако и тыи <...> и апостольскии подобниче Клименте...»), отражен-

ное и в переводе: «Так и тот <...> и апостольский подобник Климент, потомка тех двоих отсюда, где добро правит, со всеми в небесные обителища перенеси, ибо сих двоих, о преподобный, молим, дабы явиться нам твоими учениками» [Назаренко. 2013. С. 189]. В действительности, как уже было сказано, оснований предполагать здесь пропуск текст не дает, и данное место, как в Слове, так и в реконструируемом прото-«Слове», должно читаться: «тако и ты, апостольский подобниче Клименте...» (с очевидной конъектурой — устранением двух лишних «и»). Хотя А.В. Назаренко, безусловно, именно так и понимает структуру периода, сама эта фраза нигде в его рассуждениях не всплывает.

Таким же рудиментом исходной конструкции в обновленной версии гипотезы А.В. Назаренко нам представляется трактовка формы «сия» во фразе «Сия убо, о преподобниче, молимъ намъ твоимъ ученикомъ обрѣстися» как двойственного числа. Настаивая на ней, исследователь вынужден реконструировать вполне искусственную, на наш взгляд, риторическую стратегию, в рамках которой умерший Владимир и здравствующий Ярослав объединяются автором как два адресата моления киевлян, каковыми они станут только после того, как последний будет перенесен св. Климентом в небесные обители. Такое «откладывание» молитвы до переселения действующего князя в мир иной не кажется правдоподобным. С другой стороны, значение футурума, которое А.В. Назаренко прямо приписывает в этом контексте форме «молимъ», плохо согласуется с употреблением ее в церковнославянских текстах исключительно как перформатива, обозначающего акт молитвы, осуществляемый самим произнесением этого слова. Полагаем, что если бы не псевдо-дуалис «тою», трактовка «сия» в этом контексте как дуалиса никогда не была бы предложена ввиду возможности альтернативной интерпретации словоформы как винительного падежа множественного числа среднего рода, обозначающего объект моления: «Вот о чем, о преподобный, молим: чтобы нам сделаться твоими учениками...». А.В. Назаренко [2013. С. 40—41] учитывает эту возможность и даже оговаривает статус такой конструкции как синтаксической кальки с оборота типа «тоѡто ѱѡр ѣѡхоѡев», при обычном для древнерусского «о семь убо молимъ»; но такое понимание он отвергает, считая его поверхностным. Мотив этого отказа также оговорен: частица «убо» указывает на связь фразы с предыдущей, а она в таком случае как будто не просматривается.

На наш взгляд, такая связь все же есть, но чтобы обнаружить ее, стоит присмотреться к другим деталям контекста, до сих пор не обращавшим на себя внимания. Это, во-первых, слова «гдѣ добро управлеи», которые А.В. Назаренко переводит как «где добро правит», относя их к князю. Такой перевод неточен уже потому, что в тексте стоит причастие прошедшего, а не настоящего времени⁴. С другой стороны, трак-

туя эту синтагму как относительное придаточное, следовало бы ожидать введения ее относительным наречием «идѣже» — употребление в этой функции простого «гдѣ» древнерусским текстам несвойственно. Необъяснимым оказывается при таком переводе и расположение придаточного в препозиции к главному предложению. Решение и в данном случае заключается, на наш взгляд, в простой конъектуре: нужно предположить, что в списке Оболенского вместо «гдѣ» читалось «сдѣ» (= здѣ < съдѣ 'здесь'). Замена одной буквы на другую могла быть произведена писцом копии, с которой осуществлялся набор, принявшим «зело» (с ним данное слово нередко пишется в рукописях эпохи второго южнославянского влияния) за курсивное *z*. Восстанавливаемое таким образом чтение «съдѣ добро управль» резко меняет смысл фразы: речь идет уже не о добром правлении князя, но о попечении о нем св. Климента, которого автор просит, соблюдя князя в добре в здешнем мире, перенести его в свое время в небесные обители. Понятые таким образом, эти слова удачно встраиваются в пространственный дейксис периода: «... *отътуду* ... и *досьдѣ* принесе твоя пречѣстьныя мощи /.../ *сьдѣ* добръ управль, *отъсуду* же со всѣми на небесная обителища принеси». Отметим и следующее: поскольку «управль» подразумевает одновременно соблюдение и наставление (см. примеры на значение 'наставить' у этого глагола в словаре И.И. Срезневского), фраза оказывается соотнесенной с продолжающим ее прошением автора о том, чтобы его сограждане, вслед за их князем, уже «управляемым» св. Климентом, сделались его учениками и были «направляемы и наставляемы» им. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается выражаемая частицей «убо» связь слов «сия убо ... молимъ» с предыдущей фразой.

При ближайшем рассмотрении эта связь оказывается еще более сильной. В окончании сравнительного периода, в том виде, в каком оно читается в «Слове», настораживает сочетание «со всѣми ... принеси». Под «всѣми» здесь можно, конечно, понимать княжеское семейство и окружение. Но почему при местоимении отсутствует определяемое слово? Такое употребление нормально в контекстах, где речь идет о равном отношении ко всем вообще людям (ср., например, «миръ имѣита съ всѣми», «любвьъ же да имамъ съ всѣми» в Изборнике 1076 г. [примеры из Нац. корпуса русского языка]). Но в нашем случае речь идет об особом покровительстве св. Климента киевскому князю, его роду и «стране нашей», что делает такой универсализм неуместным. Ниже, во фразе «намъ твоимъ ученикомъ обрѣстися» в «Слове» оказалось утрачено местоимение 1-го лица, которое А.В. Назаренко — с полным, на наш взгляд, основанием — восстанавливает на основании концовки «Чуда». Не было ли оно опущено и в сочетании «со всѣми нами»? С восполнением этого пропуска контекст обретает синтаксическую полноту, а по-

следующая просьба сделаться учениками св. Климента — мотивировку: ведь это «ученичество» как раз и должно способствовать тому, чтобы киевляне вместе со своим князем были по смерти перенесены в небесные жилища. Утрата «нами», может, в принципе, как и утрата «намъ», рассматриваться как гаплографический пропуск (основания для него были в обоих случаях, ср. «съ вьсѣми нами на.. » и «молимъ намъ»), но более оправданным кажется видеть здесь сознательную, хотя и не вполне умелую редактуру, устранившую формы первого лица из продолженной составителем «Слова» похвалы князю.

Еще одна важная поправка к реконструкции А.В. Назаренко была предложена А.Ю. Виноградовым при обсуждении нашего доклада на конференции в Новгороде 4 августа 2017 г. Фразу «Тако прародительскъ добродѣтелии обьщъникъ, църкъвь твою обновляя», которую мы, вслед за А.В. Назаренко, трактовали как вставку автора «Слова», А.Ю. Виноградов предложил возводить к прото-«Слову», где она могла начинаться «яко *родительскъ* добродетелии обьщъникъ...» и относиться к предыдущему, а не к последующему периоду:

Христоролюбивому же и вѣрному князю нашему пользная испроси, да къ нынѣшнему добропрѣбыванию вѣчныхъ благыхъ съподоблени будутъ, *яко родительскъ* добродѣтелии обьщъникъ, църкъвь твою обновляя.

Редактура автора «Слова» сводится в таком случае к замене «родительскъ» на «прародительскъ», тогда как замену «яко» на «такое» следует, видимо, относить за счет переписчика, принявшего йотированное А с высокой перекладной за «та», что палеографически правдоподобно. Эта реконструкция обладает двумя важными преимуществами. Во-первых, с автора «Слова» снимается обвинение в грубом искажении риторической композиции своего источника. Во-вторых, появляется возможность связать составление прото-«Слова» с новым освящением («обновлением») Десятиной церкви, действительно имевшим место при Ярославе в 1039 г. А.В. Назаренко рассматривал эту возможность, но отказался от нее именно потому, что единственное упоминание об обновлении церкви находится во фразе, трактованной им как вставка XII в.

Однако предложение А.Ю. Виноградова наталкивается и на существенное препятствие. Приходится считать, что, перейдя от единственного числа («князю нашему») к множественному («съподоблени будутъ»), очевидно, распространяющему благопожелание на княжескую семью, автор затем опять вернулся к единственному числу, чтобы упомянуть о роли князя как обновителя церкви. Даже если трактовать «съподоблени будутъ» как *pluralis majestatis* (хотя других подобных примеров в раннедревнерусской письменности мы не знаем), само это

упоминание выглядит скорее как добавление к законченному периоду, чем как его органическая часть. Поэтому, принимая конъектуру «яко», мы все же склонны видеть во фразе в целом редакторскую вставку автора «Слова». Вопрос, впрочем, требует дальнейшего изучения.

Подытоживая сказанное, можно следующим образом восстановить концовку прото-«Слова» (текст дается с разбиением на ритмические единицы, конъектуры выделены курсивом, предполагаемые дополнения «Слова» помещены в фигурные скобки):

Но якоже съхранилъ еси отъ бесълньчньныхъ звѣрии нападения отроча въ мори, тако и любящая тя отъ невидимыхъ звѣрии нападания въ мирѣ съхраняи.

Христоролюбивому же и вѣрному князю нашему пользная испроси, да къ нынѣшнему добропрѣбыванию вѣчныхъ благыхъ съподоблени будутъ.

{яко^a прародительскъ добродѣтели^b общьникъ, църквь твою обновляя.} Якоже бо сего благороднаго благовѣрныи {пра}отць, христороливъ *си*^c, по истинѣ же мучениколюбць, съ многымъ потыщаниемъ, прѣбольшею вѣроу, отъгуду бо и досьдѣ любьзно и благочьство принесе твоя прѣчьстьныя мощи на освящение и съпасение себѣ же и въсему роду своему, рекъше^d и странѣ нашей, якоже и вѣруемъ, — тако и ты, апостольскыи подобьниче Клименте, *того*^e ищадие, *свдѣ*^f добрѣ управль^g, отъсюду же съ вьсѣми *нами*^h на небесьная обителища прѣнеси. Сия убо, о прѣподобьниче, молимъ: *намѣ*ⁱ твоимъ ученикомъ обрѣстися, {Нынѣ же убо да веселуется старѣишиньствуяи въ князихъ, яко блаженъ есть воистину обладая скипетры твоими мольбами, яко имѣя присно съ собою... }

^jда тобою, святыи Клименте, направляеми и наставляеми, сугубоу благодатию обогатѣвьше до послѣдняго въздыхания, архиерею Христовъ, по твоему научению славимъ Отца и Сына и Святаго Духа въ трьхъ собьствѣхъ единаго Бога, нераздѣлимую единосущьную Троицю, и нынѣ и присно^j (и въ вѣкы вѣкомъ, аминь).

^a О тако. ^b О добродѣтели; см. *сноску* 4. ^c О си. ^d О рекъ же. ^e О тоу. ^f О гдѣ. ^g О управлеи. ^h О нет. ⁱ О нет; из «Чуда об отроцати». ^j Из «Чуда об отроцати».

Перевод:

‘Но как ты сохранил дитя в море от нападения бессолнечных зверей, так же сохраняй в мире любящих тебя от нападений зверей невидимых.

Христоролюбивому и верному князю нашему что на пользу испроси, пусть будут они сверх нынешнего благополучия сподоблены вечного блага. Как сего благородного благоверный отец — христоробец и поистине мучениколюбец — со многим тщанием и великой верой, с любовью и благочестно принес оттуда сюда пречестные твои мощи на освящение и спасение себе и всему своему роду, то есть и стране нашей, как мы веруем, — так и ты, апостольский подобник Климент, порожденного им, здесь соблюдая в добре, отсюда со всеми нами перенеси в небесные обители. Ибо вот о чем молим, о преподобный: дабы и нам сделаться твоими учениками, чтобы мы, руководимы и поучаемы тобою, святой Климент, обогатившись двойной благодатью, до последнего вздыхания, архиерей Христов, по твоему научению славили Отца, и Сына, и Святого Духа, в трех лицах единого Бога, нераздельную единосущную Троицу, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь!

Последняя конъектура, которую мы хотели бы предложить, относится уже к заключительной части «Слова», представляющей собой, согласно А.В. Назаренко, редакторское добавление XII в. В пассаже, о котором речь, составитель обращается к св. Клименту с просьбой о снисхождении к риторическому несовершенству его труда:

«По истинѣ блаженъ еси! Того ради вся ны схрани тебе любяща, и отци бо *чадолюбви* не гнушаются младенѣствующихъ при разумѣ и гугнующи[хъ] языкомъ, но паче любятъ и присвояютъ. Того ради непотребныи языки врагъ нынѣ понуженъ благороднымъ богочетцомъ, отъ многа мало написа, аще не по чину, яко грубъ сыи, но надѣяся твоимъ честнымъ мольбамъ, архиерею честныи Христовъ»

«Поистине блажен ты! Поэтому сохрани всех нас, тебя любящих, ведь и чадолюбивые отцы не гнушаются младенчествуящих разумом и гугнивых языком, но еще больше любят и приближают. Поэтому негодным языком <...> понуждаем благородным богопочитателем, от многого я написал немного, хотя и не по правилам, ибо невежествен, но надеясь на твои честные молитвы, честной архиерей Христов» [Назаренко. 2013. С. 190].

В этом коротком фрагменте издание Оболенского содержит целый ряд явных ошибок, исправленных последующими публикаторами. В частности, вместо «гугнующихъ» в нем читается «губнующи», вместо «не по чину» — «не починувъ» (конъектуры Ю.К. Бегунова). Несомненная порча текста имеет место и в сочетании «непотребныи языки врагъ», которое все издатели оставляют без изменений, а А.В. Назаренко сопровождает следующим комментарием: «Так в ркп.; формально наиболее экономичной конъектурой была бы *непотребныхъ языкъ врагъ*, но она едва ли подходит по смыслу: намек на собственную языковую рафинированность неуместен под пером автора, который тут же извиняется, «яко грубъ сыи», да и похвала свт. Клименту, пусть и неумелая, никак не могла быть названа «непотребной»; в начале можно предположить *непотреб-*

нии язъ или, скорее, *непотребными языки*, но в целом это место выглядит безнадежно испорченным» [Назаренко. 2013. С. 190].

Выход из положения, на наш взгляд, все же имеется. Структура фразы подсказывает, что в испорченном месте стояло подлежащее, обозначающее автора и имеющее при себе согласованное определение «непотребный». Рискнем предположить, что этим подлежащим было слово «языковратъ» — композит той же структуры, что и «коловрат/коловорот», хотя и не известный словарям, но соотносимый с выражением «ворочать языком».

Помимо полной смысловой и грамматической удовлетворительности эту конъектуру поддерживают два обстоятельства. Во-первых, «непотребный языковратъ» как самообозначение автора противостоит обозначению князя-заказчика, также представляющему собой атрибутивное сочетание на основе композита — «благородный богочетьць». Более чем вероятно, что мы имеем дело с преднамеренным структурным параллелизмом.

С другой стороны, хотя гапакс «языковратъ» вполне органично смотрится на фоне восточнославянской идиоматики, церковнославянский характер слова позволяет допускать наличие у него греческого источника. Действительно, глагол $\gamma\lambda\omega\tau\tau\omicron\sigma\tau\rho\phi\acute{\epsilon}\omega$ ‘вертеть языком’ обнаруживается уже в «Облаках» Аристофана, где он — замечательным для нас образом — выступает в реплике главного персонажа, сокрушающегося об отсутствии у него способностей к красноречию: «ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ. οἴμοι, τί οὖν δῆθ' ὁ κακοδαίμων πείσομαι; ἀπὸ γὰρ ὀλοῦμαι, μὴ μαθὼν $\gamma\lambda\omega\tau\tau\omicron\sigma\tau\rho\phi\epsilon\acute{\iota}\nu$ »; ср. в русском переводе А. Пиотровского: «Беда, беда мне! Что со мною станется? Погиб я, не умею *языком молоть!*»⁵. Разошедшийся по схолиям и лексиконам, этот контекст и сам глагол были, как показывает «Thesaurus Linguae Graecae», достаточно известны и в византийское время; засвидетельствовано (у Феодора Метохита, в XIII в.) и его именное производное — $\gamma\lambda\omega\tau\tau\omicron\sigma\tau\rho\phi\acute{\iota}\alpha$ ‘болтовня’⁶. Но со стороны древнерусского книжника калькирование соответствующего *poimen agentis* (если, конечно, перед нами действительно калька) выглядит проявлением недюжинной образованности. Что как нельзя лучше согласуется с предположением А.В. Назаренко [2013. С. 131—133], согласно которому автором «Слова на обновление Десятинной церкви» был близкий к Изяславу Мстиславичу игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий Грек.

Дополнительный аргумент в пользу этой атрибуции дает сопоставление реконструированной фразы «Слова» с началом предисловия Феодосия Грека к переведенному им для князя Николая послания («эпистолии») папы Льва I константинопольскому патриарху Флавиану о ереси Евтихия. Ср. в «Слове»:

Того ради непотребьнии языковратъ нынѣ понужень благороднымь богочьтьцьмь, отъ мьнога мало написа...

и в предисловии к «епистолии»:

Понеже твое благородное боголюбие /.../ понужаеши наше неключимство начати и свершити дѣло драго и изящно... [Бодянский. 1848. С. 4 (приложение)].

Не комментируя очевидное сходство между двумя пассажами, заметим лишь, что прилагательные «неключимый» и «непотребный» являются синонимами, означая 'негодный'. «Неключимство» же автора перевода, как следует из продолжения фразы, заключается в отсутствии у него навыков, приобретаемых изучением «омирских и риторских книг», то есть Гомера и риторики. Таким образом, «наше неключимство» и «непотребный языковрат» означают, по сути, одно и то же — «плохой, никудышный ритор»⁷.

Сопоставление языка перевода «епистолии», бесспорно принадлежащего Феодосию Греку, и атрибутируемой ему части «Слова» может стать предметом отдельного исследования. Мы же заметим только, что между двумя пластами «Слова» явно имеются различия языкового плана. Они особенно бросаются в глаза при сравнении двух содержательно сходных фрагментов текста, из которых первый, находящийся соответственно в «Чуде», очевидно, восходит к прото-«Слову», а второй, читаемый только в «Слове», принадлежит перу его автора.

Тобою Рустии князии хвалятся, святители ликують, иереи веселятся, мниси радуются, людие добродушествують...

Нынѣ же убо да веселуется старѣшиньствуя[и] въ князехъ, яко блаженъ есть воистинну обладая скипетры твоими молбами. /.../ И да ликоствують гражане старѣшиньствующаго во градѣхъ града нашего [Назаренко. 2013. С. 184, 188].

Таким образом, выявленная А.В. Назаренко двуслойность «Слова на обновление Десятинной церкви» находит, по-видимому, и лингвистическое подтверждение.

Литература:

Бодянский О.М. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского. М., 1848.

Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви»: одно или два «Слова»? // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 21: Автор и его источник. М. 2009.

Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси [Patrologia slavica, 2]. М.; Брюссель, 2013.

Оболенский М.А. О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги // Киевлянин. Кн. 3. М., 1850. С. 139—150.

- ¹ В дальнейшем реконструируемый текст прото-«Слова» приводится в нормализованной раннедревнерусской записи.
- ² Этот вывод подтверждается и анализом словарных примеров, который показывает, что «исчадиями» могут называться только дети, а не потомки вообще.
- ³ Заметим попутно, что написание «прародителескъ» с проясненным сильным редуцированным заставляет восстанавливать в качестве исходного чтение «прародителескъ добродѣтелии» (род. множ.), то есть конъектуры здесь требует форма существительного, а не прилагательного.
- ⁴ Архаичные причастия *i*-глаголов типа *оставль* в рукописях XIV—XVI вв. нередко пишутся с искусственной вокализацией конечного редуцированного (*оставле*). Следующее *и* могло быть добавлено переписчиком, но может быть понято и как союз, соединяющий причастный оборот со сказуемым («...управль, и ...принеси»).
- ⁵ Аристофан. Облака. 791—792.
- ⁶ Благодарю А.Ю. Виноградова за сообщение этих данных и указание на вероятный греческий источник реконструированного слова.
- ⁷ Сходство между стилистикой «Слова» и обрамляющего перевод «епистолии» текста Феодосия Грека этим не исчерпывается. Два памятника объединяет также использование общей евангельской топики для обозначения их труда. Автор «Слова» уподобляет сочинение, посвященное им святому Клименту, двум медницам бедной вдовы (Мк. 12: 41—44). Феодосий Грек, провозглашая вечную память князю Святоше — инициатору перевода послания, сравнивает последнее с талантом, переданным торжникам (Мф. 25: 14—30) [Бодянский. 1848. С. 20 (приложение)].

А.А. Горский*

Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы о возможном родстве первых Рюриковичей и королей Саксонской династии, о пути передачи Святославу Игоревичу информации о речи короля Оттона I перед битвой с венграми 955 г. и о посольстве Оттона II к Владимиру Святославичу 980-х гг.

Ключевые слова: Рюриковичи, Саксонская династия, Оттон I, Адальберт, Святослав Игоревич, Оттон II, Владимир Святославич.

A.A. Gorskii

Three notes about Russo-German connections of Early Middle Ages.

Abstract: The article studies problems of possible kinship of first Rjurikovichy and kings of Saxon dynasty; of transmission of information about speech of Otto I before the battle against Hungarians in 955 to Sviatoslav Igorevich; of Otto II's embassy to Vladimir Sviatoslavich in 980th.

Keywords: Rjurikovichy, Saxon dynasty, Otto I, Adalbert, Sviatoslav Igorevich, Otto II, Vladimir Sviatoslavich.

1. Рюриковичи и Оттоны: неучтенное родство?

Бабка короля Германии и императора Священной Римской империи Оттона I — Рейнхильда — имела, согласно указанию Жития ее дочери, св. Матильды (матери Оттона) «датско-фризское» происхождение (a Fresonum Danorumque genere progrediens; Danorum Fresonumque germine procreata)¹, т.е. один из ее родителей был даном, а другой фризом. Выдвигалась версия, что родителями Рейнхильды были предводитель обосновавшихся во Фризии данов Годфрид и дочь короля Лотаря II (внука Людовика Благочестивого) Гизла [Schwennicke. Tafel 104]. Однако она не подкрепляется ни-

* Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель Центра источниковедения Института российской истории РАН.

Gorskii Anton Anatoljevich, Grand PhD (History), Professor, the Moscow State University, Head of the Center for Source Study of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

чем, кроме того, что брак Годфрида и Гизлы — единственный упоминаемый в источниках матримониальный союз знатного дана, имеющего отношение к Фризии. При этом есть данные против указанного предположения. Годфрид и Гизла поженились в 882 г.², т.е. ребенок в этом браке не мог появиться ранее 883 г. Между тем внук Рейнхильды Оттон родился через 29 лет, в 912 г. Придется предполагать в двух подряд поколениях, у Рейнхильды и ее дочери Матильды, очень ранние — в 14—15 лет — роды, что крайне маловероятно [Cawley. По ссылкам Scandinavia, Kings of Denmark]. Еще существеннее другое: брак Годфрида и Гизлы не мог быть охарактеризован как «датско-фризский», т.к. Гизла не была фризкой, а принадлежала к франкской королевской династии.

Родителями Рейнхильды, таким образом, могли скорее быть дан и фризка, чей брак был заключен ранее, чем у Годфрида и Гизлы, в 860-е или первую половину 870-х гг. (исходя из того, что Матильда родилась, вероятнее всего, в первой половине 890-х). В этот период предводителем данов, владевшим под верховной властью франкских королей Фризией, был родственник Годфрида — Рёрик³, возможно являющийся одним лицом с основателем русской княжеской династии Рюриком [См.: Пчелов. С. 134—156; Горский. 2012. С. 82—111]. Известно, что в начале 860-х гг. Рёрик принял крещение⁴. Этот акт мог иметь естественное продолжение в виде вступления в брак с представительницей местной, фризской знати⁵. Если отцом Рейнхильды был Рюрик, то она являлась единокровной сестрой русского князя Игоря, сын Игоря Святослав приходился двоюродным братом матери Оттона — св. Матильде, а сам германский король и римский император был двоюродным племянником Святослава.

2. Оттон I, Адальберт и Святослав Игоревич

В статье, вышедшей в 2015 г., автор этих строк обратил внимание на чрезвычайно близкое сходство речи Святослава Игоревича перед битвой с византийцами в 971 г., приводимой как русским Начальным летописанием, так и византийскими хронистами Львом Диаконом и Иоанном Скилицей, с речью Оттона I перед битвой с венграми на р. Лех в 955 г., ранее всего зафиксированной в конце 950-х или в 960-е гг. Видукиндо Корвейским. Книжным заимствованием эту связь объяснить невозможно, и остается предполагать, что реальная речь Святослава, переданная (независимо друг от друга) русским и византийскими источниками, подражала речи Оттона. Относительно того, каким путем ее содержание стало известно русскому князю, мною было высказано два предположения: 1) источником был кто-то из членов миссии Адальберта, в начале 960-х гг. приезжавшего из Германии на Русь в ка-

честве миссийного епископа (в ответ на просьбу княгини Ольги); 2) о речи Оттона Святославу могло стать известно в результате русско-немецких дипломатических контактов конца 960-х гг. (реконструированных А.В. Назаренко [Назаренко. 2001. С. 311—338]). Поскольку в речь Святослава не вошли мотивы, являющиеся в изложении речи Оттона Видукингом книжными заимствованиями, было допущено, что до русского князя дошел вариант речи германского короля, передававшийся изустно, еще не прошедший книжную обработку [Горский. 2015]. Однако при написании указанной статьи была упущена из виду деталь, учет которой позволяет более определенно формулировать предположение об источнике информации о речи Оттона. Дело в том, что Адальберт в 955 г. служил нотарием в канцелярии короля [Sickel. S. 361—362]. Следовательно, он вполне мог сопровождать его на войну с венграми и слышать речь непосредственно, или, как минимум, был среди тех, к кому в первую очередь дошла информация о ней. Таким образом, вероятнее всего, что содержание речи Оттона было передано Святославу (если верны предположения, высказанные в разделе 1 — близкому родственнику короля) именно Адальбертом — на основе услышанного им самим или от участников битвы.

3. Земля твоя яко земля наша

В статье Начального летописания 6494 (986) г. рассказывается о приходе к Владимиру Святославичу посольств от представителей разных конфессий, каждое из которых пыталось склонить русского князя к переходу в их веру. Вторым (после мусульман из Волжской Булгарии) описано посольство от западных христиан:

По семъ же приидоша нѣмци из (вар.: от) Рима, глаголюще, яко «приидохомъ послании от папежа; рекль ти тако: земля твоя яко земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша: вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемъся Богу, иже створи небо и землю и звѣзды и мѣсяць и всяко дыхание, а бози ваши древяньи суть». Володимиръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?». Они же рѣша: «пощение по силѣ; аще кто пьетъ и ясть, все въ славу Божию творит, рече учитель нашъ Павелъ». Рече же Володимиръ нѣмцомъ: «Идѣте вы к собѣ, а отци наши не суть сего прияли (вар.: Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть)»⁶.

Выражение, с которого начинается речь послов — «земля твоя яко земля наша» — аналогов в древнерусской литературе не имеет и остается загадочным. Издатели Повести временных лет оставляют эту фразу без комментария⁷. Между тем ответ Владимира послам («Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть»), никак не вытекающий из предшествующего летописного текста (в котором ни о каких случаях более ранней

проповеди западного христианства на Руси не упоминается), отсылает к событиям начала 960-х гг., описанным в немецких источниках. Тогда от короля Оттона I был по просьбе княгини Ольги отправлен на Русь вышеупомянутый епископ Адальберт с целью крещения Руси по западному обряду, но миссия не удалась: Адальберту пришлось вернуться ни с чем, а некоторые из его спутников погибли⁸. Слова Владимира о неприятии западного христианства «отцами» несомненно подразумевают этот эпизод [Назаренко. С. 423], имея в виду отца Владимира Святослава, который, по свидетельству самого Начального летописания, отверг уговоры Ольги принять крещение⁹. По убедительно обоснованному предположению А.В. Назаренко, летописное «Сказание об испытании вер» воспроизводит здесь достоверную информацию — о переговорах Владимира с послами германского короля и императора Священной Римской империи Оттона II, направленными на Русь в 983 г., когда Оттон находился в Риме [Назаренко. С. 411—424]. Но коль скоро ответ Владимира следует признать имевшим место в действительности, то слова послов («земля твоя яко земля наша»), также не мотивированные в летописном тексте и не поддающиеся объяснению исходя из древнерусской книжности, возможно, тоже могут отражать реальность переговоров 983 г. Они выглядят как аргумент в пользу крещения по западному образцу: вера ваша другая, а должна быть той же, потому что земля твоя (Владимира) такая же, как наша. В каком смысле такая же? Вряд ли речь шла о сходстве природных условий: помимо того, что для раннего Средневековья сопоставление географических реалий вообще не свойственно, неясно, как из их похожести (которая тоже проблематична: можно усмотреть сходство Руси с Германией, но не с Италией) вытекает необходимость иметь одну веру; к тому же слово «земля» в рассматриваемом фрагменте фигурирует явно в значении «государство»¹⁰, а не «территория», поскольку она определяется как «твоя», а не «ваша», т.е. речь идет о политическом образовании, управляемом Владимиром (говоря по-латыни, «земля» здесь в значении *regnum*, а не *terra*).

Недавно М.Ю. Андрейчевой было показано, что для описания диалога с «немцами» в летописи использован рассказ о посольстве ассирийского царя Сеннахирима к царю Иудеи Иезекии, помещенный в Библии в 4-й книге Царств и книге пророка Исаии: в нем посол Сеннахирима передает слова царя о намерении взять жителей Иудеи «в землю такую яко же есть земля ваша» [Андрейчева. С. 416—418]¹¹. Это не значит, что описание немецкого посольства недостоверно, поскольку библейские рассказы о посольствах к Иезекии из Ассирии и Вавилона были использованы в Повести временных лет и при описании германского посольства к Святославу Ярославичу 1075 г., хорошо известного по немецким источникам [Назаренко. С. 507—513; Литвина, Успен-

ский]. Но аллюзия на сюжет, в котором речь шла о претензиях на подчинение Иудеи Ассирийскому царству, заставляет предполагать, что в предложении послов Владимиру русская сторона увидела завуалированное стремление к политическому верховенству.

Представляется, что данный фрагмент можно интерпретировать, отталкиваясь от следующих обстоятельств.

1. Ответ Владимира «немцам» — «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть» — отсылает к событиям начала 960-х гг. — миссии Адалберта.

2. Решение о выделении Руси в миссийный диоцез Римской Церкви, принятое в 960 году¹², формально не отменялось [Назаренко. С. 321—327, 372].

3. Посольство к Владимиру, о котором идет речь, было отправлено в начале 983 г. Оттоном II из Рима.

4. В летописном рассказе о посольстве был использован библейский сюжет, в котором посол излагал претензии своего правителя на политическое подчинение «земли».

Если исходить из указанных трех фактов и одной убедительно обоснованной А.В. Назаренко гипотезы (п. 3), наиболее вероятным представляется, что речь послов, как и ответ Владимира, была отсылкой к событиям начала 960-х годов. Суть мысли послов, переданной летописцем через фразу «земля твоя яко земля наша», в том, что земля (государство) Владимира, как и земля, из которой прибыли послы, входит в церковную организацию, возглавляемую Римом. Но фактически вера в Русской земле другая — «а вѣра ваша не яко вѣра наша». И это несоответствие надо устранить, приняв крещение. Такое предложение было воспринято как посягательство на независимость Руси¹³, и ответ Владимира послам Оттона II (если верны предположения, высказанные в разделе 1 настоящей статьи — троюродного племянника киевского князя) оказался отрицательным.

Литература:

Андрейчева М.Ю. Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // Одиссей: человек в истории. 2014: *Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М., 2016.

Горский А.А. Земли и волости // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.

Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012.

Горский А.А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62).

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Князь Святослав и царь Иезекия (к интерпретации статей «Повести временных лет» 1075 и 1076 г.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010.

Cawley Ch. Medieval lands (электронный ресурс).

Schwennicke D. Europäische Stammtafeln: Stammtafeln der Geschichte Europäischen Staaten. Neue Folge. Bd. 2. Marburg, 1984.

Sickel Th. Excuse zu Ottonischen Diplomen // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 1. Innsbruck, 1885.

¹ Vita Matildis reginae // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum in usus scholarum separatim editi. T. 66. Hannoverae, 1994. P. 114, 149.

² Annales Xantenses et Annales Vedastini. Hannoverae et Lipsiae, 1909. P. 51.

³ Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. A. 863. P. 61; A. 867. P. 87; A. 870. P. 108; A. 872. P. 119, 121; A. 882. P. 153; Annales Xantenses et Annales Vedastini. P. 15, 17, 32, 51.

⁴ Flodoard von Reims. Die Geschichte der Reimser Kirche. Hannover, 1998. S. 307, 335—336.

⁵ За крещением предводителей норманнов, переходивших в подданство к франкским королям, как правило следовали династические браки — так было с Годфридом в 882 г., позже с Роллоном в Нормандии.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 133 (и прим. 12); ср.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (Лаврентьевская летопись). Стб. 85; Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись). Стб. 72.

⁷ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 453, 614; Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 313.

⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2009. С. 44—49, 84.

⁹ Новгородская первая летопись... С. 116; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63—64; Т. 2. Стб. 51—52.

¹⁰ См. об этом значении [Горский. 2008].

¹¹ 4 Цар. 18—19; Ис 36—37.

¹² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4: Западноевропейские источники. С. 47.

¹³ На Руси не могли не знать, что Чехия и Польша, ранее вошедшие в римскую церковную иерархию, признавали верховенство германских королей и императоров.

В.М. Гуминский*

Средневековая Европа в записках русских путешественников

Аннотация: В статье анализируются впечатления русских путешественников от Западной Европы и униатского Ферраро-Флорентийского Собора (1438—1439) преимущественно с точки зрения их «зрелищности» (театральности), что является, по мнению автора, характерной чертой западноевропейской средневековой культуры, как, впрочем, и средневековой культуры в целом.

Ключевые слова: Церковь католичество православие уния диковинки человек и вещь театральность свое и чужое ортодоксальность и преклонение.

**V.M. Guminsky
Medieval Europe in the Notes of Russian Travellers**

Abstract: The article analyses the way Russian travelers perceived Western Europe and the Uniate Council of Ferrara-Florence (1438—1439) majorly from the standpoint of its “spectacularity” (staginess), which the author believes to be the feature of the Western European culture in the Middle Ages, as well as the medieval culture on the whole.

Keywords: Curche Catholicism Russian Orthodox Church Union Novelties a human being and a thing staginess own and alien orthodoxy and adoration.

Первые, зафиксированные в письменных источниках контакты восточных славян с Западной Европой современная историческая наука относит к IX в. [см. об этом, напр.: Назаренко. С. 71—112]. С принятием Русью христианства такие контакты расширились и интенсифицировались. Однако, несмотря на то, что в подобных путешествиях безусловно принимали участие грамотные люди (может быть, среди них были даже известные в будущем писатели)¹, никаких древнерусских путевых записок о Западной Европе раннего периода не сохранилось. О возможных причинах этого мы говорим в другом месте [см. об этом: Гуминский. 1987. С. 151—161; Гуминский. 2010. С. 158—160]. Но как бы то ни было, первыми произведе-

* Гуминский Виктор Мирославович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Guminsky Viktor Miroslavovich, Grand PhD (Philology), Professor, Chief research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

дениями древнерусской литературы, содержащими описание Западной Европы (если, конечно, не считать заметки о латинском королевстве крестоносцев у игумена Даниила) [см. об этом: Гуминский. 2014. С. 123, 126—128], считаются тексты, связанные с коллективным путешествием русской делегации на Ферраро-Флорентийский Собор (ферраро-флорентийский литературный цикл).

Авторы этих хождений, в разной степени подробно описавшие свои впечатления от путешествия по Западной Европе, пребывания русской делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе и возвращения на Русь, принадлежали, как считается, к свите Суздальского епископа. Впрочем, остается вопрос, на который не обращалось особого внимания. Почему именно и только суздальцы проявили настолько повышенный интерес к Западной Европе, что посвятили ей ряд произведений? Почему знакомство с Западом никак не отразилось в литературном творчестве, например, представителей Твери? Ведь в числе делегатов был посол тверского великого князя Фома, которого некоторые литературоведы склонны отождествлять с «придворным писателем» иноком Фомой². Никаких литературных «следов» путешествия на Запад не оставили и москвичи. Однако среди членов русской делегации упоминается «архимандрит Вассиан», а это имя, по мнению тех же исследователей, может указывать на архимандрита Новоспасского монастыря, знаменитого публициста Вассиана Рыло [Прокофьев. 1984. С. 412].

В связи с этим следует, вероятно, напомнить, что Суздаль еще в 1392 г. вошел в состав Великого княжества Московского, власти которого могли быть уверены в промосковской позиции суздальцев на Соборе и соответствующего описания всех происшедших на нем событий. Словом, суздальских книжников вполне можно считать полномочными литературными представителями Москвы (остается вопрос, почему у самой Москвы не нашлось подобных писателей?).

Совсем иначе обстояло дело с Тверью, которая до 1485 г. сохраняла независимость. Более того, именно к первой трети XV в. историки относят последний подъем «регионального самосознания», когда великий князь тверской Борис Александрович рассматривался, по крайней мере, как равный великому князю московскому Василию II «государь», «самодержец» и даже «царь». Приглашение на Собор от имени византийского императора Иоанна VIII, доставленное в Тверь особым посольством (историки в этом факте не сомневаются), только поднимало престиж великого князя тверского, «поборника веры отеческой» и, соответственно, уровень местного патриотизма [см. об этом: Ключ. С. 316—330]. Не стоит забывать, что именно тверской Фома (кем бы он ни был) явился единственным официальным представителем русской светской власти на Соборе. Проявив себя категорическим противни-

ком унии и вступив в конфликт с митрополитом Киевским Исидором, он, как и Симеон Суздадец, вынужден был бежать из Венеции³.

Однако назовем авторов ферраро-флорентийского литературного цикла. Это иеромонах Симеон Суздадец, написавший «Исидоров Собор и хождение его»; Неизвестный Суздадец, которого считают «безымянным мирянином» (Н.Ф. Дробленкова), «светским чиновником суздальского епископа» (Н.А. Казакова), дьяком или представителем белого духовенства (Ф.И. Делекторский), клириком (А.Д. Щербина, А.А. Турилов), клириком-«хозяйственником» (Н.В. Мощинская, Е.Б. Рогачевская), оставивший после себя «Хождение во Флоренцию» (1437—1440) и, вероятно, заметку «О Риме» (названия условные, авторских названий у рукописей нет). И, наконец, глава суздальской делегации в составе русского посольства — Авраамий, епископ Суздальский, и его «Исхождение на Осьмый Собор с митрополитом Исидором». Ему же, как считается, «принадлежит инициатива подбора кандидатур для описания самого путешествия в Италию и хода заседаний вселенского церковного собора, а также — распределение труда между суздальскими книжниками» [Дробленкова. С. 3—4]⁴.

Все эти произведения обычно относят к «ранним памятникам» ферраро-флорентийской тематики в отличие от позднейших (1440—1470-е гг.), например, «Повести священноинока Симеона Суздадца, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомысленники» и др.

Русская делегация во главе с митрополитом Исидором отправилась из Москвы 8 сентября 1437 г.⁵, «на Рожество святыа богородици». В составе посольства, согласно русским источникам (прежде всего, по свидетельству Симеона Суздальского), было около 100 человек, иностранцы насчитали 200. Для того чтобы понять значение и масштабность этого путешествия (вполне сопоставимого с будущим Великим посольством Петра I), необходимо хотя бы вкратце изложить его предысторию.

После 1054 г. (года великого раскола Церквей, «схизмы») мысль о восстановлении единства христианского мира не оставляла как православных, так и католиков, то и дело заставляя их инициировать поиски соглашения между Церквями. Обе стороны нередко стремились использовать такие переговоры в политических интересах, в борьбе за власть: например, византийский император Михаил VIII Палеолог и его роль в решениях Лионского Собора 1274 г. По мере ослабления Византийской империи под натиском турок-османов и стремления ее правителей заручиться поддержкой Запада в борьбе с нашествием «агарян» чаша исторических весов явно склонялась в пользу католичества.

Папский Рим со все большей определенностью в качестве обязательного условия помощи со стороны западных государств выстав-

лял подчинение Православной Церкви папской власти (примат папы). Поздняя Византия, в свою очередь, постоянно расширяла культурные контакты с Римом, усиливалось влияние «латиномыслия» (в том числе ренессансных и гуманистических идей) [см. об этом: Медведев; Ломизе. 2001. С. 262—269] на интеллектуальную элиту византийского общества под знаком общего исторического происхождения «греко-римского» мира. В качестве примера готовности византийских правителей идти на уступки латинянам нередко называется поведение Иоанна V Палеолога — первого византийского императора, покинувшего свою страну и лично отправившегося в опасное заграничное путешествие (прежде всего к венгерскому королю Лайошу I) с целью найти союзников в борьбе с османами. После неудачных переговоров, на обратном пути, Иоанн попал в плен к болгарам, откуда был неожиданно освобожден крестоносцами. Летом 1369 г. император прибыл в Рим, публично прочитал католическое исповедание веры (включая «филиокве» и т.п.) и выразил полное повиновение папе, облобызав его туфлю. Впрочем, современные историки это присоединение к Римско-католической Церкви полагают личным решением Иоанна V, не имевшим серьезных военно-политических последствий.

Между тем внутри Католической Церкви набирало силу так называемое Соборное движение (консилиаризм), выступавшее, в том числе, за определенное ограничение папской власти и провозглашение именно Соборов высшей инстанцией в делах веры. Тем самым появилась возможность урегулировать разногласия между Церквями путем обсуждения богословами обеих сторон спорных догматических вопросов на Вселенском Соборе, на чем всегда настаивала православная сторона⁶. Таким образом, к середине 30-х гг. XV в. переговоры об унии между Римом и Константинополем вступили в заключительную стадию.

Именно с этими событиями историки связывают рукоположение Исидора (игумена константинопольского монастыря св. Димитрия Солунского, находившегося под патронатом Палеологов) на Киевскую митрополицию кафедру в 1436 г. Этот итальянец⁷, славянин⁸ (по русским источникам), «природный грек» (по латинским и греческим)⁹, получивший блестящее образование (гуманист и интеллектуал, богослов и гимнограф, собиратель и переписчик древних рукописей, «многимъ языкомъ сказатель и книженъ»)¹⁰, сделал при поддержке императора успешную церковную карьеру в Константинополе. В 1434 г. в составе византийского посольства Исидор принимал участие в Базельском Соборе, где произнес речь, содержащую призыв к объединению Церквей: Иоанн VIII Палеолог вполне мог рассчитывать на его активное содействие в деле заключения унии, в которой сам видел единственный путь к спасению империи.

Что касается отношения к предстоящему Собору на Руси¹¹, то сошлемся на мнение авторитетного современного историка. «Надо полагать, – пишет Б.Н. Флоря, – что в Москве – подобно горячим сторонникам православия в самой Византии – считали, что православные иерархи имеют все основания рассчитывать на победу в богословском споре» [Флоря. С. 371]. Поэтому московские власти (в данном случае великий князь Василий II Темный) и духовенство не только не препятствовали отправке делегации во главе с митрополитом Исидором на объединительный Собор в Западную Европу, но приняли все меры, чтобы делегация была достаточно представительной и Исидор смог там выступить наиболее достойным образом. В официальный состав делегации были включены десять членов: посол тверского великого князя Фома, архимандрит Вассиан, Авраамий, епископ Суздальский, и др., а также многочисленная свита.

* * *

Авраамию принадлежит популярное (18 списков) «Исхождение Авраамия Суздальского на Осмый Собор с митрополитом Исидором в лето 6945». Некоторые исследователи (А.А. Турилов и др.) полагают, что заглавие свидетельствует о выписке дошедших до нас текстов из «хождения», т.е. из более пространного и не сохранившегося описания путевых впечатлений.

«Смирный епископъ Авраамие Суздальский...» (именно так, по-славянски, подписал не знавший греческого языка владыка вслед за своим митрополитом «*Leatentur caeli*» «непогрешимый документ», закрепивший итоги униатского Собора)¹² оставил детальное, порой восторженное описание двух увиденных во флорентийских церквях мистерий. В одном из списков указывается место представления мистерии «Благовещение» – церковь в доминиканском монастыре св. Марка; вторую мистерию – «Вознесение» – Авраамий мог видеть, по предположению Н.С. Тихонравова и А.Н. Веселовского, в церкви Вознесения монастыря del Carmine, где она регулярно ставилась и в последующие годы.

Описывая увиденные представления, Авраамий не только излагает их сюжеты и подробности действия, но дает развернутую сценографическую характеристику: указывает длину и ширину помоста (сцены), цвет и рисунок занавеса, описывает костюмы действующих лиц, декорации, шумовые и световые эффекты, различные технические приспособления («хитрости») и т.п. Причем, судя по всему, Авраамий смог побывать и за «кулисами» мистериального спектакля и описал детали его технического устройства, скрытые от глаз зрителей, «*ноу хау*», как сказали бы сегодня (впрочем, не исключено, конечно, что все это он мог узнать и от кого-нибудь из местных жителей-толмачей, сопро-

вождавших русских делегатов на спектакле): «Схожение его (архангела Гавриила. — В.Г.) сице бысть (так, таким образом. — В.Г.): на портех среди хрепъта (на ангельском облачении, театральном костюме посредине спины. — В.Г.) наряжена два колеса мала и отнюдь невидима суть высоты ради. И те колеса тех двувервей держащееся, и по них третью тончайшею вервие людие сверху пушаху и кверху возношаху, устроеннии ничим невидими суть»¹³.

Автор этого первого в русской литературе описания западноевропейского театрального действия (только в 1635 г. русский посол кн. Львов-Ярославский рассказал о виденном им в Польше при королевском дворе спектакле о Юдифи и Олоферне) упоминает и «некоего человека хитра, родом фрязина», который устроил «многим людям на удивление дело хитро и чюдно»¹⁴. В нем Н.А. Казакова увидела знаменитого итальянского архитектора и инженера Филиппо Брунеллески [Казакова. 1979. С. 59; Казакова. 1980. С. 61].

Благодаря точности Авраамия, ученым (Н.С. Тихонравову, А.Н. Веселовскому, П.О. Морозову) удалось предположительно установить даже полные названия и авторство увиденных во Флоренции Суздальским епископом (и его спутниками?) итальянских духовных драм (в большинстве списков рассказывается только об одном из двух действ). Это пьесы Фео Белькари (Feo Belcari) “Rappresentazioni della Annunziatione di Nostra Donna” (Представление Благовещенья Мадонны) и “Rappresentazione dell’ Ascensione” (Представление Вознесения) [см. об этом: Дробленкова. С. 4].

В «Исхождении» в сконцентрированном виде проявились те особенности мировосприятия древнерусских путешественников, которые присущи (в большей или меньшей степени) и остальным произведениям ферраро-флорентийского литературного цикла. Это первоочередное внимание к церемониальной стороне путешествия и ко всякого рода театральности. Точнее сказать, театральность в широком (своего рода «выставочность», демонстративность *чужого* мира, проявляющиеся в архитектуре, скульптуре и т.п.) и узком смысле этого слова (те или иные представления, спектакли, в том числе механические) является тем, что первым делом бросается в глаза путешественникам и в результате пронизывает на разных уровнях всю художественную ткань древнерусских хождений на Запад. При чтении этих произведений современного читателя не оставляет ощущение, что перед ним разворачивается сценическое действо: сценой может служить место встречи русской делегации в том или ином городе (у Неизвестного Суздальца) или место заседаний Собора (у Симеона Суздальского), хотя, конечно, замкнутое пространство повышает эффективность восприятия.

Неизвестный Суздалец, в отличие от других авторов ферраро-флорентийского литературного цикла, достаточно подробно (хотя, конечно, избирательно) описал путешествие русской делегации на всем его протяжении: «с Москвы» через Тверь, Великий Новгород, Псков, Юрьев, Ригу, Любек, Люнебург, Брауншвейг, Магдебург, Нюрнберг, Аугсбург, Падую до «города Феррары во Фряжской земле», затем до Флоренции, а оттуда через Болонью, Венецию, Загреб, Краков и т.д. обратно на Русь, в Москву и Суздаль.

Это популярное произведение (известно свыше 20 списков) во многом следует традиции древнерусских хождений на Святую Землю и др., в том ее виде, в каком она трансформировалась к XV в.: более или менее последовательный дневниковый рассказ, начинающийся с отправного пункта паломничества и завершающийся описанием возвращения на родину, перечисление географических пунктов и указание расстояний между ними (хождения нередко выступали в качестве «дорожников»-путеводителей для последующих паломников) и т.п.

В путешествии по Руси Суздалец использовал для обозначения расстояния версты (500 сажений; 1,06 км), по Германии — немецкие мили (ок. 7,5 км)¹⁵, по Италии — итальянские мили (ок. 1,25 км) [см.: Рогачевская. С. 253—254]. Впрочем, русскими паломниками в первой трети XV в. уже употреблялась и своя, так называемая, старая русская миля: «Поидох отъ Киева <...> тридцать миль, а миля по пяти верст» (Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину. 1419—1422)¹⁶. Иногда Неизвестный Суздалец смешивал эти обозначения: «... ночевал за чetyре мили в граде Мелне <...> около града того езеро, а в другую страну приведена река боле 20 верст...» (317)¹⁷. Исследователи даже выяснили, с какой скоростью передвигалась в среднем русская делегация-посольство — 30 верст в день.

Автор внимательно следит и за временем путешествия, причем соотносит даты со святыми, церковными праздниками. В Ригу делегация прибыла «месяца февраля в 4 день, на память отца Сидора» (316), т.е. прп. Исидора Пелусиотского (ок. 436—440), вероятно, в День ангела, на именины митрополита Исидора; в Бемибъвереге (Бамберге) члены делегации праздновали «праздник святых апостол Петра и Павла», т.е. 29 июня (318); в Феррару прибыли «по госпожине дни на 3 день» (319), т.е. на третий день после празднования Успения Пресвятой Богородицы (15 августа). После этого упоминания о праздниках церковного календаря исчезают, появляются сухие «гражданские» даты (время заседаний Собора): «месяца октября в 8 день», «месяць того же 13» (319) и т.д. Никак церковно не обозначен и переезд во Флоренцию: «И приеха господин в славный град Флорензу месяца февраля в 4 день»

(320), прибытие в Венецию: «Въеха господин в град тои месяца септевря 15 день» (323). Церковные даты возвращаются только при отплытии делегации обратно на Русь из Венеции: «И поидохом на море в корабли на Рожество Христово» (323).

В отличие от Неизвестного Суздальца Симеон Суздальский в «Исидоровом соборе» последовательно придерживается только церковного календаря: «И поидоша от града Ферара месяца генваря на память святаго Иоана Златаустаго...» (т.е. 27 января), «от Алезеева (прп. Алексия. — В.Г.) дни человека Божиа до дни Сысоа (прп. Сисоя. — В.Г.) Великаго...» (т.е. от 17 марта до 6 июля), «выехавшу ему изъ града Фролентиа на память святаго мученика Андреяна и Наталии...»¹⁸ (т.е. 26 августа) и т.п.

У Авраамия Суздальского в «Исхождении» дата только одна и это тоже обозначение христианского праздника (следует учитывать, что григорианский календарь был введен в католических странах только в 1582 г. и поэтому расхождений в датах между православными и католиками пока еще не было). Именно в день Вознесения Господня («яко Господу нашему Иисусу Христу в 40-й день вознесшуся со славою ко Отцу на небо»)¹⁹ владыка побывал на представлении «Вознесения Господня» во флорентийском храме в престольный праздник. Это произошло 23 мая 1439 г. Отметим, кстати сказать, что ни один из древнерусских путешественников не отметил в своих произведениях главного православного праздника — Пасхи Христовой (в 1438 г. она праздновалась 22 апреля, в 1439 — 14 апреля).

Время от времени делегация останавливалась в том или ином городе надолго: на неделю в Новгороде, на семь недель во Пскове, на восемь в Риге. Н.А. Казакова вполне обоснованно объясняет такие продолжительные остановки в приграничных городах тем, что здесь выработывался маршрут путешествия (последующие длительные остановки были связаны с изменениями этого маршрута), который официально согласовывался (путем переписки) с властями принимающей стороны для получения охранных грамот (от великого магистра Тевтонского ордена, например) [см.: Казакова. 1980. С. 23—25]. Впрочем, некоторые исследователи (Г. Штёкль, Е.Б. Рогачевская и др.) иногда находят у Суздальца хронологические ошибки и несоответствия.

Мы уже говорили о «сценичности» встреч русского посольства в том или ином городе. Церемониальный, этикетный и даже ритуальный характер такого рода описаний у Неизвестного Суздальца не вызывает сомнений. Оно и понятно: делегация-посольство, помимо всего прочего, должна была на всем пути следования (что по Руси, что в Европе) представлять Православную Церковь и Русское государство (исполнять представительские функции). Поэтому для «летописца» путеше-

ствия так важно было зафиксировать все детали, в частности, реакцию «зрительного зала» на прибытие и пребывание делегации в том или ином географическом пункте. Все это Суздалец фиксирует не без удовлетворения. Не был чужд такого патриотизма и Симеон Суздальский, с нескрываемой гордостью отметивший в «Исидорове соборе» в связи с многочисленностью («людей много было <...> с митрополитом Исидоромъ боле всех») русской делегации на Соборе, что «занеже славна бе земля та. И фрязове (итальянцы. — В.Г.) зовуть ея Великая Рус»²⁰.

Разумеется, прием делегации на Руси не исчерпывался этим. Встреча и проводы посольства в Новгороде и Пскове включали «пиры» (как, впрочем, в Риге, Любеке и т.д.) и «дары велици». С этими дарами связана любопытная деталь: во Пскове Исидору «даша» сначала 20, а затем, «отпуская», еще 100 «рублев». Щедрость псковитян имела под собой определенные основания и, вероятно, свидетельствовала о заинтересованности жителей города, активно торговавшего с Западом, в успехе посольства. Кроме того, Псковская независимая вечевая республика с 1425 г. стала одним из центров (наряду с Москвой, Новгородом и др.) чеканки денег. Вес так называемой «псковской денги (деньги)» составлял примерно 0,7—0,8 г высокопробного серебра, их количество в рубле колебалось от 234 до 220 (к середине XV в.). Трудно представить, что псковичи «одарили» Исидора какими-нибудь другими, а не «своими» деньгами. Таким образом, посольство, скорее всего, получило во Пскове около 21 кг «путевых» в мелкой серебряной монете²¹.

Ритуал встречи делегации и, в первую очередь, ее главы — митрополита Исидора в Новгороде был также весьма торжественным, причем носил подчеркнуто церковный характер. Особое внимание Суздалец обращает на расстояние от города, на котором происходит встреча: чем дальше, тем почетнее. «И сретоша его далече владыка новгородский Еуфимий (архиепископ Великого Новгорода Евфимий II. — В.Г.) и посадники с великою честью <...> И сретил его владыка с кресты, с попы и диаконы, и весь народ, и тесноте велице суци народом. И дошед врат града того, и на вратех церковь, и ту митрополит облечеса в ризы, а с ним владыка Авраамии облечежеса. И ту свящали воду, и кропили народ. И иде к святой Софии, и разволокся ту, и того дни пировал у архиепископа Еуфимиа, и дав ему честь велию»(315).

Прием, оказанный посольству в «первом граде немецком Коспире»²², как будто мало чем отличался от русских торжественных встреч, разве что появлением вместе с местным «бискупом» (епископом) настоящего духового оркестра «с трубами и свирельми», знакомого русским путешественникам разве что по представлениям скоморохов и не очень-то соответствующего торжественному ритуалу встречи русской церковной делегации (в Православной Церкви, как известно, издревле, с IV в.,

было принято только унисонное богослужбное пение, основанное на принципе «осмогласия» без инструментального сопровождения) [Мартынов. С. 35—84]²³.

Очень интересно описание встречи делегации в пограничном и исконно русском (основан Ярославом Мудрым в 1030 г. и получил свое название по христианскому имени великого князя) Юрьеве (Дерпте, Тарту). «И приехал господин к Юрьеву, и ту сретоша его посадники и ратманы (члены городского управления — раты, магистратуры. — В.Г.) далече, и священници с кресты, и множества народа града того, и даша ему честь велию» (315). Отсутствие в «Хожении» упоминания о встречающей делегацию местном епископе и сопровождающем его «оркестре» (при следующей встрече в Риге все это будет присутствовать, причем в расширенном составе, а встречающее католическое духовенство даже первый и единственный раз в хождении названо по именам: архиепископ, т.е. архиепископ Тимофеи и архимандрит Захария) заставляет предположить, что посольство в Юрьеве встретили только гражданские власти и местные православные священники (католическое духовенство Суздалец чаще называет «попами»), а также «множество» любопытствующего «народа града того».

Отметим, что при основании города великий князь Ярослав (Юрий, Георгий) Мудрый построил в нем два православных храма: во имя своего ангела Георгиевскую церковь и церковь свт. Николая [см. об этом: Алексий II. С. 22—28]. Вот и Неизвестный Суздалец отмечает: «Церкви же христианские бе у них две: святыи Никола и святыи Георгии; христиан же мало» (316). Именно с этого момента автор «Хожения» начинает последовательно различать: «христиан», «православные же веры» — только русских, греков, и немцев, «фрязей» (итальянцев) — католиков: «гардиналов» (кардиналов), «арцибискупов» (архиепископов), «бискупов» (епископов), «капланов» (капелланов) и т.д.²⁴ Столь же последовательно до поры до времени (о чем ниже) он по-разному называет здания христианских храмов. Православных — «церквами», католических — «божницами».

В Юрьеве вместе с Исидором Неизвестный Суздалец посетил женский католический монастырь «по их праву един, велми чюден; неисходящим бо им никогда же из монастыря того, а стригушимся в монастыри том девицами суще, и того ради звашеся святыа девы; ризы же черниц тех белы яко снег...» (315). Некоторые детали говорят о том, что речь, скорее всего, идет о цистерцианском монастыре с его строгими уставными требованиями, особенностями облачения — неслучайно цистерцианцы назывались «белыми монахами». К тому же неподалеку в Таллине (Колывани) уже находился основанный в середине XIII в. цистерцианский женский монастырь Св. Михаила, насельницами ко-

того были в основном представительницы аристократических фамилий. Особое внимание Суздалец обратил на замкнутость монастырской жизни: «а от мирян никако же к ним не ходят». То же самое он отметит и при посещении мужского монастыря во Флоренции: «Старцев же в нем 40, житие же их неисходно из монастыря никогда же, ни миряне к ним не ходят николи же» (321). Не удержался Суздалец и от игры словами: ризы черниц белы как снег.

Очень любопытны «ошибки» Неизвестного Суздальца, например, при описании баварского города Аугсбурга. Вот это описание: «... есть град во имя Августа царя, его же из начала тѣи царь Иустиниан нача на славной реце Дунаи, и того ради зовется град тои Август, а по немецки же Авспрок». Здесь поначалу все правильно: Аугсбург вырос на месте древнего (15 г. до н.э.) римского военного лагеря в междуречье Вертаха и Леха (приток Дуная), построенного по приказу императора Августа. Отсюда название лагеря *Augusta vindelicorum*, а затем самого города. Но каким образом его «нача на славной реце Дунаи» византийский император Юстиниан Великий (VI в.) остается загадкой. Конечно, здесь мы имеем дело с напоминанием, пусть косвенным, о *своем* мире путешественника: имя Юстиниана было хорошо известно на Руси. К тому же легенда о его славянском происхождении (называлось даже славянское имя василевса — Управда) получила к тому времени достаточно широкое распространение [см. об этом: Дашков. С. 56]. Юстиниан «выстроил бесчисленное множество городов, не бывших ранее» (Прокопий Кесарийский), но все они располагались в пределах (европейских, азиатских, африканских) тогдашней империи ромеев. Но какое отношение это может иметь к Аугсбургу, никогда Византии не принадлежавшему?

Юстиниан вел многочисленные войны против вандалов, в том числе, на Дунае; вдоль его берега, своего рода западной византийской границы, была сооружена, например, мощная оборонительная линия, защищавшая от набегов славян, и т.п. На стороне Юстиниана (а также против него) воевали германцы, среди которых было немало заметных полководцев, но имели ли они хоть какую-то связь с Аугсбургом установить не удалось.

Вот еще одна цитата из «Хожения», посвященная Аугсбургу, где опять упоминается Юстиниан, но уже в другом контексте: «И божницы в нем устроены, и с надвориа (снаружи. — В.Г.) писано велми хитро, а внутри якоже и иные божницы подписаны; и ту написан царь Иустиниан, началный здатель града того, да иные цари римские писаны, то же и Угорское и Аламанское» (319). Какие из «божниц» древнего Аугсбурга здесь подразумеваются, установить трудно. Это может быть собор Девы Марии (*Dom Unserer Lieben Frau*) с ранними (XI в.) витражами на библейские сюжеты (они видны и снаружи) или знаменитая капелла ювелиров (*Goldscmiedkapelle*) церкви Св. Анны (*Annakirche*),

сооруженная и расписанная фресками незадолго до появления в городе русских послов и т.п. В качестве хоть какого-то ориентира Суздальцем предложены, в частности, изображения кого-то «Угорского», т.е. венгерского²⁵ и «Аламанского», т.е. немецкого.

В связи с этим можно вспомнить, что 10 августа 955 г. в битве при реке Лех близ Аугсбурга немецкие войска во главе с королем Оттоном I разгромили вторгшихся в Центральную Европу кочевников-венгров и навсегда спасли христианские страны от опустошительных набегов языческих мадьярских орд. Может быть, отсюда в средневековом Аугсбурге появились изображения тех и других? Сам же Оттон Великий через семь лет основал Священную Римскую Империю, а себя провозгласил императором. При этом у династии Оттонов было принято подражать византийским василевсам в их традиционных торжественных облачениях. Так, хорошо известно «великолепное изображение» Оттона III: «Император восседает на троне в пурпурном византийском одеянии и принимает поклонение земель, ему подвластных» [Уколова, Бородин. С. 118]. Не исключено, что Неизвестный Суздалец просто «перепутал» изображения римского (немецкого) и византийского императоров, «узнав» последнего по знакомой, хотя бы из рассказов паломников, «видевших» Юстиниана на фресках царьградских храмов, парадной одежде [ср.: Казакова. 1980. С. 32].

Среди других городов, описанных Суздальцем, нельзя, наверное, не упомянуть «града именов Понт»: «И тои убо град окааннаго Пилата. В том бо граде вотчина его и рожение, и по граде зовется Понтииский Пилат» (318). Оценка этому евангельскому персонажу, понятно, дана Суздальцем соответствующая, но можно заметить, что в эфиопской православной церковной традиции, опирающейся, в частности, на апокрифическое Евангелие от Никодима, Понтий Пилат считается «обращенным», «тайным» христианином и даже почитается вместе с женой христианкой Клавдией в лике святых (память 25 июня). На Западе, в свою очередь, существовало и продолжает существовать множество вариантов легенд о месте рождения и смерти Пилата: называются Шотландия (Пилат — сын римского центуриона Понтия и племянницы шотландского короля Металлануса), Швейцария: гора Пилатус (Pilatus) близ озера Люцерн и т.д. [Ср.: Казакова, Мавлеев. С. 94—98].

* * *

О театральной, зрелищной стороне средневековой жизни как на Западе, так и на Руси написано достаточно много (см., например, замечания Д.С. Лихачева об этикетности древнерусской литературы и пр.), но в нашем случае на первый план выступает различие в конкретных формах, в которых такая театральность проявлялась. Критерий оценки явлений,

событий *чужого* мира путешествия, разумеется, определяет *свой* мир путешественника: будь то сложившиеся на родине представления о поведенческих нормах, внешнем виде, городском или монастырском устройстве (благоустройстве) или даже событиях Священного Писания. Именно священные тексты являются своеобразными «посредниками» между паломником и *чужим* миром его паломничества, они помогают установить связь между тем, что паломник читал или узнал в *своей* церкви, и увиденным «воочию» во время паломнической поездки. Сравнивая, паломник неизбежно начинает осознавать *общее*, и это становится одним из главных его открытий на Святой Земле. Во время посещения Иерусалима паломник реально убеждается в единстве христианского мира, общности его ценностей и реликвий и любые различия в интерпретации этих ценностей и реликвий отступают на второй и далее планы.

Но целью путешествия русской делегации на Ферраро-Флорентийский Собор являлось не паломничество (хотя и этот элемент, как мы еще увидим, имел здесь место), а попытка принять участие в восстановлении утраченного единства христианской Церкви: церковно-политическая, дипломатическая цель. Основанием для такой попытки являлась также *общая* христианская вера, что изначально связывала два мира: восточный и западный, православный и католический. Но с первых же шагов по западноевропейской земле неизбежно становились все более заметными различия между двумя мирами, и *чужой* мир путешествия оказался в гораздо большей степени экзотическим, необычным, чем, видимо, предполагалось. И вне зависимости от субъективной установки, скажем, вполне толерантного, как сегодня сказали бы, Неизвестного Суздальца этот мир повернулся к нему, прежде всего своей внешней, демонстративной, в конечном счете, театральной стороной. К тому же для самого Запада был весьма характерен приоритет внешнего, зримого перед всем остальным. Неслучайно Фома Аквинский и Бонавентура так любили ссылаться на Горация, говорившего о том, что увиденное производит большее впечатление и дольше остается в памяти человека, чем услышанное [Derbes, Neff. P. 456].

Неизвестный Суздалец почти не вспоминает о *своем* мире, об оставленной родине, не сравнивает *свои* и *чужие* реалии. Точнее, эти сравнения единичны и носят, если так можно выразиться, локальный характер. Описывая, скажем, Флоренцию, русский путешественник довольно неожиданно (все-таки речь до сих пор и после этого идет о городе) обратился к дендрологическим наблюдениям: «Ту же видом древие кедры и кипарисы; кедр как русская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява и мягка, а шишки походили на сосновую» (321).

Или другой пример сопоставления русских и западных реалий (этим подобные примеры и исчерпываются). Увидев в Брунзвиге (Браунш-

вейге) островерхие кровли «полат», покрытые «дѣсками синего камня хитро и хороше», путешественник не мог не сравнить это черепичное «покровение» со знакомым ему «лемешем» (лемехом), т.е. кровельным материалом из продолговатых деревянных дощечек (обычно осиновых), своего рода чешуек, которыми покрывали церковные купола и т.п. При этом он определенно отдал предпочтение западному «покровению», ибо оно (в отличие от лемеха) «утверживано гвоздиемъ, яко не мощно рушится во много лет» (318). Суздалец явно искренне стремится *принять* западный мир, он неизменно и безоговорочно (об исключениях мы еще скажем) восхищается им, а для этого *свой* мир оказывается ненужным, необязательным, диковинки *чужого* мира путешествия ему, по сути дела, не с чем сравнивать.

Зритель, средневековый наблюдатель-путешественник, может в большей или меньшей степени заинтересованно, удивленно или восторженно, оценивать увиденное или происходящее на «театральных» подмостках *чужого* мира, но вмешаться в само действие он не в состоянии. Перед ним предстает картина («зрелище») *чужого* мира, состоящая, в том числе из технических диковинок (водозаборное колесное устройство в Любеке и т.п.) [см. об этом: Казакова. 1980. С. 27—28], но в лучшем случае он может догадаться об их устройстве или расспросить у какого-нибудь живого «посредника» между двумя мирами — толмача, переводчика. В остальных случаях он вынужден с прискорбием констатировать: «...сказати о сем убо не мощно и недомысленно отнудъ» (318).

Средоточенность на внешнем, зримом, во многом можно объяснить и незнанием или слабым знанием членами русской делегации европейских языков, невозможностью вступить в непосредственный диалог с *чужим* миром путешествия. Следует учитывать, что любая театральность в средневековом смысле также ориентирована, в первую очередь, на восприятие именно внешнего. В мистерии — это типичный, «обобщенный» костюм, своего рода маска (наследующая античной театральной маске), которая представляется зрителю безотносительно к индивидуальному внутреннему миру персонажа, в отличие от психологического театра Нового времени. Средневековый актер во многом — живая, точнее, «жизнеподобная» кукла, поэтому так трудно порой решить, анализируя описание театрального представления у Суздальца, идет ли речь о действительном, «живом» или механическом спектакле. Поэтому и сам Суздалец рассказывает о театральной представлении в тех же самых выражениях, что и о статуе, скульптуре: «просте, яко живи суть» (318).

Декорацией для представления *чужого* мира чаще всего является достаточно условный природный или городской пейзаж, который может иногда «ожить», конкретизироваться. Например, описание шторма на море по пути из Риги в Любек, когда на первом плане вдруг появляются

ся своего рода «рабочие сцены» — «немцы», члены судовой команды. Между ними и членами посольства, пассажирами корабля, развивается диалог (один из двух в хождении; второй между Исидором и итальянским игуменом на о. Лидо в Венеции касается «происхождения» мощей свт. Николая), который вначале как раз и затрагивает тему различий (конфессиональных) между двумя мирами.

Этот диалог не может не напомнить библейского диалога между пророком Ионой и «начальником корабля» во время шторма: «Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться. И устрашились корабельщики, и зывали каждый к своему богу <...> Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул. И пришел к нему начальник корабля и сказал ему: что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем» (Ион 1. 4—6). Осознав, что именно из-за него буря всех «постигла», пророк предложил себя в качестве жертвы, и жертвоприношение, в конце концов, совершилось: «...бросили его в море, и утихло море от ярости своей» (Ион 1. 15). В современной фольклористике этот сюжет (архетип) носит название «Умиротворение моря».

Впрочем, у Неизвестного Суздальца все происходило несколько иначе: на море был штиль, поэтому совсем необъяснимыми были причины шторма. В случившемся «корабельщики»-немцы обвинили пассажиров-схизматиков. Однако жертвы не понадобилось. Совместный, «униатский» молебен Богородице Одигитрии (*греч.* Οδηγήτρια — Указующая Путь; Путеводительница)²⁶ спас многонациональный корабль, несмотря на то, что все (греки, русские, немцы) молились по-своему. Символический (прообразовательный) характер эпизода очевиден, что, на наш взгляд, совсем не отменяет его реальной подосновы.

Другой пример конкретного «живого» пейзажа — это, конечно, горы (в данном случае Тирольские Альпы), которые не могли не произвести на жителя равнинной среднерусской возвышенности сильного впечатления, причем он постарался подчеркнуть не только их вертикальный, но и горизонтальный масштаб. «Горы же не те суть (т.е. начинаются не здесь и не здесь заканчиваются. — В.Г.), но от Черного моря пошли даждь и до Белого моря (Адриатического. — В.Г.), яко зовутся пояс земный, камены». Суздалец, вероятно, постарался обозначить, получив от кого-то информацию («яко зовутся»), ту «складчатую» горную цепь, которую на языке современной геологической науки называют Альпийским орогенным поясом. Не следует забывать, что русский путешественник впервые увидел горы со столь знакомым снегом на вершинах в самый разгар жаркого лета (в июле-августе 1438 г.): «Толико же высоци суть, облаци вполь их ходят, и облаци от них ся взимают...».

Иначе говоря, горы настолько высоки, что облака вокруг них ходят и облака от них же поднимаются²⁷. «Снези же лежат на них от сотворение гор тех; лете же жар и зной велик в них, но снег же не тааше» (319). Суздадец, видимо, полагал, что на вершинах Альпийских гор, увенчанных первозданным снегом, так же жарко, как на равнине, и это представление не смогло поколебаться даже во время путешествия по горным тропам из Феррары во Флоренцию. Путешественник уже мало обращал внимания на окружающий пейзаж, отметил только тяжесть и неудобство дороги: «А горы камены высоци, а путь тесен и тяжек велми, зань же возы не ходят, но на вьюках возять». Зато «вино родится в горах тех, — не без личного чувства добавил Суздадец, — велми добро и сладко и красно» (320).

Однако приведенные примеры касаются в большей или меньшей степени экстремальных случаев, подразумевающих субъективное, личное (туристическое) освоение *чужого* пространства, природного или городского. Как, скажем, и при описании подъема на колокольню (знаменитая «колокольня Джотто» XIV в. высотой 84 м) флорентийского собора Санта Марии дель Фьоре (La Cattedrale di Santa Maria del Fiore)²⁸ : «... у божницы той устроен стол и колоколница, тако же белы камень морьмор, а хитрости ея недоумет ум наш; и ходихом в столп той по лествице, и сочтохом степени 400 и 50» (321).

В остальном же городской и природный пейзаж у Суздальца условно обобщен, типичен и, как правило, статичен. Столь же однообразны его эмоциональные оценки. Главное определение при описании города — «велми чуден» в целом или в частностях: «Град же бе Юриев камен, велик, полаты же в нем велми чюдны, и нам же не видавшим дивлящемся...» (315). Оно и понятно: Юрьев (Дерпт, Тарту) — город пограничный, в нем все в новинку, поэтому удивительно. Здесь же закладывается схема последующих городских описаний: горы — поля — сады (при наличии) — «полаты» (дома). Порядок может варьироваться, детали распространяться. «Горы же бяху у них, поля, и садове красны...» (316). Любек — «град велми чюден, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены врѣхи...» (317) и т.п.

Города в *чужом* мире сравниваются только между собой, про русские города автор не вспоминает. «Тои убо град (Люнебург. — В.Г.) величеством подобен есть Любку (Любеку. — В.Г.)» (317). Брунзвиг (Брауншвейг) «...град величеством вышьши тех градовъ прежних, и полаты в нем видети чюдны...» (318); «...тои же град Флоренза (Флоренция. — В.Г.) велик зело, и такова не обретохом во предписанных градах...» (320); «...град Бемибъверег (Бамберг. — В.Г.), велик и чюден...»; «...град Нурбех (Нюрнберг. — В.Г.), велми велик и крепок <...> и полаты в нем деланы белым каменем, велми чюдны и хитры...» (318) и т.п.

В западных городах как будто никто не живет, похоже, что все горожане вышли встречать русскую делегацию, а обратно так и не вернулись. Однако результаты их деятельности налицо: те же диковинки (водопроводы в Любеке, каменные набережные в Брунзвиге и т.д.), произведенные горожанами различные товары: «товара в нем (Любеке. — В.Г.) всякого полно» (317), «такового товара (как в «Афрате», Эрфурте. — В.Г.) и хитра рукоделия ни в коем граде в предписанных не видехом» (318) и т.д. Иногда «обезличенность» производственного процесса доходит до полной автоматизации: так, в Любеке чудодейственное водяное колесо как бы само собой «мелет (судя по всему, зерно. — В.Г.) и сукна точет (изготавливает. — В.Г.) красные» (317).

Для того чтобы Суздадец обратил на горожан внимание, их должно быть очень много и они должны быть все вместе: о встречах русского посольства «множеством народа града» Юрьева и т.д. мы уже говорили, а вот настоящая церковная демонстрация (крестный ход, но без мирян ?) в «праздник святых апостол Петра и Павла» в Бамберге: «и ту видехом: ходили с кресты по граду триста попов» (318). Другую демонстрацию Неизвестный Суздадец наблюдал во Флоренции. Это столкновение толпы, стремящейся попасть на праздничное богослужение (Суздадец подчеркнул — «опресноком», т.е. не по православному чину) «папы Еугения» по случаю подписания унии, с папской охраной у входа в «соборную божницу» Санта Мария дель Фьоре: «Народу же толику ту сущи, чтобы их пущали, то бы много задушенных людей было; но подвоиские папины хожаху в пансырех серебряных, и палици в руках дръжаше, и не дадуше наступати; а иные свечи виты дръжашци в руках зажъжены, и теми к народом махаху, чтобы не наступали» (322). Наш путешественник целиком на стороне охраны: безопасность хозяев и гостей церемонии должна быть соблюдена.

Вроде бы исключением из общего порядка вещей на Западе (предмет вместо человека) являются монахи безымянного монастыря во Флоренции, ведь труд их вполне благочестив и одухотворен: «рукоделие же их таково: шьют златом и шелком на плащаницах святые» (321).

Однако и католические монахи (монашки) никак в «Хожении» не индивидуализированы, не названы не только по именам, но и по орденской принадлежности. Обобщенно указывается только их возраст, да и то весьма относительно. Юрьевские черницы — «святыа девы», постриженные в монахини «девицами сущи» (т.е. девственницами), флорентийские «старцы» — это, конечно, не старцы в значении «учителей, наставников молодых послушников» (о присутствии таковых в монастыре ничего не говорится) или мирян (которым доступ в монастырь запрещен), а просто пожилые иноки, доживающие свой век в городском монастыре.

Тут уместно сказать и о погребальном обряде в этом монастыре, который так поразил русского путешественника: «А погребение же умерших тех старцев в устроенных тех монастырех, и гробы их, новоумершего старца вькладают, а ветхыя кости выимают, и кладут в костер, и на них смотрят, поминают час смертныи» (321). Возможно, этот обряд связан с так называемой «сакральной эксгумацией», частью общего феномена «приручения смерти», свойственного, в частности, монастырской (и не только) средневековой Европе, в которой он был вызван, помимо религиозных причин, сугубо практическими обстоятельствами. А именно невозможностью расширения кладбищенской территории в условиях замкнутого, огороженного пространства монастыря, тем более городского. Некоторое недоумение вызывает сожжение «ветхыя кости», а не их почетное сохранение в «костницах», как например, они сохраняются по сию пору в Крипте капуцинов в Церкви Непорочного Зачатия на Виа Витторио в Риме. Не исключено, что сожжение останков было вызвано чисто санитарными предосторожностями, учитывая распространявшуюся по Италии эпидемию чумы, из-за которой заседания «Осьмого Собора» формально и были перенесены из Феррары во Флоренцию [см. об этом: Гуминский. 2012. С. 19—20].

Но все равно рядовые католические монахи у Неизвестного Суздальца — это какие-то призрачные тени (порой, конечно, в полном монашеском облачении как юрьевские черницы), а не живые люди. Такие тени, например, пригласили митрополита Исидора и его верного спутника в свой монастырь в Любеке, городе на севере Германии, возникшем, кстати сказать, в XII в. на месте древнего поселения (крепости) славян-ободритов: «И ту приидоша мниси и начата звати господина, чтобы их монастыря посмотрил» (317). Конечно, едва ли митрополита Киевского могли пригласить обычные монахи, а не, по крайней мере, игумен или архимандрит этого монастыря. В самом монастыре путешественники увидели «съсудов священных множество неизчетено и риз драгых златых множество с камением драгым и с жемчугом». Помимо церковной утвари и драгоценных облачений (опять облачений и опять как бы отвлеченных от тех, кому они предназначаются) гости смогли познакомиться с монастырской библиотекой, где «видехом боле тысящи книг, и всякого добра неизреченнаго, и всякыя хитрости, и полаты чюдны вели» (317). В этом лишенной всякой конкретики описании опять на первый план выступают предметы, так сказать, материальные ценности, пусть и церковного предназначения. Для их характеристики важны количественные измерения — «множество», а также их высокий «оценочный» уровень — «драгия». Перед путешественниками предстала своеобразная и богатая музейная экспозиция, где главное — вещь, предмет, коллекция ценных раритетов, а человек к этой вещи только прилагается, подразумевается, но никак реально не проявляется²⁹.

Тот же принцип во многом сохраняется и при описании «божницы велики» во Флоренции, старейшей (XII в.) больницы-госпиталя Spedale di Santa Maria Nuova, основанной, кстати сказать, отцом любимой героини Данте Беатриче — банкиром Фолько ди Портинари (Folco di Ricovero Portinari). Главное для Суздальца в этом богоугодном заведении — количество и качество (в смысле «оценки») теперь уже больничных (постельных) принадлежностей: «... есть в ней за тысящу кроватей, а на последней кровати (т.е. на самой «заштатной», бедной. — В.Г.) перины чюдны, и одеяла драгы» (321).

Но, наверное, самым удивительным примером (также связанным с медицинской стороной жизни) подмены людей предметами, причем «жизнеподобными», является описание вотивных (*лат.* votivus — посвященный богам, от votum — обет, желание) фигурок в одном из флорентийских храмов. Согласно древней традиции, восходящей к жертвоприношениям античных времен, в Италии существовал обычай (распространившийся на Западе, а в последнее время и в России) дарить что-либо (драгоценности, часы, цепочки и т.п.) в «чаянии исцеления» или в благодарность за исцеление какому-нибудь «представителю» высшего, всемогущего сакрального мира, в данном случае, «иконе чюдотворне, образ пречистыя божиа матере».

Конечно, в силу отсутствия каких-либо конкретных указаний невозможно определить даже иконографический тип этого образа. Условно предположим, что речь идет об одной из самых древних (XI—XIII вв.) и наиболее почитаемых (по настоящее время) флорентийских икон Богоматери с Младенцем Христом на троне, — образе Madonna Impruneta [о нем см.: Пугачева. С. 76—78]. Но для Суздальца главным является не сам чудотворный образ, а то, что располагается перед ним: «... и есть пред иконою тою в божнице исцелевших людей за 6 тысяч доспеты вошаны (стоят перед иконою той в церкви более 6 тысяч исцелившихся людей, сделанных из воска. — В.Г.), в образ людей тех, аще кто застрелен, или слеп, или хром, или без рук...» и т.д. Далее идет впечатляющее и сегодня перечисление немощей, увечий в «человеческих образах», в лицах, т.е. в виде вотивных даров. Суздадец и тут не удержался и, как всегда, добавил: «... тако устроено, яко живи стоят» (321). Этот средневековый театр восковых фигурок демонстрирует не только парад человеческих изъянов и недугов, но и почти демонстративное отсутствие самого человека, его подмену восковой куклой.

* * *

Стоит ли говорить о непосредственном описании театрализованных представлений Неизвестным Суздальцем? Вот как он описал «мудрость недоуменну и несказанну», увиденную в Любеке: «... просте, яко жива,

стоит Пречистая, и Спаса дръжит на руце младенечным образом; и зазвеняше колокольчик, и слетит аггел с верху, и снесет венец в руках, и положит на Пречистую; и поиде звезда, яко по небу; и на звезду зряху, идяху вълсви три, а пред ними человек с мечем, а за ними человек с топором; и внесаша дары Христу, злато, и ливан, и змирну, и приидоша к Христу и Богородици, и поклонишася; и Христос обратяся, и благослови их, и хотяша руками взята дары, яко дитя, играя у Богородици на руках; они же поклонишася и отидоша; и аггел же възлетит горе, и венець взя» (317).

В.П. Адрианова-Перетц увидела в этом тексте описание мистериального действия, а Н.И. Прокофьев вслед за П.О. Морозовым и др. — «кукольное представление на сюжет евангельского рассказа о поклонении волхвов младенцу Христу», причем куклы, по его мнению, «приводились в движение механизмами» [Прокофьев. 1984. С. 412]. Немецкие исследователи даже попытались идентифицировать место спектакля. Так, Г. Штёкль предположил, что речь идет о механическом представлении «Ясли младенца Иисуса» (*mechanisierte Weinachtskrippe*) во францисканском монастыре, а Г. Людат — описание фигурного «парада» знаменитых часов любекской церкви Св. Марии [см.: Казакова. 1984. С. 27]. Последнее предположение маловероятно³⁰, однако для сравнения приведем из «Хожения» Неизвестного Суздальца описание часов в Ферраре, где на «папином дворе възведен столп камен высок и велик, над торгом»: «И на том столпе устроены часы, колокол велик; и коли ударит, на весь град слышати; и у того столпа отведено крыльцо, и двои двери; и коли приспеет час и ударит в колокол, и выдет из столпа на крыльце аггел, просте видети, яко жив, и въходит другыми дверцами в столп; а людем, всем видящим аггела и трубу и глас его слышати; и потом в тои же великий колокол въсходяще на всяк час аггел и ударяше» (320).

Простодушный епископ Авраамий, характеризуя «жизнеподобие» представления Благовещенской мистерии, сразу же и явно непроизвольно переводит описание в самый высокий сакральный регистр, процитировав формулу из Книги Бытия (1. 26) «дело хитро и чюдно *во образ по всему и по подобю*» (курсив наш. — В.Г.) схождения с небес архангела Гавриила...»³¹, и настойчиво ее повторяет (в усеченном виде) по поводу различных действующих лиц мистерии: «... видети подобием яко самую пречистую деву Марию», «наряжены в подобие, яко пророци»³² и т.п.

Неизвестный Суздалец определяет свои впечатления, как мы уже знаем, намного проще: «просте, яко жива, стоит Пречистая...», «...аггел, просте видети, яко жив...» К этим примерам можно добавить описание медных статуй («люди приряжены <...> медию») люнебургского фонтана: «...и истекают из тех людеи изо всех воды сладкы и студены: у единого из уст, а у другого из ока, а у инаго из локти, а у инаго из

ноздрию, истекают же велми прудко, яко из бочек...» После этого впечатляющего водяного паноптикума (о восковом мы уже знаем) следует уже знакомая сентенция: «... те бо люди видети просте, яко живыи суть...», а за ней весьма выразительное в своем двусмыслии заключение: «и те бо люди напояют весь град тои и скот» (318). Выстроенные в один ряд примеры могут свидетельствовать, на наш взгляд, об одном: Неизвестный Суздалец действительно описывает не мистериальных, живых актеров, а искусственные фигуры, куклы, статуи.

Хотя выражения «просто как живая», «просто как живой», примененные к Богородице и к ангелу, заставляют вспомнить знаменитую легенду об иконописце св. Софии Константинопольской, рассказанную в «Книге паломник» Добрыней Ядрейковичем. Мастер создал шедевр, «образъ Спасовъ великъ мусиеу», в самомнении возгордился и заявил «зря на нь»: «Господи, како еси живъ былъ, како же тя есмь написалъ». Но закончить мозаичную икону не удалось («у правыя руки не написалъ палца»), потому что сам образ обратился к художнику с вопросом: «А когда Мя еси видъл?»; этого автор иконы не смог перенести «и умре»³³.

Таким образом, в произведении Неизвестного Суздальца жанровые традиционные черты «хожений», о которых мы уже говорили, предстают порой неожиданным образом, определяемым особой зрелищностью *чужого* мира путешествия (в отличие от *своего* или почти *своего* мира паломничеств к христианским сакральным центрам). Происходит своего рода «подмена» сакральных реликвий этих центров (из-за которых хождения нередко называют «каталогом реликвий») на «дивовинки», неодушевленные предметы западного мира, хотя отношение к ним (преклонение, поклонение) во многом сохраняется — своего рода «жанровая инерция» хождений на Святую Землю. Эта черта станет определяющей и для всего последующего, начиная с XVIII в., развития традиции русских путешествий на Запад, но там на первый план станет выступать именно *диалог* с чужим миром.

* * *

Н.А. Казакова справедливо считает, что «время возникновения» произведения Неизвестного Суздальца «совпадает со временем путешествия русского посольства на Ферраро-Флорентийский Собор (выезд из Москвы 8 сентября 1437 г., возвращение в Суздаль 29 сентября 1440 г.)», т.е. записи велись во время путешествия и позже не перерабатывались (в отличие, например, от произведений Симеона Суздальского) [Казакова. 1984. С. 20—21].

Словом, мы имеем дело с самыми непосредственными впечатлениями путешественника, на которые еще не могла повлиять изменившаяся впоследствии религиозно-политическая конъюнктура. Впрочем,

совсем исключить какие-либо влияния на Суздальца, видимо, нельзя. Скажем, влияние митрополита Исидора, с которым, судя по всему, он достаточно сблизился во время путешествия и стал кем-то вроде его литературного секретаря. Суздалец сопровождает митрополита при его посещениях закрытых для остальных католических монастырей (например, в Юрьеве и Флоренции), постоянно называет его «господином». Исидор олицетворяет для него все посольство («и приехал господин к Юрьеву...», «въеха господин в град тои...», «поиде господин из судна на кони...»), писатель-путешественник явно относит, в первую очередь, на авторитетный митрополичий счет «честь велику» («даша господину честь велику» и т.п.), с которой русскую делегацию встречают в том или ином городе («и ту его сретил бискуп юрьевский с великою честию...» и т.п.). И едва ли не без некоторой обиды Суздалец сообщает о том, что во время пиршества в Риге в полном соответствии с формальной субординацией «ел господин у арцибискупа (архиепископа. — В.Г.); и владыка Авраамии и Фома, посол тверскыи, седоша за единым столом с митрополитом и арцибискупом, а нам за другим» (316)³⁴.

Но вот наступает время открытия сессий Собора в Ферраре, и Незвестный Суздалец, который, вероятно, не имел прямого отношения (по крайней мере, литературного) к происходившему на Соборе и, скорее всего, непосредственно даже не участвовал в заседаниях, можно сказать, замер в ожидании исторического события. Резко меняется сама тональность изложения материала в «Хожении», уходят, как мы уже знаем, церковные даты (остаются только гражданские), нарастает информационный поток: текст начинает пестреть цифрами и именами. Вначале Суздалец, если можно так выразиться, делает «смотр войскам», прибывшим на Собор с той и с другой стороны.

Доселе географически разделенные разными европейскими маршрутами православные «силы» объединились: на подъезде к Ферраре русская делегация встретила с огромным греческим посольством (ок. 700 чел.) во главе с императором Иоанном VIII и престарелым патриархом Константинопольским Иосифом II. Незвестный Суздалец аттестует их как «святаго царя греческого Иоанна и святаго патриарха Вселенского Иосифа», а затем начинает перечислять: «А в зборе бысть с патриархом митрополитов 22: первый — раклинский Антонеи, 2 — эфескый Марко, 3 — русскый Исидор...» и далее по списку (по другим источникам в православной делегации было более 30 митрополитов). С католической стороны «на соборе же седе римскый папа Еугении, а с ним 12 гардиналов...» и т.д. Далее следует безымянный перечень Римского священноначалия в строгом соответствии с иерархическими ступенями (сверху вниз, вплоть до «мнихов»). С первого заседания Собора католики, естественно, взяли инициативу в свои руки: они задавали

вопросы, а православные митрополиты были «в ответах»: «ефесский Марко, русский Исидор, никейский Висарийон» (319).

Представители русского духовенства не принимали участия в богословских спорах на Соборе, во всяком случае, об этом не сохранилось никаких свидетельств. Исключается из этого ряда, разумеется, глава русской делегации митрополит Исидор, авторитетный и для византийцев богослов и полемист, прозападник по умунастроению, которому не было, в сущности, необходимости участвовать в диспуте, так как аргументы он, видимо, был согласен с любой формулировкой унии. Но митрополит Киевский до поры до времени принадлежал *своему* миру путешествия: для Неизвестного Суздальца он таковым остался, судя по всему, до самого возвращения на Русь.

Здесь не место входить в существо богословской дискуссии на Соборе, в аргументацию сторон и т.д. Тем более что как греческие, так и латинские протоколы Собора (последовательные документальные свидетельства) не сохранились: их впоследствии (в XX в.) реконструировал историк-иезуит Дж. Джилл [см.: Gill. 1967; Gill. 1979]. В официальной повестке стояли четыре главных вопроса: о чистилище, об исхождении Св. Духа (филиокве), о роли папы, о богослужебных различиях: квасной или пресный хлеб Евхаристии и т.п. Современные историки Вселенской Православной Церкви подчеркивают «богословскую неподготовленность к серьезной дискуссии» византийской делегации, проистекавшую, прежде всего, из-за «глубинных различий между греческой и латинской методологиями»: развитой философской, диалектической у католиков и ориентированной на «библейскую и патристическую перспективу» у православных, не рассматривавших богословие как исключительно схоластическую или научную дисциплину [Дворкин. С. 789].

Любопытно, что это различие (правда, преимущественно с внешней стороны) ощутили и древнерусские путешественники, очевидцы дискуссии, точнее, один из них — Симеон Суздальский. Он называет «философами» представителей папской стороны. Папа избрал «себе три философы»: «кардиналь Улианъ» (папский легат Джулиан Цезарини), «бискупъ Андрианъ» (архиепископ Андрей Родосский, доминиканец) и «бискупъ Иоанн Болонский» (архиепископ Иоанн де Монтенеро — доминиканец, испанский богослов, впоследствии кардинал). При этом он ошибочно (греком был только Андрей Родосский) добавил: «Те же бе философы родом были грекове»³⁵.

В позднейших компилятивных «Слове избрано <...> еже на латыню...» (1461—1462) и в «Летописной повести» (возможно, использовавших рассказы о Соборе Симеона Суздальского) содержится упоминание об одной примечательной детали обстановки во время торжественного открытия Собора 9 апреля 1438 г. в кафедральном хра-

ме Феррары во имя св. Георгия Победоносца (все церемониальные вопросы предварительно тщательно продумывались и обсуждались обеими сторонами). Перед папой («на левой стране») были поставлены «столы <...> философский», а «на десной стране», «предъ царемъ (Иоанном VIII. — В.Г.) тако же устроень богословль столъ...»³⁶

Но нас сейчас интересует не столько сценическое оформление Собора, сколько само действие, представление, увиденное глазами русского средневекового путешественника, которому в отличие от Неизвестного Суздальца, судя по всему, было поручено описание всего происходящего на Соборе, так сказать, изнутри. Приведем поясняющий пример. Приступив как-то к описанию горной дороги из Феррары во Флоренцию и самой Флоренции, он сам себя одернул: «И того всего не могу исписати, но се о зборех пишу»³⁷.

Но вот на сцену кафедрального собора выходит одно из главных действующих лиц предстоящего действия, папа Римский Евгений IV: «Вниде ж(е) папа въ церковь в рогате клобоке (клобуке. — В.Г.)³⁸, нося ризу брачну [червчату] (шелковую красную. — В.Г.), не от волны сотворену (т.е. сделанную не из шерсти. — В.Г.); на руках рукавицы, на единой рукавице написан агнец, а на другой рукавице яко рука благословенная изо облака; на руки же нося перьстень злат, являя обручение яко невеста есть церкви»³⁹. Символический характер папского облачения Симеону Суздальскому вполне понятен⁴⁰, и он на этом не останавливается, стремясь перейти к самой драматической стороне представления: выступлениям других действующих лиц и реакции на них слушателей.

Симеона, в первую очередь, интересует поведение свт. Марка Эфесского, олицетворявшего для русского путешественника верность исихастской традиции и Восточной Церкви, так сказать, лидера православной оппозиции на униатском Соборе. Вот описание четвертого заседания Собора, построенное по всем законам классической драматургии: неявная, скрытая завязка — кульминация — неожиданная развязка.

Свт. Марк Евгеник, доселе («на долзе времени») смиренно молчавший, решает, наконец, выступить: «...нача Марко глаголати тихимь гласомь к папе, и къ гардиналом, и арьцибискупомъ, и бискупом, и ко всемоу латыньскому языку (католическому народу, католикам. — В.Г.) и рекшу ему: “Слыши, честный папа римский и учителю латинского языка. Како ты глаголеши и осмым сбором нарекаеши <...> доколе буиствуете и неправду мудръствуете <...> и на святыхъ седми сборовъ <...> отрекаюшися <...> анафеме предаеши...”»⁴¹

Замершая было в изумлении противная сторона, «слышавшу та словеса Маркова» об анафеме, подобно евангельским свиньям, предалась паническому бегству. «Папе же <...> и гардиналом и арцибискупомъ, и бискоупомъ и вставшим имь с места своего <...> изидоша вонъ скоро

и разом, и френцюзомъ (французам. — В.Г.) <...> и немцем, и югром (венграм. — В.Г.), и ляхом (полякам. — В.Г.), и всему латыньскому языку, и римляном и всем имъ скоро избегшим съ своих мествъ от мала даже и до велика...»⁴²

Зрительный зал, как и полагается в экстраординарных случаях, принялся обсуждать случившееся. Симеон Суздальский, «о том почюдившуся», увидев своего соседа («сидевьшу ми близъ»), «митрополита Доруфефи», «плачюшася и веселяшася» (надо попутно отметить эту замечательную реакцию по поводу происходящего на сцене), решил обратиться к нему за комментариями. Член греческой делегации, митрополит Митилинский Дорофей (к слову сказать, ревностный сторонник унии, написавший потом прокатолическую «Историю Флорентийского Собора»), не преминул сделать это. Он напомнил любопытствовавшему соседу о трех Вселенских Учителях: свт. Иоанне Златоусте, свт. Василии Кесарийском и Григории Богослове, которые были «преже» свт. Марка, но всегда являлись для него примером в отстаивании истин Православия: «Такоже и ныне святыи Марко подобенъ имъ»⁴³.

Но самое, наверное, интересное состоит в том, что свт. Марк Эфесский ничего подобного на Соборе буквально не говорил, и не позволял себе столь агрессивного, наступательного поведения. Преувеличением считается и свидетельство о бегстве латинян. Современные исследователи полагают, что Симеон Суздальский принял за бегство сумятицу, возникшую на соборном заседании при обсуждении вопроса о «филиокве». «Латиняне», прервав речь Марка Эфесского, в качестве аргументов в пользу своего мнения стали предоставлять «древние» рукописи, а греки тут же бросились их обследовать на предмет подлинности [Ломизе. 1996. С. 144—145].

Суздальский иеромонах поступил так же, как поступил бы любой заинтересованный, а то и пристрастный театральный зритель, сидящий далеко от сцены и не расслышавший полностью или не разобравший до конца монолога главного героя, произнесенного «тихимъ гласом» или на малознакомом языке (в данном случае греческом). Он — зритель — поневоле начал интерпретировать слова и происходящее на сцене в соответствии с уже сложившимися собственными представлениями о драматическом развитии событий и о борьбе между действующими лицами, т.е. в нашем случае между непримиримым поборником Православия Марком Евгеником и его противниками. А то, что Симеон верно уловил сам драматический дух происходящего на Соборе, не подлежит сомнению. К тому же, несмотря на неоднократные заявления автора «Исидорова собора» о том, что он «та вся видевши и слышавши и писавши ми в ть час ихъ словеса и прения», «написах то все в тои час» и т.п., т.е. записывал свои впечатления сразу же, не

откладывая, «хождение» создавалось, видимо, на основании этих первоначальных записей уже по возвращении на родину. И субъективный фактор в этом произведении, выделяющемся среди других «ферраро-флорентийских текстов» своей явной автобиографичностью, безусловно, сыграл заметную роль.

Но как бы то ни было, *свой* или почти *свой* православный мир прямо на глазах Симеона Суздальского начал распадаться. Не говоря уже об Исидоре, даже греки, учителя русских в деле христианской веры, стали, включая византийского василевса, «поставленного от Бога епископа дел внешних» (Константин Великий), делиться на предателей Православия и его верных сторонников. В результате «бежавшие» латиняне не бросились с обрыва, а вернулись на заседания Собора и, в конце концов, добились своего. Соборное определение о заключении унии, орос (ὀρος) Собора был подписан почти всеми полномочными участниками Собора за исключением свт. Марка Эфесского⁴⁴ и некоторых других (митрополита Иверского Григория и т.д.).

Подробный анализ «Исидорова собора» и всего круга произведений, связанных с именем Симеона Суздальского, не входит в нашу задачу, тем более что он уже был проделан в отечественном литературоведении [см.: Кириллин. С. 104—136]. Нам было достаточно указать на «театральную сторону» этих произведений, на которую, на наш взгляд, не обращали до сих пор должного внимания.

* * *

Неизвестный Суздалец воспринял заключение унии вроде бы совершенно спокойно, если не равнодушно: его больше интересовала церемониальная сторона происходившего. Но он все-таки отметил, по-прежнему используя «гражданский» календарь: «Месяца июлиа в 5 день собору бывшу велику, и тогда написаша грамоты събора их, како веровати в Святую Троицу...». Речь идет об уже известном нам оросе Собора, где в числе прочего были определены, так называемые «тринитарные импликации *Filioque*» [Дворкин. С. 793], говоря языком современного богословия. Однако продолжим цитату: «... и подписа папа Еугении, и царь греческий Иоан, и вси гардиналове, и митрополиты подписаша на грамотех коиждо своею рукою». Об отказавшихся подписывать орос митрополитах (свт. Марк Эфесский и др.) Неизвестный Суздалец, как мы видим, даже не упомянул.

После этого описания путешественник довольно-таки неожиданно переключается на «экономический» предмет: шелководство во Флоренции. «В том же граде видехом черви шелковые, да и то видехом, как шолк той емлют с них» (322). Создается впечатление, что русскому путешественнику надоедали официальные мероприятия Собора, и

он торопился «сбежать» в город, чтобы увидеть очередную «дивовинку». И эта была для него совершенно экзотической. Начало шелководства в Византии относят к эпохе Юстиниана (VI в.), в Западной Европе оно стало постепенно развиваться два века спустя, но только в XII в. на Сицилии стало приобретать промышленные масштабы и т.д. На Руси шелководство стало осваиваться значительно позже, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Романовых.

Но торжественно-праздничные церемонии Собора по случаю заключения унии, вероятно, требовали обязательного присутствия Суздальца, поэтому он вынужден был возвращаться «из города», и приниматься за их описания.

Интересен «разделительный» театральный принцип, по которому эти описания строятся и который нам уже хорошо знаком: исполнители — зрители. Так, 6 июля папа Евгений «служил обедню опресноком в соборной божнице в имя пречистой богоматере». Отметим, что по вопросу обряда и богослужбных различий католиков и православных на объединительном Соборе было принято «Соломоново» решение: сохранение status quo. В данном случае Неизвестного Суздальца заинтересовали не столько католики-исполнители, сколько зрительская аудитория во всем ее многообразном составе и парадных облачениях. Все это он поэтапно, точнее, «поярусно» и обозрел: «Царю же греческому Иоану, сидяще ему на уготованном месте, зряще службы их, и вси бояре его с ним; и митрополитом ту сидящем на уготованных местех и всем святительском сану, тако же и архимандриты, и хартофилокове (архивариусы, библиотекари. От *греч.* χάρτης — хартия, бумага и φύλαξ — страж, хранитель. — В.Г.), и попови, и диаконы, оболчени кождо в свои сан, и калугерове (монахи, иноки. От *греч.* καλός γερων — почтенный старец. — В.Г.) ту же сидяще на уготованных местех, зрящее еже служат; тако же и от грек и от Руси миряне сидяще; места же те высоци чрез люди зряще» (322).

Судя по этому описанию, принимающая сторона особенно позаботилась об удобстве православных зрителей. Их места, видимо, были расположены на временных (деревянных?) многоярусных трибунах, что-то вроде античного амфитеатра, так что даже сидящие внизу могли все видеть поверх голов стоявших в храме, вероятно, не очень многочисленных горожан (мы уже разбирали эпизод с их безуспешными попытками проникнуть в храм). Напомним, что внушительные размеры внутреннего пространства собора Санта Мария дель фьоре (длина — 153 м; ширина от 38 до 90 м) вполне позволяли сделать это.

На этом церемония не закончилась, православные тоже приняли в ней активное участие: «И по службе нача молебен пети со своими...» Затем были прилюдно «велегласно» оглашены (на латыни и по-

гречески) «грамоты съборныя»: «И по чтении грамот благословил папа народ. И потом начаша папины диаки пети хвалу папе, а потом начата царевы диаки пети хвалу царю. И потом начата пети весь собор латинский и весь народ, и начата радоватися, зане баше прощение прияли от грек» (322). Речь идет, вероятней всего, о прощении за взятие и разграбление крестоносцами в 1204 г. Константинополя, сопровождавшееся массовыми убийствами, за последующее установление франкократии на землях Византийской империи и т.д. Вообще, похоже, что Неизвестный Суздалец с этого момента стал проявлять особый интерес к «греческой» теме.

По наблюдению Андраша Золтана, «для передачи иностранного колорита, для обозначения иностранных и иноверных реалий автор „Хождения“ в качестве экзотизмов использует в основном западнорусскую лексику (*бискуп, абцибискуп, пан, право, Полонинные горы, милья, граница, муровати, золотой, грош*), т.е. он видит (и заставляет видеть своих читателей) Западную Европу как будто через призму соответствующих реалий Западной Руси» [Золтан. С. 87].

Теперь в ход пошли греческие *хартофилокове, калугерове*, освоенные древнерусским языком очень рано (калугерь — в XI в.), однако до сих пор Неизвестным Суздальцем не употреблявшиеся. Торжественные проводы византийского императора из Флоренции привлекли его внимание, включая упоминание хорошо нам знакомого «духового оркестра», вероятно, впечатляющего по размерам «неба наряжена» (украшенного балдахина) и т.п.

«И поеха царь от збора из Флорензы месяца августа 26 день. И проводиша его с честию гардиналове вси и бискупы, и весь народ града того, с трубами и свирельми; и несоша над ним небо наряжено 12 человек; а коня под ним ведоша пеши два ратмана болшие града того». Суздалец продолжает указывать даты по «гражданскому» календарю, но упоминая следом знаменитый Баптистерий (Battistero di San Giovanni, XI—XIII вв.) во имя небесного покровителя Флоренции Иоанна Крестителя, уже называет его «церковью». Древнерусский путешественник словно заявляет: раз уния принята, Католическая и Православная Церковь объединились, то теперь и христианские храмы можно называть одинаково.

Тем более что на Соборе было утверждено, в сущности, и главенство папы, в том числе, над православными (при всех оговорках). Что подтвердили «Исидор и Аврамии, владыка руский», получив благословение у папы Евгения IV возвращаться «на Русь» (323). Обратный путь русского посольства лежал через Венецию. Суздалец описывает ее под явным «греческим» углом зрения, что и понятно: византийские «следы» встречаются в городе, который «стоит в море», буквально на каждом шагу. По венецианским каналам плавают «корабли и катарги» (галеры;

от позднегреч. κάτεργου), «црковь камена святыи Марко Еуангелист» была создана в XI—XV вв. по образцу константинопольских соборов Св. Апостолов (VI—XIII вв.; пятиглавие) и Св. Ирины (IV—VIII вв.; тип базилики в форме греческого креста), мозаики («а иконы в ней чудны, гречин писал мусиею»), покрывающие собор изнутри, снизу до купольного пространства («и до верху видети велми чудно») выполнены в византийском стиле на золотом фоне и т.п. Не пропустил русский путешественник и единственного сохранившегося образца многофигурной конной античной скульптуры (приписывается Лисиппу; IV в. до н.э.) из позолоченной бронзы, снабдив ее описание традиционной характеристикой: «видети, яко живи...» (323). Это знаменитая квадрига, установленная на лоджии базилики Сан-Марко («А над предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, позлащены, велики...») и вывезенная в 1204 г. из разграбленного Константинополя венецианским дожем Энрико Дандолло.

Именно в Венеции Неизвестный Суздалец впервые, по сути дела, обратил особое внимание на святые мощи, до этого он ограничивался общим упоминанием о них при перечислении других церковных драгоценностей: в «божницах» Любека «видехом съсуды священныя златыя и сребренныя» и «мощей святых множество» (317), во флорентийском монастыре «мощей святых множество, и риз драгих множество» (321) и т.п. Теперь же он персонифицирует эти почитаемые святые останки, называет их «по имени»: «Ту и сам святыи Марко лежит...» Мощи апостола Марка (память 25 апреля) были, как известно, в IX в. тайно вывезены венецианцами из египетской Александрии, где тот был первым епископом. Далее следует уже знакомая нам обобщенная формула, но в данном контексте она приобретает особый смысл, опять напоминая о разграблении Константинополя, в том числе, и венецианцами в 1204 г.: «... а мощей святых много, иманы (добыты, захвачены. — В.Г.) из Царяграда» (323).

Русская делегация посетила и венецианский район Кастелло, где располагались церковь (chiesa di San Zaccaria) и женский бенедиктинский монастырь Св. Захарии, основанные, по преданию в VII в., а в XII—XIII вв. неоднократно перестраивавшиеся. Увиденные («видехом») здесь Неизвестным Суздальцем мощи «святаго пророка Захарии» (I в.; память 5 сентября) — «отца Иоанова Предтечи» — по сию пору сохраняются в храме, так же как и мощи свв. Григория и Федора. Правда, Суздалец упомянул вместе с мощами пророка Захарии останки только двоих («во единой раце») из троих (третьим был Лев), Явленных святых (они чудесно явились знатному жителю острова Самоса и в благодарность за погребение исцелили того от проказы), равно почитаемых в греческой церкви (память в Неделю Всех святых и в Соборе Самосских святых в первые субботу и воскресенье августа) исповедников на

о. Самосе или в Кефалинии ок. 360 г. [Сергий (Спаский). С. 681]. Современная исследовательница О.В. Лосева сообщила, что в 2009 г. мраморная рака в церкви пророка Захарии была распечатана и «в результате экспертизы находившиеся в ней мощи святых были отождествлены с мощами Льва, Феодора и Григория» [О.В.Л. С. 311].

«В том же граде, — продолжает описание Венеции Неизвестный Суздалец, — в монастыре святые Варвары, мощи ее в теле лежать, труп (в значении κορμίον — туловище. — В.Г.) без головы» (323). Нетленные мощи вмц. Варвары Илиопольской (ок. 306 г.; память 4 декабря) были, согласно так наз. «западной версии», подарены венецианскому дожу по случаю бракосочетания в 1005—1006 г. его сына Джованни Орсело с Марией Аргиропулиной, родственницей византийского императора Василия II Болгаробойцы и сестрой императора Романа III Аргира. По прибытии молодоженов в Венецию мощи были положены сначала в соборе св. Марка, а затем в храме (монастыре) св. Иоанна Евангелиста на о. Торчелло близ Венеции. Там их и мог видеть древнерусский путешественник (монастыря Св. Варвары в Венеции не было).

Мощи вмц. Варвары «во церкви ея» в Царьграде описал в 1200 г. Добрыня Ядрейкович, добавил: «... и от сосцу шла кровь и млеко на землю, и учинил Богъ каменень сосецъ»⁴⁵. В свою очередь, Стефан Новгородец в 1348—1349 гг. побывал в константинопольской «святеи Варваре», где видел «и главу ея ту»⁴⁶.

Словом, «Хожение» Неизвестного Суздальца начинает все больше напоминать «классические» паломничества по Святой Земле, Царьграду и Афону с их первостепенным вниманием к реликвиям этих православных центров: св. мощам и пр. В завершении же «паломнической» части своего западноевропейского путешествия Суздалец описал (единственный из всех русских паломников!) посещение о. Лидо близ Венеции: «И ту монастырь святого Николы, и ту сам святый Никола лежит» (323) [об этом эпизоде см.: Гуминский. 2010. С. 194—196]. Через два дня древнерусский путешественник вернется и к церковному календарю, сообщив об отплытии из Венеции: «И поидохом на море в корабли на Рожество Христово».

Как будто получается, что принятие унии для Неизвестного Суздальца означало не только одинаковое именование христианских храмов «церквами» без разделения на католические («божницы») и православные, но и признание за реликвиями, хранящимися в западноевропейских монастырях и церквях, того же сакрального значения, которое им придается в православном, *своем* мире. Если бы не одна оговорка: все или почти все эти реликвии оказываются похищенными католиками у православных греков.

Описание дальнейшего пути у Суздальца постепенно превращается в сухой топонимический перечень: указываются преимущественно на-

звания истрийских, хорватских, венгерских, польских и т.д. городов и расстояния между ними. Лишь изредка упоминается о том, например, что в Загребе русские путешественники «видехом» последнего правителя средневековой Сербии Георгия Бранковича, бежавшего с семьей после завоевания Сербии турецким султаном Мурадом II. Или «в том же граде видехом во церкви на престоле в раце младенец в теле весь цел, от Ирода избиенных во Христово рожество» (324). Как попали на Балканы нетленные мощи одного из множества вифлеемских младенцев установить не удалось, сведения об этом в других источниках не встречаются [см.: Лукашевич. С. 604—605]. Путешественник может рассказать о разбойниках в лесном районе венгерского Сегеда (324), о том, что по выезде «ис Холму <...> ночевахом у пана у Ондрюшка в Вугрушках на реце на Бузе (т.е. в Угровске на Буге. — В.Г.)» (325) или совершенно неожиданно указать, что «от Флорензы до Лвова 600 миль без трех, а верст 200 и 200». Но и только. Настоящее путешествие уже заканчивалось, осталось только добраться до дому, считая не только числа, но и дни недели. Что, в конце концов, и произошло: «А приехали есми на Москву 19 день того же месяца (19 сентября 1440 г. — В.Г.). А поехали есми с Москвы в Суждаль месяца того же 24 день в субботу. А в Суждаль того же 29 день в четверток» (326).

* * *

Как известно, уния была сразу же и единодушно отвергнута в Византии как духовенством, так и народом. Греческие епископы, ступая на царьградскую землю, сразу же дезавуировали свои подписи под оросом унии, оправдывая их давлением со стороны императора. Сам же Иоанн VIII Палеолог, увидев настроение в столице, даже не решился провозгласить унию в Св. Софии. Свт. Марк Евгеник был «единственным из греческих архиереев», по словам Дж. Джилла, «чье поведение все время было последовательным, кто был свободен от упреков. И при всем том он был почитаем за святость своей жизни» [см. об этом: Бармин. С. 685—693; Амвросий (Погодин)]. Видимо, почитание митрополита Эфесского как святого началось сразу же после его смерти в 1445 г., но канонизирован он был только в 1734 г. (память 19 января).

В принципе так же, как и греческое духовенство, поступил единственный епископ в составе русской делегации на Соборе — Авраамий Суздальский. По прибытии в Москву он отказался от своей подписи и принялся обличать митрополита Исидора, обвиняя того в измене. Суздальский епископ участвовал и в Архиерейском Соборе 1441 г., осудившем унию. Сохранению Авраамием репутации верного сторонника Православия, возможно, помогло и свидетельство Симеона Суздальского, рассказавшего в «Исидоровом Соборе» о недельном заточении епи-

скопа Суздальского митрополитом Исидором в темницу, прежде чем он «нужею» согласился поставить свою подпись под документом об унии.

В том же «Исидоровом Соборе» Симеон поведал о том, как митрополит «роуския земля по имени Сидороу» притеснял его как в Италии из-за отрицательного отношения к унии, так и после бегства из Венеции в декабре 1439 г. на Русь. Здесь смоленский князь Юрий Лутвенович, несмотря на данное слово, заключил Симеона в оковы и выдал Исидору: «И мне бывшоу оукорену и въ нятьстве (заключении, плену, неволе. — В.Г.) томимоу своимъ митрополитомъ тою прелестию не прелстившоумися и его ни в чем не послушах»⁴⁷.

Митрополит Исидор не просто подписал акт унии, но с комментарием: «С любовью соглашаясь и одобряя, подписываю». Уже 17 августа 1439 г. он был назначен папским легатом в Литве, Ливонии, Руси и «Лехии» (Польше), а с 18 декабря стал кардиналом. Через Польшу и Литву он отправился в Москву, где в марте 1441 г. в Успенском соборе была торжественно зачитана булла Евгения IV с изложением решений Ферраро-Флорентийского Собора. Великий князь Василий II передал «папино писание» на рассмотрение русского Архиерейского Собора, на котором оно было отвергнуто, а митрополит Исидор помещен «за приставы» в московском Чудовом монастыре, откуда бежал в Литву (возможно, при попустительстве московских властей), прихватив с собой из митрополичьей библиотеки ряд ценных рукописей. Вся дальнейшая деятельность Исидора была в основном посвящена попыткам утверждения унии на территории Византийской империи и т.п. [см. подр.: Аникишин, Флоря. С. 177—181].

Столь же последовательным и принципиальным сторонником унии был митрополит Виссарион Никейский, постоянный оппонент свт. Марка на Ферраро-Флорентийском Соборе, гуманист-интеллектуал, полемист и проповедник, стоявший во главе латинофильского крыла византийской делегации. Этот уроженец Трапезунда получил блестящее образование, являлся выдающимся знатоком Платона (которого интерпретировал в христианском духе) и всего античного культурного наследия, был убежденным сторонником идеи единства христианского, «греко-римского» мира, католического и православного. После возвращения византийской делегации в Константинополь он был обвинен в измене Православию и в 1440 г. покинул Византию, обосновавшись в Италии.

Еще в 1439 г. папа Евгений IV сделал Виссариона кардиналом (он стал сначала кардиналом-пресвитером, затем кардиналом-епископом, а после смерти кардинала Исидора в 1463 г. получил титул латинского патриарха Константинополя и должность декана Священной коллегии кардиналов, самую почетную после папы в католической иерархии; Виссарион дважды рассматривался в качестве претендента в

ходе выборов нового папы). Современные исследователи оценивают Виссариона как «одного из величайших мыслителей Возрождения» (Е. Гарэн), трудами которого «Греция переселилась в Рим» (из эпитафии Виссариону), видят в нем «титаническую фигуру, по масштабам и энергии деятельности сопоставимую с художниками Возрождения» (М.Б. Плюханова). Кардинал Виссарион несколько раз безуспешно пытался организовать антитурецкий крестовый поход для освобождения Византии и Балкан от врагов христианства. Именно в его доме в Риме после бегства из Византии росла и воспитывалась будущая русская великая княгиня Зоя (София) Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина XI. И именно Виссарион отправил великому московскому князю Иоанну III Васильевичу послание с предложением вступить с ней брак, результатом которого было торжественное венчание в Москве 12 ноября 1472 г. [см. подр.: Жаворонков, Куш, Крысов. С. 542—544; Плюханова (по указателю имен)].

Все эти события сыграли огромную роль в судьбе Русской Православной Церкви и Русского государства. Реакцией на решения Ферраро-Флорентийского Собора стало утверждение в 1448 г. автокефалии Русской Православной Церкви. На повестку дня вышло стремление сохранить Православие во всей его догматической, обрядовой и пр. чистоте. Интенсифицируется, в том числе, переводческая деятельность [см. об этом: Сапожникова. С. 117—141], а после падения Константинополя в 1453 г., когда Русь осталась единственным православным государством, независимым от «неверных», начали бурно развиваться различные направления церковно-политической идеологии (концепция Москвы — Третьего Рима и т.п.), на долгие века определившие укрепление и развитие Руси-России.

Свою роль в этом процессе сыграли и произведения ферраро-флорентийского литературного цикла. Они продемонстрировали различные формы трансформации жанра хождений в древнерусской литературе XV в. (от традиционных до подчеркнуто автобиографических), а также впервые обозначили два главных полюса отношения к Западу русских путешественников (и не только): «преклонение» перед западноевропейской цивилизацией и ее отторжение, неприятие.

Литература

- Акишин С. Ю., Флоря Б. Н. Исидор, митр. Киевский, кардинал и лат. патриарх Константинопольский // ПЭ. Т. XXVII. М., 2011.
- Акишин С. Ю. Митрополит Исидор киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1. 2011.
- Алексий II, патриарх. Православие в Эстонии. М., 1999.

- Амвросий (Погодин), архим.* Св. Марк Эфесский и Флорентийская уния. Джорданвилль. 1963.
- Бармин А.В.* Марк Евгеник // ПЭ. Т. XLIII. М., 2016.
- Бугаевский А.В., Жаворонков П.И., Жиленко И.В.* Мощи и почитание Варвары, вмц. // ПЭ. Т. VI. М., 2003.
- Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. В 2 т. Т. 2. М., 2008.
- Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. II. 1-я пол. тома. М., 1997. *Гуминский Виктор.* Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987.
- Гуминский В.М.* Русские паломники на Святой Земле в XII—XX вв. (литературный жанр и сакральное пространство) // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. СПб., 2010.
- Гуминский В.М.* Святитель Николай и древнерусская паломническая традиция // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. Сб. статей. М., 2010.
- Гуминский В.М.* Пушкин и Гоголь sub specie aeternitatis. Ч. II. Гоголь: слово и дело // Новая книга России. 2012. № 8.
- Гуминский В.М.* «Хождение» игумена Даниила в контексте развития паломнической литературы // ППС. Вып. 109. М., 2014.
- Дашков С.Б.* Императоры Византии. М., 1997.
- Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. М., 2006.
- Дробленкова Н.Ф.* Авраамий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А-К. Л., 1988.
- Жаворонков П.И., Куц Т.В., Крысов А.Г.* Виссарийон // ПЭ. Т. VIII. М., 2004.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991.
- Золтан Андраш.* Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014.
- Казакова Н.А.* «Исхождение» Авраамия Суздальского (Списки и редакции) // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979.
- Казакова Н.А., Мавлеев Е.В.* Отражение западной легенды о Понтии Пилате в «Хождении во Флоренцию 1737—1440 гг.» // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
- Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980.
- Кириллин В.М.* Западный мир в восприятии Симеона Суздальского и его современников — участников Ферраро-Флорентийского собора // Древнерусская литература: тема Запада в XIII—XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002.
- Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994.
- Ломизе Е.М.* К вопросу о восприятии Ферраро-Флорентийского собора русской делегацией. (Анализ сведений Симеона Суздальского) // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в раннее новое время. М., 1996.
- Ломизе Е.М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439) // ВВ. 1998. Т. 55.
- Ломизе Е.М.* Варлаамизм и византийское латиномыслие. Просопографические наблюдения // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001.
- Лукашевич А.А.* Вифлеемские младенцы // ПЭ. Т. VIII. М., 2004.
- Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XII—XV века. М., 2005.
- Мартынов В.И.* История богослужебного пения. М., 1994.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997.

- Мейендорф Иоанн*, протопр. Рим. Константинополь. Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2006.
- Мельникова А.С.* Псковские монеты XV в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. 1963.
- Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XI веков. М., 2001.
- О.В.Л. Лев, Феодор и Григорий* // ПЭ. Т. XXXX (XL). М., 2015.
- Пинуныров В.Н.* История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
- Плюханова М.Б.* Кипение света. Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016.
- Понырко Н.В.* Фома // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л-Я. Л., 1989.
- Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII—XV вв. // Уч. зап. МГПУ, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970.
- Прокофьев Н.И.* Перевод, комментарии // Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XVII вв. М., 1984.
- Пугачева И.В.* Богородичные иконы во Флоренции XIII века. Образ и его почитание // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2015.
- Рогачевская Е.Б.* Западный мир в «Хождении на Ферраро-Флорентийский собор» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000.
- Сапожникова О.С.* Богословие Иоанна Дамаскина в составе древнерусских сборников XV в. и Флорентийская уния // Византийский временник. 2008. № 67.
- Сергеева Ю.А.* Монеты независимого Пскова (XV — начало XVI в.). // Псков, 2006. № 25.
- Сергий (Спаский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (репринт. изд. 1901 г.). Т. I.
- Уколова В.Н., Бородин О.Р.* Византия и Запад: культурные отношения в VII—XII вв. // Византия между Западом и Востоком. С. 137.
- Федорова Е.В.* Знаменитые города Италии. Рим, Флоренция, Венеция. Памятники истории и культуры. М., 1985.
- Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007.
- Шевырев С.* О словенских рукописях Ватиканской библиотеки // ЖМНП. СПб., 1839. Ч. 22.
- Шевырев С.* Новые известия о Флорентийском соборе, извлеченные из Ватиканской рукописи // ЖМНП. СПб., 1841. Ч. 29.
- Шпаков А.Я.* Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Кн. 1. Киев, 1904.
- Derbes An., Neff A.* Italy, the Mandicant Orders and Byzantine Sphere // Byzantium. Faith and Power (1261—1557). N. H., L., 2004.
- Gill J.* Constanza und Basel-Florenz. Mainz, 1967;
- Gill J.* Byzantium and the Papacy (1198—1400). New Brunswick (N. Y.), 1979.

¹ Л. Мюллер, как известно, предположил, что такое путешествие во Францию в свите княгини Анны Ярославны совершил в середине XI в. будущий киевский митрополит Иларион. [Мюллер. С. 138—139].

² Симеон Суздалец в «Исидоровом соборе и его хождении» называет Фому «послом от великого князя московского василия васильевича», но исследователи

- единодушно считают это ошибкой. В одном из западных источников посол называется Фомой Матвеевичем. Н.И. Прокофьев безоговорочно считал его иноком Фомой, автором «Слова похвального» о тверском великом князе Борисе Александровиче, для других исследователей этот вопрос «остается загадкой». [Прокофьев. 1984. С. 412. Ср.: Поньрко. С. 474—475].
- ³ *Симеон Суздалец*. Исидоров собор и его хождение // *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901. Приложение. С.97 (здесь и далее древнерусские тексты цитируются в упрощенной орфографии).
- ⁴ Ср., впрочем, с мнением Н.И. Прокофьева: «Автор (Неизвестный Суздалец. — *В.Г.*) избегает прямых суждений об Исидоре, возможно, потому, что вел записи по его повелению» [Прокофьев. 1970. С. 203].
- ⁵ По необъяснимым причинам (возможно, опечатке) некоторые исследователи указывают другую дату — 5 сентября. [Акишин, Флоря. С. 177]. Между тем в своей монографии Б.Н. Флоря говорит именно о 8 сентября [Флоря. С. 370].
- ⁶ О разнице позиций Константинопольской патриархии и императорского двора по вопросу унии см. [Ломизе. 1998. С. 104—110]. О византийских надеждах на Вселенский объединительный Собор [Мейендорф. С. 125—136].
- ⁷ См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 154.
- ⁸ С.П. Шевырев считал Исидора словаком [Шевырев. 1839. С. 118; Шевырев. 1841. С. 64]. Густынская летопись называет его болгаринном. См.: ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 134.
- ⁹ Обзор некоторых точек зрения на происхождение Киевского митрополита [Голубинский. С. 421—423; Шпаков. С. 34—35; Акишин. С. 71—72; Акишин, Флоря. С. 177].
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 12. Летописный сб., именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 23. Некоторые исследователи (А.Я. Шпаков и др.) полагают, что Исидор мог знать и славянский язык.
- ¹¹ О внутривосточной ситуации на Руси этого времени [Зимин. С. 79—99].
- ¹² По уверению Симеона Суздальца, дело происходило так: «...присла папа бискупа (епископа. — *В.Г.*) своего Христофора къ епископу Аврамию Суздальскому аще бы подписался. Ему же не хотяша. Митрополит же Исидоръ взя его и всади в темницу. И сиде неделю полну. И тому подписавшюся не хотением, но нужею» (*Симеон Суздалец*, Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С.97).
- ¹³ Исхождение Авраамия Суждальского // *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XII—XV века. М., 2005. С. 330.
- ¹⁴ Там же. С. 328.
- ¹⁵ Этими милями измерял расстояния на Руси в начале XVI в. С. Герберштейн [Герберштейн. С. 299 (комментарии)].
- ¹⁶ См.: *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XII—XV века. М., 2005. С. 296. Ср.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 9 (М). М., 1982. С. 157.
- ¹⁷ *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XII—XV века. М., 2005. Здесь и далее все ссылки на «Хождение на Флорентийский Собор Неизвестного Суздальца» даются по этому изд. в тексте (цифра в круглых скобках означает страницу).
- ¹⁸ См.: *Симеон Суздалец*. Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 94, 95, 97.
- ¹⁹ Исхождение Авраамия Суждальского // *Малето Е.И.* Антология хождений... С. 331.
- ²⁰ См.: *Симеон Суздалец*. Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 90. Симеон Суздалец, к слову сказать, выполнял, вероятно, до поры до времени роль «духовника попа» русской делегации. См.: Там же.

- ²¹ В своих расчетах мы опирались на исслед. [Мельникова; Сергеева. Ср.: Малето. С. 391 («Денежные единицы обращения»)]. О покупательной способности этих денег судить трудно, но Неизвестный Суздалец в Ферраре, закупая припасы, обратил внимание и на цены, правда, перевел их в другую денежную систему: «И в том же граде ясти купихом: яловица 20 золотых, боров 5 золотых, а золотой по 30 грошей...» и т.д. (320). Имеется в виду, скорее всего, так наз. «пражский грош» (или, возможно, мейсенский), имевший в Средние века широкое хождение в Западной Европе и хорошо известный на Руси. В 1 рубле в то время считалось примерно 100 грошей.
- ²² По мнению большинства исследователей (Н.А. Казакова, Н.И. Прокофьев и др.), имеется в виду епископский замок Фербек (Варбек) в Ливонии, русское название которого «Костер» Суздалец несколько искажил.
- ²³ В связи с этим напомним один любопытный факт. Столь важный для католической мессы инструмент, как орган, был изобретен в Византии, где являлся сугубо светским инструментом, использовавшимся во время пиров, дворцовых приемов и цирковых представлений. В VII в. он появился в Италии и сразу же был «задействован» при богослужении в Риме. В VIII в. император Константин V подарил большой орган франкскому королю Пипину Короткому и т.д. [Уколова, Бородин. С. 137].
- ²⁴ Ср. со словами, которые приписывает позднейшая повесть «О Сидоре митрополите...» свт. Марку Эфесскому (они были обращены к представителям греческой делегации на Соборе): «Помните убо како въ Цариграде и сами о сих рекли есте, яко латиняне не суть хрстиане». См.: *Малинин В.* Приложение. С. 120.
- ²⁵ Мы не можем согласиться с переводом Н.И. Прокофьева, согласно которому речь идет о каких-то неизвестных «венгерских королях». См.: *Книга хожений... С. 321.*
- ²⁶ Можно предположить, что в молебен входил канон радостный Одигитрии иеромонаха Игнатия: «Радуйся, радуйся кораблем Одигитрие нужно / плавающим, избавляючи верных / и всем избавление от всякия скорби и недуги / пестротных и медленных разрешаючи вскоре» (из песни 7). Однако, замечает М.Б. Плюханова, «возможно также, что речь идет о каноне молебном Феостирикта, который у греков мог считаться каноном Одигитрии». Исследовательница почему-то приписала «Хождение на Флорентийский собор» Авраамии Суздальскому. [См.: Плюханова. С. 152—153].
- ²⁷ Ср. с переводом Н.И. Прокофьева: «Так высоки эти горы, что облака вдоль них по ущельям ходят и берутся облака от них же» [Прокофьев. 1984. С. 321].
- ²⁸ О соборе Святой Девы Марии с цветком в руке, выстроенном в XIII—XV вв. по проекту Филиппо Брунеллески и др., см. в любом путеводителе по Флоренции [см. также: Федорова. С. 209—210].
- ²⁹ Возможно, что некоторые из этих сокровищ сохранились и теперь экспонируются в стенах монастыря Св. Анны в Любеке (1502 г., выдающийся образец кирпичной готики), где собрана богатая коллекция средневекового искусства и церковной утвари из церквей и монастырей, упраздненных в городе еще в эпоху Реформации: иконы, ювелирные изделия и т.п.
- ³⁰ Вот «сценарий» представления, по мнению специалистов, неизменного со времени установки в 1405 г. башенных часов на западной стороне высокого алтаря кирпичной церкви св. Марии. Часы показывают движение небесных тел, а когда они бьют 12 часов, приходит в движение особый механизм. Через боковые двери выходят фигурки «курфюстов», торжественно приветствующих восседающего на троне «императора». Затем через другую дверь появляется Христос, благословляющий церемонию интронизации, после чего все удаляются под звуки фанфар и ангельского хора. [См.: Пинуныров. С. 115].

- ³¹ Исхождение Авраамия Суздальского // *Малето Е.И.* Антология хождений..... С. 328.
- ³² Там же.
- ³³ Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича // *Малето Е.И.* Антология хождений... С. 222.
- ³⁴ «Спокойное отношение к инославному миру» Суздальца связывает с вероятным влиянием Исидора и В.М. Кириллин [*Кириллин*. С. 124].
- ³⁵ См.: *Симеон Суздалец*, Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 90.
- ³⁶ См.: Там же. С. 117.
- ³⁷ Там же. С. 94.
- ³⁸ Неизвестный Суздалец обратил внимание на эту, для русских явно экзотическую деталь облачения римских прелатов, только «месяца генваря в 10 день» на пятнадцатой сессии Собора в Ферраре: «Папе же оболчену сущу в святительский сан и в рогате клобуце сидяще ему на высоте месте, а с ним кардиналов и бискупов 44 <...> в рогатых клобуцах» (320). «Рогате клобуц» — это богослужебный головной убор понтифика и католических епископов, аббатов и каноников, иначе говоря, митра «с двумя остроконечиями, символизирующими Ветхий и Новый Заветы». [См.: *Кириллин*. С.116]. Впрочем, встречаются и другие истолкования символических деталей папского облачения.
- ³⁹ *Симеон Суздалец*, Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 103.
- ⁴⁰ Его обстоятельно прокомментировал В.М. Кириллин. [См.: *Кириллин*. С. 114—116].
- ⁴¹ См.: *Симеон Суздалец*, Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 91.
- ⁴² См.: Там же. С. 92.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Сохранилось предание, что когда папа Евгений узнал об этом поступке Марка Эфесского, он воскликнул: «Значит, ничего не достигнуто!». [См. об этом: *Дворкин*. С. 799].
- ⁴⁵ Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича // *Малето Е.И.* Антология хождений... С. 231.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 258, 265. О судьбе мощей вмц. Варвары, в том числе, «русскую версию», см. подр.: [Бугаевский, Жаворонков, Жиленко. С. 560—561].
- ⁴⁷ *Симеон Суздалец*, Исидоров собор... // *Малинин В.* Приложение. С. 89.

Т.Н. Джаксон*

Об отдельных противоречиях источников касательно Свена Эстридсена

Аннотация. Датский король середины XI в. Свен Эстридсен был весьма популярным правителем, однако сведения о нем в различных источниках находятся в странном противоречии. Проведенное в статье сопоставление датских, исландских и английских источников позволяет думать, что Свен Эстридсен правил с 1047 по 1076 г., умер от болезни на юге Ютландии в местечке Судда-торп, а тело его было перенесено в Роскилле, собор которого служит на протяжении веков усыпальницей датских королей, хотя именно в таком виде информация не содержится ни в одном из рассмотренных источников.

Ключевые слова: средневековая история Дании, Свен Эстридсен, датские и исландские источники, «Сага о Кнютлингах».

T.N. Jackson

On certain disagreement of sources concerning Sven Estridsen

Abstract: Danish king of the mid-eleventh century Sven Estridsen was a very popular ruler, but information concerning him in various sources is in a strange contradiction. The comparison of Danish, Icelandic and English sources carried out by the author enables to think that Sven Estridsen ruled from 1047 to 1076, died of illness in the south of Jutland in a small town of Suddathorp, and his body was moved to Roskilde cathedral that had served for centuries as a tomb of Danish kings, although this particular set of data is not contained in any of the sources considered.

Keywords: medieval Danish history, Sven Estridsen, Danish and Icelandic sources, “Knyttlinga saga”.

Датский король Свен Эстридсен (годы жизни: ок. 1018—1076) нередко встречается на страницах работ А.В. Назаренко, где он представлен, с одной стороны, как главный и заслуживающий доверия информант бременского каноника Адама, автора «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» (1070-е гг.), а с другой — как участник, или даже инициатор, женитьбы (ок. 1073 г.)

* Джаксон Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Jackson Tatjana Nikolaevna, Grand PhD (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Владимира Мономаха на Гиде, дочери последнего англо-саксонского короля Харальда Годвинссона [См., например: Назаренко. С. 476, 480, 481, 496, 504, 523, 524, 589, 599].

Надо сказать, что в истории Дании Свен Эстридсен, представитель рода Горма Старого (имеющий даже патроним производный от имени своей матери, правнучки Горма и сестры Кнута Великого, а не своего отца, ярла Ульва), — фигура заметная. Законным правителем Дании он стал после смерти в 1047 г. короля Норвегии (1035—1047) и Дании (1042—1047) Магнуса Доброго. Положив в 1064 г. конец постоянным военным столкновениям со сменившим Магнуса на норвежском троне Харальдом Суровым Правителем (1046—1066), Свен Эстридсен сумел взять под контроль ситуацию и в самой Дании. Страна была поделена на восемь диоцезов, центры которых (за одним исключением) находились в городах [Skovgaard-Petersen. S. 178—179]. Это был популярный правитель, тем не менее сведения о нем в различных источниках находятся в странном противоречии.

Традиционно дата смерти Свена Эстридсена обозначается исследователями как 1074 г.¹, для чего у них имеются известные основания, а именно — свидетельства датских хроник, созданных лишь на несколько десятилетий позже этого события. Так, датский монах англо-саксонского происхождения Эльнот, служивший в датской королевской капелле, в своем труде «Деяния короля Свеномагнуса и его сыновей, а также страсти славнейшего Кнута, короля и мученика» (между 1104 и 1117 гг., по уточненной датировке М.Х. Гелтинга [Gelting. P. 39] — 1111/12 г.) рассказывает, что Свен умер в 1074 г., «в четвертые календы мая» (т.е. 28 апреля), на двадцать восьмой год своего правления². Написанная ок. 1138 г. неизвестным автором, членом кафедрального собрания каноников в Роскилле, «Роскильская хроника» — древнейший памятник средневековой датской историографии — сообщает следующее: «Между тем в Ютландии умер славный король Дании Свен Магнус, в 1074 году от воплощения Господня и на 31-й год своего правления. Его тело было с почестями погребено в Роскилле, как он сам повелел, будучи жив» [ChronRosk. P. 23; Роскильская хроника. С. 331]. Анонимный автор хроники также называет 1074 год, но при этом из его слов следует, что правление Свена длилось на три года дольше. Переводчик этого текста В.В. Рыбаков полагает, что «автор хроники считает годы от смерти Хардекнута в 1042 г.» [Роскильская хроника. С. 331, прим. 60], но в таком случае оно должно было бы быть продолжительнее на четыре года, поскольку Хардекнут правил семь лет — со смерти Кнута Великого в 1035 г. до собственной кончины в 1042 г., когда его сменил на троне Магнус Добрый. Свою версию я предложу ниже — при обсуждении фрагмента исландской «Саги о Кнютлингах». Составленные ок. 1267 г.

«Лундские анналы» тоже помещают кончину короля Свена под 1074 г. [AnnLund. S. 54]. При всех расхождениях в оценке продолжительности правления Свена Эстридсена датские источники, и не только те, что перечислены здесь, придерживаются 1074 года как даты его смерти.

А.В. Назаренко определяет годы правления Свена как 1047—1075/76, что выдает его знакомство либо с исландскими сагами, о которых мы сейчас поговорим, либо с дискуссией по этому вопросу, ведущейся с конца XIX в. [Steenstrup; Larsen], на одном значительном моменте которой мы ниже тоже остановимся. Итак, в «Саге о Магнусе Голоногом», гл. 5, по «Кругу земному» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) говорится, что «конунг Свейн Ульвссон умер от болезни через десять лет после гибели обоих Харальдов» [Hkr 1. Bls. 207]. Имеются в виду норвежский король Харальд Суровый Правитель, павший в битве при Стамфордбридже 25 сентября 1066 г., и английский король Харальд Годвинссон, погибший 14 октября того же года в битве при Гастингсе. Тем самым, смерть Свена Эстридсена, в представлении Снорри, наступила в 1076 г. Любопытно, что издатель «Круга земного» Бьярни Адальбьярнарсон, в этом весьма скупом на комментарии издании, дает примечание, в котором указывает на расхождение датской традиции с исландской и английской (о чем будет сказано ниже) и предлагает относиться с большим доверием к источникам датским³. Раньше чем согласиться или не согласиться с Бьярни Адальбьярнарсоном, посмотрим на сообщение написанной в середине XIII в. «Саги о Кнютлингах», гл. 25: «Конунг Свейн умер в третьи календы мая; к тому времени он пробыл 29 лет конунгом Дании после смерти конунга Магнуса, а до этого два года в состоянии войны с конунгом Магнусом. Конунг Свейн умер через десять лет после гибели двух Харальдов в Англии; тогда прошло со смерти Кнута Старого сорок лет» [Knýt. Bls. 137]. Автор саги дает здесь своим читателям три возможности определить, в каком году умер Свен Эстридсен: можно прибавить, во-первых, 29 лет к дате смерти Магнуса Доброго (1047+29=1076), во-вторых, что явно заимствовано из «Круга земного», служившего источником автору «Саги о Кнютлингах», 10 лет к году гибели Харальда Норвежского и Харальда Английского (1066+10=1076), в-третьих, сорок лет к дате смерти Кнута Великого (1035+40=1075). Таким образом, «Сага о Кнютлингах» предлагает нам две разные даты — 1076 г. и 1075 г., — что, вместе с тремя вариантами подсчета, указывает на несомненное обращение автора саги к различным источникам, среди которых, наряду с «Кругом земным» и другими письменными источниками, могла быть, что весьма вероятно, и устная традиция, связанная со Свеном Эстридсеном. Мне представляется, что на устную традицию указывают обнаруживаемые в этом тексте легкие расхождения с датскими источниками. Здесь говорится о «третьих календах мая», а в са-

мом раннем датском источнике — у монаха Эльнота, чей труд не входит в число источников «Саги о Кнютлингах», — речь идет о «четвертых календах мая». Здесь указано, что Свейн пробыл конунгом 29 лет после смерти Магнуса, а до этого 2 года в состоянии войны с ним, но ведь это дает тот загадочный «31 год» из «Роскильской хроники» (который явно отсчитывается не от даты смерти Хардекнута, а от начала вражды конунга Магнуса и его датского ярла Свена Эстридсена). Исландские анналы, использующие хронологию «Круга земного», называют 1076 год [IA, S. 18, 58, 109, 250—251, 319, 471], равно как и источники английские, в частности редакция E (писавшаяся в разное время на протяжении 1121—1154 гг.) «Англо-Саксонской хроники» [ASC. Vol. I. P. 212].

Вопрос о дате смерти Свена Эстридсена остается дискуссионным, хотя в литературе уже в конце XIX в. [Ræder. S. 202—203] были приведены доказательства того, что по крайней мере в 1075 г. Свен был жив и оставался королем Дании. Я имею в виду письмо папы Григория VII, датированное апрелем 1075 г. и адресованное Свену, в котором папа упоминает недавно принятое им посольство из Дании [DD. Nr. 11. S. 27—29]. Как остроумно прокомментировал Э. Кристиансен, «мало вероятно, чтобы специально отправленные послы потратили год на это путешествие, либо забыли упомянуть о смерти Свена, когда прибыли в Рим» [Saxo. 1980—1981. Vol. I. P. 236—237]. Таким образом, Свен должен был быть жив, когда посольство отправлялось из Дании. Что касается даты его смерти у Эльнота, которому, казалось бы, можно доверять, то скорее всего, она происходит из точной календарной записи, в которой, однако, не был отмечен год. Но 1075 год тоже не подходит, по мнению Кристиансена, поскольку на него падает масштабная датская военная экспедиция в Англию (флот из двухсот кораблей приходит на помощь Ральфу, ярлу Норфолка), на которую датчане вряд ли решились бы в условиях смены власти. Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что в письме от 6 ноября 1077 г. [DD. Nr. 17. S. 35—37], адресованном сыну Свена Харальду, папа Григорий VII обращается к нему как к недавно избранному королю и подчеркивает его обязанности как наследника [см.: Saxo. Vol. I. P. 237]. Думается, средневековых датских историков ввело в заблуждение одно обстоятельство, известное нам из описания Саксона Грамматика, а именно то, что король Свен Эстридсен и умерший раньше него (согласно «Роскильской хронике»⁴) епископ Виллельм⁵ были похоронены в соседних могилах (*conjunctis tumulis*) в Роскилле.⁶ Отсюда был сделан вывод об их одновременной кончине. Их останки, между прочим, и сегодня находятся рядом — в соседних, украшенных фресками юго-восточном (Свен) и юго-западном (епископ Виллельм) столбах, фланкирующих апсиду в кафедральном соборе в Роскилле, куда они были перенесены ок. 1225 г. из их могил в старой церкви.⁷

Что касается места смерти Свена Эстридсена, то Эльнот обозначает его как «Suddethorp (id est: Villa cenosa)» [Ailnoth. P. 89], Саксон Грамматик также указывает на Суддаторп (*Suddathorp*) как на тот городок на Ютландии, где король Свен слег в лихорадке и умер [Сахо 1931. P. 315 (XI.9.1)]. Э. Кристиансен локализует *Суддаторп* в границах современной Дании, а именно в 10,5 км к западу от Обенро, в сторону от дороги на Тённер [Сахо 1980—1981. P. 236, comment 34]. Мне представляется, что это, скорее, небольшое поселение Зюдеруп на самом севере сегодняшней Германии, километров на 20 западнее Фленсбурга. При любой локализации — это самый юг Ютландии.

В «Саге о Кнютлингах» тоже назван Суддаторп (*Suddathorp*). Здесь рассказывается, что, «когда конунг Свейн пробыл правителем Данмарка двадцать девять лет после кончины конунга Магнуса Доброго, находился он на востоке Йотланда», где велел созвать тинг, на котором просил разрешить ему избрать конунгом не его старшего сына Харальда, а Кнута. «Затем отправился конунг Свейн назад в ту деревушку, где он до этого пировал; это место зовется Суддаторп. И когда конунг вошел в комнату, он велел приготовить себе постель и слег в нее в лихорадке, и привела эта болезнь его к смерти. Тело его было перевезено в Хрингстадир, и был он там похоронен. Кальв Манасон так говорит в своей песни, которую он сочинил о Кнуте Святом, сыне конунга Свейна, что тело конунга Свейна было перевезено за тринадцать дней с юга, с Йотланда, на север, в Хрингстадир, с большими почестями и в сопровождении многих достойных людей» [Knýt. Bls. 137]. Обратим внимание на то, что, согласно «Кругу земному», являвшемуся непосредственным источником «Саги о Кнютлингах», в Суддаторпе умирает вовсе не Свейн, а норвежский и датский конунг Магнус Добрый, передающий перед смертью Данию Свейну, которого он считал своим ярлом: «Магнус конунг... заболел и слег в месте, называемом Судаторп... Затем он просил передать, что завещает Датскую Державу Свейну, считая, что будет справедливо, если Харальд будет править Норвегией, а Свейн — Данией» [Hkr 1951. Bls. 105; K3 1980. С. 418]. О месте смерти Свейна в «Круге земном», напротив, сведений нет: «Конунг Свейн сын Ульва умер от болезни через десять лет после гибели обоих Харальдов» [Hkr. 1951. Bls. 207; K3 1980. С. 466]. Автор «Саги о Кнютлингах» явно опирается здесь не на «Круг земной», а на какую-то дошедшую до него устную традицию. Источником информации мог быть скальд Кальв Манасон, которого он сам и упоминает. Мы знаем о нем из «Перечня скальдов» (кон. XII — нач. XIII в.), где он назван скальдом конунга Кнута Святого [Edda. B. III. S. 258], и «Книги о занятии земли» (кон. XIII в.), где он упомянут как «скальд Кальв», правнук первопоселенца Хольмгёngu-Мани [Landn. Bls. 227]. К сожалению, ничего из сочинений Кальва Манасона

не сохранилось. Автор саги ссылается на него, лишь рассказывая о том, как тело конунга было перенесено с Ютландии на Зеландию, но совсем не исключена возможность того, что в той же поэме был упомянут и Суддаторп, именно эти сведения автор саги предпочел информации «Круга земного» — и был прав.

Однако тут же автор саги совершает ошибку, говоря, что тело конунга «было перевезено в Хрингстадир, и был он там похоронен». Ведь из идущего далее пересказа слов скальда это вовсе не следует. Хрингстадир (*Hringstaðir*) — это город Рингстед, расположенный в самом центре острова Зеландия и лежащий на транспортной магистрали (как современной, так и средневековой), ведущей по Зеландии со стороны острова Фюн в направлении Роскилле, где действительно был похоронен Свен Эстридсен (об этом ниже). В средние века Рингстед был местом ландс-тинга Зеландии. Из «Роскильской хроники» известно, что поставленный Свеном Эстридсеном епископ Роскилле Свен «возвел в Рингстеде монастырь в честь святой Марии» [ChronRosk. P. 23; Роскильская хроника. С. 331]. По свидетельству саги, еще два датских короля были похоронены в Рингстеде, и здесь автор саги не ошибается. Так, рассказывая о коварном убийстве Кнута Лаварда его двоюродным братом Магнусом Никулассоном (это случилось 7 января 1131 г.), сага сообщает, что «[тело] Кнута Лаварда отнесли в Хрингстадир, и там он был предан земле...». А еще сага добавляет, что место, где Кнут Лавард был убит, зовется с тех пор *Lávarðsskógr*, т.е. Лес Лаварда [Knýt. Bls. 255]. Согласно Саксону Грамматику, убийство произошло в лесу недалеко от Харальдстеда [Saxo 1931. P. 354 (XIII.6.6)], «примерно в миле (1,6 км. — Т.Д.) к северо-востоку-востоку от Харальдстеда, в сторону от дороги к Лайре и Роскилле... раньше там была небольшая часовня, а сейчас — памятник» [Saxo 1980—1981. P. 312, comment 57]. Саксон говорит, что на том месте, где в землю пролилась кровь Кнута Лаварда, из земли забил животворящий источник. Надо думать, что именно там и соорудили часовню, остатки которой были обнаружены Х. Петерсеном в 1881—1882 гг. [Petersen 1885]. Харальдстед «лежит почти в пяти милях (8 км. — Т.Д.) к северу от Рингстеда» [Saxo 1980—1981. P. 312, comment 56]. Сага рассказывает далее, что в середине лета 1170 г. (дата не принадлежит саге — она восстанавливается по косвенным данным) «были извлечены из земли в Хрингстадире [останки] святого Кнута Лаварда, отца конунга Вальдемара, и были вновь явлены потрясающие свидетельства его святости» [Knýt. Bls. 307]. Действительно, Кнут был канонизирован папской буллой, датированной ноябрем 1169 г. [DD. Nr. 190. S. 346—348; см.: Saxo 1980—1981. P. 848, comment 532], а трансляция его останков была произведена во время большого церковного празднества 25 июня 1170 г. Согласно Саксону Грамматику, король Вальдемар, получив, в ответ на просьбу, пись-

мо из Рима с дозволением объявить своего отца святым, собрал всех знатных людей Дании в Рингстеде и назначил чествование своего отца и провозглашение королем своего сына Кнута на середину лета, день Рождества Иоанна Предтечи [Сахо 1931. Р. 477 (XIV.40.1)]. В этот день архиепископ Лундский совершил перенесение костей его отца в алтарную часть и короновал его семилетнего сына [Ibid. Р. 480 (XIV.40.12)]. Но в Рингстеде был похоронен и сам Вальдемар Кнутссон. «Сага о Кнютлингах» также содержит указание на то, что «конунг Вальдемар умер от ... болезни во вторые ноны мая (т.е. 6 мая. — Т.Д.)⁸; [тело] его было перенесено в Хрингстадир и там предано земле» [Knýtł. Bls. 315]. Перенесли тело конунга, согласно саге, из того места, где он умер, а произошло это к югу от Зеландии, «когда войско собралось в Грёнасунде (*Grænasund*)» [Knýtł. Bls. 314], т.е. в проливе Грёнсунн между островами Мён и Фальстр. Саксон Грамматик повествует о том, как из Грёнсунна заболевший король отправился в Вордингборг (на юго-восточном побережье Зеландии), где и умер в результате неверного лечения; тело его было помещено на похоронные дроги и доставлено в Рингстед, известный, как подчеркивает Саксон, тем, что ранее там был похоронен его отец [Сахо 1931. Р. 534—535 (XV.6.10)]. Э. Кристиансен отмечает, что из «*Tabula Ringstadiensis*» (описи захоронений в Рингстедской церкви начала XV в.) следует, что Вальдемар был похоронен в ногах своего отца, к востоку от главного престола [См.: Сахо 1980—1981. Р. 901, comment 80].

Вероятно, знакомство с более близкой ему по времени историей и местами захоронения знаменитых Святого Кнута Лаварда, канонизированного в 1170 г., и его сына, датского короля Вальдемара I Великого (1157—1182) навели автора «Саги о Кнютлингах» на мысль, что и Свен Эстридсен мог быть похоронен в Рингстеде. Но тут он ошибся. Как сообщает «Роскильская хроника», тело «славного короля Дании Свена Магнуса» «было с почестями погребено в Роскилле, как он сам повелел, будучи жив» [ChronRosk. Р. 23; Роскильская хроника. С. 331]. Саксон Грамматик рассказывает, как Свен просил людей, что были вокруг него, чтобы его похоронили в Роскилле, и даже, не будучи уверен в их обещании, заставил их принести клятву [Сахо. 1931. Р. 315 (XI.9.1)]. «Ведь почитание, которое издревле оказывали этому месту короли, — пишет Саксон, — было таково, что оно предоставляло живым престол, а почившим — погребение»⁹. Таким образом, сопоставление датских, исландских и английских источников позволяет думать, что датский король Свен Эстридсен правил с 1047 по 1076 г., умер от болезни на юге Ютландии в местечке Суддаторп, а тело его было перенесено в Роскилле, собор которого служит на протяжении веков усыпальницей датских королей.

Список литературы

Источники

- Адам — *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X—XI столетий*. М., 2012. С. 297—449.
- КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Роскильльская хроника — *Роскильльская хроника* / Перевод с латинского, предисловие и примечания В.В. Рыбакова // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 320—339.
- Adam — *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / B. Schmeidler // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum*. Hannover; Leipzig, 1917.
- Ailnoth — *Ailnoth. Gesta Swenomagni regis et filiorvm eivs et Passio gloriosissimi Canvti regis et martyris // Vitae Danorum sanctorum* / M.Cl. Gertz. København, 1908. B. I. P. 77—147.
- AnnLund — *Annales Lundenses // Danmarks middelalderlige annaler* / E. Kroman. København, 1980. S. 21—70.
- ASC — *Two of the Saxon chronicles parallel, with supplementary extracts from the others / A revised text edited by Ch. Plummer on the basis of an edition by J. Earle*. 2 vols. Oxford, 1892—1899.
- ChronRosk — *Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi* / M.Cl. Gertz. København, 1970. Vol. I. P. 1—33.
- DD — *Diplomatarium Danicum*. R. 1. Bd. 2: 1053—1169 / L. Weibull. København, 1963.
- Edda — *Edda Snorra Sturlusonar / Finnur Jónsson, Jón Sigurðsson*. Hafniae, 1848—1887. B. I—III.
- Hkr — *Snorri Sturluson. Heimskringla 1—3 / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit. B. XXVI—XXVIII)*. Reykjavík, 1941, 1945, 1951.
- IA — *Íslandske annaler indtil 1578* / G. Storm. Christiania, 1888 (reprint — Oslo, 1977).
- Knýt — *Knýtlinga saga // Sögur Danakonunga / C. af Petersen og E. Olson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. B. XLVI)*. København, 1919—1925.
- Landn — *Landnámabók / Jakob Benediktsson (Íslenzk fornrit. B. I)*. Reykjavík, 1968.
- Saxo 1931 — *Saxonis Gesta Danorum* / J. Olrik, H. Ræder. Haunia, 1931.
- Saxo 1980—1981 — *Saxo Grammaticus. Danorum Regum Heroumque Historia*. Books X—XVI. The text of the first edition with translation and commentary in three volumes / E. Christiansen. Oxford, 1980—1981.

Исследования

- Джаксон Т.Н. Mæth logh skal land byggjaes («На праве должна страна строиться») // *Вестник истории, литературы, искусства*. М., 2009. Т. VI. С. 263—275.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI—XII веков. М., 2001.
- Larsen S. 1074? — 1076? // *Historisk Tidsskrift*. København, 1899—1900. R. VII. B. 2. S. 407—416.
- Petersen H. Knud Lavards Helgentilbedelse: Kilden og Kapellet ved Haraldsted // *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*. 1885. S. 15—71.

Ræder J.G.F. Danmark under Svend Estridsen og hans sønner. Kjøbenhavn, 1871.
Skovgaard-Petersen I. The making of the Danish kingdom // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. I: Prehistory to 1520 / K. Helle. Cambridge, 2003. P. 168—183.
Steenstrup J. I hvilket Aar døde Svend Estridsøn? // Historisk Tidsskrift. København, 1894. R. VI. B. 4. S. 722—729.

- ¹ Из последних и наиболее авторитетных работ см. посвященный Дании раздел в «The Cambridge History of Scandinavia»: Skovgaard-Petersen. P. 170. Мне тоже довелось в своих работах указывать годы правления Свена Эстридсена как 1047—1074. См., например: Джаксон. С. 272.
- ² Ailnoth. P. 89: «Actum anno incarnationis dominice millesimo septuagesimo quarto, qui erat annus regni eius uicesimus octauus, quarto Kal. Mai., regnante in perpetuum omnium dominatore Ihesu Christo domino».
- ³ Нkr 1. Bls. 207, n. 1: «Mun rétt að trúa fremur dönskum heimildum um þetta atriði».
- ⁴ Роскильская хроника. С. 331: «По прошествии малого времени Виллельм умер, а на его место славный король Свен поставил своего капеллана и тезку, мужа, блиставшего всеми видами добродетели и далеко превосходившего всех предшественников».
- ⁵ Святой Вилельм (Vilhelm), канонизированный 21 января 1224 г., в период понтификата папы Гонория III.
- ⁶ Saxo 1931. P. 316: «Exsequiis impensius actis, amborum corpora coniunctis admodum tumulis occluduntur» (XI.9.4).
- ⁷ См.: <http://www.astoft2.co.uk/sjaelland/roskilledomuk.htm>
- ⁸ Точная дата смерти Вальдемара (13 мая 1182 г.) была установлена, когда в 1855 г. при осмотре его останков обнаружилась свинцовая табличка с надписью, содержащей эту дату.
- ⁹ Перевод А.В. Подосинова.

С.А. Иванов*

Византийский нарратив о войне 941 г.

Аннотация: Сведения о войне 941 г., встречающиеся в византийских источниках, раскатаны в статье на пласты, отражающие изменения во внутривизантийской конъюнктуре и историческую эволюцию в изображении этой войны: от первых непосредственных восторгов по поводу одержанной победы — и до рефлексов поздневизантийского времени.

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, война 941 г., Константин Багрянородный, Житие Василия Нового.

S.A. Ivanov

The Byzantine Narrative About the War of 941

Abstract: In the evidence of Byzantine sources layers are identified that reflect the changes in political environment and the historical evolution in describing the events of 941.

Keywords: Byzantium, Old Rus', The war of 941, Constantine Porphyrogenitus, The Vita of Basil the Younger.

Александр Васькович Назаренко принадлежит образцовый разбор свидетельства Лиутпранда Кремонского о набеге Игоря на Византию [Древняя Русь. С. 36—40]. Лиутпранд — важный, но отнюдь не единственный наш источник об этой войне. О событиях, разворачивавшихся вдоль южного побережья Черного моря с июня по сентябрь 941 г., мы имеем довольно подробные сведения из нескольких греческих хроник, а также из русской летописи и Жития Василия Нового [далее ЖВН]. Исследователи не раз обращались к данному сюжету [ср. Runciman. P. 111—113], но наша задача не в том, чтобы выстроить какой-то собственный нарратив о набеге Игоря, а в том, чтобы лучше уяснить, как складывался византийский нарратив о той войне. Если складывание древнерусского нарратива было с ювелирной скрупулезностью прослежено В.М. Истриным сто лет назад [Истрин], то в отношении византийского такой работы проделано не было, хотя к этому призывал А. Веселовский еще в 1889 г.

* Иванов Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ivanov Sergey Arkadieovich, Grand PhD (History), Professor, the National Research University "Higher School of Economics".

[Веселовский . С. 89]. На генезис византийского нарратива влияли многие обстоятельства, подчас весьма сильно преобразившие живую речь свидетелей и участников тех событий, причем интересно, что далеко не всегда позднейший источник дальше всех отстоит от этой живой речи.

К известным на сегодняшний день источникам мы прибавим еще один: до сих пор исследователи пользовались известиями Иверской, Московской и Парижской редакций ЖВН, однако никто не имел доступа к той греческой редакции, которая представлена рукописью № 107 монастыря Дионисиу на Афоне (Cod. Dion.) и которая стоит [ср. Пентковская] гораздо ближе к протографу Жития, чем все вышепоименованные. Хотя эта версия весьма близка к древнейшему славянскому переводу ЖВН, известному благодаря изданию мартовского тома Великих Минеи Четых, тем не менее в ней есть и существенная новая информация. Прежде чем перейти к разбору источников, следует оговориться, что соотношение между византийскими хрониками X в. составляет давнюю и острую проблему текстологии, и пока она не будет разрешена в принципе, все выводы, касающиеся развития в этих хрониках того или иного конкретного сюжета, останутся неизбежно предварительными.

Самый ранний текстовый пласт нарратива о войне с Русью был заложен сразу после победы. В своем сочинении «Воздаяние» Лиутпранд передает информацию, полученную от собственного отчима, находившегося летом 941 г. в Константинополе в качестве посланца короля Гуго. Из этого рассказа очевидца становится понятно, в какой опасности находилась столица: на момент объявления о набеге Руси императорский флот воевал с арабами вдалеке от Босфора, и императору «Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландиев, брошенных их владельцами вследствие ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе калафатов, то есть корабельных плотников, и сказал им: «Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнемётные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того — даже по бортам». Когда хеландии по его приказу были таким образом приготовлены, он посадил на них опытейших мужей и приказал им двинуться против короля Игоря. Наконец, они прибыли. Завидев их расположившихся в море, Игорь повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не только защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, [сделал так, что] море стало спокойным и свободным от ветров — иначе грекам было бы неудобно стрелять огнем. Итак, расположившись посреди [флота] руси [Rusi], они принялись метать вокруг себя огонь» [Древняя Русь. С. 39—40].

Благодаря Лиутпранду, мы узнали, что византийскому флотоводцу, патрикию Феофану, удалось почти невероятное: он одержал морскую победу, практически не располагая флотом. Ясно, что отчим Лиутпран-

да находился в столице и мог собственными глазами наблюдать суету с починкой старых кораблей; был он также свидетелем триумфального возвращения Феофана и казни русских пленных. Однако самого морского сражения этот посол, разумеется, не видел и о его ходе (он, кстати, описывает две битвы, словно одну) получил представление скорее всего из некоего официального источника. Сравнение текстов доказывает, что этот же источник послужил материалом и для описания, которое мы находим в ЖВН:

<p>Καὶ ἰδεῖν φοβερὸν θέαμα, ὅπως πτήσσοντες ἀπὸ τῆς φλογὸς τοῦ λαμπροῦ ἐκόντες ἠκόντιζον ἑαυτοὺς εἰς τὸν βυθὸν τῆς θαλάσσης πειρώμενοι μᾶλλον ἀποπνιγῆναι τῷ ὕδατι, ἢ γε καταφλεχθῆναι τῷ πυρὶ, καίτοι τοῖς ἑκατέρους ἐφθάρησαν. Οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν ἐπίσθησαν καὶ κατακαέντες ἐτελεύτησαν, οἱ δὲ ἑαυτοὺς τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης ἀπέρριψαν καὶ δοκοῦντες πλευστ<ικ>ῶς διαδρᾶσαι...[Cod.Dion. 70v]</p>	<p>Quod dum Rusi conspiciunt, e navibus confestim sese in mare proiciunt, eliguntque potius undis submergi quam igne cremari. Alii tunc loricis et galeis onerati, numquam visuri, ima pelagi petunt ; nonnulli vero natantes, inter ipsos maris fluctus uruntur, nullusque die illa evasit, qui fuga ..Liupt. Ant. III.15</p>
--	--

Коль скоро посол пробыв в Константинополе не очень долго, можно быть уверенным, что текст, на который опираются оба наших источника, был написан по горячим следам победы. Почти наверняка это был риторизованный панегирик в честь Феофана.

Превозносят флотоводца и византийские хроники. Все они, очевидным образом, доносят один и тот же рассказ: во всех повествуется о том, как перед первым морским сражением в июне Феофан «заранее подготовил и нарядил флот, укрепил самого себя постом и слезами, и уверенно поджидал Русь, намереваясь победить ее в морском сражении. Когда они появились и достигли окрестностей Маяка, он, построившись в устье Эвксиноского понта, около так называемого Иерона, разом обрушился на них, и первым двинулся на своем корабле, разорвал строй русских судов и многие сжег специально приготовленным огнем, а остальные обратил в бегство. Другие дромоны и триэры, согласованно атакуя, завершили начатое — бегство стало повальным, многие [вражеские] корабли были потоплены вместе с экипажами, многих ранили, еще большее число захватили в плен» [Sim. Mag. 335.545—555]. В сентябре, когда Русь возвращалась восвояси, «она была встречена вышеупомянутым патрикием Феофаном. Они не укрылись от его бдительности и его благородной души. Тотчас завязалось второе морское сражение. Означенный муж множество судов потопил, и многих из них перебил. Лишь немногие, спасшись вместе с судами, подошли к побережью в районе Койлы и, с наступлением ночи, бежали. Патрикий Феофан, вер-

нувшись с блестящей победой и величайшими трофеями, был принят с почетом и торжественностью и пожалован должностью паракимомена» [Sim. Mag. 336.577—337.585].

Этот же образец риторики был, видимо, доступен и позднейшим историкам: Льву Диакону в X в. и Иоанну Зонаре в XII в.: оба пишут, что в 941 г. немногие спасшиеся на Русь «сами стали вестниками собственного несчастья» [Leonis diaconi. P. 10: , αὐτάγγελος τῶν οἰκείων γεγονῶς συμφορῶν; Ioannis Zonarae. , P. 477: καὶ ἀνθυπονοοστῆσαι πρὸς τοὺς οἰκείους, ἀγγέλους γενομένους ἐκείνοις τῆς συμφορᾶς]. Коль скоро нет иных свидетельств, чтобы Зонара использовал Льва, нужно сделать вывод, что оба они восходят к общему источнику, наверно, как раз тому самому панегирику в честь патрикия Феофана. Возможно, сюда же восходит и начало рассказа Зонары:

Στόλος δὲ Ῥωσικὸς ἐπῆλθε κατὰ τῆς πόλεως, καὶ ὁ στόλος οὐ χιλίοναυς, ὡς λέγεται, ἀλλ' εἰς πεντεκαίδεκα χιλιάδας τὰ τοῦτου πλοῖα ἠρίθμηντο «Русский флот напал на Город, и флот этот состоял не из тысячи судов, как рассказывают, а количество кораблей насчитывало 15 тысяч» [ibid.] Тут Лев Диякон расходится с Зонарой, сообщая «лишь» о 10 тысячах, но в любом случае пафос Зонары по поводу занижения размеров вражеского флота был важен лишь сразу по окончании войны: ведь чем больше было у Руси судов, тем значительнее оказывалась победа флотоводца.

Впрочем, патрикий Феофан воевал лишь на море, а в течение летних месяцев 941 г. бои шли на суше — в Малой Азии. Во всех без исключения хрониках главным победителем Руси оказывается Иоанн Куркуас [PMBZ, N 22917], магистр и domestik схол, который командовал войсками азиатских провинций и которого Продолжатель Феофана восхваляет как ὁ συνετώτατος καὶ ἐχέφρων «умнейшего и мудрого» [Th. Cont. 424], а также τὸν ἐχέφρονα καὶ νοῦνεχῆ εὐβουλον «мудрого, одаренного, рассудительного» [Th. Cont. 425].

Однако почти сразу после победы Куркуас, удостоившийся почестей от императора Романа, вызвал зависть у остальных членов императорской фамилии — в результате их интриг Куркуас был довольно скоро, в 942 или 943 г. отстранен от должности domestika схол, и на его место заступил Панфир [PMBZ, N 26243]. Видимо, damnatio memoriae Куркуаса началось немедленно после его отставки: вышперечисленные комплименты в адрес командующего явно содержались в общем источнике всех хроник [мы не можем сказать, был ли это тот самый текст, где расточались похвалы также и патрикию Феофану], однако дошли они лишь в передаче Продолжателя Феофана, а во всех остальных исчезли.

Самая же решительная редакция состава командующих происходит в ЖВН: там Куркуас исчезает без следа — зато вместо него с Русью сражаются два других полководца: ἐξ ἀνατολῆς πρὸς αὐτοῦς, Πανθῆρ ὁ δομέ-

στικός τῶν σχολῶν μετὰ τεσσαράκοντα χιλιάδας σὺν τοῖς ἐπιλέκτοις αὐτῶν, ...καὶ Θεόδωρος ὁ ἀγιώτατος στρατηλάτης μετὰ τῶν Θρακησιάνων εὐφυῶς σχολαρίων σὺν τοῖς ἀξιωματικοῖς αὐτῶν, ᾧ ἐπωνύμιον Σπογγάριος. «с востока на них нагрянул domestик схол Панфир с 40 тысячами вместе с отборными частями, и Феодор по прозванию Спонгарий, святейший стратилат, со школяриями Фракесийской фемы вместе с их командирами» [Cod. Dion.70]. О Феодоре Спонгарии мы ничего не знаем [PMBZ, N 27700] — вполне возможно, что он командовал войсками своей фемы, входившими в состав малоазийской армии Куркуаса, но ни один из хронистов не счел нужным упоминать об этом командире более низкого ранга. Еще более загадочным является именование его «святейшим стратилатом», то есть эпитетом, прилагавшимся к великомученику Феодору. Высказывалось мнение, что ЖВН действительно намекало таким способом на божественное покровительство византийскому войску, однако остается непонятным, почему этот сверхъестественный заступник носит самые обыкновенные фамилию и должность. У нас нет решения для этой загадки, и мы лишь хотим констатировать, что нарратив хроник в этом фрагменте сформировался ДО, а нарратив ЖВН — ПОСЛЕ отставки Куркуаса и, тем самым, уже не может восходить к тому же самому источнику, из которого черпались самые ранние сведения Жития о войне 941 г.

Произошедшие в 944—945 г. два последовательных дворцовых переворота, свергнувших Лакапинов и приведших к власти Константина Багрянородного, еще раз поменяли внутривизантийскую конъюнктуру, и это прежде всего сказалось на образе Варды Фоки. При Романе Лакапине он, брат Лакапинова конкурента за трон Льва Фоки, находился на вторых ролях [PMBZ, N 20769]. Хронисты не уделяют Фоке особого внимания: Продолжатель Феофана именуется его Βάρδας πατρικιος ἀπό στρατηγῶν ὁ Φωκάς «патрикий, бывший стратиг» [Th. Cont. 424], другие вообще никак его не определяют — он всего лишь «был послан с отборными всадниками [в некоторых вариантах — с всадниками и отборными мужами] совершать на них [Русь] набеги» [Sim.Mag. 336.557—558]. Фока нападает на один из русских отрядов, посланных за провиантом, и наносит ему поражение. Однако настоящая война начинается позднее, после прибытия с востока Куркуаса с основными силами. Ясно, что хронисты опираются на тексты, созданные до 944 г. Лишь в ЖВН Фока — в центре внимания. В ранней Афонской версии Жития пророчество святого о предстоящей победе звучит так: προσελεύσεται πρὸς αὐτοὺς μετὰ στρατοπέδου Φωκάς ὁ μάγιστρος, ἀλλ' οὖν πατρικιος, ἔσχατος δὲ γεγένηται καὶ δομῆστικός τῆς βαρείας δυνάμεως τῶν σχολῶν» [придет на них с войском Фока магистр, он же патрикий, в конце концов ставший domestиком великой силы схол] [Cod. Dion. 60]. В ЖВН Фока оказывается вовсе не малозначимым «бывшим стратигом», а командующим войсками

Македонской фемы, переброшенными из Европы. Отсюда явствует, что ЖВН отразило взгляд на события 941 г. из времени правления Константина Багрянородного.

Наиболее радикально *damnatio memoriae* затронула образ патрикия Феофана [Grégoire, Orgels, P. 155—156]. Через несколько лет после переворота (между 946 и 948 гг.) тот составил заговор с целью вернуть к власти Романа Лакапина, был за это отрешен от всех должностей и сослан [PMBZ, N 28087]. Мучительный процесс изгнания Феофана из отчетов о войне 941 г. можно наглядно проследить по хроникам: у Продолжателя Амартола [Ham. Cont. P. 914] и Симеона Магистра [Sim. Mag. P. 335.544—545] он еще выступает во всем блеске своих многочисленных титулов: ὁ πατρίκιος Θεοφάνης ὁ παραδυναστεύων καὶ πρωτοβεστιάριος· в хронике Псевдо-Симеона он оказывается просто «протовестиарием Феофаном» ὁ πρωτοβεστιάριος Θεοφάνης [Pseudo-Sym. P. 746], а у Продолжателя Феофана — лишь ὁ πατρίκιος [Th. Cont. P. 423], вообще без имени.

Однако все это было лишь поверхностными коррективами, вносимыми *ad hoc* в сложившийся до опалы Феофана панегирический дискурс. Иное дело — ЖВН. Там повествование насквозь проникнуто едва замаскированными упреками в адрес флотоводца, который, впрочем, нигде не назван по имени. Первое сражение описано так: “Καὶ συναντήσαντος αὐτοῖς τοῦ στόλου τοῦ βασιλικοῦ, κατὰ τὸ ῥῆμα τοῦ ἀνθρώπου τοῦ Θεοῦ ἀπεξέωθησαν τὰ πρὸς τὸν Ῥῆβα” [Когда их [то есть русскую эскадру] встретил императорский флот, то, по пророчеству человека Божия [то есть Василия] они были оттеснены к Риве] [Cod. Dion.70]. Поскольку дальше идет речь об ужасающих грабежах и зверствах, учиненных Русью в Малой Азии, ясно, что флот не справился с задачей по полному уничтожению неприятеля. Еще более явный упрек обращен к Феофану, опять, впрочем, не названному по имени, при описании второго морского сражения. Τοῦ δὲ στόλου ἡρεμοῦντος ἐν τῷ Ἱερῶ καὶ τῆς προφυλακῆς αἰσθομένης τὴν φυγὴν αὐτῶν, μέχρις ἂν κατάδηλον τόγε τῷ στόλῳ τελέσῃ, οἱ πλείους αὐτῶν παρήκαν, ὅμως πεφθάκασι τὰ ἔσχατα αὐτῶν «в то время как флот находился в Иероне, а дозорные узнали об их, [Руси], бегстве, пока это известие было донесено до флота, большинство их них [русских кораблей] уже миновало [устье Босфора], однако [императорскому флоту] удалось настичь их арьергард» [Cod. Dion.70v]. Как видим, опять из-за неправильной организации патрульной службы неприятель избежал уничтожения — и ни слова о том, что флота у Феофана практически не было. Ясно, что оригинал ЖВН в этой его части опирается на текст, который был написан после 948 г.

Возможно, о разнице между источниками хроник и ЖВН свидетельствует и то, как в них именуется место, куда отступила Русь после

первого морского сражения. В хрониках этот топоним выглядит как τὰ Σύορα [у Псевдо-Симеона τὰς Ῥοῦὰς] — такое слово не встречается более нигде и, вероятно, отражает какую-то местную традицию или жаргон. В ЖВН топоним выглядит как Ῥήβα [Cod. Dion.70r], и это абсолютно общеизвестное как в античности, так и в Византии обозначение для реки, которая ныне именуется Çayağzı Deresi¹. Видимо, и здесь сказался процесс «нормализации» нарратива о войне 941 г., начавшегося сразу после первых устных рассказов о ней.

Еще один элемент нарратива о войне 941 г. — это антикварно-мифологическая орнаментация, появляющаяся в хрониках Продолжателя Феофана [Th.Cont. P. 424—424] и Псевдо-Симеона [Pseudo-Sym. P. 746]: рассказ о набеге Руси прерывается вдруг таким сообщением: «Фаросом именуется некое сооружение, на котором разжигается огонь для [указания] направления ночным путникам. Он выстроен в устье Евксинского понта, который именуется так от противного: ведь он [назывался] Негостеприимным из-за непрерывных разбойничьих набегов на тех, кто туда заплывал, но их [разбойников] убил Геракл, и путешественники, сподобившись безопасности, назвали [море] Эвксинским. [Феофан] напал на них [Русь] в Иероне, который получил свое имя от того, что мореплаватели с Арго, проплывая в тех местах, основали там святилище». Сведения о значении слова «фарос» и о происхождении Иерона являются для хроники Псевдо-Симеона повтором: впервые они появляются там [Pseudo-Sym. P. 707], в рамках куда более обширного этимолого-географического экскурса, под 904 г. [см.: Карпозилос].

Однако сведений о Геракле, восходящих в конечном счете к Флавию Арриану [Flavius Arrianus. *Periplus ponti Euxini*, XXV.4], в списке Псевдо-Симеона под 904 г. нет. О том, что они позаимствованы из какого-то изысканного литературного источника, свидетельствует использование редкого гомеровского слова *κακόξεινος*. История с переименованием «негостеприимного» Понта в «гостеприимный» была широко известна, однако для первой из двух характеристик всегда использовалось слово Ἄξεινος. Применительно к Понту определение *κακόξεινος* восходит к Ликофрону [*Lycophronis Alexandra*, стк. 1286]. Оно было настолько неочевидным, что требовало пояснения [Scheer schol.1285.8] и употреблялось лишь в сочинениях высокого стиля: у Михаила и Никиты Хониатов, в ученых комментариях и т.п. В целом, ансамбль словарно-мифологических глосс явился отблеском той антикварно-энциклопедической работы, которая проводилась при императорском дворе в период самостоятельного правления Константина Багрянородного, то есть в 944—959 гг. [см. литературу в: Nemeth]. Характерно, что Ликофрон, основательно забытый в ранневизантийское время, возвращается в сферу литературных интересов элиты начиная со словаря Суда, то есть со второй половины X в.

В опубликованных до сих пор греческих редакциях ЖВН о приближении русского флота сигнализирует один лишь стратиг Херсона [Sulivan. 318]. В то же время в оригинале Жития информаторами византийцев выступали еще и болгары. Раньше это было известно благодаря славянскому переводу: По нѣколицѣхъ же днехъ прїиде вѣсть ѡ сихъ и ѡ болгаръ [ВМЧ 676д]. Теперь то же подтверждается и афонской редакцией греческого текста: μεθ' ἡμέρας τινάς ἀνέβη φαῦσις περὶ τῶνδε παρὰ τῶν Βουλγάρων [Cod. Dion. 69v]. Почему эта информация выпала из более поздних редакций? Видимо, долгая византийско-болгарская война 976—1018 гг., а затем исчезновение независимого болгарского государства сделали неуместными всякие упоминания о дружбе и союзе, связывавших две страны вплоть до 970 г.

Мы завершим статью перечнем тех внутренних различий в описании войны 941 г. между разными версиями ЖВН, которые отражают процесс редактирования его текста. Дионисатская рукопись Жития содержит некоторые лексические элементы, которые отсутствуют в позднейших редакциях, появившихся после XI в., и указывают на какой-то нериторический, «деловой» источник. В этой редакции ЖВН [в отличие от других] болгары посылают в Константинополь φαῦσις [Cod. Dion. 69v] — слово, означающее луч света, но в данном контексте, несомненно — «сигнал [световой?]». Описывая, какие армии двинулись против Руси, автор афонской версии перечисляет малоазийские τεσσαράκοντα χιλιάδας σὺν τοῖς ἐπιλέκτοις αὐτῶν «40 тысяч с отборными отрядами из них». Лексема ἐπιλέκτοι является несколько специализированным словом, присущим скорее военным трактатам [Sylloge tacticornum, 23 .7; De obsidione toleranda 67 De re militari 26 etc.]. Про войско второго командующего, Феодора, в древнейшей версии мы опять находим исчезнувшие позже технические детали: μετὰ τῶν Θρακισιάνων εὐφυῶς σχολαρίων σὺν τοῖς ἀξιωματικοῖς αὐτῶν [Cod. Dion. 70] «с цветущими фраксианскими схоляриями вместе с их офицерами» [в славянском переводе — съ нимиже и сановници боларьстїи] — как ἐπιλέκτοι так и σχολαρίων σὺν τοῖς ἀξιωματικοῖς отсутствуют в позднейших версиях. Видимо, все это были не просто описательные слова, но технические термины [ср. военный трактат Никифора Фоки: Nicephorus. IV.166], позднее вышедшие из употребления.

Живописуя решительное сражение Руси с византийцами, автор ЖВН пишет: τολμήσαντες οἱ Ῥῶς ἐξέρχονται κατάφρακτοι ἐπὶ τοὺς Ῥωμαίους. [Cod. Dion. 70r-v] «набравшись храбрости, Русь вышла против ромеев в тяжелом вооружении». При этом слово κατάφρακτοι опущено в позднейших редакциях жития. Обычно, особенно в военных трактатах, оно описывает рыцарскую конницу, когда речь идет о византийцах, Sylloge tacticornum, 33.1; 7; 39.9; 46.19; 27; 34; 47.16; Leo VI, Tactica VI.25.4—5; 26.1; 27. 2; 3; XV.9.1—3; XVIII.143.5; 147.9; XIX.14.2; 73.5; Nicephorus , I.100; 101; 117; 118; 127; II. 21;

87; 112; 116; 119; 122; 125; 131; 132; 136; III. 1; 23; 25; 38; 46; 51; 53; 63; 67; 70; 73; 82; IV.49; 101; 106; 122; 127; 128; 130; 131; 133; 135; 139; 147; 151; 155; 167; 168; Nicephorus Uranus *Tactica* 56 . 102; 105; 107; 116; 125; 57.35; 105; 135; 140; 144; 149; 151; 153; 162; 60. 1; 33; 35; 36; 49; 57; 59; 60; 63; 66; 73; 83; 86; 88; 91; 97; 61.65; 73; 86; 88; 106; 141; 147; 148; 157; 159; 175; 176; 182; 183; 184; 186; 188; 190; 195; 197; 201; 204; 207; 208; 209; 214; 216; 221; 227; 228; 233; 234; 242. Но термин может применяться и к пешим тяжеловооруженным воинам. Как видим, пик популярности термина приходится на военные трактаты X в., Любопытно, что столетием позже тот же самый термин применит Михаил Агталиат к руссам, напавшим на Византию [Ataliates P.20. 21]. Однако в последующие века это слово перестало употребляться с прежней частотой — видимо, потому в позднейших редакциях ЖВН оно и было опущено.

Также разница между версиями Жития проявляется при описании событий 941 г. и в именовании главного оружия, обеспечившего ромеям победу на море — «греческого огня». Афонская версия трижды использует термин, опущенный в позднейших редакциях — λαμπρόν . οἱ δρώμονες τῷ λεγομένῳ λαμπρῷ χρώμενοι πρὸς αὐτοὺς κατέφλεξαν αὐτούς. Καὶ ἰδεῖν φοβερὸν θέαμα, ὅπως πτήσσοντες ἀπὸ τῆς φλογὸς τοῦ λαμπροῦ ... διηγοῦντο περὶ τοῦ ἐν τοῖς δρώμοσι αὐτῶν λαμπροῦ. Это субстантивированное прилагательное, как поясняет один из военных трактатов [Sylloge *Tacticorum*, III.8.4] и означало в просторечном словоупотреблении жидкий огонь. Данный «жаргонный» термин использован, помимо «Тактики Льва», еще Никифором Фокой [Nicephorus I .151], Никифором Ураном [LVI.156] и трактатом *Naumachica* [VI 56], то есть исключительно в военных трактатах. Но после XII в. «греческий огонь» вышел из употребления, и потому технический термин перестал быть общепонятным — в позднейшей версии к нему добавляется пояснение Πύρ [Sullivan. 320].

Таким образом, византийский нарратив о войне 941 г. претерпел значительную эволюцию, как стилистическую так и содержательную, которая длилась с момента непосредственно после победы и вплоть до XII в. и позже. При этом, как показывает пример Зонары, в обороте на протяжении нескольких веков находились тексты, отражавшие разные хронологические срезы и разнонаправленные по политической подоплеке. По мере совершенствования наших познаний о византийском словоупотреблении, мы несомненно узнаем гораздо больше и о времени возникновения тех или иных мотивов, и об обертонах их смыслов.

Литература

Веселовский А. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. 261 [1889]. С. 80—94.

- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. М., 2010.
- Истрин В.М. Летописное повествование о походах русских князей на Царьград // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1916 [1917]. Т. 21, кн. 2. С. 3—15.
- Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 112—118.
- Пентковская Т.В. Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал // Византийский временник. 63 (88). 2004. С. 114—128.
- Ataliates, *Historia*, ed. Pérez Martín, M. Madrid, 2002.
- Cod. Dion. — Codex Graecus Dionysiou N 107.
- De obsidione toleranda — Van den Berg H. (ed.). Anonymus de obsidione toleranda (editio critica). Leiden, 1947. P. 45—101.
- De re military — Dennis G.T. (ed.). Three Byzantine Military Treatises [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Washingtonensis 25. Washington, D.C., 1985]: P. 246—326.
- Grégoire, H., *Orgels, P.* La guerre russo-byzantine de 941 // *Byzantion*. 1955. Vol. 24. P. 155.
- Ham.Cont. — *Theophanes Continuatus*, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. ed. Bekker, I. Bonn, 1838. P. 763—924.
- Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri xviii, ed. T. Büttner-Wobst. Vol. 3. Bonn, 1897.
- Leo VI, *Tactica* — Dennis G.T. (ed.), *The Tactica of Leo VI* [Corpus Fontium Historiae Byzantinae 12. Washington, D.C., 2010].
- Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem, ed. K.B. Hase, Bonn, 1828.
- Liupt. Ant. — Liutprandi Cremonensis Antapodosis, Chiesa P. (ed.) *Opera Liutprandi Cremonensis*, Turnholt, 1998.
- Lycophronis Alexandra — Lycophronis Alexandra, ed. L. Mascialino, Leipzig, 1964.
- Naumachica — Dain A.(ed) , *Naumachica*. Paris, 1943.
- Nemeth A. Imperial Systematisation of the Past. Emperor Constantine VII and His Historical Excerpts/ PhD Diss. Budapest, 2010.
- Nicephorus — Nicephrus II Phocas, Στρατηγικὴ Ἐκθέσις καὶ Σύνταξις Νικηφόρου Δεσπότης , McGeer E. (ed.) , *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* [Dumbarton Oaks Studies 23. 1995]. P. 12—58.
- Nicephorus Uranus — McGeer E. (ed.), *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*, Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1995. P. 88—163.
- PMBZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit Online <http://www.pbe.kcl.ac.uk/data/pmbz/index.htm>
- Pseudo-Sym — *Theophanes Continuatus*, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. ed. Bekker, I. Bonn, 1838 . P. 603—760.
- Runciman S. *The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign: A Study of Tenth-Century Byzantium*. Cambridge, 1988.
- Scheer E. *Lycophronis Alexandra*, vol. 2, Berlin, 1958.
- Sim. Mag. — Wahlgren S. (ed.) *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*. Berlin; New York, 2006.
- Sylloge tacticorum — Dain A. (ed.), *Sylloge Tacticorum quae olim "Inedita Leonis Tactica" dicebatur*, Paris, 1938. P. 13—141.
- Th.Cont. — *Theophanes Continuatus*, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. ed. Bekker, I. Bonn, 1838. P. 1—481.

¹ Я благодарен К. Velke, любезно предоставившему в мое распоряжение соответствующую статью из еще не изданного тома Bithynien в серии Tabula Imperii Byzantini.

Т.М. Калинина*

Раннее христианство по данным арабского писателя X в. ал-Мас'уди (X в.)

Аннотация: В статье уделено внимание материалам двух сохранившихся трудов известного арабского писателя ал-Мас'уди (ок. 896 г.—956) — «Золотые копии и рудники самоцветов» (*Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар*) и «Книга предупреждения и пересмотра» (*Китаб ат-танбих ва-л-ишраф*). В статье и сносках эти труды обозначены аббревиатурами МЗ и КТ. Ал-Мас'уди интересовался верованиями народов мира; особенное значение он придавал христианству. В статье анализируются сведения о начале проникновения христианской веры в Римскую империю, история Иисуса Христа; при перечислении римских императоров — гонения на принявших христианство последователей Христа. Источниками информации ал-Мас'уди были арабские и христианские труды древних и современных автору писателей.

Ключевые слова: ал-Мас'уди, раннее христианство, гонения, правители Римской империи, источники сведений.

T.M. Kalinina

Early Christianity according to the Arabic writer al-Mas'udi (10th century)

Abstract: The article is devoted to the materials of the two surviving works of the famous Arab writer al-Mas'udi (about 896—956) — «Muruj al-dhahab wa ma'adin al-jawhar» and «Kitab at-tanbih wa-l-ishraf». In the article and footnotes, these works are designated abbreviations MZ and KT (in Cyrillic). Al-Mas'udi was interested in the beliefs of the peoples of the world. He attached special importance to Christianity; when enumerating the Roman emperors — persecution of Christian followers of Christ. The sources of al-Mas'udi's information were Arabic and Christian books of ancient and modern writers.

Keywords: al-Mas'udi, early Christianity, persecution, rulers of the Roman Empire, sources of information.

Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ал-Мас'уди (ок. 896 г. — 956) родился в Багдаде, столице тогдашнего мусульманского мира, в семье, ведущей свой род от сподвижника пророка Мухаммада 'Абдаллаха ибн Мас'уда, и принадлежал к элите общества (*хасса*) [Shboul. P. 1—29; Микульский [2002]. С. 19]. Будучи хо-

* Калинина Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Kalinina Tatyana Mikhaylovna, PhD (History), Senior Research Fellow, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

рошо образованным и состоятельным человеком, ал-Мас'уди много путешествовал: побывал в Иране, Индии, Восточной Африке, Аравии, на юго-западном побережье Каспия, в Сирии, Египте, Палестине [Крачковский. Т. IV. С. 171—172; Shboul. P. 1—29; Микульский [1998]. С. 112—223].

Свои впечатления он записывал, прибавляя к заметкам письменную информацию предшественников и устную — современников. Сам автор насчитывал 36 своих трудов, из которых сохранились лишь два: «Золотые копи и россыпи самоцветов» (или «Промывальни золота и рудники самоцветов»; ранее первая часть названия ошибочно именовалась «Золотые луга») (*Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар*) и «Книга предупреждения и пересмотра» (есть иные переводы названия: «Книга сообщений и знаний», «Книга указания и наблюдения» и др.) (*Китаб ат-танбих ва-л-шираф*), которая явилась сокращением прочих произведений; она была написана после долгого пребывания на чужбине и многолетних путешествий [Крачковский. Т. IV. С. 177—178; Pella. P. 785—787]. В дальнейшем в статье и сносках эти труды будут обозначены аббревиатурами МЗ и КТ.

Ал-Мас'уди перечислял некоторые свои сочинения, не дошедшие до нас: «История времени и тех, кого уничтожили превратности судьбы из прошлых народов, ушедших поколений и исчезнувших государств», «Книга Средняя», «Отрасли знаний и что происходило в предшествующие эпохи», «Сокровища наук и что было в прошлые времена», «Напоминание о том, что произошло в минувшие века» и другие [Крачковский. Т. IV. С. 172—178; Khalidi [1994]. P. 154—163; Pellat. P. 788—789]. В хранилищах мира встречается книга и фрагменты «Истории времен», однако не все ученые признают, что эти сохранившиеся экземпляры принадлежат ал-Мас'уди [Крачковский. Т. IV. С. 182, 184; Khalidi [1994]. P. 154—155; Pellat. P. 785].

Большое значение для возникновения исторического жанра арабской литературы, как и арабской философии (*фаласафа*) и экзегетики (*тафсир*), имели представления о происхождении человека и истории древних народов, связанные с христианскими и иудейскими преданиями, в свою очередь опиравшимися на арамейские, еврейские, сирийские традиции. Коран воспринял библейскую генеалогию народов мира, поскольку она восходила к ближневосточным преданиям о начале человечества. Коран излагает версии иудейских и христианских представлений о сотворении Творцом из земной пыли первочеловека Адама и его потомках¹.

Представление о разделении народов Земли на племена, ведущие начало от трех сыновей Ноя (*Нуха*) — Сима (*Сама*), Хама и Яфета (*Йа-фиса*), было воспринято арабской традицией из библейских сказаний и прочно вошло в арабскую литературу. Весьма значимым явлением для арабской литературы стало также знакомство с историческим эпосом сасанидского Ирана «Книга царей» (*Хватай-намак*), переведенным на

арабский язык, но впоследствии утерянным. Им пользовались многие арабские писатели [Бертельс. С. 20—21]

Как известно, в мусульманском вероучении и священной книге ислама Коране фигурируют многие персонажи иудейского Талмуда, Ветхого и Нового Заветов, христианские исторические сказания. Сюжеты из этих книг, часто измененные, находятся в трудах арабских писателей с начала возникновения арабской исторической литературы. Произведения эти содержат общую для всех канву: изложение истории человечества от сотворения мира, «от Адама», библейские и евангельские рассказы, персидская история, история греков, римлян, Византии и, наконец, львиная доля отводится истории ислама.

В первой части книги «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас'уди, как и писавшие до него арабские историки (ал-Йа'куби, ат-Табари и др.), повествовал о сотворении мира, с отсылками к Корану, о праотцах и прародителях народов Земли и «благочестивых служителях Аллаха», начиная историю от «начала времен», от Адама и пророков². К упомянутым в Коране библейским патриархам *Ибрахиму* (Авраам), *Исма'илу* (Измаил), *Исхаку* (Исаак), *Йа'кубу* (Иаков), *Мусе* (Моисей) и др., ал-Мас'уди присовокупил имена *Йирмии* (Иеремии), *Даниала* (Даниил), *Иша'йи* (Исаи́я), *Хизкиила* (Иезекииль) [Деревенский. С. 377, прим. 5; С. 403, прим. 57]. Это прибавление имен свидетельствует о знании нашим автором христианской или арабо-христианской литературы. Он уделял много внимания вопросам вероисповедания народов, особенно тех, кто верил в Единого Бога, как, например, христианству.

Информация об этой религии занимает особое место. О ней говорится в нескольких аспектах: во-первых, как об одном из ведущих вероучений, которое победило политеизм в значительной части мира. Во-вторых, как о важнейшей части истории Римской империи и ее преемницы Византии. В-третьих, как о конфессии, которая проникла за пределы Рима и Византии и охватила часть европейских народов и ряд общин мусульманского мира [Shboul. P. 290].

В данной статье уделено внимание только сведениям ал-Мас'уди о начале проникновения христианской веры в Римскую империю. Он разделял историю Рима и Византии на два этапа: эпоху правителей-язычников и время властителей-христиан, начиная с Константина Великого. Информация о христианстве после Константина, Вселенских Соборах, которые наш автор именовал Синодами (*Синдхуд*) и епископах заслуживает отдельного рассмотрения и не затрагивается в этой статье.

Ал-Мас'уди посетил Назарет (*ан-Насира*), навестив там весьма почитаемую церковь — возможно, Базилику Благовещения или церковь Архангела Гавриила (в VII в. эти святыни были разрушены после завоевания Палестины арабами в 635—636 гг., однако известно, что к

XII в. они уже были отстроены (<http://simvol-veri.ru/xp/svyataya-zemlya.-nazaret.html>). Возможно, и в X в. они уже существовали.

Наш автор отметил при этом, что христиан называют назареи (*ан-наса́ра*) по названию этого города³. Побывал ал-Мас'уди и на месте рождения Христа — в Вифлееме (*Байт ал-Лахм*), в Антиохии Сирийской, где видел почитаемый христианами собор и ознакомился с некоей хроникой греков-мелькитов, «зеленом храме» (*ал-ханиза ал-Хадра*) в Ираке, в храме западной части Багдада⁴. Был он и в городе трех религий Иерусалиме. Этот город арабы называли *Кудс*, т.е. Святость, или *Байт ал-Мукаддас*, т.е. Дом Священного — еще одно название города в память о библейском патриархе Мельхиседеке, некогда жившем здесь.

Краткое описание жизни и событий, связанных с Иоанном Крестителем (*Йахйей*), Марией (*Марийам*) и Иисусом (*Исой*) в МЗ и КТ близко к кораническому; ал-Мас'уди использовал и евангельски е мотивы⁵. В дальнейших повествованиях наш автор называл Иисуса Мессией (*ал-Масиха*). Он первым из арабских писателей назвал имена четырех евангелистов и знал, что существуют Евангелия (*ал-Инджил*) от Матфея (*Матта*), Марка (*Маркуш*), Луки (*Люка*) и Иоанна (*Йуханна*)⁶. Несколько схожих цитат из Матфея и Марка встречаются в Мурудж⁷ [см. также: Shboul. P. 293, 297, note 52].

«Книга предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди не уделяет внимания библейским пророкам и праведникам, поскольку, как писал автор, он много писал о них, как и о начале мира, минувших веках, предыстории народов и их провозвестниках в своих предыдущих книгах⁸.

Наш автор отводит истории Рима отдельные главы: в МЗ — гл. 28 от императора Августа до рассказа об «обитателях пещеры» (см. ниже), а гл. 29 и 30 — римским императорам-христианам, начиная с Константина Великого. В КТ истории Рима отведена глава, которая называется «Рассказ о царях ар-Рума — язычниках, то есть сабиях (*сабийун*), и о принявших христианство, об их числе и сумме лет их царствования»⁹. Сабии (термин происходит от вавилонско-арамейского слова «крестить») не считались Кораном язычниками, поскольку были, вероятно, одной из иудео-христианских сект и признавались исламом как единобожники¹⁰ [Бартольд. Т. IV. С. 469—470; М.П. С. 201]. Ал-Мас'уди писал, что сабии поклонялись идолам, но не изображениям богов, а неким «духовным субстанциям» и звездам¹¹, к ним он и причислил римских императоров до принятия христианства.

Как в МЗ, так и в КТ Мас'уди занимали темы, связанные с Иисусом Христом. Помимо приведенных в начале МЗ кратких известий, в 28 главе МЗ, в связи с изложением истории царствования Римских государей, приведена еще раз информация о рождении Мессии (*Масиха*), т.е. Иисуса, сына Марии, на 42-м году царствования Августа (*Кайсар Агустус*) (? 27 г. до. н.э. — 14 г. н.э.) и 21-м году правления Ирода (*Хиру-*

дус), наместника в Иудее (37—4 гг. до н.э.). Ал-Мас'уди приводит еще и даты рождения Мессии, считывая, сколько времени прошло со времени правления Александра Македонского и со времени «падения» Адама. Наш автор пользовался разнообразными источниками, но в целом ссылаясь на хронологию, принятую «правоведами народов Писания» (т.е. евреями и христианами)¹². В КТ наш автор изменил информацию: здесь он называл датой рождения Мессии (*ал-Масиха — да будет над ним мир*) 43-й год царствования Августа. Если в МЗ он писал, что Марии было 17 лет, когда родился Иисус¹³, то в КТ — 13 лет, «по мнению христиан»¹⁴.

Рассказывая об эпохе после кончины Августа, ал-Мас'уди отмечал, что наследником его стал Тиберий (*Тибарийус* или *Тибарийус Кайсар*) (14 — 37)¹⁵. При нем в реке Иордан был крещен Иисус из Назарета (*Ишу' ан-Насари*) его родственником Иоанном (*Йахйа ибн Закариййа*), который был назван Иоанн Креститель (*Йахйа ал-Ма'мадуни*). «В 19-й год его [Тиберия — Т.К.] правления, Мессия вознесся на небо»; по данным КТ, это произошло на восемнадцатом году его царствования¹⁶. Отметим, что в МЗ ал-Мас'уди говорил только о вознесении Иисуса, но не о распятии, поскольку Коран его не признает: «Мы не должны верить в то, что ни Аллах, ни наш пророк Мухаммад не сообщили нам», — писал ал-Мас'уди¹⁷. Однако в КТ он всё же отметил, что Иисус из Назарета был распят, уточняя, что так утверждают христиане, и привёл, в отличие от данных МЗ, мнение христиан, что это событие (а не день рождения) совпало с днем изгнания Адама из рая¹⁸. Наш автор отмечает, что христиане постятся в среду — день рождения Иисуса — и в пятницу — день распятия, подчеркивая еще раз, что так считают христиане¹⁹.

Далее ал-Мас'уди отметил, что после кончины Тиберия в течение почти 300 лет в государстве царили вражда и гражданские войны, а народ пребывал в состоянии язычества²⁰, что относится к дохристианской эпохе римской истории в целом.

Ал-Мас'уди называл Тиберия *Гануса* (надо — *Гайуса*, что подтверждается текстом КТ, где назван *Гай'ус*, сын Тиберия), который правил 4 года²¹ — имеется в виду Калигула (37—41). Ал-Мас'уди назвал следующим после Калигулы Клавдия (*Клузийус*) (41—54); именно в его правление, как написано в МЗ, начались гонения на христиан²². Но по данным КТ, преследования христиан (*ан-насарийа*) и последователей Мессии (*Масиха*) начались во времена Калигулы²³. В это время был казнен Стефан (*Истифанус*), первомученик христиан²⁴, что совпадает с рассказом из Деяний апостолов²⁵. Однако в христианских источниках считается, что Стефан был казнен ок. 34 г. н.э. [Первомученик и архидиакон Стефан; Лопухин. С. 632]. Ко времени царствования Калигулы наш автор относит и казнь Иакова из рода Зеведеев (*Йа'куб, брат Йуханна ибн За-*

бади) вместе со множеством христиан²⁶. Однако Иаков, один из 12 апостолов, был казнен во время правления Ирода Агриппы²⁷. Впрочем, есть мнение, что Агриппа I (41—44) и Ирод, наместник Иудеи (37(?)—44) — это разные личности, неверно идентифицированные Евсевием Кесарийским (ок. 260—ок. 340); это мнение вошло и в «Деяния апостолов» [Рысев], и, соответственно в материалы ал-Мас'уди.

В это время, как писал ал-Мас'уди, в Риме был предан смерти Петр (*Бутрус*), называемый по-сирийски *Шамун*, а по-арабски *Самун*, который был «заместителем» (*халифа*) Иисуса. Он и Павел (*Булус*) были распяты вниз головой²⁸. Петр упоминался и как Симон-чудотворец²⁹. Однако ал-Мас'уди, пользуясь разными источниками, ниже в МЗ, а также в КТ пишет, что казнь Петра и Павла произошла во времена Нерона (54—68)³⁰, что соответствует сведениям «Деяний апостолов». У ал-Мас'уди упомянута здесь 36-я Сура Корана «Йа, Син» о третьем посланце, которая звучит так: «Вот послали Мы к ним двоих, и они сочли их лжецами; Мы усилили третьим, и они сказали: “Мы ведь к вам посланные”³¹. Третьего посланца ал-Мас'уди считает Петром³². В целом же этот его фрагмент, по-видимому, явился аллюзией к истории трех апостолов: ранее ал-Мас'уди упомянул двух апостолов Иоанна и Марка³³, которых наш автор считал двумя вестниками Аллаха и речь о которых идет в той же Суре.

Отвлекаясь от перечисления императоров, ал-Мас'уди писал о кончине девы Марии и почитании места ее захоронения христианами³⁴. Он также упомянул о начале проповедей в разных частях мира 72-х апостолов и выделил (в МЗ) Фому (*Тума*) и еще некоего «другого». Особое внимание он также отвел Марку, которого считал одним из четырех апостолов — евангелистов. Ал-Мас'уди привел, как он говорил, «странные подробности» из жизни Марка: будто бы Марк, отправляясь в Магриб, наказал египтянам убивать тех, кто будет выдавать себя за него, Марка. Он не достиг цели своего путешествия и вернулся в Египет, египтяне же убили его, полагая, что это вовсе не Марк. По-видимому, наш автор пользовался неким апокрифическим сказанием о Марке³⁵.

В КТ ал-Мас'уди упомянул Протонику (*Фрутаника*), жену Клавдия. Издатель текста КТ М. Де Гье отмечал, что имя «Протоника» складывалось из греческих слов: *πρώτη νίκη*³⁶ («первая победа»?). Она приняла христианство и совершила паломничество в Иерусалим. По легенде, одна из ее дочерей потеряла сознание, которое вернулось к ней только тогда, когда она прикоснулась ко Кресту Христа, и таким образом выявилась принадлежность Креста именно Иисусу. Протоника вывезла эту реликвию; при этом наш автор подчеркнул: «как думали христиане»³⁷. Ал-Мас'уди приписал здесь, что рассчитывает вернуться к этой истории позже, но в КТ таких известий более нет. Этот рассказ снова показывает, что наш автор пользовался апокрифическими текстами, т.к.

легенда известна из апокрифа «Учение Ада Агостолу» [Мещерская. С. 50], в то время как христианские источники приписывают находку Креста Господня Елене, матери Константина Великого.

Во время правления Нерона (*Тизнун*) (54—68) был сброшен с высоты храма *Йа'куб ибн Йусуф*³⁸ (как видим, данные о нем в КТ и МЗ разноречивы — см. выше); этот правитель, по словам ал-Мас'уди, уничтожил многих христиан, однако вера продолжала распространяться³⁹.

Наш автор в МЗ пропустил имена Гальбы (68—69), Оттона (69), Вителлия (69). Однако в КТ они названы: *Гальбас*, *Усун*, *Биталис*⁴⁰. И МЗ, и в КТ упомянут Титус (*Т.тус*) (79—81) и Веспасиан (*Асбасийанус* или *Исфийанус*) (69—79), которые разрушили Иерусалим⁴¹; при этом в МЗ ал-Мас'уди отметил, что это было «наказанием Аллаха», которое было ниспослано на окружающие Рим народы, и они с тех пор часто попадали в плен, «как было написано в некоей хронике»⁴². Название хроники ал-Мас'уди не привел. В КТ же разорителем Иерусалима назван только Тит⁴³.

Далее и в МЗ, и в КТ (в последней более подробно) перечислены римские императоры. Названы Домициан (*Дубтийус* в МЗ и *Думитианус* в КТ) (81—96), который сослал, но затем вернул из ссылки Иоанна-евангелиста; Нерва (*Бирнус* в МЗ и *Нирвас Кайсар* в КТ) (96—98), Траян (*Трайанус*) (98—117), во время правления которого умер Иоанн; Адриан (*Илийа Изрийанус*) (117—138). При императоре Адриане на месте разрушенного императором Титом в 70-м г. Иерусалима была построена новая столица Элия Капитолина, которую ал-Мас'уди именовал *Илийа*⁴⁴. Однако в КТ ал-Мас'уди приписывал возрождение Иерусалима и переименование его в Элию (*Илийа*) Антонину Пию (*Абтулус* в МЗ и *Антунинус Бийус* в КТ) (138—161). Нашим автором были названы также Марк Аврелий (*Марлос* в МЗ и *Маркус* в КТ) (161—180), Комод (*Фермудах* в МЗ и *Кумузус сын Антунинуса* в КТ) (180—192), Пертинакс (*Бартинакс Кайсар* в КТ) (193), Дидий Юлиан (*Йулийанус Кайсар* в КТ) (193), Септимий Север (*Саварус* в КТ) (193—211), при котором «иудеев и христиан постигли гибель, бедствия и изгнания»⁴⁵. Однако современные религиоведы, на основании христианских источников, не считают этого императора последовательным гонителем христиан [Лебедев С. 213—228]. Антонин Каракалла (*Абтунис* в МЗ и *Антунинус* в КТ) (211—217), Опеллий Макрин (*Макринус* в КТ) (217—218), Гелиогабал (?) [*Абтунис* в МЗ и *Антунинуйс* в КТ) (218—222), Александр Север (*Аксандрус Маммийус* в КТ) (222—235), Максимин [*Максимус* в МЗ и *Максимийанус* в КТ) (235—238), Пупиен (*Бубийанус* в КТ) (238), Гордиан [*Гарданус* в МЗ и *Гурдийанус* в КТ) (238—244), Филипп Аравитянин (*Филиттус-кайсар* в КТ) (244—249). О последнем ал-Мас'уди писал, что этот император принял христианство, и за ним последовали многие приверженцы, что вызвало смуты и распри в государстве⁴⁶.

Как видно, и в КТ часть имен римских владык не названа. Упоминания императоров не всегда сопровождалась замечаниями в адрес гонимых христиан. А вот о Деции (*Десиус* в МЗ и *Дакийус* в КТ) (249—251), сказано, что он яростно истреблял христиан и именно при нём скрылись в пещеру юноши, принявшие христианство⁴⁷.

Легенда об «обитателях пещеры» (*асхаб ал-кахф*) была широко распространена в мусульманском мире: вход в пещеру, где скрылись юноши, был замураван, но находившиеся там не погибли, а заснули на три с лишним сотни лет. Сюжет о многолетнем сне праведников попал в Коран⁴⁸ и арабскую литературу из христианской сирийской; в Коране представлен сиро-палестинский вариант [МП. С. 137]. У предшественника ал-Мас'уди, писателя IX в. Ибн Хордадбега, труд которого ал-Мас'уди знал, в том же сюжете названы *асхаб ар-раким*, т.е. «обладатели свинцовой доски», на которой были записаны имена спавших юношей⁴⁹. Средневековые писатели, а за ними исследователи искали пещеру в Эфесе, в Тарсе, в Арабиссохе, в Аммане, и др. [Крымский; МП-1. С. 24]. Ал-Мас'уди уделил много внимания этому сюжету, упомянув о разногласиях по поводу местонахождения пещеры и доски, и о разысканиях этой пещеры, по приказу халифа ал-Васика (842—847) арабскими учеными, в том числе астрономом Мухаммадом ибн Мусой аш-Шакиром⁵⁰. Наш автор считал местонахождением пещеры горы Византии (*ар-Рума*) под названием Хаус. Христианская традиция называет горы Охлон (Симеон, Пион). Город же *Афсис*, находившийся у моря Рума и разрушенный, впоследствии был отстроен на расстоянии одной мили от прежнего — Эфес в Малой Азии, на берегу Эгейского моря.

Далее снова перечисляются римские императоры: Требониан Галл (*Джалинус* в МЗ, *Галлиус Кайсар* в КТ) (251—253), Волусиан (*Иеднус* в МЗ, *Йулийанус* в КТ) (251—253), Валериан и Галлиен — вероятно, объединены два императора под именем *Галлиус-кайсар* (в КТ); Аврелиан (*Ауралийус ибн Клузийус*) (270—275) (в КТ); Тацит и Флориан (*Такитус и его помощник, брат Фурус*) (275—276) (в КТ); Проб (*Брубус*) (276—282); Кар (*Фар* в МЗ и *Карус* в КТ) (282—283), Диоклетиан (*Клитанус* в МЗ и *Диклетианус* в КТ) (284—305), Максмиан Марк Аврелий (*Максимийанус* в КТ) (286—305), Максентий (*Максантийус, сын Максимийануса*) (306—312) и последний языческий император Констанций Хлор (*Кунстанс сын Кустантина-тин*) (296—306).⁵¹ О гонениях наш автор более не упоминал.

О Константине Великом, который ввел христианство как государственную религию, ал-Мас'уди писал в следующих 29 и 30 главах МЗ, а также в главе об императорах-христианах в КТ — о вариантах причин, по сведениям разных источников (не называя, каких именно), побудивших императора принять христианство, а также о матери его Елене (*Хилана*), способствовавшей этому решению Константина⁵². Однако

эти истории относятся к новой эпохе, о которой должна идти речь отдельно.

Изучая творчество ал-Мас'уди, некоторые исследователи предпочитали считать его труды относящимися к *адабу* — жанру арабской литературы, который сочетал образовательные, назидательные и развлекательные цели, при этом не специально религиозные, научные или исторические [Фильшинский. С. 13; Пелла. С. 62].

Однако сам ал-Мас'уди считал свои книги прежде всего историческими, несмотря на то, что в них было включено много рассказов о городах и странах, морях и реках, явлениях природы и проч., т.е. категории *адаб* и *'аджа'иб* (*'аджа'иб* — «чудеса, диковинки»). Впрочем, произведения этого писателя строились с учетом основных категорий арабской литературы: в них встречаются генеалогические предания арабских, и не только арабских, племен — *ахбар*; родословия, перечни предков — *ансаб*; биографии — *сийар*, в которые вошли предания о жизни Мухаммада; завоевания, военные походы — *магази*, ставшие повествованиями о войнах Мухаммада, разряды-поколения — *табакат* — жизнеописания выдающихся людей, написанных от одного лица, через передатчиков, к другому, и так далее до жизни автора, рассказы о пророках — *кисас ал-анбийя*, истории о добродетелях — *фада'ил* [Крачковский. Т. IV. С. 57—60; Гибб. С. 122; Грязневич. С. 124; Rosenthal. P. 64—71; Микульский 2006. С. 24—25; Кузнецов. С. 73; Калинина. С. 259—280].

Ал-Мас'уди считал главными известия, сообщенные им в его прежних и нынешних книгах, о начале мира, о происхождении и начале истории; он писал, что зафиксировал учения святых отцов, которых придерживались почитатели разных религий, о «древних правителях и павших в забвение народах, о временах прежних и исчезнувших поколениях, об их разнообразиях и отличиях, об их мудрых речениях и об их философах, о царях и императорах, время которых [постепенно] перешло к нашему...»⁵³.

Схожая оценка своей работы имеется и в КТ: «Изложение цели этой книги... В этих книгах (тех, не дошедших до нас, которые автор сам перечислил — Т.К.) мы приводили известия о начале Вселенной, о людях и их разделении на земле и по областям, о суше и море, об исчезнувших поколениях, о пропавших и погибших народах, о [таких] великих государствах, как Индия (*ал-Хинд*), Китай (*ас-Син*), халдеи (*ал-Калданийун*), они же сирийцы (*ас-Сирийанийун*), арабы (*ал-'Араб*), персы (*ал-Фурс*), древние греки (*ал-Йунанийун*), римляне (*ар-Рум*) и другие, об истории прошедших времен и минувших поколений. Мы передали рассказы об их историях, жизнеописаниях их владык, их управлении, о местах обитания народов, их расхождения в почитании богов и разнообразии в суждениях...»⁵⁴.

Современные востоковеды склонны считать творчество нашего автора прежде всего историческим, написанным в беллетризованной форме [Khalidi [1975]. Р. 28—30; Khalidi [1994]. Р. 131—136; Микульский [2006]. С. 35; Кузнецов. С. 52; Калинина. С. 259—280].

Источниками информации ал-Мас'уди были многие предшественники, однако он не цитировал их, а пересказывал или перерабатывал сведения. Ал-Мас'уди по-иному, чем арабские историки Абу Ханифа ад-Динавари (ум. ок. 895), ал-Йа'куби (ум. 897 или 905) и ат-Табари (839—923), повествовал о персонажах и событиях библейской истории, а также о прошлом Римской империи.

Ад-Динавари в целом еще не выработал системный подход к изложению сведений и представлению об истории как науке; он излагал библейскую, персидскую и йеменскую истории, затем уделял основное внимание истории раннего ислама [Rosenthal. Р. 133].

Наиболее близкой к системе изложения материала ал-Мас'уди была «История» ал-Йа'куби, в которой согласно библейско-христианской традиции рассказано о начале человечества от Адама, о пророках, пересказывается кратко содержание евангелий; с опорой на них — известия об Иисусе (*Исе*), без упоминания о распятии, а также об истории сирийцев, вавилонян, индийцев, греков и римлян и других народов, после чего большая часть сочинения посвящается истории ислама⁵⁵ [Бейлис. С. 37—44].

В области истории книга ал-Йа'куби имеет особое значение для ал-Мас'уди, поскольку первый писал о прошлом многих доисламских народов, затронул целый ряд тем, которые напоминают те, что встречается в МЗ и КТ: философия, астрономия, древние религии и хронология. Вероятно, ал-Йа'куби был первым мусульманским историком, который осветил почти весь спектр человеческой культуры как объект изучения [Бейлис. С. 37; Khalidi [1975]. Р. 29].

«История пророков и царей» ат-Табари включала огромное количество *иснадов* (т.е. перечень передатчиков сведений); она оказала очень большое влияние на последующую историческую литературу. Описывая доисламский период, ат-Табари, следуя за ад-Динавари, включил синхронизированные библейскую, арабскую и персидскую истории. Ат-Табари был педантичным автором, скрупулезно приводившим достоверные иснады к каждому из сообщаемых известий, подчеркивая стремление к объективности. Однако от громоздкой системы иснадов отходил уже ал-Йа'куби; в части, не касающейся истории ислама, от нее практически отошел и ал-Мас'уди [Khalidi 1975. Р. 23—28].

Из мусульманских источников ал-Мас'уди был упомянут Абу 'Иса ибн ал-Мунаджжим, который написал не дошедшую до нашего времени книгу, содержащую информацию об истории Рима и Византии [Shboul. Р. 230].

Ал-Мас'уди активно использовал сочинения, написанные христианами. В МЗ он упоминал неких христианских историков, с которыми он консультировался лично и даже полемизировал с ними; использовал христианскую хронику, хранившуюся в церкви Антиохии. В КТ он назвал книгу египетского монаха Анниана V в.⁵⁶: едва ли греческий оригинал, хотя язык он, похоже, немного знал [Shboul. Ibidem]. Говоря об императорах Рима до Константина Великого, он отмечал, что их имена и продолжительность правления давались по-разному в разных книгах.

Общие темы о гонениях ряда римских императоров на христиан, о Протонике и другие темы имеются в христианской литературе, однако ал-Мас'уди пользовался этими рассказами не напрямую, не цитировал их, а включал в свой текст как традиционные, характерные для христианских сюжетов.

Большинство христианских источников, которые использовал ал-Масуди, были написаны по-арабски. Он назвал две работы, написанные современниками-мелькитами: патриархом Александрии Са'идом (Евтихием) ибн ал-Битриком (ум. 940), с которым был знаком, и епископом Манбиджа Агапием ибн Кустантином (писал около 942). Обе работы сохранились (труд Агапия Манбиджского в неполном виде). Помимо указанных, ал-Мас'уди знал и использовал труды якобитского священника Абу Закария Данха, несторианина Йа'куба ибн Закарийа ал-Каскари, маронитского проповедника Кайса ал-Маруни⁵⁷ (Микульский 1998. С. 175—176). Поскольку сочинения этих авторов не сохранились, уточнить, какие рассказы из этих произведений были использованы автором, невозможно [Shboul. P. 232].

Итак, несмотря на явное использование литературных источников, некоторые пропуски и разные истолкования некоторых событий, информация ал-Мас'уди о раннем христианстве во времена римских императоров до Константина Великого (впрочем, как и более поздние известия) представляют собой ценный источник как церковной, так и светской истории.

Литература

- Бартольд В.В.* К вопросу о сабиях // Соч. Т. VI. М., 1966. С. 469—470.
- Бейлис В.М.* Представления о цивилизациях древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йа'куби и ал-Мас'уди // Ислам и проблемы межцивилизационных взаимоотношений. М., 1994. С. 33—54.
- Бертельс Е.Э.* Очерк истории персидской литературы. Л., 1928.
- Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960.
- Грязневич П.А.* Развитие исторического сознания арабов // Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982. С. 75—155.
- Деревенский Б.Г.* Иисус в документах истории. СПб., 2007.
- Деяния Святых Апостолов // Новый Завет. Саратов, 2008. С. 370—480.

- Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Калинина Т.М.* Ал-Мас'уди как историк // ДГ. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 259—280.
- Коран* / Пер. акад. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
- Крымский А.Е.* Семь спящих отроков эфесских. М., 1914.
- Кузнецов В.А.* Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2007. С. 52—85.
- Лебедев А.П.* Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. Издание третье, значительно исправленное. СПб., 2006.
- Лопухин А.П.* Стефан // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 632.
- М.П.-1 [М.Б. Пиотровский] Асхаб ал-Кафх // Ислам. Энциклопедический словарь, 1991. С. 24.
- М.П. [М.Б. Пиотровский] ас-Саби'ун // Ислам. Энциклопедический словарь, 1991. С. 201.
- Мещерская Е.Н.* Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник (исторические корни в эволюции апокрифической легенды). М., 1984.
- Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.
- Микульский Д.В.* «Золотые копии...» ал-Мас'уди и их место в арабской словесности // Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусейн ибн 'Али ал-Мас'уди. «Золотые копии и россыпи самоцветов». [История Аббасидской династии: 749—947 гг.]. Составление, перевод с арабского, примечания, комментарии и указатели Д.В. Микульского. М., 2002.
- Микульский Д.В.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копии и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»). X в. М., 2006.
- Пелла Ш.* Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых. М., 1978. С. 60—76.
- Первомученик и архидиакон Стефан // <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6858.htm>
- Рысев С.* Ирод и Агриппа // <http://ec-dejavu.ru/h/Herod.html>
- Фильшинский И.М.* Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977.
- [Carra de Vaux B]. L'Abrégé de merveilles traduit de l'arabe d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale par Bon Carra de Vaux. Paris, 1897.
- Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qûbi*. Historiae / M. Th. Houtsma. Leiden, 1883. T. I.
- Khalidi T.* Islamic Historiography. The Histories of Masudi by Tarif Khalidi. Albany, 1975.
- Khalidi T.* Arabic historical thought in the classical period. Cambridge University Press, 1994.
- Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, 1889.
- Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdi... / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
- Maçoudi*. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et [A.] Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. I, II, IV. Paris, 1861, 1863, 1867.
- Pellat Ch.* Al-Mas'udi // EI. New ed. Leiden, 1991. Vol. VI. P. 784—789.
- Rozenthal F.A.* History of Muslim Historiography. Leiden, 1968 (2-nd ed.).
- Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World: A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. L., 1979.

Сокращения

ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы.
EI. New ed. — Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden; Leipzig.

- ¹ Коран. III, 52; XXII, 5; XXIII,12—14; XXXV,12; LXXVI, 2; XC, 3—4; XCVI, 1—2.
- ² МЗ I, 46—121
- ³ МЗ I. 122
- ⁴ МЗ II. 297 ff.
- ⁵ МЗ I. 122—123; КТ 124, 125.
- ⁶ МЗ I. 122; II. 303.
- ⁷ МЗ I, 121, 122; Матф. 3, 17; 12:18; 7:5; МЗ I. 122; Матф. 4:19; Марк, 1:17.
- ⁸ КТ. 2.
- ⁹ КТ. 122.
- ¹⁰ Коран: 2:62/59, 5: 69/73, 22:17.
- ¹¹ МЗ. IV. 67—71.
- ¹² МЗ II. 298.
- ¹³ МЗ I. 121.
- ¹⁴ КТ. 124.
- ¹⁵ МЗ II. 299; КТ. 125.
- ¹⁶ МЗ. Ibidem; КТ. Ibidem.
- ¹⁷ МЗ I. 122.
- ¹⁸ КТ. 125.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ МЗ II, 299.
- ²¹ МЗ II. 299; КТ 125.
- ²² МЗ II. 299.
- ²³ КТ. 125.
- ²⁴ Ibidem .
- ²⁵ Деян. 6,7, 22:19-20.
- ²⁶ КТ. 125.
- ²⁷ Деян. 12: 1-2.
- ²⁸ МЗ II. 299; КТ 125—126.
- ²⁹ МЗ II С. 300.
- ³⁰ МЗ II. 300, 303; КТ 126—127.
- ³¹ Коран: 36:13.
- ³² МЗ II. 303.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ МЗ II. 300.
- ³⁵ МЗ II. 302—303.
- ³⁶ КТ. 126. Note “f”.
- ³⁷ КТ. 126.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ МЗ II. 303.
- ⁴⁰ КТ. 127.
- ⁴¹ МЗ II. 303.
- ⁴² МЗ II. 304—305.
- ⁴³ КТ. 127.
- ⁴⁴ МЗ II. 297; КТ 128.

- ⁴⁵ КТ. 133.
- ⁴⁶ КТ. 133.
- ⁴⁷ МЗ II. 305—306; КТ 133.
- ⁴⁸ Коран: 18: 9—27.
- ⁴⁹ *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik*. P. 106; *Ибн Хордадбех*. С. 98—99.
- ⁵⁰ МЗ II. 307—309, КТ 134—135.
- ⁵¹ Информация об императорах занимает в МЗ II С. 207—309, КТ. С. 123—137.
- ⁵² МЗ II. 311, КТ. 138—140, 143—144.
- ⁵³ МЗ I P. 3.
- ⁵⁴ КТ. P. 2—3.
- ⁵⁵ *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qûbi*. *Historiae* / M. Th. Houtsma. Leiden, 1883. T. I-II.
- ⁵⁶ КТ. 154.
- ⁵⁷ КТ. 155.

А.М. Камчатнов*

Реконструкция языка оригинала древнерусского памятника письменности как лингвистическая задача

Аннотация: В данной статье рассмотрен текст Слова о Законе и Благодати митр. Иллариона, изданный Л.П. Жуковской, выявлен и подвергнут критике базовый принцип этой реконструкции — принцип воспроизведения звучащей речи, который не в полной мере учитывает семантико-стилистическую сложность древнерусского литературного языка XI века.

Ключевые слова: Илларион, Слово о Законе и Благодати, Жуковская, текст, язык, стилистика, семантика, реконструкция, реставрация.

A.M. Kamchatnov

**Reconstruction of original's language of the ancient manuscript
as a linguistic problem.**

Abstract: In this article, the text of the archbishop Hilarion's Slovo o Zakone i Blagodati, issued L. P. Zhukovskaya, identified and criticized the basic principle of this reconstruction as the principle of sounding speech that does not fully take into account the semantic and stylistic complexity of the ancient literary language of the XI century.

Keywords: Hilarion, Slovo o Zakone i Blagodati, Zhukovskaya, text, language, style, semantics, reconstruction, restoration.

Общеизвестно, что оригинальный авторский текст большинства памятников древнерусской письменности до нас не дошел, сохранившись лишь в поздних списках. Эта ситуация типична и для других филологий — классической, библейской, арабской и пр. Нередко временная дистанция между оригиналом произведения и его старшими сохранившимися списками достигает сотен лет. Поэтому историки языка и литературы, равно как и другие исследователи духовной культуры Древней Руси, вынуждены пользоваться, мягко говоря, не совсем тем текстом, который вышел из-под пера автора. Например, памятник XII века «Слово» Даниила За-

* Камчатнов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Московского педагогического государственного университета.

Kamchatnov Alexander Mikhailovich, Grand PhD (Philology), Professor, Head of General linguistics Department, Moscow Pedagogical State University.

точника сохранилось лишь в списках не ранее XVII века. В этой связи возникает задача реконструкции произведения в формах языка *своего* времени. В древнерусской филологии этой проблеме уделяется явно недостаточное внимание, хотя сама проблема была осознана еще Августом Шлецером, когда он задавался вопросом «Что Нестор писал действительно?»; добавим: ... и **как** писал, то есть какими буквами, какими словами и словоформами, какими синтаксическими оборотами. Однако в ведущей в наше время петербургской филологической школе, возглавлявшейся Д.С. Лихачевым, сложилось несколько прохладное отношение к реконструкции текстов. Главным объектом внимания в этой школе стал не авторский текст, а его история, то есть история всех тех изменений, которым он подвергался под рукой редакторов и писцов, в издательской же практике сложился обычай публиковать памятник по какому-либо списку, иногда с подведением разночтений по другим спискам, притом в упрощенной орфографии. В качестве курьеза могу указать на издание «Летописца Еллинского и Римского», в предисловии к которому О.В. Творогов пишет буквально следующее: «Учитывая характер издания, рассчитанного на историков и источниковедов-филологов по преимуществу, мы вносим в текст орфографические упрощения: титла раскрываются, выносные буквы вносятся в текст, кириллические цифры заменяются арабскими, заменяются некоторые буквы (ѣ на и, ѓ на у или ю, љ и џ на у, і на и, ѡ на о, ѣ на ф, љ на кс, џ на пс). Буквы ѣ, љ, ѡ и џ сохраняются, но љ не восполняется после вносимой в строку выносной, а ѡ восполняется только как знак мягкости согласной. Употреблены современные знаки препинания, но расставляются они с учетом древнерусского синтаксиса и должны способствовать наилучшему пониманию текста» [Летописец. С. III—IV]. Прямо скажем: это довольно странная забота об интересах филологов-источниковедов!

В научном наследии Л.П. Жуковской есть один поучительный опыт реконструкции оригинального текста: я имею в виду «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Книга вышла в свет в 1994 году — в том же году еще до выхода книги скончались и Жуковская, и Дерягин.

В чем заключалась идея реконструкции? «Слово» создано в сер. XI в., а старший список (ГИМ. Син. 591) датируется XV в. Естественно, что за пять веков русский язык претерпел многочисленные изменения. Как писал в «Предисловии» В.Я. Дерягин, оригинальные памятники XI в. (Остромирово евангелие, Архангельское евангелие) «ближе к живой древнерусской речи в передаче ее звукового строя и грамматической системы, чем книги XV—XVI веков любого содержания. В XV—XVI столетиях русский письменный язык пережил эпоху архаизации, намеренно и довольно последовательно тексты правились по “древним образцам” — книгам кирилло-мефодиевской

южнославянской традиции. Эти напластования и “сняты” в реконструированном тексте» [Илларион. С. 26]. К сожалению, мне не известно, существует ли в явном виде обоснование принципов языковой реконструкции, которым следовала Л.П. Жуковская, поэтому приходится эти принципы вычитывать из самого реконструированного текста.

Если сопоставить текст рукописи по изданию [Акентьев] и реконструированный текст, то мы увидим следующее.

«Слово о законе и благодати» относится к жанру эпидейктического красноречия, это прежде всего произносимая речь, поэтому ее орфография должна отражать «живую» фонетику середины XI века. В самом деле, если [ъ, ь, ѣ] — живые звуки, то Иларион не мог их не произносить и не отражать на письме. В этой связи в реконструируемом тексте восстановлены и употреблены этимологически правильно редуцированные Ъ и Ь: *вьсю* *вм.* *всю*, *вьс* *вм.* *вс*, *испѣлни* *вм.* *исполни*, *простѣрьѣс* *вм.* *прострес*, *крѣстианьскѣ* *вм.* *христїаньскѣ*, *презѣрьѣ* *вм.* *презрьѣ*, *коньца* *вм.* *конца*, *одѣржинѣ* *вм.* *одержимѣ*, *оправдѣ* *вм.* *шправдѣ*, *призѣри* *вм.* *призри*, *пришѣдѣ* *вм.* *пришедѣ*, *нѣ* *вм.* *но*, *плѣтїю*, *вм.* *плотїю*, *мьртвин* *вм.* *мертвїи*, *крѣпкѣ* *вм.* *крепокѣ*, *силнѣ* *вм.* *силенѣ*, *кѣто* *вм.* *кто*, *кѣнижнѣ* *вм.* *книжнѣ* и т.д. (однако, как и в Син. 591, *соль* *вм.* *должного сѣлѣ*).

Точно также восстановлена и употреблена этимологически правильно буква «ять»: *простѣрьѣс* *вм.* *прострес*, *крѣпкѣ* *вм.* *крепокѣ*, *володимѣрѣ* *вм.* *владимѣроу*; в случае *плѣм* *вм.* *плем* реконструкция зависит от принимаемой этимологии: согласно этимологии М. Фасмера (< *pledmen), «ятья» быть не должно; согласно этимологии О.Н. Трубачева (< *pelmen) «ятья» закономерен [см.: Фасмер. Т. III. С. 278].

С принципом произносимой речи связано и устранение такого орфографического явления, как «зияние», традиционно связываемого со «вторым южнославянским влиянием»: *своѣѣ* *вм.* *своѣа*, *та* *вм.* *а* (местоимение В. п., мн. ч., м. р. ‘их’), *апостольскаѣ* *вм.* *апѣльскаа* и т. д.

С этим же принципом надо связать и устранение старославянского орфографического оформления сочетаний типа *tъrt: *дързости* *вм.* *дръзости*; едва ли можно себе представить, что Иларион произносил такие слова со слоговым плавным — [дрзости], следовательно, и в письменном тексте таких написаний быть не должно.

С этим же произносительным принципом связано восстановление живых в XI веке древнерусских падежных и личных глагольных окончаний, например: Т. п., ед. ч., м. р. *Христоль* *вм.* *христольѣ*, *иракльмь* *вм.* *иракомьѣ*, *Сынъмь* *вм.* *сѣомьѣ*; Д. п., мн. ч., ж. р. *сущ. скл. *ī* — *людьмь* *вм.* *людѣмь*; Р. п., ед. ч., ж. р. местоимения *своѣѣ* *вм.* *своѣа*; Р. п., ед. ч., ж. р. *сущ. скл. *ā* — *кѣшкѣ* *вм.* *кѣшкѣѣ*; 3-го л., мн. ч., наст. вр. *покланьютѣ* *вм.* *покланьютѣс* (однако, чтобы быть последовательным, надо было

и старославянские формы имперфекта *привождааше, повѣдаашѣ* заменить русскими: *привождаашеть, повѣдаашеть*); Р. п., ед. ч., ж. р. сущ. скл. **jā* — *землѣ* вм. *земл*; впрочем, что касается окончания Р. п., ед. ч. склонения на **jā*, то в Архангельском евангелии, как и в Син. 591, в употреблении только старославянское окончание *земл*; окончание — (и его русифицированный вариант -а) часто употребляется не только в сакральных текстах, но и в тех, что принято условно считать светскими, например в Лаврентьевской летописи (*храмъ стѣна вѣа*); поэтому замена на русское окончание *землѣ* также представляется по меньшей мере спорной.

Сложнее решить вопрос с так называемыми дублетными буквами. В реконструированном тексте не употребляются буквы *ж*, *ї* и *ш*: *сѣсѣдѣ* вм. *сѣсѣдѣ*, *слѣга* вм. *слѣга*, *вѣчнѣю* вм. *вѣчнѣю*; *слоужеваниемь* вм. *слоужеваниемь*, *объновление* вм. *обновленіе* (регулярно суфф. *їе* заменяется на *ие*); *Монисѣмь* вм. *монисѣмь*, *образъ* вм. *образъ*, *объикнеть* вм. *объикнеть* и т.д.; по-видимому, основанием для такой реконструкции было то, что эти буквы не обозначали особых звуков древнерусского языка XI века. Это так, но это не значит, что Иларион не мог употребить их в своем письменном тексте. Для более или менее достоверного ответа на этот вопрос надо, очевидно, изучить традицию употребления букв *ж*, *ш*, *ч*, *ї* (без точки, с одной или двумя точками) в собственно русских памятниках, бесспорно принадлежащих XI—XII векам.

Все произведенные выше наблюдения наталкивают на мысль, что основным принципом реконструкции был принцип русификации имеющегося текста по списку Син. 591, однако такой вывод будет слишком поспешным. Понимая, что «Слово о законе и благодати» — это памятник торжественного красноречия и потому требует, помимо употребления риторических фигур возвышения речи, и стилистических средств достижения той же цели, Л.П. Жуковская сохранила в реконструированном тексте яркие славянизмы, отличающие храмовую проповедь от обыденной речи. Это слова с неполногласием: *плѣнѣ*, *сладость*, *врагѣ*, *страна*; слова с начальным *ї*: *їдинѣ Богѣ*; старославянские суффиксы причастий: *воудощемоу*, *невѣдоущимѣ*, *сѣдцю*, *привлижающю*, *глаголющю*. Заметим, что произношение этих слов и словоформ не требует изменений в работе артикуляционного аппарата и легко контролируется сознанием.

Но именно поэтому вызывает несогласие последовательная реконструкция написания с *ж* на месте ст.-сл. *жд*: *преже* вм. *прежде*, *послѣ же* вм. *послѣжде*, *прихожение* вм. *прихожденіе*, *привожаше* вм. *привождааше*; замена ст.-сл. приставки *раз/рас* русской *роз/рос*: *роптннемь* вм. *расптннемь*. Особенно приходится возражать, когда заменяются слова, входящие в библейские перикопы. Например, замена *розумѣють* вм. *разумѣють* произведена во фразе *Да розумѣеть, иже чѣтеть*, которая является ново-

заветной перикопой Мф. 24: 15; ср.: *чьтѣни да разоумѣвають* (ОЕ. Л. 144г). Еще более яркий пример — замена *рѡба* вм. *раба*: *Се рѡба Господьна, вѣди мѣньѣ по глаголѣ твоимѣ*; это точная цитата Лк. 1: 38; ср. : *се раба гѣна вѣди мѣньѣ по глѡу твоимѡу* (ОЕ. Л. 270в). Начальное *рѡ*: *рѡкотьнага Ягарь* вм. *работнаа агарь*, *розоумѣеть* вм. *разжмѣеть* *рѡвоу* вм. *равоу*. Такая замена едва ли правомерна, так как фраза *авраамъ оубо ѿ юности свои сарроу имѣ женж си. свѡдноую. а не рабѣ* является парафразом апостольского чтения: *авраамъ два сына имѣ: единого отъ рабы, а другога отъ свѡднѣна* — Гал. 4: 22; кроме того, излишней является постановка запятой в предложении *Явраамъ оубо отъ юности свои Саррѣ имѣ, женж си*, так как это оборот *accusativus duplex*: *Авраам с юности имел женой Сарру*).

Слова *рѡба*, *рѡкотьнага*, *рѡбѣнинѣ*, *рѡстоуи*, *розжмѣють*, несомненно, являются русскими по происхождению, но сомнительно, чтобы Иларион, создавая «Слово» и имея под рукой славянское евангелие, предпочел их старославянским. В подтверждение этого сошлемся на русское Архангельское евангелие, в котором слова в русской орфографии (*рѡбѣ*, *рѡба*, *рѡкотати*, *рѡбѣни*) вообще не употребляются, исключительно в старославянской; то же с приставками *роз/рѡс*: в Архангельском евангелии слов с ними нет, только со старославянскими *раз/рас*. Добавим к этому, что слово *ночь* в русской орфографии в Архангельском евангелии не употреблено ни разу, только *нощѣ*; так неужели Иларион употребил бы это слово в русской огласовке? Так же и в сочетании *при свѣци законѣи*, где слово *свѣца* употребляется в переносном значении, едва ли возможна русская орфография *при свѣци законѣи*. Еще одним аргументом в пользу того, что Син. 591 сохраняет в этих случаях исконное чтение, является практически полное отсутствие разночтений в имеющихся списках «Слова» [см.: Молдован].

Таким образом, в реконструкции языка текста «Слова о законе и благодати», предложенной Л.П. Жуковской, заметно увлечение одним принципом — принципом звучащей, произносимой речи в соответствии с фонетикой и грамматикой древнерусского языка XI века. При всей его важности он должен быть дополнен такими принципами, как текстологический, жанрово-стилистический, «цитатный»; иначе говоря, реконструкция языка — это комплексная задача, но, как я уже сказал, вопросам реконструкции у нас почти не уделяется никакого внимания, поэтому так ценен пионерский опыт Л.П. Жуковской.

Напоследок еще два замечания общего характера.

Первое касается термина «реконструкция». Этот латинский по происхождению термин означает перестройку, однако лингвистическая задача, о которой мы говорим, не является задачей перестройки текста. Она больше напоминает работу реставратора, который, снимая позднейшие наслоения, восстанавливает исконный лик. Собственно, тер-

мин «реставрация» (от лат. *restauro* ‘восстанавливать, возобновлять’) и означает восстановление, поэтому правильнее было бы назвать статью «Реставрация языка оригинала...».

Второе касается понятия подлинности: оно по меньшей мере двусмысленно, ибо есть подлинность эмпирическая и подлинность историческая. Список Син. 591 обладает несомненным достоинством эмпирической подлинности, но он не обладает достоинством исторической подлинности, ибо слишком очевидны в нем позднейшие наслоения, поэтому он есть лишь свидетель, несущий на себе *какие-то* следы исторической подлинности, а сама она достигается усилиями разума во всеоружии текстологических, лингвистических, стилистических, статистических знаний.

Отчего же задача реставрации языка оригинала не увлекает современных филологов? Мне кажется, причина в упадке филологической культуры. Так и историки литературы XVIII—XIX веков цитируют Державина, Пушкина, Достоевского по советским изданиям в «новой» орфографии, не смущаясь тем, что это не тот текст, который был написан Державиным, Пушкиным или Достоевским, аргументируя это тем, что содержание-то от перемены орфографии не изменилось. Этот аргумент, сам по себе более чем спорный, свидетельствует об утрате вкуса к исторической подлинности. О том же свидетельствуют и вульгарные издания памятников древнерусской литературы в серии «Библиотека древнерусской литературы», издаваемой Институтом русской литературы (Пушкинским домом). Именно поэтому опыт Л.П. Жуковской остался «гласом вопиющего в пустыне», ибо за 20 лет никто не обратился к нему, не подверг его критике, не оспорил, чтобы продвинуть решение задачи реставрации дальше.

Литература

- Акентьев К.К. Слово о законе и благодати Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // <http://byzantinorossica.org.ru/hilarion.html>.
- Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Коммент. В.Я. Дерягина и А.К. Светозарского. М., 1994.
- Летописец Еллинский и Римский / Изд. подг. О.В. Творогов и С.А. Давыдова. СПб., 1999.
- Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона Киевского. Киев, 1984.
- Остромирово евангелие 1056—1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III. Изд. 2-е. М., 1987.

В.М. Кириллин*

Эволюция оценочных представлений о святом Владимире Великом в посвященных ему агиографических текстах XII—XV веков

Аннотация: в статье на широком фоне древнерусской литературы рассматривается развитие оценочных суждений о крестителе Руси, содержащихся в панегирических пассажах агиографического рассказа о нем в «Прологе» и распространенных редакциях «Обычного жития» князя.

Ключевые слова: рефлексия, похвала, агиография, житие, «Пролог», эпитет.

V.M. Kirillin

Evolution of Estimated Ideas of Saint Vladimir Great in the Hagiographical Texts of the 12—15th Centuries Devoted to Him

Abstract: in article on a wide background of Old Russian literature development of the value judgments about the Baptizer of Russia which are contained in panegyric passages of the hagiographical story about it in “Prologue” and widespread editions of “Usual life” of the prince is considered.

Keywords: reflection, panegyric, hagiography, the lives, the editors, “Prologue”, a chronicle, a story, a legend, an image, an epithet, naming, analogy, Kiev, Jerusalem, Constantinople, Moscow, the idea of continuity.

Фагиографическое содержание разнообразных древнерусских текстов, сообщающих о жизни великого Киевского князя Владимира Святославича, довольно хорошо изучено. Однако эти тексты, помимо нарратива, содержат еще и оценочные фрагменты в виде отдельных слов, фраз, фигур речи или же целых рефлексивных периодов, пассажей, отрывков. Данный материал, почти не подвергавшийся анализу, и является предметом исследования.

* Кириллин Владимир Михайлович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, профессор, заведующий Кафедрой Филологии Московской духовной академии Русской Православной Церкви.

Kirillin Vladimir Mikhajlovich, Grand PhD (Philology), Professor, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Philology of the Moscow Theological Academy of Russian Orthodox Church.

Изучение наиболее ранних суждений и размышлений о великом Киевском князе Владимире Святославиче (в «Слове о Законе и Благодати» [Акентьев], в «Памяти и повале» Иакова Мниха [Милютенко 1. С. 417—434], в «Повести временных лет» (панегирики «прижизненный»¹ и «посмертный»²) и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора Летописца [Жития святых мучеников. С. 4—5]) позволило выявить живой процесс постепенного распространения и укрепления в период до начала XII в. его почитания как идеального государственного деятеля и устроителя христианской жизни на Руси. Вместе с тем выяснилось, что разные оценки князя идейно-эстетически коррелировали с разными культурными тенденциями, — а именно с представлениями о святом правителе, характерными для изобразительной типологии сугубо церковного свойства, и с обыденными устно-поэтическими воззрениями древних русичей о заботливом и справедливом государе. Иларион был ближе к первым, Иаков — ко вторым, тогда как автор летописных хвалебствий крестителю Руси и Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе» были менее определённые в своих аксиологических установках и подходах, смешивая официальный и народный взгляды. Это выразилось в особенностях подбора библейско-исторических аналогий к личности и жизни Владимира, в смысловых акцентах самих аналогий, в составе и сути именовании князя и характеризующих его эпитетов, в описаниях его свойств и действий [Кириллин 1].

Проиллюстрирую это только одним примером сравнения состава эпитетов в похвальных разделах «Слова о Законе и Благодати» и «Памяти и похвалы». Летописные панегирики великому киевскому правителю лишены каких-либо эпитетов к имени князя. Хвалебный пассаж в «Чтении о Борисе и Глебе» содержит всего два эпитета: «правдивъ» и «милостивъ к ницимъ».

СоЗиБ

славный от славныхъ

благороден от благородныхъ

честный и славный в земляныхъ владыкахъ

премужественный
благжен

правдою облечен
крепостию препоясан
истиною обут
смыслом венчан
милостынею яко гривнею и утварью златою
красуясь

ПиП

благверне (2)
Христолюбиве

благженный (7)
треблагженный
божественный
послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всю
душею

Приведенная таблица обнаруживает очевидное стремление Илариона в отличие от Иакова к более разнообразной, многогранной и щедрой характеристике предмета своей похвалы. И думается, это объяснимо. По-видимому, его сочинение изначально приурочивалось к какому-то торжественному акту в контексте богослужения³. Именно поэтому, в частности, его текст в целом выдержан в возвышенном, фигуративно нарядном, под стать гимнографическим текстам, тоне и стиле, а содержащаяся в нем похвала Владимиру Святославичу насыщена прямыми обращениями к нему, как раз требующими оценочных атрибуций. Иаков же, бесспорно, создавал свой текст для внебогослужебного чтения и, соответственно, меньше нуждался ввиду иных задач в реализации системы изобразительности, свойственной литургической поэзии.

Следующий этап формирования образа Владимира Великого в умозрении русского общества связан с процессом агиографической переработки всех известных сведений о нем в рамках его уже сложившегося церковного почитания.

Как отмечено выше, агиография святого князя текстуально развивалась весьма длительное время. Нет смысла специально говорить здесь о его гипотетическом «древнем» или «древнейшем» «Житии», которое читается в составе «Памяти и похвалы» Иакова Мниха [Шахматов 2. С. 16—24; Шахматов 1. С. 171—184], но известно в некотором сокращении и по отдельным спискам⁴: отличающие Иакова оценки крестителя Руси уже рассмотрены. Полагаю, что для выяснения генезиса представлений о Киевском князе важнее сохраненные древнерусской книжностью суждения о нем, возникшие позднее, вслед за сочинениями Илариона, Иакова, «Чтением» Нестора Летописца и «Повестью временных лет». Прежде всего, это проложные тексты, в которых фактографический нарратив так же, как и в выше рассмотренных текстах, сопрягается с авторской рефлексией.

Самые ранние списки проложного повествования о Владимире Святославиче известны по фрагменту из «Синайского палимпсеста» XIII в. (РНБ, Q. П. I. 63. Л. 3—5 об., болгарский извод) и по «Прологу» середины XIV в. (РНБ, F. П. I. 47. Л. 79 об. — 80 об., русский извод [Сводный каталог 1. С. 577]⁵). Эти списки текстуально тождественны, соответственно, первому и второму видам краткого «Жития» князя и бытовали — один в составе пространной редакции «Пролога», другой в составе его краткой редакции. Текст списка РНБ, Q. П. I. 63 публиковался четырежды⁶. Списку РНБ, F. П. I. 47, дефектному, повезло меньше, но все же тоже имеются его издания, — с текстуальными дополнениями по рукописи 1400 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 240. Л. 139 об. — 140 об.) и орфографически упрощенное⁷. Кроме того, краткое жизнеописание Владимира много раз издавалось с привлечением других списков⁸. Различают также позднейшие виды этого повествования, но, по существу, в «Про-

логе» на протяжении всей его рукописной истории воспроизводилась (хоть и с некоторыми вариациями [Серебрянский. С. 3 (1-я пагинация); Милютенко 1. С. 163—164]), именно краткая редакция «Жития» (весьма сокращенная в печатном варианте [Пролог. Л. 658 об. — 660])⁹. Исходным признается более исправный текст первого вида [Лосева. С. 132]. Вопрос о времени его составления пока еще остается спорным. Мнение одних ученых на этот счет неопределенно [Шахматов. С. 30—33], другие же полагают, что памятник возник либо в XI в. [Пичхадзе. С. 291—292], либо в 60-е гг. XII в. [Милютенко 1. С. 179], либо в третьей четверти XII в. [Клосс. С. 200]. Дискуссионен также и вопрос о непосредственных источниках проложного рассказа о крестителе Руси. Но как бы то ни было, очевидно, во-первых, что он коррелирует и с летописным изложением биографии Владимира Святославича, и с похвалой митрополита Илариона; а во-вторых, что его появление сопряжено было с уже начавшимся церковным признанием святости великого Киевского князя. На это прямо указывает текст «Жития»: «Молебными пѣсньми память твою [Владимир. — В.К.] празднующе, [мы. — В.К.] похвалныя вѣнца приносим ти», да и сами по себе проложные чтения, прежде всего, совершались в рамках богослужения¹⁰. Впрочем, точное время официальной канонизации крестителя Руси, при наличии разных точек зрения, пока так и не удалось определить [Бегунов. С. 49; Успенский Б.; Назаренко. С. 701—703; Поппэ], хотя какой-то частью русского общества Владимир, бесспорно, воспринимался как святой и во время Иакова Мниха, и позднее, во второй половине XII в., — согласно утверждению неизвестного (возможно, черниговского) проповедника, размышлявшего о современных ему княжеских междусобицах: «Князя дѣда имате, святого Володимера, приведша къ Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душъ праведныхъ»¹¹.

Довольно сухое проложное повествование о жизни Владимира — от момента принятия им решения о крещении до его кончины — завершается небольшой похвалой. Во всех вариантах этого рассказа текст данной похвалы один и тот же; некоторые лексические изменения, а также изменения в порядке слов никак не касаются выраженного в ней отношения к восхваляемому князю. Ее начало похоже на начало панегирика крестителю Руси, содержащегося в «Слове о Законе и Благодати», но не идентично ему:

СоЗиБ

Хвалить же похвалными гласы Римскаа страна Петра и Паула, имаже вѣроваша въ Иисуса Христа, Сына Божия; Асия, и Ефеезъ, и Патмы — Иоанна Богословыца, Индия — Фому, Египетъ — Марка.

ПЖ

Да како ты възможемъ по дѣстоанию похвалити, створшаго дѣло равно апостоломъ. Хвалить бо Римская земля Петра и Павла, Асия — Богословца Иоана, Египетская — Марка, Антиохийская — Луку, Гречьская — Андрѣя.

Любопытно вот что. Если предание о проповеди апостола Андрея на пути от Черного моря вверх по Днепру и далее в Рим, скорее всего, не было известно Илариону Киевскому, то составитель краткого «Жития», наверняка знакомый с «Повестью временных лет», очевидно, считал соответствующий рассказ недостоверным. Ибо завершив перечисление просвещенных последователями Иисуса Христа территорий, он четко утверждает: «*Вся же Русьская земля, тебе, князь Володимере, [хвалит. — В.К.] яко Господня апостола*». Здесь уместно также отметить произведенную им корректировку именовании крестителя Руси «апостолом». У Илариона и у Иакова Мниха Владимир Святославич превосходително соотносится с другими правителями, которые не совершили, подобно ему, апостольского подвига: «*въ владыкахъ апостоле*»; «*апостолъ въ князехъ*», то есть апостол среди властителей и князей. Так обозначен масштаб его просветительской деятельности сравнительно с правителями других стран. Автор же проложного сказания говорит уже о Киевском князе, подразумевая прямой сакральный смысл именованья: он сотворил дело «*равно апостолам*», такое же, как первые ученики Христовы, и потому он — «*Господень апостол*», то есть тоже прямой последователь Спасителя и провозвестник Его учения. Вот за что люди возносят Владимиру «*похвалныя вѣнца*».

Последующий и завершительный хвалебный пассаж подтверждает сделанный вывод. Этот пассаж построен в форме хайретического обращения¹² к крестителю Руси, опорой которого являются атрибутивные и агентивные именованья, что вообще характерно для поэтики гимнографических текстов:

«*Радуйся, блаженный Володимере, примый вѣнецъ от руки Вседержителя Бога! Радуйся, святая главо, вождю и учителю нашъ, им же избывше тмы, и свѣтъ познавше! Радуйся, честное древо самого Рая, иже израсти намъ святыхъ лѣторасли, святая мученика Бориса и Глѣба, от нею же нынѣ сынове русьстии насыщаются, приемлющимъ недугомъ ицѣлень! Радуйся, дѣлателю вѣры Христовы, истерзавъ льстное терне из Руси, взоравъ крещеньемъ всю Русьскую землю и насяявы святыми книгами, от нихъ же жнють русьстии сынове полезныя руковяти покаянь!*» [Шахматов 1. С. 141].

Как можно видеть, автор этого хвалебствия, лишь однажды вторичен буквально: вслед за Иларионом он называет Владимира учителем. В остальных своих аттестациях он оригинален: князь — *святая глава; вождь, избывший тьму, познавший свет; честное древо Рая, породившее святых Бориса и Глеба; делатель веры Христовой; тот, кто уничтожил льстное терние, то есть идолопоклонство, кто вспахал Русь крещением, кто наполнил ее святыми книгами*. Несомненно, эти характеристики обусловлены гимнографической традицией акцентировать внимание не на субъективных свойствах личности и поступков подвижника, а на

объективной сути и значении его богоподобных деяний. Показательным в этом отношении является развитие мотива книжности: согласно «Повести временных лет», Владимир Святославич лично тяготел к книжному знанию («Бѣ во любя книжная словеса»), по свидетельству же Пролога он уже распространитель всеобщего книжного просвещения на Руси («насеявы [Русскую землю. — В.К.] святыми книгами»). При этом должно отметить, что найденные автором проложного сказания новые словесные краски все-таки были предназначены для реализации старых, уже известных смысловых мотивов: Владимир — борец с язычеством, насадитель и распространитель христианства в Русской земле. Особенно интересна разработка прежде лишь едва обозначенного мотива святости: по «Прологу», Владимир не только сам свят, но и как родитель Бориса и Глеба является началом, виновником святости на Руси.

Таким образом, похвальный раздел краткого «Жития» отражает новый этап восприятия князя-просветителя в церковном и общественном сознании, связанный, прежде всего, с признанием его заслуженного пребывания в Царствии Божием.

Позднейшие панегирические аттестации Владимира Святославича уже устойчиво сосредоточены на его святости и небесном служении Руси.

Правда, появившиеся вслед за кратким проложным сказанием о святом киевском князе новые, дополненные версии жизнеописания последнего мало что в этом отношении добавляют. Обычная редакция (с нач. XIV в.)¹³ и ее Распространенные версии (с кон. XIV—XV вв.) [Милютенко 1. С. 188—196; Шахматов 1. С. 237—293] в похвальном разделе текстуально вариативны, но принципиально новых характеристик крестителя Руси не содержат. Разве что стоит отметить некоторое колеблющееся усиление в них по сравнению с «Проложным житием» рефлексов этноконфессионально-патриотического самосознания (ниже в таблице тексты воспроизводятся по изданию А.А. Шахматова) (см. след. стр.).

В 4-й Распространенной редакции «Жития» Владимира приведенной похвалы нет. Но тем не менее именно данная редакция — самый интересный вариант последнего. Во-первых, она сохранилась в наибольшем числе списков по отношению ко всем остальным версиям «Обычного жития», причем ее самый древний список — новгородца Матфея Кусова — относился к 1414 г. и был вместе с тем самым ранним даже по отношению к спискам «Обычного жития»¹⁴. Во-вторых, 4-я Распространенная редакция тиражировалась исключительно в составе литературного цикла, приуроченного к дню 15 июля по ст. ст. и включавшего «Память и похвалу Владимиру» Иакова Мниха, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, стихиры и тропари Владимиру, канон мученикам Кирику и Улите и их «Житие» [Мусин-Пушкинский сборник 1414 года. С. 1—14 (описание рукописи),

1 редакция Обычного жития

Радау́йся, Володыми́ре, прийми́й венецъ отъ вседержителя Бога! Радау́йся, святая главо, учителю и божи нашь, тобою бо тмы изывише, светъ познахомъ!

Радау́йся, честное Древо самого Рая, израсти бо намиз святви лѣторасли Бориса и Глѣба, от него же нынѣ рустят сынове приемлють исцѣления!

Радау́йся, Дѣлателю вѣры Христовы, искоренилъ терние лѣстное, взоравъ крещеньемъ всю землю и насаивъ святыми книгами, от нихъ же нынѣ насыщаются ся вѣрши и приемлють Царство небесное о Христе Иисусе о Госоде нашемъ, ему же слава.

1 редакция Распространенная редакция

Радау́йся, Володыми́ре, прийми́з венецъ отъ вседержителя Бога! Радау́йся, святая главо, божду и учителю нашь, ниже изывише тмы, светъ восприяхомъ!

Радау́йся, честное Древо райскаго Рая, ниже израсти намиз святви лѣторасли, святяго мученика Бориса и Глѣба, от неяже нынѣ сынове рустят насыщаются, приемлютъ недугомъ исцѣления!

Радау́йся, Дѣлателю вѣры Христовы, растерзавъ лѣстное терние и взоравъ всю землю крещеньемъ, и насаивъ святыми книгами, отъ нихъже жнють рустят сынове полѣзныя рукояти покаяню, а Арзуни ядятъ ибоскуднучо пишу бо Царствени небеснемъ, еяже трапезы сподобилса и мы, недостоинни, кшоуцеса о соурѣшени о Христе Иисусе Госоде нашемъ, емуже слава и державъ, чѣсть и покаяние со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, ныне и присно и во веки векомъ. Аминь.

2 Распространенная редакция

Радау́йся, Володыми́ре, прийми́й венецъ отъ вседержителя Бога! Радау́йся, святая главо и учителю нашь и божду, тобою бо тмы изывише, светъ познахомъ!

Радау́йся, Древо честное самого Рая, израсти бо намиз святѣ лѣторасли, Бориса и Глѣба, отъ неже нынѣ рустят сынове приемлють исцѣление недугомъ!

Радау́йся, Дѣлателю вѣры Христовы, искоренилъ лѣстное терние, взоравъ крещеньемъ всю землю и насаивъ святыми книгами, от нихъже насыщаются вѣрши и приемлють Царство небесное о Христе Иисусе Госоде нашемъ, емуже слава въ вѣсы векомъ. Аминь.

3 Распространенная редакция

Радау́йся, Володыми́ре, ниже прийми́й венецъ отъ вседержителя всехъ Бога! Радау́йся, святая главо, учителю и божи нашь, всѣхъ православыхъ людий твоихъ, тобою бо тмы изыбавилса, светъ познахомъ!

Радау́йся, пречестное Древо самого Рая, израсти намю святви лѣторасли Бориса и Глѣба, от него же и нынѣ рустят сынове приемлють недугамъ исцѣление и всерадое множество просвѣщаются!

Радау́йся, Дѣлателю вѣры православыя вѣры Христовы, ис корене исторгнувъ лѣстное терние, взоравъ святымъ крещениемъ всю землю и насаивъ ю божественными святыми книгами, от нихъ же нынѣ насыщаются вѣрши и приемлють Царство небесное о Христе Иисусе о Госоде нашемъ, ему же подадетъ слава, чѣсть и покаяние с беззачиннымъ Отцемъ, со Пресвятымъ Благомъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣсы вѣкомъ. Аминь.

6 Распространенная редакция

Радау́йся, Володыми́ре, прийми́й венецъ отъ вседержителя Бога! Радау́йся, святая главо, учителю нашь и божду, тобою бо тмы изывише, светъ, познаваше, прияхомъ!

Радау́йся, честное Древо самого Рая, ниже бо израсти намиз святи лѣторасли святя мученика Бориса и Глѣба, от неюже нынѣ рустят сынове насыщаются, приемлютъ недугомъ исцѣление!

Радау́йся, Дѣлателю вѣры Христовы, растерзавъ, искоренилъ лѣстное терние, и взоравъ крещеньемъ всю русскую землю, и насаивъ святыми книгами, от нихъ же нынѣ жнють вѣрши сынове рустят полезныя рукояти покаяню и приемлють Царство небесное, и Арзуни уже ядятъ нескуднучо пишу бо Царствени небеснемъ, ея же трапезы сподобилса и мы недостоинни, кшоуцеса о соурѣшени о Христе Иисусе Госоде нашемъ.

14—87 (публикация текста); Милютенко 1. С. 153—157, 190—194, 415, 462—467 (текст)]. Последнее обстоятельство, а также факт наличия указанного цикла в составе «Великих миней четьих» митрополита Макария [Иосиф (Левицкий). Стб. 312—314; Описание рукописей Синодального собрания. С. 185.], позволяють полагать, что в целом, вместе с 4-й Распространенной редакцией, он изначально предназначался, видимо, для домакариевских «Миней четьих»¹⁵. Наконец, рассматриваемый вариант «Обычного жития» содержит уникальное гомилетическое размышление о Владимире Святославиче, заимствованное, по-видимому, из «Сказания о русской грамоте», компиляции, появившейся не позднее середины XIII в. [Шахматов 1. С. 88—96 (сведения), 326—328 (текст); Живов. С. 119, 144, 159—166 и др.; Милютенко 2], а именно из ее второй части, посвященной крестителю Руси:

Сказание о русской грамоте
[Милютенко 1. С. 504—505; Шахматов
1. С. 327—328]

Оле чюдо, яко вторый Иерусалимъ на земли явися Киевъ, и второй Моисий явися Володимер! Онъ стѣнный законъ въ Иерусалимѣ отлучающъ от идолъ; а съ — чистую вѣру и крещение святое, въводящее въ жизнь вѣчную. Онъ къ единому Богу велаше прийти в законъ; съ же вѣрою и крещениемъ всю землю Русскую приведе къ Пресвятѣй Троици, Отцю, и Сыну, и Святому Духу, и добродѣтелью получи жизнь вѣчную, и люди тому же научи, и въведе въ Царство Небесное. Ономо къ единѣмъ апостоломъ речено Господемъ: “Не убойся, малое стадо”; здѣ же ко всемъ то же речено. Ономо 40 дний и 3 Моисий, законъ давъ, преставился и на горѣ погребенъ; съ же, 30 лѣт и 3 бывъ въ свягомъ крещении, и вѣру чисту съблюды, заповѣди Господня свершивъ, преставился, в руцѣ Божии предавъ душу; тѣло же его честное положено бысть въ церкви святыа Богородица, юже сам созда. И бысть второй Константинъ земли Руской Володимеръ...

4 распространенная редакция
Обычного жития [Шахматов 1. 274]

Оле чюдо, яко 2-й Иерусалимъ на земли явися Киевъ, и 2-й Моисий Володимеръ явися! Онъ стѣнный законъ въ Иерусалимѣ отлучающее от идолъ; а се — чистую вѣру и крещение, вводящее в жизнь вѣчную. Онъ къ одному Богу велаше в законъ прити; се же вѣрою и святѣмъ крещениемъ пресвѣти всю Русскую землю и приведе къ пресвятѣй Троици, къ Отцю, и Сыну, и Святому Духу, и добродѣтелью получи жизнь вѣчную, и люди, тому же научивъ, введе въ Царство Небесное. Ономо къ единѣмъ апостоломъ рече Господь: “Не бойся, малое мое стадо”; здѣ же ко всемъ то же рекомо. Ономо 40 дний и 3 Моисей, законъ давъ, преставился и на горѣ погребенъ; се же, 30 лѣт и 3 бывъ въ свягомъ крещении, вѣру чистую соблюды, заповѣди свершивъ Господня, преставился, в руцѣ Божии душу свою предавъ; и тѣло же его честное вложиша в гробъ мраморнъ и съхраниша с плачемъ благовѣрнаго князя. И бысть второй¹⁶ Константинъ в Руской земли Володимеръ...

Этот же текст, кстати, читается и в составе известной по единственному списку XVII в. 5-й Распространенной редакции «Жития» [Милютенко 1. С. 195; Шахматов 1. С. 71—72, 277 (сведения), 277—283 (текст)] — как вставка в большое заимствование с некоторой перекомпоновкой текста из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (от слов «Бѣ во милостивъ и поставляше три трапезы» до конца) [Шахматов 1. С. 280—283 (см. здесь же примеч. 57)].

Как видно, в рассматриваемой версии «Жития Владимира» приведенная похвала сравнительно с ее источником лишь слегка подправлена. Ее содержательная суть при извлечении из другого произведения не изменилась. Будучи идейно и некоторыми фразами связана с отдельными выражениями «Слова о Законе и Благодати» («Изнесе же и Моисѣи от Синдискыя горы законъ, а не благодѣть, стѣнь, а не истину», «прѣжде бо бѣ въ Иеросалимѣ единомъ кланятися, нынѣ же по всей земли», «въ Иеросалимѣ единомъ славѣмъ бѣ Богъ»), она представляет собой не столько развернутую историческую аналогию на тему духовного тождества деяний пророка Моисея и деяний Владимира Святославича, сколько утверждение превосходства последних над первыми в плане их конечных результатов. Но главное — то, что в ней с принципиально новым решением раскрыта тема преемства. Если Иларион в «Слове о Законе и Благодати» лишь фигурально намекал на духовное наследничество Киева по отношению к Иерусалиму через посредство Константинополя, «второго Иерусалима» («ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всей земли свои поставивша, утвердиша въру»¹⁷), то в рассматриваемом рассуждении уже прямо и определенно говорится о Киеве как втором Иерусалиме и Владимире как втором Моисее, направившем Русскую землю в Царствие Небесное. Константинополь, таким образом, оказался исключенным из цепочки святых городов, несмотря на то, что в конце цитированного текста великий Киевский князь все-таки отождествлен с главою Римской империи.

Умолчание о Константинополе как сакральном предместнике или прототипе Киева весьма любопытно. Прежде всего, можно интерпретировать его как идеологически и историософски новую сравнительно с более ранними версиями «Жития» Владимира пропозицию этно-конфессионально-патриотической темы.

Кроме того, считается, что послужившее источником для составителя 4-й Распространенной редакции повествование о благоверном великом князе Владимире Святославиче и крещении Руси было объединено в рамках «Сказания о русской грамоте» с повествованием о просветителе славян Константине Философе, славянской азбуке и ее запрете при епископе Пражском Адальберте-Войтехе около середины XIII столетия [Живов. С. 118]. Тогда же, по мнению ряда исследователей, произошло официальное церковное признание святости Владимира и, соответственно, календарное утверждение его памяти на день его кончины 15 июля по ст. ст. [Малышевский; Васильев. С. 77—81 (Раздел III: Исследования); Голубинский 1. С. 63—64; Федотов; Розов] (однако полной ясности по данному вопросу, как уже отмечалось, до сих пор нет). Но в этот же день, в 1240 г., как свидетельствует летописец, русичи наголову разбили шведов на реке Неве под водительством новгородского князя

Александра Ярославича [Новгородская первая летопись. С. 77], который стал затем великим князем Киевским и еще Владимирским († 1263) и который являлся, между прочим, прямым потомком крестителя Руси. В середине же 60-х гг. XIII столетия в обиход русского чтения попала «Повесть о житии Александра»¹⁸. Последний факт весьма знаменателен, поскольку в этом новом литературном произведении тоже, подобно «Сказанию о русской грамоте» и, соответственно, 4-й Распространенной редакции «Жития» Владимира, но иначе, оказалась реализованной тема Иерусалима и тоже в контексте ретроспективной аналогии:

«Бысть же в то время чюдо дивно, яко же во древняя дни при Езекии цесари еда приде Санахиримъ, асурыйскый цесарь, на Иерусалимъ, хотя плънити град святыи Ерусалимъ, внезапно изиде ангелъ Господень, избвий от полка асурыйска 100 и 80 и 5 тысящъ, и, възставше утро, обрътошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при повѣдѣ Александровѣ, егда повѣди короля, об онъ полъ рѣкы Ижжеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрътоша много множество извьеныхъ от ангела Господня» [БЛДР. Т. 5. С. 362]*.

К разумению читателя, здесь так же отмечается прямая, без посредничества Константинополя, связь по схожести. Только с историей Иерусалима сопоставлена уже не история Киева, а история северо-западной Руси, «земли Александровой», как она названа в других местах означенного «Жития». Для более позднего источника это естественно, ибо еще 6 декабря 1240 г. Киев был взят войском хана Батыя, сожжен и его население почти полностью уничтожено [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784—785; Толочко. С. 195—204], так что после этого он уже вряд ли мог восприниматься в общественном сознании как средоточие духовного величия, особенно когда предстоятель Русской Церкви, митрополит Киевский Кирилл II оставил его, переместив свою резиденцию во Владимир Суздальский (в 50-е гг. XIII в.) [Макарий (Булгаков) 1. С. 16—17; Голубинский 2. С. 54—55; Макарий (Веретенников). С. 237—264]. Вместе с тем само по себе сравнение «матери городов русских» с Иерусалимом (чем не косвенный датирующий признак?) позволяет думать, что содержащая такое сравнение вторая — «владимирская» — часть «Сказания о русской грамоте» появилась все-таки еще до киевского разорения. Объяснимо и умолчание в ней о Константинополе. Ибо как раз во время возникновения данного литературного факта Константинополь находился в составе так называемой Латинской империи (с 1204 по 1261 г.) [Успенский Ф.С. 323—393; Каждан; Miller] и, соответственно, утратил свое вселенское политическое и конфессио-

* Здесь уместно отметить, что образ плененного Сенахиримом Иерусалима будет позднее использован в «Сказании о Довмонте» и «Повести о Темир-Аксаке» (см. ниже).

нальное значение как цитадель православной государственности. Вероятно, инерция его восприятия таковым не сразу иссякла после возвращения к нему статуса византийской столицы, что и отразилось в «Житии Александра Невского».

Но даже без учета реальных внутренних и внешних жизненных обстоятельств очевидно, что оба интерпретируемых здесь случая решительной констатации тождества Руси Иерусалиму, святому месту, продолжают наметившуюся еще в период киевского культурно-политического процветания идеологическую тенденцию развития представления о Русской земле как воспреемнице духовного наследия Палестины. И бесспорно, это происходило не без влияния со стороны бытовавшей тогда в Европе со времени Константинопольского патриарха Фотия концепции *translatio Hierosolymi* [Ричка. С. 91—92, 95].

К сожалению, в древнейших собственно русских литературных текстах нашлось только три примера использования соответствующего исторического уподобления, да и то выраженного весьма околично:

1) в завершающей «Слово о Законе и Благодати» «Молитве Господу»: «Не Тебе оставляющу и презрящу нас, но нам Тебе не взыскающем, нъ видимых сих прилежащем. Темже боимся, егда сътвориши на нас, яко на Иеросалиме, оставлешим Тя и не ходившим в пути Твоа» [БЛДР. Т. 1. С. 54];

2) в «Повести временных лет» под 1015 г.: «Святополк же оканный, злый уби Святьслава (...) Помысли високоумьем своим, а не веды, яко “Дает Бог власть, емуже хоцет, поставляет цесаря и князя Вышний, емуже хоцет, даст” (...) Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаются согрешения, аще ли зли и лукави бывають, то большее зло наводит Бог на землю ту, понеже глава есть земли (...) Сяковыя Бог дает за грехы, а старыя, мудрыя отъземлет, якоже Исая глаголет: “Отъимет Господь от Ерусалима крепость и крепикаго исполина (...) И поставлю уношю князя им и ругателя им, обладающа ими”. Святополк же оканны нача княжити в Киеве» [БЛДР. Т. 1. С. 183—184];

3) и там же под 1113 г.: «В лето 6621. Бысть знаменьє въ солнци в 1 часе дне (...) Се же бывають знаменья не на добро (...) Онтиоховы быша знаменья в Ерусалиме, ключиися являтися на въздуси на коних рыщущє во оружьи, и оружьєм двизаньє, то се бяше в Иерусалиме токмо, а по иным землям не бяше сего. Якож бысть знаменьє в солнце, проявляше Святополчу смерть. По сем бо приспе праздникъ Пасхы, и празноваша, и по празнице разволися князь. А преставися благоверный князь Михаил, зовемый Святополк» [БЛДР. Т. 1. С. 306].

Бесспорно, показателен еще рассказ Суздальской летописи о разорении Киева в 1203 г.: «В лѣто 6711 (1203) Взатъ възьсть Къзевъ Рюрикомъ и Олговичи и всюю Половецкую землю, и створися велико зло в Русстѣй земли (...) не токмо едино Подольє взяша и пожгоша (...) положиша все собѣ в полонъ. Якож глаголетъ пророкъ Давидъ: “Боже придоша языци в достояние твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иярѣсолима яко овоцное хра-

нилище, положиша трупиє рабѣ твоих, брашно птицам невесным, плоть пре-
подобных твоих звѣремъ земным, пролияша кровь ихъ аки вода»¹⁹. То все стася
над Киевом за грехи наша» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418—419]*. Но и это сви-
детельство основано лишь на соотнесении двух событий. Если оно и
подразумевает преемственную связь недавнего с давно минувшим, то
все-таки весьма прикровенно.

Таким образом, получается, что прямое отождествление Киева, оли-
цетворяющего Русь, с Иерусалимом было впервые предложено авто-
ром владимирской части «Сказания о русской грамоте». Но уже вскоре
другой древнерусский грамотник, составитель «Повести о житии Алек-
сандра Невского», скорректировал данную аналогию, видимо, приняв
во внимание конкретную историческую ситуацию и задав вместе с тем
вектор для формирования новой идеологемы, — о восприятии духов-
ного значения христианского Востока именно Русским Севером¹⁹. Так,
вслед за ним авторы ряда произведений XIV—XV вв. используют образ
Иерусалима в своих размышлениях о событиях псково-новгородской,
тверской, московской жизни. Во всяком случае, сходные по общему
смыслу построения встречаются:

1) в «Сказании о Довмонте»: «И прославися имя князей наших во всех
странах <...> Также и великий князь Александр и Дмитрей сын его с своими бо-
яры, и с новгородци <...> побежаа страны поганыа Немец, Литву, Чюдь, Корелу.
То единаго ли ради Езекея съхранен бысть Иерусалим от пленения Синахиримля,
царя Асурска? Паки же и великим князем Александром, и сыном его Дмитреем, и
зятем его Домонтом спасен бысть град Новгород и Псков от нападения поганых
немец» [БЛДР. Т. 6. С. 62];

2) в службе чудотворной иконе Богородицы «Знамение» стихира на
стиховне 1 гласа: «Якоже древле во Иерусалиме Зоровавелем, державная Твоя
десница чудодѣйствоваше, Господи, множество безчисленное противныхъ побе-
ди, такожде и сих низложи пришедших разорити град, егоже искупил еси кровию
Твоею, Слове, да разумеют от дел, яко ты избавитель с нами еси» [Минея: Но-
ябрь. С. 405];

3) в «Житии Михаила Ярославича Тверского»: «И князившу ему [Миха-
илу. — В.К.] лето в великом княжении, и седе ин царь, именем Озвяск. И виде Бог
мерскую веру срацинскую, и оттоле начаша не щадити рода крестьяньска <...> Егда
во Господь Титу предасть Иерусалим, не Тита любя, но Иерусалим казня. И паки,
егда Фоце преда Царьград, не Фоцу любя, но Царьград казня за людская прегре-
шения. Е же и си нас делея бысть за наша согрешения» [БЛДР. Т. 6. С. 72];

4) в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Ослеплену же ему [Мамаю. —
В.К.] умом, того во не разуме, како Господу годє, тако и будет. Якоже в оны дни
Иерусалим пленен бысть Титом римским и Навходнасором, царем вавилонским

* Благодарю Е.Л. Конявскую за указание на этот источник.

за ихъ сзгрешениа и маловѣрие — нъ не до конца прогневається Господь, ни вѣсы враждуетъ» [БЛДР. Т. 6. С. 140];

5) в «Повести о Темир-Аксаке»: «Якоже древле при Езикеиле цари и при Исидии пророце Сенахириим, царь асурійскій, прииде на Ерусалим ратью (<...> царь же Езикеиль тогда боляще, но аще волен бе, помолитися к Богу со слезами (<...> услыша Бог молитву ихъ (<...> посла Бог ангела своего (<...> авие в ту ночь ангел Господень уби от полка асурійска 100 и 80 и 5 тысячъ (<...> царь же асурійскій Сенахириим увояся зело и устрасися, со останочными своими вои скоро отвѣжа въз Ниневгню град, и тамо от своихъ детей убьен бысть и умре. Якоже тогда при Сенахирииме было, тако и ныне при Темир Аксаке, един тот же Бог тогда и ныне, едина благодать Божия действуетъ тогда и ныне» [БЛДР. Т. 6. С. 238];

6) в «Слове похвальномъ» инока Фомы: «Но и ин храмъ устрои самому царю Христу на вратехъ Богомъ спасенаго града Тфери. И нарекова же имя храму тому еже «Входъ въз Иеросалимъ». Но тамо бо входъ Господу нашему Иисусу Христу в градъ Иерусалимъ, и отъ детей еврейскихъ велику почестъ примъ, но яко царемъ израилевымъ звахутъ его и «осанна в вышнихъ» вопидахутъ ему, и понеже еще мнози не веровахутъ в него, и симъ же и ризи свои постилахутъ под ногами его по пути. А где же възсквозе той пречестнейший храмъ входъ сотворенъ в богоспасенный градъ Тферь» [БЛДР. Т. 7. С. 94];

7) в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгородъ»: «И таково бе възмуцение в нихъ, якоже в Иерусалиме бысть, егда предастъ его Господь в руке Титове; якоже бо ти тогда, тако и сии межъ себе брань творяху» [БЛДР. Т. 7. С. 290].

8) в «Казанской исторіи»: «А самъ (великий князь Ярослав Всеволодовичъ после нашествія хана Батыя) живяше во граде Переяславле (<...> доколе обновляше градъ Владимиръ во утѣсненіи и в великомъ неустроеніи и мятежи земли своея. Осироте бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и чѣсть ея, но не вовеки, и поработися богомерску царю и лукавнейшу паче всѣхъ земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказаніе Навходоносору, царю вавилонскому, яко да темъ смирится» [БЛДР. Т. 10. С. 256].

Однако особенно показательна «Повесть о нашествіи Тохтамыша», авторъ которой не только соотноситъ беду, постигшую Русь, с прошлымъ Иерусалима, но и буквально переделываетъ библейскій текстъ (Пс. 78: 1—3), заменивъ в немъ упоминаніе Иерусалима указаніемъ на Москву:

«Многы монастыри и многы церкви разрушиша [воины Тохтамыша в Москвѣ. — В.К.], въз святыхъ церквахъ убійство сдѣяша, и въз свяцанныхъ олтарехъ кровопролитіе створиша окаяннии, и святая мѣста погании оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: “Боже, приидоша языци в достоиніе твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овоцное хранилище, положиша трупиа рабъ твоихъ — брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ — звѣремъ земнымъ, пролиаша кровь ихъ, яко воду, окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбай”, и девица ихъ не оѣтованы быша, и вдовица ихъ не оплаканы быша, и священницы ихъ оружіемъ падоша» [БЛДР. Т. 6. С. 198].

Вероятно, все указанные литературные факты умозрения тогдашних книжников прочно отложились в позднейшей народной памяти, переплавившись в твердую веру.

Так, в XVII в. автор апокрифической повести «Иерусалимская беседа» вкладывает в уста царя Давида толкование сна, который приснился царю Волоту Волотовичу: «...а что с тое стороны восточныя лучь восходит солнца красного, осветит всю землю светорусскую, то будет на Руси град Иерусалим начальный, и в том граде будет соборная и апостольская церковь Софии премудрости Божия о семидесяти верхах, сиречь святая святых...»; далее Давид толкует другой вопрос Волота Волотовича: «...Я тебе про то скажу. Первы градом мать — град Иерусалим; его пасхалия азвучная — во всю землю светорусскую...» [Памятники. С. 307, 308]. Фольклорная природа этого произведения обуславливает неопределенность: понятие Иерусалима распространяется здесь то ли на какой-то город, то ли на всю Россию. Но зато вполне определен другой автор XVII в.. В легендарной повести «О зачале Москвы и о князе Данииле Суздальскомъ» он тенденциозно переделывает текст предсказания святителя Петра относительно будущего Москвы в случае возведения в ней каменного Успенского собора, известный не только по «Житию Петра», но и в изложении Никоновской летописи и Степенной книги. Согласно новой версии, московский митрополит дает еще более ясное пророчество князю Ивану Калите:

Житие Петра
[Седова. С. 104]

...и сам прославишися паче
инехъ князей, и сынове, и
внуцы твои в роды и роды;
и град сей славен будетъ въ
всехъ градехъ русьскихъ; и
святители поживутъ в немъ; и
взыдутъ руки его на плещу
враг его; и прославится Бог
в нем...

Степенная книга
[ПСРЛ. Т. 21. С. 317]

...и тебе самого иматъ Богъ
благословити и прославити
паче инѣхъ князей и
распространити градъ
сей паче инѣхъ градовъ;
и имя его святое сугубо
прославится въ немъ, и не
оскудѣютъ державнии отъ
сѣмени твоего, обладая и
царствуя мѣстомъ симъ
въ роды и роды и во вѣки
и взыдутъ руки ихъ на
плещю врагъ ихъ...

*Повесть о зачале
Москвы* [Забелин. С. 36;
Шамбинаго. С. 70,
76—92]

...яко по Божию
благословению Всемогущия
и Живоначальныя Троицы
и Пречистыя Его Богоматери
и церквей Божиихъ будетъ
и монастырей святыхъ
безчисленное множество и
нарекется сей градъ второй
Иерусалимъ и многимъ
державствомъ обладаетъ не
только всю Россию, но и во
вся страны прославится...

Замечательный по обратному порядку исправления пример сохранен «Изложение Пасхалии» московского митрополита Зосимы. Естественно, первоначальной в тексте памятника является авторская формулировка: «И божию волю сътвори (император Константин Великий) град, в имя свое и нарече и град, Константин, еже есть Царьград, и наречеся по-

вый Иерусалим» [Тихонюк. С. 59]. Такое чтение передается тремя самыми ранними списками «Изложения» — Солов. 858 (РНБ), Епарх. 80 (ГИМ), Синод. 713 (ГИМ). Но в чуть более позднем списке Троицк. 46 (РГБ) — вместо «нарекется новый Иерусалим» читается уже корректив: «нарекется новым Римом». Но в таком случае последующий текст интерпретировался уже как утверждение преемственности Москвы не по отношению к Иерусалиму, а по отношению к Риму, в согласии с зарождающейся новой историософской концепцией: «И ныне в последняя сиа лета, якоже и в первая, прослави Бог сродника его (Владимира Киевского) <...> великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодръжца всей Руси, новаго царя Константина, новому граду Константину — Москве и всей Русской земли» [Тихонюк. С. 60].

Как видно, формирование в древнерусском обществе идеологического и, вероятно, религиозного убеждения в наследничестве Руси по отношению к Святой земле осуществлялось сообразно историческому ходу развития русской государственности и церковной жизни, при котором Москва постепенно стала не только политическим центром России, но и духовным. И не исключительно внутренним центром. К началу XVI в. в русском обществе, очевидно, созрело ощущение вселенского значения Москвы пусть даже и в границах только православного мира. На ее политический вес фигуративно указывали литературные легенды о наследовании московскими государями царского достоинства («Послание о Мономаховом венце» [Дмитриева. С. 164—165], «Сказание о князьях Владимирских» [Дмитриева. С. 176—177]). Духовный же ее авторитет имплицировался преданиями о восприятии Русской Церковью святынь палестино-византийско-римского происхождения («Повесть о новгородском белом клобуке» [Кириллин 2], «Сказания» о Владимирской [Гребенюк. С. 81—110] и Тихвинской [Кириллин 3. С. 205—206] чудотворных иконах Богоматери) и чередой ретроспективных аналогий и сопоставлений, способствовавших осмыслению русскими писателями событий русской истории. При этом произошло разделение, по которому Рим как символ имперской власти на земле ассоциировался в представлении людей со сферой государственной политики, а Иерусалим как символ царства Божиего — со сферой церковно-религиозной жизни [Стремоухов. С. 426 (сноска 8); Ранчин]. Кстати, апофеозным рефлексом осознания русским обществом духовной значимости России в мире (прежде всего, христианском) стало, несомненно, архитектурное оформление Москвы в XVI в. не только по подобию Рима [Кудрявцев. С. 173—228], но и по подобию Иерусалима [Мокеев; Ларионов. С. 172, 173, 228]. В этом, несомненно, была несокрушимая историко-политическая и историко-конфессиональная логика: Константинополь, будучи наследником Рима, способствовал возвышению Киева, столичное величие которого было воспринято Москвой, а все вместе они как

цитадели земной власти, духовно обращаясь к прошлому или же к будущему, равнялись на альфу и омегу христианства — Иерусалим, град земной и град небесный.

Возвращаясь же конкретно к тексту 4-й Распространенной редакции «Обычного жития Владимира Святославича», следует все-таки констатировать, что на семантико-телеологическом фоне рассказа о святом киевском князе (объединенного с другими текстами цикла: «Словом» Илариона, «Похвалой» Иакова и стихословиями) аналогия «Киев — Иерусалим» и, соответственно, аналогия «Владимир — Моисей» представляются вполне уместными, адекватно согласующимися с главными темой и предметом всего произведения. Но именно поэтому содержащий означенные аналогии пассаж остался только в пределах указанных вариантов «Жития». Во всяком случае, в более поздних посвященных святому Владимиру литературных памятниках, созданных, соответственно, в ином церковном, политическом и культурно-историческом контекстах, интерпретация Киева как Иерусалима больше не встречается. Лишь однажды, в XV в., был сделан зигзаг в сторону старой идеологемы. Но он вполне оправдан, ибо сделан при составлении нового канона великому Киевскому князю Владимиру Святому: «Дивный прорече Исайя на Иерусалимъ, будетъ явѣ гора Господня и домъ на верхъ горъ. Праведнѣ же на тебѣ разумѣхомъ благодать Духа, домъ бо Владычицѣ создалъ еси на верхъ горъ» (2 тропарь 5 песни) [Минея служебная. Л. 222 об.]. Что же касается отождествления Владимира пророку Моисею, то эта линия имеет продолжение и вариации.

Итак, формировавшаяся с XII по XV в. в рамках агиографии панегирическая рефлексия о преобразившем Русь великом Киевском князе, развивая старые темы (Владимир — ниспровергатель языческих устоев, креститель Руси, просветитель народа, равноапостольный князь, идеальный организатор жизни в рамках Государства и Церкви, небесный заступник и святой покровитель Русской земли), находила все новые словесные оболочки и новые изобразительные нюансы в интерпретации его личности и деяний. Не получила значимого развития разве что тема милосердия и щедрости, которыми отличался князь при жизни, в сущности сполна раскрытая в древнейших известиях о нем и, кроме того, ввиду его уже признанной святости мало актуальная как сопряженная с сугубо частной сферой бытия. Другое дело плоды его веры и деяний общенародного, государственного, церковного, провиденциального (в плане Божественного промысла о мире) значения.

Литература

- Miller D.A. Imperial Constantinople. NY.: John Wiley, 1969.
- Акентьев К.К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева / Под ред. К.К. Акентьева. СПб., 2005. С. 122—152.
- Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
- БЛДР. Т. 1: XI — XII века. СПб.: Наука, 1997.
- БЛДР. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000.
- БЛДР. Т. 2: XI — XII века. СПб.: Наука, 1999.
- БЛДР. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997.
- БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997.
- БЛДР. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 1999.
- БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999.
- Васильев В. Канонизация русских святых // ЧОИДР. 1893 год. Книга третья (сто шестьдесят шестая). М., 1893.
- Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. [1]
- Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. II: Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1997. [2]
- Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997.
- Демчук Р.В. Киев — второй Иерусалим [Электронный ресурс] // Россия и христианский Восток: история, наука, культура. Б.г. URL: <http://ros-vos.net/holy-land/vos-ros/2/1/> (дата обращения 25.08.2017).
- Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Живов В.М. Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Он же. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: ЯСК, 2002.
- Жития святых мучеников Бориса и Глѣба и службы им / Пригот. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
- Забелин И. История города Москвы. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1905.
- Иосиф (Левицкий), архим. Подробное оглавление Великих четвех Минеи всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке (ныне Синодальной). Ч. 2. М., 1892.
- Каждан А.П. Латинская империя // История Византии. Т. 3 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1967. С. 15—28.
- Кириллин В.М. Образ князя Владимира Святославича в древнерусских гомилиях XI—XII вв. // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / Отв. ред. В.М. Кириллин. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 63—97. [1]
- Кириллин В.М. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / О-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. М.Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. С. 393—437. [2]
- Кириллин В.М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. Тексты. М.: Языки славянских культур, 2007. [3]

- Клосс Б.М. Житие князя Владимира // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Жития. Послания / Под ред. Я.Н. Щапова. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 199—201.
- Князевская О.А. Отрывок древнерусской рукописи конца XII — начала XIII в. (Курский областной краеведческий музей) // *Litterae slavicae medii aevi Francusco Venslao Mareš sexegenario oblatae*. München, 1985. С. 157—170.
- Конявская Е.Л. Александр Невский в исторических источниках. 2. Житийная литература // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 2010. С. 209—218.
- Кралюк П. Становлення та розвиток теорії «Київ — другий Єрусалим» // Християнство і духовність. Зб. матеріалів другої міжнародної наукової конференції циклу наукових конференцій «християнство: історія і сучасність». К.: Знання, 1998. С. 207—209.
- Кудрявцев М.П. Москва — третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М., 1994.
- Кулёва Н.А. К вопросу о формировании состава Миней-Четых (на примере февральского тома) // *Пространство и время*. 2015. № 3 (21). С. 110—116.
- Ларионов В.Е., Городова М.Н. Священное наследие. М., 2010.
- Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга третья: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240—1589). Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240—1448). М., 1995. [1]
- Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Книга шестая: Период самостоятельности Русской Церкви (1589—1881). Патриаршество Московское и вся великия России и Западнорусская митрополия (1589—1654). Отдел первый: Патриаршество Московское и вся Великия России и Западнорусская митрополия (1589—1654). М., 1996. [2]
- Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X—XVI века). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2016.
- Мальшевский Н.И. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15-го июля? // *Труды Киевской духовной академии*. Киев, 1882. № 1. С. 45—69.
- Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. [1]
- Милютенко Н.И. Слово о русской грамоте и крещение Владимира // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века Исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета*. СПб., 2012. С. 353—379. [2]
- Миней служебная: Июль. М., 1629.
- Миней: Ноябрь. Ч. 2. М.: Издательский Совет РПЦ, 2002.
- Мокеев Г.А. О градостроительному символу «Москва — второй Иерусалим» // *Богословские труды*. М., 1999. Вып. 35. С. 167—170.
- Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. С двумя таблицами фототипических снимков / Издал Вс. Срезневский. СПб., 1893 (Прилож. к LXXII-му Записок Импер. Академии наук, № 5). СПб., 1893.
- Назаренко А.В. Владимир (Василий) Святославич // *Православная энциклопедия*. Т. VIII: Вероучение — Владимир-Волынская епархия.. М., 2004. С. 690—718.
- Новгородская первая летопись старшего извода // *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л., 1950.

- Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева. Ч. 1: № 577—819. М., 1970.
- Охотникова В.И.* Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 354—363.
- Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008. [1]
- Павлова Р.* Жития русских святых в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. // Славянская филология. София, 1993. Т. 21. С. 92—105. [2]
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова: Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. второй. СПб., 1860.
- Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q. П. 1. 63) // Русская агиография. Исследования. Материалы. Polemica. СПб., 2005. С. 288—308.
- Повесть временных лет. Ч. I: Текст и перевод / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- Поптэ А.* Владимир Святой: У истоков церковного прославления // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. I. С. 60—107.
- Пролог. Вторая половина (март — август). М., 6.XII.1643.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. Л., 1927.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. 21, первая половина: Книга степенная царского родословия. СПб., 1908.
- Ранчин А.М.* Теория «Москва — Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI—XVIII вв. [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». Филология. Б.г. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения 27.08.2017).
- Ричка В.М.* «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К.: Інститут історії України НАН України, 2005.
- Розов Н.Н.* Древнейший памятник русской литературы в издании и интерпретации современного немецкого ученого // Известия Отделения литературы и языка АН СССР. М., 1963. № 5. С. 439—445.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. I (Апокалипсис — летопись Лаврентьевская) / Редкол. О.А. Князевская и др. М.: «Индрик», 2002. [1]
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI — XIII вв. М.: «Наука», 1984. [2]
- Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М.: Русский мир, 1993.
- Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915.
- Соболевский А.И.* В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1888. Книга вторая. Отдел II. С. 1—68.
- Сперанский М.Н.* Октябрьская минея-четья домакарьевского состава // Известия ОРЯС Импер. АН. Т. VI. Кн. 1. СПб., 1901. С. 57—87. [1]
- Сперанский М.Н.* Сентябрьская минея-четья домакарьевского состава // Известия ОРЯС Импер. АН. Т. I. Кн. 2. СПб., 1896. С. 235—257. [2]
- Сперанский М.Н.* Славянская метафрастовская минея-четья // Известия ОРЯС Импер. АН. Т. IX. Кн. 4. СПб., 1904. С. 173—202. [3]

- Стремоухов Д. Москва — третий Рим: источники доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. ...
- Творогов О.В. К изучению октябрьской четьей минеи XV в. // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 282—289.
- Тихонюк И.А. «Изложение Пасхалии» Московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII — XVIII вв. Сборник статей. М., 1986. С. 45—61.
- Толочко П.П. Древний Киев. К., 1976.
- Ужанков А.Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014.
- Успенский Б.А. Когда был канонизирован князь Владимир Святославич // *Litterae slavicae medii aevi Francusco Venslao Mareš sexegenario oblatae*. München, 1985. С. 1—29.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В. Литвинова. М., 1997.
- Федотов Г.П. Канонизация святого Владимира // Владимирский сборник. В память 950-летия Крещения Руси. 988—1938. Белград, 1938. С. 188—196.
- Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. Т. III. М; Л., 1936. С. 59—98.
- Шахматов А.А. Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. / [подгот. текста, предисл., вступ. статья Н.И. Милютенко; отв. ред. Д.М. Буланин]. СПб., 2014. [1]
- Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. [2]

¹ Похвала 996 г. [Повесть временных лет. С. 85—86].

² Похвала 1015 г. [Повесть временных лет. С. 89—90].

³ Согласно новейшей гипотезе, оно впервые было прочитано в киевском новоосвященном надвратном Благовещенском храме 25 марта 1038 г., в Великую Субботу и день Благовещения Пресвятой Богородицы, после литургии Василия Великого и до начала пасхальной утрени [Ужанков. С. 61—63, 131—133].

⁴ «Житие благовѣрнаго князя Владимира, нареченнаго въ святомъ крещении Василиа, крестившаго всю рускую землю» [Соболевский. С. 7, 15—17; Шахматов 1. С. 185—189].

⁵ Ранее эту рукопись датировали XIII в. [Сводный каталог 2. С. 271].

⁶ «Успенье блаженнаго и великаго князя Володимера, крестившаго землю Русскую» [Павлова 2. С. 100—103; Пичхадзе. С. 292—294, 300—305 (публикация); Павлова 1. С. 280—283; Шахматов 1. С. 121—126 (фотокопия рукописи)].

⁷ «15 июля. Святаго Володимера, крестившаго всю Рускую землю» [БЛДР 2. С. 402—404].

⁸ *Первый вид*, содержащийся в пространном Прологе [Соболевский. С. 28—30; Милютенко 1. С. 435—437; Лосева. С. 426—432]. *Второй вид*, известный по краткой редакции Пролога [Серебрянский. С. 14—16 (2-я пагинация); Милютенко 1. С. 441—443].

⁹ Все его варианты или виды опубликованы [Шахматов 1. С. 131—170].

¹⁰ Кстати, наиболее раннее уставное упоминание о чтении «Жития» Владимира содержится в рукописи рубежа XII—XIII вв., — Курский областной краеведческий музей, № 20959 [Князевская].

- ¹¹ «Неделя 18 по по всѣхъ святыхъ. Слово о князьяхъ» [БЛДР 4. С. 226].
- ¹² Подобным образом построены, например, икосы Акафиста Пресвятой Богородице, а также многие стихиры и тропари на дни разных праздников.
- ¹³ «Память благовърнаго и великаго князя Володимера, крестившаго Рускую землю» [Милютенко 1. С. 184—188 (о нем), 446—450 (текст); Шахматов 1. С. 69—72; 207—220 (о нем), 221—331 (текст)].
- ¹⁴ Указанная рукопись погибла вместе со всей библиотекой графа А.И. Мусина-Пушкина в огне московского пожара 1812 г., но остались две ее копии XIX в. (Ермолаевская, РНБ ОР, F.1.295 и БАН.24.4.41).
- ¹⁵ К сожалению, древнерусские домакариевские минеи-четьи не сохранились в полном составе и их литературная история изучена пока что недостаточно [Сперанский 1; Сперанский 2; Сперанский 3; Творогов; Кулёва].
- ¹⁶ В издании Н.И. Милютенко этого определения нет [Милютенко 1. С. 465].
- ¹⁷ См. еще ретроспективные параллели: Владимир — Давид; киевская София — константинопольская София — иерусалимский храм [Кириллин 1. С. 77].
- ¹⁸ «Того ж лѣта. Преставися великий князь Олександръ сынъ Ярославль. Скажем же мужство и житье его...» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 477—481; БЛДР. Т. 5. С. 358—369]. О памятнике см.: Охотникова; Конявская. С. 209.
- ¹⁹ Интересно, что в XVII в. идея преемства по отношению к Иерусалиму возрождается в юго-западной Руси. После восстановления киевской иерархии в 1620 г. ее прилагали к Киеву в борьбе против унии иеромонах Захария Копыстенский, митрополит Иов Борецкий и другие малороссийские и белорусские мыслители [Макарий (Булгаков) 2. С. 419; Кралюк. С. 207—209; Демчук].

Е.Л. Конявская

Смоленская земля в XII веке в раннем летописании

Аннотация: Статья посвящена анализу раннего летописного материала, касающегося истории Смоленской земли в XII веке. Рассмотрены владения, политические установки и действия смоленских князей, сведения о смоленских боярах, вече.

Ключевые слова: Смоленск в XII веке, смоленские князья, Ипатьевская летопись.

E.L. Konyavskaya

Smolensk Land in the XII Century in The Early Chronicle

Abstract: The article is devoted to the analysis of the early chronicle material concerning the history of the Smolensk land in the 12th century. The political attitudes and actions of the Smolensk princes, information about the Smolensk boyars, veche are examined.

Keywords: Smolensk in the XII century, Smolensk princes, Ipatiev Chronicle.

В ранних летописях — в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской I — Смоленск и смоленские князья в статьях за XII в. упоминаются достаточно часто, хотя сообщения о событиях, происходивших непосредственно в Смоленской земле, редки. Тем не менее, имеющийся летописный материал дает возможность составить определенное представление о Смоленской земле в этом столетии.

В ряде летописных статей фигурируют выражения «Смоленская волость» и «Смоленская земля». Так, в Ипатьевской летописи под 1147 г. сообщается о действиях Святослава Черниговского, который по указанию Юрию Долгорукого воевал на территории Смоленской земли и взял в плен людей, живших в верховьях Протвы (потомки голяди): «ко Сѣославоу присла . Юрьи повелѣ емоу Смоленскоую

* Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси Института российской истории РАН, главный редактор научного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Konyavskaya Elena Leonidovna, Grand PhD (Philology), Leading Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scholarly journal “Drevnyaya Rus’. Voprosy Medievistiki”.

волость воевати . и шедь Стославъ . и вза люди Голадь верхъ Поротве . и тако шполонишаса дружина Стослава»¹. В 1152 г. Юрий Долгорукий «поминул» (прошел мимо) Смоленскую волость (Стб. 456). Зимой 1159/1160 г. черниговский князь Изяслав Давыдович «иде на Смоленскую волость», и, как свидетельствует Ипатьевская летопись, союзные ему половцы «взаша дшѣ боле тмѣ а инья исѣкоша» (Стб. 508). Дважды о Смоленской волости говорится в рассказе о борьбе за Витебск черниговских князей (1196 г.): черниговские войска, не дойдя до Витебска, повоевали «Смоленскую волость» (Стб. 691, 693). Понятно, что такое выражение используется, поскольку неприятели осуществляли агрессию на локальной территории Смоленского княжества. Весьма близко к ситуации и смыслу использование выражения «волость Ростислава» — т.е. Ростислава Мстиславича под 1155 г. («Гюрги поиде к волости Ростислава») (Стб. 476). В последнем случае речь шла о юго-восточном пограничье Смоленской земли (Ростислав стоял у Зароя), в 1152 г. — об отдаленных восточных районах. В 1196 г. войска Ярослава шли через смоленские территории к полоцким землям.

Выражение «Смоленская земля» читается под 1190 г. в известии о «тяже» Святослава Всеволодича с Рюриком и Давыдом Ростиславичами и с «Смоленскою землею» (Стб. 670). Смысл конфликта не объясняется, но, видимо, он касался каких-то территориальных проблем.

В XII веке устанавливается династия смоленских князей, родоначальником которых явился Ростислав Мстиславич, сын Мстислава Великого. Начиная со статьи 1154 г. Ростислав в Ипатьевской летописи начинает называться «Смоленским», так же именуются в летописях занимавшие смоленский стол его сыновья — Роман (в известии Лаврентьевской летописи о первом походе на Киев 1169 г. войск и союзников Андрея Боголюбского) и Давыд (в сообщении Лаврентьевской летописи о его смерти)². Сам же Смоленск упоминается как княжеская резиденция — отсюда князья отправляются куда-либо и сюда же возвращаются. Под Смоленском может разумеется княжество.

С Ростиславом Смоленская земля начинает ассоциироваться в глазах летописца со второй четверти XII в. Известно, что Смоленск в 1113 г. был дан Владимиром Мономахом сыну Вячеславу (ранее там сидел Святослав Владимирович). В летописном сообщении 1125 г. сказано, что после похорон Владимира Всеволодовича «снове его разидошаса. кождо въ свою волость. с плачемъ. великомъ. идеже баше комуждо их раздавалъ волости» (Стб. 289). Речь шла о моменте закрепления за сыновьями Владимира Всеволодича будущих отчин-волоостей, которыми он ранее их наделил, но сами волости в летописной статье не называются. Мы располагаем лишь известием под 1127 г., где говорится, что Мстислав Великий, отправляя поход «на кривичѣ» (Полоцкую землю), послал

сына Изяслава с торками, «а другаго с̄на своего Ростислава посла с Смолнаны . на Дрюютескъ»³. Вячеслав же в этом походе движется из Турова. Это означает, что в Смоленске в это время княжит уже не Вячеслав, а Ростислав. Уже не о войсках, а о княжении говорится под 6648 г.: летописец утверждает, что Всеволод вознамерился искать «подъ Ростиславомъ Смоленьска . а подъ Изаславомъ Володимира» (Стб. 304).

Ростислав Мстиславич, по-видимому, оставлял Смоленск за собой и в период своих киевских княжений, хотя его старший сын (Роман) мог пребывать там в статусе наместника.

Из летописных сообщений мы узнаем, что при Ростиславе в Смоленске была учреждена епископия, владыкой стал грек скопец Мануил. Важно отметить, согласно Ипатьевской летописи, Мануил с двумя сотоварищами из Византии приезжает в Киев к отцу Ростислава Мстиславу (Стб. 300), и лишь в 1136 г. (когда происходит перераспределение княжеских столов и изменение структур епархий), приходит в Смоленск — видимо, по приглашению Ростислава или по соглашению сыновей Владимира Мономаха в целом.

Как известно, Ростислав княжил в Киеве, но важно, что и в период его смоленского княжения его авторитет оказывается высоким. В 1156 г. к нему за поддержкой обращается юный князь Святослав Владимирович, племянник Изяслава Давыдовича Черниговского: «гаса по Ростислава по Смоленьскаго кн̄за» (Стб. 484). Ростислав принимает его под свою защиту, поддерживал он также и Святослава Всеволодовича Черниговского (Вячеслав, обращаясь к последнему, называет его сыном любимым Ростислава, имея в виду не родство в прямом смысле, а союзно-подчиненные отношения). Видимо, при участии смоленского князя весной 1157 г. у смоленского города Мстиславля происходит примирение враждующих сторон Черниговской земли. Обращают на себя внимание передаваемые летописцем слова бояр Святослава Ольговича Черниговского о тайных переговорах Романа с Изяславом Давыдовичем в 1160 г.: «се ни лжа ти есть . вже Романъ Ростиславичъ . посылаетъ и Смоленьска попа своего къ Изаславу река тако . ѿдаваетъ ти бата Черниговъ а съ мною въ любви поживи» (Стб. 514).

В 1155/1156 г. Ростислав Мстиславич как смоленский князь устанавливает союзнические отношения с рязанскими князьями: «цѣлова хрестъ съ братьею своею съ рязаньскими князи на всеи любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяху тии отцемъ собѣ» (Стб. 482). Здесь снова «отец» — не родство в прямом смысле слова, а старейшинство.

В 1158 году⁴ Ростислав Мстиславич поддерживает в междоусобной борьбе претендентов на полоцкий стол Рогволода, отправив ему в помощь двух своих сыновей Романа и Рюрика. Как и действия по установлению союза с рязанскими князьями, это подтверждает стремле-

ние к расширению влияния Ростислава и династии Ростиславичей на другие территории. В Ипатьевской летописи читается: «пусти ему два сна в помощь Романа и Ририка и Внѣзда и Смолнаны и Новгородци . и Плесковичи» (Стб. 496). В последствии это сослужит службу другому сыну Ростислава — Святославу, который в момент конфликта с новгородцами бежит из-под ареста в Полоцк, а «Рогъводъ же ис Полотьска допровади до Смоленьска» (Стб. 511) (т.е. до территории Смоленского княжества).

В поле влияния смоленских князей был и Новгород. Ростислав Мстиславич сажал на новгородский стол сыновей. В 1152/1153 г. согласно Ипатьевской летописи Изяслав Мстиславич обращается к нему со словами: «ты по Бѣѣ тамо оу Смоленьскѣ . и в Новѣгородѣ оу Велицимѣ . еси . а ты тамо оудержи Гюрга с тѣми . а ко мнѣ пусти с помощью сна своего Романа» (Стб. 459). Как отмечалось выше, в 1158 г. Ростислав посылает в помощь Рогволоду наряду со смоленскими полками и новгородские. В следующем году представители Ростислава Мстиславича выдвигают условия прихода его на киевский стол от имени смольнян и новгородцев. В целом новгородский стол в разное время занимал каждый из братьев Ростиславичей.

Незадолго до своей смерти Ростислав из Киева едет в Новгород, чтобы наладить взаимоотношения своего сына Святослава с новгородцами. Путь его лежит через Чичерск (Черниговская земля), где его ждут, встречают и приглашают на обед его дочь и зять Олег Святославич Новгород-Северский. Видимо, эта встреча была заранее спланирована, и в соответствии с этой договоренностью был выстроен маршрут Ростислава Мстиславича. Но гораздо более торжественно Ростислава Мстиславича принимают в родном Смоленске, где сидит старший сын Роман. В Ипатьевской летописи говорится, что лучшие мужи встречают его за 300 верст, затем его встречают внуки (Роман был женат с 1149 г. и должен был к этому времени иметь детей в возрасте, позволявшем такие действия). Наконец, видимо, перед городом его встречает сам Роман, епископ Мануил, боярин Внезд и «мале не весь градъ». Уже будучи тяжело больным, он заключает с новгородцами «порядъ» о княжении у них его сына Святослава «оли са с ним см(е)ртью розлучити» и возвращается в Смоленск. Его сестра Рогнеда, видя брата в тяжелой болезни, просит его «лечи Смоленьски. въ своемъ ему зданьи» (Стб. 529), а он — киевский князь — требует, чтобы его везли в Киев, где он хочет упокоиться рядом с прахом отца. Умершего в дороге князя хоронят в Киеве согласно его воле в Феодорове монастыре.

Ростиславичи (кроме Святослава, о владениях которого ничего не известно) имели владения в Киевской земле, причем, летописные данные свидетельствуют о том, что главная их политика была направлена

на удержание этих владений и умножение их. Сведений же о смоленских владениях Ростиславичей немного. В рассмотренном выше иностранном рассказе о поездке Ростислава на переговоры с новгородцами и его кончине нет ни слова о каком-то завещании или наделении сыновей владениями в Смоленской земле. Видимо, о княжении Романа в Смоленске после смерти Ростислава было решено заранее.

Роман при жизни отца был при нем в самом Смоленске, оставался на смоленском столе в периоды киевского княжения Ростислава, а после смерти отца наследует смоленский стол. Одно из первых таких свидетельств относительно Романа — под 6660 г.: «Изаславъ поиде к Новугороду . и ту приде к нему Стославъ Всеволодичъ и Романъ Ростислави^ѣ сновечъ е^ѣ . и Смоленска . с полкы своими» (Стб. 459). Данный текст дает понять, что у Романа были свои полки, а стало быть, и владения, причем смоленские. Роман к этому времени был женат.

В подобном контексте фигурирует и Рюрик. В 1157 г. Изяслав Мстиславич идет на «Ирославича к Турову и с нимъ иде Ирославъ из Лучьска и Андрѣевичъ Ярополкъ. и Галичьскаа помочь . и Ростислави^ѣ Рюрикъ . съ Смолнаны . и Володимиръ Мьстислави^ѣ» (Стб. 491). Здесь нет прямых указаний относительно принадлежности полков, но более вероятно, что смоленские силы были полками самого Рюрика. В следующем году, как уже говорилось, Рюрик и Роман со смоленскими полками идут на помощь Рогволоду.

Известно также, что после смерти Ростислава Мстиславича Рюрик дает родившемуся у него сыну имя деда (Ростислава) и город Лучин (1172 г.). Очевидно, таким образом, что сам Рюрик владел этим городом⁵.

Будучи уже смоленским князем, Роман в 70-е годы периодически оказывается на киевском столе. Отправившись в Киев в 1171 году, он передает смоленский стол сыну Ярополку, который там княжит до его возвращения в Смоленск в 1172 г. В следующее киевское княжение (1174 г.) Роман вновь сажает в Смоленске сына, однако, в начале 1175 г. смольняне выгнали Ярополка, «а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленську княжить» (Стб. 598). Но и Мстислав в Смоленске княжит недолго, поскольку во второй половине 1176 года Роман уступает киевский стол Святославу Всеволодовичу Черниговскому и возвращается в Смоленск.

Есть основания полагать, что Мстислав Ростиславич был первым торопецким князем. Л.В. Алексеев уверенно утверждал, что когда Ростислав, в 1167 г., уже терявший силы, остановился в Торопце, он навещал «своего сына Мстислава» [Алексеев. 2006. С. 202] . Тем не менее, подробность рассказа об этой поездке, где в деталях повествуется о встречах Ростислава с Олегом Новгород-Северским, Романом, Святославом, Рогнедой, делает маловероятным возможность того, что факт встречи

с Мстиславом мог быть проигнорирован летописцем. Ранее под 6675 г. в Новгородской первой летописи сообщается об участии Мстислава в военных действиях против новгородцев, но Торопец нигде не звучит, говорится: «брат его (Святослава Ростиславича. — Е.К.) Романъ и Мъстиславъ пожьгоста Лукы»⁶. Так же и под 1169 г. Мстислав Ростиславич назван братом Давыда, без указания его резиденции (перечисляются участники похода на Киев: «Романъ . и-Смоленьска», «Рюрикъ изъ Вроучего», «Дѣдъ изъ Вышегорода . браѣ его Мъстиславъ» (Стб. 543)⁷). По-иному выглядит известие Новгородской первой летописи 1170 года, когда в поход на Новгород отправляются братья Роман и Мстислав вместе с сыном Андрея Юрьевича Боголюбского. О Ростиславичах сказано: «Романъ и Мъстислав съ смольняны и съ торопѣцяны»⁸. Наличие торопецких полков и упоминание двух князей, один из которых, как известно, должен был идти со смольнянами, указывает на то, что Мстислав получил торопецкий княжеский стол. Этот стол будет занимать затем его сын Мстислав Мстиславич. Тем не менее, Торопецкое княжение не было суверенным, его нужно считать удельным, тесно связанным с главным городом княжества — Смоленском.

Принято считать [Алексеев. 1980. С. 155], что Ростислав в 1164 г. передал два смоленских города Васильев и Красн «Романови, Вячеславилю внуку» (Стб. 525) (т.е. владения передаются хотя и родственнику, но не из династии Ростиславичей⁹). Однако более вероятно, что речь идет о киевских городах, которые, особенно Васильев, неоднократно упоминаются в летописях и других источниках ранее и именно как киевские города, причем недалеко друг от друга расположенные.

Если относительно владений Ростиславичей в «Русской земле» летописные указания являются прямыми и регулярными [Конявская], то о смоленских же мы узнаем лишь по косвенным данным. Андрей Боголюбский, разгневавшись на Романа, говорит ему: «Романови, не ходиши в моеи воли съ братьею своею . а поиди с Киева . а Дѣдъ изъ Вышегорода . а Мъстиславъ изъ Бѣлагограда . а то вы Смоленескъ . а темь са подѣлите» (Стб. 569—570). Делить Смоленскую землю Ростиславичи не собирались. Казалось бы, слова Андрея Юрьевича были вполне логичными: делите между собой то, что изначально принадлежало вашему отцу. Но сам князь Андрей, когда во Владимирскую землю съехалось большое количество отчичей, их выгнал. Длительную борьбу за главный стол вели черниговские князья, в распрях за власть над Полоцком приходилось участвовать самим Ростиславичам. На этом фоне их нежелание делить княжество на ряд владений выглядит вполне естественным.

В 1179 г. новгородцы приглашают Мстислава Ростиславича на новгородский стол. Летопись приводит длинную тираду — его ответ на

приглашение, из которой ясно, что политические притязания Ростиславичей простирались далеко за пределы Смоленска: «не могу ити . изъ вѣны своеѣ . и со братьюю своею розоитиса . прилѣжно бо тщашеться . хотя страдати ѿ всего срѣца . за вѣчино свою» (Стб. 607). Понятно, что здесь отчина — не Смоленск или Торопец, а все те земли, которые так или иначе контролируются братьями. Тогда братья и «мужи свои» напоминают Мстиславу, что Новгород — это тоже сфера интересов Ростиславичей: «а тамо . ци не наша вчина?»

Ипатьевская летопись передает слова-завещание Мстислава перед кончиной. Он приказывает боярину Борису Захарьевичу, служившему еще его отцу, сына Владимира и «съ симъ даю братоу Рюрикови и Двѣди . с волостью на роуцѣ» (Стб. 609). О какой волости идет речь? С 1173 г. Белгород, которым владел Мстислав ранее, фигурирует теперь как резиденция Рюрика. То, что в 1175 г. его желают посадить на стол вместо Ярополка смольняне, скорее всего, свидетельствует об отсутствии у него в этот момент значимых владений (кроме Торопца). Однако в 1176 г. он приходит к братьям «с полкомъ своимъ», после чего они заявляют, что готовы хоть завтра дать сражение Святославу Всеволодовичу. Да и приведенные выше слова — ответ новгородцам — означают, что в «Русской земле» у него владения были.

Мстислав Ростиславич настойчиво повторяет, что не может разойтись с братьями и, если будет здоров, то не забудет «Роуской землѣ» (а не Смоленской). Такая приоритетность владений Ростиславичей в «Русской земле» перед смоленскими, проявляющаяся в летописных текстах, отражала, видимо, устремления самих Ростиславичей, однако нельзя не учитывать и иной фактор — по преимуществу «киевские» интересы летописца.

Характерно, что в XIII в. потомки Ростиславичей продолжают их политику — и в стремлении к Киевскому столу, и в удержании и приумножении владений в Киевской земле. Смоленский же стол, как и прежде, будет замещаться, видимо, по согласию родственников.

Если проследить замещения смоленского стола после смерти Ростислава Мстиславича, то вырисовывается достаточно четкая картина. Роман получает Смоленск как старший сын. Каждый раз, уходя на княжение в Киев, оставляет в Смоленске своего старшего сына Ярополка. Едва ли это была с его стороны полноценная передача стола — скорее всего, Ярополк был в статусе наместника. Именно поэтому в 1175 г. смольняне пытались пригласить Мстислава Ростиславича — они хотели иметь самостоятельного смоленского князя. После старшего из Ростиславичей в Смоленске княжит не следующий по возрасту Рюрик, а Давыд. Но Рюрик в этот момент занял киевский стол, Давыд же оказывается в Смоленске сразу после смерти Романа по воле обстоятельств: Рюрик

посылает его туда за военной помощью. Этот порядок воспроизводится при занятии смоленского стола князьями следующего поколения: после смерти Давыда в столице княжит не его сын, а сын Романа — Мстислав Романович. Затем смоленским князем становится сын следующего Ростиславича, сидевшего на смоленском столе: Мстислав Давыдович¹⁰.

Можно ли извлечь из летописей существенный материал о смоленском боярстве? Уже отмечался боярин Внезд, который встречается в Смоленске Ростислава Мстиславича. Здесь он отмечен отдельно, а ранее указывался как воевода при смоленских войсках в помощь Рогволоду: «пусти ему два сѣа в помочь Романа и Ририка и Внѣзда и Смолнаны и Новгородци . и Плесковичи». Характерно, что после Рюрика назван Внезд, а потом смоляне, новгородцы, псковичи. Скорее всего, это означает, что фактически Внезд возглавлял смоленские полки. Все это свидетельствует о его влиятельности и высоком положении, занимаемом в смоленской элите, хотя убедительных доказательств тому, что он был тысяцким [Голубовский. С. 276; Алексеев. 1980. С. 114], у нас нет. Зато есть прямое указание на то, что эту должность занимал боярин Михалка в период смоленского княжения Давыда Ростиславича. Под 1196 г. рассказывается, что он вел смоленский полк против полоцкого¹¹.

Когда в 1159 г. Ростислава Мстиславича призывают на киевский стол, с ответом он посылает своих бояр — Ивана Ручечника и Якуна. Боярам доверено передать согласие Ростислава занять киевский стол с важным условием: «не хочю Клима оу митропольи видити». Видимо, названный первым из них — Иван (Иванко) Ручечник возглавлял эту делегацию, поскольку именно про него сказано, что он «вѣзма тажкы (тажкы — ХП) рѣчи», а придя в Смоленск, «росправивъ всѣ рѣчи кнѣзю» (Стб. 503). Членами этой делегации стали также некие мужи от смольнян и от новгородцев.

Таким образом, летописи показывают, что существовал круг смоленских бояр Ростислава, которые допускались к вопросам не только внутренней жизни княжества, но и были посвящены в более глобальные политические проблемы. Правда, далее непреклонная позиция Мстислава Изяславича, не принимающего, в свою очередь, в качестве митрополита Константина, потребовала, чтобы на переговоры отправился старший сын Ростислава Роман.

В рассказе о последних днях и часах князя Ростислава Мстиславича упоминаются еще два боярина, оба с «благородными» отчествами: покладник (постельничий?) Иванко Фролович¹² и Борис Захарыч, — которых он перед самым преставлением просит позвать попа Симеона. Первый из них более не упоминается, второй, напротив, фигурирует в Ипатьевской летописи еще дважды. В 1181 г. он выступает во главе смоленских полков (с княжичем Владимиром Мстиславичем) в походе

Рюрика на половцев; ему на попечение передает своего сына Мстислав Ростиславич перед кончиной. Таким образом, боярин Ростислава останется на службе у Ростиславичей¹³.

П.П. Толочко полагает, что несколько поколений боярского рода — начиная с Нажира — также служили смоленским князьям [Толочко. С. 240]. Однако то, как они упоминаются в летописи, заставляет думать о принадлежности их к киевскому боярству. В 1160 году упоминается Жирослав Нажирович — его посылает Ростислав Мстиславич *из Киева* в помощь Рогволоду. Затем в 1162 году (а не наоборот!) назван Нажир — как боярин Изяслава Давыдовича, которого берут в плен торки. Боярина Сдеслава Жирославича П.П. Толочко предлагает считать сыном Жирослава (хотя имя Жирослав весьма распространенное). Сдеслав дважды отмечается в известиях Ипатьевской летописи. Однако считать его «ближайшим помощником князя Мстислава Мстиславича» можно лишь согласно известию под 6701 г. В нем прямо говорится, что Мстислав (Удатный) отправился в поход по зову Ростислава Рюриковича «со Здеславомъ с Жирославичемъ с моужемъ своимъ» (Стб. 677). Что же касается известия под 6688 г., то здесь он упомянут как возглавляющий «Мстиславль полк», и речь идет о Мстиславе Владимировиче (т.к. там фигурирует Треполь — резиденция этого князя).

Наконец, есть летописный материал о неких вечевых акциях смольнян. Вечевые «думы» смольнян упоминаются в Лаврентьевской летописи: «Новгородци бо изначала и Смолнани . и Кыяне . [и Полочане] и вса власти . ꙗкожъ на дому (Р — думу) на вѣча сходатса . на что же старѣишии сдумають . на томъ же пригороди стануть»¹⁴.

В вышерассмотренном рассказе о переговорах Ростислава с киевлянами говорится, что в составе делегации наряду со своими боярами Ростислав посылает «ѿ Смолнанъ мужа . и ѿ Новгоречь (XII — новгородець)». Муж от новгородец — это, очевидно, представитель «города», который придерживался позиции покойного новгородского архиепископа Нифонта — главного оппонента Клима Смолятича. Таким образом, естественно предположить, что и смоленский муж — представитель института городского управления.

Дважды речь идет о действиях смольнян в период княжения Романа Ростиславича, когда они проявляют самостоятельный выбор и волю. Впрочем, не исключено, что в обоих случаях имеется в виду одно и то же событие. Как уже отмечалось, в Ипатьевской летописи говорится, что в начале 1175 г. «Смольнанѣ выгнаша ѿ себе Романовича Ярополка . а Ростиславича Мстислава введеша Смоленську княжить». Возможно, князь был слишком молод и зарекомендовал себя в предыдущее княжение (1171—1172 г.) как недостаточно опытный правитель. Авторитет Мстислава, напротив, был весьма высок. В некрологическом же рассказе

о кончине Романа Ростиславича плач его вдовы содержит слова: «многѣ досады . приа ѿ Смолнаны . и не видѣ та гѣне . николи же противоу ихъ злоу . никотораго зла въздающа» (Стб. 617). Никаких прямых указаний на конфликты между Романом и смольнянами летописи не обнаруживают, за исключением изгнания сына. Возможно, тем не менее, некие «многие досады» от смольнян их князю летописцы не зафиксировали.

В некрологе Давыду Ростиславичу говорится, что князь «злына кажна ѿкоже подобаетъ. цѣрмь творити» (Стб. 703). Правда, Ипатьевская летопись о причине этих действий князя молчит, информация о конфликте смольнян с Давыдом содержится в Новгородской первой летописи (1186 г.): «Въстань бысть Смоленське промежи княземъ Давыдомъ и смолняны, и много головъ паде луцьшихъ мужъ»¹⁵. Сообщения о конфликтах Давыда со смольнянами встречаются и в других летописных известиях. Так, в 1185 г. смольняне в походе стали вечем, заявив, что не пойдут далее, поскольку «оуже са есмы изнемогѣ», и «Двѣдъ возвратиса ѿпять со Смолнаны» (Стб. 647). Более туманное указание читается в Ипатьевской летописи под 1196 г., где летописец передает слова о смольнянах и Давыде их противника Олега Святославича, который взял в плен смоленских воинов: «ажъ братья ихъ не добрѣ с Двѣдомъ» (Стб. 692). Даже если это не соответствовало истине, сам факт такого предположения показывает, что вече в городе было активным.

Таким образом, можно констатировать, что ранние летописи — в первую очередь, Ипатьевская, но также отчасти Новгородская первая и Лаврентьевская, дают ценный материал о Смоленской земле в XII веке. Это информация о смоленских князьях, их владениях и политике, городах княжества, боярах, смоленском вече и др.

Литература

- Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М.: Наука, 2006.
- Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980.
- Алексеев Л.В. Смоленское княжество // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 766—767.
- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Наука, 1963.
- Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.
- Конявская Е.Л. Смоленские Ростиславичи и их владения в раннем летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 56.
- Кучкин В.А. Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 117—118.
- Кучкин В.А. Русь перед 1237 г. Нашествие Батые. Русь под игом // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 2010. С. 61—100.

- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
- Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжства X—XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 240—259.
- Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерк политического строя. М.: Индрик, 2008. С.148—269.
- Толочко П.П. Тысячские в Южной Руси // Толочко П.П. Киев и Русь. Избранные труды. 1998—2008 гг. Киев: Академперіодика, 2008. С. 235—241.

- ¹ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 339 (далее ссылки на столбцы этого издания в тексте в скобках).
- ² В Ипатьевской же летописи про него дважды говорится: «Дѣдъ кнѣзь Смоленскій» (Стб. 620) и «блговѣрнѣи кнѣзь Смоленскій Дѣдъ снѣ Ростиславль» (Стб. 702).
- ³ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926—1928. Стб. 297—298.
- ⁴ 6667 г. в этом известии, как показано Н.Г. Бережковым, является в Ипатьевской летописи ультрамартовским [Бережков. С. 170].
- ⁵ Локализация города до конца не ясна, см.: [Голубовский. С. 341 (карта); Седов. С. 252—253; Алексеев. 1980. С. 41 (карта); Алексеев. 2006. С. 196—197; Алексеев. 2014. С. 767 (карта)].
- ⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Наука, 1950 (далее — НПЛ). С. 32.
- ⁷ В Лаврентьевской летописи дан несколько иной перечень смоленских участников похода: «Романъ . Смолинскѣи . Дѣдъ Вышегородскѣи... Рюрикъ . с братомъ съ Мстиславомъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354).
- ⁸ НПЛ. С. 33.
- ⁹ Известно об одном сыне Вячеслава Владимировича — Михаиле, умершем в 1129 г. Возможно, Роман — его сын. О наделении владениями самого Вячеслава см.: [Назаренко. С. 399—400].
- ¹⁰ Хотя о сыне Рюрика Владимире под 1216 г. сказано, что он идет «съ смольняны» (НПЛ. С. 55), оснований считать, что он княжил в Смоленске, у нас нет (см.: [Кучкин. 2010. С. 69]).
- ¹¹ См. об этом: [Кучкин. 2017. С. 118].
- ¹² Л.В. Алексеев предложил отождествление его с Иванкой Ручечником, упоминаемым ранее [Алексеев. 1980. С. 215]. Ручечником, Ручником на Руси могли называть грамотеев, которые, в том числе ставили подпись за неграмотных. Возможно, прозвище Ручечник (Ручник) как-то касалось канцелярских обязанностей боярина. Тогда закономерно отправлять с посланием именно его. Постельничий же исполняет иные обязанности.
- ¹³ См. об этом [Стефанович. С. 254—255].
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377—378.
- ¹⁵ НПЛ. С. 38.

О.Ф. Кудрявцев

От средневековых описаний Руси к ренессансным: картины русской жизни у Марко Поло и его продолжателя

Аннотация: В статье рассмотрены сведения о Руси, сообщенные Марко Поло в его описании путешествия на Восток, а также, по-видимому, продолжателем его труда в версии, сохраненной толедским манускриптом. Подчеркнуто, что данные о Руси самого Марко Поло близки к средневековым компендиям и по сути являются суммой всего, что было известно о ней европейцам к концу XIII в. Тогда как дополнения продолжателя Марко Поло, недостоверные и фантастические, представляют собой по сути «бродячие сюжеты», широко используемые в ренессансной новеллистике.
Ключевые слова: средние века, эпоха Возрождения, Марко Поло, Русь, литература путешествий, образ другого, природа и география Севера.

O.F. Kudryavtsev

From medieval to Renaissance descriptions of Rus': images of the Russians by Marco Polo and by his successor

Abstract: The paper examines the information about Rus' in Marco Polo's Description of his Voyage to the East as well as in version of the Toledian manuscript, supplemented, as we can suppose, by the successor of this Description. It is pointed out that the Russian communication of Marco Polo themselves is a kind of medieval compendium or summa of all information that was available to the Europeans by the end of the XIIIth century. While the additions of Marco Polo's successor, non-reliable and even fantastical, are in reality "vagrant topics", widely-used in the Renaissance novels.

Keywords: the Middle Ages, the Renaissance, Marco Polo, Rus', travel literature, image d'autre, nature and geography of the North.

Венецианец Марко Поло, в течение двух с половиной десятилетий (с 1271 по 1295 гг.) объехавший Передний и Средний Восток, Южную и Юго-Восточную Азию и надолго задержавшийся в Китае, непосредственно сам Русь не посещал. Правда, его отец и дядя, вместе с которыми он путешествовал, бывали недалеко от нее — на Средней Волге¹. От них или от каких-то других своих со-

¹ Кудрявцев Олег Федорович — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России.

Kudryavtsev Oleg Fedorovich, Grand PhD (History), Professor, MGIMO University.

отечественников, имевших дела на Руси, он получил о ней сведения и сообщил их в довольно коротком, но очень емком тексте. В нем он поведал все, что в те времена мог рассказать купец купцу, и так деловито и сухо, как должен был передавать это купец купцу.

Мемуары Марко Поло были записаны с его слов на французском языке в 1298 г. пизанцем Рустичиано, или Рустичелло/Рустикелло (Rusticiano, Rusticello/Ristichello), его товарищем по заключению в генуэзской тюрьме, куда они оба попали в качестве военнопленных. Французский язык был выбран, возможно, потому, что оба итальянца, говоривших на разных наречиях, могли плохо понимать друг друга, но скорее всего потому, что для Рустичиано, привыкшего делать компиляции французских рыцарских романов, этот язык в качестве литературного был привычнее; не исключено также, что, по их мысли, французский язык должен был обеспечить их труду более широкий круг читателей². Как бы то ни было, но на французском языке мемуары Марко Поло сохранились только в одном единственном списке. Зато созданные сразу после французской записи переводы произведения на итальянские наречия и на латынь имели громкий успех и дошли до нас в многочисленных копиях. Между ними имеются небольшие, но порой существенные отличия, обусловленные некоторым расширением или, наоборот, сокращением исходного текста. Не исключено, что сам Марко Поло, авторизуя переводы, вносил в них изменения, но скорее всего это делали переводчики или переписчики его мемуаров. Кроме исходного французского текста далее будут привлекаться его перевод на тосканский диалект — версия академии Круска, переводы на венецианский диалект и на латынь, а также итальянская версия Рамузио, опубликованная в 1559 г.; большинство их выполнено в самом начале XIV в. и, похоже, восходит к первому, не сохранившемуся полностью исходному тексту мемуаров Марко Поло [Бартольд. С. IV, V]³.

§ 1. Сумма о Руси в мемуарах Марко Поло

Завершая рассказ о «стране Тьмы», или «темной стране» (provence d'Obscurité; Valle Iscura; Regione delle tenebre; Obschurità), изобилующей дорогими мехами, под которой подразумевались заполярные области европейского Севера и Сибири [Алексеев. С. 31; Pelliot. P. 616—624; Herriott. 1944. P. 313], Марко Поло упоминает о Руси; причем в тексте Круска говорится о «Русском граде» (città di Rossia), который можно понять расширительно как «государство Русское» (città = лат. civitas), у Рамузио — о «провинции [то есть стране] Русской» (provincia di Rossia), а во французском тексте и в венецианском переводе — о «великой России», гранича-

щей с этой [то есть темной] страной» (la grant Rosée confine de le un chief con ceste provence; la gran Rossia confina siego)⁴. Из приведенного короткого упоминания Руси можно вывести три заключения. Во-первых, Марко Поло и его переводчики на французский язык и итальянские диалекты предпочитают византийское название русской страны как «России» (Rosée⁵, Rossia) [Соловьев. С. 139, 140]; во-вторых, либо сам Марко Поло, либо его перелазатели уже в конце XIII в., возможно, по примеру византийцев подразделяли Русь на «великую» и, соответственно, «малую» (хотя упоминания этой последней ни в одной из версий мемуаров Марко Поло нет); в-третьих, «великой Русью», поскольку она соседствует со «страной Тьмы», могла обозначаться только Северо-Восточная Русь.

Впрочем, о северном местонахождении Руси говорится в далее следующей главе, специально ей посвященной (de la provence de Rosie e des jens): «Русь огромная страна, расположенная к северу»⁶; в латинском переводе уточняется: «...которая простирается почти до северного полюса»⁷; в версии Рамузио после указания на обращенность к северу, добавлено, что там, на севере, как сказывают, находится «страна Тьмы»⁸.

Прямое отношение к северному расположению Руси имеет ремарка, сделанная Марко Поло, когда он уже повел речь о некоей «области Лак»: «Хочу вам сказать кое-что по поводу Руси (Rosie), о чем я забыл. Знайте, что воистину на Руси самый сильный в мире холод, так что от него с большим трудом можно укрыться; и она столь велика, что простирается до Моря-Океана». То же самое находим в рамузианской версии, а вот в венецианской сказано, что из-за мороза «здесь с великим трудом можно жить» (a gran pena se ne può viver)⁹. Имел ли в виду венецианский путешественник ссылкой на северное местонахождение Руси и ее холодный климат подвести читателя к мысли о дикости, варварстве и чуждости всякой цивилизации ее обитателей¹⁰ или он с точностью делового человека лишь констатировал реальное положение вещей, зная которое нелишне каждому, кто собирается вести на Руси какие-то дела, сказать с полной определенностью невозможно. И все же некоторое основание для того, чтобы из северного климата, присущего Руси, вывести нравственную характеристику ее народа, на наш взгляд, есть. Жителей Руси Марко Поло описывает как «людей очень простых» (molt simple jens)¹¹. Впрочем, надо ли это понимать в том смысле, что они ведут примитивное существование, диковаты, чужды добрым нравам и культуре, или, наоборот, что они простодушны и им неведомы пороки цивилизации, — можно только гадать. Опять же, акцентируя внимание на чрезвычайно холодном климате русской страны, Марко Поло совершенно определенно говорил о невыносимых, прямо-таки мучительных условиях существования ее обитателей; в этой связи стоит вспомнить, с каким ужасом Данте, современник Марко Поло, опи-

сывал муки самых великих грешников, попавших в последний, девятый круг Ада, средоточие косности («середина, где сходится всех тяжестей поток»; “lo mezzo, al quale ogni gravezza si rauna”) и величайшего холода:

«Мы были там, — мне страшно этих строк, -
Где тени в недрах ледяного слоя,
Сквозят глубоко...» (Перевод М. Лозинского)¹².

Но следует ли видеть в таких крайне неблагоприятных для человека природных обстоятельствах знак проклятия народа, живущего если не в преддверии, то в близком подобии Ада, или же, напротив, — восхищаться людьми, сумевшими приспособиться к тяжелым внешним условиям и наладить в них свое существование, — никаких ясных указаний в источнике мы не найдем.

Более вняты другие сведения о русских. Они, сказано у Марко Поло, христиане и держатся греческого закона» (la loy grezoys); во многих редакциях добавлено — «в делах церкви» (in fati della giexia; nell'officio della Chiesa; in ecclesiasticis)¹³; а в одном из вариантов текста Круска (рукопись библиотеки Мальябеккьяна, II) сделано после того крайне важное уточнение: «и они очень духовны» (e sono molto spirituali uomeni)¹⁴, то есть религиозны. Далее речь идет о том, что «у них много королей и свои собственные наречия»¹⁵. Подчеркивается также, что русские «платят дань только королю Запада, а он татарин и зовется Тактактай, и больше никому»¹⁶; в версии Круска добавлено, что эта дань невелика (quello è poco)¹⁷, у Рамузио уточняется, что страна русских граничит с владениями этого короля на востоке¹⁸. Кроме того, передавая, по-видимому, широко распространенное в среде итальянских купцов убеждение, Марко Поло замечает, что русские «очень красивы, мужчины и женщины, ибо они белы и белокуры»¹⁹. Любопытно, что сходное впечатление о русских как людях выдающейся красоты более века спустя выскажет кастильский путешественник Перо Тафур²⁰.

Вслед за подобными данными политико-этнографического характера Марко Поло сообщает то, что нужно знать купцу, который намерен вести с Русью торговлю. Прежде всего он предупреждает, что, во-первых, страна эта труднодоступная, во-вторых, — не торговая²¹. Но, добавляет он тут же информацию, крайне важную для купца, у русских «много дорогих мехов высокой ценности, ибо у них изобилие и соболей, и горностаев, и белок, и эрколинов (ercolin), и в преизбытке лищиц, лучших в свете и самых красивых»²², а также, добавлено в рамузианской версии, «много воска»²³. Словом, хотя «страна не торговая», а это значит, что ее обитатели ведут натуральное хозяйство, тем не менее купцу разжиться в ней есть чем, ибо меха — дорогой и выгодный

товар. И не только ими — в ней, продолжает Марко Поло, «много серебряных рудников, где добывается серебро в большом количестве»²⁴. И здесь Марко Поло ошибается, ибо если представление о Руси как о крупном рынке и поставщике пушнины в Европу и в Средиземноморье соответствовало действительности, то убеждение о наличии в ней залежей серебра было ложным и могло возникнуть скорее всего из-за значительных запасов этого металла в виде денег или драгоценных изделий, создавшегося в результате выгодного для русской внешней торговли положительного торгового баланса.

Кроме золота и серебра Русь в глазах купца могла выглядеть привлекательной своими ловчими птицами. На северном «Море-Океане» у них, то есть у русских, пишет Марко Поло, расположено «несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы, которые вывозятся в разные страны света»²⁵. Речь идет о птицах высочайшей ценности, добываемых на Уральских горах и островах Северного Ледовитого океана и доставляемых ко дворам правителей самых отдаленных государств Европы и Азии.

* * *

Свод данных о Руси, представленных Марко Поло, очень информативен. В нем есть сведения по географии и климату страны, ее этнографии и политическому положению, о религии ее обитателей, наконец, о ее богатствах, которые могут стать предметом торгового обмена. Такой многосторонней картины русской действительности, впрочем, лишенной каких-либо подробностей и частных наблюдений, не давал ни один другой средневековый источник. И, судя по большому числу рукописных копий этого произведения на итальянских диалектах, латыни и в переводах на другие языки²⁶, можно сказать, что в течение почти двухсот лет²⁷ для подавляющего числа европейцев оно было главным компендием пусть самых общих знаний о Руси, если только у его читателей хватало упорства добыть эти сведения в его недрах.

§ 2. «От печки к печке»: на переходе к ренессансным описаниям Руси у продолжателя Марко Поло

В 1932 г. в библиотеке соборного капитула в Толедо была найдена рукопись, содержащая новую латинскую версию книги Марко Поло. Она сильно отличалась по содержанию от французской и прочих доселе известных редакций текста, будучи короче их в первых и средних главах и пространнее в остальных. В этой версии появилось много дополне-

ний, некоторая часть их известна, правда, по Рамузианской версии, однако другая — и весьма значительная — не имеет соответствия в иных редакциях или переводах труда Марко Поло [Moule, Pelliot. P. 41—49; Herriott. 1937. P. 456—463]. Рукопись, найденная в Толедо, создана в Италии не позднее 1470 г. и, по мнению смотревших ее палеографов, более точно может быть датирована или самым началом, или первой половиной XV в. [Moule, Pelliot. P. 50; Herriott. 1937. P. 461]. Вопрос об аутентичности этой версии или, по крайней мере, содержащихся в ней новых материалов, кажется, особенно не заботил исследователей. Ее публикаторы во введении нимало не сомневались в том, что автором дополнения о Руси, довольно обширного и подробного, был Марко Поло, хотя сведения о ней, признавали они, он, никогда не бывавший в этой стране, мог получить из вторых рук [Moule, Pelliot. P. 49]. По мнению Ст. Мунда, толедский манускрипт представляет собой, авторский вариант работы, созданный после 1298 г., в нем Марко Поло сообщает новые данные, подсказанные его памятью или его отцом и дядей, вместе с которыми он ездил в Китай [Mund. 2002. P. 109]²⁸.

Однако если этот манускрипт содержит более позднюю авторскую версию сочинения, в буквальном смысле исправленную и дополненную, то почему она не была хоть сколько-нибудь широко распространена и сохранилась, похоже, в одном экземпляре, тогда как более ранние редакции имели повсеместное хождение (известно около 150 рукописей к началу книгопечатания) на разных итальянских диалектах, европейских языках и латыни? Не потому ли что толедская версия — это довольно поздняя переработка труда Марко Поло, выполненная не им самим, датировать которую вслед за рукописью, ее содержащей, можно первой половиной XV в., временем, когда варианты труда, с большим основанием признаваемые авторскими, были уже повсюду представлены? Похоже, что кто-то лучше, чем Марко Поло, владевший мастерством рассказа и обладавший дополнительной информацией о странах, описанных прославленным венецианским путешественником, решил «исправить» его сочинение, с одной стороны, существенно сократив некоторые части повествования, и с другой, — включив в него новые данные, собранные самим *соавтором* или услышанные им от кого-либо.

Надо сказать, что в текст сочинения Марко Поло вмешивались переводчики или переписчики с самого начала, добавляя или опуская те или иные слова, фрагменты фраз или целые фразы; не случайно в предыдущем параграфе сличались различные рукописные традиции. Тем не менее, в наиболее ранних редакциях текст сохранял характер *стенограммы*, то есть выполненной кем-то (Рустичиано) записи устного рассказа другого лица (Марко Поло). Этим объясняется явная «несобранность» или непоследовательность, материала. Так, после окончания

небольшого рассказа о Руси во французской редакции заходит речь о «Великом», то есть Черном море, Константинополе и стране Лак (Валахии?), вслед за коротким описанием которой повествователь (Марко Поло) возвращается опять к Руси, простодушно признаваясь, что кое о чем он забыл поведать; так же и в редакции Круска информация о Руси разрывается сообщением о стране Лак²⁹. В более поздних по времени венецианском переводе и в версии Рамузио такая неудобная для читателя чересполосица материала исправлена за счет того, что упоминания о «Великом море», Константинополе, стране Лак полностью опущены и в итоге сведения о Руси предстают как целостный текст³⁰. Редакторская работа, выполненная, похоже, не самим автором, налицо. Любопытно, что в толедской рукописи все эти упоминания о «Великом море», Константинополе, стране Лак сохранены, но помещены далеко в конце раздела в качестве некоего приложения к повествованию о Руси, состоящему из сведенных воедино фрагментов Марко Поло и новых сведений, добавленных непосредственно к ним.

Эти новые сведения текстуально во много раз превосходят отрывок, посвященный Руси, прежде известных редакций, хотя информативностью они гораздо беднее его. Характерный для Марко Поло отбор наиболее важных деталей, о которых он сообщает предельно сжато, сменяется в этих новых сведениях интересом к частностям, уточнению подробностей, к занимательным явлениям и происшествиям, анекдоту, и это также дает повод усомниться в том, что их автором мог быть прославленный венецианский путешественник.

Весь этот новый материал³¹ тематически может быть разделен на четыре фрагмента. В первом говорится о том, как русские выживают в условиях великого холода, во втором — о пьянстве и его последствиях, в третьем — анекдотический случай, демонстрирующий, к чему может привести пьянство во время стужи, в четвертом — о русских деньгах.

Итак, подхватывая тему необычайно сильных морозов, не случающихся нигде в мире (*tam intensum frigus sicut ibi non inuenitur in aliqua parte mundi*), но обычных для Руси, продолжатель Марко Поло утверждает, что в таких обстоятельствах людей спасает от гибели множество печей (*multas stuppas*³²), кои знать и вельможи построили из соображений благочестия, подобно тому, как у нас, то есть в Европе, сооружают госпитали; и у этих печей люди могут найти укрытие в случае необходимости. А мороз там, на Руси, столь велик, что когда люди путь держат домой или из одного места в другое по своим делам, то, отправляясь от одной печи, они почти замерзают (*quasi congelati*), прежде чем достигнут другой, хотя, как сказано, печи там расположены часто, одна отстоит от другой на шестьдесят шагов³³. Однако и это сравнительно небольшое расстояние для многих оказывается непреодолимым: случается так,

что человек то ли недостаточно тепло одетый, то ли по причине старости неспособный быстро передвигаться, то ли из-за более слабого, чем у других, телосложения, то ли из-за слишком большой удаленности его дома прежде, чем дойдет от одной печи до другой, падает на землю, замерзший от чрезмерного холода, и умирает; правда, эта смерть, может быть обратима, если идущие мимо люди тотчас его возьмут, дотащат до печи и разденут, тогда он, согревшись, вновь обретает природные силы и возвращается к жизни³⁴. В основе этих сведений, конечно же, дошедшие с Руси слухи о том, как там зимой люди, изнуренные трудностями дороги и холода, лишаются чувств и впадают в состояние анабиоза; действительно, они могут быть спасены, если их вовремя обнаружат и обогреют; но в подобных случаях ни о какой их смерти и замерзании, то есть падении температуры до отрицательной, речи быть не может.

Все существование русских представлено как что-то невозможное, как постоянное балансирование на грани жизни и гибели от лютого мороза; в буквальном смысле оно изображается как вечный бег от одной печи к другой в поисках теплого укрытия, чтобы не замерзнуть³⁵. Так вообразить себе условия существования русских мог человек, в их стране не бывавший и лишь понаслышке знавший о ее страшных морозах, которые, как видно, вызывали в нем панический страх. Опять же совершенным незнанием русской действительности можно объяснить утверждение рассказчика, будто печи (на самом деле, конечно же, обогреваемые помещения) отстояли друг от друга всего на шестьдесят шагов, что подразумевало довольно высокую плотность заселения страны, хотя известно, что на северо-востоке Руси население было редким, города и деревни находились друг от друга на значительных расстояниях, да и между домами в сельской местности промежутки могли быть большими. Наконец, обогрев имели все дома на Руси и строили их сами крестьяне или горожане, а не знать и вельможи в благотворительных целях.

Что касается печей (*stupe*), или, точнее, отапливаемых помещений, то строятся, как сказано, они из толстых бревен, уложенных в квадрат (*cum trabibus grossis per quadrum*) одно на другое так плотно, что между ними не бывает просветов; места их соединений заделаны известью и другими материалами и ни дождь, ни ветер не могут проникнуть внутрь помещения. Наверху, на крыше, имеется окно для выхода дыма, то есть дома отапливаются по-черному; чтобы сохранять тепло, когда от сгоревших поленьев остаются тлеющие угли, потолочные окна закрывают войлоком. Есть еще окна на стенах, которые открывают, чтобы осветить помещение, но только в том случае, если снаружи нет ветра. Двери, по сообщению продолжателя Марко Поло, тоже войлочные. Знатные и богатые лица имеют свои собственные печи (или обогреваемые помещения). Все дома очень хорошо закрыты и защищены от холода³⁶.

После рассказа об отапливаемых по-черному избах сообщается о русском застолье. Восхищение повествователя вызывает «превосходнейшее вино, называемое брага, которое готовится из меда и проса»³⁷. Для того, чтобы пить эту брагу, собираются большие компании, мужчин и женщин, преимущественно людей знатных и благородных, в тридцать, сорок, пятьдесят персон, среди которых могут быть целые семьи — мужья, жены и дети. Каждая компания избирает из своей среды короля, или главу, и устанавливает правила, и, если кто-нибудь скажет что-то непотребное (*verbum aliquod ineptum*) или каким-то поступком нарушит правило, его подвергает наказанию тот, кто избран в качестве их господина. Есть люди, их именуют трактирщиками (*tabernarij*), которые занимаются продажей браги. Указанные выше компании направляются в трактиры и весь день проводят в попойках, которые называют «стравица»³⁸. Вечером трактирщик подсчитывает выпитое и каждый оплачивает долю потребленного им, его женой и детьми, если они участвовали в попойке³⁹. Как сказано далее, деньги на подобные попойки, или «стравицы», ссужают участникам под залог их детей (*concedere denarius super filijs*) иноземные купцы из Газарии, Солдаи и других окрестных земель. Потратив деньги на попойку, ее участники таким образом продают своих детей⁴⁰.

Случаи продажи детей кому-то в рабство за долги (даже если эти долги вызваны неумеренным пьянством родителей) нельзя исключить. В тексте, по-видимому речь идет о Южной Руси (современная Украина), соседней с Крымом (Газарией) и гетуэзскими колониями (Солдаия), купечество которых наживалось на работоторговле, продавая в числе других и детей, полученных за долги (тем более что на Юге Руси массовое обнищание крестьян в XV—XVI вв. было стимулировано в значительной степени развитием винокурения и широкой продажей им хмельных напитков). Правда, в пересказанном тексте есть явная неувязка, побуждающая осторожно отнестись к приведенным сведениям: в начале раздела о том, что и как на Руси пьют, говорится, будто компании для попок составляются преимущественно из людей знатных и могущественных (*prescriue nobilium et magnatum*); но совершенно понятно, что знатные и могущественные люди, богатые, если не звонкой монетой, то землями и привилегиями, ни за какие деньги своих детей в рабство не продадут.

Диковинным выглядит еще одно обыкновение, будто бы принятое в русских застольях. Речь идет о том, что дамы, дабы избавиться от накопившейся в них лишней влаги, не выходят, но все делают на месте благодаря служанкам, которые незаметно для других подкладывают под них большие губки (*magnas spongijs*), своего рода подгузники, а затем так же незаметно их убирают⁴¹. Данный обычай, обеспечивающий и пристойность и гигиену естественных отправлений, свидетельствует о довольно высокой культуре застолья; равно как и ранее упомянутый

запрет на непотребные слова и поступки. Правда, к Руси описанный обычай скорее всего не имеет отношения, ибо участвовать в пирах русским женщинам, как, впрочем, и детям, не полагалось.

Далее рассказан трагикомический случай, который призван проиллюстрировать и силу холода в стране русских, и дурные последствия их приверженности к пьянству. Однажды, когда некая семейная пара вечером направлялась с попойки домой, и жена присела, чтобы справиться нужду, ее волосы, находящиеся внизу живота, заиндевели и смерзлись с травой; не в состоянии двинуться с места от испытываемой боли женщина закричала; тогда и муж, который был очень пьян (*valde ebrius*), сострадая жене, наклонился и начал дуть, надеясь растопить теплым дыханием образовавшийся ледяной ком. Но влага от его дыхания тоже стала замерзать и поэтому уже волосы его бороды смерзлись с волосами женщины. В итоге, он сам не мог двинуться с места от сильнейшей боли, вынужденный находиться в согбенном положении. И чтобы им освободиться, должны были придти люди и разбить образовавшийся лед⁴².

Описанный, дразнящий воображение комичный эпизод, приключившийся будто бы в далекой северной стране, дает готовый сюжет для бытовой новеллы, ставшей очень популярной в европейской литературе со второй половины XIV в. Конечно, никакого реального происшествия за этим анекдотом не было и быть не могло: уже то, что трава зимой на Руси всегда укрыта снегом, говорит о полной фантастичности изображенной ситуации. Но подобные рассказы имели широкое распространение — они были забавны и занимательны, и тем занимательней, чем невероятнее были истории, которые в них преподносились. Близкую аналогию этим возбуждающим любопытство *правдоподобным*, но далеко не всегда правдивым историям о природных условиях и морозах Руси можно увидеть в сообщении Гильбера де Ланноа о посещении им зимой 1413—1414 гг. Новгорода и Пскова⁴³.

Впрочем, цитированное выше приключение с подвыпившей парой явно относится к «бродячим сюжетам» анекдотов и рассказов, которые не обязательно должны были иллюстрировать *русский* холод. Так, в сборнике новел 1579 г. Филиппа д'Алкрипа, известного также как Филипп Ле Пикар (Philippe Le Picard), есть сюжет на близкую тему, но дело происходит уже во французском городе Тронке (Tronquay); с небольшими изменениями этот рассказ воспроизведен в подборке Дю Мулине 1612⁴⁴. Очевидно, что из каких-то подобных собраний анекдотов был взят, обработан и представлен как последствие русского застолья сюжет о том, сколь опасно производить естественные отправления на морозе. И это может служить серьезным аргументом в пользу того, что дополнительные сведения, содержащиеся в Толедском манускрипте Марко Поло, скорее всего более поздняя вставка в текст труда венецианского путешественника.

В последнем и очень коротком разделе речь идет о русских деньгах. Крупная монета, по утверждению автора, представляет собой золотой брусок длиной в пол-фута и стоимостью в пять больших солидов. В надежности этой информации можно усомниться, так как на Руси имели хождение не золотые, но серебряные слитки в виде брусков. Мелкой монетой, сказано далее, являются куньи мордочки (*capita de mantoris*)⁴⁵, что соответствует действительности.

* * *

Описание Руси у продолжателя Марко Поло своим объемом, отбором и подачей материала выделяется по сравнению со средневековыми текстами, посвященными этой стране, напоминая собой изображение Восточной Европы путешественниками и космографами эпохи Возрождения. Информация становится заметно детальнее, чем прежде, а повествование — занимательнее, хотя говорить о большей достоверности вряд ли оправданно. Впрочем, заслуживает доверия сообщение об избах, топящихся по-черному. Бросается также в глаза укрепившееся и, как видно, широко распространенное на Западе представление о необыкновенно суровых природных условиях Руси, о продолжительных и великих холодах, в которых приходится жить и выживать ее обитателям.

Литература

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
- Бартольд В.В. Предисловие // Минаев И.П. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. СПб., 1902. С. III—XV.
- Бергерин Л. От Венеции до Ксанаду. М., 2011 (1-е изд. на английском языке — 2008 г.).
- Гаркавец А.Н. Марко Поло по прозвищу Миллион и его «Книга о разнообразии мира» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 522—565.
- Кудрявцев О.Ф. Великая Русь рыцаря Де Ланноа // Родина. 2003. № 12. С. 76—79.
- Кудрявцев О.Ф. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508—540.
- Луцкай Ю.В. Книга Марка Поло як джерело з історії Русі XIII століття // Черноморські читання: матеріали I Всеукраїнської науково-практичної конференції. Симферополь, 2014. С. 24—26.
- Луцкай Ю.В. Лексическіе заїмствованія из славянських язиків в западноевропейських джерелах XIII—XV вв. // Русин. 2015. № 1. С. 214—228.
- Луцкай Ю.В. Древнерусская братчина по сведениям Марко Поло // Valla. 2015. Т. 1. № 6. С. 13—22.
- Луцкай Ю.В. Древнерусская исьба по сведениям исторических источников // Valla. 2016. Т. 2. № 2. С. 10—17.

- Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. Т. XII. М., 1957. С. 134—155.
- Нечаев С.Ю. Марко Поло. М., 2013.
- Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 2001.
- Юрченко А.Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.
- Barbieri A. Introduzione // Polo Marco. Il “Milione” veneto ms. CM211 della Biblioteca Civica di Padova. Padova, 2003. P. 23—65.
- Barbieri A. Nota al testo e apparati // Polo M. Milione. Redazione latina del manoscritto Z / A cura di A. Barbieri. Parma, 2008 (1 изд. — 1998).
- Benedetto L.F. Introduzione // Il Milione di Marco Polo / A cura di L.F. Benedetto. Firenze, 1928.
- Benedetto L.F. La tradizione manoscritta del “Milione” di Marco Polo. Torino, 1962.
- Burgio E., Mascherpa G. «Milione» latino. Note linguistiche e appunti di storia della tradizione sulle redazioni Z e L // Plurilinguismo letterario. Atti del convegno internazionale del Centro Internazionale sul Plurilinguismo (Udine, 9—10 novembre 2006). Catanzaro, 2007.
- Clement M. D'une scène à l'autre. Construction de l'obscénité dans les narrations facétieuses à la Renaissance. Genève, 2011. P. 3—6.
- Cortelazzo M. Il linguaggio schiavonesco nel Cinquecento veneziano // Atti. Classe di scienze morali, lettere ed arti. Venezia, 1972. T. 130 (1971—1972). P. 113—160.
- Gadrat Chr. Le rôle de Venise dans la diffusion du livre de Marco Polo (XIVe-début XVIe siècle) // Médiévales. 2010. N 58. P. 65—78.
- Gallo R. Marco Polo. La sua famiglia e il suo libro. Venezia, 1955.
- Herriott J.H. The “Lost” Toledo Manuscript of Marco Polo // Speculum. 1937. Vol. XII. N 4. P. 456—463.
- Herriott J.H. Folklore from Marco Polo: Russia // California Folklore Quaterly. 1944. Vol. 3. N 4. P. 309—317.
- Larner J. Marco Polo and the Discovery of the World. New Haven. L., 1999.
- Mascherpa G., Tagliani R. Quattro note “venete” per il TLIO // Studi di lessicografia italiana. A cura dell'Accademia Crusca. Firenze, 2010. Vol. XXVII. P. 5—9.
- Moule A.C., Pelliot P. Introduction // Polo M. The Description of the World. L., 1938. P. 5—55.
- Mund St. Travel Accounts as Early Sources of Knowledge about Russia in Medieval Western Europe from the Mid-Thirteenth to the Early Fifteenth Centuries // The Medieval History Journal. 2002. Vol. 5. N 1. P. 103—120.
- Mund St. Orbis russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde „russe“ en Occident à la Renaissance. Genève, 2003.
- Münkler M. Marco Polo. Vita e leggenda. Milano, 2001.
- Pauthier M.G. Introduction // Polo Marco. Le livre / Ed. par M.G. Pauthier. Paris, 1865. Pt. 1—2.
- Pelliot P. Notes on Marco Polo. Paris, 1963. T. II.
- Ross E.D. Marco Polo and His Book. Philadelphia, 1977.
- Schenda R. Philippe Le Picard und seine Nouvelle Fabrique. Eine Studie zur französischen Wunderliteratur des 16. Jahrhunderts // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1958. Bd. 68. H. 1/2. S. 43—61.
- Wehr B. A propos de la genèse du «Devisement dou monde» de Marco Polo // Le passage à l'écrit des langues romanes / Éd. par M. Selig, B. Frank, J. Hartmann. Tübingen, 1993. P. 633—70.
- Zori A. Vita di Marco Polo veneziano. Milano, 1982.

- ¹ О том, что отец Марко Поло Никколò со своим братом Маффео посещали ставки золотоордынского хана Сарай, а также Болгар, расположенный неподалеку от русской границы на Средней Волге, см.: *Polo Marco. Le livre* / Ed. par M.G. Pauthier. Paris, 1865 (Pt. 1—2). Pt. 1. P. 6, 7. См. также биографии Марко Поло: *Pauthier M.G.* P. III, IV; *Zori A.; Münkler M.* P. 30—38; *Харт Г.* С. 37, 38; *Гаркавец А.Н.; Юрченко А.Г.; Нечаев С.Ю.*
- ² О роли Рустичиано в оформлении мемуаров Марко Поло см.: *Polo Marco. Le livre.* Pt. 1. P. 4; *Pauthier M.G.* P. LXXXII—XCI; *Ross E.D.; Larner J.* P. 46—57; *Харт Г.* Указ. соч. С. 216—226; *Münkler M.* P. 51—55. Впрочем, некоторые историки полагают, что первоначально книга Марко Поло была создана на родном для него венецианском диалекте [*Gallo. P.* 69—73].
- ³ О новейших подходах к реконструкции исходного текста и его отражении в различных редакциях произведения Марко Поло см.: *Benedetto L.F.* 1928. P. CV—CXXIV; *Gallo R.; Benedetto L.F.* 1962; *Larner J.* P. 184, 185; *Харт Г.* С. 279—283; *Münkler M.* P. 74—80; *Wehr B.* P. 633—70; *Burgio E., Mascherpa G.* P. 117—228; *Barbieri A.* 2008. P. 565—571; *Gadrat Chr.* P. 65—78; *Бергун Л.* С. 413—421.
- ⁴ *Polo Marco. Il Milione. Testo di lingua del secolo decimoterzo [Crusca]* / Pubbl. dal conte G.B. Badaloni Boni. Firenze, 1827. T. 1. P. 221; *Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano* / Pubbl. dal conte G.B. Badaloni Boni. Firenze, 1827. T. 2. P. 478; *Polo Marco. Le livre.* Pt. 2. P. 752; *Polo Marco. Il “Milione” veneto ms. CM211 della Biblioteca Civica di Padova* / A cura di A. Barbieri e A. Andreose. Padova, 2003. P. 248; *Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло. С. 335.
- ⁵ А.В. Соловьев полагает, что название «Rosée» у Марко Поло, напоминающее «Росея» русских документов XV в., «вероятно отражало живое произношение», в котором византийское имя «Росия» претерпело изменения: по правилу русской речи «и» перешло перед иотой в «е» [*Соловьев. С.* 144, 145].
- ⁶ «Rosie est une grandisme provence ver tramontaine» (*Polo Marco. Le livre.* P. 752).
- ⁷ “...quae fere usque ad polum arcticum excurrit” (*Polo Marco. De regionibus orientabilibus libri III. Coloniae Brandenburgiae, 1671.* P. 166).
- ⁸ “...guarda verso la parte di Tramontana, dove si dice essere questa Regione delle Tenebre” (*Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano.* P. 479).
- ⁹ *Polo Marco. Le livre.* P. 753; *Polo Marco. Il Milione [Crusca].* P. 223; *Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano.* P. 479; *Polo Marco. Il “Milione” Veneto...* P. 248.
- ¹⁰ См. на эту тему: *Кудрявцев О.Ф.* 2011. С. 532—535.
- ¹¹ *Polo Marco. Le livre.* P. 752.
- ¹² *Данте.* Божественная комедия. XXXII. 73—74; XXXIV. 10—12 // *Данте.* Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967. С. 213, 222 (*Dante. Divina Commedia* / Intr. di I. Borzi. Comm. a cura di G. Fallani, S. Zennaro. Roma, 1993. P. 217, 228).
- ¹³ *Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano.* P. 479; *Polo Marco. Il “Milione” Veneto...* P. 248; *Polo Marco. De regionibus orientabilibus libri III.* P. 166.
- ¹⁴ *Polo Marco. Il Milione [Crusca].* P. 222.
- ¹⁵ “Nil hi a plosors rois et ont langaiges por elz” (*Polo Marco. Le livre.* P. 752). В версии Круска говорится, что у них «свое собственное наречие» (e hanno loro linguaggio. См.: *Polo Marco. Il Milione [Crusca].* P. 222), следовательно — одно, а не много, как во французском тексте.
- ¹⁶ “il ne donent treu à nelui, for qe il donent auquans à un roi dou Ponent qui es Tartars, que a à non Tactactai; à cestui donent — il treu et ne gueres” (*Polo Marco. Le livre.* P. 753). Тактактай — настоящее имя Тохта, хан Золотой Орды с 1291 по 1312 гг.
- ¹⁷ *Polo Marco. Il Milione [Crusca].* P. 222.
- ¹⁸ *Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano.* P. 479, 480.
- ¹⁹ *Polo Marco. Le livre.* P. 752, 753. Версия Румузио чуть полнее: «Они очень красивые люди, белые и высокие; их женщины также белые и высокие с белокурыми

- и длинными волосами» (*Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano. P. 479*). См. также: *Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло. С. 336.
- ²⁰ *Тафур П.* Странствия и путешествия. 183 / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М., 2006.
- ²¹ “Il hi a maintes fors entrée e fors pas... Elle ne est teres de mercandies...” (*Polo Marco. Le livre. P. 753*). Нужно отметить, что эти сведения имеются также в текстах Круска и венецианского перевода (*Polo Marco. Il Milione [Crusca]. P. 222; Polo Marco. Il “Milione” Veneto... P. 248*), но их нет в версии Рамузио и в латинском переложении.
- ²² *Ibid.* М.П. Алексеев полагает, что эрколином у Марко Поло мог называться либо колонок (сибирский хорек), либо росомаха, меха которых очень ценились [*Алексеев. С. 42—44*]. П. Пеллио утверждает, что этим словом у Марко Поло назван особый вид белок [*Pelliot. P. 643—646*]. Современные итальянские исследователи Дж. Маскерпа и Р. Тальяни считают вполне вероятным, что под эрколином у Марко Поло следует разумеать ласку [*Mascherpa, Tagliani. P. 5—9*].
- ²³ *Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano. P. 480*. См. также: *Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло. С. 336.
- ²⁴ *Polo Marco. Le livre. P. 753*.
- ²⁵ “Il ont en cel mer auquans isle en lesquelz isles naissent maint jerfaus e mant fauconz pelerin, si qe il en portent par plosors leus dou monde” (*Polo Marco. Le livre. Pt. 2. P. 753*). О том, что латинское название птицы “girofalcons” (у Марко Поло на французском — “jerfaus”) соответствует русскому названию «кречет», сказано у Герберштейна: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 574, 575. См. также: *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 39, 40; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 297. Прим. 64.
- ²⁶ О рукописях и различных редакциях сочинения Марко Поло см.: [Gallo. P. 71—81; Benedetto; Larner. P. 184, 185; Харт. С. 279—283; Münkler. P. 74—80]. Интересно в этой связи также заметить, что экземпляр скорее всего венецианского перевода был выставлен для всеобщего пользования в библиотеке школы Св. Иоанна Милостыинника (S. Giovanni Elemosinario), находившейся в Венеции у моста Риальто [Gallo. P. 81—82; Barbieri. P. 32, 33].
- ²⁷ Первые печатные издания труда Марко Поло вышли на немецком языке — 1477 г., Нюрнберг, на латыни — 1484 г., Гауда, на итальянском — 1496 г., Венеция [Mund. 2003. P. 173, 174. N 9; *Gadrat Chr. P. 67*].
- ²⁸ Убеждение в том, что автором толедского варианта мемуаров был исключительно Марко Поло высказывает Н. Горелов. См.: Книга странствий / Составитель и переводчик Н. Горелов. СПб., 2006. С. 203, 204. См. также: *Barbieri A.* 2008. P. 569—571.
- ²⁹ “aucune cousse qu je avoit dementique” (*Polo Marco. Le livre. P. 753*). См. также: *Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло. С. 336, 337; *Polo Marco. Il Milione [Crusca]. P. 223*.
- ³⁰ *Polo Marco. Il “Milione” Veneto... P. 248; Polo Marco. Il Milione. Testo Ramusiano. P. 480*.
- ³¹ Имеется надежный перевод этого фрагмента на русский язык, выполненный Н. Гореловым (Книга странствий. С. 207—210).
- ³² Stuppa=stuba — может означать fornacula, caminus, то есть печь, камин. См.: *Di Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis.* Paris, 1938. Т. VII. P. 618, 621. Впрочем, в расширительном смысле “stuppa” — это и помещение, обогреваемое печью. Ср. во фрагменте о Московской Руси у Контарини (1487 г.): “E paese molto frigidissimo in modo che del anno stanno nove mesi continovi nelle stue”; в переводе Е.Ч. Скржинской: «Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах» (*Contarini A. Viaggio in Persia. 31 // Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 204, 228). См. также другие случаи употребления этого слова: *Ibid.* 28, 30. С. 202, 203, 226, 227. У Матвея Меховского (1517 г.) слово “stuba” может восприниматься и в значении печи, и отапливаемой

- избы: “nisi pellibus et foderatis ac subductis vestibus ignibusque, stubis ac specubus subterraneis foverentur, a frigore consumerentur et perirent”. Перевод этого места С.А. Аннинским («если бы люди там не спасались шубами, меховой или тепло подбитой одеждой, огнем в избах или подземных пещерах, они погибли бы от холода») не вполне точен (*Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis* // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 120, 196). Слово stuba (или stupa) по происхождению немецкое, перешедшее в латинский язык, а оттуда попавшее в современные романские языки. См.: *Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1942. Bd. 10. Abt. 4. Stube. Col. 157—172*. В русском и польском языках от него образовано слово «изба» (*Ibid. Col. 157*). См. также работу: *Луцкай Ю.В. Valla. 2016. С. 10—17*.
- ³³ “... quamquam ipse stupe sint tam spisse et una alteri uicina quia fere (=fertur) quod una distet ab alia per passus sexaginta” (*Polo Marco. The Description of the world. Vol. II. P. CXXIX*).
- ³⁴ *Ibid. P. CXXX*.
- ³⁵ “... et semper curendo uadunt ut citto perueniant de una stupa ad aliam et ne nimis congelentur” (*Ibid. P. CXXX*).
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ “ipsi quidem vinum conficiunt de melle et panigio perfectissimum quod cerbesia appellatur” (*Ibid.*).
- ³⁸ В оригинале “strauiza”, скорее всего искаженная форма от слова “sdraviza”, то есть «здравница», что следует понимать как пожелание здоровья во время застольного тоста. См. у Дю Канжа: “Sdraviza iisdem salus, et proprie quae nunciari solet inter bibendum” (*Du Cange. Op. cit. T. VII. P. 611*). Слово “sdraviza” есть у Контарини (70—80 гг. XV в.), оно употреблено при изображении попойки на пиру у грузинского царя Баграта (Pangrati), на котором присутствовал венецианский путешественник ([*Contarini A.*] *Il viaggio del Magnifico M. Ambrogio Contarini Ambasciatore della Illustrissima Signoria di Venetia al gran Signore Ussuncassan Re di Persia. Cap. 5* // *Ramusio G.B. Secondo volume delle navigazioni e viaggi. Venetia, 1559 (P. 112v-125v). P. 119r*. См. также это место в изд.: Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое / Издание В. Семенова. СПб., 1836. Т. I. С. 159). Подробнее об использовании этого слова в сочинениях итальянских и других иноземных авторов см.: *Cortelazzo M. P. 149, 150* (автор настаивает на хорватском происхождении термина); *Луцкай Ю.В. 2014. С. 24; Луцкай Ю.В. Русин. С. 216—218*.
- ³⁹ По небезосновательному предположению Ю.В. Луцкая (См.: *Луцкай Ю.В. 2014. С. 24; Луцкай Ю.В. Valla. 2015. С. 13—22*), Марко Поло в данном эпизоде рассказывает об обычаях древнерусских братчин.
- ⁴⁰ “illos in potationibus illis expendunt et sic filios suos uendunt” (*Polo Marco. The Description of the world. Vol. II. P. CXXX, CXXXI*).
- ⁴¹ *Ibid. P. CXXXI*.
- ⁴² *Ibid.*
- ⁴³ *Lannoy Gh. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / Ed. par Ch. Potvin, J.C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 34, 35*. См. также: *Кудрявцев О.Ф. 2003. С. 78*.
- ⁴⁴ *D’Alcriste Ph. La Nouvelle Fabrique des excellents traicts de la verité. Paris, 1578 [Nouvelle XXIV]. P. 33v-4v; Du Moulinet. Facécieux Devis et plaisans contes. Paris, 1612. P. 109, 110*. Впервые отмечена тематическая близость этой новеллы с рассмотренным рассказом толедской рукописи в работе: *Schenda R. S. 58, 59. N 6*. См. также: *Clement M. P. 3—6*.
- ⁴⁵ *Polo Marco. The Description of the world. Vol. II. P. CXXXI*.

В.А. Кучкин*

Москва в историографии XIX—XX вв.

Аннотация: В статье охарактеризованы работы крупных русских историков XIX — начала XX вв. (Н.М. Карамзина, И.М. Снегирева, И.Е. Забелина, М.К. Любавского) по истории средневековой Москвы. Определены источники, которые были использованы в их трудах: русские летописные своды XIV — первой половины XVI вв., историко-литературные сочинения XVII—XVIII столетий, реже — актовый материал XIV—XVI вв. К анализу не привлекались сохранившиеся артефакты и данные, полученные при археологических раскопках. Анализ письменных источников был слабым, а история города Москвы не отделялась от истории Московского княжества, для более позднего периода — всего Русского государства.

Ключевые слова: Превращение села в крепость на границе, преобразование крепости в столицу княжества, а княжеского центра — в столицу Русского государства. Изучение этого процесса русскими историками XIX — начала XX вв. Н.М. Карамзин, И.М. Снегирев, И.Е. Забелин, М.К. Любавский.

V.A. Kuchkin

Moscow in the historiography of the XIX-XX centuries

Abstract: The article describes the work of major Russian historians of the XIX — early XX centuries. (N.M. Karamzin, I.M. Snegirev, I.E. Zabelin, M.K. Lyubavsky) on the history of medieval Moscow. The sources that were used in their works are determined: the Russian chronicles of the XIVth — first half of the XVIth centuries, historical and literary works of the 17th — 18th centuries, less often — the material of the 14th — 16th centuries. The analysis did not involve the surviving artifacts and data obtained during archaeological excavations. Analysis of written sources was weak, and the history of the city of Moscow was not separated from the history of the Moscow principality, for a later period — the entire Russian state.

Keywords: The transformation of the village into a fortress on the border, the transformation of the fortress into the capital of the principality, and the princely center into the capital of the Russian state. The study of this process by Russian historians of the nineteenth and early twentieth centuries. N.M. Karamzin, I.M. Snegirev, I.E. Zabelin, M.K. Lyubavsky.

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН.

Kuchkin Vladimir Andreevich, Grand PhD (History), Chief research fellow, Head of the Center for the History of Ancient Rus, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

XIX век продемонстрировал новые подходы к изучению истории средневековой Москвы.

Рубежом в изучении прошлого России, в том числе и Москвы, стал выход в свет в 1817—1823 гг. «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В ней впервые были приведены многие ранее неизвестные сведения о древней Москве, найденные историографом в Хлебниковском и Ипатьевском летописных списках. А главное — она задавала новый, более высокий уровень требований к анализу исторических свидетельств, отдавая приоритет использованию более ранних и достоверных памятников (преимущественно летописных), а не увлекательных, но полных вымыслов беллетристических сочинений вроде «Повестей о начале Москвы».

Однако принципы научного исторического исследования, предложенные Н.М. Карамзиным, как и обнаруженные им новые фактические данные о ранней Москве, не сразу были восприняты тогдашними историками и не сразу стали использоваться в трудах о прошлом города.

Определенная доля ответственности за это лежала на самом Н.М. Карамзине. В 1817 г., когда он напряженно работал над корректурой первых 8 томов своей «Истории», ему пришлось выступить с сочинением о древней Москве. Сочинение называлось «Записка о московских достопамятностях». Появление «Записки» было вызвано случайными обстоятельствами. В 1817 г. Александр I посетил Москву, чтобы начать строительство обетного (по случаю победы над Наполеоном в 1812 г.) храма Христа Спасителя. Вместе с Александром в Москву прибыла вся императорская семья, намеревавшаяся зиму 1817/1818 г. провести в древней столице. Вдовствующая императрица Мария Федоровна (жена Павла I, урожденная вюртембергская принцесса София-Доротея-Августа-Луиза) попросила Н.М. Карамзина составить справку о московских достопримечательностях, с которыми она собиралась ознакомиться. Как официальный историограф Н.М. Карамзин обязан был это сделать. Так появилась «Записка о московских достопамятностях»¹. По сути дела это был предназначенный для одного конкретного лица краткий туристический путеводитель по Москве и ее окрестностям, содержащий и лапидарные исторические справки. Но Н.М. Карамзин неосторожно дал почитать свое сочинение друзьям, с него были сняты копии, и неожиданно для автора «Записка» была напечатана В.Н. Карамзиным летом 1818 г. в «Украинском вестнике»². Так карамзинская «Записка о московских достопамятностях» стала достоянием широкой общественности и заняла свое место в ряду москвоведческих работ.

Историю Москвы в своей «Записке» Н.М. Карамзин начинает с 1147 г., основываясь на открытой им Ипатьевской летописи. «Мы знаем по несомнительным историческим свидетельствам, — писал он, —

что в 1147 г. Москва уже существовала, ибо в сем году, марта 28, князь суздальский Юрий, или Георгий Долгорукий, роскошно угощал в ней друга и союзника своего князя Святослава Ольговича Северского»³. Указание на 28 марта взято именно из Ипатьевской летописи. Из статьи 1175 г. той же летописи заимствовано утверждение Н.М. Карамзина, что Москва «прежде называлась *Кучковым*»⁴. Зафиксированное в статье 1147 г. Ипатьевской летописи обращение Юрия Долгорукого к своему союзнику Святославу Ольговичу: «Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ»⁵, свидетельствовавшее о принадлежности Москвы суздальскому князю, подтолкнуло Н.М. Карамзина к предположению, согласно которому «вероятно, что князь Юрий был ее первым основателем»⁶. Однако приводимые далее Н.М. Карамзиным сведения о названии Москвы-Кучкова по имени жившего в ней «богатого дворянина» Степана Ивановича Кучко, густом лесе, росшем на Кремлевском холме, стоявшей в этом лесу хижине пустынника Букала, на месте которой возник монастырь Спаса на Бору, восходят к «Сказанию о начале Москвы» и сочинению «О зачатии царствующаго града Москвы и о Крутицкой епископии, како бысть». Эти памятники Н.М. Карамзин в своем главном историческом труде называл изобретением совершенных невежд и сказками⁷, но тем не менее в своей «Записке» использовал некоторые имевшиеся в них фантастические сведения. Впрочем, можно думать, что историк просто пользовался трудом Т. Полежаева «Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы», где были приведены указанные факты и содержались ошибочные утверждения, восходившие к «Синописису», о превращении Москвы при Иване Калите в великокняжескую столицу и центр Русской митрополии, что повторила и карамзинская «Записка о московских достопамятностях»⁸. Возможно, сочетание достоверных и недостоверных, зато ярких и необычных фактов в «Записке» Н.М. Карамзина о Москве должно было придать его сочинению бóльшую занимательность в глазах вдовствующей императрицы (имевшей, скорее всего, крайне смутные представления о московской старине), но оно явно нарушало принципы изучения русской истории, отстаиваемые самим же Н.М. Карамзиным.

Жаркие споры, которые вызвала публикация карамзинской «Записки о московских достопамятностях», велись не столько вокруг ее исторического содержания, сколько вокруг оценок и высказываний, сделанных Н.М. Карамзиным в «Записке» относительно современных ему событий⁹. В то же время эти споры показали, что прошлое Москвы все-таки живо интересовало русское общество XIX в., история бывшей столицы сопоставлялась с историей столицы существовавшей — Петербургом, и осмыслению подвергался общий ход российской истории от столицы древней до столицы новой. Работ, написанных в XIX в. о

Москве, появилось такое множество, что только перечень их названий составляет солидную толстую книгу¹⁰. Поэтому приходится ограничиться трудами наиболее значимыми.

Определенный вклад в изучение прошлого Москвы внес младший современник Н.М. Карамзина Иван Михайлович Снегирев. Преподаватель Московского университета, он был профессором латинского языка и римских древностей, но был увлечен изучением истории города, в котором родился и жил. В 1824 году он напечатал в «Историческом, статистическом и географическом журнале» свой первый очерк из «московского цикла» — «Взгляд на подмосковное село Измайлово». В последующие годы, особенно часто в 1840-х и 1850-х годах, в различных журналах и газетах появлялись статьи и заметки И.М. Снегирева о других исторических памятниках Москвы¹¹. В 1865 г. эти работы были объединены им и его издателем, другом и соавтором Н.Г. Мартыновым в первый том книги «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города». Он содержал очерк истории Москвы с 1147 г. по XIX в. включительно со всеми ее различными крепостями, улицами, мостами, дворами, церквями, монастырями и известными зданиями. Во втором томе, изданном в 1873 г., были собраны публиковавшиеся ранее статьи И.М. Снегирева по истории отдельных памятников московского Кремля: церкви Рождества Иоанна Предтечи, монастырю Спаса на Бору, Архангельскому собору, Успенскому собору и церкви Чуда архангела Михаила в Чудовом монастыре. Третий том, увидевший свет в 1875 г., содержал план Москвы 1739 г. И.Ф. Мичурина, план Москвы 60-х гг. XIX в., панорамы Москвы XVIII и XIX вв. Сам объем трехтомной работы И.М. Снегирева указывает на то, что он далеко ушел от компилятивных писаний авторов XVIII в. и малостраничной «Записки о московских достопамятностях» Н.М. Карамзина. Его изложение истории Москвы до начала XVI в. основывалось на данных летописей, начавших публиковаться с 1841 г. в серии «Полное собрание русских летописей», а также на сведениях о Москве, приведенных Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского», изданной в 1842—1844 гг. И. Эйнерлингом вместе с «Ключем, или алфавитным указателем» П.М. Строева к этой «Истории», значительно облегчившим пользование ею. И.М. Снегирев приводил, например, сведения о переводе московской архимандритии (он неточно называл ее обителью) из Данилова монастыря в кремлевский Спасский Иваном Калитой, о разделе Москвы после смерти этого князя между его сыновьями, о различных пожарах Москвы в XV в.¹², о которых совсем не упоминалось в сочинениях XVIII в. или говорилось в одной общей фразе, и т. д.

Но обобщающий труд И.М. Снегирева о Москве страдал и большими недостатками. Многие из них были указаны уже его современника-

ми. Обширной рецензией на творение И.М. Снегирева откликнулся в 1867 г. И.Е. Забелин¹³. Отдавая должное маститости и известности автора, он тем не менее подверг его работу суровой критике. Говоря о том, как представил И.М. Снегирев историю Москвы в XII—XV вв., И.Е. Забелин отметил многочисленные ошибки почтенного профессора. Это и игнорирование свидетельства опубликованного в 1863 г. Тверского сборника о строительстве московских укреплений Юрием Долгоруким в 1156 г.¹⁴, и датировка возведения каменной церкви архангела Михаила в московском Кремле 1330 г. вместо 1333 г.¹⁵, непонятный пропуск сведений о росписях при Симеоне Гордом каменных московских церквей, построенных его отцом Иваном Калитой¹⁶, отнесение строительства в Москве дубового Кремля к 1346 г. вместо зимы 1339/1340 г.¹⁷, утверждение, будто в 1394 г. в Москве была построена деревянная стена, проходившая «по берегу Москвы-реки, Яузы и Неглинной». И.Е. Забелин искренне удивлялся тому, как могла такая стена проходить по берегам трех рек, что она собой прикрывала и зачем нужно было течение Москвы-реки от устья р. Неглинки до устья р. Яузы (расстояние в несколько сот метров) отделять стеной от дворов жителей Москвы¹⁸. Летопись под 1394 г. сообщала лишь о неудавшейся попытке прокопать ров «съ Кучкова поля, а конец ему хотѣша учинити въ Москву рѣку»¹⁹. Ни о какой стене, тем более вдоль рек Москвы и Яузы там не говорилось. Это было уже произвольным осмыслением летописного свидетельства И.М. Снегиревым. Упрекал И.Е. Забелин И.М. Снегирева и за то, что тот безо всякой проверки принимал за вполне достоверные рассказы С. Герберштейна о прошлом московского Кремля²⁰. В итоге И.Е. Забелин приходил к неутешительному выводу о том, что в работе И.М. Снегирева «история есть простой, хронологический пересказ по княжениям и царствованиям всего того, что касается, а в иных случаях даже и того, что вовсе не касается Москвы...»²¹.

Горький упрек профессору Московского университета оправдан. От работы И.М. Снегирева веет какой-то беспомощностью: в ней нет элементарной проверки достоверности сведений источников, отсутствует анализ известных к середине XIX в. фактов московского прошлого, многие данные просто оставлены в стороне, нет никаких обобщающих выводов относительно развития города в те или иные периоды его существования. Зато есть повторение сказанного другими авторами относительно частностей древней жизни Москвы или общих причин ее превращения в столицу большого государства. Так, изложив по недостоверным «Повестям о начале Москвы» раннюю историю города, И.М. Снегирев подчеркнул, что Москва была расположена «в середине Русской области»²². Такая мысль была высказана в вышедшем в 1851 г. первом томе «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева,

стремившегося объяснить с помощью чисто географического фактора позднейшие успехи в политическом развитии Москвы²³. Эту «новую ученую мысль» и поспешил вставить в свое сочинение И.М. Снегирев, но попал впросак. В XII в. Москва не была «в середине Русской области». Она была пограничным поселением, что, кстати говоря, было выяснено тем же С.М. Соловьевым²⁴.

Следует указать и на промахи И.М. Снегирева фактического характера, не отмеченные И.Е. Забелиным. Так, рассказывая об осаде Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г., И.М. Снегирев сообщил, что возглавивший осажденных москвичей «литовский князь Остей выжег весь посад вокруг города»²⁵. Но такого пожара в 1382 г. не было. Посад вокруг Кремля приказал выжечь московский великий князь Дмитрий Иванович в 1368 г., когда Москву впервые осадил литовский великий князь Ольгерд²⁶. Заметив, что Н.М. Карамзин при рассказе о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г. в ряде случаев ссылается на Ростовскую летопись²⁷, И.М. Снегирев ничтоже сумняшеся написал, будто летописное повествование о главном для Москвы событии 1382 г. составлено ростовцем²⁸. Между тем внимательное чтение рассказа о взятии Москвы Тохтамышем даже в поздних летописных сводах позволило бы И.М. Снегиреву убедиться в том, что он написан очевидцем-москвичом. Повествуя о событиях, последовавших после смерти в 1425 г. великого князя Василия Дмитриевича, И.М. Снегирев сообщил, что «на великокняжеский престол предъявили права свои в Орде десятилетний сын Василия Дмитриевича и дядя его Юрий Дмитриевич»²⁹. Действительно, сразу после смерти Василия I претендентами на великокняжеский стол выступили 10-летний Василий Васильевич и его старший дядя Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский. Но в Орду они отправились не в 1425 г., а только в 1431 г.³⁰, когда сын Василия I по понятиям тех времен стал уже взрослым человеком. И.М. Снегирев несомненно знал о ходе последующих столкновений Василия II и Юрия Звенигородского, но настолько неряшливо оформил их описание, что допустил существенную ошибку. И.Е. Забелин вполне справедливо писал о том, что в сочинении И.М. Снегирева много «разных обмолвок и недомолвок»³¹.

Одна из таких относится к периоду правления Василия II. После общего указания на его борьбу с дядей и беглого замечания о переходе Москвы от Василия II к Юрию Звенигородскому, потом снова к Василию Васильевичу, от него опять к Юрию и снова к Василию, И.М. Снегирев перешел к описанию поражения Василия Васильевича под Суздаlem в 1445 г., «недомолвив» целый период в истории Москвы, положения города и его жителей в 1434—1445 гг. Рассказывая о захвате Москвы в конце 1446 г. сторонниками Василия II во главе с М.Б. Плещеевым, И.М. Снегирев написал, что «боярин Плещеев успел провести

великого князя в кремль»³², но великого князя в то время вообще не было в городе. Говоря о дворах русской титулованной знати в московском Кремле во второй половине XV в., И.М. Снегирев в числе прочих назвал двор князя «Ивана Юрьевича Берсенева-Беклемишева»³³. Мало того, что Берсеневы-Беклемишевы княжеским титулом не обладали, но среди них не было и такого, которого звали бы Иваном Юрьевичем³⁴. Речь должна идти о дворе в Кремле князя Ивана Юрьевича Патрикеева, потомка литовского великого князя Гедимина, большого московского наместника великого князя Ивана III³⁵. Если говорить в целом, то можно сказать, что обобщающий труд о Москве И.М. Снегирева оказался довольно значительным по объему, но малозначительным по своему научному содержанию.

И.Е. Забелин за критический разбор работы И.М. Снегирева был удостоен золотой уваровской медали Археологического общества³⁶. Блеск награды мешает исследователям творчества И.Е. Забелина видеть недостатки его рецензии³⁷. А они были, причем разного рода. Свой отзыв И.Е. Забелин начинал с утверждения об особой роли Москвы в русской истории. По его мнению, Москва с раннего времени явилась «выразителем самого основного и первоначального начала старой русской жизни, а именно выразителем идеи самовластия...»³⁸. По представлениям И.Е. Забелина в этом сказывался дух народа, и Москва олицетворяла собой «великую народную, а не царскую только, идею политического единства»³⁹. В таком начале И.Е. Забелин усматривал суть исторического развития Москвы, видел ту путеводную нить, которая должна была привести историков к правильному пониманию московского прошлого в его больших и малых проявлениях, нить, которую не сумел найти И.М. Снегирев. Такие воззрения нельзя не признать идеалистическими. Они не могут объяснить, почему Москва, став городом, просуществовала более столетия прежде, чем стать княжеским центром. Что же касается идеи народного единства и самовластия, то разве не помышляли о политическом единстве жители Владимира на Клязьме во второй половине XII в., особенно после убийства Андрея Боголюбского, или жители Твери почти на всем протяжении XIV столетия? Такие вопросы И.Е. Забелин предпочел не обсуждать.

Начало собственно московской истории И.Е. Забелин предлагал описывать по «Повестям о начале Москвы». Критическое отношение к этим сочинениям Н.М. Карамзина он парировал рассуждениями о прогрессе исторической науки и ее возросшим умением извлекать «эпический материал» из казалось бы недостоверных нарративных источников⁴⁰. Однако ни одного конкретного примера, какие материалы можно извлечь из «Повести» для характеристики ранней истории Москвы, И.Е. Забелин привести не сумел. Не высказался он и относительно того,

почему в «эпических» памятниках, посвященных московской старине, встречаются летописные даты и содержатся отсылки к сочинениям Тита Ливия. Ведь трудно представить, что создатели «московского эпоса» в середине XII в. были знакомы с трудами этого римского историка. Сочинить же в XVII в. историю о давнем прошлом с помощью летописей и хронографов, отразивших в числе других и античные источники, было вполне возможно⁴¹.

Первое упоминание Москвы в 1147 г. И.Е. Забелин считал достаточно случайным, поскольку пиршественное застолье в Москве Юрия Долгорукого и Святослава Новгород-Северского относил к «бесчисленному ряду частных междукняжеских дел»⁴². По примеру Н.М. Карамзина И.Е. Забелин проигнорировал третьего участника московской встречи — рязанского князя Владимира Святославича и не поинтересовался, как складывались отношения трех встретившихся в Москве князей до и после 1147 г. А анализ этих отношений показывает, что уже в начале 1147 г. Владимир Святославич, изгнанный из своего княжества дядей Ростиславом Ярославичем, восстановил (скорее всего, с помощью союзников) власть над Рязанью. Юрий же Долгорукий и Святослав Новгород-Северский сохраняли союзные отношения до конца жизни Долгорукого⁴³. К «частным междукняжеским делам» такие события и отношения свести невозможно.

С ссылкой на Воскресенскую летопись И.Е. Забелин утверждал, что Кучковичи в 1155 г. переманили Андрея Боголюбского из киевского Вышгорода во Владимир на Клязьме⁴⁴. Однако в указанном историком месте летописи говорится об убиении Андрея Боголюбского, речи об участии Кучковичей в событиях 1155 г. не идет⁴⁵. В данном случае историк явно перепутал источники. Приведенные им сведения содержатся в статье «А се князи русьтии», приложенной к Новгородской I летописи младшего извода⁴⁶. Однако они появились только под пером книжников XV в.

Упреки И.М. Снегирева за то, что он не использовал летописных свидетельств о московских церквях и монастырях для характеристики развития Москвы как города, И.Е. Забелин обратил внимание на описание нашествия Батыя в Лаврентьевской летописи. Там говорилось, что в начале 1238 г. татары взяли Москву, «а град и церкви святяя огневи предаша и манастыри вси и села пожгоша»⁴⁷. Существование в Москве монастырей к 1238 г. историк оценил как свидетельство успешного развития города в домонгольское время⁴⁸. Впоследствии выяснилось, что процитированная летописная фраза целиком заимствована из более раннего летописного рассказа о походе князя Игоря на Царьград в 941 г.⁴⁹ Церкви, монастыри и села летописной статьи 1238 г. были константинопольскими, а не московскими, и характеризовать развитие Москвы не могли.

И.Е. Забелин справедливо подчеркивал, что ценные факты о топографии Москвы и размерах города содержат летописные описания ранних московских пожаров, на которые не обращал внимания И.М. Снегирев. Сам И.Е. Забелин указал на три московских пожара времен Ивана Калиты и Симеона Гордого: 1331, 1337 и 1343 гг.⁵⁰. Данные о них он мог почерпнуть из московской Воскресенской летописи XVI в.⁵¹. Заключительное описание пожара 1343 г., составитель последней сохранил фразу своего более раннего источника: «се уже на Москвѣ 4-и пожаръ бысть великой»⁵². Но в московском летописании пожар 1343 г. был третьим, а не четвертым по счету. Оказывается, сведения о четвертом московском пожаре донесла не московская, а новгородская летопись. В ней отмечен пожар Кремля («города») в 1335 г.⁵³. И.Е. Забелин об этом не знал. Кто же будет искать сведения о городе Москве не в московском, а в новгородском летописании?

Оценивая последствия взятия Москвы в 1382 г. Тохтамышем, И.Е. Забелин утверждал, что Москва «снова молодеда, снова крепла в своих силах, после каждого такого события»⁵⁴. Такие бодрящие оценки не соответствовали исторической реальности. Тяжелые последствия Тохтамышева погрома сказывались на развитии города до самого конца XIV в.

Трудно согласиться и с утверждением И.Е. Забелина о том, что многолетняя борьба Василия II со своими двоюродными братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой за великокняжеский стол «для истории Москвы-города не имеет ни малейшей цены»⁵⁵, т. е. не оказала никакого влияния на развитие столицы. В вышедшем в свет в 1836 г. первом томе «Актów, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук» была напечатана договорная грамота между великим князем Василием Васильевичем и его двоюродным братом Василием Юрьевичем, будущим Косым. В этом издании грамота была датирована 1435 г. (позднее ее датировка была уточнена, но главное не в дате грамоты). В ней содержалась статья, составленная от имени великого князя Василия II: «А которые гости, суконники вскоромолили на мен(я), на великог(о) княз(я), и на м(а)т(е)рь на мою, на великую кнегиню, да вышли с Москвы во Тфѣрь в наше розмирие, а тѣх ти не приимати»⁵⁶. Статья ясно свидетельствует о том, что в 30-х гг. XV в., в межкняжеское «розмирие» в Москве происходили серьезные общественные конфликты, и часть весьма состоятельного населения (верхушки московского купечества) покинула город, переселившись в Тверь. И.Е. Забелин оставил без внимания такое красноречивое свидетельство.

Данный пример показателен и в другом отношении. Выясняется, что И.Е. Забелин недостаточно использовал документальные источники по ранней истории Москвы. Критикуя И.М. Снегирева, он даже не ставил

вопроса об их привлечении, о расширении круга источников для исследования московской старины. В 60-е гг. XIX в. история ранней Москвы по-прежнему изучалась главным образом по нарративным памятникам.

Критика И.Е. Забелиным работы И.М. Снегирева не привела к появлению новых исследований по истории Москвы, более совершенных в научном отношении. В 1875 г., уже после кончины И.М. Снегирева (1868 г.), его друг и соавтор Н.Г. Мартынов переиздал снегиревский труд. Следуя указаниям И.Е. Забелина, он включил в очерк о Москве XII—XV вв. свидетельство Тверского сборника об укреплении Москвы Юрием Долгоруким в 1156 г. и известие 1238 г. о сожжении татарами церквей, сел и монастырей, которые в летописи были представлены как московские⁵⁷. Однако в целом текст снегиревской публикации 1865 г. был сохранен, и многочисленные его погрешности остались без исправления.

Через два года московская городская дума, в составе которой имелись довольно известные историки, а также большие любители и ценители древностей, вынесла решение о написании полной истории Москвы. Инициатором выступил депутат думы Н.А. Найденов, председатель Московского биржевого комитета. Его поддержал московский городской голова С.М. Третьяков, младший брат основателя Третьяковской галереи П.М. Третьякова. Дума проголосовала за проект, определила состав подготовительной комиссии из 6 человек и выделила средства. После долгих обсуждений, тянувшихся не один год, был намечен главный исполнитель — И.Е. Забелин⁵⁸. Последний дал согласие. «Берусь за дело не из нужды, — писал 59-летний историк редактору «Известий Московской городской думы» М.П. Щепкину, — но по любви к предмету»⁵⁹. И.Е. Забелин составил для городской думы подробный план будущего исследования о прошлом Москвы⁶⁰. В плане были такие пункты, как «петушьи и гусиные бои» или «особенно памятные воры и разбойники»⁶¹, но ничего не говорилось о городских пашенных и выгонных землях, различных категориях жителей Москвы в период до XVI в., участии удельных князей в управлении Москвой в XIV—XV вв., средневековых налогах, о причинах перестройки московского Кремля при Иване III и ряде других важных сторон московской жизни раннего времени. Тем не менее план был принят без каких-либо поправок. И работа началась. И.Е. Забелин организовал группу помощников, которые должны были разыскивать в архивах материалы по истории Москвы. В нее входили А.Н. Зерцалов, А.А. Орлов, И.Н. Николаев, В.Г. и Г.Г. Холмогоровы, группа выпускников Межевого института⁶². Результатом общих усилий стала публикация в 1884 г. первого тома «Материалов по истории, археологии и статистике города Москвы». Второй том тех же «Материалов» увидел свет в 1891 г. В двух сборниках громадного размера (первый том — 93 печатных листа, второй том — 103 печатных

листа) были впервые изданы источники по истории Москвы преимущественно XVII—XVIII столетий. Они содержали ценнейшие сведения о жизни города в указанное время. Но они имели важное значение и для характеристики раннего прошлого Москвы. В материалах XVII—XVIII вв. встречались упоминания московских урочищ и подмосковных сел, известных с XIV—XV вв., и по названиям церквей в этих местах можно было определить, где такие места находились, поскольку церкви XVII—XVIII вв. сохранялись и в XIX в. Например, точное расположение села Семчинского (Семцинского), упоминаемого еще в первой душевной грамоте Ивана Калиты 1336 г., определилось по церкви Успения богородицы на «Остоженке» в «Семчевском селе», зафиксированной в источнике 1670 г.⁶³. Работая над изданием источников по истории Москвы, И.Е. Забелин готовил и само исследование о прошлом города.

Забелинская «История города Москвы» была опубликована в 1902 г. Через три года появилось новое издание книги, осуществленное на средства автора, частично им исправленное и дополненное. Это издание 1905 г., как окончательную авторскую редакцию, и следует анализировать в первую очередь. «История города Москвы» состояла из четырех отделов. Первый (с. 1—21) был посвящен преимущественно географической характеристике Москвы и Подмосковья. Второй отдел (с. 22—59) представлял собой по сути дела очерк изучения прошлого Москвы в сочинениях XVI—XVIII вв. авторов разных стран. Третий отдел (с. 60—180) был посвящен истории Кремля в целом и отчасти истории всего города Москвы вплоть до середины XIX в. Четвертый отдел был самым обширным. Он занимал с. 181—652. В этом отделе И.Е. Забелин дал описание внутреннего устройства и переустройства Кремля, его церквей, зданий, дворов и подворий, монастырей, улиц, переулков, крепостных ворот с 1156 г. по XIX в. включительно.

Уже сама структура книги позволяет сделать некоторые заключения. Во-первых, делается очевидным, что автору не удалось сбалансировать свое изложение. Отделы с разновеликими объемами в 21, 38, 121 и 472 страницы красноречиво говорят об этом. Во-вторых, становится достаточно ясен главный объект исследования историка. Это древнейшая часть Москвы, ее крепость — Кремль. Поэтому неслучайно И.Е. Забелин дал название своему труду «История *города* Москвы», подразумевая под термином *город* город не в понимании людей XIX в. как крупный населенный пункт, административный, промышленный и торговый центр, а город в его средневековом значении, т.е. прежде всего как крепость. В-третьих, сразу заметно, что фактическим материалом наиболее насыщен последний, четвертый отдел исследования, первые же два страдают отсутствием достаточного количества

конкретных данных и их внимательного анализа. В-четвертых, даже беглый просмотр книги убеждает в том, что подстрочные примечания в ней редки. Это означает, что ссылки на источники приводимых сведений, как правило, отсутствуют, документального подтверждения этим сведениям не дается. Данное обстоятельство чрезвычайно затрудняет объективную оценку труда И.Е. Забелина, поскольку лишает исследователей возможности точно характеризовать источниковую основу монографии, применявшиеся ученым методические приемы обработки материалов, репрезентативность приведенных им в книге сведений. Тем не менее о том, как воплощены эти и другие требования к научному исследованию в «Истории города Москвы», говорить необходимо.

Первый отдел монографии был посвящен природе Москвы и ее округи, рекам и переволокам, в сети которых развивалась древнейшая хозяйственная жизнь московских обитателей. Историк хорошо знал московский ландшафт. В молодости он исходил пешком всю Москву, а в более зрелые годы — и все Подмосковье. В начале XX в. уже нельзя было писать об основании городов по неким знамениям, внезапным прихотям правителей, стараниям их преданных слуг или проявлению народного духа. Требовались конкретные и рациональные объяснения. К тому времени уже почти четверть века профессор В.О. Ключевский в стенах Московского университета внушал студентам мысль, что города на Руси возникали в результате развития промысловой и торговой деятельности, а возникнув, притягивали к себе мелкие сельские рынки. Суровые внешние условия существования торговых городов заставляли их население вооружаться. Вооружившись, города подчиняли себе промышленные округа. В итоге, «торговый вооруженный город, — утверждал В.О. Ключевский, — стал узлом первой политической формы, завязавшейся среди восточных славян...»⁶⁴. Развитие Москвы, по мнению профессора, шло тем же закономерным путем. Она находилась на пересечении важных дорог и в области, которая быстро заселялась и осваивалась⁶⁵. Эти мысли воспринял и развил И.Е. Забелин. «Главным двигателем в создании таких городов, — писал он, — является всегда народный промысел и торг, ищущий для своих целей добрых сподручных путей или доброго пристанища, и который, повинаясь естественным географическим путям и топографическим удобствам международного сообщения, всегда сам указывает, сам намечает, сам избирает место, где и устраивает узел своих работ и действий, именуемый городом»⁶⁶. Одно такое московское «топографическое удобство» историк описал далее, рассказывая о речном пути из Москвы на восток, во Владимир и далее до Волжской Булгарии, который шел по р. Москве до «впадения в Москву-реку реки Восходни, где теперь находятся село Спас и знаменитое Тушино, столица Тушин-

ского вора», а затем по р. Восток достигал р. Клязьмы и по ней — указанных центров⁶⁷. Далее на пяти страницах следует почти художественное описание природы близ сел Спас и Тушино, приводятся сведения о Войницком мыте у Спаса на Восток и делается вывод, что «в незапамятное для письменной истории время верстах в 20 от теперешней Москвы, от западных путей в эту сторону создавалось гнездо промысла и торг, где впоследствии мог возникнуть и тот самый город, который мы именуем Москвою»⁶⁸. Почему город, который мог возникнуть в описанном И.Е. Забелиным месте, в 20 верстах от реальной Москвы должен считаться Москвою, историк не разъяснил. Но дело не только в этом. Войницкий мыт упоминается в источниках всего на протяжении около тридцати лет. Самое раннее упоминание — в договоре 1473 г. Ивана III со своим братом Борисом Волоцким. Иван III признавал, что их отец Василий II благословил Бориса «Волоком с волостми и с мытом с Воиничским, что х Сп(а)са на Вьсходнѣ»⁶⁹. Этот текст с небольшими изменениями в графике письма повторяется в других списках того же договора и в духовной грамоте 1477 г. Бориса Волоцкого⁷⁰. Однако в завещании отца Бориса великого князя Василия Васильевича упоминания Войницкого мыта у Спаса на Восток нет. Там сказано только, что «Волок с волостями, и с путми, и з селы, и со всѣми пошлинами» передается его четвертому сыну Борису⁷¹. По-видимому, Войницкому мыту на Восток не придавалось большого значения, скорее всего, он был организован незадолго до своего первого упоминания в связи с появлением в Московском княжестве Волоцкого удела. Просуществовал мыт до начала XVI в. Последний раз он фигурирует в завещании 1506 г. волоцкого князя Федора Борисовича: отец благословил Федора Волоком «и с мытом с Воиничским»⁷². Поэтому «гнездо промысла и торг» на Восток вряд ли могли появиться в «незапамятное время». Указания на удобства речных сообщений вовсе не доказывают существования различных промыслов и развитых торгов. Для этого нужны другие данные — например, о производстве таких товаров, которых нет в данной местности и которые в ней нужны. В ином случае зачем древнему жителю Москвы тратить усилия и средства на строительство ладьи, чтобы долго плыть по рр. Москве, Восток, Клязьме и в столичном Владимире продать московскую овечку, а купить владимирского барашка? Цели можно было достичь гораздо проще. Поэтому неслучайно, что в 1890 г. на VIII Археологическом съезде в Москве, где И.Е. Забелин сделал доклад о древнейшем прошлом города, молодой ученый С.Ф. Платонов выступил с возражениями, показав, что Москва в XII в. играла роль пограничного военного опорного пункта, а не промыслового и торгового центра⁷³.

Во втором отделе книги И.Е. Забелин рассмотрел некоторые работы XVI—XVIII вв., касавшиеся ранней истории Москвы. Отбор таких ра-

бот автором оставляет вопросы. Оценив труд В.Н. Татищева, И.Е. Забелин даже не упомянул «Историю Российскую от древнейших времен» М.М. Щербатова и «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева. Не указаны и многие другие авторы XVIII в. Зато значительное место занимает простой пересказ разных «Повестей о начале Москвы», причем по случайно выбранным спискам и без всякой текстологической сверки их между собой. В конце отдела высказываются соображения о происхождении названия Москва. И.Е. Забелин не пользуется исследованиями современных ему ученых-лингвистов и повторяет мнение писателей XVIII в., что это название произошло от слов «мост», «мостки»⁷⁴. На полную несостоятельность такой этимологии уже в 1909 г. указал Д.Н. Анучин⁷⁵.

Третий отдел исследования И.Е. Забелина проработан автором, пожалуй, лучше других. Это очерк древних московских укреплений, прежде всего Кремля, с включением данных позднего времени, вплоть до XVIII—XIX вв. Здесь И.Е. Забелин (под влиянием критики С.Ф. Платонова) признавал, что первое упоминание Москвы в 1147 г. рисует ее не городом, а селом, что в 1156 г. московские укрепления мог строить не только Юрий Долгорукий (по С.Ф. Платонову, он в тот год был в Киеве), но и Андрей Боголюбский⁷⁶, и этот «Московский первый город ставился как передовая сторожевая крепость со стороны Смоленских (Литовских) да и Новгородских неприятелей, для защиты нового стольного города Владимира Суздальского, а также и со стороны южных врагов, потому что дорога с юга к Владимиру пролегла через Москву и от Северской области, и от Рязани»⁷⁷. В главных чертах такая характеристика Москвы 40—50-х годов XII в. была справедливой, она уточняла заключения С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, но Андрей Боголюбский не мог основать города Москвы, поскольку его Владимирский удел, полученный им, скорее всего, еще в 1148 г.⁷⁸, в 1156 г. не имел в своем составе Москвы. Москва была расположена ближе к Переяславлю (Залесскому), а переяславцы давали клятву Юрию Долгорукому в верности его младшим сыновьям, но не Андрею Боголюбскому⁷⁹. Никакой угрозы со стороны Литвы Суздальскому (несколько позднее — Владимирскому) княжеству в XII в. не существовало; защищать новый стольный город Владимир Москва не могла и по дальности расстояния, и потому, что стольным городом Владимир стал уже после возведения московских укреплений; на Владимир рязанцы нападали, минуя Москву. Такие поправки, конечно, портили впечатление от труда И.Е. Забелина, но надо признать, что весьма почтенный по возрасту историк (в 1905 г. ему исполнилось 85 лет) систематически и аккуратно изложил все факты, касающиеся истории Москвы до нашествия Батыя, обратил внимание на управление Москвой владимирскими тиунами в 1263—1271 гг.⁸⁰, подробно по разным летописям описал княжение в Москве Ивана Калиты,

нашел свидетельство о московском пожаре 1335 г.⁸¹, отсутствовавшее в его работе 1867 г., составил почти исчерпывающий перечень построенных в период 1367—1472 гг. в Москве каменных зданий⁸², придя к неутешительному выводу о том, «что город целое столетие не обладал достаточным богатством для своего устройства»⁸³. Более внимательный просмотр этого перечня показал бы ему, что в годы столкновений Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми каменного строительства в Москве попросту не велось, и прежнее утверждение автора, будто междоусобная княжеская борьба XV в. «для истории Москвы-города не имеет ни малейшей цены» тоже обесценилось. Подробно описал И.Е. Забелин и начавшуюся в 1475 г. работу в Москве итальянских мастеров, построивших много церквей, великокняжеский дворец и новые укрепления Кремля. Но все эти вычисления и описания делались на основе летописных данных. Душевные и договорные грамоты XIV—XV вв. московских князей к анализу не привлекались. Остались в стороне и частные акты, касавшиеся ранней истории Москвы, которые начали публиковаться в XIX в.

Четвертый отдел книги И.Е. Забелина — самый объемный. В нем шаг за шагом по письменным источникам исследована вся территория Кремля, начиная от Спасских ворот, строений внутри Кремля и кончая Спасским мостом с внешней стороны тех же Спасских ворот. Каждое кремлевское место подробно описывается, приводятся самые ранние данные о существовавших на нем постройках (что повторяет текст третьего отдела книги), их смене, ремонте или разборке на протяжении XVII—XIX вв., владельческой принадлежности, нередко о биографии хозяев, перемене владельцев и многом другом. Особое внимание уделено повседневной жизни митрополичьего (позднее — патриаршего) двора. По замечанию одного из биографов И.Е. Забелина и исследователя его творчества А.А. Формозова, «можно сказать, что это особая книга в книге — “Домашний быт русских патриархов”»⁸⁴, важное дополнение к более ранним монографиям И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц». Действительно, например, забелинское описание «хождений» (правда, в запряженном лошадьми возке) по московским местам знаменитого патриарха Николая, посетившего, в частности, 19 февраля 1653 г. московский Тюремный двор и выдавшего каждому из 634 арестантов по 6 денег, на что можно было купить целых 6 «денежных» калачей⁸⁵, запоминается надолго.

Любопытно знакомиться и с житейскими приключениями разных знатных кремлевских дворовладельцев. В книге подробно рассказывается, например, о Федоре Ивановиче Шереметеве. Он служил царю Федору Ивановичу, а затем избранному царю Борису Годунову. Женившись на княжне Ирине Черкасской, матерью которой была Марфа Никитич-

на Романова (тетка будущего царя Михаила Федоровича), Ф.И. Шереметев стал родственником Романовых, которые враждовали с Годуновым. Став царем, Годунов отправил Романовых в ссылку. Пострадал и Ф.И. Шереметев. Он был послан воеводой в далекий Тобольск. Когда в России появился самозванный царевич Дмитрий, Ф.И. Шереметев вызвали из Тобольска и отправили воевать с Самозванцем. Но Ф.И. Шереметев изменил Годунову, переметнувшись на сторону Лжедмитрия. Заняв царский трон, Лжедмитрий пожаловал своего сторонника Ф.И. Шереметева в бояре. Тот поселился в Кремле, где захватил двор дяди Бориса Годунова Д.И. Годунова. Вскоре Ф.И. Шереметев примкнул к заговору против Самозванца и принял участие в его убийстве. Когда к власти пришел царь Василий Шуйский, он отправил Ф.И. Шереметева усмирять волнения в Астрахани. С астраханцами Ф.И. Шереметев не совладал, а на обратном пути в Москву был жестоко разгромлен под Суздалем польским полковником Лисовским, но до Москвы добрался. После того, как царя Василия Шуйского сместили с престола и постригли в монахи, к власти пришла Семибоярщина. Одним из семи правящих бояр стал Ф.И. Шереметев. Его главной заботой стало выклянчивание у польского короля и его окружения разных «деревнишек», и за поддержку в Москве поляков он их получал, заметно округляя свои владения. Когда царем был выбран Михаил Федорович, то Ф.И. Шереметев преуспел и при нем, выпросив жалованные грамоты на свои разросшиеся вотчины. При царях Михаиле и Алексее он возглавлял разные весьма значительные приказы. Умер Ф.И. Шереметев в 1650 г., когда ему было уже за 70. Таково краткое содержание помещенной в «Истории города Москвы» биографии Ф.И. Шереметева⁸⁶. Конечно, коллизии, в которые попадал этот знатный московский боярин, весьма занимательны, но какое отношение к истории города Москвы имеют его воеводская служба в Тобольске, позорное поражение под Суздалем, стремление обогащаться в любых обстоятельствах? И.Е. Забелин в свое время справедливо ставил в упрек И.М. Снегиреву включение в исследование о Москве того, «что вовсе не касается Москвы». Но себе он такие включения позволял.

Общая оценка забелинской «Истории города Москвы» явно не может быть однозначной. С одной стороны, книга содержала громадный новый фактический материал, с другой — этот материал был недостаточно обработан, продуман и распределен по отделам. В итоге получился подробный путеводитель по московскому Кремлю с развернутым историческим комментарием, но не история города в широком ее значении⁸⁷.

Видимо, последнее обстоятельство побудило московскую общественность выступить с предложением написать новую работу по истории Москвы. Инициативу взяло на себя московское издательство

«Образование». Оно предложило подготовить многотомный труд «Москва в ее прошлом и настоящем». В предисловии к изданию инициаторы писали: «Сознавая всю силу назревшей потребности всестороннего освещения прошлого и настоящего Москвы, издательство «Образование» и предпринимает настоящее роскошно иллюстрированное издание. Его главная цель — осветить наиболее яркие моменты развития самого города Москвы с первых ее времен и до наших дней, учесть ее культурный вклад в жизнь России, уловить ее «особый отпечаток». Оно даст обзор, в наиболее характерных проявлениях, жизни и быта Москвы — политического и религиозного, умственного и общественного, экономического и художественного. Обзор будет научным по содержанию и популярным, доступным для широких кругов читателей по изложению»⁸⁸. В отличие от подробнейшего плана написания истории Москвы И.Е. Забелина издатели предлагали осветить главные моменты в развитии Москвы и сделать это в виде научного обзора, а не научного исследования, резонно полагая, что на это уйдет слишком много времени и средств. Это было их главной задачей. Не столь явно делался акцент на коммерческую сторону дела. Но «роскошно иллюстрированное издание» явно было рассчитано на состоятельных покупателей, и в жертву роскошности издания заранее приносились другие его качества: обстоятельность и строгая научность. Решением поставленной издательством задачи явилась публикация в 1909—1912 гг. 6 выпусков труда «Москва в ее прошлом и настоящем». Ранней истории Москвы был посвящен выпуск первый.

Он открывался вступлением, в котором содержалась оценка исторической роли Москвы: «Москва — символ всех светлых и темных сторон нашей многовековой истории. На развалинах удельно-вечеговго строя Москва берет в свои руки знамя политического и культурного возрождения Руси. Она объединяет вокруг себя разрозненные и враждующие княжества; она принимает на себя все удары и натиски восточных народов; она вступает с ними в единоборство, защищая собой Западную Европу и спасая отдельные области обширной восточной равнины. «Тяжкий молот» истории выковал из московского княжества центр великорусского племени и русского государства». Подчеркивалась роль Москвы в Смуту начала XVII в. и в 1812 г.: «О твердыни Москвы разбились все волны междуцарствия — этой «великой разрухи земли московской»; здесь нашел себе погибель всемирный победитель — Наполеон»⁸⁹. Такой взгляд на прошлое Москвы имел существенные отличия от воззрений И.Е. Забелина. Во многих отношениях он был более реалистичным, но тоже грешил неразличением города Москвы с Московским княжеством, города и верховной власти, излишней публицистичностью и историческими неточностями. Никаких натисков

«восточных народов» Москва после 1238 г. не знала. Ей приходилось обороняться только от татар. Защитницей Западной Европы (минуя при этом каким-то чудесным образом Европу Центральную) от нашествия народов с Востока Москва тоже не выступала. После установления своего господства над русскими землями в 1242 г. монголы походов на Западную Европу не предпринимали, а Москва в то время даже не была столицей княжества и не играла какой-либо политической роли в развитии русских земель. Этот стиль исторической приблизительности и публицистичности присущ и всему содержанию первого выпуска «Москвы в ее прошлом и настоящем», посвященного раннему прошлому Москвы.

Первый выпуск состоял из 5 глав. Глава I — «Геологическое прошлое и географическое настоящее Москвы» — была написана Д.Н. Анучиным. Им же была написана глава II — «Доисторическое прошлое Москвы». Перу Д.И. Успенского принадлежала глава III — «Сказания о начале Москвы». Автором главы IV — «Возвышение Москвы» — стал М.К. Любавский. Наконец, глава V — «Москва-город и Москва-народ в XIV и XV вв.» — была написана С.А. Князьковым. Собственно история Москвы начиналась с главы третьей.

Хотя заголовок этой главы, казалось бы, обещал разбор различных «Повестей о начале Москвы», по сути дела речь в ней шла о первых упоминаниях Москвы в письменных источниках вообще: Ипатьевской летописи, Тверском сборнике и четырех различных «Повестях». Написавший главу Д.И. Успенский внимательно прочитал источники, столь же внимательно ознакомился с современной ему научной литературой, но оставил в стороне всю литературу XVIII в. и большую часть литературы XIX в. Отталкиваясь от текстов памятников, содержащих сведения о ранней истории Москвы, он пытался их анализировать, при этом совершенно не задумываясь над целым рядом важных вопросов: о том, что встреча князей в Москве в 1147 г. была связана с предшествующими и последующими политическими событиями на Руси; что свидетельство Тверского сборника об укреплении Москвы в 1156 г. Юрием Долгоруким нуждается в тщательном разборе, а не в простом игнорировании, как предлагал С.Ф. Платонов; что сказания о начале Москвы следует характеризовать не по случайным публикациям, а по всем рукописям, такие сказания содержащим, а кроме того — по использованным в этих сказаниях источникам и по своей идейной направленности. Выясняется, таким образом, что Д.И. Успенскому были чужды приемы научного исследования, он был с ними просто незнаком. Из своих наблюдений над материалами он пришел к выводам, что в 1147 г. Юрий Долгорукий устроил «обильное угощение» и торжественный «прием гостей» — новгород-северскому князю Святославу и его окружению, что это «одна из обычных картин времени княжеских усобиц», но вмес-

те с тем начало московского хлебосольства, столь характерного для Москвы XVIII—XIX вв.⁹⁰

Что касается основной части материалов, использованных в главе и заимствованных из поздних повестей о начале Москвы, то Д.И. Успенский стремился (как в свое время В.Н. Татищев и М.М. Щербатов) как-то увязать их с летописными данными и таким образом продемонстрировать их достоверность. «Кровь Андрея Боголюбского, — писал он, рассказывая об убийстве этого князя в 1174 г., — явилась как бы искупительной жертвой не только за кровь убитого им перед своею смертью Кучковича, но и за кровь старого Кучки, на которой создалась Москва»⁹¹. Сказанное в различных видах «Повести о зачале Москвы» относительно основания Москвы, подобно Риму, на крови было принято Д.И. Успенским за несомненную истину. При этом без внимания были оставлены свидетельства летописи, где подробно описывалось убийство Андрея Боголюбского, но ни словом не упоминался «старый Кучка».

Автором следующей главы, по общему порядку — четвертой, был известный русский историк-медиевист, специалист по истории Литовского государства XIII—XVI вв. М.К. Любавский. Он остановился только на одном вопросе: почему возвысилась Москва, в чем заключалась причина ее политических успехов. Город Москва при этом молчаливо отождествлялся со всем Московским княжеством и сам по себе никак не рассматривался. Однако о времени основания города Москвы М.К. Любавский высказался вполне определенно: 1156 год, основатель — Юрий Долгорукий⁹². В 1247 г. Москва, по мнению историка, стала столицей самостоятельного княжества, и в это княжество, находившееся в лесистой, а потому безопасной области, началось массовое переселение людей из других районов старой Суздальщины, страдавших от частых ордынских нападений. «Итак, — утверждал М.К. Любавский, — возвышение Москвы ко второй четверти XIV века произошло вследствие скопления населения в ее области под влиянием опустошений и разорений, произведенных татарами в восточных и частью северных княжествах Суздальской земли»⁹³. Эту свою основную мысль М.К. Любавский попытался подкрепить исторической аналогией: «Подобно тому, как Владимир стал на место Киева после того, как перелилось из Поднепровья на Клязьму и Волгу русское население, так и Москва стала на место Владимира после того, как перелилось население с среднего Поволжья и Клязьмы на Верхнее Поволжье, Москву и Протву»⁹⁴. Аналогия была проведена с ситуацией, не имевшей места в действительности. Не было ни массового оттока населения с Днепра на Клязьму, ни занятия Владимиром места Киева. Но что касается указания М.К. Любавского на сдвиг населения от Владимира на запад, то это было далеко не точное в деталях, но в принципе верное заключение. Действительно, демо-

графические изменения в Северо-Восточной Руси, последовавшие за установлением власти над нею каракорумских правителей, привели к опустошению самого плодородного и густонаселенного в Волго-Окском междуречье Владимирского ополья и отходу населения на западные, северные и восточные окраины древней Суздальской земли. Прилив населения в эти районы способствовал возникновению там целого ряда княжеств (а не одного Московского, как казалось М.К. Любавскому). Это княжества Тверское на западе, Белозерское, Костромское и Галичское на севере, Городецкое (позднее — Нижегородское) на востоке. Возвышение Москвы оказывалось не исключительным явлением, а одним из частных проявлений общей закономерности⁹⁵. Но М.К. Любавский, увлеченный своей мыслью, настаивал на том, что Московское княжество уже вскоре после своего образования стало самым населенным княжеством Северо-Восточной Руси. Это противоречило наблюдениям Д.Н. Анучина, который в том же выпуске «Москвы в ее прошлом и настоящем» отмечал, что лес и животный мир Подмосковья — таежные⁹⁶, и после XIV в. в окружавших Москву лесах продолжали водиться такие звери, как медведи, лоси, бобры, соболи, рыси, россомахи, выдры, кабаны, олени, косули, барсуки, горностаи⁹⁷, что косвенно свидетельствовало о слабой освоенности Подмосковья даже в развитое средневековье. М.К. Любавский же, и дальше развивая собственные положения, указывал на то, что возросшее число московских жителей платило значительные налоги местным князьям и тем самым обогащало их⁹⁸. Как такой вывод соответствовал заключению И.Е. Забелина (сделанному на основании конкретных данных о строительстве в Москве в 1367—1472 гг.) о бедности города, М.К. Любавский выяснять не стал.

Последняя, пятая, глава первого выпуска «Москва в ее прошлом и настоящем» была самой большой по своему размеру. Она называлась «Москва-город и Москва-народ в XIV и XV вв.». Такое необычное название, перекликающееся с утверждением «Синописа» XVII в. «о наречении Москвы, народа и царственного града» по имени библейского Мосоха, своей загадочностью привлекавшее внимание читателей, объясняется просто. Автором главы был писатель С.А. Князьков. С.А. Князьков довольно свободно владел пером, но не историческим материалом. Не объяснив, что он понимает под термином «Москва-город»: то ли московский Кремль, то ли весь город Москву, то ли горожан, а что под термином «Москва-народ»: то ли тех же москвичей, то ли жителей Московского княжества, то ли все население позднейшего Русского государства, С.А. Князьков при написании своей главы поступил, не мудрствуя лукаво. Он изложил связанные с Москвой события русской истории XIV—XV вв., доведя рассказ вплоть до 40-х гг. XVI в. Изложение было построено на «Истории России с древ-

нейших времен» С.М. Соловьева, «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, некоторых исследованиях по истории русской церкви и, кажется, только одном сборнике первоисточников — «Памятниках древнерусского канонического права (памятники XI—XV вв.)», вышедшем в свет вторым изданием в 1908 г., за год до публикации главы С.А. Князькова⁹⁹. Хотя в ряде случаев С.А. Князьков давал ссылки на работы историков, но по большей части он просто пересказывал их, не отмечая авторства. В результате к истории Москвы были отнесены такие факты и события, как отсылка тверским князем Михаилом Ярославичем своей казны к папе в Рим (сочиненное в XVI в. сообщение, принятое за достоверное С.М. Соловьевым, откуда оно попало и в работу С.А. Князькова)¹⁰⁰; убийство в Орде в 1325 г. московского князя Юрия Даниловича, которое С.А. Князьков изложил в духе плохих романов: князь Дмитрий Грозные Очи «бросился на него и заколол его мечем»¹⁰¹; действия в 1327 г. в Твери Чолхана¹⁰²; послание литовского великого князя Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею¹⁰³; опустошение татарами в 1375 г. земель по рр. Суре и Пьяне в Нижегородском княжестве¹⁰⁴; действия в Орде в 1431 г. московского боярина И.Д. Всеволожского, который также был охарактеризован в популярном, как того и требовало издательство «Образование», стиле: «делец чисто московского склада»¹⁰⁵; переговоры Ивана III и его представителей с новгородцами в Новгороде в 1471—1478 гг.¹⁰⁶ и многое другое, что к истории города Москвы не имело никакого отношения. Из чисто московских городских событий С.А. Князьков подробно остановился только на одном: строительстве кремлевского Успенского собора в 1472—1479 гг.¹⁰⁷. Возведение нового московского Кремля, изменившего всю городскую планировку и оказавшего большое влияние на дальнейшее развитие Москвы, удостоилось гораздо меньшего внимания писателя.

Плохо продуманная структура работы, явно недостаточное знание истории города Москвы и вытекающее отсюда непонимание того, какие «наиболее яркие моменты» характеризуют ее развитие, сопровождалась в статье С.А. Князькова массой фактических ошибок, порой носящих анекдотический характер. Первым ростовским святым писатель назвал епископа Лаврентия¹⁰⁸, хотя на самом деле епископа звали Леонтием. Повествуя об освобождении в 1446 г. Василия Темного от клятвы верности Дмитрию Шемяке игуменом Кирилло-Белозерского монастыря (им тогда был Трифон), С.А. Князьков написал, что «всеми чтимый игумен Кирилл Белозерского монастыря снял с великого князя Василия клятвы, данные Шемяке»¹⁰⁹. Однако игумен Кирилл скончался еще в 1427 г. «Шапка Мономаха», упоминаемая в литературных памятниках первой четверти XVI в., по словам С.А. Князькова, была изготовлена «мастерами москов-

ской Оружейной Палаты»¹¹⁰. Между тем эта палата была сформирована позже создания указанных литературных произведений. По представлениям С.А. Князькова, первый московский князь Даниил оставил в наследство своим сыновьям Москву, Коломну и Можайск¹¹¹, тогда как летописи сообщают, что Можайск к Московскому княжеству был присоединен Юрием Даниловичем и его братьями после смерти отца¹¹². Иван Калита и его преемники на московском княжеском столе были объявлены С.А. Князьковым собирателями ордынской дани со всех русских земель¹¹³. Знакомство хотя бы с одним фактом — летописным известием 1346 г. о взятии в Тверском княжестве дани князем Василием Михайловичем Кашинским с Холмского удела Всеволода Александровича, с которой князь Василий «поиде во Орду ко царю Чянибѣку»¹¹⁴ — показало бы С.А. Князькову, что ордынскую дань собирали и доставляли ханам князья разных русских княжеств. Рассказывая о событиях 1357 г. в Москве, связанных с убийством тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, С.А. Князьков написал, что «двое старших Вельяминовых должны были отъехать в Рязань»¹¹⁵. С.М. Соловьев назвал этих двух отъехавших по именам: «Михаило и зять его Василий Васильевич»¹¹⁶. Последний был Вельяминовым. Но каким образом тесть и зять могли оказаться «двумя старшими Вельяминовыми», понять совершенно невозможно. Неужели отец мог обвенчать сына с дочерью, предварительно изменив отчество жениху? Казнь в Москве И.В. Вельяминова С.А. Князьков отнес к 1398 г.¹¹⁷, хотя она имела место в 1379 г. Победу над русскими полками на р. Пьяне в 1377 г. С.А. Князьков приписал царевичу Арапше¹¹⁸, тогда как ее одержали татары «изъ Мамаевы орды»¹¹⁹. По словам С.А. Князькова «в 1445 г. на Москву напали татары»¹²⁰. Однако в 1445 г. татары напали на Суздаль, а не на Москву. Оценивая политическую ситуацию на Руси к середине 50-х гг. XV в., С.А. Князьков пишет, что «на всем прострaнстве северо-восточной Руси только один Новгород с Псковом и Вяткой сохраняли самостоятельность»¹²¹. Но в то время сохраняли свою независимость и княжества Тверское, Ярославское, Ростовское, а также Рязанское. Купцов-сурожан С.А. Князьков считал итальянцами¹²², потому что Сурож (Судак) принадлежал итальянцам. Однако в Москве сурожанами называли русских купцов, торговавших с Суροжем. Говоря о судьбе арестованного Иваном III угличского князя Андрея Васильевича, родного брата Ивана, писатель утверждал, что «в 1491 г. князь Андрей умер в заключении»¹²³. Андрей действительно умер в тюрьме, но произошло это в 1493 г.¹²⁴. Перечень ошибок в главе «Москва-город и Москва-народ в XIV и XV вв.» можно легко продолжить, но и указанных достаточно для того, чтобы убедиться в явно недостаточной научной компетенции С.А. Князькова.

Между тем последний считал, что он вполне вправе делать обобщающие выводы и давать исторические оценки. Написав, что в руках мо-

сковских князей сосредоточился сбор ордынской дани со всех русских земель, С.А. Князьков тут же нарисовал картину ее распределения: «Все князья должны были направлять свои доли ордынского выхода в Москву, а в Москве часть собранных даней действительно направляли в Орду, часть же удерживали, и на эти деньги покупались отдельные волости у обедневших мелких князей...»¹²⁵. Если ордынская дань была расписана по долям между русскими князьями, то ее общая сумма должна была быть строго зафиксирована. Каким же образом московским князьям удавалось вместо уже обозначенной многими сторонами суммы отдавать Орде только «часть собранных даней»? Писатель с прошлым обращался так, как обращаются с придуманным художественным материалом, излагая его в нужных автору форме и деталях. К реальной истории это не имеет никакого отношения. Тем не менее такое мифологизированное объяснение роста могущества московских князей и расширения Московского княжества распространилось настолько широко, что даже в советское время попадало в школьные учебники по истории.

Другим мифом, распространенным стараниями С.А. Князькова, стало утверждение, что Москва на пути своего превращения в столицу Русского государства становилась не только великокняжеской и церковной столицей (такие идеи развивались еще сочинителями XVIII в.), но и главным религиозным центром. «Объединение вокруг Москвы всей Великороссии, — писал С.А. Князьков, — вело к сосредоточению в Москве всех местных святынь, что делало их святынями всероссийскими. Собирая уделы, московские князья не стеснялись захватывать в забираемых городах важнейшие святыни и переводить их в Москву»¹²⁶. Местные «важнейшие святыни» — это, прежде всего, усыпальницы местных святых. Ни одного случая переноса в Москву из захваченных московскими князьями городов мощей тамошнего святого мы не знаем. Не знает об этом и сам С.А. Князьков, который не привел ни одного конкретного примера такого переноса. Если же говорить о переносах частичек мощей, икон или церковной утвари, то такие факты имели место, хотя были редки. Причем такие предметы переносили не только в Москву, но и в другие города, а в Москве — из одной церкви в другую. Однако подобные переносы не делали города и церкви «религиозными столицами». Писательская надуманность искажала реальную историю Москвы.

Если говорить в целом, то немалый по своему объему первый выпуск «Москвы в ее прошлом и настоящем» содержал, как это ни покажется парадоксальным, одну — единственную новую и заслуживающую внимания мысль — о демографическом росте Москвы в послемонгольское время. В остальном же текст книги качественно явно уступал сопровождающим его превосходно выполненным в Баварии цветным литографиям с картин А.В. Васнецова и других художников, воссоздававших в своих произведениях облик древней Москвы.

- ¹ Афиани В.Ю. Путеводитель для императрицы // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 36—38.
- ² Украинский вестник. Кн. 5. Май; Кн. 6. Июнь. Харьков. 1818.
- ³ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 39.
- ⁴ Там же. Ср. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 312, примеч. 301; С. 527, примеч. 39 со ссылками на Киевскую, т.е. Ипатьевскую летопись. Статья 6684 года Ипатьевской летописи, где упоминается Кучково-Москва, является ультрамартовской. Об этом см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 193.
- ⁵ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 339.
- ⁶ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях. С. 39.
- ⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. С. 310, 311.
- ⁸ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях. С. 39. Следует отметить, что в примеч. 301 ко II тому «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин критиковал «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы» Т. Полежаева за приводимые последним «факты» владения боярином Кучком села на Чистых прудах, «что церковь Спас на бору стоит там, где была хижина Букалова» и т.д. В конце своего примечания историограф восклицал: «Какие же исторические свидетельства подтверждают истину сих известий?». Возмущение историографа справедливо. Но как раз те же самые известия фигурируют в его собственной «Записке о московских достопамятностях».
- ⁹ Афиани В.Ю. Путеводитель для императрицы. С. 37—38.
- ¹⁰ В составленном сотрудниками Российской государственной библиотеки к 850-летию Москвы библиографическом справочнике работ по истории Москвы, опубликованных в XVIII и XIX вв., указано 6188 таких работ, подавляющее большинство из которых было напечатано в XIX в., а 4 выпуска этого справочника в сумме составляют 564 страницы. См.: Москва. Указатель книг, статей из журналов и сборников на русском языке. Вып. 1—5. М., 1998.
- ¹¹ Иван Михайлович Снегирев. Библиографический указатель. Сост. О.Ф. Бойкова. М., 1994.
- ¹² Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. I. М., 1865. С. V, XIII.
- ¹³ Забелин И.Е. Древности Москвы и их исследования // Вестник Европы. 1867. Т. 1. Отд. 7. С. 367—418; Т. 2. Отд. 8. С. 1—50. Эта рецензия И.Е. Забелина под названием «История и древности Москвы» была перепечатана через шесть лет в кн.: Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей. Ч. 2. М., 1873. С. 107—253. Далее цитаты из рецензии И.Е. Забелина 1867 г. приводятся по изданию 1873 г.
- ¹⁴ Забелин И.Е. История и древности Москвы. С. 128.
- ¹⁵ Там же. С. 149.
- ¹⁶ Там же. С. 150.
- ¹⁷ Там же. С. 149.
- ¹⁸ Там же. С. 153—154.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 64.
- ²⁰ Забелин И.Е. История и древности Москвы. С. 157.
- ²¹ Там же. С. 145.
- ²² Снегирев И.М. Москва. С. III.
- ²³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 71: «... Москва находилась прямо в середине между двумя племенами, из которых главным образом составилось народонаселение русское, между племенем славянским и финским».
- ²⁴ Там же. С. 701, примеч. 338 (С.М. Соловьева).

- ²⁵ *Снегирев И.М.* Москва. С. VII.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 16.
- ²⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. II. СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1842, примечания к V тому, стб. 33, примеч. 91; стб. 34, примеч. 97.
- ²⁸ *Снегирев И.М.* Москва. С. VIII.
- ²⁹ Там же. С. X.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. VIII. С. 95, 96.
- ³¹ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 139.
- ³² *Снегирев И.М.* Москва. С. XI.
- ³³ Там же. С. XIII.
- ³⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 455—457.
- ³⁵ О нем подробнее см.: *Кучкин В.А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1.
- ³⁶ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 126.
- ³⁷ Там же. С. 125—126.
- ³⁸ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 109.
- ³⁹ Там же. С. 140.
- ⁴⁰ Там же. С. 130—133.
- ⁴¹ Ср. Хронограф 1512 г. // ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 227.
- ⁴² *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 124.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908. Стб. 485, 489.
- ⁴⁴ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 127.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 89.
- ⁴⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 467. (Далее — НПЛ).
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 461.
- ⁴⁸ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 146—147.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 44. Ср.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 186, примеч. 28.
- ⁵⁰ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 147—148.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. VII. С. 202, 205, 209.
- ⁵² Там же. С. 209.
- ⁵³ НПЛ. С. 346, под 6843 годом.
- ⁵⁴ *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 153.
- ⁵⁵ Там же. С. 156.
- ⁵⁶ ДДГ. № 36. С. 102.
- ⁵⁷ *Снегирев И.М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. I. М., 1875. С. V.
- ⁵⁸ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. С. 191—193.
- ⁵⁹ Там же. С. 193.
- ⁶⁰ План несколько раз был издан. И.Е. Забелин поместил его в своей книге. См.: *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905. С. XII—XVIII.
- ⁶¹ Там же. С. XV, XVIII.
- ⁶² *Тарабрин И.М.* Работы И.Е. Забелина по истории Москвы // *Забелин И.Е.* История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 23.
- ⁶³ *Голубцов И.А.* Старинная топография и урочища Москвы до 1389 г. № 31 // История Москвы в шести томах. Т. I. М., 1952, планы (приложение в папке), № 1.
- ⁶⁴ *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 23.
- ⁶⁵ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 8—10.

- ⁶⁶ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. С. 6.
- ⁶⁷ Там же. С. 12.
- ⁶⁸ Там же. С. 17.
- ⁶⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 69. С. 226. (Далее — ДДГ).
- ⁷⁰ Там же. № 69. С. 228, 230; № 71. С. 250.
- ⁷¹ Там же. № 61. С. 195.
- ⁷² Там же. № 98. С. 408.
- ⁷³ Платонов С.Ф. О начале Москвы // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903.
- ⁷⁴ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 57.
- ⁷⁵ Анучин Д.Н. Доисторическое прошлое Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. М., 1909. С. 43.
- ⁷⁶ Там же. С. 66.
- ⁷⁷ Там же. С. 67.
- ⁷⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 86.
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371, 372; Т. II. Стб. 595.
- ⁸⁰ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 69.
- ⁸¹ Там же. С. 80.
- ⁸² Там же. С. 107—109.
- ⁸³ Там же. С. 109.
- ⁸⁴ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. С. 212.
- ⁸⁵ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 592.
- ⁸⁶ Там же. С. 360—368.
- ⁸⁷ Большого читательского интереса книга И.Е. Забелина о Москве не вызвала. Ее первое издание, вышедшее тиражом в 1200 экземпляров, не разошлось, несмотря на то, что первоначальная цена книги в пять рублей была снижена до трех. Об этом см.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. С. 215.
- ⁸⁸ Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. М., 1909. С. 4.
- ⁸⁹ Там же. С. 3.
- ⁹⁰ Там же. С. 54, 55 и примеч. 1 на С. 55.
- ⁹¹ Там же. С. 65.
- ⁹² Там же. С. 66.
- ⁹³ Там же. С. 71.
- ⁹⁴ Там же. С. 71—72.
- ⁹⁵ Подробнее см.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 105, 109, 121—124.
- ⁹⁶ Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 24.
- ⁹⁷ Там же. С. 25.
- ⁹⁸ Там же. С. 72, 73.
- ⁹⁹ Памятники древнерусского канонического права. Часть I (памятники XI—XV вв.). Издание второе. // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908.
- ¹⁰⁰ Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 77. Ср.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 215.
- ¹⁰¹ Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 77.
- ¹⁰² Там же. С. 79.
- ¹⁰³ Там же. С. 91.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 96.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 107.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 122—127.

- ¹⁰⁷Там же. С. 136—139.
- ¹⁰⁸Там же. С. 141.
- ¹⁰⁹Там же. С. 112.
- ¹¹⁰Там же. С. 133.
- ¹¹¹Там же. С. 75.
- ¹¹²ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86.
- ¹¹³Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 80.
- ¹¹⁴ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 218.
- ¹¹⁵Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 92.
- ¹¹⁶*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. С. 253.
- ¹¹⁷Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 94.
- ¹¹⁸Там же. С. 96.
- ¹¹⁹ПСРЛ. Т. XVIII. С. 118.
- ¹²⁰Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 111.
- ¹²¹Там же. С. 115.
- ¹²²Там же. С. 137.
- ¹²³Там же. С. 121.
- ¹²⁴ПСРЛ. Т. XXVII. М.—Л., 1962. С. 365—366.
- ¹²⁵Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. I. С. 81.
- ¹²⁶Там же. С. 142.

Н.Н. Лисовой*

Кто был автором «Дневника архимандрита Антонина»? Имя, творчество, судьба

Аннотация: В статье исследуется уникальная особенность дневника архимандрита Антонина (Капустина), связанная с постоянным присутствием в тексте дневника образа и имени автора до принятия монашества. В результате мы видим тонкое взаимодействие автора-историка и автора-лирического героя, хотя литературоведческие термины не вполне соответствуют характеру явления.

Ключевые слова: Дневник, архимандрит Антонин, Андрей Иванович Капустин, Киевская духовная академия, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме.

N.N. Lisovoy

Who was the Author of the Archimandrite Antonin's Diary ? Name, Creativity, Fortune

Abstract: The article examines the unique feature of the diary of Archimandrite Antonin (Kapustin) associated with the constant presence of personal identity and name of the author before the adoption of monasticism in the text of the diary. As a result, we see a subtle interaction between the author-historian and author-lyrical hero, although literary terms do not fully correspond to the nature of the phenomenon.

Keywords: Diary, Archimandrite Antonin, Andrey Ivanovich Kapustin, Kyiv Theological Academy, the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem.

Я, иль ты, или — на нас похожий?
Он или они?.. И двое иль один?
АНТОНИН

Известно, что русский XIX век, от «золотого» его начала до «серебряного» конца, был временем расцвета таких «личных» письменных жанров, как дневник и переписка. Культура дневника пронизывала все слои образованного общества, от государя и вельможи до гимназиста и курсистки, не говоря о профессиональных деятелях литературы и искусства, для которых

* Лисовой Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории религии и Церкви, Институт российской истории РАН.

Lisovoy Nikolay Nikolaevich, Grand PhD (History), Chief Researcher of the Center for the History of Religion and the Church, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

дневники стали особой формой духовной самореализации, определив в известной степени «стиль и веяния» интеллектуальной элиты России. Трудно переоценить значение, которое имеют дневники выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, лишь в последние годы становящиеся достоянием читателя. Изданы дневники митрополитов Арсения (Стадницкого), Вениамина (Федченкова), Анастасия (Грибановского). В России и в Японии опубликованы дневники основателя Японской Православной Церкви равноапостольного Николая (Касаткина).

Одним из интереснейших памятников жанра является дневник начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина Андрея Ивановича; 1817—1894), одинаково важный для истории Церкви и культуры, российской дипломатии на Востоке и отечественной византистики и археологии¹. Упомянутый почти всеми авторами, писавшими об архимандрите и о русском присутствии в Палестине, этот источник в последние годы активно исследуется и вводится в научный оборот².

Особой удачей автор настоящих строк считает для себя возможность в течение многих лет заниматься изучением этого уникального исторического источника. Источника неисчерпаемого — и сегодня не могу сказать, что мы владеем в достаточном объеме информацией, необходимой для понимания и комментирования дневника. Проблема тонкого внутреннего диалога — взаимодействия двух субъектов — историка и героя, являющаяся одной из главных методологических проблем изучения и использования «личных» жанров в историческом исследовании, в данном случае стоит особенно остро.

Мне давно бросалось в глаза, что в дневнике Антонина, в отличие от подобных текстов других представителей русской иерархии и монашества, часто фигурирует мирское имя автора: Андрей Капустин. Несколько лет назад на одной из научных конференций Императорского Православного Палестинского Общества, посвященных наследию архимандрита Антонина (Капустина), я выступил с докладом, с парадоксальным на первый взгляд названием, вынесенным в заглавие настоящей статьи. Кто был автором Дневника архимандрита Антонина — вопрос нериторический.

...Есть особая значительность и серьезность в том, как выбирают Бог и судьба день прихода нашего в мир и ухода из него. Таинственно кодируется грядущий путь человека именословом, месяцесловом, церковным Уставом. Православная Церковь всегда находит единственно верные слова, что кому *на роду написано*.

Шел 1817 год — год Кириопасхи, таких годков на целое столетие, что в XIX, что в XX веке, выпадает лишь по два. В день его рождения, 12 августа, в 13 Неделю по Пятидесятнице, в церкви на утрени читалось 2-е Страстное Евангелие — о взятии Христа под стражу в Гефси-

манскую ночь и тройном отречении Петра от Учителя на дворе Каиафы: *Петр опять отрекся, и тотчас запел петух...* И 70-е зачало от Марка (16, 1—8) — о женах-мироносицах, получивших благовестие о Воскресении Господнем, но бежавших, никому ничего не сказав, *потому что боялись...* Тяжелые тексты, тревожные предчувствия, предзнаменования... Но в чтениях на литургии как будто преодолеваются трагические ноты утрени. В тот день на литургии звучало 166 зачало Апостола (1 Кор. 16, 13—24) — о бодрствовании и стоянии в вере, благодати Божией и любви к ближнему. Из Евангелия же читалась притча, изображающая исторический путь человечества от измены и богоубийства к неизбежной каре злодеям и вручению Христова виноградника *другим виноградарям...*

Думаю, неслучайно так соединены — неслиянно и нераздельно — в названных чтениях сила и святость Бога и человека, добро и зло, вера и предательство. Не о каждом пророчески будет сказано в день рождения, что ему, в числе *других виноградарей*, вручает Христос свою Церковь-виноградник. О будущем Антонине — сказано.

Точно так же, как евангельское чтение, читаемое в храме в день рождения, судьбу и характер человека определяет *имя*. По существу, церковный Устав утверждает и усиливает энергию и направленность личного имени. «Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика, — и жизнь сойдет на одно сплошное мучение. Обычно подчеркивание в имени его царственности, нищелюбия и других качеств. Да, в имени, а не в святом, ибо и святой сам имеет определенный склад своей личности и определенную кривую жизненного пути, как носитель *имени своего*. В житиях, прологах, церковных песнопениях многочисленны указания о ярком выражении святым духовной сущности своего имени. «По имени и житие» — стереотипная формула житий: по имени — житие, а не имя по житию. Имя оценивается Церковью, а за нею и всем православным народом как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея; а святой — как наилучший ее выразитель, так что через него нам светит благороднейший свет данного имени»³.

Излагая историю своего крещеного имени, архимандрит Антонин в автобиографических материалах ссылался на два источника. В метрической книге Батуринской Преображенской церкви за 1817 год было записано: «12 августа у дьячка Ивана Капустина (родился) сын Андрей. Молитвовал и крестил и восприемником был священник Стефан Анцыферов со вдовой священнической женой Агрипиной Васильевой Селивановой». В рассказе отца (второй источник) содержались дополнительные подробности: «По рождестве твоём, думаю, отворено было у горницы окно или два, для показания тебе белого света и просмотра тебя. Когда же мать твоя увидела тебя при свете, при радости не при-

глянулся ей высокий твой нос, она назвала тебя Ганей (т.е. Гавриилом) Батуриным. А часу, может быть, в двенадцатом о. Стефан Андреевич Анцыферов, Кабанский* ветхий старец, приехавший по зову моему и на своей лошади и долгой хмелевке, нарек тебя Андреем»⁴.

Много лет спустя, в зрелом возрасте, размышляя о своем «появлении на сей свет» и смысле различных данных ему имен, архимандрит Антонин в порядке пояснения от себя добавил: «При появлении моем на свет, прежде всего, замечен был мой недостаток высоконосие... Сколько раз доводилось потом мне терпеть укоры за высоту носа, хотя уже и в другом смысле... *Ганя Батурин* поэтому, надобно думать, был также не из курносых... Жаль, что я не знал его. Вероятно, и он подымал нос, подобно нашему драчуну и крикуну *Андрейку*, впоследствии гордому Капустину, и, наконец, настоящих времен капризному и неуступчивому *Антонину*... Имя Андрей дано мне потому, что 8-ой день от рождения моего совершалась память св. мученика Андрея Стратилата. 19-е августа, таким образом, сделалось на долгое время для меня и для всего семейства нашего праздником в кругу»⁵.

Имя Андрей означает по-гречески «мужественный»^{**}. Андрей Стратилат, в честь которого был назван наш герой, вдвойне: «мужественный военачальник»^{***}. И все это сверху накрывается самым русским, библейским отчеством *Иванович* и фамильным прозвищем *Капустин*: «Не вкусен, да здоров»⁶.

И, однако, похоже, в известном смысле Антонину в жизни не очень везло с именословом. Мать хотела назвать его одним именем, подвыпивший соседский батюшка крестил под другим (неслучайно отец в своем повествовании превратил «дальнюю <деревню> Хмелеву» в «долгую хмелевку»). Монашеское имя вообще, как мы увидим ниже, «не дотягивало» в смысле благословения пути и судьбы. Не будем гадать, связано ли это с тем, что выбравший и нарекший Антонину монашеское имя митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), «Дедушка», как почтительно называли его в Киеве (в том числе и автор дневника), не любил его. Во всяком случае 31 декабря 1857 г. в Афинах, узнав накануне о смерти старца, Антонин записал в дневнике: «Служили панихиду у Св. Троицы по новопреставленном. О, Д е д у ш к а приснопамятный! 11 лет я выжил под крылышком твоим. Благ ты был, но не любил меня и нехотя вогнал меня в мои дорогие Афины. Мир духу твоему. Помяни там «Антонина»⁷. (Разрядка в слове *не любил* принадлежит автору дневника, как и лапчатые кавычки при слове *Антонин* — опытным стилистом мимолетно накинутый некий флер неподлинности...)

* Из церкви в селе Кабанском.

** Греч. ανδρείος — мужественный, отважный.

*** Греч. στρατηλάτης — командующий, полководец.

Если продолжить о таинствах имен, странным образом и впоследствии ни один из храмов, построенных и освященных Антонином, не сохранил «во имя», задуманное создателем. Храм в Горней (1883), освященный как святилище Сретения Святой Девы Марии и праведной Елизаветы (или “Целования Марии”), сегодня известен как храм в честь Казанской иконы Богоматери. Храму на вершине Елеона, воздвигнутому на месте и в честь Вознесения Господня, было отказано в этом имени Иерусалимским патриархом: Антонину едва удалось уговорить патриарха освятить в таком случае храм обобщенно во имя Спасителя, не уточняя праздника (1886). Храм над Порогом Судных Врат (1890), замысленный Антонином как храм Несения Креста, получил при освящении, уже после смерти нашего героя, имя святого благоверного князя Александра Невского (1896) — в память Александра III. Видит Бог, ничего не имею против церкви в память императора, но ведь не обязательно там, где место и память Несения Креста...

...И вновь вернемся к истории ношения креста и имени нашего героя. Двадцать восемь лет спустя, 7 ноября 1845 г. Андрей Капустин в подземном храме Антониевых пещер Киево-Печерской Лавры примет монашество. Имя на сей раз выбирал митрополит Филарет, совершавший пострижение, и выбрал имя Антонин — в честь мученика Антонина Анкирского, не самого известного. Отрок-мученик Антонин принял страшную смерть вместе со своими родителями Меласиппом и Касинией, оставшись в памяти Церкви в образе кроткого, но мужественного юноши, дерзнувшего плюнуть в лицо императору-мучителю Юлиану Отступнику. Наш герой не раз будет рассказывать в дневнике о том, как его святого путали то с одним из восьми святых того же имени (Ефесского, Никомидийского, Римского, Палестинского, Сирийского и др.) или вообще с Антонием (тем самым, в пещерах которого удостоился пострига и о котором народная календарная частушка на 28 сентября: *Антон-Харитон убил бабу хомутом*).

Сейчас на эту, Антоно-Харитонову память пришлось обретение мощей великой княгини Елизаветы Федоровны, а в пещерном храме преп. Харитона Исповедника в Айн-Фаре под Иерусалимом Антонин в октябре 1871 г. совершил литургию на переносном антиминсе, о чем долгое время сохранялась надпись на восточной закоптевшей стене пещеры. Тема Антония время от времени возникает в дневнике, поскольку иногда русские паломники поздравляют его с именинами в день Антония, нередко и в печати его переименовывают в Антония. 26 ноября 1865 года ему снится сон, будто бы константинопольский посланник Н.П. Игнатъев подходит к нему «и пьет здоровье некоего Антония». Это настолько уязвило его самолюбие, что он «пробудился немедленно, полный злобного удовольствия». В трудно поддающихся расшифровке дневниковых «Загадках»,

предваряющих весну 1866 года, есть строчки, как нам кажется, относящиеся к тому же кругу проблем имени и авторства:

Брат Иосифов, иль Андель Божий?
Савл или Стефан? Магдал или Марин?
Я, иль ты, или — на нас похожий?
Он или они?.. И двое иль один?
Ехать ей, или сидеть в прихожей?
Круг или квадрат?.. Антон иль Антонин?..
... с твоей ли рожей?

Характер и судьбу Антонина люди, хорошо его знавшие, непосредственно связывали с полученным им в монашестве именем. Друг его в екатеринославские семинарские и киевские академические годы, впоследствии протоиерей Серафим Серафимов в письме от 22 декабря 1854 г. писал: «Твое последнее письмо исполнено благодати и великодушия, показывает, что ты *истый* Антонин — *кроткий*. Будь тем же до конца!⁸». Вспомним также слова, сказанные святителем Феофаном Затворником, великим нашим подвижником, создателем Русского Добролюбия, который в одном из писем сказал: «О. архимандрит Антонин... Нежный — известен мне, как отличный человек... он же и учь...»⁹.

В Афинах Антонин вообще собирался устроить пещерный храм, посвященный св. мученику Антонину:

- 1 мая 1856. Мне иконописца нужно. Мы с ним распишем пещерную церковь Св. Мученика Антонина. Похоже, правда, это все на затеи. Но дело не в них, а в умножении при церкви монашеской стихии. Благослови Бог!

Десять лет спустя, поминая молитвенно своего святого, записывал в дневнике:

- 7 ноября 1866. Еще вчера дух некий внушил просвирням спросить о. Гедеона, не приготовить ли к этому дню просфор, ибо в святцах они вычитали на этот день имя св[ятого] Антонина. Вещуньям сказано было, что в святцах есть 5 или 6 Антонинов. Но всех их дивнее и многострадальнее ты, блаженный отрок, вынесший муки, непосильные и мужам совершенным. А все я не собрался с духом посетить твою Анкиру, и почтить твои страдания каким-нибудь памятником.

И, однако, еще двадцать лет спустя... Итоговое горькое признание — во сне, инстинктивно, без рассуждений и безредактурно:

- 31 декабря 1886. Во сне мои именины. Я ожидал, что прочтется страдание муч[еника] Антонина, и готовился сказать Патриарху, что ошибочно ношу это имя.

Попробуем разобраться.

1. «Ошибочно ношу это имя»

Выходец из большой дружной священнической семьи, обладавший душой нежной и чувствительной, умевший быть романтическим и восторженным, он, казалось, не чувствовал смолоду особого призвания к аскетизму. Более того, в Пермской семинарии начальство косо и неодобрительно смотрело на его увлечение светской литературой и собственным стихотворством. Это и стало причиной ухода его из семинарии. К тому же, как вспоминал сам Антонин, еще в семинарские пятнадцать лет, «в тихую, не веселую и не скучную зиму» произошла в нем важная перемена, «несчастливым образом подействовавшая на сердечную чистоту, перемена, достойная всегдашнего оплакивания». Так что, отец, как писал младший брат, М.И. Капустин, «в силу обычных тогда в среде духовенства узко сословных понятий, по которым все сколько-нибудь отступающее от традиций и воззрений духовенства считалось неизбежно ведущим к моральной гибели, — воображал своего сына по его светскому направлению мыслей уже стоящим на краю бездны и прибег к своему родному брату архимандриту Ионе... и поручил ему своего сына увезти с собой в Екатеринослав доканчивать семинарский курс, под своим личным бдительным надзором... Со своей стороны, юноша, озлобленный на тех семинарских педагогов, которые язвительно относились к его опытам писательства, был рад случаю покинуть свою семинарию»¹⁰.

С поступлением в академию и переездом в Киев, наступило «все новое». Освободясь от тиранства дядюшки, встретив новых друзей, Антонин зажил «дикой и своеобразной», порой даже «забуддыжной» поэзией студенчества. Как позже будет он вспоминать, неизвестно долго ли продолжалось бы это увлечение «разгульным и удалым бурсизмом», если бы «чарующая сила любви не увлекла его в свой одинокий круг». Этим одиноким кругом стала глубокая и искренняя дружба с его однокашником Алексеем Введенским, которая, кстати, ни в коей мере не может изображаться как якобы «тайное монашество», «любовь к Христу».

Самые пронзительные лирические слова находил Антонин, говоря о своей дружбе: «Первая зима киевская... теплотою весеннюю разогрела сырую и холодную массу, и на ней прозяб цветочек... Боже мой! Что это за растение райское! Следующих трех зим не было, на месте их была дважды весна и однажды осень. Это была истинная жизнь моя, в которой я иждил все мое чувство, принес в жертву, чем я был богат и беден»¹¹. День смерти, как и день именин, своего друга Антонин впоследствии будет ежегодно отмечать в дневнике.

- Целый день перечитывал дневник Алешиной эпохи и горевал по поводу этого немало, — пишет он 12 апреля 1861 г. — Есть о чем потужить. Боже мой! Чего я не пережил?

- 23 мая 1884 г. он записывает: 40 лет кончины милого дружка. Вечный покой духу его!.

Читателю XXI века, может быть, трудно представить себе чистоту и духовность этой нежной мужской дружбы. Сегодня, как, впрочем, у многих и в XIX столетии, одно лишь упоминание о подобных отношениях невольно влечет за собой подозрение в «аттических нравах», а тонкий «исихастский роман» 1873 г. с духовной дочерью — уж тем более был в одном шаге до обвинений в «сожигательстве» с целой «приемной семьей». К сожалению, наши лицемерные, ханжеские представления и их перенос на жизнь Антонина не только искажают реальную картину, но и отпугивают историков и биографов от попыток понять и объективно представить особенности его духовного уклада.

И вот в результате: архимандрит Киприан, достаточно много останавливаясь на духовной жизни своего героя, ни-ни об Алеше Введенском, игумен Варнава — легко, с кондачка, категорически отвергает возможность любви к Н.Я. Подгурской и чуть ли не самое ее существование, а о «любимой питомице Софии Константиновне» (так назовет ее Антонин в завещании), — вообще никто не упоминает. Между тем, именно из эпизодов перечисленных и не перечисленных — из них и складывался разноцветный и радостный мильфлер внутренней духовной жизни Антонина, а не только из молитвенных правил, богослужений, храмостроительства, археологии и дипломатии.

...На последнем курсе Академии Андрей всерьез задумался о женитьбе. Его избранницей стала Надежда Яковлевна Подгурская, дочь уманского протоиерея. Летом 1844 года Андрей просил ее руки, но получил отказ. Конечно, это был сильнейший удар, который он стоически выдержал и даже, год спустя, был, по некоторым сведениям, шафером на свадьбе своего друга Серафима Антоновича Серафимова и Н.Я. Подгурской (переписку с другом Антонин поддерживал и впоследствии).

На основании вышесказанного мы вправе ожидать, что решение о монашестве далось Андрею не легко, а после долгих размышлений и сомнений. И действительно: 3 января 1845 г., он оставляет в дневнике следующую запись: «Господи, благослови мое начинание! Недолго думав, сел и написал в правление Академии прошение об исходатайствовании мне дозволения у Св. Синода — поступить в монашество». 16 января читаем: «Услышав, что дело мое еще доселе не получило никакого движения, я ходил к о. инспектору с просьбою о продвинутости оногo». Однако, уже 21 января Антонин начинает сомневаться в правильности принятого решения: «... потом произошло нечто в 100 раз эффективнее: пришло письмо от братца, заставившее меня крепко, крепко призадуматься ... до того, что вечером я отправился к о. ректору и упросил его остановить мое дело монашеское!» На следующий

день — другая запись: «Как-то страшно из сферы мыслей монашеских снова перейти в область обычных суетных мечтаний. А, между прочим, признаться надобно, что с тех пор, как я остановил дело свое, мне как-то стало с одной стороны грустнее, а с другой — легче»¹².

Совершенно непозволительно пытаться связать этот временный отказ Андрея от решения относительно монашества с полученным им от брата Платона приглашением шаферствовать на его свадьбе¹³. Разумеется, наш герой «остановил свое дело» и перешел вновь из «сферы монашеской в область обычных суетных мечтаний» не для того только, чтобы съездить на брачный пир к брату. Кстати, ничуть не убедительны соображения о состоявшемся якобы «решении» о монашестве уже в 1843 году — на основании записи в дневнике 12 октября 1843 о том, как Андрей с «тятенькой» «накупили всякой всячины, между прочим и нечто в задаток моего будущего м...ства». Почему исследователи пытаются вчитать в это м...ство — *монашество*¹⁴, а не, например, *магистерство*? Последнее представляется нам куда более логичным, если обратить внимание, что несколькими страницами далее Андрей высказывает чрезвычайную радость по поводу получения степени бакалавра. А какие покупки для монашества — за два года до будущего пострига — поехал бы он делать в глухое уральское Батурино из Киева — тогдашней «монашеской столицы» вся России? В порядке подготовки к обету нестяжания?

Биографы по-разному пытались объяснить уход его из мира. Хорошо знавший о. Антонина В.Н. Хитрово писал: «Поступление в монашество было для него, как кажется, делом случая, тем неисповедимым, непонятым для нас вождением Божиим, намечающим пути, по которым нам приходится идти, не будучи в состоянии отдать себе отчета, от чего именно мы пошли скорее по этой, чем по другой жизненной дороге. Монахом, в общеупотребительном значении этого слова, архимандрит Антонин никогда не был и на это он сам неоднократно указывал. Никогда не жил он в монастыре, никогда он не проходил никаких монашеских послушаний»¹⁵. Однако в Русской Церкви синодального периода существовало целое сословие такого «немонастырского» или, как говорили, «ученого монашества», из которого пополнялись ряды академической профессуры, настоятелей монастырей и высшей церковной иерархии.

А.А. Дмитриевский считал, что «ближайшим толчком к монашеству» послужило для Антонина пострижение наставника и друга архимандрита Феофана (Авсенева)¹⁶. Современные исследователи Т.А. Богданова и игумен Варнава допускают, что смерть любимого друга «Алешеньки» (Алексея Введенского) 23 мая 1844 г. окончательно решила выбор Андрея в пользу монашества¹⁷. Но это тоже неверно, потому что Андрей Иванович *после смерти Алешки*, летом 1844 г., сватается к Подгурской.

Правда, мысли о монашеской карьере приходили и в более раннее время, но, мягко говоря, в полушутливом контексте. Его мечты о неизвестном будущем, при совершенно фантастическом размахе — от сельского клирика до первоиерарха, — включали на равных варианты семейные и монашеские. «Кончаю курс, еду домой, записываюсь в родное селение дьячком, живу в доме отца, поучаюсь среди простоты народной и близ храма Божия христианской философии и блаженствую, лежа на печи. Наконец, под старость иду в какой-нибудь монастырь и, скончав никому не известную жизнь, отправляюсь на вечное лежание. Так думаю я иногда. Но в другое время... О куда заносят меня химеры! Я умираю Константинопольским Патриархом или, по крайней мере, наместником одной из российских лавр»¹⁸, — писал с явной самоиронией екатеринославский семинарист в апреле 1838 г. своему другу С.А. Серафимову.

Словом, напрасно современные биографы с порога торопятся ответить романтическую сторону жизни молодого Андрея¹⁹. Заведомо в принятом им решении сказалась, среди других возможных соображений, и неудача в личной жизни — не стоит отбрасывать ни одной из версий. Что касается известного «запрета» в дневнике на некоторые сюжеты, в том числе и самые серьезные для автора, то вопрос о сватовстве к Надежде Яковлевне явно относится к этим *запретным* темам. К ним же, кстати, относится и сам пререкаемый сюжет о монашестве. Во всяком случае, если о «любви», по расчетам о. Варнавы и Ваха не говорится (или мало говорится) в дневнике, то ведь об отсутствии намерения жениться и вовсе не говорится. Более того, есть сообщения о том, что «самой Надежде Яковлевне говорил Андрей, встречаясь с ней в ту зиму (1844/45 — *Н.Л.*), что это именно она есть причина его одиночества»²⁰.

Отнюдь не с легкостью примирились с его решением и родители Андрея. Без их благословения он не предпринял бы столь важного шага. Родительское письмо с благословением, украшенное им впоследствии вишнетками и помещенное под стекло в рамку, хранилось среди его вещей в иерусалимской квартире как одна из самых дорогих реликвий. Короткое письмо писалось в отцовском доме в Батурине 20 января 1845 г. целую ночь — «от 11 до 5 часа ночи» (по собственной датировке авторов письма)²¹.

Вопрос в другом. Принятие монашества есть акт духовного рождения нового человека — новой личности с новым именем. Но как сосуществуют в монахе личность прежняя и личность новая? Ни один из обетов не предполагает полного отречения от прошлого. Хотя святые отцы говорили о монахах — вполне по-халкидонски — «земные ангелы, небесные человеки», но вопрос, является ли иноческое пострижение таинством пакирождения, не получил однозначного ответа в богословии. Как думал об этом Антонин, мы не знаем. Так или иначе, мы касаемся здесь тонкого, трепетного вопроса о внутреннем мире архи-

мандрита, который даже и в дневнике приоткрывается неохотно и неоднозначно, ибо речь идет о невольно бросающемся в глаза «двоении» в дневнике Андрея и Антонина.

Имя *Антонин* естественно фигурирует в дневнике при сообщении официальных сведений о служебных отношениях автора

а) с петербургским начальством:

- 23 сентября 1868. Ждут же от Антонина подробного изложения случившихся в Иерусалиме каверз.
- 14 ноября 1870. (при получении телеграммы из СПб о назначении пенсии): И так, вот тебе и пенсия, Антонин! Допросился! Теперь готовься отправляться куда-нибудь на покой!
- 27 февраля 1878. А Синод будто бы крепко (!) сердит на Антонина за то, что он не хочет ни на какую (!) епархию и неизгоним из Иерусалима.
- 17 апреля 1878. В Москве какое-то «высшее духовенство» осведомляется у Никодима о жизни и деятельности Антонина в Палестине.

б) с местными, т.е. иерусалимскими, российскими светскими служащими:

- 20 июня 1870. <Смотритель Мужского подворья на Русских Постройках в Иерусалиме в 1864—1886 гг., по совместительству и.о. секретаря консульства> Левитов строит храм Божий, а <начальник РДМ> Антонин не смеет даже войти в оный! Темпрога и mores — нечего сказать!
- 30 августа 1880 («Царский день»): Обед на два стола с бесконечными многолетствованиями Царя, Цесаревича, Великого Князя, Антонина.
- 11 февраля 1881. Оказывается виновным во всем Антонин, и прочие безумные глаголы.
- 26 января 1886. И доктор наш в ту же антиантонинную бьет струну.

в) с греческими церковными властями:

- 28 июня 1870. Антонин возведен в основатели при Крестном Училище Нумизматического Кабинета. Ай, да мы!
- 14 марта 1871. Затем Леандр прочел Патриарший «сигиллион» и «изложение» всего хода больничного дела с провозглашением имен благотворителей. Последнее имя было Антонина, принесшего в дар заведению *εὐ Μικροσκοπίου* (микроскоп).
- 10 марта 1877. О. архимандрит Кирилл с реляцией о вчерашнем заседании <Иерусалимского> Синода. Решили не продавать, а подарить Антонину святогробский клочок земли в Иерихоне.
- 3 марта 1878. Корреспонденция из Москвы в триестскую «Имеру» (в газету «День». — *Н.Л.*) обвиняет Антонина в посылке статей в «Гражданин» и в «Современные Известия» раздувательного свойства и укоряет его в неблагодарности Греции, приютившей его.

- 22 октября 1883. Патриарх Никодим стоит на том, что или он или Антонин в Палестине, и уже требовал от обер-прокурора Св. Синода отозвания меня из Иерусалима.

О том же говорится в стихотворном эпитафье к ноябрю 1883 г.:

«Иль я, иль Антонин», —
 Глаголет Всесвятейший,
 Меня на свой аршин
 Примерив всепустейший.

Тем более, если речь идет об упоминании имени Антонина в документальных или печатных источниках (в прямых цитатах или пересказе):

- 2 июня 1870. Новый масбатá составлен в том смысле, что, так как монахах Антонин не думает строить у Дуба ни монастыря, ни церкви, а один только дом, то и можно позволить ему сие.
- 22 июня 1870: Письмо от иеродиакона Мартирия. Упоминается в нем, что «они» (митрополит Петербургский Исидор. — *Н.Л.*) расположены, как слышно, к о. Антонину.
- 5 июля 1870 (цитата из газеты): «Пожаловано много наград духовным лицам. Главнейшая — орден св[ятого] Владимира 3-й степени настоятелю нашей Миссии в Иерусалиме, арх[имандриту] Антонину».
- 11 октября 1873. Получение 4-х ходжетов, составленных на имя Антонина, сына Иванова, сына Леонтьева... Отселе есмь собственник недвижимостей на Елеоне, в Силоаме, в Горней и в Бетжале.
- 8 августа 1875. Чтение статьи Антониновой.
- 23 августа 1875. В «Сыне Отеч.» из Киева пишут об Антонине, высылающем в Музей Академии «настоящего» идола Моавитского в аршин ростом.
- 14 марта 1876. Новые 2 статьи неугомонного Ушинского. На каждой строке: Антонин.
- 17 ноября 1876. «Филистимское поморье» г. Олесницкого. Успел и тут отыскать и упомянуть человек Божий Антонина!
- 1 апреля 1877. Консул получил шифрованную телеграмму от Нелидова: «Разрыв близок. Будьте готовы к отъезду. Антонин может вместе с вами ехать в Афины».
- 4 сентября 1877. Письмо от обиженной сестры <почившего Патриарха Иерусалимского Кирилла>, заступничество за которую предоставляется никому другому, как г. архимандриту Антонину. Сирийская почта. О. Джибара тоже за покровительством к тому же Антонину.
- 6 апреля 1878. В «Современных Известиях» от 18 марта напечатано, что «вторым викарием в Москву назначается архимандрит Иерусалимской Миссии Антонин, известный своими проповедями и археологическими трудами»...
- 11 января 1880. Г. Сердин с <газетой> «Востоком», в котором Антонину конечно по-прежнему не дается спуску.

- 12 января 1880. Астерьяди читал, что Антонина вызовут в Петербург.
- 30 мая 1880. Письмо от Н.А. Мухановой с копией такового же из Питера, в нем же речется: «Миссия остается нетронутою с тем же о. Антонином Вашим».
- Май 1881 г. Стихотворный эпиграф — об ожидаемом приезде в Святую Землю великих князей Сергия и Павла Александровичей и их кузена Константина Константиновича, которые должны посетить Мамврийский Дуб, а встречать которых будет, естественно, начальник РДМ:

Нас посетят в сей май
Князей великих трое.
Вновь “т р о и ц у” встречай
Дуб— древо вековое!
А Антонин изволь
Играть роль Авраама...

- 4 апреля 1883. Выслали мне вырезку из «Нового Времени» с корреспонденцией из Иерусалима от 1 марта, тоже с похвалами и укорами вместе Антонину...
- 14 января 1886. Брошюрка антиелисеевская Л.Н. Денисова. Досталось ни за что, ни про что на одной странице и о. Антонину!
- 17 марта 1886. Телеграмма от секретаря Православного Палестинского Общества М.П. Степанова: «Вексель (4000 р.) высылаю. Передайте о. архимандриту Антонину».
- 15 мая 1886. Патриарх со своей стороны изъявляет готовность посвятить Антонина в какие угодно титульные владыки.
- 28 мая 1886. Выдержка из «Нового Времени» (№ 6 мая) о том, что делами Русской Церкви в Палестине отселе будет ведать не русский консул, а некий Антонин, который будет возведен в сан епископа
- 11 июля 1886. Значит, наш «глубокоученный» Антонин, признанный специалистом дела, отводится от него!

Столь же естественно воспринимается монашеское имя Антонина в церковно-богослужебных и бытовых контекстах:

- 30 сентября 1875. Брюхо неумолимое. Разве посадить его на диету Антония Великого?. Да беда в том, что то Антоний, а то Антонин.
- 27 октября 1875. Закуска небольшая с остатками Мамврийского винограда, при мысли о котором захватывает горло. То-то и есть! А еще зовемся Антонинами, Стефанами и пр., убабленными сединою старцами!
- 9 марта 1877. Восковой вице-зуб помог прочесть первые три песни Великого Канона антониновым еще голосом.
- 24 июля 1883. Разбор вчерашних денежных писем, из коих одно, тысячное, было для передачи Горненской отшельнице Антонине, а в 3 да в 5 рублей — вашему Антонину.
- 15 августа 1886. Разумелся наш горемычный Антонин.

- 26 октября. 1886. Слова аввы Герасима (Яреда), будто бы говорившего в свое время одной долбешке петербургской, что здешнему Антонину они должны воздвигнуть памятник... Аман!
- 7 ноября 1886 (о комнатах Яффского дома): Кому-то придется жить в них? Не Антонину ли вышеупомянутому, прогнанному из святых мест и вымолившему себе пожизненное помещение под кровом святой Тавифы?

В том числе, в контекстах вполне иронических, как, например, при воспоминании о неподобающем сновидении:

- 1 декабря 1875. Барометр упал почти настолько же, насколько <нравственно> и Антонин
- в канун дня Ангела, 6 ноября 1883: Патриарх-то <Никодим> возим был у нас в Питере в золотой карете, и интимно, с глазу на глаз, беседовал с государем. Пропали после сего наши антонины, не взирая на завтрашние именины.
- 6 декабря 1886. А тот доложит, кому следует, и в остров Сахалин пойдет наш Антонин.

Особый вопрос — об отношении автора дневника к его святому — мученику Антонину Анкирскому:

- 7 ноября 1856. Вовсе не хотелось сидеть за столом и пировать — сидел, пил и ел. Да здравствует λοιπόν** земной Антонин! Да будет хвально имя небесного Антонина, заступника и предстателя моей крайней бедности!
- 7 ноября 1865. Святый мучениче Антонине, моли Бога о мне грешном.
- 7 ноября 1870 (проводя день Ангела под Дубом Мамврийским): Св[ятой] мученик Антонин не был здесь, но мучитель его <Юлиан Отступник>, в бытность свою в Палестине (362 г.), вероятно, приезжал в Хеврон, симпатизируя жидам.
- 1 января 1881. 18 прямо и 18 обратно составляют 36. Столько именно лет я ношу фатальное имя Антонина — сегодня “благочестивого”, завтра “философа”, послезавтра — “Каракаллы”.

Иногда автор как бы сталкивает в диалоге двух героев повествования:

- 7 октября 1862. Служил последнюю литургию <в «дачной» посольской церкви, в Буюк-Дере> с тоскою и чувствовал себя утомленным... Глупенький ты, Андрей! Чего боишься? Разве ты себя создал? Кто создал человека, тот и знает, для чего живут люди... Так, так, почтенный о. Антонин. Скажешь ты, как рублем подаришь. Да только рубли-то теперь не ходят. Султан запретил их.

* Тур. «пощадите!»

** Греч. «следовательно, значит».

Или, не без интереса, сопоставляет сочинения *еще* Андрея и *уже* Антонина:

- 3 декабря 1849. Особенно приятно поправлять и пересматривать старое, хотя многое старое — увы! так далеко выше стоит нового по теплоте чувства и живости изображения, что Антонину приходится пожалеть об Андрее.

Антонин вел дневник всю свою сознательную жизнь — по собственным неоднократным свидетельствам, с 1832 г., со времени поступления в духовную семинарию. «Возраст» дневника нередко указывается в специальном хронологическом вступлении к записям очередного года, например:

«Новый 1873 год
Бытия моего 56-й
Бытия дневника сего 41-й
Бытия одеяния сего <монашеского> 28-й
Бытия должности сей <начальника РДМ в Иерусалиме> 9-й
Бытия очков сих 2-й»

Обратим внимание на подбор слов в кратком упоминании о монашестве: «Бытие *одеяния сего*». Только *одеяния*. Поневоле сравнишь с одной, пожалуй, и шутливой, но весьма характерной надписью. Под своей фотографией, в полной монашеской форме, сделанной в 1859 г. П.И. Севастьяновым на Афоне, Антонин написал: «Во одежде овчей»²². Отсюда один шаг до уничижительного, покаянного моления:

- 7 ноября 1878. Именины. Исполнилось 33 года моему пустоименному монашеству. Господи прости мне таковое!

2. «Пахнуло таким Андреем»!

И тем не менее, главная особенность дневника — его своеобразное, как говорил сам автор, «андрейство». Архимандрит Антонин даже выработал со временем особую теорию «пифагорства». Образ Пифагора — философа, математика, политика, эзотерика был для Антонина символом прежде всего *созерцательно-мемуарной* стихии, самого процесса *воспоминания*. По преданию, боги наградили Пифагора исключительным даром помнить все его предыдущие рождения. Антонин, постоянно погруженный в стихию памяти, помнит (то видит во сне, то вдруг уносится

мыслью — над книгой, в дороге, за письменным столом) свои «прежние жизни»: батуриное детство, семинарскую и академическую юность, первую и единственную любовь 1843—1844 гг., затем смену имени и образа в иночестве. Непроизвольный, с годами все более частый уход в воспоминания и связанные с ними размышления автор дневника и называл своим «пифагорством». Во многих случаях это было синонимом «андрейства», иногда еще, по названию родного села, «батуриинства».

- 23 апреля 1873. Память наволока и андрейства.
- 31 октября 1876. Чтение исследований о Ваньке Каине, когда-то украдкой читанном <братьями> Платоном да Андреем во Батурином селе на родимой-то земле. Погружение в батуриствие.
- 14 мая 1880. Погружение в андрейство. Торжественное отвержение калитки.
- 21 октября 1880. Остановка у <Соломоновых> Прудов в половине 2-го. Закуска под стеною крепости, проходка до первого водоема. С чем это сравнить? О, Андрей Иванов сын! Едем далее. Пифагор не отстает по-прежнему, но уже видимо утомился бежать за мною.
- 9 сентября 1884. Великолепное одиночество наверху до самых сумерек. Пифагорейство давно забытое и готовое при всякой новой стопе стать на дыбы. Досидел над ним часу до второго ночи неисправимый наш Андрей Иванович.
- 12 августа 1888. Пора, пора думать о старости и даже дряхлости уже и всякому «андрейству», столько известному сей тетрадке, положить конец.

Здесь едва ли поможет литературоведческий антураж, с помощью которого пытаются диагностировать явление, рассуждая, будто «упоминания о нем (об Андрее) настолько часты, что кажутся скорее литературным приемом, несущим специальную функцию в повествовании» ... Или, уверяя, что «эта двойственность не создает в нем дискомфорта или тем более внутреннего конфликта. Скорее наоборот, таким образом он контролирует свои эмоциональные ощущения»²³. Дискомфорта, конечно, нет и не может быть. Но *андрейство* — отнюдь не «литературный прием» и не «функция». И уж вовсе не «постоянный внутренний опыт отсечения в себе мирского начала»²⁴. Не *возгревание* ли, напротив, того самого «начала»?

Разумеется, имя Андрей появляется всякий раз, когда автор дневника предается воспоминаниям о том, каким он был до принятия монашества (в первый раз — в день пострижения):

- 7 ноября 1845. Увы! мой Андрей! Андрей! Как-то мне жалко тебя.
- 1 января 1856. Уверяю тебя, потомок! Нашего застарелого Андрея я знаю хорошо. Он издревле любил прилагать язву к язве и беззаконие к беззаконию.

- 20 ноября 1873. О. Виссарион с построенной его искусством камиллавкой. Привешенье крестов к четкам и детское любованье обновкой. Нет, нет, и выгянет откуда-то Андрей!

В стихотворном эпиграфе к октябрю 1873 г. появляется картинка из детства — с бегущим за Андреем отцом с розгами:

Глухая и слепая няня,
Откуда ни возьмись, кричит:
Вот будет же Андрею баня!
На! Тятя с вицой уж бежит.

Другой пример, из записей того же года, четко демонстрирует, кто же пишет дневник:

- 9-го июля в понедельник рано утром ушел в Акрополь.

Антонин жил тогда в Афинах. Но два дня спустя он сам себя поправляет:

- 11-го числа утром с самоваром ходил в Акрополь, а не в понедельник, как сказал выше беспамятный Андрей Капустин.

Особенно характерны размышления на темы «андрейства» для записей в день рождения и в день ангела, да и вообще в памятные даты, связанные с детством и юностью. Кстати, в отличие от монашеского этикета (не справлять своих дней рождения и мирского дня ангела), Антонин всегда отмечал их в дневнике и норовил — явно или тайно для окружающих — праздновать и церковным, и бытовым образом.

- 19 августа 1857. Старые именины. Хоть бы какая-нибудь «крестная» подарила Андреюшку монет! Так, не моги сего думать.
- 12 августа 1859. Рабу Божию исполнилось 42 года. Ради сего случая просил после обедни отслужить благодарственный Господу Богу молебен.
- 18 августа 1866. Воспоминание о Чаплинской заимке и о кануне Андреюшкова праздника... О былина-старина!
- 19 августа 1875. Старые именины Андреевы. Не подарит ли добрый и ласковый «тятенька» имениннику доброго здоровья?
- 19 августа 1878. Старые именины. Ну, подари же кто-нибудь что-нибудь Андрею свету Ивановичу!
- 16 июля 1883. — Андреева в а к а ц и я. Получай билет, садись на игренька, и махни рукой на <Далматовский> монастырь с его золотыми маковками и высокими башнями! До слез трогаящее представление!
- Заговенье на Успенский пост, 31 июля 1883. Чай с последним «молочком» (оёё, Андреюшко!)

- 20 марта 1884. Рисованье чайной сцены 1842 г. с Платоном да Андреем приснопамятными.
- 2 февраля 1885. — Да! Заснешь, как раз! Солнышко застало меня с открытыми глазами и отбитыми руками. Дремал бы так без числа и меры, как некогда дремал (12 мая) покойный Андрей Иванович.
- 19 августа 1886. Ночью, как и следует, странствовал по свету, но до Андреевой Батурины не дошел. Так-то бесцветно проходит теперь столько тревожное бывало девятнадцатое августа! Есть время всякой вещи под небесем.
- 25 сентября 1886. «Злато прельщает разумы всех, плод возвращает слез и утех», — как певали когда-то в медной Батурине — совсем не выдавшие его (золота), <братья> Платон да Андрей с <тетушками> Анной и Параскевой Леонтьевными.
- 20 мая 1888. Ох, Андрей Пермский, Леденцовский. Нет на тебя Анны Алексеевны тогдашней.
- 19 июля 1888. О Андрей, Ондрейко, или, пожалуй, Андреюшко! Подрать бы тебя за ушко.

Не с Антонином, а с Андреем приключаются трагические случаи:

- 24 августа 1859. (после подъема на Афон, ознаменованного на обратном пути падением, едва не смертельным. — *Н.Л.*). Кончив молитву, поднялись пешие с час времени на верхушку горы. Чудное зрелище!.. Экая дивная красота! Далеко моим соседям <в Афинах> Имитту и Пенделику до Афона. Отслужили Божественную литургию в убогом храме Преображения... Ну, так! Еще остался жить на свете сем, бедный Андрей. Когда б тебе послужило это уроком во спасение.

Любопытно, что и здесь, на краю гибели, автор дневника сознает и называет себя *бедным Андреем*, хотя уже 14 лет именуется в монашестве Антонином.

Другая, тоже граничная ситуация. В разгар конфликта с иеродиаконном Агапием, оклеветавшим Антонина в знаменитом герценовском «Колоколе», вдруг подлец попросил у архимандрита прощения — и тот тут же простил... А потом, в дневнике, укорил себя — не Антонина, Андрея!

- 19 января 1860. Меня тронуло это неожиданное смирение сослужителя и собрата по монашескому образу. Мне стало необыкновенно отрадно думать, что все пойдет по-прежнему. О, ты, баба — Андрей! А что тебя распяли, это — ничего! Я согласился на примирение.
- 26 января 1860 (именины матери — *Н.Л.*). В Батурине праздник. Добрая и милая маменька! Если б ты увидела, в каком состоянии находится твой бедный «Андреюшко»!
- 5 апреля 1860 (о том же казусе с «Колоколом». — *Н.Л.*). О, горе нам, подпавшим всесветному суду. Думал ли, гадал ли когда об этом, ничтожный бедняк Андрей, прятавшийся в углях от своей собственной тени? Ну-ка, постой, безобразнейший на свете!

Как ни удивительно, но и в противоположной ситуации, когда именно *архимандрит Антонин* отличился, кого награждают светские и церковные начальства крестами, орденами, медалями? Оказывается, не всем известного церковного деятеля архимандрита Антонина, а сокровенного, но внутренне, сакрально куда более заслуженного *Андрея из села Батурина*:

- 15 мая 1857. Пакет с «пожалованными мне, на основании правил, высочайше утвержденных в 26 день августа 1856 года в память минувшей войны, бронзовую светлую медалью на Андреевской ленте и бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте»!! Вдруг два отличия! Такой истории не бывало со мною на веку моем! Теперь уже 7 отличий украшают доблестную грудь мужественного Андрея Стратилата, иже от Батурины.

Так же, в час личного торжества, когда архимандрит Антонин перед Синодом добился необычного права передать свой золотой синодальный крест своему отцу, бедному провинциальному батюшке, — он и в этом, триумфальном случае осознает себя *Андреем Капустиним*:

- 29 марта 1861. Плавал, так сказать, в пучине разных приятнейших представлений того, как преосвященный Неофит, получивши мой крест, вызовет в Пермь дорогого старца, как наденет на него неожиданную награду и пр. и пр. О! до какого торжества дожил мизерный (хоть и бабенский — по меткому выражению [хозяйки квартиры в Перми] Анны Алексеевны словесник бывалый, Андрей сударь Капустин!_

Нередки случаи, когда Антонина во сне называют Андреем Ивановичем:

- 5 декабря 1861. Видел во сне чужую великую, причем какая-то женщина, шедшая навстречу мне с кем-то вдвоем или втроем, поравнявшись со мной, сказала: Андрей Иванович! Но я пропустил мимо ушей такой вопиющий анахронизм...
- 14 января 1871. Под давлением дремоты слышал раз 6 или 7 повторенное имя: Андрей.

Андрея, отнюдь не Антонина, упрекает автор дневника за слабость характера и иные недостатки:

- 12 декабря 1861. Отправивши статью киевскую, начал было писать письмо о церкви к обер-прокурору, но посланник позвал посмотреть рисунок будущей запрестольной иконы стеклянной, от которой потом перешли к монетам... Пароход так и ушел без письма моего. Но не мешает спросить: что же препятствовало сказать князю, что у тебя есть дело? Оле твоея слабости, Андрей Капустин!

- 15 января 1862. Зато и наказан был крепко: весь вечер, подпавши под поток ненужных мыслей, влялся ими, яко же некий Андрей бывалых дней. Оле твоего бессловесия!
- Великий Вторник, 3 апреля 1862. Оле твоего окаянства, Андрее!

Показательно, что имя *Андрей* ассоциируется не с одним только прошлым *Антонина*, но и с настоящим, и с нередкими мыслями о грядущем смертном часе:

- 10 мая 1862. Минувшею ночью испытывал горькое и отчаянное чувство смертной минуты. О Андрей! Придет она, эта страшная минута. Ужасно подумать...
- 19 августа 1864. Милый праздник детства. О, нет уже его, дававшего когда-то щедрою рукою именинные подарки Андрею! А пройдет не знаю сколько лет, не будет и самого Андрея. Останется только тленный лист сей, имеющий пережить писавшую его руку. Грустное представление.

Как будто умирать предстоит вовсе не *Антонину*, а все тому же *Андрею*...

- 19 августа 1884. Старые именины раба Божия *Андрея* (разрядка *Антонина*), поминутно выглядывающего из-за *Антонина*... Передав «кошелек» и благословение молодым, мы оставили их жить да поживать да потомков наживать, и часам к 9 были уже дома. Таков-то блаженной памяти *Андрею* достался подарок на именины в сей новонаступивший год!

Бывает и такое «именинное» «плетение имен», когда в «прениях живота и смерти» участвуют оба персонажа, причем автор, называющий себя *Андрей*, обращается затем с молитвой к святому мученику *Антонину*:

- 7 октября 1862. Служил последнюю литургию с тоскою и чувствовал себя утомленным... Глупенький ты, Андрей! Чего боишься? Разве ты себя создал? Кто создал человека, тот и знает, для чего живут люди... Так, так, почтенный о. Антонин. Скажешь ты, как рублем подаришь. Да только рубли-то теперь не ходят. Султан запретил их.
- 6 ноября 1864. Вино и чай. Сон на час времени, и затем молитва, простершаяся далеко за полночь. Целый рой воспоминаний о подобной же ночной молитве за девятнадцать лет перед этим (т. е. в ночь перед постригом. — *Н.Л.*). Ох, Андрей, Андрей! Что с тобой будет в час смертный? Какое жестокое отвращающее чувство вызывает во всем существе моем мысль о сем часе. О, милое, и светлое, и радостное дитя-мученик! Не забудь утешить тогда твоего недостойного читателя-соименника!
- 12 января 1881. Жаль мне до смерти всего прошедшего, а потому и вчерашнее маленькое событие (выдал замуж одну из чад духовных. — *Н.Л.*) тоже стало какой-то запятой, отсекающей у меня безвозвратно нечто, бывшее дотоле настоящим и радовавшее меня. Одной заботой меньше, это

правда, но зато ведь и одним застенком от приближающегося грозного облика смерти тоже меньше. Когда я научусь быть космополитом бытия и перестану хвататься за былинки жизненной дороги, чтобы как можно замедлить путь свой? О, Андрей, Андрей! Не выживешь тебя никак из Антонина.

- 15 октября земляк с предложением купить за две лиры книги, стоящие двести франков. После многих соображений и словопрений бедные лиры пошли с рук. На место их явились «Хирургия» и «Химия»... К чему они мне, Андрей, не глупость ли это?

Естественно, Андрей Иванович был и непременным участником романтических — обычно сновиденных — сюжетов в дневнике. Вот удивительное признание — почти явление двойника:

- 8 апреля 1866. Писал и писал до бесконечности. Да и не я один занимался бедовою работою. Сбоку меня сидел другой краснописец. Женить бы тебя. Вышел бы человек.
- 13 февраля 1868. Некий богатый пан Котович. У него две дочери, чудесные девицы. Близость с одной из них, приличная бы какому-нибудь *Андрею Ивановичу*, а уж никак не «всечестному отцу нашему».
- 26 января 1880 <Во сне:> Пришла мысль понравиться и жениться. Оправдываю себя примером кого-то другого, тоже старика. Хорошо хоть при этом сознаю себя Андреем Капустиным.

В 1873 г. у «покойника Андрея» ожили земные чувства академических времен. Речь идет об особых отношениях, связывавших Антонина с духовной дочерью, его близким и верным другом Софией Константиновной Апостолиди.

Она была дочерью Константина Клеопы Апостолидеса, с семьей которого Антонин дружил в Иерусалиме. После смерти отца семейства, архимандрит, по собственному его рассказу (в письме к В.Н. Хитрово от 4 февраля 1881 г.), должен был взять на себя «призрение совершенно беспомощных и чуть не буквально голых сирот, еще до моего приезда в Иерусалим считавшихся уже русскими, потому что переданы были дедом на воспитание в «русскую школу», так что покойный отец их, умирая, заклил меня не дать погибнуть несчастным малюткам (от одного до семи лет возрастом). Его последние слова, обращенные ко мне, были: “Мои дети — твои дети”. ... Память предсмертной просьбы бедняка подсказала мне мысль — взять содержание сирот вполне на себя, т.е. на свое собственное жалованье, оказывающееся до сих пор кое-как достаточным для сего, и вот уже лет 12, как я ревниво слежу, чтобы ни пол-парички не издержать на своих приемышей *ниоткуда, кроме своей кассы*, лаская себя мыслью, что хотя, может быть, это, совершенно чистое и бескорыстное, пожертвование мое заговорит за меня на страшном Суде Божиим»²⁵.

Сестер Амерису, Евпраксию и Екатерину Антонин выдал замуж, их брата Евфимия отправил учиться в Россию. София, в отличие от сестер, не вышла замуж — отчасти несомненно под влиянием духовного наставника. Из дневника архимандрита Антонина:

- 21 мая 1873. Одиночество и углубление в самого себя. Чай молчаливый. Вообще как-то невесело. Ох, Андрей, Ондрей!
- 8 июня 1873. Экое сокровище, подумаешь! Нет, грешно отдать тебя миру. Надо запереть в келью.
- 16 июня 1873. София с ходатайством о фодре*. Голова стала кружиться у покойника Андрея.
- 30 сентября 1878 г. Якуб к Иерофею, а Мудрость** к Андрею.
- 30 ноября 1878. Обедня. Чай. МКΣ***. На дворе полнейшее лето, а тут конечно благодатная весна. О, Андрей Загородкин, Камзолов, Отшибихин, Солодянский etc! Но... ничего не поделаешь.
- 13 июля 1885 г. Портреты от фотографа. Страшно посмотреть на дряблкое, опухшее и опустившееся лицо капустное. Эх ма! До чего мы дожили, воображающие себя все еще — более или менее — Ондреями времен давнопрошедших!

Возникает идея построить для Софии в Горней отдельную «келейку» — «дом Премудрости». «Солнцезакатные минуты» общения заставляли верить, «что для души нет старости». София осталась жить с матерью, под опекой духовного отца, до самой его смерти.

- 26 января 1888 г. Гостя ранняя с коливом из церкви св. апостола Иакова, молившаяся о моей покойной маменьке, сегодняшней имениннице. Недаром тебя видела когда-то покойница в вещем сне, стоящую в моей келье перед божницей и возносящую свою детскую чистую молитву к Богу. Такою теплою ласкою наваяло на меня это совпадение дорогих любимых лиц.

Желая обеспечить хоть минимально ее будущее, Антонин построил в Горнем свой собственный дом, в котором, однако, сам никогда не жил (в нем и при его жизни жила София) и который завещал своей духовной дочери. В завещании, написанном за несколько дней до смерти архимандрита, сказано об этом с особым чувством: «Домик мой в Горнем, с садом и со всеми принадлежностями, как он огорожен, завещаю в полную собственность моей дорогой питомице Софии Константиновне Апостолиди, с тем непременно условием, чтобы по смерти ее, дом сей

* Греч. φόβρα — подкладка, облицовка.

** Греч. Σοφία — София.

*** Греч. — Мать, Катерина, София.

продолжал быть собственностью того лица женского пола, которое она изберет, а по смерти этого последнего лица дом переходит в собственность русской церкви, находящейся в Горнем»²⁶. В соответствии с волей о. Антонина дом и участок находились в пожизненном владении Софьи Константиновны. «До сих пор, — писал в 1959 г. начальник РДМ архимандрит Никодим (Ротов), — дом, где жила Апостолиди, сохранил наименование «дом Софьи-гречанки»²⁷.

Исследователям дневника хорошо известны стихотворные эпиграфы, которыми Антонин почти постоянно снабжал начало года, сезона, месяца. И, в большинстве случаев, эти календарные стихи подписаны именем *Андрей*. Иногда это простенькая пейзажная зарисовка, типа эпиграфа к февралю 1865 года:

Подарил нас снегом
Новый месяц сей.
Побежал бы бегом
По пуху полей...
Андрей.

А вот сентябрьский эпиграф того же 1865 года, наполненный тревожным ожиданием переезда в Иерусалим и подписанный точно так же Андреем (даже нарочитым Ондреем):

Поедем в путь дорогу
На страсть и на тревогу.
А чтоб не впасть в берлогу,
Молиться будем Богу.
Ондрей.

1883.
Сей экспромт сейчас писали
Не с тоски и не с печали,
А от старой страсти врать
Руки — ей! ни дать, ни взять! —
Все того ж шута А н д р е я,
Что, от юных лет коснея
В виршеплётстве, был и есть —
Чём пребыть имеет честь.

Кто, вы думаете, 24 сентября 1865 впервые — уже из Святого Града — приедет на Иордан? Думаете, архимандрит Антонин, назначенный и. д. начальника Русской Духовной Миссии? Нет. Андрей!

- Более часа от моря ехали по знойной пустыне, пока добрались до кустов, из-за которых вскоре усмотрен был Иордан... О, Андрей Капустин! Какие места Господь судил тебе видеть!

Как будто и начальником Миссии его, Андрея, назначали... И святые места Господь ему открыл...

В других случаях в поэтической форме более или менее прикровенно запечатлены события из истории Русской Духовной Миссии, ее отношений с константинопольским посольством, иерусалимским консульством, петербургской Палестинской Комиссией. Так, «Весна Красная» 1866 предваряется вполне информативными строчками:

Что в ней видится тебе, Андрей Иваныч?
 Новый консул, новый орден, новый штат.
 Старый Эшпингер и старый Феофаныч...
 Все-то здешнее! — А видится ль Царь-град?

Стихи относятся ко времени, когда Антонин еще надеялся на возвращение из Иерусалима в Константинополь. Названы в стихах архитектор Русских Построек в Иерусалиме М.И. Эшпингер и его помощник, художник М.Ф. Грановский («Феофаныч»), а вот новый консул, Кожевников Василий Федорович, приедет только в следующем, 1867-м году.

Пройдет 18 лет и автор дневника в ноябрьском эпиграфе 1884 г. будет изливать тревожное ожидание приезда Мансур-Паши — от той же Палестинской комиссии из Петербурга:

Откроет свой портфель,
 И скажет: вот бумага!
 Читай!.. О, где твой хмель,
 Андрей мой? Где отвага?

В ряде случаев дневник позволяет проследить историю возникновения подписей и псевдонимов Антонина, в придумывании которых он был чрезвычайно изобретателен и остроумен: «Ляханиди» (Капустин по-гречески), «О. Загородкин», «Камзолов», «О. Отшибихин», «Папандони» («отец Антон») и сокращенное «П-ни»... «Когда я научусь быть космополитом бытия, — вопрошал Антонин в одной из записей, — и перестану хвататься за былинки жизненной дороги, чтобы как можно замедлить путь свой?». Этими «былинками» были для него самообозначения, связанные с родиной — «А. и Б.» («Андрей из Батурины»), «Солодянский» — по речке Солодянке (то же в латинском написании Sol.), «Отшибихин» — по хутору Отшибиха рядом с Батуриным:

- 15 января 1863. В «Санкт-Петербургский Ведомостях» прочитал (в № 274, дек. 15) одну статейку с подписью некоего «Андрея из Батурины».
- 8 июля 1863. После обедни последовали у о. хозяина чай, перебор его библиотеки и в частности «Домашней Беседы» с именем «архимандрита Антонина» и «Андрея из Батурины».
- 18 июля 1863. После обеда вздремнул на вышке, ходил с тятенькой и Платоном Ивановичем и иными в Загородку. В последний раз зрела она в себе Платона и Андрея вместе. Возвратились уже в сумерках.
- 26 июля 1863. Затем следовали: обед, мед и отправление в Загородку на двух экипажах. Что за радость! Точно назад тому сорок лет, посреди отца и матери едет за грибами Андреюшко!

В стихотворном эпиграфе к месяцу августу в дневнике за 1863 год (в это время Антонин гостил на родине, в селе Батурине) Андрей, Батурино, именины, праздник Андрея Стратилата переплетены и «срифмованы» до неразрывности:

Батуринский август сердечный, любимый!
 На радость Андрея ты снова воскрес!
 Пошли ж имениннику в праздник родимый
 На день Стратилата гостинец с небес.

Но еще удивительнее встретить — при наведении библиографического порядка — присвоение Андрею *всех* антониновских публикаций, независимо от того, как они подписаны:

- 3 апреля 1880. Выписка статей андреевых, оригинальных и переводных, за 1879 г. из «Церковного Вестника». Оказывается их всего 7. 8-я будет заявление в «Востоке», 9-я пожранная и вы... «Новым Временем». Как видите, очень немного литературной деятельности.

Имя Андрея покрывало все основные особенности характера и натуры нашего героя:

- 15 июня 1866. Все обстоит благополучно. Приходил Канцелер, мечтающий об отдельной кухне... *Pia desideria!* Чтоб я, на твоём месте, свetik ясный, не выстроил таковую в течение одной недели! Не будь я тогда *Андрей из Батурины!*

Иными словами, творческие интуиции, которым мы в конечном счёте обязаны строительной эпопеей Антонина в Святой Земле, восходят к тому же Андрею. — В большом и в мелочах. Иногда это удивляло самого автора дневника:

- 14 июня 1886. Вместо обедни, ушел с киевлянами на раскопки и пробыл там чуть не до полудня. Перескакивая с камня на камень, сделал в одном месте фальшивый шаг, и затруднил что-то там в пояснице. Раз и совсем упал и изранил себе руки. Видно, что бесшабашная прыть совсем уж не к лицу мне, а между тем еще вчера пахло таким *Андреем* 30-х годов, что хоть разводи руками!

Что это? Чувствовал продолжение молодости? Нет. Не то, чтобы молодость не уходила. *Андрей* не уходил из *Антонина*.

- 11 августа 1888. Молитва и конец 71 году жизни. Как ни странно сказать, а по истиннейшей правде надо признаться, что я в течение его ни на одну минуту не осознал себя 70-летним стариком. Даже в последние дни истекшего года до такой яркости проглянул из меня пермский *Андрей* 30-х годов, что становится стыдно и страшно за самого себя. Чего же ждать впереди...

Вопрос не только и не столько в возрасте, хотя с годами автору дневника, кажется, льстит высчитывать свои не только лета, но и дни, — главное, что «закон сохранения» *Андрея* касается непосредственно характера и типа личности:

- 5 июня 1875 г. Думы печальные при виде дряхлого, и видимо доживающего свои дни, Дуба-гиганта. Серая тень под ним, столько знакомая и ласкающая. Сидение и примирение души с духом. Все тот же *Андрей* безалаберный стародавний, выдумывающий и раздумывающий, строящий и ломающий, не заручившись наперед строительным материалом и ничем, кроме собственной обавающей мысли. Старое дерево провожало меня к дому уже полного мира, довольства и счастья. Как мало нужно, подумаешь, человеку!
- 13 октября 1876. Едем. Насматриваюсь на холм Московийский... Ну, как в самом деле выйдет в о й н а, и нас погонят из Палестины? Ведь тогда не удастся проститься с Дубом. У ключика минутный водопад. Едем медленно. В душе тоска по андреевщине. Каждый цветок и кустик вызывает из сердца жаление о невозвратном давноминувшем. Готов писать целую книгу Плача Иеремиина на эту тему. А тут еще поддают жару живые цветы, на которые тоже не наглядясь, и вот лезут стихи:

Цветы мои, цветы мои!
 Полей родных убор венчальный!
 Кому вам несть дары свои
 В период жизни сей опальный?
 Опять явились вы с весной.
 Что вас милее, чище, краше?
 В союзе тайном вы со мной.
 Но вы не я, мое — не ваше!.. и пр.

- 31 мая 1881. Место пребывания моего < Русский сад св. Тавифы в Яффе. — *Н.Л.*> слало мне в душу что-то чарующее. Как будто возвратилась блаженная «Троица» батуринских времен. Послал по широкому морю праздничный привет вчерашним гостям нашим <отплывшим из Палестины великим князьям Сергию Александровичу, Павлу Александровичу и Константину Константиновичу. — *Н.Л.*>, помолился на беседке, вдыхая густой свежий воздух напитанный ароматом 500 садов. Как все и всюду хорошо! А ты зачем тут, непрощенная и неотвязная спутница — старость? Тут место одним Андреюшкам да Яшенькам, и много-много — Алешам 40-х годов. О! Каким стоном выгнать из сердца тугу жизненного отцветания!

Та же «туга жизненного отцветания» с неизбежным ожиданием финала определяет настроение новогодних стихов, которыми открывает Антонин 1882 год, юбилейный для дневника, начатый когда-то в 1832 г. :

Он сих «ведомостей»
 Выходит — п я т ь д е с я т ы й .
 Им, значит, юбилей,
 А мне65-й.
 За тридцать-сорок лет,
 В Пасхальные таблицы
 Смотря, я думал: нет,
 Мне не дочесть страницы,
 Где цифра в два кружка,
 Сплетенные витушкой,
 Грозит издалека
 Андрею колотушкой.
 И что ж? Два-раз минул
 Ее я, слава Богу!
 Прошел, и не мигнул,
 Свою держа дорогу.

 Тетрадка ты моя!
 Сжились с тобой мы оба.
 Живи, пока жив я,
 А там — adieu... у гроба!
 Печальный сей финал
 Хоть ради ю б и л е я
 В сей год бы подождал
 Стращать собой Андрея.

- 11 августа 1888. Молитва и конец 71-му году жизни. Как ни странно сказать, а по истиннейшей правде надо признаться, что я в течение его ни на одну минуту не осознал себя 70-летним стариком. Даже в последние дни истекшего года до такой яркости проглянул из меня пермский Ан-

дрей 30-х годов, что становится стыдно и страшно за самого себя. Чего же ждать впереди...

- 19 августа 1888. 25931 день исполнился, как строчитель сих заметок увеличил собою общество христиан на земле, нареченный в бане паки-бытия *Андреем*. Столько раз совершил он кругосветное путешествие, нигде не останавливаясь ни на секунду, и еще бы не устать ему! Узнавши в старые времена, что имя его означает мужество, он несмотря на свое тщедушие, вообразил себя в будущем каким-нибудь Кульневым или Багратионом, чьих портреты висели на стенах избы родной, а судьба отказала даже в титле: мужа, и — истину рещи — ему бы доселе все еще юношески гоняться за цветочками, картинками, дружочками, пелеринками, пестерёчками, корзинками, все в этом роде, совсем немужественными вещами. А как сопоставишь эти ...очки и ...инки с воображаемым где-то там Григорием VII, выросшим якобы из нашего Андрея, то остается сказать: *risum teneatis amici*²⁸.

Григорий VII появляется здесь не случайно. «Где-то там», в Петербурге, Антонина привыкли воспринимать как стойкого и последовательного борца за церковную независимость против различных светских инстанций (консульства, посольства, МИДа) — почти по образу и подобию знаменитого Римского Папы XI в. Григория VII, известного многолетней борьбой за церковное преобладание с германскими императорами. Автор дневника хочет сказать, что вопреки этому сложившемуся образу, он остается прежним, юношески восторженным, которому судьба отказала в далеком 1844 году «даже в титле: мужа», результатом чего и стала с 1845 г. его монашеская карьера.

О том, что он остался прежним, он писал в одном из писем вскоре после пострижения: «Переменив одежду, я не переменял своих грешных привычек, и живу тем же Андреем, которого ты знал и во дни древние. Постригался я 7 ноября в пещерах рукою Владыки... С тех пор живу, как живут и прочие наши иеромонахи: пью, ем, сплю, иногда молюсь, часто читаю, еще чаще пишу, и всегда грешу»²⁹.

И о том же в дневнике за несколько лет до кончины:

- 7 ноября 1888 г. 43 года моему переименованию и переодеванию и перемещению и перечислению, но уж никак не перемене. Да простит мне такое положение дела равноангельный институт монашества! И да потерпит меня, равноскотного, в своих списках! И да пере — ведет меня когда-нибудь из низшего в высшее отделение!

3. Эпилог

Людей талантливых, и при том духовно независимых и непрестанно *ищущих*, начальство редко жалует. Так было с Антонином на всех этапах жизни.

Иона, ректор Екатеринославской семинарии, после трех лет деспотического подавления, заставив даровитого парня три года сидеть в одном классе, *нехотя*, почти по случайному обстоятельству, отпустил его в Киевскую Духовную Академию. 11 лет спустя митрополит Киевский Филарет, как рассказывалось выше, *нехотя* «вогнал» его в Афины. Святитель Филарет Московский, еще пятнадцатью годами позже, *нехотя* и с большими сомнениями и оговорками согласился отправить его в Иерусалим — и только «временно исправляющим»... А Господь из всех этих недоблагословений и «нехотей» изымал и хранил своего служителя для единственной и невозможной судьбы.

...Так кто же был автором дневника архимандрита Антонина? Кто в большей полноте и с большей эффективностью выражает в себе личность автора — *Андрей Иванович Капустин* или *архимандрит Антонин (Капустин)*? Или, по-другому, если позволить себе такой идиотский вопрос, кому из них больше «симпатизирует» автор? Проведенный анализ, в том числе и просто статистика, как будто показывают, что с большей полнотой соответствует нашему герою Андрей. Симпатизирует автор в несравнимо большей степени тоже Андрею.

Остается ответить на третий вопрос — как это получилось?

- 3 ноября 1884. «Как сие случилось?» — спросит меня читатель сих строк (червяк консульский) или читательница (мышь патриаршая) через многое множество лет.

Рискнем ответить. *Первый фактор* — слишком накрепко завязанная пуповина с родной Батуриной, с родом Капустиных, с русским народным менталитетом. *Второй фактор* — да простит меня, как и Антонина, равноангельная корпорация монашества — почти неприятие этой самой корпорации. В том смысле, что, оставаясь внутри Церкви и монашества, человек остро ощущал несовершенство синодальных порядков в Русской Церкви, не умел и не хотел «работать в команде», не принимал «*елейного фарисейского православия*»³⁰. Неудовлетворенность своим монашеским состоянием, непреодоленность холода мира и одиночество таланта приводили к постоянному внутреннему недовольству, которое выплескивалось на страницы дневника. А причины тому — *третий фактор*: небывалое чувство свободы, веры Богу и себе, видение и понимание мира и перспективы лучше окружающих, — при этом при безусловном подчинении церковному порядку и священноначалию, дисциплине, послушании. Неслучайно, хорошо знавшие Антонина люди подчеркивали строго монашеский характер его жизни. «Кто допускался до комнаты, где он проводил свою жизнь в Иерусалиме, кто видел, как, даже в пути, он скорее голодал, чем разрешит себе недозволенное мясное, что так обыденно на Востоке среди даже высших

иерархов, и, наконец, кто не раз заставлял его за починкою своей ветхой рясы, — тот должен был сознаться, что по духу он был более монах, чем монахи, живущие в келье»³¹.

Названные факторы, в любых внешних условиях — залог постоянного и непреодолимого одиночества и поиска. Когда-то весну 1874 г. наш герой предварил в дневнике поэтическим эпиграфом, подписавшись именем таинственного мифологического певца-теурга Орфея:

Сидел весной на сикоморе
Тут малой птичкою Закхей
И с жадною мольбой во взоре
Искал Его в толпе людей.

А ты — на суше и на море,
И в шуме дня, и средь ночей,
И в радости души, и в горе —
Кого все ищешь, мой Андрей?

Он умер в канун Благовещения, 24 марта 1894 г. А пятью годами ранее, 15 августа 1888 г., записал в дневнике:

- «Почему-то вместо Успения мне грезилось сегодня Благовещение. <...> В 7 часов служба Божия с киевским умиленным пением. О, мое бедное прошедшее! Есть к чему пригорнуться сердцем, переводя в памяти дни оны. А эти, настоящие, живые цветы с своим ароматом детства, эти жизненные анахронизмы, их какая будет переводить в себе память? Счастлив тот, кому *успение* веет *благовещением*».

¹ Оригинал дневника хранится в С.-Петербурге, в РГИА (Собрание Св. Синода. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1118—1132; 14 томов). Второй, копияный комплект, выполненный Императорским Православным Палестинским Обществом, в настоящее время разрознен. В архиве ИППО сохранились погодно переплетенные копии дневника за 1866, 1868, 1870 и 1881 гг., в С.-Петербурге, в Музее истории религий, так же погодно переплетенные списки за другие годы, в том числе, за 1883—1886 гг., т.е. как раз соответствующие содержанию не достающего в РГИА тома. Еще два тома в списках ИППО — за 1873 и 1879 гг. — находятся ныне в Отделе рукописей БАН.

² Лисовой Н.Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие // Богословские труды. Сб. 35. К 150-летию РДМ в Иерусалиме (1847—1997). М., 1999. С. 36—51; Герд Л.А. Архимандрит Антонин (Капустин) и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 8—35; Антонин (Капустин), архимандрит. «Жаль мне до смерти всего прошедшего». (Страницы из дневника) / Пред. и прим. Р.Б. Бутовой и Н.Н. Лисо-

- вого // Россия в Святой Земле. Т. II. М., 2000. С. 544—588; *Лисовой Н.Н.* Архимандрит Антонин (Капустин) — исследователь синайских рукописей. (По страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С.197—225; Архимандрит Антонин (Капустин) и строительство церкви в память императрицы Марии Александровны в Гефсимании на Елеонской горе // Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885—1888. М., 2006; *Бутова Р.Б.* Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское. К 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2006. С. 58—81; Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова. М., 2011; Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Год 1850 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2013; Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Годы 1851—1855 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2015; Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Годы 1856—1860 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017.
- ³ *Флоренский Павел, священник.* Имена. М., 1993. С. 34—35.
- ⁴ Антонин (*Капустин*), архимандрит. Из автобиографических записок бывшего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о архимандрита Антонина // Сообщения ИППО. 1899. Т. X, янв.—февр. С. 9—29.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Киприан (Керн), архимандрит.* Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894 гг.). М., 2003. С. 17.
- ⁷ Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Годы 1856—1860. С. 245.
- ⁸ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Ч. 1. Иерусалим, 2015. С. 140.
- ⁹ *Феофан Затворник, епископ.* Творения. Собрание писем. М., 1994. [Т. 4.]. Вып. VII. С. 48.
- ¹⁰ *Капустин М.И.* Биографическая заметка об архимандрите Антонине (Капустине) // Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. № 1. Ч. 1. Иерусалим, 2012. С. 132—133.
- ¹¹ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Ч. 1. С. 40.
- ¹² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1121. Лл. 83, 85об., 86об., 87. Цит. по: *Герд Л.А.* Архимандрит Антонин (Капустин) и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов). С. 11.
- ¹³ К.А. Вах, процитировав слова «стало с одной стороны грустнее, а с другой легче», совершенно нелогично, на наш взгляд, завершает абзац своим пояснением: решение и выбор Андрея оставались неизменными (*Вах К.А.* Монашество Андрея Капустина или архимандрит Антонин как монах // Православный Палестинский сборник. Вып. 114. М., 2017. С. 51).
- ¹⁴ *Варнава (Аверьянов), игумен.* Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина) по материалам его литературного наследия. М., 2017. С. 92
- ¹⁵ Антонин (*Капустин*), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. М., 2010. С. 447.
- ¹⁶ *Дмитриевский А.А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. С. 404—405.
- ¹⁷ *Богданова Т.А.* «Я... играю роль концентрического круга» // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Ч. 1. Иерусалим, 2015. С. 41; *Варнава (Аверьянов), игумен.* Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина). С. 91.

- ¹⁸ Письма архимандрита Антонина (Капустина) к протоиерею Серафиму Антоновичу Серафимову / Сообщ. Л.М. // Труды Киевской Духовной Академии. 1906. № 8—9. С. 700.
- ¹⁹ Варнава (Аверьянов), игумен. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина). С. 91; Вах К.А. Монашество архимандрита Антонина (Капустина). С. 51.
- ²⁰ Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С. 54.
- ²¹ Там же. С. 54—55.
- ²² Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Годы 1856—1860. С. 429.
- ²³ Вах К.А. Монашество Андрея Капустина или архимандрит Антонин как монах. С. 56.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Бутова Р.Б. Сподвижницы архимандрита Антонина: «великие российские бабы» // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. М., 2014. С. 212.
- ²⁶ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. / Изд. подготовил Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 639.
- ²⁷ Никодим (Ротов), архимандрит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 253
- ²⁸ Лат. 'Удержите смех, друзья'. Из пятого стиха «Науки поэзии» Горация.
- ²⁹ Письмо С.С. Серафимову от 4 января 1846 г. // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Ч. 1. С. 118.
- ³⁰ Игумен Варнава, говоря о формировании мировоззрения Антонина и цитируя дневник еще семинарских лет, справедливо подчеркивает «неприятие “елейного” фарисейского православия, которое впоследствии станет одним из жизненных принципов о. Антонина» (Варнава (Аверьянов), игумен. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина). С. 75).
- ³¹ Хитрово В.Н. Памяти архимандрита Антонина // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 447.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

Об именах царицы Агафьи Симеоновны Грушецкой

Аннотация: Исследование посвящено двум именам царицы Агафьи († 1681), жены Федора Алексеевича. В работе затрагиваются общие проблемы светской христианской двуименности в допетровской Руси. Особое внимание уделяется при этом женской двуименности, которая, по видимому, устроена в целом более сложно, чем двуименность мужская.
Ключевые слова: мирская христианская двуименность, царица Агафья Грушецкая, выбор имени, календарь, культ святых, смена имени в браке.

A.F. Litvina, F.B. Uspenskij

Two names of the Tsarina Agafia Grushetskaia

Abstract: The study deals with two secular names of the Tsarina Agafia Grushetskaia († 1681), the wife of Fyodor Alekseevich. We discuss here some general issues, associated with the name-giving tradition in pre-Petrine Russia. Particular attention is paid to the question how girls were named, which, apparently, is more complicated than the question how the names were chosen for a boy.

Keywords: the tradition of giving two Christian names, Tsarina Agafia Grushetskaia, the choice of names, Church calendar, cult of saints, the change of names by marriage.

Женская двуименность — одна из самых интересных и загадочных проблем ономастики русского Средневековья. Вопрос же о том, зачем и при каких обстоятельствах та или иная женщина, по браку вошедшая в правящий дом, могла получить еще одно имя, равно актуален как для ранних Рю-

* Литвина Анна Феликсовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ ВШЭ (Факультет гуманитарных наук, Школа филологии);

Успенский Федор Борисович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (РАНХиГС).

Litvina Anna Feliksovna, PhD (Philology), Leading Researcher, the National Research University "Higher School of Economics";

Uspenskij Fjodor Borisovich, Grand PhD (Philology), Leading Researcher, Institute for Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute for Social Sciences (RANEPA).

риковичей, так и для первых Романовых на престоле. Почему шведская княжна Ингигерд, став женой Ярослава Мудрого, в русском источнике появляется под именем *Ирина* [Молдован. 1984. С. 98 <л. 193 а>; Назаренко. 2001. С. 491], неизвестном ни одному скандинавскому памятнику? Почему Зоя Палеолог на Руси стала *Софьей*? Почему про жену Василия Шуйского, последнего царя из рода Рюриковичей, родившуюся и выросшую на Руси, говорится, что «в девицах имя ѿ Катерина, а в царицах имя Марья» [Белокуров. 1907. С. 175, 249]. Каким образом, нареченная невеста Михаила Федоровича Романова, Мария Хлопова, сделалась *Анастасией* (см. ниже) и утратила ли она это имя в ту пору, когда стало ясно, что женой царя ей быть не суждено?

Эти и многие другие загадки требуют, с одной стороны, сугубо индивидуальных разысканий и решений, а, с другой, за ними могут стоять некоторые общие правила и тенденции. В данной работе мы попробуем сосредоточиться на одном из самых поздних казусов подобного рода, хронологически лежащем на грани того периода, который еще можно с изрядной долей условности отнести к допетровской древности — речь пойдет об именах первой жены единокровного брата Петра I, царя Федора Алексеевича.

В большинстве источников она фигурирует как *Агафья*. При этом в современной (да и не только) справочной литературе можно найти и еще одно связываемое с ней имя — *Евфимия*, которое приводится, как правило, без каких бы то ни было комментариев и пояснений. Хорошо известно, вместе с тем, что монашеского пострига скончавшаяся через три дня после родов юная царица не принимала, и речь, таким образом, идет о двух христианских именах, которыми она так или иначе обладала в миру.

Здесь нам придется сделать довольно пространное отступление, дабы продемонстрировать, что такое явление, как христианская светская двуименность, на Руси отнюдь не было редкостным и уж тем более случайным. Ситуация, когда один и тот же человек в своей мирской жизни носит сразу два имени, которые изредка могут приводиться одновременно, но гораздо чаще обслуживают различные сферы его жизни, достаточно хорошо зафиксирована начиная по крайней мере с XIV столетия и сохраняется вплоть до XIX в., а в некоторых особых социально-культурных стратах (например, в отдельных старообрядческих общинах) может наблюдаться и сегодня. Своеобразный расцвет же этого явления приходится на XV—XVII вв., когда в источниках фигурируют сотни обладателей двух христианских имен¹.

Замечательно, в частности, что христианская двуименность как таковая социально и — что особенно важно в нашем случае — гендерно нейтральна, ее носителями могут быть цари и холопы, крестьяне и бо-

яре, неродовитые представители бюрократической элиты и прямые потомки князей Рюриковичей, незамужние боярышни и знатные вдовы. При этом функции и структура этого явления в разных общественных слоях могли быть различны, кроме того, не вполне совпадали они, по-видимому, и у мужчин и женщин.

Носителями христианской светской двуименности были, например, живший в середине XIV в. князь суздальский и нижегородский Дмитрий / Фома Константинович ([ПСРЛ. Т. XI. С. 83]; ср.: [ПСРЛ. Т. VIII. С. 48—49]) и его частичный тезка Дмитрий / Косма Михайлович Пожарский, сыгравший столь значительную роль в эпоху Смуты XVII в. [Эскин. 2000. С. 144]. Великий князь Иван III был, как известно, еще и *Тимофеем* [ПСРЛ. Т. VIII. С. 108; Т. XXI/2. С. 527—528; Т. XXII/1. С. 536], а его сына, Василия III, Сигизмунд Герберштейн упрекал в том, что он узурпировал власть, «не будучи <...> венчан, а только переменив имя Гавриил на Василий» [Герберштейн. 1988. С. 66], хотя на деле оба имени — *Василий* и *Гавриил* — принадлежали московскому князю с детства. Наследник Василия III обладал не только династическим *Иван*, но дополнительным именем *Тит*, а самый младший из сыновей Ивана Грозного, погибший в Угличе царевич Дмитрий был, как известно, еще и *Уаром* [Литвина & Успенский. 2006. С. 551—552, 537—538]. Царь Василий Шуйский именовался не только *Василием*, но и *Потапием* [Кириченко & Николаева. 2008. С. 145 <л. 109 об.>]², а его брат Дмитрий, подобно своему отдаленному родичу, Дмитрию Константиновичу Суздальскому, был еще и *Фомою* [Херсонский. Т. I. С. 46], дядя царя Михаила Федоровича (брат патриарха Филарета) звался *Василием* / *Никифором* [Снегирев. 1843. С. 130; Кормовая книга Новоспасского монастыря... 1903. С. III]. В свою очередь, жена одного из основателей этой родовой ветви, Никиты Романовича Юрьева, носила, по всей видимости, имена *Варвара* и *Дарья* [Снегирев. 1843. С. 127; Авдеев & Станюкович. 2005. С. 121 <№ 19>; ВОИДР. Т. X. С. 89—90], мать уже упоминавшегося князя Дмитрия / Космы Пожарского была в миру *Марией* и *Евфросинией* ([Эскин. 2000. С. 144]; ср.: [Курганова. 1994. С. 399—400] и существенные поправки к чтению погребальной надписи, опубликованной Н.М. Кургановой: [Беляев. 2009. С. 162]), а ее дальняя родственница, жена Тимофея Федоровича Пожарского — *Марией* и *Екатериной* [Лихачев. 1900. С. 88].

Список этот без труда можно многократно увеличить. Существенно, однако, что если мы говорим об именах мужчин родовитых — а именно такие примеры мы использовали выше, — то между двумя христианскими антропонимами, принадлежавшими одному и тому же человеку в миру, довольно надежно восстанавливается календарная связь, или, формулируя несколько иначе, можно сказать, что выбор обоих

христианских имен последовательно соотносился с календарем, причем для одного именованного это соотношение было строгим, тогда как для другого — мягким и подвижным. Так, известно, что Дмитрий Пожарский получил свое имя *Косма* по дню рождения, приходящемуся на 1 ноября [Вахрамеев. 1896. С. 21], когда отмечается память св. Космы Бессеребренника Асийского. Второе же имя, *Дмитрий*, зафиксированное в подавляющем большинстве источников — то, под которым князь фигурировал в своей публичной жизни, — было дано ему со всей определенностью в честь Дмитрия Солунского, чья память отмечалась за несколько дней до рождения, 26 октября³. Если первое из именованных Пожарского было строго predetermined днем его появления на свет, то при выборе второго нарекающие обладали определенной свободой — они могли двигаться по святцам как вперед, так и назад, и не были связаны заранее установленным количеством дней.

Использовано могло быть, в сущности, имя любого святого, чья память праздновалась в довольно широких календарных окрестностях дня рождения. Так, князь Пожарский мог бы стать, к примеру, *Космой* / **Георгием*, так как 3 ноября отмечалось Обновление храма великомученика Георгия, или, скажем, *Космой* / **Михаилом*, так как на 8 ноября приходился Собор архистратига Михаила. Однако по неким семейным соображениям (мы даже не знаем доподлинно — по каким) его светским христианским именем стало *Дмитрий*.

Подобное стремление к календарной связности мужских имен представителей элитарных семей может быть подтверждена десятками примеров, отступления же от нее весьма и весьма малочисленны. С именованием женским, однако, дело обстоит несколько сложнее. Прежде всего, женские имена вообще, а двойные женские имена в особенности, появляются в источниках заметно реже, чем мужские, и сопровождаются куда меньшим числом поясняющих эпитетов и комментариев. С другой стороны, женских имен гораздо меньше и в самих месяцесловах. Поэтому, хотя в нашем распоряжении есть несколько десятков образчиков женской христианской двуименности, о каком бы явлении в этой сфере мы ни говорили, собрать здесь репрезентативную статистику достаточно трудно — исследователь в куда большей степени вынужден полагаться на анализ отдельных исторических примеров, да вдобавок едва ли не в каждом из них сталкиваться с недостатком каких-либо сведений, необходимых для однозначных и безапелляционных утверждений.

Что же определенного, однако, можно сказать на таком фоне об именах интересующей нас царицы, Агафьи Симеоновны Грушецкой?

Прежде всего, не вызывает сомнений, что мы имеем дело со вполне характерной для того времени, сформировавшейся в рамках собственно

православного религиозного обихода традицией христианской светской двуименности, а не, скажем, с результатом перемены конфессии. Сведения о происхождении и добрачной жизни будущей царицы, не принадлежавшей ни к одному из знатнейших московских домов, не так уж многочисленны. Упоминания о том, что ее родня по отцу в свое время выехала из Польши, весьма надежны, однако это обстоятельство само по себе решительно ничего не сообщает о конфессиональной принадлежности ее предков — они могли быть как католиками, так и православными, а самый факт выезда в Московское царство скорее свидетельствует о последнем.

Так или иначе, дочь Семена Грушецкого, которого, судя по всему, к моменту царского брака не было в живых, несомненно воспитывалась в православной среде в Москве, и ни малейших сведений о том, что приглянувшаяся Федору Алексеевичу девушка принадлежала к иной конфессии, ни в одном источнике не содержится, никаких данных нет и о том, чтобы над ней совершался обряд перекрещивания. Как кажется, подобного рода известия и события не могли бы ускользнуть от внимания современников, тем более что при дворе существовала партия, явным образом противившаяся браку Федора Алексеевича и Грушецкой. В изложении В.Н. Татищевым предании сообщается, что ее стремились опорочить, рассказывая о недолжном поведении до брака, однако нет и намека на то, чтобы клеветники попытались разыграть карту иноверчества.

Кроме того, в нашем распоряжении, к счастью, есть и более весомые свидетельства, нежели общие рассуждения о том, чего не могло не быть в источниках. В самом деле, откуда мы, собственно, знаем, какие имена носила супруга царя Федора Алексеевича? В большинстве источников она фигурирует как *Агафья*, помимо письменных свидетельств (см., например: [ДРВ. Ч. VI. С. 493; Панова. 2003. С. 49 <№ 233>; Выписка..., 1853. № XX. С. 6 <под 1675 г.>; Дневник... 1901. С. 5—6, 14, 16—17, 27; Татищев. Т. VII. С. 310]), сохранилась свадебная икона, впоследствии отданная царской семьей в качестве вклада в Александровский Успенский монастырь, на которой изображены св. Федор Стратилат (патрон Федора Алексеевича) и мученица Агафья [Соколова & Тесленко. 2013: 250—251]. Дата поминовения царицы, отразившаяся во Вкладной книге Московского Новодевичьего монастыря, 5 февраля, не оставляет сомнений, что одной из ее покровительниц была прославленная святая Агафья Катанская:

Святая мученица Агапии⁴ <...> В той же день <5 февраля> тезоименитство благоверных государыни царицы и великие княгини Агафии Симеоновны [Павлов-Сильванский. 1985. С. 184 <л. 203>]⁵.

Что касается еще одного имени царицы, то в источниках оно куда более раритетно, однако его присутствие подкрепляется и становится, в сущности, бесспорным благодаря текстам двух совершенно разных

типов. В первую очередь, следует упомянуть дневник Иоганна Корба, секретаря австрийского посольства 1698 г., где первая жена царя Федора Алексеевича фигурирует исключительно как *Евфимия* :

Второй сын царя, Федор Алексеевич, родился 1657 года и наследовал отцу в 1676 году. Первая его жена, Евфимия Грушецкая (Euphemia Rutetzki), скончалась в 1681-м году при родах младенца [Корб. 1700: 177—178; Жевнев & Семевский. 1867. С. 238]⁶.

Дойди до нас одни только эти показания иностранца, можно было бы счесть такое именование результатом ошибки, недостаточной осведомленности или искажения имени супруги Федора Алексеевича⁷, возникшего под пером дипломата, прибывшего на Русь уже после ее смерти. Однако в нашем распоряжении есть и собственно русское свидетельство, не только подкрепляющее утверждение о том, что имя *Евфимия* у царицы действительно было, но и позволяющее определить в честь какой из двух свв. Евфимий она была наречена.

Речь, несомненно, идет о св. Евфимии, великомученице Халкидонской. Именно на нее указывает дата поминовения царицы, сохранившаяся в Кормовой книге Костромского Богоявленского монастыря — 11 июля, тот день, когда отмечается память великомученицы Евфимии:

Юля въ 11 де<нь> понахида пѣти и литоргѣя соборомъ служить по государынѣ царичѣ и великой княгинѣ Агаѳіе Семіоновне (цит. по рукописной копии С. Б. Веселовского: [АРАН. Ф. 620. Оп. 1. № 165. С. 23 <л. 108 об.>]).

Дата кончины царицы, 14 июля, фиксируется поминальной традицией отдельно — именно она указана, в частности, в Кормовой книге Московского Новоспасского монастыря [Кормовая книга Новоспасского монастыря... 1903: 23]⁸. Иначе говоря, в различных источниках представлен максимально развернутый цикл поминовений: по двум тезоименитым святым и по дню преставления, и именно такая картина является достаточно типичной для членов правящей семьи. У царицы же, таким образом, как и у множества людей на Руси в ту эпоху, было два христианских имени — публичное *Агафья* и непубличное *Евфимия*.

Тот факт, что в Кормовой книге еще одно имя Агафьи Симеоновны не названо напрямую, ни в коей мере не должно нас смущать — практика, когда обладателя двух имен называют в поминальной записи по публичному имени, а поминать предписывают на день празднования другому патрональному святому, с которым они связаны по своему непубличному имени, была достаточно распространенной. Так устроены, например, поминальные записи, относящиеся к Григорию / Харитону

Годунову [Апухтин. 1914. С. 10; Выписка... 1853. № 11. С. 4], Ивану / Леонтию Бельскому [Алексеев. 2006. С. 29 <л. 17 об.>; Павлов-Сильванский. 1985. С. 202 <л. 347>], Борису / Емельяну Лыкову [Кормовая книга Новоспасского монастыря... 1903. С. 24, 27], Ивану / Елевферию Цыплятеву⁹ и многим другим — заведомо двуименным — историческим лицам XVI—XVII вв.

Существование этого свидетельства, приуроченного ко дню поминовения св. Евфимии Халкидонской, недвусмысленным образом говорит о том, что имя *Евфимия* было дано царице в рамках православной, а отнюдь не католической традиции. Если бы царица исходно была католичкой и имел бы место факт переименования, превративший ее из *Евфимии* в *Агафью*, то совершенно очевидно, что поминать ее по прежнему имени вряд ли могли. По-видимому, самая мысль о переименовании родилась в свое время у переводчиков и комментаторов сочинения Корба из-за непривычности для них традиции православной двуименности как таковой, непривычности, которая наложилась на анахронизирующее, осовремененное в духе XIX столетия, понимание «польских корней» царицы [Женев & Семевский. 1867. С. 238 <примеч. 32>].

Совершенно ясно, кроме того, что у секретаря австрийского посольства едва ли была возможность познакомиться с этой конкретной записью из Кормовой книги Костромского Богоявленского монастыря, так что его показания в любом случае являются независимыми. Весьма интересно, разумеется, откуда Иоганн Корб мог почерпнуть свои сведения о непубличном имени царицы. Эта проблема может стать предметом отдельного разыскания, и при этом, на наш взгляд, мы имеем дело с двумя не взаимоисключающими возможностями: он мог знать, что так было принято поминать ее в каких-либо московских церквях и монастырях, или располагать сведениями о том, что так ее именовали до замужества или в узкосемейном кругу.

До сих пор мы намеренно ничего не говорили о статусе мирских христианских имен, которыми царица обладала (за исключением разве что констатации самоочевидного — публичности одного и непубличности другого), и о том, как Агафья / Евфимия Грушецкая свои имена получила. В самом деле, про некоторых представителей правящего дома Рюриковичей, родившихся в XV—XVI вв., доподлинно известно, что оба их христианских имени были даны им вскоре после рождения и при этом оба их именованья укладываются в уже упоминавшуюся выше тенденцию к календарной связности. Достаточно вспомнить, что Гавриил / Василий III родился 25 или 26 марта, на один из праздников, связанных в архангелом Гавриилом (Благовещение и Собор архангела Гавриила, соответственно), а имя *Василий* получил по св. Василию Парийскому, чья память отмечается 12 апреля [ПСРЛ. Т. XII. С. 190—191], его внук — ца-

ревич Дмитрий / Уар — родился 19 октября на память мученика Уара и именно поэтому стал *Уаром*, тогда как *Дмитрием* он был наречен по Дмитрию Солунскому, чья память празднуется 26 октября [РИБ. Т. XIII. С. 95; Буганов & Корецкий & Станиславский. 1971. С. 240].

Мы знаем множество женщин, которые были наречены двумя именами и по точно такой же схеме. Здесь можно упомянуть, например, княгиню Варвару Шелешпанскую, скончавшуюся в 1596 г., у которой было еще одно мирское имя *Кикилия (Киликия)* [Васильев & Грязнов. 1998. С. 126 <л. 73 об.—74>]¹⁰, или умершую незамужней внучку князя Ивана Васильевича Ромодановского, которая, судя по его завещанию, носила имена *Екатерина* и *Анна* [Назаров. 1984. С. 77 <л. 216—216 об.>, 78 <л. 217—217 об.>, 79 <л. 220—220 об.>; Назаров. 1998. С. 126—127, 128 <№ 40>]¹¹. У двух этих и многих других женщин дни поминовения их святых покровительниц в месяцеслове совсем недалеко отстоят друг от друга, явно связаны по календарю. Допустимо предположить, что имена им в детстве давали так же, как мальчикам — одно имя строго соотносилось с днем рождения, тогда как другое подбиралось среди тех святых, память которых отмечалась в недалеких окрестностях этой даты появления на свет.

Однако, как нетрудно убедиться, празднование небесным покровителям Евфимии / Агафьи Грушецкой — 5 февраля и 11 июля — разделены огромным временным промежутком, и календарную связь между ними проследить решительно невозможно. С чем же мы имеем дело в данном случае? С редкостным исключением, каковые нет-нет да встречаются и в мужском имянаречении, когда одно из имен дается без очевидной оглядки на дату рождения?¹² Отметим, однако, что коль скоро речь идет об имянаречении женском, подобных исключений здесь подозрительно много — оказывается, что наша Агафья / Евфимия в этом отношении отнюдь не одинока. Так, чрезвычайно далеко отстоят друг от друга празднования святым покровительницам Варвары / Дарьи Романовой, урожденной Ховриной (4 декабря и 19 марта), неблизко расположены друг от друга поминовения св. Екатерины (24 ноября) и любой из праздников, связанных со свв. Мариями, при том что мы знаем нескольких женщин, обладавших обеими этими именами в миру. В календаре несколько дней поминовения свв. Пелагей и свв. Феодосий, но все они разделены ощутимой дистанцией. Между тем, достоверно известно, что вторая жена царевича Ивана Ивановича, сына Грозного, носила до своего насильственного пострига имена *Пелагея* и *Феодосия* (в монашестве она стала *Прасковьей*) [Успенский & Успенский. 2017. С. 110].

Подобное обилие исключений из принципа календарной связности заставляет заподозрить, что все они подчинены какому-то иному правилу, что для женщин существовала не одна модель приобретения

христианских имен в миру. Ответ на вопрос о том, что это могла бы быть за модель, отыскивается в описании имянаречения двух царских невест, одна из которых впоследствии стала царицей — уже упоминавшейся жены Василия / Потапия Шуйского Екатерины / Марии Буйносовой-Ростовской и нареченной невесты Михаила Федоровича Марии / Анастасии Хлоповой.

Описания церемоний, связанных со вступлением в брак этих женщин, прямо или косвенно содержат упоминания о некоторой процедуре, которая обычно трактуется исследователями как мена имен [Успенский. 1996. С. 187—188; Успенский. 1998. С. 193—194 <примеч. 8>; Успенский & Успенский. 2017. С. 109—110]. Здесь можно вспомнить приводившееся в начале нашей работы почти фольклорное речение «в девицах имя ѿ Катерина, а в царицах имя Марья» [Белокуров. 1907. С. 175, 249] или выражения из следственного дела Марии Хлоповой «а нарекли ее Царицею, а имя ей дали Настасья» [СГГД. Т. III. С. 231 <№ 63>]. Указания подобного рода позволяют заключить, что женщина могла получить второе имя не только в детстве (как, например, внучка князя Ромодановского, Екатерина / Анна), но и при вступлении в брак. Назвать это событие переменной имени можно лишь с определенной долей условности — новое именование становилось публичным и обслуживало отныне куда более широкий круг культурных ситуаций, однако имя первоначальное никуда не исчезало и несомненно учитывалось в религиозной жизни вышедшей замуж женщины.

Так, в момент принудительного пострига царицы, супруги Василия Шуйского, монашеское именование ей подбиралось отнюдь не по тому имени, которое она получила, становясь царицей, но по первой букве того из ее имен, что было дано при крещении. В монашестве Буйносова-Ростовская сделалась *Еленой* именно потому, что была *Екатериной*, а не только *Марией*. Поминать после смерти ее также могли как *Екатерину*:

24 <ноября> Святыя мученицы Екатерины <...> Память благоверной царицы и великой княгине Екатерине, во иноцех Елене схимнице ([Павлов-Сильванский. 1985. С. 174 <л. 123>]; ср.: [Там же. С. 229 <л. 27>]).

Так или иначе, если два имени давались девочке вскоре после рождения, то здесь требования календаря нужно было сложным образом сочетать с пожеланиями нарекающих и при этом одно из имен не должно было слишком сильно быть оторванным в месяцеслове от другого. Разумеется, далеко не все нарекающие придерживались традиции мирской христианской двуименности — девочке (как и мальчику) могло быть дано лишь одно имя. Однако у девочки оставался шанс получить еще одно имя при замужестве. Мы не знаем, насколько распространена

была эта последняя практика «доименовывания». Со всей определенностью можно сказать только, что подобным образом поступали отнюдь не всегда, но, с другой стороны, число случаев такого рода явно превышает число эксплицитных упоминаний о них в источниках. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с дефицитом данных относительно женских имен как таковых. Даже если девушка, еще не вступившая в брак, по тем или иным причинам упоминалась в источниках, ее личное имя могло приводиться, а могло и не указываться вовсе¹³, соответственно, наверняка определить, когда к ней «прирос» тот или иной антропоним, даже если мы знаем, что в зрелые годы у нее их было два, возможно только при удачном стечении обстоятельств. Во всех остальных случаях речь идет лишь о поиске убедительных оснований для воссоздания наиболее правдоподобного сценария развития событий.

Очевидно, что выбор нового имени, связанный со свадьбой, зависел от мужа и его родни, оно должно было соответствовать ономастическому обиходу той новой семьи, в которую вступала новобрачная. Хронологическая близость празднования ее новой святой ко дню поминания ее первоначальной небесной покровительницы, естественным образом, отступала на второй план — ею не то чтобы пренебрегали целенаправленно, но не она была отправной точкой при назначении, так сказать, второго имени. Соответственно, можно заподозрить, что в большинстве из тех случаев, когда между мирскими христианскими именами женщины не просматривается календарной связи, когда дни поминания ее патрональных святых в месяцеслове далеко отстоят друг от друга, одно из этих имен она получила в крещении, тогда как другое — лишь при вступлении в брак, а не в родительской семье. Весьма вероятно, например, что процедура получения второго имени в связи с замужеством имела место с одной из жен царевича Ивана Ивановича, Пелагеей / Феодосией Соловой, хотя рассказов о том, как ее нарекают вторым именем, до нас не дошло.

В каждом конкретном случае, однако, эти подозрения нуждаются в дополнительной верификации или, во всяком случае, в дополнительном обсуждении, причем само обсуждение может наталкиваться на множество лакун и противоречий. В самом деле, о повторяющихся родовых именах царей и великих князей рассуждать — в силу изобилия данных — относительно легко, а объяснять на каких основаниях подбирались публичные имена мальчикам в знатных семьях за пределами династии, уже заметно труднее, поскольку и наши генеалогические сведения далеко не всегда полны, и сами механизмы имянаречения могут быть не так линейны и отчетливы. Если же речь идет о выборе публичного имени для девочки или вступающей в брак невесты, то вопрос о мотивации того или иного наречения оказывается еще более запутанным. Почему Екатерине Буйносовой-Ростовской следовало сделаться

царицей под именем *Мария*? Почему, с другой стороны, имя *Мария* не удовлетворяло семью Михаила Федоровича, и урожденную Хлопову понадобилось назвать *Анастасией*? Почему, судя по довольно подробным росписям, не сочли нужным переименовывать Марию Владимировну Долгорукову, которая, которая в отличие от своей предшественницы, в брак с Михаилом Федоровичем вступить успела? Некоторые объяснения на сей счет могут быть представлены, однако все они остаются покамест неverifiedируемыми догадками.

Как же в свете всего вышеизложенного могло быть устроено имянаречение Агафьи / Евфимии Грушецкой? Самый полный рассказ о ее добрачной жизни и знакомстве с царем содержится в «Истории» В.Н. Татищева [Татищев. Т. VII. С. 174]¹⁴. Замечательно, однако, что вплоть до замужества Татищев ни разу не называет избранную царем девушку личным именем, но именует ее только родовым прозвищем (Грушецкая). Никаких сколько-нибудь определенных сведений о том, как ее звали до брака, у нас нет — *Агафьей* или *Агафьей Симеоновной* она именуется, уже став царицей. Вообще говоря, в этом нет ничего удивительного: детальные сведения об именах будущей царицы источники дают, скорее, в тех эпизодах, когда что-то пошло не так, как в случае с Марией / Анастасией Хлоповой, или большая детализация рассказа потребовалась по каким-то особым причинам. Записи же о церемониях, связанных со вступлением Грушецкой в брак, крайне лаконичны — по оценке исследователей, они в целом содержат куда меньше деталей и подробностей, нежели отчеты о бракосочетаниях отца и деда Федора Алексеевича. О предбрачном периоде ее жизни вообще приходится судить по косвенным деталям: с одной стороны, уже в апреле 1680 г. двоюродный брат Грушецкой пожалован чином, что может указывать на далеко идущие намерения царя, с другой стороны, формальный смотр невест устраивается лишь в июле того же года, а 18 июля состоялась и самая свадьба. При этом в нашем распоряжении есть лишь два описания свадебного обряда как такового: одно — более чем скудное, а второе — несколько более подробное, но в плохой сохранности [Седов. 2006. С. 350—360]; особых же данных об именах царицы не содержится ни в одном из них. Какие процедуры и обряды совершались над ней перед свадьбой, мы можем только гадать.

В сущности, месяцесловные данные — это едва ли не самое надежное и определенное из всего того, чем мы располагаем относительно двух имен царицы. Они же, напомним еще раз, демонстрируют большой календарный разрыв в датах, связанных с ее личными небесными покровительницами. Нельзя ли, исходя из всего вышесказанного, допустить, что *Евфимией* она звалась изначально, а имя *Агафья* получила непосредственно перед вступлением в династический брак?

Литература

- Авдеев & Станюкович, 2005 — *Авдеев А.Г., Станюкович А.К.* Эпиграфическое наследие Новоспасской усыпальницы рода Романовых // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. А.К. Станюковича и В.Н. Звягина. Кострома, 2005. С. 115—137.
- Алексеев, 2006 — Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А.И. Алексеев; сост. именного указателя А.И. Алексеев, А.В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5—184.
- Апухтин, 1914 — *Апухтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. (Историко-родословное общество в Москве.)
- Белокуров, 1907 — *Белокуров С.А.* Разрядные записи за смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.
- Беляев, 2009 — *Беляев Л.А.* О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162—165.
- Берх, 1834 — *Берх В.* Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. I. СПб., 1834.
- Брикнер, 1879 — *Брикнер А.Г.* Материалы для источниковедения истории Петра Великого (1682—1698 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. CCIV, июль. С. 271—317.
- Буганов & Корецкий & Станиславский, 1971 — *Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л.* «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. XXVIII. С. 231—254.
- Васильев & Грязнов, 1998 — Синодик князей Шелешпальских / Публ. Ю.С. Васильева и А.Л. Грязнова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 118—127.
- Вахрамеев, 1896 — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И.А. Вахрамеевым. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. М., 1896.
- ВОИДР, I—XXV = Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. I—XXV. М., 1849—1857.
- Выписка..., 1853 — Выписка из рукописной Вкладной книги Александро-Свирского монастыря // Олонецкие губернские ведомости. 1853. № 10—29.
- Герберштейн, 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Маленина и А.В. Назаренко. М., 1988.
- Дневник..., 1901 — *Dziennik zaboystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich w stolicy roku 1682 u obraniu dwoch carow Ioanna u Petra.* Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901.
- ДРВ, I—XX = Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. Ч. I—XX. М., 1788—1791.
- Женев & Семевский, 1867 — Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом / Пер. с латинского Б. Женева и М. Семевского. М., 1867.
- Забелин, 1901 — *Забелин И.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. (= *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II). 3-е изд. с дополнениями. М., 1901 [Репринт: М., 2001.]

- Кириченко & Николаева, 2008 — *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2008.
- Корб, 1700 — *Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici domini Ignatii Christophori de Guarient et Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caesareae Majestatis Consilarii Aulico-Bellici ab Augustissimo & Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I. ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii, Vienna Austriae, [1700].*
- Кормовая книга Новоспасского монастыря..., 1903 — Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903.
- Курганова, 1994 — *Курганова Н.М.* Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1993. М., 1994. С. 396—404.
- Литвина & Успенский, 2006 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики, М., 2006.
- Литвина & Успенский, 2018 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 387—396.
- Лихачев, 1900а — *Лихачев Н.П.* Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. 1900. Вып. I. Отд. I. С. 70—113.
- Молдован, 1984 — *Молдован А.М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко, 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Назаров, 1984 — Акты московских монастырей и соборов 1503—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря / Сост. Т.Н. Алексинская, В.Д. Назаров; введение и коммент. В.Д. Назарова. М., 1984.
- Назаров, 1998 — Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. / Отв. ред. В.Д. Назаров; изд. подгот. Т.Н. Алексинская, В.К. Баранов, А.В. Маштафаров, В.Д. Назаров, Ю.Д. Рыков. М., 1998.
- Павлов-Сильванский, 1985 — Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985.
- Панова, 2003 — *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.
- ПСРЛ, I—XLIII — Полное собрание русских летописей. Т. I—XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841—2004.
- РИБ, I—XXXIX = Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. I—XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872—1927.
- СГГД, I—V = Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I—V. М., 1813—1894.
- Седов, 2006 — *Седов П.В.* Закат московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб., 2006.
- Снегирев, 1843 — *Снегирев И.[М.]* Новоспасский монастырь. М., 1843.

- Соколова & Тесленко, 2013 — Романовы. Начало династии: К 400-летию избрания на царство Михаила Федоровича Романова / Сост. О.В. Соколова, О.Е. Тесленко. М., 2013.
- Татищев, I—VIII — *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. I—VIII. М., 1964. [Ре-принт: М., 1995.]
- Успенский, 1996 — *Успенский Б.А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1996. С. 187—202.
- Успенский, 1998 — *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее переосмысление). М., 1998.
- Успенский & Успенский, 2017 — *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.
- Херсонский, I—II — *Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии / Сост. И. Херсонский.* Вып. I (1439—1682)—II (1682—1891). Кострома, 1888—1892.
- Шматов, 2005 — *Шматов В.Е.* О дате рождения князя Дмитрия Пожарского // *Нижегородская правда.* 2005. № 76 (от 16 июня).
- Эскин, 2000 — *Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публикация подгот. Ю.М. Эскиным // Отечественная история.* 2000. № 1. С. 143—157.

- ¹ Русская христианская двуименность как феномен была замечена учеными не позднее середины XIX в. — В.Н. Татищев знал о ее существовании, разумеется, гораздо раньше, но для него это была еще живая обиходная практика. Тем не менее, удивительным образом, до сих пор этот тип двуименности практически не становился предметом самостоятельного и целостного описания (пробел, который авторы этой работы в обозримое время надеются восполнить), что ведет не только к недооценке интереснейших культурно-исторических процессов, но и ко вполне конкретным ошибкам — удвоению исторических персонажей, реконструкции не имевших места событий, разводов, монашеских постригов, переименований и т. д.
- ² Публикаторы источника ошибочно полагают, что речь в данной записи идет о великом князе Василии / Гаврииле III, между тем как совершенно очевидно, что здесь имеется в виду Василий Иванович Шуйский и некоторые члены его семьи, часть из которых скончались «нужною смертию» в Польше.
- ³ Известно, в частности, что одним из вкладов князя Пожарского в монастырь Макария Желтоводского была двусторонняя икона с изображениями Космы Бессеребренника и Дмитрия Солунского [Эскин. 2000. С. 144]. Сходные наблюдения о календарной связности имен князя Пожарского были высказаны в статье: [Шматов. 2005], ее критическое обсуждение см. в работе: [Эскин. 2013. С. 18—19]. Следует отметить, что отдельные утверждения Ю.М. Эскина, возникшие как реплика на тезисы В.Е. Шматова, вызывают некоторое недоумение. Так, в частности, Ю.М. Эскин говорит о 1 ноября как о сугубо умозрительной дате рождения Пожарского, которая «определяется только гипотетически, на основании его крестильного имени» [Там же]. Тем самым игнорируется запись Кормовой книги Спасского Ярославского монастыря, где дата 1 ноября эксплицитно охарактеризована как день рождения князя [Вахрамеев. 1896. С. 21].
- ⁴ Перед нами случай довольно обычного неразличения форм *Агания* и *Агафия*, которые могут смешиваться (как в данном случае), а могут трактоваться как отдельные имена.
- ⁵ Именно 5 февраля церковь отмечает память св. Агафии, мученицы Катанской.

- ⁶ Secundus Feodor Alexiowicz 1657 natus, Parenti successit in sceptrum 1676. Prima ejusdem conjux Euphemia Rutetzki, 1681 in puerperio cum infante extincta est.
- ⁷ В частности, именно так эти сведения интерпретируются в работе: [Брикнер. 1879. С. 278]. Вообще говоря, в том, что касается имен русских цариц, Корбу вполне свойственно ошибаться. Правда, ошибки эти носят в чем-то неслучайный характер, подчиняясь вполне определенной логике. Так, первую жену Михаила Федоровича он именуется *Анастасией* и сообщает, что та родила царю двоих наследников. Здесь происходит своеобразная компрессия: в действительности *Анастасией* нарекли невесту Михаила Федоровича, Марию Хлопову, которая так и не стала его женой (см. о ней далее); первый осуществившийся брак царя — с Марией Владимировной Долгоруковой (которую, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, *Анастасией* не нарекали) — продлился всего несколько месяцев и не принес потомства. Наследники же появились в следующем браке царя с Евдокией Стрешневой. Эти события как бы слипаются в рассказе Корба, однако надо принять во внимание, что речь идет о царствовании, давно минувшем — Михаил Федорович приходился дедом тем правителям, которых Корб мог наблюдать лично. Замечательно при этом, что дату рождения Ивана Михайловича он называет совершенно точно (1 июня), а дату появления на свет будущего царя Алексея Михайловича — по его именинам, дню празднования Алексею, человеку Божьему (17 марта). Совершенно очевидно, что Корб опирался на те даты, по которым эти давно скончавшиеся представители царского дома поминались в церквях и монастырях. На эти же дни приходились, естественным образом, даваемые по ним корма. С другой стороны, противоречивый характер носят и данные об именах и биографии второй жены Федора Алексеевича, у которой детей не было [Корб. 1700. С. 178; Женев & Семевский. 1867. С. 238—239], но они нуждаются в отдельном обсуждении.
- ⁸ Эта дата присутствует, кроме того, на надгробии Агафьи Симеоновны и на крышке ее саркофага [Панова. 2003. С. 44—45 <№ 195>]. Дату 18 июля, которая приводится как день кончины царицы в исследовании П.В. Седова ([Седов. 2006. С. 368], без ссылки на источник), следует, таким образом, признать ошибочной, как и дату 21 июля, указанную в работе В. Берха [Берх. 1834. С. 85].
- ⁹ Об именах государева дьяка эпохи Грозного, Ивана Цыплятева, см. специальное исследование авторов этих строк: [Литвина & Успенский. 2018].
- ¹⁰ Память св. Варвары празднуется 4 декабря, а память св. Кикилии — 22 ноября.
- ¹¹ Память св. Екатерины празднуется 24 ноября, а ноября 20 отмечается память Анны, мученицы Персидской.
- ¹² Необходимо учитывать, что наши знания о месяцесловной традиции и культе святых в XVI—XVII вв. не столь скудны, как относительно домонгольского времени, но все-таки заведомо далеки от полноты. Празднования редким или местночтимым святым, почитание мощей и икон, возникновение новых дат памяти, не удержавшихся в последующей практике — все эти факторы могли влиять на стратегию именнаречения, результатом которой становились случаи двуименности с невидимой для современного исследователя внутренней связью. Попросту говоря, оба имени могли быть даны по календарю, а мы не в состоянии этого заметить.
- ¹³ В этом отношении очень показателен список награждений, выданных девушкам, которых возили на смотрины к царю Федору Алексеевичу. Одна группа несостоявшихся невест фигурирует с собственными именами, тогда как для другой указаны только имена их отцов [Забелин. 1901. С. 259].
- ¹⁴ Значительная часть деталей, относящаяся к местонахождению царя и других участников ситуации, подтверждается показаниями других источников [Седов. 2006. С. 351—354].

П.В. Лукин*

Немецкие данные о телесных наказаниях в средневековом Новгороде**

Аннотация: В статье идет речь о проблеме телесных наказаний в древней Руси. В историографии по этому поводу велись дискуссии, основной причиной которых был недостаток источников. Анализ ганзейских документов по истории Новгорода и их сравнение с археологическими находками последнего времени (рукояткой плети из новгородского кремля) позволяет установить, что такие наказания применялись, по крайней мере с XIII века.
Ключевые слова: Новгород, древнерусское право, телесные наказания, вече

P.V. Lukin

German data on judicial corporal punishment in medieval Novgorod

Abstract: The paper is devoted to the problem of judicial corporal punishment in Old Rus. There have been discussions in the historiography being mostly due to the lack of appropriate sources. Comparative analysis of the data of Hanseatic documents on Novgorod and some recent archaeological findings (first of all, a whip-handle from the Kremlin excavation in Novgorod) lead to the conclusion that judicial corporal punishment was in use in Novgorod since at least the 13th century.
Key words: Novgorod, Old Russian law, judicial corporal punishment, вече

Как известно, сильнейшей стороной научного творчества Александра Васильевича Назаренко является широкое использование иностранных источников по истории Руси. Во многом этому способствует его прекрасная подготовка как филолога-германиста. В предлагаемой статье предпринимается попытка на основании сопоставления данных немецких и русских источниках осветить один достаточно неясный и спорный вопрос истории русского права.

В старой литературе о телесных наказаниях в домосковской Руси говорилось обыкновенно довольно противоречиво и неопределенно. По

* Лукин Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
Lukin Pavel Vladimirovich, Grand PhD (History), Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

** Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17—01—00158. В ее основу положен доклад, сделанный на X конференции «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» 8 июня 2017 г. Сердечно благодарю всех участников обсуждения, сделавших ценные замечания, особенно А.А. Гиппиуса.

мнению М. Ступина, «[е]сли телесные наказания и были практикуемы до эпохи Судебников, то лишь за проступки против религии, по определению духовного суда, руководствовавшегося греко-римскими (византийскими) законами; светскому же законодательству они были чужды...» [Ступин. С. 11]. М.Ф. Владимирский-Буданов, хотя и признавал в принципе наличие «болезненных наказаний» даже ещё в дотатарскую эпоху, оговаривался, что и в более позднее время, в эпоху региональных уставных грамот «[н]аказания состоят преимущественно в денежных штрафах... Смертная казнь введена в закон, но болезненные и членовредительные наказания ещё не узаконены» [Владимирский-Буданов. С. 388—389]. С другой стороны, В.И. Сергеевич утверждает, что с «принятием христианства начинает проникать к нам иноземное право, а вместе с ним и новая система наказаний, а именно: смертная казнь, телесные наказания, болезненные и членовредительные...» [Сергеевич. С. 391—392], но никаких примеров «болезненных наказаний» до XVII в. не приводит. В том же духе рассуждал и А.Г. Тимофеев [Тимофеев. С. 53—61].

После классических работ по истории русского права ясности в этом вопросе не прибавилось. Так, в новейшей работе по теме утверждается, что «болезненные наказания» впервые находят «законодательное закрепление» в Судебнике 1497 г., но неясно, употреблялись ли они, по мнению автора, ранее [Рогова. С. 101].

Имеющиеся русские редки, отрывочны, и интерпретировать их не просто. Например, в ряде списков Новгородско-Софийского вида Пространной правды (самые ранние — XV в.) в ст. 8 выражение «на поток и на разграбление», обозначающее коллективную расправу, заменяется на «бои и на разграбление».¹ «Бой» в данном контексте иногда понимается как телесное наказание [Владимирский-Буданов. С. 388; Евреинов. С. 18]. В некоторых списках Правды Русской упоминается также битье кнутом у «колокольницы» (контекст не вполне ясен), но это явно позднейшие дополнения, причем, возможно, принадлежащие московскому редактору конца XIV в.² В новгородской берестяной грамоте № 725 (конец XII — начало XIII вв.) читаем: «От Рьмышѣ поклонянье къ Климя[тѣ] и къ Павъл[у]... съка[ж]ита владычѣ мою обиду и мои бои желѣза».³ Истец, очевидно жалуется новгородскому архиепископу на то, что его несправедливо заковали в кандалы и подвергли телесному наказанию («бою»). Контекст этой истории, однако, неясен. Фраза из «Моления» Даниила Заточника (скорее всего, XIII в.): «...безумнаго, аще и кнутьем бьешь, развязавъ на санех, не от[ъ]имеши безумия его»⁴ — явно литературного происхождения. Имеет ли она отношение к каким-то реальным наказаниям, сказать сложно.

Более определенно выглядит псковская ситуация 1495 г. После того, как представители белого духовенства, священники и дьяконы, отка-

зались от военной мобилизации, предписанной «всем Псковом», псковичи «учали сильно дѣяти над священники, и лазили многожды на сѣни и в вѣчи и опять у вѣче влѣзли и хотѣли поповѣ кнотом избесчестовати, Ивана священника рожественьского и Андрѣя». Священники, признанные, видимо, зачинщиками неповиновения, «в одних рубахах стояли на вѣчи», но псковичи «и иных всѣх попов и дьяконов изсоромотиша». ⁵ Здесь следует обратить внимание на вече как орган, на котором принимается решение о телесном наказании клириков (или, по крайней мере, об угрозе такового), а также — на кнут как на орудие наказания. Тем не менее, это довольно позднее известие. Не вполне ясен и юридический статус наказания: что именно вменялось в вину представителям псковского духовенства, и на каком конкретно основании назначалась такая кара.

Наша задача состоит, однако, не в том, чтобы подробно обсудить все прямые и косвенные данные русских источников о «болезненных» (т.е. нечленовредительных) телесных наказаниях, а представить некоторые данные, очень выразительно, как представляется, характеризующие практику применения таких наказаний на Руси в XIII — первой половине XV вв., конкретно — в Новгороде. Речь идет о документах новгородско-ганзейской переписки и связанных с ней источниках.

Когда в начале 1406 г. в Псковскую землю вторглось войско великого князя литовского Витовта, власти Пскова и Великого Новгорода предприняли чрезвычайные меры. Во Пскове был арестован товар немецких купцов, а в Новгороде им было запрещено возвращаться домой: новгородские власти требовали гарантий безопасности для своих купцов, находившихся в Ливонии [Goetz. S. 101].

Об этом рассказывается в послании немецких купцов из новгородской ганзейской Конторы, отправленном ими в Ревель 24 апреля 1406 г. Там, в частности, говорится: «Особенно любезные друзья, соблаговолите узнать, что мы были полностью готовы уехать по Неве и хотели [ехать] дальше, в Нарву, так как мы опасались псковичей и погрузили наш товар на три юма (небольшие транспортные корабли. — П.Л.). Поэтому знайте, что новгородцы приказали выкрикивать на торгу в течение 3 дней, что никто не должен нас отсюда перевозить, [под угрозой штрафа]: на первый день — в 5 штук, на второй — в 10, на третий день — в 20 штук серебра⁶ и наказания плетьюми (*by der stupen*). На это они нам отвечали, что они боятся того, что их братья арестованы в Дерпте, и сказали нам на словах, чтобы мы никуда не уезжали, если их братья не вернутся домой. И вот поэтому, любезные друзья, позаботьтесь об этом и подействуйте нашей пользе». ⁷

Слово *stupe* имеет два значения: «позорный столб» (*Schandpfahl*, *Schandsäule*) и «наказание розгами, плетьюми» (*Rutenzuchtigung*, *Stäu-*

ping). Выражение *bi der stupe* означает, впрочем, порку розгами/плетьми в качестве наказания [Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. III. Sp. 572]. Трудно сомневаться поэтому в том, что имеется в виду здесь такое наказание, но есть и дополнительное свидетельство.

В 1466 г. послы из Дерпта и Ревеля писали в Ревель о тяжелых переговорах в Новгороде. В частности, они сообщили в своем донесении, написанном весьма своеобразно — на средненижненемецком с вкраплениями латыни, что новгородцами к ним «был послан пристав в качестве посланника, чтобы мы не уехали пока до завтрашнего дня» (*est nobis missus bodellus nunciarius [sic!], nos non esse recessuros donec in crastinum*), и требовал, чтобы немецкие купцы не уезжали из Новгорода «под угрозой наказания плетьюми» (*dat se uns nicht solden uithvoren by der stupe*). Переговоры велись и соответствующие решения принимались посадником и купеческими старостами, но «с согласия новгородцев» (*mit vulbord der Nougarder*).⁸

В написанном на латинском языке проекте договора между немецкими городами и Новгородом, предложенном немецкой стороной (1268 г.) в частности говорится: «Когда гости находятся в княжестве новгородцев и под защитой их мира и их покровительством, если они лишатся своих вещей в результате кражи, и сумма украденного окажется меньше половины марки кун, виновный сможет выкупить себя за 2 марки кун; если же совершит кражу [ущерб, от которой будет] больше вышеуказанной суммы и меньше половины марки серебра, он будет высечен розгами, и ему заклеят щёку, или пусть выкупит себя за 10 марок серебра (*virgis decoriet(ur) et ad maxilla(m) caut(er)iabit(ur) v(e)l redimat se cum X mar(cis) arg(enti)*)».⁹ *Virga* — это вообще «ветка», но имеется также и значение «розга». Проект договора ориентировался, разумеется, на немецкое право, но вряд ли в нем могло предлагаться нечто, абсолютно чуждое обычаям новгородцев. В итоговом договоре 1269 г., сохранившемся в переводе на средненижненемецкий язык, эта норма, тем не менее, не повторяется, а просто говорится, что воров надо судить в соответствии с их преступлением (*sal men to Nogarden over richten na sineme broke*).¹⁰ Любопытен в связи с этим комментарий М. Ступина: «Отказ новгородцев любекским уполномоченным при заключении торгового договора в том, чтобы воров наказывать розгами и клеймить в щёку ... показывает, насколько телесные наказания не были свойственны тому времени» [Ступин. С. 11]. Хотя, заметим, в договоре 1269 г. ничего о возможных приговорах не сообщается.

Вполне очевидно, что в указанных выше случаях речь идет о телесном наказании, конкретно — о порке, и в двух случаях из трех оно назначается за преступления особой тяжести: за рецидив или за кражу, в результате которой наносится большой ущерб, в одном — за пред-

полагаемую попытку нарушить запрет, наложенный «новгородцами». Определенной параллелью к первым двум ситуациям являются установления, в которых за трехкратное совершение преступления полагается смертная казнь. Так, в статье 5 Двинской уставной грамоты: «А татя впервые продати противу поличного, а вдругие уличат, продадут его не жалуя; а уличат третьие, — ино повесити...»¹¹; в статье 8 Псковской судной грамоты: «Что бы и на посаде, но крадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третии ряд изличив, живота ему не дати...».¹² Здесь мы видим тот же принцип: качественно-го устрожения наказания после повторного рецидива.

Возникает естественный вопрос: какой орган власти в Новгороде налагал такое наказание? Документ 1406 г. дает четкий ответ на этот вопрос — это были «новгородцы» (*de Nougardes*). Именно они запрещают возчикам вывозить из Новгорода немецких купцов и их товар, на что немцы и жалуются в своем послании (*lete(n) dorch dat market ropen jn III daghen, dat neuma(n)t solde vns van hiir voren*). Посадник и тысяцкий упоминаются в этом документе, но решение принято не ими.

Нет сомнений в том, что под «новгородцами» в данном случае понимается новгородский политический коллектив, новгородский «политический народ», принявший соответствующее решение на вече. Есть, однако, и прямые подтверждения того, что такие решения — жизненно важные для каждого новгородца, поскольку они имели прямое отношение к их благосостоянию — принимались именно на вече. В несколько более раннем ганзейском документе (февраля 1406 г.), в котором идет речь о выступлении на новгородском вече псковских послов, сообщавших об упомянутом уже вторжении в Псковскую землю войска литовского великого князя Витовта, говорится о мерах, принятых вечем в отношении немецких купцов: «Тогда они (новгородцы. — П.Л.) постановили на вече запретить вывоз любого немецкого товара, и товар чтобы с саней скинуть» (*Des worden se ens in deme dinghe, dat se den forboden, dat se neyner Dutschen gud utvoren mosten, und worpen dat gut weder van den sleden*).¹³ В другом послании (из Ревеля, скорее всего, магистру Ливонского отделения Ордена), написанном в связи с этими же событиями, уточняется, что новгородцы «постановили на вече, чтобы запретить извозчикам вывозить товар немцев» (*Des worden se ens in deme dinghe, dat se forboden [den] vorlueden, dat se der Dutschen gud nycht utvoren en solden*).¹⁴ Здесь представлена абсолютно та же ситуация, но теперь мы знаем, какие санкции полагались за отказ выполнять вечевые постановления: денежные штрафы, а в крайнем случае — телесное наказание.

Эти сведения письменных источников находят достаточно неожиданное, но вполне убедительное подтверждение в относительно недавней находке, сделанной в ходе археологических раскопок на территории нов-

городского кремля (Детинца). В 2009 г. там была найдена деревянная рукоять (кнутовище) плети. находка по данным стратиграфии датируется первой половиной XIII в. [Родионова, Гиппиус. С. 127—146]. Изображенная на кнутовище сцена порки плетью не оставляет сомнения в назначении данного артефакта: он использовался в качестве орудия телесного наказания, а место находки и высокое качество изделия несомненно свидетельствуют о том, что оно принадлежало высокопоставленному лицу, очевидно, имевшему отношение к новгородским властям.¹⁵ Изображено пять персонажей, но выделяется один из них — экзекутор (наказующий, держащий плеть). Он выше всех остальных, у него есть борода (в отличие от всех остальных, включая наказуемого), наконец, в его распоряжении, возможно, находится один из прочих персонажей («помощник экзекутора», согласно определению публикаторов). Все это явно свидетельствует о его достаточно высоком статусе. Кто это мог быть?

В ряде новгородских источников фигурируют *приставы*. Так, они появляются в Новгородской судной грамоте и международных договорах Новгорода.¹⁶ Наиболее интересны для нас упоминания в НСГ. В статье 16 говорится о целовании креста вдовой-ответчицей «перед истцом и перед приставы ноугородскими»; в статье 26 — о присутствии приставов при докладе «во владычне комнате» (т.е. при принятии решения об утверждении или пересмотре судебного постановления); в статье 29 — о праве истца в случае судейской волокиты «взять ... приставы у Великого Новгорода»; в статье 34 — об исполнении судебного решения: «А кто на кого возьмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариватся с ними месяц, а не почнет переговариватца в тот месяц, ино взять на него приставы с веча, да имать его в городе и в селе с тыми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом».¹⁷ Последняя статья ясно свидетельствует о том, что эти приставы были должностными лицами, ответственными за принуждение к исполнению судебного решения. Кроме того, их наименования (приставы новгородские, «Великого Новгорода»¹⁸, «с веча») указывают на их подчиненность новгородскому политическому коллективу, в идеале представленному общеновгородским собранием — вечем. Они принимают участие вместе с представителями концов (боярами и тысяцкими) в заседаниях на владычном дворе.¹⁹

Выше уже упоминался фигурирующий в ганзейском документе 1466 г. *bodellus*, угрожавший немцами плетью. В этой связи имеет смысл обратить внимание на упоминания в ряде документов новгородско-ганзейской переписки новгородских должностных лиц, называемых на средненижненемецком языке *bodele* (*bodellus* — очевидно, латинская калька с нем. *bodel*). Среди таких упоминаний наиболее интересны в данном случае следующие. В 1331 г. новгородцы отпра-

ляют с веча своих *bodele* на Немецкий двор, чтобы сторожить ганзейских купцов (de Rusce(n) satte(n) ere bodele in den hof, vn(de) and(er) e Rusce(n) darmede de Dusche(n) to ware(n)de).²⁰ В 1337 г. *bodele* сначала по распоряжению новгородцев блокируют Немецкий двор (...leten vns belegghen met bodelen), а потом *bodel* стережет немцев, которых выпускают из заблокированного двора для закупок еды и питья (...mith eyme bodele vs to kopende to etende vn(de) to drinkende).²¹ В 1421 г. *bodele* стерегут немцев, арестованных новгородцами (...de satten se int ysern, isliken by sik, mit den bodelen).²² В 1425 г. собравшиеся на вече новгородцы грозят отправить немецких купцов в дом *bodel*'а закованными в кандалы (in des bodels hues unde in dey yseren).²³

Согласно немецким данным, *bodele*, во-первых, занимаются реализацией карательных мер и осуществляют контроль за их исполнением; во-вторых, в конечном счете, подчиняются «новгородцам», которые принимают соответствующие решения на вече. Дом *bodel*'а используется в качестве места тюремного заключения (вероятнее всего, предварительного). Функции приставов русских источников и *bodele* немецких во многом пересекаются, и логичным кажется вывод о том, что под *bodele* надо понимать именно приставов. Дополнительным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что в том же значении, что и *bodele*, может использоваться транслитерированное с русского понятие *prystaven*. В апреле 1421 г. новгородцы отправили с веча на Немецкий двор *prystaven* и потребовали, чтобы купцы вышли из двора для разбирательства (do sanden de Nowerders prystaven up den hoeff ute deme dinge, unde loden uns tho hope...).²⁴ Выше мы видели, что в других документах то же самое делают *bodele*.

Возможно, впрочем, что немцы могли использовать понятие *bodele* применительно и к другим должностным лицам, близким по своим функциям, например, к биричам или подвойским: соотношение между новгородскими должностными лицами «второго плана» требует отдельного исследования, предусматривающего анализ всех их упоминаний в источниках в хронологическом порядке.²⁵ Заслуживает, с другой стороны, внимания и само средненижнемецкое слово *bodel*. Согласно словарям, это «судебный рассыльный, судебный пристав, (главным образом) палач» [Schiller, Lübben. Bd. I. S. 368—369; Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. I. Sp. 304], что сразу же заставляет предполагать связь этих должностных лиц с наказаниями в отношении личности виновного.

Между тем имеется решающее свидетельство, позволяющее утверждать, что именно приставы в Новгороде приводили в исполнение телесные наказания.²⁶ Оно содержится в немецком документе 1436 г. — отчете ганзейских посланников о переговорах с Новгородом. Там сообщается о том, что ранее, в 1425 г., «один немец, сын доброго человека,

был побит приставами (*geslagen were van den pristaven*), как это было известно, пожалуй, всему Новгороду, и немец умер в Новгороде от побоев». На этом основании немцы требовали «удовлетворения за несправедливость и суда над убийцей». Погибшего звали Кост ут дер Остен.²⁷ Вряд ли можно думать о том, что приставы убили «сына доброго человека» в разбое. Вероятнее всего, в ходе острого конфликта между Новгородом и Ганзой в 1425 г., по решению новгородцев, Кост ут дер Остен был подвергнут достаточно суровому телесному наказанию, в результате чего скончался. Это не должно вызывать удивления: по данным позднейшего времени (XVII—XVIII вв.), телесные наказания (особенно это касается битья кнутом) нередко заканчивались смертью наказуемого [Сергеевский. С. 162—163; Анисимов. С. 569—571]. То обстоятельство, что приставы самолично вершили расправы, очевидно, никак не препятствовало их достаточно высокому социальному положению.

В этом же документе упоминается и «дом палача» (*hengens hus*), причем в очень красноречивом контексте. По утверждению ганзейских послов, «один немец, которого звали Рейнеке Реллинквердер, был взят со двора и посажен в дом палача и находился в нем 9 недель, и его там пытали, так что он из-за этого умер.²⁸ *Hengers hus* документа 1436 г. — это почти наверняка *bodels hues* документа 1425 г., а, возможно, речь идет и о ситуации того времени (потому что, как мы видели ранее, в отчете ганзейских посланников события того года, когда немецкие купцы оказались в Новгороде на краю жизни и смерти²⁹, как раз упомянуты). В документе 1436 г. отдельно от этого палача (*henger*) упоминаются, как мы видели, приставы (*pristaven*), но, думается, отсюда не стоит делать выводов о том, что это были разные должности. Против этого свидетельствует как тождество *bodele* и *pristaven*, так и «палаческие» функции последних. *Henger* мог быть вполне одним из приставов. Вспомним также в связи с этим и упоминания приставов во множественном числе, и изображение на кнутовище из Детинца, предполагающего наличие определенной иерархии среди экзекуторов.

Устанавливается, таким образом, наличие телесных наказаний в средневековом Новгороде уже в начале XV века, а, судя по находке из кремля, и ранее, уже в первой половине XIII в. Документально подтверждено, что они могли быть применены по распоряжению веча за нарушение вечевого постановления, особенно в случае злостного, троекратного, рецидива. Пока нельзя исключить, однако, того, что эти постановления могли носить временный характер и приниматься на время чрезвычайной ситуации, а не являться постоянно действующей юридической практикой. Лицами, ответственными за реализацию такого наказания, были приставы, причем эта служба была почетной, а сами они — людьми достаточно высокого статуса.

Литература

- Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / изд. подг. П.Г. Гайдуков. М., 2014 (История русской науки. Исследования и материалы. II).
- Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 [Киев, 1908].
- Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994 [СПб., 1913].
- Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.
- Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд. М., 2018.
- Никитский А.И. Отношения Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. № 7. Отд. 2
- Рогова О.В. Телесные наказания в русском праве X—XV вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2 (12).
- Родионова М.А., Гиппиус А.А., Шуреев А.В. Изделия из дерева // Новгородский детинец и Владычный двор в XI—XV вв. / отв. ред.-сост. М.А. Родионова. СПб., 2017.
- Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903.
- Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.
- Ступин М. История телесных наказаний в России от судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887.
- Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897.
- Тихомиров М.Н. Исследование о Русской правде. М.; Л., 1941.
- Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V).
- Kaiser D.H. The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.
- Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. I / hrsg. von A. Lasch, C. Borchling, fortgeführt von G. Cordes. Neumünster, 1956; Bd. III / begr. von A. Lasch, C. Borchling, hrsg. von G. Cordes. Neumünster, 1959.
- Schiller K., Lübber A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1875. Bd. I.
- ¹ Правда Русская / изд. Б.Д. Греков (далее: ПР). М.; Л., 1940. Т. I. С. 149, варианты.
- ² ПР. Т. I. С. 341, 362, 392; см. также: [Тихомиров. С. 171—172].
- ³ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1990—1996 годов. М., 2000. Т. X. С. 26; Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 годов). М., 2004. С. 188.
- ⁴ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / пригот. к печати Н.Н. Зарубин. Л., 1932. С. 65.
- ⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 81—82.
- ⁶ «Штуки серебра» — это, по-видимому, рубли, см.: [Бауер. С. 276—277].
- ⁷ Besunderling(es) leuen vrunde, jû geleue to weten, dat wy allesding(es) rede weren to der Nû ward to varen(de) vnde wolde(n) vord to der Narwe, we(n)te wy vns bevruchteden vor de Plescowers vnde gescepet hadden vnse gûd in III jumen. Des wetet, leue(n) vru(n)de, dat de Nougardes lete(n) dorch dat market ropen jn III daghen, dat neyma(n)t solde vns van hiir voren, des ersten daghes by V stukke(n), des ander(e)n — by X, des derde(n) daghes — by XX stukke(n) sulu(e)r(s) vnde by der stupen. Des were wy vake vnde vele vor dem borchgreue(n) vnde hertegen vnde vragheden, warv(m)me dat se vns aldus hiir helden. Документ цитируется по оригиналу, подготовленному к публикации в рамках указанного выше проекта РФФИ (приношу благодарность С.В. Полехову, предоставившему нам копию этого и других архивных до-

- кументов и сделавшему ценные замечания по их транскрибированию и переводу: Tallinna Linnaarhiiv (далее: TLA). f. 230. Tallinna Magistraat. n. 1. s. BE 14—I, fol. 10 v.-r. Ср.: Hansisches Urkundenbuch (далее: HUB). Bd. V / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. № 716. S. 369.
- ⁸ Hanserecesse von 1431—1476 (далее: HR-2). Bd. V / bearb. von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1888. № 745. S. 538.
- ⁹ Цитируется по оригиналу: РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ср.: HUB. Bd. I / hrsg. von K. Höhlbaum. Halle, 1876. S. 229.
- ¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее: ГВНП). № 31. С. 59.
- ¹¹ Памятники русского права (далее: ПРП). М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства / под ред. Л.В. Черепнина. С. 162—163.
- ¹² ПРП. М., 1953. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси / Сост. А.А. Зимин. С. 287.
- ¹³ HUB. Bd. V. № 704. S. 364.
- ¹⁴ HUB. Bd. V. № 705. S. 365. Более подробный разбор этих эпизодов см.: [Лукин. С. 292—294].
- ¹⁵ См. фотографию и прорись изображения: [Родионова, Гиппиус. С. 135, рис. 69].
- ¹⁶ О новгородском судебном персонале и, в частности, о приставах см.: [Kaiser. P. 101—111].
- ¹⁷ ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 215—217.
- ¹⁸ В грамоте Новгорода Ревелю 1466 г. прямо упоминается пристав «Великого Новгорода» Агафон (ГВНП. № 66. С. 109).
- ¹⁹ Здесь речь идет именно о «приставах новгородских»; свои приставы могли быть в Новгороде у князей (см., например, договор Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г.: ГВНП. № 3. С. 13) или у главных магистратов, например, у тысяцкого (см. в послании немецких купцов в Новгороде в Ревель 28 мая 1409 г., где название должности транслитерировано: TLA. f. 230 (Tallinna Magistraat). n. 1. s. BE 14—I, fol. 24; ср.: HUB. Bd. V / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. № 883. S. 464).
- ²⁰ [Лукин. Приложение 2. С. 548].
- ²¹ Цит. по транскрипции оригинала: [Лукин. Приложение 3. С. 559, 560].
- ²² Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. Leipzig, 1893 (далее: HR-1). Bd. VII. № 314. S. 178.
- ²³ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch; Bd. VII / begr. von F.G. von Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1881. № 311. S. 221. Как и приставы, *bodele* могли действовать и по приказу тысяцкого. Так, в 1422 г. тысяцкий заявляет немцам, что, по его распоряжению, *bodel* может отправить виновного в заключение без судебного разбирательства (*mochte en nehmen mid deme bodele sunder laden und sunder recht unde voren en in dat isern*), HUB. Leipzig, 1905. Bd. VI / bearb. von K. Kunze. №. 444. S. 246).
- ²⁴ HR-1. Bd. VII. № 307. S. 174.
- ²⁵ О переплетении функций этих и других должностных лиц судебного аппарата в Новгороде см.: [Kaiser. P. 109—110].
- ²⁶ Аналогичную догадку применительно к Пскову с осторожностью высказывал Д.Х. Кайзер: [Kaiser. P. 241, note 157].
- ²⁷ ...eyn Dutzsche, eyns guden mans kint, geslagen were van den pristaven, also dat wol gemene Naugarden witlik were, unde de Dutzsche van den slegen gestorven were bynnen Naugarden, darvan begerde wy lik vor unlik unde over den morder recht. De Dutzsche heet Kost uth der Osten (HR-2. Bd. I / bearb. von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1876. № 586. S. 510).
- ²⁸ HR-2. Bd. I. № 586. S. 510 (eyn Dutzsche were genomen van den hove, de heet Reyneke Rellinckwerder, unde in des hengers hus gesat unde sete dar 9 weken ynne, unde wart dar ghepyneget, dat he darvan sterff).
- ²⁹ См. об этих событиях: [Никитский; Goetz. S. 114—118; Казакова. С. 107—108].

Н.А. Макаров

Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси^{**}

Аннотация: В статье рассматриваются новые находки крестов с «грубым изображением Распятия», происходящие из центральных районов Ростово-Суздальской земли. Кресты этого типа, первоначальное происхождение которых связано с Дунайской Болгарией, известны как одна из наиболее ранних групп христианской металлопластики, получившая распространение на Руси с конца X в. и занимавшая заметное место в становлении христианской культуры и религиозной практики в XI в. На территории Северо-Восточной Руси известно в настоящее время 13 крестов этого типа, происходящих из 11 пунктов, 5 — из них — новые находки. Симптоматично присутствие крестов с грубым изображением Распятия на больших неукрепленных поселениях, за пределами городов, которые традиционно рассматриваются как основные центры распространения христианства в Северо-Восточной Руси в XI в., противостоявшие языческой «земле».

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, христианизация, христианская металлопластика, кресты-тельники, средневековые селища, производство изделий из цветного металла.

N.A. Makarov

Medieval Christian Metalwork from the Core Areas of North-Eastern Rus': Cross-Pendants of the Earliest period of Conversion

Abstract: The article presents new finds of the cross-pendants with the «primitive» Crucifix from the core areas of medieval Rostov-Suzdal land. Cross-pendants of this type, which took its initial origin in Danubian Bulgaria, are known as one of the earliest groups of Christian metalwork spread in the lands of Rus'. It was introduced to Rus' since the late X-th c. and became a significant element of Christian culture and Christian religious practices in the XI-th c. 13 cross-pendants of this type from 11 find spots are recorded by now at the sites of North-Eastern Rus', 5 of them are the new finds, discovered in the recent years. Distribution of the new finds is of special importance. They originate from the large unfortified dwelling sites of the central part of Rostov-Suzdal land, in contradiction to the established historical concept of the towns of the North-

* Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, директор Института археологии РАН.

Makarov Nikolay Andreevich, D.Sc. (History), Academician of RAS, Director of the Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences.

** Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17—29—04129.

Eastern Rus' as the only centers of Conversion, which didn't penetrate to the rest of the country where paganism dominated in the XI-th c.

Keywords: North-Eastern Rus', Christianization, Christian metalwork, cross-pendants, medieval dwelling sites, non-ferrous metalwork production.

Изучение распространения христианства и становления церковной организации на Руси сегодня невозможно без обращения к христианской металлопластике, собранной на археологических памятниках, без уточнения хронологии и детализации географической картины находок различных типов крестов-тельников, энколпионов, металлических образков и других предметов, характеризующих христианскую культуру и религиозную практику X—XIII вв. Христианская металлопластика — одна из тех категорий средневековых древностей, которая демонстрирует сегодня наиболее заметный количественный рост, подпитываемый как широкими раскопками на археологических памятниках Руси, прежде всего, в городах, так и несанкционированным, грабительским «поиском» копателей. Приток новых находок особенно заметен на территориях, составлявших в домонгольское время центральное ядро Северо-Восточной Руси. Основным источником пополнения собрания христианских древностей здесь стало систематическое обследование средневековых селищ Суздальского Ополя, начатое Суздальской экспедицией Института археологии РАН с 2001 г. Среди новых находок предметы различных хронологических периодов, в том числе и относящиеся к древнейшим группам, появившимся на Руси в X в. и более широко вошедшим в обиход в XI в. В настоящей работе публикуются новые находки крестов с грубым изображением Распятия, происходящие с памятников Суздальского Ополя и Плещеева озера. Как я попытаюсь показать, эта небольшая группа находок небезынтересна для понимания культурной ситуации и распространения христианства на Северо-Востоке Руси в XI в.

Кресты «с грубым изображением Распятия» известны как наиболее выразительный по своим художественным качествам и символическому значению тип христианской металлопластики начальной поры христианизации. К началу 2000-х годов А.Е. Мусиным на территории Руси было зарегистрировано 46 крестов с грубым изображением Распятия из 27 пунктов [Мусин, 2002 С. 152—155], с тех пор число этих предметов заметно увеличилось, прежде всего за счет новых находок с памятников Северо-Западной Руси [Носов, Дорофеева, Смирнов, Хвощинская, Юшкова, 2007, С. 14—16; Носов, Хвощинская, Медведева, 2012. С. 126; Покровская, Степанов, Сингх, 2017. С. 467—469]. Происхождение крестов этого типа, их место в процессе христианизации, истоки их иконографии долгое время оставались предметом дискуссий [Purhonen, 1987; Се-

Рис. 1. Находки крестов с грубым изображением Распятia на территории Северо-Восточной Руси.
 1 — Белоозеро; 2 — Пугино; 3 — Соборная горка (Череповец); 4 — Глинники; 5 — Посады; 6 — Тимерево; 7 — Ростов; 8 — Городище 5 (Слуда 5); 9 — Шекшово 2; 10 — Кибол 5; 11 — Тарбаево 5.

дов, 1988; Седов, 1993; Недошивина, 1990; Staeker, 1999, S. 134—144; Мусин, 2002. С. 152—170]. Одним из главных дискуссионных вопросов при этом было соотношение между крестами с рельефным изображением Распятia, происходящими из Великой Моравии, Нижнего Подунавья, Скандинавии и Руси, определение исходных образцов, послуживших основой для воспроизведения на Руси и в Скандинавии. Сходство между великоморавскими и древнерусскими находками стало основой для признания великоморавских крестов прототипами тельников с изображением Распятia, производившихся на Руси [Седов, 1988, Седов, 1993], однако эта версия вступала в противоречие с датировкой обеих групп, разделенных почти столетним хронологическим разрывом. А.А. Пескова предложила рассматривать в качестве прототипов изображениям Распятia на древнерусских и североевропейских крестах изображения на энколпионах и отливавшихся по их подобию крестах-тельниках, получивших распространение в дунайском регионе в эпоху Первого Бол-

гарского царства [Пескова, 2006. С. 125—131]. Версия о балкано-дунайских истоках иконографии Распятия на древнерусских тельниках сегодня представляется исследователям убедительно аргументированной [Носов, Дорофеева, Хвощинская, Юшкова, 2007. С. 14—16]. После публикации большой серии крестов с изображением Распятия, происходящих с памятников Дунайской Болгарии [Атанасов, 2006. С. 296—300, обр. 92, 98, 99, 100; табл. LXXII, 342, 343, 344, 346, 347, 349; табл. LXXIII, 352, 353, 361; Дончева-Петкова, 2011. С. 459—465, №№1015—1084, табл. CLXXIII—CLXXVIII], в том числе практически аналогичных древнерусским в трактовке деталей изображения Распятия (перевязь, набедренная повязка, увеличенные ладони рук [Атанасов, 2006, табл. LXXII, 347] представляется, что именно эти предметы могли быть непосредственными образцами для древнерусских крестов.

Приведем данные о новых находках крестов с грубым изображением Распятия, полученных в результате обследования и раскопок памятников центральных районов Северо-Восточной Руси. Все они представляют собой фрагменты изделий, в двух случаях это небольшие обломки тельников, однако сохранившиеся части достаточны для типологической атрибуции предметов. Кресты прямоконечные, с несколько расширяющимися к концам ветвями. Все кресты принадлежат ко второму типу, характерными признаками которого является склоненная к правому плечу голова Христа, крестовидная перевязь на груди и руки с большими кистями, на которых видны стигматы [Мусин, 2002. С. 152—156; Пескова, 2006. С. 125].

Селище Тарбаево 5. Суздальский район Владимирской области. Находка происходит из сборов на поверхности селища 2011 г., зафиксирована на участке Г, № 275. Нижняя ветвь и средокрестие креста. Максимальная ширина лопасти — 12 мм, толщина 1,5 мм. На сохранившемся обломке креста нижняя часть выпуклой рельефной фигуры Христа с прямыми ногами, с крестообразной перевязью на груди, нижняя часть фигуры прикрыта колобушом с косо расходящимися книзу концами. Вдоль края двойной гладкий бордюр. Крест изготовлен способом литья по оттиску готового изделия, рельеф сглаженный. Обратная сторона изделия гладкая. Верхняя часть обломка оплавлена, с прикипевшими частицами грунта. Крест найден в центральной части селища, на участке, где отмечена высокая концентрация лепной и круговой керамики и металлических предметов (железные пластины, ножи, пробой, наконечник стрелы). Среди находок, значимых для датирования нарушенных распашкой культурных отложений, железный узколезвийный нож, ключ типа В, шиферное пряслице, стеклянный крученный прозрачный светлосиний браслет. Судя по составу подъемного материала и данным шурфовки, участок был заселен с конца X в. до второй половины XII в.

Рис. 2. Кресты с грубым изображением Распятия.

1, 5 — Шекшово 2; 2 — Кибол 5; 3 — Тарбаево 5; 4 — Городище 5 (Слуда 5); 6 — Ростов; 7 — Новгородское (Рюриково) Городище.

1-6 — тип 2; 7 — тип 1.

Селище Шекшово 2. Гаврилово-Посадский район Ивановской области. находка происходит из раскопа 2011 г. на северной окраине поселения, обнаружена в пахотном слое. Обломок левой боковой ветви креста шириной 13 мм. На сохранившейся части — рельефная выпуклая рука со складками одежды и ладонь с отведенным вверх большим пальцем. Край лопасти оформлен рельефным валиком. Крест изготовлен литьем по резной восковой модели. Обратная сторона изделия гладкая. Затронутый раскопками участок был освоен с XI в. до середины XII в., однако находился вне зоны интенсивной хозяйственной деятельности.

Селище Шекшово 2. Гаврилово-Посадский район Ивановской области. находка происходит из сборов на поверхности селища 2014 г., она обнаружена в центральной его части, на участке Б, № 349. Верхняя ветвь креста с ушком. Максимальная ширина несколько расширяющейся к концу ветви у ушка составляет 11,6 мм, толщина пластины равна 1,5 мм. На сохранившейся части креста видно выпуклое рельефное изображение склоненной набок головы Христа, миндалевидной

формы с длинными усами. Над головой равноконечный крест. Изображение помещено в рельефную гладкую рамку, несколько отступающую (1—2 мм) от края пластины. Крест изготовлен литьем по оттиску готового изделия в горизонтальную форму без крышки. При отливке крест дал усадку по тыльной поверхности изделия. В районе головы, где литейная полость более объемная, усадка самая значительная. На кресте, использовавшемся для оттискивания формы, часть гладкого бордюра справа от головы была утрачена, и на изделии, изготовленном по оттиску, на этом месте образовался прогиб. Рельеф рисунка сглажен, черты лица не видны. Ушко отлито вместе с крестом, отверстие в нем проделано после отливки. Часть ушка обломана. Обратная сторона креста гладкая. Крест найден на участке, где в распаханном культурном слое зафиксировано высокая концентрация средневековых предметов (железные ножи, иглы, обломок топора, удила, бронзовые пластины от котлов). Для датирования культурных отложений существенны находки узколезвийных ножей, ложноплетеной полутрубчатой пронизки с привесками и фрагмента саманидского дирхема 980-х гг. (определение А.А. Гомзина) и преобладание лепной керамики над гончарной. Судя по этим находкам, период наиболее интенсивной жизни на этом участке относится ко второй половине X—XI вв.

Селище Кибол 5. Суздальский район Владимирской области. Находка происходит из раскопок 2017 г. на селище, занимающем центральную часть современного села Кибол. Нижняя и левая боковая ветви креста со средокрестием. Максимальная ширина боковой лопасти — 12,7 мм, нижней — 13,5 мм, толщина изделия — 1,3 мм. На сохранившемся фрагменте часть выпуклой рельефной фигуры Христа с прямыми ногами с развернутыми ступнями и левая рука с непропорционально преувеличенной ладонью со стигматом. На груди крестовидная перевязь, нижняя часть фигуры прикрыта длинным колобиумом со складками, полы которого косо расходятся книзу, короткий рукав колобиума со складками частично прикрывает руку. Крест отлит по резной восковой модели высокого качества, с тонкой резьбой изображения по остывшему воску. Два сквозных отверстия в нижней части нижней ветви (от гвоздиков?), указывают на то, что крест крепился на какую-то основу. Крест обнаружен в перемешанном культурном слое с лепной и круговой керамикой и бытовыми вещами (ножи, шиферное пряслице, фрагменты бронзовых пластин от котлов), основной период формирования этого слоя может быть отнесен к XI—XII вв.

Селище Городище 5 (Слуда 5). Переславский район Ярославской области. Находка происходит из сборов 2016 г. на поверхности селища (№ 19). Нижняя ветвь и средокрестие креста. Максимальная ширина ветви равна 12,4 мм, толщина 1,2 мм. На сохранившемся фрагменте видна

выпуклая рельефная нижняя часть фигуры Христа с прямыми ногами, с перевязью на груди, в длинном колобиуме со складками с расходящимися концами. Рельеф изображения высокий и четкий, хорошо просматриваются складки перевязи колобиума (набедренной повязки?). Вдоль края креста гладкий двойной выпуклый бордюр. Крест изготовлен литьем по резной восковой модели высокого качества. На вертикальной складке одежды заметен литейный дефект. Тыльная сторона изделия гладкая. Крест найден в северной части поселения на участке, где собран обычный набор находок, включающий бытовые вещи и детали костюма X — первой половины XII вв. (железный узколезвийный нож, фрагмент бронзового поясного кольца, бронзовая лировидная поясная пряжка).

По наблюдениям И.Е. Зайцевой^{**}, рассмотренные кресты с Распятием различаются по качеству изготовления. Кресты с селищ Кибол 5 и Городище 5 и один из фрагментов из Шекшово 2 отлиты по резным восковым моделям, изображения, полученные в этой технике, имеют высокорельефный и четкий рисунок. Остальные кресты отлиты по оттиску готовых изделий, толщина пластины у них больше, рисунок сглажен, детали не видны. Рентгено-флюоресцентный анализ (РФА) состава металла крестов на установках фирмы Bruker показал, что все они отлиты из многокомпонентной бронзы. Это перемешанный сплав, характерный для XI в. Медь легирована свинцом (8,5—20%), цинком (2—6%) и оловом. В крестах, происходящих с памятников Ополя, содержание олова небольшое — 1—3,5%, в кресте с селища Городище 5 олово составляет 16,5%.

Новые находки происходят с четырех селищ с культурным слоем X—XI вв., относящихся к особой категории памятников, для обозначения которых было предложено использовать термин «большие поселения». В эту группу включены неукрепленные поселения больших размеров (площадь более 4 га) со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей и престижных вещей, и многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям. В настоящее время в Волго-Окском междуречье документировано 12 поселенческих комплексов, обладающих набором признаков, достаточным для обоснования принадлежности их к группе «больших поселений». Поселения этого типа составляли основные узлы сети расселения X—XI вв. в Суздальском Ополе. В самом Суздале, на территории Кремля и Окольного города, находки крестов с грубым изображением Распятия пока неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что

* Автор признателен к.и.н. И.Е. Зайцевой за изучение технологии изготовления крестов и состава металла.

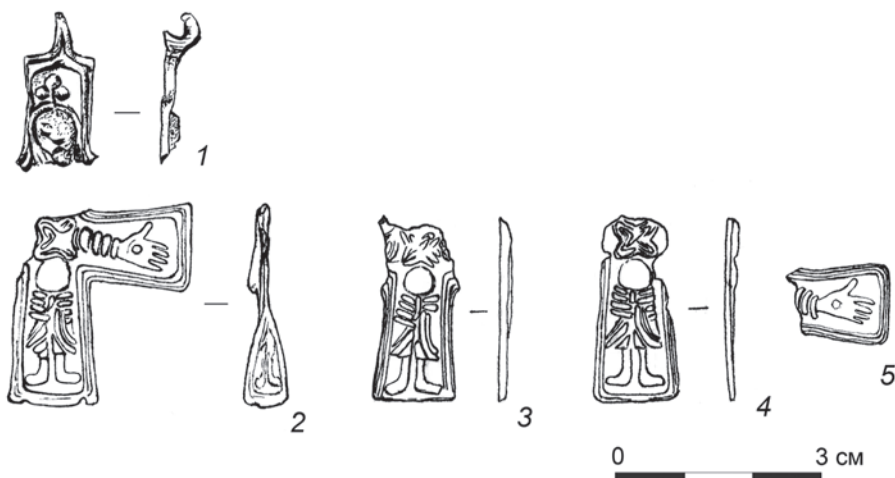

Рис. 3. Кресты с грубым изображением Распятия из Суздальского Ополя и округи Переславля-Залесского.

1, 5 — Шекшово 2; 2 — Кибол 5; 3 — Тарбаево 5; 4 — Городище 5 (Слуда 5)

культурные напластования X—XI вв. в Суздале в последние годы мало затрагивались раскопками, а методики полевых работ 1970—1980-х гг. не могли обеспечить полный сбор в раскопах мелких предметов из металла.

Все новые находки происходят из перемешанных культурных напластований, контекст находок не дает оснований для их узкого датирования. Тем не менее для хронологического определения этих предметов существенна связь их с участками, заселенными с X в. (Шекшово 2, Тарбаево 5, Городище 5) или с рубежа X—XI вв. (Шекшово 2, Кибол 5), на которых керамика и вещевой материал второй половины X—XI вв. или XI — начала XII вв. преобладают. По-видимому, эти кресты находились в обиходе в XI в., для креста с селища Городище 5 возможна и более ранняя дата.

А.Е. Мусиным в 2002 г. на территории Северо-Восточной Руси было учтено 5 находок крестов с грубым изображением Распятия из 5-и пунктов (Пугино, Череповец (Соборная горка), Глинники, Посады, Тимерево) [Мусин, 2002. С. 152—156]. Этот список должен быть дополнен находками из Белоозера [Захаров, 2004. С. 166, рис. 43, 1] и Ростова Великого (2 экз.) [Самойлович, 2007. С. 9—10, рис. 11, 9; Леонтьев, 2015. С. 48—49, рис. 1, 1, 2], полученными в результате полевых работ 1990 — начала 2000-х гг. Находки из Суздальского Ополя и окрестностей Переславля, таким образом, существенно дополняют географическую картину распространения подобных крестов на территории Северо-Восточной Руси, документируя их присутствие в самом центре Северо-Суздальской земли. Общее количество находок, происходящих из

северо-восточных земель (13 экз. из 11 пунктов), по-прежнему остается более скромным, чем на Северо-Западе, однако вполне достаточным, чтобы признать что кресты с грубым изображением Распятия получили здесь достаточно широкое бытование, как на периферии (на р. Суде, Шексне и Верхней Волге) так и на поселениях, находящихся на территории центрального ядра Северо-Восточной Руси (Ростов, Тимерево, Шекшово 2, Кибол 5, Тарбаево 5, Городище 5). Находки крестов с грубым изображением Распятия в Ростове в стратифицированных культурных слоях третьей четверти XI в. и середины — второй половины XI в. [Леонтьев, 2015. С. 48] хорошо согласуются с датировкой крестов из Новгорода, в том числе с датировкой последних экземпляров, происходящих с Троицкого раскопа (первая половина XI в., вторая половина XI в.) [Покровская, Степанов, Сингх, 2017. С. 468]. Кресты из Ростова важны для определения хронологических позиций остальных крестов с грубым изображением Распятия на территории Северо-Восточной Руси, найденных вне закрытых комплексах, в напластованиях, не имеющих четкого стратиграфического членения.

Симптоматично присутствие крестов с грубым изображением Распятия на «больших поселениях», за пределами городов, которые традиционно рассматриваются как основные (если не единственные) центры распространения христианства в Северо-Восточной Руси в конце X—XI вв., противостоявшие языческой «земле». Комментируя этот факт, следует отметить, что среди христианской металлопластики, собранной на селищах Суздальского Ополя, широко представлены и другие типы крестов-тельников, которые могут быть датированы XI в. (в том числе кресты «скандинавского типа» и плоские кресты с криновидными концами), однако аргументированное выделение этих находок из общей массы требует специального исследования. Очевидно, что «большие поселения» центра Ростова-Суздальской земли были в XI в. важными центрами распространения христианской культуры и местами производства христианской металлопластики, что не исключает вовлеченности их обитателей в выступления против княжеской администрации и церкви, инициированные волхвами и имевшими языческую религиозную окраску.

Было бы большим упрощением рассматривать находки предметов христианской металлопластики, как и недавние находки парадного оружия с христианской символикой [Макаров, Зайцева, Красникова, 2013] на поселениях и могильниках конца X—XI вв. в Суздальском Ополе, как основание для отказа от укорененной в историографии оценки Северо-Восточной Руси XI в. как территории с глубокими и стойкими языческими традициями, где первые попытки христианизации встретили серьезное сопротивление. летописные сообщения о волнениях 1024 г. и 1070-х гг., происходивших под предводительством волхвов, и агиографические памятни-

ки, рассказывающие о святительской миссии епископа Леонтия в Ростове [Воронин, 1955; Семенченко, 1989] известны историкам как наиболее яркие свидетельства острых конфликтов, сопровождавших распространение христианства на Руси в XI в. Тем не менее, документированное археологией присутствие предметов христианского культа XI в. на памятниках центра Ростово-Суздальской земли существенно меняет наше видение соотношения христианских и языческих элементов в культуре и обществе. Оно хорошо согласуется с реконструированной А.В. Назаренко ранней историей Ростовской епархии. В этой убедительной реконструкции первоначальное учреждение епископской кафедры в Ростове отнесено к 1046 г. или несколько более позднему времени, вместе с установлением Переяславской, Владимиро-Волынской и Туровской епископий, а восстановление епархии — ко времени около 1075 г. Двадцатилетний перерыв, в течение которого Ростовская епископская кафедра оставалась не занятой, а церковное управления северо-восточными русскими землями осуществлялось из Переяславля Южного, завершившийся хиротонией епископа Леонтия около 1075 г., объясняется в этом случае не сопротивлением язычников, вынудивших епископов покинуть ростово-суздальские земли, а перераспределением волостей между Ярославичами, имевшим своим следствием изменение структуры церковного управления [Назаренко, 2009. С. 172—206].

Новые находки еще раз иллюстрируют высокое сходство между собой основной массы найденных на территории Руси крестов с грубым изображением Распятия — крестов со склоненной к правому плечу головой Христа, выделенных А.Е. Мусиным во второй тип. Они представляют собой стандартизированные изделия, что отличает древнерусские образцы от крестов этого типа, найденных на памятниках Дунайской Болгарии, демонстрирующих значительное разнообразие вариантов [Дончева-Петкова, 2011. С. 459—465, №№ 1015—1084, табл. CLXXIII—CLXXVIII]. Возможно, дальнейшее накопление материала со временем позволит более детально исследовать преемственность между болгарскими и древнерусскими крестами с грубым изображением Распятия, идентифицировать предметы, которые могли быть конкретным связующим звеном между теми и другими, и аргументированно локализовать первоначальные центры производства и распространения крестов этого типа на Руси.

Литература

- Атанасов Г. Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието IV—XIV в. История, археология, култура и изкуство. Варна, 2006.
- Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. 1962. Т. 21.

- Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-энколпиони от България (IX—XIV в.). Академично издателство «Проф. Марин Дринов». София, 2011. 734 с.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Леонтьев А.Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси Средневековой Руси // Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., 2015. С. 45—52.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 435—444.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X—XI вв. // КСИА. Вып. 238. 2015. С. 115—131.
- Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. 514 с.
- Недошивина Н.Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. М., 1990. (Труды ГИМ. Вып. 74). С. 102—106.
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвоцинская Н.В., Юшкова М.А. Раскопки на Городищенском холме // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Новгород, 2007. С. 13—24.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведева М.В. Новгородская Русь. Рождение державы. СПб., 2012. 223 с.
- Пескова А.А. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб.: «Петербургское востоковедение». 2006. С. 121—162.
- Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI — начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Под. ред. А.Е. Мусина и О.А. Щегловой. СПб., 2017. С. 467—473.
- Purhonen P. Cross-pendants from Iron-Age Finland // Byzantium and the North. Acta byzantine fennica. 1987. Vol. 3. P. 33—57.
- Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. 1993. Вып. 208.
- Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОРДЛ. 1989. Т. 42.
- Staecker Jörn. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kreuzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden // Lunds Studies in Medieval Archaeology. V. 23. Stockholm, 1999. 621 s.

В.И. Матузова*

Литература Тевтонского ордена в Пруссии: поэтические парафразы книг Библии (конец XIII — XIV вв.)

Аннотация: Статья посвящена поэтическим парафразам книг Библии в Тевтонском ордене в XIII—XIV вв. Эти книги, переведенные на народный язык, приспособлялись к стоявшим перед орденом задачам воспитания и образования орденой братии. В таком виде они стали частью орденой идеологии, выполняя также роль апологии Тевтонского ордена, и выражением его идентичности. *Ключевые слова:* Тевтонский орден, литература, Библия, парафраз, идеология, апология, идентичность.

V.I. Matuzova

The Literature of the Teutonic Order in Prussia: The Poetical Paraphrases of the Old Testament (the end of the 13th — 14th cent.)

Abstract: The article discusses the poetical paraphrases of the Bible in the Teutonic Order (13th — 14th cent.). These books, translated into the medieval German, were transformed in line with the tasks of the Order in the sphere of the education of its knights. As such they became part of the ideology of the Order, being its apology and expressing its identity.

Keywords: the Teutonic Order, the Bible, literature, paraphrase, ideology, apology, identity.

В конце XIII — первой трети XIV вв. в Тевтонском ордене появились литературные сочинения. Новейшие исследования литературы и библиотек Тевтонского ордена в период Средневековья показывают, что «жанры» создаваемой или признаваемой в ордене литературы были довольно разнообразны: поэтические парафразы Священного Писания, героический эпос, агиографические сочинения, нравоучительные примеры (Märe), и даже куртуазный роман. Кроме того, в каждом монастыре имелись литургические книги, копии Статутов и исторические хроники.¹

Среди духовно-рыцарских орденов, возникших во время крестовых походов в Святую Землю, поэзия получила особое развитие в Тевтон-

* Матузова Вера Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Matuzova Vera Ivanovna, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

ском ордене. В XIV веке в ордене творили свои поэты: Николай фон Ерошин (известный поэтическим переводом «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга на народный язык)², автор поэтического парафраза «Апокалипсиса» Генрих фон Геслер³, Тило Кульмский, написавший поэму «О семи печатях»⁴, автор поэмы «Мартина» Гуго фон Лангенштейн⁵. До них орденские сочинения были анонимными.

Поэтические памятники Тевтонского ордена появляются преимущественно в Пруссии в конце XIII—XIV вв., уже после подавления нескольких прусских восстаний и завоевания прусских земель. Была заложена территориальная основа государства Тевтонского ордена в Пруссии и, вероятно, создались условия для обращения к творчеству. В тот же период на духовно-рыцарские ордены обрушилась критика со стороны Церкви, обвинявшая их в территориальных захватах, пагубном соперничестве и в обмирщении. Обвинения, предъявленные ордену тамплиеров на Лионском соборе 1274 года, в начале XIV века привели его к страшному концу. Во избежание подобной судьбы руководство Тевтонского ордена нашло действенное средство: слово. Для укрепления дисциплины были внесены некоторые изменения в орденские Статуты. Появились переводы литургических текстов на народный язык, чтобы сделать их понятными рыцарям, не знавшим латыни. Петр из Дусбурга написал «Хронику земли Прусской», по сути апологию Тевтонского ордена. Литература ордена, одна из составляющих его идеологии, обрела дидактическую функцию, сохранив при этом и функцию самовыражения. В ней различались (и традиционно различаются) три сферы: поэтические парафразы Библии, агиография, хроники. [Fischer M. 2001. P. 264].

Данная статья посвящена поэтическим парафразам библейских книг анонимных авторов. Эти рифмованные переложения на народном (немецком) языке книг Священного Писания, как и некоторые другие, предназначались, по орденскому обычаю, для так называемых «застольных» чтений (дабы приобщить к ним неграмотных членов ордена): специально назначенные для этого капелланы вслух читали фрагменты текстов для собравшихся в трапезной братьев-рыцарей. Как говорилось в Статутах [Die Statuten. 1890. P. 41. Regel 13], надо было чтобы «не только их уста [насыщались], но и уши впитывали слово Божье» (“ne sole eis fauces, sed et aures esurient Dei verbum”).

В «Хронике земли Прусской» Петр из Дусбурга вложил в слова Девы Марии («Опечалило меня то, что любезные дети мои, твои братья дома Тевтонского некогда говорили в проповедях своих только о Сыне моем и обо мне и о деяниях святых; ныне они говорят только о деяниях королей и правителей и мирской тщете, так что они почти никогда не читают о Сыне моем и обо мне и о жизни святых») [Петр из Дусбурга. 1997. III. 81] критику Тевтонского ордена; ведь библейские и агиогра-

фические сочинения были важны как средство воспитания рыцарей. По страницам «Хроники» рассыпаны десятки библейских цитат, что дает довольно верное представление о том, какие книги Ветхого Завета были особенно востребованы в Тевтонском ордене в Пруссии.

В поэтическом переложении известны следующие книги Ветхого Завета: «Книга Даниила», «Книга Иудифь», «Книга Есфирь», «Книга Ездры», «Книга Неемии», «Маккавейские книги», «Книга Иова», «Апокалипсис». Их источник — латинская Vulgata. Эти книги появились в ордене преимущественно в XIV веке, при верховных магистрах Лютере Брауншвейгском (1331—1335 гг.), известном своей любовью к поэзии и склонностью к поэтическому творчеству, и Дитрихе фон Альтенбурге (1335—1341 гг.). Почти все парафразы полностью или частично относятся к апокрифам (в современной исторической науке говорится даже о «волне апокрифов Ветхого и Нового Заветов» в XIII веке — “la vogue des Apocryphes de l’Ancien et de Nouveau testament observée au XIIIe siècle” [Lesaffre M. 1999. P. 11]).

Принадлежность этих сочинений ордену определяется рядом деталей: сохранность сочинения в орденской рукописи или в своде, содержащем другие орденские сочинения; упоминание сочинения в реестрах орденских библиотек; лексика, характерная и для других орденских сочинений; ссылки в тексте на другие сочинения ордена (и на орденские реалии); библейская тематика, а также особенности композиции, раскрывающие поставленную перед автором дидактическую задачу.

Согласно Иоанну Кассиану Римлянину, впервые сформулировавшему герменевтическое учение (14-е «Собеседование (Collatio) египетских отцов»), Священное Писание имеет четыре смысловых уровня: буквальный (или исторический), аллегорический (иносказательный смысл), тропологический (нравоучительный, или дидактический, смысл), анагогический (эсхатологический смысл). В библейских парафразах присутствует главным образом тропологический смысл, в остальном орденские поэты редко выходят за рамки аллегорического смысла.⁶

В немецкой филологии памятники литературы Тевтонского ордена уже не менее двух столетий являются объектами научного исследования. Все они известны в научных изданиях, увидевших свет в начале XX века, вслед за ними появилось и немало научных работ, в большинстве своем носивших обзорный характер. Лишь к концу XX века стали выходить исследования, посвященные отдельным литературным памятникам (или группам памятников) ордена. Интересна упомянутая выше работа французской исследовательницы М. Лезаффра о поэтических парафразах Ветхого Завета в Тевтонском ордене в средние века.

К наиболее ранним поэтическим библейским парафразам относятся «Книга Иудифь» и «Книга Есфирь». Их героини отвечали идеалу крестоносцев и служили для них нравственным примером.

«Книга Иудифь» — одна из самых известных библейских историй, скорее всего основанная на достоверном историческом событии. Молодая вдова Иудифь из иудейского города Ветилуя после смерти мужа, облачившись в глубокий траур, предавалась молитвам и умерщвлению плоти. Когда войско царя Навуходоносора под командованием Олоферна вторглось в Ханаан и осадило город, то чтобы спасти своих сограждан, Иудифь со служанкой отправилась в лагерь неприятеля, где за несколько дней вошла в доверие к Олоферну и после пира осталась с ним наедине. Когда охмелевший Олоферн уснул, она отрубила ему голову его же собственным мечом и, вернувшись в родной город, показала всем голову врага. Своим подвигом Иудифь снискала уважение соотечественников. Книга Иудифь относится к назидательным книгам Библии, свидетельствуя о том, что Бог освободил свой народ благодаря благочестию, мужеству и стойкости простой женщины.

Исходя из отрывочных сведений, содержащихся в парафразе⁷, его автор (вероятно, рыцарь Тевтонского ордена и, судя по языку, выходец из Тюрингии) был молод (это его первое и, возможно, единственное сочинение), не обладал богословскими знаниями и не вкладывал в историю Иудифи глубокий дидактический смысл; Г. де Боор писал, что в «Книге Иудифь» есть «нечто от героического эпоса» (“etwa von einen heroischen Liedstoff”). [De Boor H. 1973. S. 490]. М. Лезаффе сравнивает Иудифь с героиней «Песни о Нибелунгах» Кримгильдой [Lesaffre M. 1999. P. 50]. Парафраз «Книги Иудифь», сохранившийся в орденском Мергентхаймском своде, относится к старейшим поэтическим памятникам Тевтонского ордена, и все же точная датировка отсутствует (обычно называют 1254 год), а его принадлежность ордену долго вызывала сомнения и дискуссии. Так, немецкие литературоведы К. Хельм и В. Циземер считали парафраз выполненным в духе литературной традиции Тевтонского ордена (Helm K., Ziesemer W. 1951. S. 72), тогда как Г. де Боор делал вывод, что поэму в Тевтонском ордене просто читали (Boor de H. 1973. S. 490). В настоящее время отдельные ученые считают, что «Книга Иудифь» появилась на раннем этапе становления литературы Тевтонского ордена. Однако споры не утихают, и время появления текста согласно более или менее убедительным доказательствам растянулось с середины XIII до середины XIV веков.

Как бы то ни было, «Книга Иудифь» хранилась во многих орденских библиотеках и, даже если не была создана в самом Тевтонском ордене, все же своим содержанием идеально отвечала задаче воспитания орденских рыцарей [Fischer M. 2001. P. 266] и находила благожелательный отклик в орденской среде. Лексика текста полнится такими словами, как «рыцари» (rittern), «рыцарство» (ritterschaft), «стрелки» (schutzen). Положение «детей Израиля», осажденных войском Олоферна, представляет собою явную аналогию положению тевтонских крестоносцев

в языческом окружении, тогда как ассирийский царь Навуходоносор превращается в аллегория дьявола (“Nabuchodonosor der tuvel ist...”, v. 2550) — того зла, против которого направлено оружие тевтонских рыцарей. Иудифь, никогда не забывающая о молитве, выступает орудием Бога в борьбе с неприятелем благодаря своей чистоте и благочестию⁸. Вероятно, в образе Иудифи тевтонские рыцари-монахи узнавали (или хотели видеть) себя, ожидая, что Бог поможет и им одолеть врагов оружием веры; к тому же пример Иудифи позволял им оправдать насильственные действия против язычников, «обращаемых в истинную веру», — ведь, будучи крестоносцами, они отстаивали ее с оружием в руках, а парафраз «Книги Иудифь» внушал рыцарям, что они ведут «духовную» войну.

Согласно «**Книге Есфирь**», иудейка Есфирь стала женой персидского царя Артаксеркса, заняв место изгнанной им первой жены, царицы Астинь, но скрыв свое происхождение. Ее двоюродный брат Мардохей, влиятельный слуга царя, узнав о заговоре против правителя, сообщил об этом Есфири, и она предупредила мужа о грозившей ему опасности. Первый царский министр Аман, завидуя Мардохею, задумал его уничтожить и склонил Артаксеркса подписать указ об истреблении всех живших в Персии иудеев. Но царь, памятуя о том, что своею жизнью обязан Мардохею, вознаградил его. Тогда Есфирь призналась царю, что она иудейка и родственница Мардохея, и вступилась за своих единоверцев, прося царя отменить подготовленный Аманом указ. Царь расправился с Аманом, а Мардохей стал первым министром при царском дворе. В память о спасении иудеев был введен ежегодный праздник пурим («праздник судьбы»), поскольку тогда решилась судьба иудейского народа.

В этом рассказе присутствует лишь один исторический персонаж — царь Артаксеркс, а все остальные персонажи и события вымышлены. Поэтому интересен не исторический, а дидактический аспект данной книги: Бог отмщает замышляющим против его народа, и возвышает своих избранных. Функционально образ Есфирь напоминает образ Иудифь: Бог Израиля спасает свой народ благодаря заступничеству благочестивой женщины.

Стихотворный парафраз «Книги Есфирь»⁹ на немецком языке имеется только в Тевтонском ордене. Сохранились две ее рукописи: 1) Берлин. Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz. Ms. Germ. Oct. 56; 2) список Мергентхейм-Штутгарт, НВ XIII 11¹⁰. Язык поэмы характерен для Тюрингии и Верхней Саксонии (не для Пруссии). Автор был, вероятно, священником Тевтонского ордена и хорошо разбирался в богословии и в богословских дискуссиях того времени. Согласно последним исследованиям, время возникновения парафраза — 1253/54 — 1260 годы.

В открывающей поэму молитве Христу автор говорит, что собирается переложить «Книгу Есфирь» на немецкий язык (Hester daz buch tichten, / in dutsch durch gut berichten”, vv. 35—36), чтобы ее могли понять не

знающие латыни (“...uns, die die schrift vernemen, / nicht ensal wider zemen, / ob ouch ander lute / geschriben haben zu dute / [den] die des latines nicht verstan”, vv. 37—41), и причисляет себя к тем, кто уже излагал книги Священного Писания на народном языке.

Значительное место занимают в книге молитвы Мардохея (vv. 943—1016) и самой Есфири (vv. 1042—1134). Благочестие обоих подчеркивают эпитеты «добрый» (“gut”), «чистый» (rein): Mardocheus der gute man (v. 927), Mardocheus der gute (v. 937), Hester die gute vrowe (v. 1023), Hester die vrowe reine (v. 1154). Мардохей, пребывая среди язычников, просит мудрого совета у Бога (“...die sin wiser rat uz schiet / von aller heideschaft vil gar”, vv. 998—999), кается в грехах (“wir han gesundet, daz ist war”, v. 1000) и молит Бога о помощи (“wil uns din truwe helfe geben”, v. 1003). Покаяние присутствует и в молитве Есфири (“nu sie wir zu sunden kumen / leider durch des tuvels spot / wand wir die valschen abgot / geeret han und an gebeten”, vv. 1060—1063), и она просит помощи у Бога (“mir ist nieman helflich / zu dirre sache ane dich. / du macht helfen aller meist”, vv. 1103—1105). Ее молитва во многом созвучна текстам немецких женщин-мистиков XIII века: «Ты моя радость, Господи» (“du bist min vreude, herre got”, v. 1127), «лишь ты можешь утолить мою печаль и обратиться к радости» (“...du alleine der bist / der min leit mac wol enden / und zu vreuden wenden”, vv. 1132—1134).

Эпилог поэмы — вознесение хвалы Есфири, которая словно бы превращается в прообраз Девы Марии: “...unse hester anschrien, / ich meine di lieben marien, / daz sie den kunic assuerum, / den edelen iesum christum, / vor uns getruwelichen bite / daz uns sine helfe wone mite”, vv. 1951—1956). Образы Есфири и Девы Марии переплетаются, хотя, несомненно, такие формулировки, как «мать всей правды» (“muter aller truwe”, v. 1971) и не раз повторяемые «мать милосердия» (“muter der barmherzekeit”, vv. 1974, 2003, 2009) и «заступница» (“ein vorsprecherinne”, v. 1998) относятся именно к Деве Марии. И вновь лексика напоминает тексты мистиков: minne (любовь), minnecliche (любимый). И, разумеется, к Деве Марии обращается автор как к «невесте Господа»: “du minnecliche gotes brut”, v. 1992.

Современный немецкий исследователь М. Калибе справедливо усматривает типологическое соответствие между образами Есфири и Артаксеркса и Девой Марией и Иисусом. Есфирь, заступница Мардохея перед царем Артаксерксом, становится прообразом Девы Марии, заступницы христиан, в данном случае — рыцарей Тевтонского ордена, перед Христом. [Hester. 1985. S. 268—269. См. также: Caliebe M. 2000. S. 472]. Эпилог «Книги Есфирь» вписывается в традицию назидательной и гомилитической литературы. Благоговейное отношение к Есфири (unse Hester) напоминает, с каким пиететом относились рыцари ордена к Деве Марии, молитвой к которой вполне естественно завершается немецкий парафраз. В ней звучит просьба автора вечно молиться за сво-

их собратьев: “vrowe, durch dine groze mildekeit / tu so wol und verebene uns / in die vruntschaft dines suns / mit diner bete, also daz wir / mit allen heiligen bi dir / nach sinem willen in loben da / per infinita secula. / AMEN.”

Выбор для парафраза «Книги Есфирь» продиктован тем, что положение пленных иудеев в Персии царя Артаксеркса видится аналогией положению рыцарей Тевтонского ордена в языческом окружении. Крестоносцы тоже нуждаются в заступничестве перед Богом. Отсюда — интерес к этому библейскому повествованию, его появление на немецком языке и включение в состав Мергентхаймского свода. Типология образов в эпилоге соответствует христианской традиции. Автор старательно сохраняет назидательное звучание парафраза.

Книги «Иудифь» и «Есфирь» более столетия сохраняли свою актуальность в Тевтонском ордене и даже были переработаны в прозе («Иудифь» Клаусом Кранком в 1359 г., «Есфирь» Йоргом Штулером в 1479 г.) [Eis G. 1958. Bd. I. S. 247].

Особое место в литературе Тевтонского ордена занимают **«Книги Маккавейские»**¹¹. Они признаны апокрифами и трактуют одну и ту же тему. В созданном в ордене первом из двух парафразов повествуется о том, как Антиох IV Епифан, потомок Александра Македонского, насаждает в Палестине эллинизм и запрещает иудаизм. Священник Маттафия не желает отречься от своей веры, а его дети, Иуда Маккавей с братьями Ионафаном и Симоном, ведут войну с Лисием. Они очищают оскверненный Антиохом храм. После гибели Иуды его преемником становится Ионафан, но он попадает в плен, где его казнят. Симон приходит ему на смену и укрепляет города Иудеи, а после его гибели вождем становится его сын Иоанн Гиркан. Создание стихотворного парафраза относится ко второму десятилетию XIV века [Das Buch der Maccabäer. 1904. S. XC].

Второй парафраз «Книг Маккавейских» не продолжает первый, но излагает те же события, начиная с прихода Антиоха IV Епифана и заканчивая гибелью Иуды Маккавея. Автор подает его как краткое изложение более древней книги. Он предлагает свое понимание истории, каждое событие которой обусловлено волей Божьей: Бог карает врагов Израиля и дарует победы Маккавеям, которые, несмотря ни на что, не отступают от своей веры и не сворачивают с праведного пути.

Свидетельством живого интереса к «Книгам Маккавейским» в Тевтонском ордене служит то, что единственная версия их сохранилась именно в уже упомянутой орденской рукописи (НВ XIII 11). Маккавейев считали ранними христианами, а «Книги Маккавейские» привлекли к себе внимание в конце XII века, на волне 3-го крестового похода, поскольку в них содержался образец рыцарства, рыцаря-крестоносца (miles Dei), слуги Божьего. В немецком парафразе Иуда Маккавей — «вождь рыцарства» (“vurste... der ritterschaft”, v. 1997), сражающийся с

язычниками (die heiden). Библейский сюжет вполне вписывается в мир реалий немецкого крестоносца. В одной булле от 1221 года папа Гонорий III назвал тевтонских рыцарей «новыми Маккавеями» (novi sub tempore gratiae Machabei) [Tabulae. 1867. P. 290]. Маккавеи стали прообразом Тевтонского ордена в Пруссии с той лишь разницей, что немецкие крестоносцы не только защищали свою веру, но обращали в нее прусские племена, выступая при этом словно бы наследниками маккавейских войн.

Для рыцарей Тевтонского ордена «Книги Маккавейские» были апологией войны, которую вели «слуги Божьи» в Пруссии, вкладывая в них всю свою веру и уповая на Бога, который непременно вознаградит их по смерти за мученичество. Цитатами из «Книг Маккавейских» полнится хроника Петра из Дусбурга. Здесь и призыв: «отмщайте за обиды народа вашего и воздайте воздаяние язычникам» [Петр из Дусбурга. II. 6], и отчаяние: «Горе нам! Для чего родились мы видеть разорение народа нашего и разорение земли нашей и оставаться здесь, когда она предана в руки врагов? Убиты старики его, юноши его пали от меча врага. Та, что раньше была свободной, сделалась рабой. Вот святыни наши, и благолепие наше, и слава наша опустели, и язычники осквернили их. Для чего нам еще жить?» И они разодрали одежды свои, и облеклись во вретища, и с ними весь присутствовавший народ, исполненный великим страхом, горько плакал» [Там же. III. 40], и утешение: «Тех, кому случится читать эту книгу, прошу не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего. [...] Он [Господь] никогда не удаляет от нас Своей милости и, наказывая несчастиями, не оставляет Своего народа» [Там же. III. 172]. Не удивительно, что «Книги Маккавейские» были выбраны для перевода на народный язык, представляя собою библейскую модель для тех глав хроники, в которых закладывались исторические и богословские основы завоевания Пруссии [Fischer M. 2001. P. 270].

События библейской «**Книги Даниила**» относятся ко времени пленения иудеев в Вавилоне. Из всех пленников Даниил и три его близких друга (отрока) были выбраны для изучения истории и обычаев Вавилонии, а также астрологии и искусства толкования снов. По окончании обучения они предстали перед царем Навуходоносором. Царь оставил их при себе, поскольку «находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его» (Дан. 1: 20). Случилось так, что ни один царский мудрец не смог истолковать сон Навуходоносора, кроме Даниила, а ему смысл этого сна открыл сам Господь. Узнав об этом, царь признает: «истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны...» (Дан. 2: 47). Потом Навуходоносор поставил для всеобщего поклонения золотой истукан, но Даниил и его друзья отказались поклоняться ему. Тогда троих друзей Даниила бросили в раскаленную печь, но они вышли из нее невредимыми: их спас Всевышний. Истолковывает Даниил и сон царя о древе

как иносказание судьбы Навуходоносора, который будет унижен до тех пор, пока не уверует в Господа. При царе Валтасаре Даниилу было видение о четырех царствах земных и о конце света (в духе Откровения святого Иоанна), о чем он поведал царю. При царе Дарии завистливые чиновники составили заговор против Даниила, и его бросили в ров со львами, но и оттуда благочестивый Даниил вышел живым. В версии «Книги Даниила», бытовавшей в Тевтонском ордене,¹² имелись дополнения: отроки, брошенные в раскаленную печь, пели псалмы, вознося благодарность Господу; в нее входил и рассказ о Сусанне и старцах, а также о разоблачении Даниилом продажных священников и о его победе над Драконом.

Вероятно, «Книге Даниила» суждено было стать одной из главных среди поэтических парафразов, поскольку обстоятельства, в которые был поставлен пророк, во многом напоминали обстоятельства жизни немецких крестоносцев в Пруссии. Даниил пребывал в языческом окружении, но надеялся на свое освобождение не силой оружия, а силой молитвы и покаяния, обращенных к Богу, — именно о таком «духовном» оружии писал и Петр из Дусбурга.

Автор парафраза, по традиции Тевтонского ордена сохранив анонимность, оставил в то же время несколько оговорок, из которых следует, что он был одним из орденских священников (как о том свидетельствует множество цитат из Священного Писания (среди них: Книги Царств, Книги Маккавейские, Апокалипсис, Псалтирь) и церковных авторов (Беда, Петр Коместор, Иаков Ворагинский и др.)). Приступив к переложению «Книги Даниила» на немецкий язык, он был уже не молод, а эта книга была, по-видимому, его первым и единственным сочинением.

В своем парафразе автор значительно сокращает библейский текст, опуская существующие в Библии повторы, а также непонятные слушателям имена (в частности, имя Навуходоносор, которое встречается крайне редко, вероятно, не вписываясь в ритмический рисунок парафраза) и те слова, смысл которых был бы непонятен тевтонским рыцарям. Или, напротив, он вводит пространные глоссы, представляющие интерес для рыцарей ордена. Привлекает внимание глосса к третьей главе книги, содержащая аллегорию растений. В ней автор на примере пятнадцати растений раскрывает свое понимание структуры современного ему общества. Он делает это в духе Адальберона Ланского, различавшего в средневековом обществе три сословия: молящихся (*oratores*), воюющих (*bellatores*), трудящихся (*laboratores*). (Впрочем, источник этой части «Книги Даниила» не установлен). Согласно его иерархии, светские князья возвышаются над церковными, а рыцари — над монахами и священнослужителями (vv. 1796—1804): император (*Keiser*) главенствует, Папа Римский (*pabist*) занимает место после него, что не удивительно: ведь социальная ориентация автора поэмы, его интерес к социальным и политическим реалиям своего времени отражают обще-

ственно-политическую направленность Тевтонского ордена, прежде всего — *рыцарского* ордена, со временем ставшего орденом немецкой знати.

Как памятник средневековой литературы, «Книга Даниила» заслуживает всестороннего анализа, но в рамках данной статьи ограничимся тем, что делает ее именно памятником литературы Тевтонского ордена. Ведь уже в начальных стихах своего переложения автор упоминает и Пруссию (Pruzen lande — v. 35), и тевтонских рыцарей, которым посвящает свой парафраз (Von deme dutsche huse / Nennet man sie eigentlich. — vv. 46—47).

Книга изначально предназначалась для застольных чтений. Об этом свидетельствуют и открывающее ее обращение к слушателям (“Hu hebe an unde lis! / Dis buch heyset Danielis”), и временами концовки наподобие этой: Alle sprichet amen / Umme des geistes namen! — vv. 103—104). Автор неоднократно обращается к покровительнице Тевтонского ордена Деве Марии не только с просьбой о помощи в написании книги (Des textis uzlegere, / Der glosen meisterere, vv. 95—96), но и о помощи во всех делах (...laz uns hie schowen / Din hulf in allen dingen, / So mac uns wol gelingen, vv. 100—102), или с молитвой о спасении души: Maria die reine meit / Helfe uns allen gliche / Vrolich in Gotis riche, / Swen uns daz leben entgat.

Считается, что парафраз «Книги Даниила» был написан уже после завоевания Пруссии и крещения местного населения. Теперь, когда орден стал хозяином Пруссии и Ливонии, ему предстояло воевать не столько с подвластным населением, сколько с теми, кто мог бы покушаться на его владения.

В парафразе преобладает дидактика. В нем практически ничего не говорится о необходимости ведения войны, вооруженного насилия, пусть даже это священная война. Насилие творят язычники, окружающие Даниила, который являет пример братьям ордена в том, что непоколебимо верит в Бога и сражается не «плотским», а «духовным» оружием: молитвой, постом, смирением. Автор призывает не к воинскому пылу братьев-рыцарей, а стремится воспитать их как ревнителей веры, обязанных обратиться к благочестию.

В библейских книгах «Ездра» и «Неемия» повествуется о возвращении первых пленных иудеев в Иерусалим в 538 г. до н.э. с соизволения персидского царя Кира, о сооружении ими алтаря взамен разрушенного святилища и о восстановлении иерусалимского храма. В книге «Ездра» говорится о воздвижении стен Иерусалима в 445 г. до н.э. благодаря энергии Неемии, о возрождении культа и праздников согласно Закону Моисея. В Тевтонском ордене обе книги объединены в одну: «Ездра и Неемия»¹³.

Книгу невозможно со всей уверенностью отнести к сочинениям Тевтонского ордена, но в пользу этого все же говорят некоторые признаки, присущие и другим памятникам орденской литературы. Прежде всего, она сохранилась только в Мергентхеймском своде, вместе с некоторыми другими библейскими парафразами, и написана в традиции, прису-

щей ордену в XIII—XIV веках [Esdras und Neemyas. 1938. S. 3]. Кроме того, существует много совпадений в лексике и стилистике с другими сочиненными в ордене книгами. Время создания — 40-е годы XIV века. [Lesaffre M. 1999. P. 139]. Вероятно, автор был орденским священником. Источник книги — *Vulgata*, однако имеются дополнения, современные автору парафраза, но анахроничные тексту Священного Писания: упоминается Святой Дух (v. 2517), говорится о спасении души за дары, поднесенные на восстановление Храма (vv. 2098—2101), т.е. во искупление грехов, а также об исповеди (*bichte* — vv. 1260, 3130), введенной лишь в 1215 году решением IV Латеранского собора.

Выбор книги для парафраза объясняют двумя причинами: их действие разворачивается в Святой Земле, там, где начиналась история Тевтонского ордена, в них повествуется о бесконечной жестокой войне за веру, о самосохранении в условиях войны, о вечной угрозе со стороны местного населения, о тяжелых жертвах во время восстановления Иерусалима и храма. Подобно библейским героям рыцари ордена выступают не только воинами, но и градостроителями, не только воителями за веру, но и носителями культуры, каковыми авторам орденских хроник видятся крестоносцы в Пруссии. Автор поэтического парафраза подробно описывает такую работу. Одни строили, другие стояли на страже, да и сами строители не выпускали из рук меча: “Wir kerten alle wider hin / Ieclicher zu dem werke sin, / Ein teil der iungen zv arbeit, / Die andren waren zv strite bereit¹⁴ / Mit spere schilde vnd halsperc. / Die eine hant treib vf daz werc, / Die andre steteclich da swert / Zv strite hielt gar vnervert, / Ir busvne oft bi mi irschal / Sie gurten sich mit swerten al”. (vv. 1622—1631). Автор подчеркивает грандиозность этой работы: “Daz werc ist groz lanc vnde wit” (v. 1633). И, поскольку она вершится по воле Бога, который сражается на стороне избранных, то осуществляют ее всеми силами дни напролет: “Got stritet vor uns, so sul wir / Daz werc wirken nach vnser gir. / Ein teil als der tac wil uf gen / Vnder vns sullen mit speren sten / So lange vntz der tac si clar.” (vv. 1638—1642). Вторая тема — отношение избранного народа к чуждому окружению, которое (по тексту Библии) должно во всем безоговорочно уподобиться иудеям. Обращая язычников в истинную веру и обучая их молитвам и закону, Ездра постоянно молится: “... Esdras began / Sin herze stete zv gote han / Wie er daz volc zv gote kerte / Gebot vnd ouch gericht lerte” (vv. 886—889). Эта ситуация практически полностью соответствует поведению крестоносцев в Пруссии. Местное население вынуждено или принять крещение, или бежать. Завоеватели заручались поддержкой вождей прусских племен: когда те принимали крещение, то простые пруссы следовали их примеру. По наблюдению исследователя, «Книга Ездры и Неемия» во многом является выражением глубокой религиозности Тевтонского ордена, а ее автору особенно удался перевод содержащихся в библейском тексте молитв [Esdras und Neemyas. 1938. S. 6].

Что касается поэтического парафраза «**Книги Иова**», то он был создан только в Тевтонском ордене¹⁵. Библейская легенда повествует о том, что однажды Сатана подстрекнул Бога испытать благочестивого Иова на его преданность Богу и вере. На Иова посыпались несчастья: он лишился своего богатства, детей, стал прокаженным, а жена осуждала его. Лишь трем преданным друзьям поведал Иов о своих бедах. Друзья предположили, что он, вероятно, согрешил: ведь безгрешных не наказывают. Но Иов, призывая в свидетели Бога, уверял, что ни в чем не виновен. Юноша Елиуй, прислушавшись к их разговору, заметил, что страдание не всегда есть кара за содеянное. Порой Господь подвергает тяжелым испытаниям преданных ему, дабы испытать их и укрепить в добродетели. И так как Иов не утратил своей веры в Бога, Бог явился ему и поведал, что он напрасно ищет причины своих несчастий, так как дела Божии неисповедимы. Иов покаялся, и Господь вернул ему сыновей, дочерей и все его имущество.

Как и в случае с «Книгой Даниила», принадлежность «Книги Иова» Тевтонскому ордену несомненна. Автор создал парафраз при верховном магистре Дитрихе фон Альтенбурге, которого называет человеческим; он мудро руководил орденом, обладал храбростью льва и редко «почивал»: “Er war manheit und wisheit vol / Und verstunt den orden wol. / Gar seldom czwar lac er gerut. / Er hatte eynes lewen mut” (vv. 15533—15536). В парафразе повествуется и о победах, одержанных Дитрихом фон Альтенбургом над литвинами: “Alda sluc man und verbran / virtusent Lyttown und me” (vv. 15542—14543). Кроме того, он заложил город Байербург на Немане: “Bawete er mit heldes hant / Das hus Beigerburk genant...” (vv. 15546—15548). Эти исторические детали подтверждают то, что парафраз был создан в ордене. Книга написана в 1338 году: “Drihundert achunddrizek jar / Volbracht han ich diz buchlin” (vv. 15522—15523), — полагают, что она была закончена до 15 августа 1338 года (в тот день рыцари разгромили войско литвинов, о чем автор не преминул бы сообщить в своем сочинении). Книга дошла в двух рукописях, хранящихся ныне в Берлине: Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz. XX HA MS A 19 и в Торуне: Университетская библиотека. Rps 40 / IV.

Перед автором стояла задача доступным языком донести содержание «Книги Иова» до людей, не владеющих богословием. Из всех книг Библии он выбрал ее потому, что Иов являет собою пример терпения, проявляя постоянство в счастье и в бедах. Автор признает пользу посылаемых Богом испытаний. Поведение Иова аналогично поведению Христа перед лицом страданий.

Содержащиеся в книге комментарии помогают слушателям вынести для себя уроки, способствующие укреплению их веры и благочестия.

«Книга Иова» — образец дидактики: она учит терпению в тяжелых испытаниях, о чем и говорит автор своим читателям: “So sul wer hutten uns

ver schult / Und wol behalden dy gedult / Als Job der selge mit gevug / Gar geduldeclichen trug / An der sele und an der brust...” (vv. 243—248). Она уже не предлагает крестоносцам апологию войны, а, напротив, ставя в пример Иова, поучает жить безгрешно и сохранять терпение, то есть, призывает обратиться к духовной жизни и к укреплению благочестия.

«Если взглянуть на поэтические библейские книги ордена в их совокупности, то создается впечатление, что был задуман полный стихотворный перевод Библии с глоссами для ордена», — писал Г. Юнгблут [Jungblut G. 1969. S. 39]. До него так же считали литературоведы К. Хельм и В. Циземер [Helm K., Ziesemer W. 1951. S. 120]. Однако современный немецкий исследователь М. Калибе полагает, что для такого утверждения нет оснований [Caliebe M. 2000. S. 471]. Но как бы то ни было, в Тевтонском ордене целенаправленно создавалась литература, задачей которой было служение его идеологии, составной и неотъемлемой частью которой она стала. И создавалась она прежде всего с дидактической целью — для воспитания орденской братии, для укрепления дисциплины и нравственности в ордене. Кроме того, ордену требовалась как апология его крестового похода в Пруссию (его было необходимо приравнять к крестовым походам в Святую землю), так и выражение собственной идентичности. Этим задачам, в дополнение к историческим сочинениям, служили и поэтические парафразы библейских книг. Насколько успешным было выполнение этих задач, свидетельствуют «пруссские походы европейской знати», развернувшиеся на протяжении XIV века [Paravicini W. 1989, 1995].

Литература

- Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Изд. подг. В.И. Матузова. М.: Ладомир, 1997.
- Boor De H. Die Deutsche Literatur im späten Mittelalter // Geschichte der Deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hg. H. de Boor, R. Newald. Bd. III/1. München, 1973.
- Caliebe M. Neue Beiträge zur literarhistorischen Einordnung der Deutsch-Ordens-Hes-ter und zur Geschichte des Estherstoffes // Das Preußenland als Forschungsaufgabe / Hg. B. Jähmig, G. Michels. Lüneburg, 2000.
- Eis G. Deutschordensliteratur // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte / Hg. W. Kohlschmidt, W. Mohr. Berlin, 1958.
- Fischer M. Biblical Heroes and the Uses of Literature: The Teutonic Order in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150—1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot, 2001.
- Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des deutschen Ritterordens. Gießen, 1951.
- Jungbluth G. Literarisches Leben im Deutschen Ritterorden // Idem. Zur Geschichte des Deutschen Ordens: Zwei Studien. Köln; Wien, 1969.
- Lesaffre M. La littérature biblique de l'Ancien Testament dans l'Ordre Teutonique au Moyen Age. Amiens, 1999.
- Mentzel-Reuters A. Arma spiritualia: Bibliotheken, Bücher und Bildung im Deutschen Orden. Wiesbaden, 2003.

- Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels. Sigmaringen, 1989 (Teil I), 1995 (Teil II).
- Potkowski E.* Spirituality and Reading: Book Collections of the Teutonic Order in Prussia // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter / Hg. Z.H. Nowak. Toruń, 1993. S. 217 (Ordines militares — Colloquia Torunensia Historica. VII).
- Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften / Hg. M. Perlbach. Halle a. Saale, 1890. P. 41 (Regel 13).
- Tabulae Ordinis Theutonici / Ed. E. Strehlke. Berlin, 1867.

- ¹ Орденские библиотеки существовали в самых крупных городах средневековой Пруссии, в частности, в Мариенбурге, Кёнигсберге, Эльбинге, Торуне, Бальге, Христбурге и других [Mentzel-Reuters A. 2003; Potkowski E. 1993].
- ² Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin / Hg. E. Strehlke // SRP. Bd. I. Leipzig, 1861. S. 303—624.
- ³ Die Apokalypse Heinrich von Hesler aus der Danziger Handschrift / Hg. R. Helm. Berlin, 1907 (Deutsche Texte des Mittelalters. VIII: Dichtungen des Deutschen Ordens.1).
- ⁴ *Tilo von Kulm.* Von sieben Ingesigeln / Hg. K. Köchendorffer. Berlin, 1907 (Deutsche Texte des Mittelalters. IX).
- ⁵ *Hugo von Langenstein.* Martina / Hg. A. von Keller. Stuttgart, 1856 (Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart. XXXVIII).
- ⁶ Аллегория является неотъемлемой частью сочинений, возникших в Тевтонском ордене. Начальные разделы «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга насыщены библейскими цитатами, аллегорический смысл которых хронист усматривает и толкует в духе крестоносца; достаточно напомнить главу, посвященную «плотскому и духовному» оружию.
- ⁷ Издания: Judith: Ein mittelalterliche Gedicht aus dem 13. Jahrhundert / Hg. R. Palgen. Halle (Saale), 1924; Judith aus der Stuttgarter Handschrift HB XIII 11 / Hg. H.G. Richter. Tübingen, 1969.
- ⁸ Ср.: «... Иудифь мужественно действовала и убила Олоферна и освободила народ Божий от опасностей, потому что любила непорочность. О как прекрасно и полезно непорочное поколение!» [Петр из Дусбурга. II, 8].
- ⁹ Издания: Hester / Hg. K. Schröder // Germanistische Studien: Supplement zur Germania / Hg. K. Bartsch. Wien, 1872. Bd. I. S. 247—291; Hester: Eine poetische Paraphrase des Buches Esther aus dem Ordensland Preußen. Edition und Kommentar / Hg. M. Caliebe. Marburg, 1985 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. 21).
- ¹⁰ Рукопись HB XIII 11 хранилась в Королевской библиотеке в Штутгарте. Она представляет собою свод поэтических сочинений, созданных в ордене, в том числе: «Книгу Даниила», «Книгу Ездры и Неемии», «Книгу Иудифь», «Книгу Есфирь», две «Маккавейские книги» и «Апокалипсис» Генриха фон Геслера. Ранее эта рукопись принадлежала орденской библиотеке в Мергентхайме.
- ¹¹ Издание: Das Buch der Maccabäer in mitteldeutscher Bearbeitung / Hg. K. Helm. Tübingen, 1904.
- ¹² Издание: Die poetische Bearbeitung des Buches Daniel aus der Stuttgarter Handschrift / Hg. A. Hübner. Berlin, 1911 (Deutsche Texte des Mittelalters. XIX).
- ¹³ Издание: Esdras und Neemyas: eine Deutschordensdichtung aus dem 14. Jahrhundert / Hg. S.D. Stirk. Breslau, 1938 (Sprache und Kultur der germanischen und romanischen Völker. Bd. IV).
- ¹⁴ Ср. «Воистину, воплотилось в них то, что говорится об иудеях, желавших восстановить святой град Иерусалим, противостоя сопротивлению язычников, что половина их занималась работою, а другая держала копыя от восхода зари до появления звезд; одною рукою производили работу, а другою держали меч» [Петр из Дусбурга. III. 172].
- ¹⁵ Издание: Die mitteldeutsche poetische Paraphrase des Buches Hiob aus der Handschrift des Königlichen Staatsarchivs zu Königsberg / Hg. T.E. Karsten. Berlin, 1910 (Deutsche Texte des Mittelalters. Bd. XXI).

Е.А. Мельникова^{*}

Восточноевропейский мир IX—X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации^{**}

Аннотация: Информация о Восточной Европе и Древней Руси IX—X вв. присутствует как в скальдических стихах и рунических надписях того же времени, так и в исландских королевских, родовых и викингских сагах XII—XIV вв. Ее характер специфичен для каждого из видов источников в силу жанрово обусловленной репрезентации в них прошлого. Скальдические стихи и рунические надписи запечатлевают сам факт произошедшего (как правило, военного похода), но не подробности о нем. В трех рассмотренных видах саг, наряду с различиями в хронология описываемых событий, в их тематике и в типе героя, принципиально различны интенции авторов: королевские и родовые саги представляют прошлое «действительное», викингские саги эпизируют и обобщают его. Соответственно в королевских и родовых сагах репрезентация прошлого «фактографическая», в викингских — типологизованно-обобщенная. Сведения о Восточной Европе и Руси распадаются на два основных информационных пласта, различающихся по хронологии и типу сообщений. Древнейший, VIII—X вв., нашел отражение в викингских сагах в виде повторяющихся мотивов, обобщающих деятельность скандинавов на северо-западе Восточной Европы в догосударственный и раннегосударственный период. Информационный пласт, отраженный в родовых и королевских сагах охватывает по преимуществу конец X — середину XI в., он более или менее однороден по типу информации — сообщения о конкретном событии (действительном, вымышленном или стереотипном), но различается самой информацией: в родовых сагах представлены массовые и спонтанные поездки скандинавов в Гардарики, в королевских — связи с Русью норвежских конунгов.

Ключевые слова: скальдическая поэзия, рунические надписи, королевские, родовые, викингские саги, Восточная Европа, Русь, репрезентация прошлого.

Melnikova Elena

**The Ninth and Tenth East-European World in Old Scandinavian Writings:
Forms of Representation**

Abstract: Information about Eastern Europe and Ancient Rus' of the ninth and tenth centuries is present in both contemporary skaldic verses and runic

^{*} Мельникова Елена Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Melnikova Elena Aleksandrovna, Grand PhD (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

^{**} Статья написана в рамках работы над проектом № 18-09-00433/18, поддержанным ОГОН РФФИ.

inscriptions and in Kings', Family and Vikings' sagas of the twelfth to fourteenth century. Its character is specific for each kind of sources due to different representations of the past. Skaldic verses and runic inscriptions memorize the very fact (usually a raid) but not its details. The three types of sagas differ in chronology of the described events, in the kind of depicted events, in the type of the hero and in authors' intentions: Kings' and Family sagas represent "real" past as a series of "facts", Vikings' sagas generalize the past in the form of recurring motifs. The reports about Eastern Europe in the sagas thus constitute two information layers. The earliest layer covering the ninth and tenth centuries is reflected in the Vikings' sagas as motifs generalizing the activities of Scandinavians in the north-west of Eastern Europe in the pre-state and early-state period. The information layer of the Kings' and Family sagas deals mostly with the events of the late tenth and eleventh centuries, but the Family sagas tell about frequent and spontaneous travels of Scandinavians to *Garðaríki* whereas the Kings' sagas reflect mostly the Norwegian kings' connections with Rus'.
Keywords: Skaldic poetry, runic inscriptions, Kings' sagas, Family sagas, Vikings' sagas, Eastern Europe, Rus', representation of the past.

На одной из конференций Александр Васильевич Назаренко задал мне вопрос: почему в древнескандинавских письменных текстах не отразились (или почти не отразились) события до последней четверти X в., эпохи наиболее интенсивной активности скандинавов в Восточной Европе, почему в них не запечатлелись такие важные — центральные для отечественной истории — фигуры, как Рюрик, Олег, Игорь. Этот вопрос тревожил многих исследователей, но сколько-нибудь последовательного и развернутого освещения не получил. Ответила на него и я не совсем внятным образом: деятельность скандинавов в Восточной Европе раннего времени в действительности отражение получила, но отражение весьма специфическое в соответствии с жанром саг, где события этой эпохи представлены, — в так называемых сагах о викингах, одной из подгрупп саг о древних временах. Однако этот краткий ответ не удовлетворил ни меня, ни, думаю, Александра Васильевича. Он требовал более обстоятельных размышлений, каковые я и намерена изложить в нижеследующей статье в надежде, что они представят интерес для юбиляра.

Памятники IX—X вв.: скальдическая поэзия и рунические надписи

Восьмой—десятый века — время массовых грабительских набегов викингов на берега Восточной Балтики, Германии, Англии, Франции, заселения островов Атлантического океана, активной торговой деятельности, связавшей североморский регион с арабским Востоком через речные

пути Восточной Европы, а затем и участия скандинавов в процессах образования Древнерусского государства в качестве новой военной элиты и воинов-наемников на службе русских князей. Это также и время возникновения древнейшего дошедшего до нас вида древнескандинавской словесности — поэзии скальдов (первый известный нам по имени скальд — Браги Бодасон жил в IX в.; к концу того же столетия относится генеалогическая поэма «Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира) и, возможно, некоторые из эддических поэм. В IX в. также начали распространяться мемориальные стелы с руническими надписями. Прозаических произведений этой эпохи мы не знаем — прежде всего, ввиду отсутствия в Скандинавии письменности, пригодной для записи пространных текстов, — но вряд ли можно сомневаться, что устные рассказы о заморских подвигах викингов имели широкое хождение повсеместно и передавались из поколения в поколение. О существовании богатой устной традиции говорят аллюзии на несколько неизвестных нам преданий в рунической надписи на камне из Рёка (Ög 136, начало IX в.)¹. Лишь много позднее, в XII в., воспоминания о деяниях далеких предков — сначала норвежских конунгов-Инглингов, а в XIII в. — исландцев, норвежцев, данов — начали записываться в Исландии в форме саг. Таким образом, древнейшие дошедшие до нас памятники — стихи скальдов и рунические надписи — современны событиям второй половины—конца IX — X в. и, казалось бы, в них могли найти отражение деяния скандинавов в Восточной Европе интересующего нас времени. Они и запечатлелись в обоих видах памятников, но в форме лапидарной и стереотипной.

Скальдическая поэзия — ценнейший источник по ранней истории Скандинавии в силу ее общепризнанной достоверности, которая была обоснована еще Снорри Стурлусоном [Heimskringla. 1941. Bls. 3—7; Снорри Стурлусон. 1980. С. 9—10; см.: Peters. 1978; Джаксон. 1991. С. 79—84; Джаксон. 2013. С. 437—444]. Однако поэтика скальдики не предполагает сколько-нибудь подробного описания события: упоминая о походе прославляемого конунга, скальд, как правило, не сообщает никаких или почти никаких подробностей, выходящих за рамки стереотипного описания похода. Вот, например, виса Халльфреда Трудного Скальда (ок. 967 — ок. 1007), придворного дружинника и поэта Олава Трюггвасона (ум. в 1000 г.): «Конунг (Олав Трюггвасон. — Е.М.) обогрил свой острый меч кровью на Острове и на востоке в Гардах. Зачем же это утаивать? Распрю прекратил могучий примиритель мужей; воин скормил вóронам мясо флемингов» [Óláfs drápa, 2 // Finnur Jónsson. 1915. S. 149; Джаксон. 2012. С. 139 (текст), 148 (перевод с уточнением «примиритель» вместо «победитель»)]². В висе речь идет о трех походах Олава разного времени: нападении на Борнхольм (Borgundarhólmr, часто в сокращении Hólmr «Остров»), более ранней военной деятель-

ности Олава на Руси и о более позднем набеге на Фризию, но эти походы описаны в стереотипных метафорических выражениях: «обагрил меч кровью», «кормил вóронов». Сочиненная ок. 996 г., т.е. при жизни Олава его придворным скальдом, виса удостоверяет сами факты пребывания Олава на Руси и его участия там в военных действиях, его набегов на Борнхольм и Фризию, но этим и ограничивается ее историческая информация.

Для рассматриваемого периода невелик и объем скальдической поэзии³: известны имена около 70 скальдов IX—X вв., но от поэм большинства из них сохранилось лишь по несколько строк. Тем не менее, четыре скальда — и некоторые из них неоднократно — упоминают военные походы в Восточную Европу, прежде всего в Восточную Прибалтику (из них три — в Эйтланд) [Джаксон. 1991. С. 79—108]. Эти походы датируются временем от VII и до X в., а в приведенной выше висе Халльфреда Трудного Скальда самого конца X в. впервые упоминается Русь — *Garðar*.

Другим аутентичным, но столь же мало информативным источником IX—X вв. являются крайне немногочисленные для этого времени младшерунические надписи на мемориальных стелах (подавляющее их число — ок. 3500 из 4000 — происходит из Швеции и датируется XI в.): походы на восток упоминаются лишь в одной надписи IX в., пяти — X в. и трех — рубежа X—XI вв. [Мельникова. 2001. С. 44]. Один из памятников установлен в Дании на востоке Ютландского п-ова, один — на о. Готланд, остальные находятся в Средней Швеции. Большинство из них, как и скальды, говорят о походах в Восточную Прибалтику, и лишь готландская надпись из Пильгорда (вторая половина X в.) высечена в память о человеке, который «добрался до Айфора» — одного из самых опасных порогов на Днепре, описание которого приведено Константином Багрянородным [Мельникова 2001. № Б-1.4.3]. Назначение рунических надписей — увековечение памяти о погибшем родиче — и невозможность высечь пространный текст исключали сообщения о каких-либо событиях, не связанных непосредственно с погибшим, в том числе о стране, которую он посетил.

Как в скальдических стихах, так и в рунических надписях опорным элементом информации является топоним: именно и только присутствие «восточноевропейского» топонима (*Garðar*, *Eistland*, *Hólmgarðr* и др.) указывает на то, что целью упомянутого похода была Восточная Европа и соответственно другие сведения — о результатах похода, гибели человека, в честь которого установлен памятник, и т.п. — релевантны в контексте изучения русско-скандинавских связей. Суммируя всю содержащуюся в скальдических стихах и рунических надписях IX—X вв. информацию, можно сказать, что они надежно засвидетельствовали походы скандинавов в Восточную Европу, прежде всего в

Восточную Прибалтику, но также и на Русь, но не содержали (и не могли содержать) информацию о самой Восточной Европе или Руси.

Королевские саги

Иное дело исландские саги. В королевских, родовых и «викингских» сагах⁴ — самых многочисленных и известных среди саговой литературы — информация обильна: почти в каждой саге этих видов в той или иной форме упоминается северо-восток Восточной Европы, Русь, восточноевропейские топонимы или некие реалии, связанные с ней (например, «русская шапка»)⁵. Однако еще Ф.А. Браун отмечал, что необходимо дифференцировать виды литературных памятников, в которых содержатся сведения о Руси, а Е.А. Рыдзевская добавляла, что «“Rossica” др[евне]-сев[ерных] саг отнюдь не однородна, и простого хронологического распределения и приурочения ее недостаточно» [Braun. 1924. S. 150—196; Рыдзевская. 1935. С. 6]. И Ф.А. Браун, и Е.А. Рыдзевская имели прежде всего в виду жанровые различия между этими тремя видами саг, определяющие кардинально отличные принципы репрезентации исторического прошлого (ср.: Pritsak. 1981. P. 37 ff). К числу важнейших жанровых особенностей саг принадлежат их тематика, отображаемый в данной группе саг хронологический отрезок прошлого и локализация сюжетного действия (хронотоп), формы репрезентации прошлого, отношение автора саги к рассказываемому (авторская интенция).

Королевские саги, возникновение которых относят к XII в. [Andersson. 2004], ныне рассматриваются как специфическая, «биографическая» форма раннего историописания, часть норвежско-исландской историографии [Andersson. 1985. P. 197—238; Ármann Jakobsson. 2005. P. 388—402]. В своей фактической части они опираются на устную историческую (генеалогическую) традицию и поэзию скальдов, структурирует же описание прошлого в них генеалогическая модель [Мельникова. 2016]. Дошедшие до нас королевские саги были записаны в конце XII—XIII в. и имели целью представить последовательную и «правдивую» (в понимании авторов того времени) историю норвежских конунгов-Инглингов от Хальвдана Черного (предположительно ок. 810 — ок. 860)⁶, отца Харальда Прекрасноволосого, до 1177 г., когда в Норвегии пресекается династия Инглингов.

Историческая информация, запечатленная в королевских сагах, отличается рядом особенностей. Во-первых, целевая установка авторов королевских саг, а до времени их составления — избирательность исторической памяти дописьменного времени определяли отбор запечатлеваемых событий. К их числу относились прежде всего обстоятельства прихода конунга к власти, его законодательная деятельность, борьба с

врагами внешними (данами, в меньшей степени свеями) и внутренними (непокорными местными правителями), обстоятельства смерти и погребение. Во многих случаях рассказывалось о юношеских подвигах будущего конунга. Особое место занимала миссионерская деятельность двух Олавов, Трюггвасона (ум. в 1000 г.) и Харальдссона (ум. в 1030 г.). Во всех сборниках королевских саг XIII в. (чего нельзя сказать о рукописи *Flateyrbók* конца XIV в., королевские саги в которой, особенно «Сага об Олаве Святом», включают множество самостоятельных эпизодов — «прядей») абсолютно доминирует интерес к «биографии» конунга, что обусловило отсутствие внимания к внешнему миру, который попадал в поле зрения авторов королевских саг лишь тогда, когда в нем оказывался сам конунг, будущий или настоящий, или у него возникали какие-либо связи с этим миром (политические, торговые, военные), в том числе с Восточной Европой [Джаксон. 2002]. Но и в этом случае о внешнем мире сообщалось немного. Показателен рассказ «Саги о Харальде Прекрасноволосом» о передаче его сына Хакона (впоследствии конунга Норвегии Хакона Доброго) на воспитание английскому королю Этельстану (924—939): Харальд (по незнанию, как следует из текста, ритуала омажа) принял дар Этельстана — меч и тем самым — с точки зрения Этельстана — взял на себя вассальные обязательства. Узнав об этом, Харальд в ответ тут же отправил в Англию малолетнего Хакона, которого посланцы Харальда посадили на колени короля — ритуальное действие, знаменующее принятие ребенка в род; воспитателем же обычно становился человек более низкого статуса, нежели отец ребенка. Эпизод открывается краткой «справкой» об Этельстане: «Адальстейном звали конунга, который правил тогда в Англии. Он начал править недавно (начало правления — 925 г. — *Е.М.*). Его прозвали Победоносным или Верным...»⁷ Этот, возможно вымышленный эпизод (сам факт воспитания Хакона в Англии считается надежно установленным) должен был продемонстрировать претензии Харальда, конунга еще только зарождавшегося государства, на равенство с английским королем Этельстаном, и сведения об Этельстане были нужны, только чтобы показать его высокий статус, а соответственно равный (или даже более высокий) статус Харальда Прекрасноволосого. Точно так же и Восточная Европа возникала в повествовании не как самоценный предмет описания, а как либо место пребывания будущего или настоящего норвежского конунга или его посланца (например, купца), либо в связи с какими-то конкретными событиями (например, сватовство Ярослава Мудрого к Ингигерд)⁸. Таким образом, целью автора королевской саги было изложить биографию норвежского конунга в виде суммы «фактов», реальных или вымышленных, но расцениваемых самим автором (и его слушателями) как достоверные.

Во-вторых, хотя королевские саги охватывали время от первой половины IX в. по 1177 г., но подробность повествований о разных хронологических периодах существенно различалась: если о Хальвдане Черном сообщалось (было известно) очень немногое, то со временем объем информации нарастает; особенно подробно в них описывалось время с конца X в. (приход к власти Олава Трюггвасона в 995 г.). Разница в объеме информации отражается и в сообщениях о Восточной Европе и Руси: до конца X в. «восточные» сведения в королевских сагах крайне немногочисленны.

В-третьих, более или менее развернутые описания, особенно событий более раннего времени, основываются, как правило, на стереотипах, сложившихся к XIII в. Таков, например, рассказ о нападении на Бьярмаланд норвежского конунга Харальда Серая Шкура (ок. 960 — ок. 975): «и была у него там большая битва на берегу Вины, и убил он там много народа, взял там и золота и серебра и много другого богатства» [Fagrskinna, 14 // Fagrskinna. 1984. Bls. 103]⁹. Поход Харальда действительно имел место: упоминание о нем верифицируется приведенной Снорри Стурлусоном висой скальда Глума Гейрасона: «Дерзкий на слово, побеждающий всех конунгов, обагрил сверкающий меч на востоке перед северным селением, там, где я видел, как бегут племена бьярмов. Примиритель мужей снискал себе добрую славу в этом походе: ему, молодому, выпало сразиться на берегу Вины» [Gráfeldardrápa, 5 // Finnur Jónsson. 1915. S. 66—67; Джаксон. 2012. С. 119/120]. Дружинник Харальда, видимо принявший участие в этом походе, Глум говорит о завоеванной конунгом славе, но не упоминает — в отличие от составителя «Красивой кожи» и Снорри — захваченные золото, серебро и другие сокровища. «Богатства Бьярмаланда» — устойчивый мотив в рассказах о поездках туда скандинавов, который имеет, вероятно, литературное происхождение [Глазырина. 1993. Ч. 1; Glazyrina. 1994]. В центре внимания составителя саги (как и носителей устной традиции) — отнюдь не характеристика бьярмов, их образа жизни, источника их «сокровищ» и т.п., а сам факт победы конунга, описываемый в традиционных ее проявлениях: убийство многих врагов, захват богатой добычи, обретение славы.

Более обстоятельной исторической информацией, в том числе и о Руси, становится с последних десятилетий X в. Пребывание малолетнего Олава Трюггвасона на Руси потребовало включения описаний древнерусских реалий, однако степень их достоверности сомнительна [Джаксон. 2012. С. 196—207 и др.]. Одни из них объясняли перипетии судьбы самого будущего конунга-миссионера и, вероятно, отражали реалии того времени (например, выплата виры за убитого Олавом человека), другие служили его прославлению и могли быть частично или целиком вымышленными (например, литературный мотив о старухе-

провидице, матери Вальдамара; мотив юного героя, убивающего своего обидчика; стереотипное изображение воинских подвигов юного Олава и др.). Как и позднее, в эпоху Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, характеристики русских князей или — в двух случаях — политической обстановки на Руси (после смерти Владимира — в «Саге об Эймунде» и после смерти Олава Харальдссона в 1030 г. — в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» по рукописи «Гнилая кожа») отнюдь не самоцельны: они сюжетно обусловлены и подчинены изображению героя-скандинава — в качестве мотивировок его деяний, характеристики самих деяний и т.п.

Родовые саги

В этой группе саг, расцвет составления которых приходится на середину — вторую половину XIII в., излагается история исландских знатных родов на протяжении нескольких поколений с конца IX по середину XI в. Как и королевские саги, они претендуют на правдивость рассказываемого, восходящего к родовым преданиям, содержание которых частично поддерживается скальдическими стихами. В то же время родовые саги беллетризированы в значительно большей степени, нежели саги королевские, и в них весьма существенную роль играют художественные приемы, частично заимствованные в европейской литературе [Кук. 2001].

Поскольку исландцы проявляли чрезвычайную активность и в военной, и в торговой деятельности, то сообщений об их плаваниях за море несравненно больше, чем в королевских сагах, а рассказы об их поездках — разнообразнее и обстоятельнее. В этом контексте сообщается и о путешествиях исландцев в Восточную Европу — ради грабежа в Восточную Прибалтику, с торговыми целями или для военной службы на Русь и в Византию. Например, в рассказе о поездке Эгиля в Курланд (по хронологии саги, в год смерти Харальда Прекрасноволосого, т.е. ок. 930) подробно рассказывается об установлении мира с куршами на полмесяца для торговли, о последующих грабежах в их селениях, о пленении Эгиля с несколькими спутниками и их освобождении [Egils saga Skalla-Grímssonar, 46 // Egils saga Skalla-Grímssonar. 1933; Сага об Эгиле Скаллаграмссоне. 1956. С. 141—145].

Ориентированные на достоверность сообщаемого, и королевские, и родовые саги описывают конкретное событие («факт»), которое на проверку может оказаться реальным или вымышленным, но в любом случае воспринималось аудиторией как событие бывшее в действительности. Прошлое в них структурируется генеалогической преемственностью и предстает как цепочка деяний одного героя (конун-

га в королевских сагах) или родственной группы героев (в родовых сагах). Однако описание деяний подчиняется той форме, в которой оно запечатлелось в исторической памяти: прежде всего, его основные, «маркирующие», признаки: имя актора, место, куда он отправился, специфические особенности этой поездки. При сохранении «ядра» повествования, многие детали заменялись и реинтерпретировались. В процессе устной передачи многочисленные и более или менее однотипные повествования о деяниях скандинавов за пределами родины контаминировались и приобретали характер стереотипов или порождали нарративные мотивы. Так, подчиняясь нарративной стратегии героизировать центрального персонажа, любой скандинав, оказавшийся на военной службе иноземного правителя (в том числе русского князя), совершает чудеса храбрости, подчиняет ему многие народы, принимает заслуженную «честь» и т.д.; малолетний будущий конунг убивает своего обидчика, демонстрируя надлежащую конунгу воинственность. Из этих сюжетов формировалась своего рода «база данных» — фонд мотивов и сюжетов, наиболее типичных и часто повторяемых, которые могли с легкостью переноситься из одного повествования в другое [см., например: Глазырина. 2000. С. 155—165].

Увеличение временной дистанции между описываемым событием и временем записи в родовых, как и в королевских сагах, сказывается на характере нарратива и на степени его детализированности. Чем далее в глубь веков, тем более краткими, лишенными подробностей становятся повествования и одновременно тем более насыщенными «типическими» (заимствованными из «базы данных») и фольклорными мотивами, и чем дальше, тем больше историческое прошлое саги смыкается с мифологическим прошлым. Описание событий IX — первой половины X в., в том числе правления такого казалось бы знакового конунга, как Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 930 г.), лежит между «историей и мифом» [Bagge. 1989. Sp. 1930; Mundal. 1997. S. 39—53; Щавелев. 2013]. Поэтому историческая информация этих двух видов саг о связях с Восточной Европой в IX — первой половине X в. скудна, как скудна она и в целом для этого времени. Заставившие трепетать Запад набеги викингов IX в. практически не отразились в королевских сагах и лишь в очень ограниченной степени — в родовых. Немногочисленные упоминания о событиях того времени сводятся, как правило, к констатации самого факта поездки (военного набега) — чаще всего в Восточную Прибалтику, Англию и Ирландию (походы во Франкию не упоминаются в этих сагах вообще).

Вместе с тем, как показывает сопоставление информации королевских и родовых саг со сведениями других письменных источников и с археологическими данными, разрозненные и довольно редкие упоминания поездок скандинавов в Восточную Европу, тем не менее, вполне

достоверно отражают общие тенденции и последовательность в эволюции их деятельности, начиная с отдельных грабительских набегов на восточноприбалтийские земли и возникновения скандинавских поселений на восточных берегах Балтики в V—VIII вв.: свеев — на о. Сааремаа и в Прооза (ныне на территории Таллина), готландцев — в Гробиня и др.), за чем последовало проникновение охотников и торговцев пушниной вглубь Восточной Европы в Приладожье (VII—VIII вв.) и их закрепление в Ладогe (в середине — второй половине VIII в.).

Викинские саги

Сказанное не означает, что ранняя эпоха викингов была забыта скандинавами XI и последующих веков. Просто этот период истории Скандинавии нашел отражение в другом виде саг — сагах о викингах (группе саг, выделенных из «саг о древних временах») ¹⁰. Именно в них мы находим красочные повествования о деяниях Рагнара Кожаные Штаны, предположительно осаждавшего Париж в 845 г. и погибшего в змеиной яме в Йорке в 865 г., об Одде Стреле, правителе Гардарики, погибшем от укуса змеи, выползшей из черепа коня, о Хрольве Пешеходе (Роллоне франкских источников), основателе герцогства Нормандия, и многих других реальных и вымышленных викингах, совершавших походы на Запад и на Восток.

Жанровыми признаками викингских саг считаются их сюжетика — воинские подвиги викингов за пределами Скандинавии и хронология — IX—X вв., а также — в отличие о родовых и королевских саг — их ориентированность на «развлекательность» [Mundal. 2004] ¹¹. Однако эти признаки относительны: часть действия «викингских саг» разворачивается в самой Скандинавии, часто в Дании или Норвегии; сюжетное время, например в «Саге об Ингваре», датируется серединой XI в. «Развлекательность» же викингских саг — совершенно особого свойства и, кроме того, идейное содержание викингских саг ею не ограничивается. В отличие от действительно развлекательных «приключенческих саг», сюжеты которых, равно как и герои, вымышлены, в основе большинства викингских саг лежат реальные (хотя и мало известные или неизвестные нам за недостатком источников) события ¹². Герои этих саг в некоторых случаях упоминаются в других сагах, а иногда и в зарубежных (английских, франкских) источниках. Важной особенностью героев является подчеркиваемая авторами саг их реальная или предполагаемая генеалогическая связь с родами скандинавской знати XI—XIII вв.: к ним возводят свои родословные знатные исландцы, с ними находятся в родстве датские, шведские и норвежские конунги [Мельникова. 2012]. Особенно популярны были генеалогии, восходящие к Рагнару Кожаному.

ные Штаны. Тем самым викингские саги повествовали о далеком, но актуальном прошлом, подробности которого были частично забыты, частично заменены стереотипными и фольклорными мотивами.

Историческое прошлое в викингских сагах конструируется принципиально отличным от королевских и родовых саг образом. Ранняя эпоха викингов — своего рода героический век скандинавов, и ее отражение сближается с героическим эпосом. Викинги, отношение к которым в королевских сагах нейтрально или негативно¹³, предстают здесь отважными, заслуженно принимающими почести витязями, завоевывающими своими подвигами славу, «королевство» и жену. Герой викингских саг — одиночка, имеющий в лучшем случае побратима или верного товарища, в отличие от родовых и королевских саг, где герой включен в сложную систему родственных и социальных связей. С героическим эпосом эти саги роднят и многие другие особенности: действие образовано цепочкой относительно самостоятельных (зачастую не объединенных причинно-следственными связями) эпизодов, основанных на распространенных мотивах (битва, поединок, героическое сватовство и др.)¹⁴; мир условен и биполярен; главному герою противостоит викинг-злодей, берсерк или чудовище; наконец, в этих сагах воплощается специфический героический эпос¹⁵. Прошлое предстает в них, как и в героическом эпосе, в обобщенных, «типизированных» формах. Развлекая аудиторию, викингские саги в то же время и отражают, и формируют представления исландского общества XIII в. о скандинавском героическом прошлом. Для них не столь важно, является ли герой саги реальным лицом, как Хрольв-Роллон, или вымышленным (?) персонажем, как Одд Стрела¹⁶. Важно его соответствие героизированному образу викинга. Реальность маркируется в сагах о викингах, как и в героическом эпосе, личными именами, топонимами, иногда — деталями сюжета, но достоверность и, соответственно, верификация повествования не требуется условиями жанра — не случайно, в викингских сагах так мало используется поэзия скальдов раннего времени. Авторы викингских саг иногда и сами подчеркивают невероятность рассказываемого: «Но хотя это и возможно, все же это не похоже на правду», или предлагают своим читателям или слушателям исправить и дополнить свое повествование: «А те, кто считают, что они знают [об этом] лучше, пусть исправят там, где чего-то недостает» [Глазырина. 2002. С. 271]. Фабулы викингских саг — подвиги героя — могут быть смутным воспоминанием о делах давно минувших дней, но могут и просто заимствоваться в той же «базе данных», которая и создавалась на основе этих воспоминаний.

Жанровые особенности викингских саг обуславливают почти полное отсутствие в них «фактографической» информации. Свои подвиги викинги-герои совершают в условном (эпическом) пространстве, им про-

тивостоят условные викинги-злодеи или фантастические существа, они завоевывают условные земли, обозначенные, однако, как правило, реальными наименованиями. Но за этими «условностями» стоит обобщенная действительность. Сама возможность формирования типических мотивов и сюжетов была обусловлена многократностью, повторяемостью сходных ситуаций: поединок героя с викингом-берсерком — постоянной борьбой викингских отрядов между собой; нападение героя на соседние или дальние полинии — грабительскими походами викингов; завоевание «королевства» — сбывшейся мечтой каждого предводителя викингского отряда и т.д. За каждым распространенным мотивом стояла действительность — но в виде не одного конкретного «факта», а ряда однотипных событий. Лишь крайне редко какое-то исключительное по своей необычности событие могло запечатлеться в памяти потомков и отобразиться в развернутом сюжете, совершенно не обязательно связанном с именем исконного героя. Так, в сюжете о гибели части воинов Ингвара из-за их связи с женщинами где-то на востоке в «Саге об Ингваре Путешественнике», видимо, отразился известный по рассказу ибн Мискавейха (начало XI в.) плачевно закончившийся набег русов на Берда'а [Глазырина. 2000. С. 155—165]. Другой сюжет, о смерти князя Олега, сложившийся на Руси и принесенный варягами обратно в Скандинавию, был положен в основу «Саги об Одде Стреле». С именем героя саги, Одда, связано множество рассказов о его поединках с берсерками, чудовищами, великаном Огмундом, но все они факультативны: любой из них может быть изъят без малейшего урона для содержания саги. Сюже-тообразующие мотивы, лежащие в основе саги, совпадают со сказанием о смерти Олега: как и Олегу, Одду предсказана «смерть от коня»; как и Олег, Одд пытается избежать своей судьбы, избавившись от коня; как и Олег, Одд становится конунгом Гардарики; как и Олег, Одд возвращается туда, где лежат кости коня и погибает от укуса змеи, выползшей из конского черепа [Melnikova. 2000. S. 152—168]. Князь Олег (др.-сканд. *Helgi*), таким образом, послужил своего рода «историческим прототипом» Одда. Возможно, в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» сохранились отголоски преданий об Игоре — Ингваре, «конунге на востоке в Гардах». Действие этой саги соотносится со временем правления Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 930 г.) и в ней законсервировались изначальные формы наименований Руси (*Garðar* вместо более позднего и обычного для саг *Garðaríki*) и Ладоги (*Aldeigja* вместо *Aldeigjuborg*) [Глазырина. 1996. С. 188—189; Глазырина. 2013. С. 514—515].

Однако прямая связь сюжетов викингских саг с реальными событиями вообще и на Руси в частности — крайняя редкость. Восточная Европа и Русь-*Garðaríki* представлены в сагах о викингах как странство, в котором постоянно (почти во всех сагах) оказываются

герои-скандинавы, приходящие на помощь местным конунгам, также скандинавам (изредка упоминаются их родственные связи с правителями Скандинавских стран), или сражающиеся с ними за власть в «государстве» и в результате находящие здесь себе невесту и «королевство». Территория *Garðaríki* — это исключительно северо-запад Восточной Европы, прежде всего Ладога и ее округа. Именно здесь сосредоточена вся «русская» топонимия «викингских саг», как реальная — *Gandvík* (Белое море), *Aldeigjuborg* (Ладога), *Álaborg* (Олонек?) и др., так и предположительно вымышленная — *Krákunes* «Вороний мыс», *Hlynskógar* «Кленовые леса» и др. [Глазырина. 1996. С. 34—43]. Впрочем, это могли быть и топонимы, использовавшиеся на раннем этапе проникновения скандинавов в Восточную Европу, а затем утратившие актуальность и потому вышедшие из употребления, как, вероятно, хороним *Bjalkaland*, образованный от др.-рус. бѣлка¹⁷ — «Земля белок», т.е. «Земля мехов», — и обозначавший некую область в «Восточных землях», куда скандинавы приходили для охоты на пушного зверя и покупки пушнины. Все «русские» конунги носят исключительно скандинавские имена. Однако правители Ладоги и ее округа и члены их семей чаще всего имеют реальные, общеупотребительные имена: *Sigtryggr*, *Arngrímr*, *Hálf-dan*, *Ingigerðr*, *Ísgerðr* и др., тогда как персонажи, не связанные с Ладогой, носят вымышленные имена: *Sigrlami*, *Arghyrna*, *Hrifling* [Глазырина. 1997. С. 26—31; Глазырина. 2001. С. 143—159 (здесь приведен полный список имен «конунгов Руси»); Глазырина. 2013. С. 514]¹⁸.

В стереотипных сюжетах викингских саг отражена реальная действительность, причем именно VIII — первой половины X в., но в специфическом, обобщенном виде. *Garðaríki* в них — еще не Русь королевских и родовых саг, а лишь северо-запад Восточной Европы, собственно Ладога и ее округа, хорошо знакомая, постоянно посещаемая территория со значительным количеством топографических ориентиров. Ладожско-Волховский регион видится авторам викингских саг органической частью балтийского мира — и это соответствует становлению трансконтинентального пути из Северного в Каспийское и Черное моря [Мельникова. 2012]. Мотив борьбы скандинавского героя-викинга с «конунгом Гардарики» или «конунгом Альдейгьюборга» отразил столкновения различных скандинавских отрядов, предводители которых стремились установить свой контроль над выходом в восточноевропейскую систему коммуникаций — Ладожско-Волховским регионом, а затем стать во главе образовавшейся здесь политики. Вариант этого мотива — служба героя «конунгу Гардарики», также заканчивавшаяся его «обретением конунгства», — был воспоминанием о войнах-наемниках, «ходивших под рукой» русских князей. В мотиве героического сватовства воплотились многочисленные браки скандинавских воинов со

славянками и дочерью уже осевших в Восточной Европе скандинавов. Возможно, какие-то из этих сюжетов и восходят к реальному событию: например, брак некоего Радбарда с дочерью упсальского конунга Ивара Широкие Объятья [см. подробно: Мельникова. 2017. С. 413—414], но это были бы редкие исключения.

Заключение

Информация о Восточной Европе и Древней Руси IX—X вв. присутствует в скальдических стихах и рунических надписях, так и во всех рассмотренных видах саг. Однако ее распределение и ее характер специфичны для каждого из видов источников в силу жанрово обусловленной репрезентации в них прошлого. Отражая современные самим текстам события, скальдические стихи и рунические надписи запечатлевают сам факт произошедшего (как правило, военного похода), но не подробности о нем. По-разному конструируется прошлое в разных видах саг. Во-первых, определенные отличия есть в хронологии содержащейся в них информации. При том, что во всех сагах есть сообщения о событиях IX—XI вв. и даже более раннего времени, викингские саги охватывают по преимуществу IX—X вв.; родовые саги — начало X — середину XI в.; королевские саги — IX — конец XII в. Во-вторых, принципиально различна тематика саг: последовательная история норвежских конунгов — в королевских, переселение в Исландию и судьбы исландских знатных родов — в родовых, приключения героя-скандинава в чужих землях, приводящие его к славе и завоеванию невесты и королевства, — в викингских сагах. В-третьих, в королевских сагах герой — норвежский конунг — представлен в центре социальных связей, в родовых — героем, фактически, является не один исландец, а род к которому он принадлежит, в викингских сагах — скандинав-одиночка, совершающий подвиги в чужеземных странах. В соответствии с интенциями авторов, королевские и родовые саги стремятся представить прошлое «действительное», в менее или более беллетризированной форме, викингские саги, повествуя о далеком прошлом, эпизируют и обобщают его. Из этих характеристик вытекает различная репрезентация прошлого: «фактографическая» в королевских и родовых сагах, типологизированно-обобщенная — в викингских.

Сведения о Восточной Европе и Руси, соответственно, распадаются на два основных информационных пласта, различающихся по хронологии и типу сообщений. Древнейший, IX—X вв., пласт нашел отражение в викингских сагах в виде мотивов, обобщающих деятельность скандинавов на северо-западе Восточной Европы в догосударственный и раннегосу-

дарственный период и сохранивших реальные топонимы. Родовые и королевские саги охватывают информационный пласт примерно одного и того же времени — конец X — первая половина XI в. по преимуществу. Этот пласт более или менее однороден по типу информации — сообщения о конкретном событии (действительном, вымышленном или стереотипном), но в нем выделяются разные аспекты связей: массовые и спонтанные поездки скандинавов (в основном исландцев) в Гардарики, с одной стороны, и связи с Русью норвежских конунгов — с другой.

Литература

- Глазырина Г.В.* Викинги в святилище бьярмов: Трансформация сюжета в исландских сагах // XII конференция по изучению истории, археологии, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993. Ч. 1. С. 84—86.
- Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 1996.
- Глазырина Г.В.* Князь Игорь в скандинавских преданиях? // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. 2-е изд. М., 2013. С. 513—515.
- Глазырина Г.В.* «Конунги Руси» в сагах о древних временах // Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 26—31.
- Глазырина Г.В.* Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 143—159.
- Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 271 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Глазырина Г.В.* Саги о древних временах // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. 2-е изд. М., 2013. С. 462—468.
- Глазырина Г.В.* Формирование устной традиции: Сюжет о походе русов на Бердаа в восточных памятниках и рассказ «Саги об Ингваре» о гибели скандинавов на Востоке // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2000. С. 155—165.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988—1989 гг. М., 1991. С. 79—84.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-изд. М., 2012 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Джаксон Т.Н.* Королевские саги // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. 2-е изд. М., 2013. С. 444—460.
- Джаксон Т.Н.* Скальдическая поэзия // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. 2-е изд. М., 2013. С. 437—444.
- Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2002.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. 2009. Т. V / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова.

- Еременко А.Б. Викинские саги как источник для изучения этических представлений в Исландии XIII—XV вв. Автореф. дисс. к.и.н. М., 2009.
- Кук Р. Искусство и история в исландских родовых сагах // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 299—308.
- Мельникова Е.А. Германский героический эпос в средневековой Скандинавии: актуализация традиции // Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. М., 2012. С. 122—137.
- Мельникова Е.А. Генеалогия и начала норвежско-исландского историописания // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 464—526.
- Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г. М., 2012. С. 240—269.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Мельникова Е.А. Шведские рунические надписи в честь участников похода Ингвара // Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 382—421.
- Мельникова Е.А. Эпоха Владимира в древнескандинавской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М., 2017. С. 410—441.
- Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. II. М.; Л., 1935. С. 5—20.
- Рыдзевская Е.А. Устные предания в русских летописях // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. М., 1978. С. 159—236.
- Сага об Эгиле Скаллагримссоне / Пер. С.С. Масловой-Лашанской, В.В. Кошкина и А.И. Корсуна / под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1956. С. 61—252.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л., 1980, 1995.
- Щавелев А.С. Еще раз о мифоэпических устных источниках средневекового историописания: Рассказы об основателях династий у Галла Анонима и Снорри Стурлусона // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 г. М., 2016. С. 565—592.
- Andersson Th.M. The First Icelandic King's Saga: Oddr Snorrason's *Óláfs saga Tryggvasonar* or *The Oldest Saga of St. Olaf?* // Journal of English and Germanic Philology. 2004. Vol. 103. P. 139—155.
- Andersson Th.M. King's Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide / Ed. C.J. Clover, J. Lindow. N.Y., L., 1985 (Islandica, XLV). P. 197—238.
- Ármann Jakobsson. Royal Biography // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005. P. 388—402.
- Bagge S. Harald Schönhaar (anord. hárfagri), König von Norwegen († ca. 930) // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1989. Bd. 4. Sp. 1930.
- Braun F.A. Das historische Rußland im altnordischen Schrifttum des X—XIV Jh. // Festschrift für E. Mogk. Leipzig, 1924. S. 150—196.
- A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005.
- Egils saga Skalla-Grímssonar / Sigurður Nordal gaf út (Íslenzk fornrit, II), Reykjavík, 1933.
- Fagrskinna — Nóregs konungatal / Bjarni Einarsson gav út (Íslenzk fornrit, XXIX). Reykjavík, 1984. Bls. 55—364.

- Finnur Jónsson*. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. København, 1915 (перп. 1973). B Rettet text, B. I: 800—1200).
- Glazyrina G.* Vikings in a Pagan Temple in Bjarmaland: The Development of a Motif in Old Norse Sagas // *Samtiðarsögur: The Contemporary Sagas: Níunda alþjóðlega fornsagnaþingið: The Ninth International Saga Conference. Preprints*. Akureyri, 1994. B. 1. P. 233—236.
- Heimskringla Snorra Sturlusonar / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út*. Reykjavík, 1941. B. 1 (Íslensk fornrit, XXVI).
- Interrogating Genre in the *Fornaldarsögur*. Round Table Discussion // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2006. Vol. 2. P. 275—296.
- Lind J.H.* “Vikinger”, vikingetid og vikingeromantik // *Kuml*. 2012. S. 151—168.
- Melnikova E.* The Death in the Horse’s Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions // *Gudar på jorden. Festskrift till Lars Lönnroth / Ed. S. Hansson, M. Malm*. Stockholm, 2000. S. 152—168.
- Mundal E.* Sagalitteraturen // *Handbok i norrøn filologi / Udg. Odd Einar Haugen*. Bergen, 2004 (repr. 2013).
- Mundal E.* Kong Harald hårfagre og samejenta Snøfrid. Samefolket sin plass i den norske rikssamlingsmyten // *Nordica Bergensia*. 1997. B. 14. S. 39—53.
- Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide / Ed. C.J. Clover, J. Lindow*. N.Y., L., 1985 (Islandica, XLV).
- Peters P.* Scaldic Verse as a Historical Source // *Parergon*. 1978. Vol. 2. P. 29—37.
- Pritsak O.* The Origin of Rus: Old Scandinavian Sources other than Sagas. Cambridge, Mass., 1981. Vol.1.
- Saxonis Gesta Danorum // Recogn. et ed. J. Olrik, H. Ræder*. Haunia, 1931. T. 1.
- Schier K.* Die Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.
- Stender-Petersen A.* Die Warägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.
- Toorn M.C. van den.* Über die Ethic in den Fornaldarsagas // *Acta philologica Scandinavica*. 1963—64. Bd. 26. S. 19—66.
- Torfi H. Tulinius.* Sagas of Icelandic Prehistory (*Fornaldarsögur*) // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk*. Oxford, 2005. P. 447—461.
- Vries J. de.* Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977.
- Qrvarr-Odds saga / Hrsg. von R.C.Boer*. Leiden. 1888.

¹ Например, сюжеты о 20 конунгах, сраженных в битве, о некоем жертвоприношении в качестве мести за юного Ингвальдинга и др.

² Здесь и далее я не привожу оригиналы текстов, если они опубликованы в томах свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы». Благодарю Е.А. Гуревич за консультации, касающиеся прочтения этой висы.

³ Весь корпус скальдической поэзии сохранился в виде цитат в королевских и родовых сагах и в «учебнике скальдической поэзии» Snorri Sturluson «Младшая Эдда» (1220—1225 гг.), где стихи скальдов приводятся для демонстрации различных стихотворных размеров и приемов.

⁴ Практически только в этих трех видах саг содержится информация о Восточной Европе. Их характеристику см.: Глазырина, Джаксон. 2013. С. 444—468; *Old Norse-Icelandic Literature. 1985; A Companion*. 2005. В литературе последних десятилетий викингские саги обычно называются «легендарными» (Legendary sagas), но это наименование представляется мне не очень удачным, поскольку им обозначаются также и «героические саги» (основанные на общегерманских эпических сюжетах). Выделение жанров (видов) исландских саг достаточно условно, и саговеды далеко не едины в отнесении той или иной саги к определенному их виду, равно как и определении конкретных жанров. Наряду с указанными обычно выделяют также «саги о современности» (т.е. о событиях в Норвегии и Исландии конца

- XII—XIII в.), «епископские саги» (биографии исландских епископов), «рыцарские саги» (переработки кургуазных романов), а также многочисленные переработки новозаветных и агиографических сюжетов («саги об апостолах», «саги о святых» и др.). См.: Schier 1970; Old Norse-Icelandic Literature. 1985; A Companion. 2005.
- ⁵ Полную выборку упоминаний о Руси и Восточной Европе в королевских сагах с обширным комментарием см.: Джаксон 2012. «Россику» этих и других видов саг см.: Рыдзевская 1978; Древняя Русь. 2009.
 - ⁶ Только Снорри Стурлусон продлевает историю династии Инглингов до ее мифологических начал — эвгемеризированного бога-аса Одина: его свод открывается мифо-эпической «Сагой об Инглингах», которая относится большинством исследователей к жанру саг о древних временах. Следующая за ней «Сага о Хальвдане Черном» также содержит мифо-ритуальные мотивы (например, расчленение тела Хальвдана и захоронение в нескольких норвежских фольках, как и ранее — тела сына Одина, Ингви-Фрейра); сообщаемое в ней не поддерживается скальдическими стихами. Существенный мифо-эпический пласт прослеживается и в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» [Щавелев. 2016. С. 565—592].
 - ⁷ «*Áðalsteinn hét þá konungr í Englandi, er þá hafði nýtekit við konungdómi. Hann var kallaðr inn sigrsæli ok inn trúfasti*»: Haralds saga ins hárfagra, 38 // Heimskringla. 1941. Bls. 143; Снорри Стурлусон. 1980. С. 64.
 - ⁸ Редчайшим исключением являются описания политической ситуации на Руси в «Саге об Эймунде» [Джаксон. 2012. С. 290—319, 343—362] и характеристика русско-норвежских отношений в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в рукописи «Гнилая кожа» [Джаксон. 2012. С. 391—415].
 - ⁹ То же сообщается в «Саге о Харальде Серая Шкура» в «Круге земном» Снорри Стурлусона [Haraldar saga Gráfeldar, 14 // Heimskringla. 1941. Bls. 217]. См.: Джаксон. 2012. С. 116, 119/120.
 - ¹⁰ О классификации саг о древних временах см.: Глазырина. 1996. С. 7—22; Глазырина. 2013. С. 462—468; Torfi Tulinius. 2005; Interrogating Genre. 2006. P. 275—296.
 - ¹¹ Торфи Тулиниус считает их основными характеристиками локализацию действия — вне собственно Скандинавских стран и хронологию — до объединения Норвегии [Torfi H. Tulinius. 2005. P. 447—461].
 - ¹² Редчайший случай надежной верификации «исторического ядра» викингской саги представляет «Сага об Ингваре», в память об участниках похода которого установлено ок. 25 рунических камней в Средней Швеции [Мельникова. 2002. С. 382—421].
 - ¹³ Многочисленны рассказы о попытках датских и норвежских конунгов очистить свою территорию от викингов. Безусловно и резко отрицательно отношение к «квинтэссенции» викингства — берсеркам во всех сагах. См. подробно: Lind. 2012.
 - ¹⁴ Исключение одного или нескольких эпизодов не влияет на общее содержание произведения. Особенно показательна в этом отношении «Сага об Одде Стреле», в которой лишь небольшая их часть формирует сюжет, как, например, предсказание провидицы, получение Оддом волшебных стрел Гуси и некоторые другие [Orvar-Odds saga].
 - ¹⁵ О специфике этических представлений в сагах о викингах см.: Toorn. 1963—64; Еременко. 2009.
 - ¹⁶ Одд не упоминается ни в одной другой саге, хотя его предки, Кетиль Лосось и др. («люди из Хравнисты», северная Норвегия) называются в некоторых родовых сагах в качестве предков исландцев. Единственный случай упоминания Одда — в легендарной части «Истории данов» Саксона Грамматика, пересказавшего известное и по другим источникам предание о битве на о. Самсё, в которой на стороне Хьяльмара участвует *Arvaroddus piratus* [Saxonis Gesta Danorum V, XIII, 4 // Saxonis Gesta Danorum. 1931]. По саге, Хьяльмар — побратим Одда.
 - ¹⁷ Топоним встречается только один раз в «Саге об Одде Стреле». Об этимологии названия см.: Vries. 1977. S. 38.
 - ¹⁸ Вымышлены имена «русских» конунгов в «Саге об Одде Стреле» (образованы от названий древнерусских городов: *Ráðstafr* < *Ráðstofa*, *Marró* < *Móramar* и др.) и в «Саге о Тидреке Бернском» (*Runi*, *Hirðer* и др.).

С.М. Михеев¹

Фарьмань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике^{**}

Аннотация: В статье рассматриваются топоним из начальной летописи и личное имя из надписи-граффито новгородского Софийского собора. Как показывает анализ, имя *Фарьмань* из надписи 1070-х гг. восходит к основе косвенных падежей древнешведского личного имени *Farmaðr*, а летописный топоним *Поромонь дворь*, фигурирующий в рассказе о событиях 1015—1016 гг., должен переводиться как 'двор Поромона' и не имеет отношения к нарицательному *farmaðr* 'путешественник, купец', как это обычно считается.

Ключевые слова: Ономастика, антропонимика, Древняя Русь, Новгород, Скандинавия, начальная летопись, XI век.

S.M. Mikheev

*Farymanъ and Poromonъ dvorъ: True and false scandinavisms in two
Novgorodian proper names*

Abstract: The present paper deals with a place name in the Primary Chronicle and a proper name in a graffito inscription from the St. Sophia Cathedral in Novgorod. The study of both cases shows that the proper name *Farymanъ*, found in the 1070ies inscription, goes back to the objective case stem of the Old Swedish given name *Farmaðr*. Conversely, the place name *Poromonъ dvorъ*, found in the chronicle section narrating the events of 1015—1016, cannot be traced back to the commonly proposed Scandinavian origin *farmaðr* 'traveler, merchant', and is to be translated as 'Poromon's yard', where Poromon is a baptismal name of Greek origin.

Keywords: Onomastics, anthroponymy, Old Russia, Novgorod, Scandinavia, Primary Chronicle, 11th century.

Данная работа посвящена вопросу о месте избиения новгородцами варяжских наемников Ярослава Владимировича в 1015 или 1016 году. Ниже летописное словосочетание *поромонь дворь* последовательно разбирается с текстологической, лингвистической и исторической точек зрения¹.

¹ Михеев Савва Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Mikheev Savva Mikhaylovich, PhD (History), a Senior Researcher, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

^{**} Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16—04—00331).

В Новгородской первой летописи сохранились фрагменты древнейшего описания событий, последовавших за смертью Владимира Святославича 15 июля 1015 г.² К этому древнему пласту, несомненно, относится и следующее известие: «в новѣгородѣ же тогда ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати; и начаша варязи насиле дѣяти на мужатыхъ женахъ; ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собращася в нощь, исѣкоша варягы в поромонѣ дворѣ»³. Первоначальная запись данного известия датируется 1040-ми гг.⁴ В рукописи «Повести временных лет» игумена Сильвестра 1116 г. на соответствующем отрезке реконструируется несколько отличный текст: «варязи бяху мнози у ярослава и насиле творяху новѣгородьцемъ и женамъ ихъ; въставъше новѣгородьци, избиша варягы въ дворѣ поромони»⁵.

В языковом отношении варианты «въ поромони (или: поромонѣ) дворѣ» и «въ дворѣ поромони» равноценны и прозрачны. Слово *поромони* представляет собой форму местного падежа от краткого прилагательного *поромонь*,⁶ образованного при помощи притяжательного суффикса *-jь* от слова *поромонѣ* (окончание *-ть* в местном падеже, представленное в ряде летописей, является новгородским диалектизмом).

Как следует трактовать слово *поромонѣ*?

Классики русской историографии от М.М. Щербатова до А.А. Шахматова не сомневались в том, что это личное имя.⁷ Ту же трактовку не исключал Л.К. Гётц, который указал на наличие новгородца с тем же именем — подвойского Поромана, убитого в 1269 г. [Goetz. S. 86]. Версию о новгородце Поромоне поддерживали К. Тёрнквист [Thörnqvist. S. 242—243] и В.В. Фомин [2010. С. 488—489].

Однако в 1907 г. ударила первая молния надвигающейся грозы: после небольшой заметки о скандинавских наименованиях Смоленска и Полоцка Й.Ю. Миккола поместил дополнение о Поромонем дворе в треть журнальной страницы, где высказал следующую мысль: «*Поромонь* — это притяжательное прилагательное к **поромонѣ*, и это снова может быть не что иное как *farman*, исл. *farmaðr* ‘человек, занимающийся морскими путешествиями и торговлей’, ср. также *farmannaerfðir* ‘наследство человека, умершего за границей’» [Mikkola]. Идею Й.Ю. Микколы подхватил А. Бугге, который высказал предположение, что *дворѣ поромонь* «соответствует древнесеверному *farmannagarðr* (“двор мореплавателей и купцов”)» [Bugge. S. 193—194]. Гипотезу Й.Ю. Микколы о скандинавизме **поромонѣ* приняли В.А. Брим [Брим. С. 235], А. Стендер-Петерсен [Stender-Petersen. S. 118—119], Г.В. Валеев [Валеев. С. 103], В.О. Казанский [Казанский. С. 435], Е.А. Мельникова, Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон,⁸ В.Я. Петрухин [Петрухин. С. 249 (прим. 173)], Г. Шрамм [Schramm. S. 173], А.Ю. Карпов [Карпов. С. 64], П.В. Лукин [2007. С. 13—14; 2014. С. 92—93].

В книге 1948 года о скандинавских заимствованиях в русском языке К. Тёрнквист сообщила, что автор реконструкции скандинавизма **поромонь* Й.Ю. Миккола в письме к ней отказался от скандинавской этимологии и, отталкиваясь от предложения К. Тёрнквист (видившей в слове *поромонь* обыкновенное греческое имя), предложил возводить слово **поромонь* к греч. *παράμονη* ‘гвардия’ [Thörnqvist. S. 243].⁹ В развитии этой идеи Й.Ю. Микколы Р. Экблум предложил отталкиваться от формы множественного числа *παράμοναί* ‘телохранители’.¹⁰

Менее прямолинейные трактовки слова *поромонь* представлены в работах Л.К. Гётца, Д.С. Лихачева, А. Поппэ и Г.С. Лебедева. Л.К. Гётц колебался между версиями о скандинавизме и о личном имени [Goetz. S. 86], Д.С. Лихачев указывал на две версии Й. Ю. Микколы, не выделяя ни одну из них, и писал: «Как бы ни решать этот вопрос, важно, что первоначальное слово в данном случае не имя собственное».¹¹ Обе версии Й.Ю. Микколы вместе принимает Г.С. Лебедев [1985. С. 206; 2005. С. 451].

Важнейшим событием в изучении рассматриваемого темного места стала публикация древнерусской надписи из Софии Новгородской. Хорошо сохранившееся древнерусское граффито было выявлено в 1940-е гг. во время раскопок А.Л. Монгайта на стене южной галереи Софийского собора. Надпись, получившая в публикации А.А. Медынцевой № 167, гласит: *Го(споди) помози рабу своему | Фарьману Глебовоу отрокоу*, то есть ‘Господи, помоги рабу своему Фарьману, отроку [князя] Глеба!’ Упомянутый в надписи Глеб — это Глеб Святославич, княживший в Новгороде в 1069—1078 гг.¹² Слово *отрокъ* употреблено в надписи в одном из своих социальных значений: ‘слуга’, ‘младший член дружины’, ‘младшее должностное лицо’.¹³ По Русской Правде за убийство княжеского отрока полагалась такая же вира, как за княжеского конюха или повара.

Интерпретацию загадочного имени *Фарьмань*, оставленного А.А. Медынцевой без объяснения, предложила Т.В. Рождественская, по мнению которой, это имя, как и микротопоним *Поромонь дворь*, происходит от *farmann-* — основы косвенных падежей древнескандинавского социального термина *farmaðr* ‘путешественник, купец, в частности, ведущий заморскую торговлю’. Во время появления надписи «древнескандинавское слово *farmenn* как социальный термин мог уже утратить актуальный смысл и перейти в имя собственное», — пишет исследовательница [Рождественская. С. 208].

Не подлежит сомнению, что изучение происхождения древнерусского имени *Фарьмань* может пролить свет на столетний «фарманский вопрос».

Е.А. Мельникова заметила, что «прозвище (имя?) *Farmaðr* встречается также в Англии и Нормандии» [Мельникова, 2011. С. 373 (прим. 16)], сославшись на работу Дж. Инсли о личных именах скандинавско-

го происхождения в Норфолке [Insley]. Действительно, этот антропоним был широко распространен. В ряде английских источников XI—XIII вв. представлены личное имя и прозвище *Farmannus* (варианты: *Fareman*, *Farman*) [Reany, Wilson. P. 1120].¹⁴ В нормандских источниках того же времени фигурирует имя *Farman* / *Farmanus* / *Farmannus*, которое объясняют через скандинавское *Farmaðr* или франкское *Faramam*. В пользу бытования в Нормандии именно скандинавского имени (возможно, наряду с франкским), свидетельствует локализация образованных от него топонимов *Fermanville* (в источнике конца XII в. — *Farmanville*) и *Fermanbreuil* (поселок и лес в Нижней Нормандии) в зоне скопления топонимов скандинавского происхождения [Adigard des Gautries. P. 200—202; Beaurepaire. P. 117].

Однако интересующее нас имя зафиксировано не только в регионах западноевропейской экспансии викингов, но и в Швеции: имя **Farmaþr** представлено в рунической надписи первой половины XI в. на камне № 229 из Сёдерманланда, стоящем в Торпе, в 45 км к югу от Стокгольма.¹⁵

Как показали Э. Брате и Э. Вессен, имя *Farmaðr*, образованное от имени нарицательного *farmaðr*, в свою очередь стало образцом для формирования группы имен с начальным корнем *Far-*, представленной в шведском руническом именованном именами *Farbjörn*, *Farulfr* и *Farþegn* [Brate, Wessén. S. 234]. При этом следует отметить, что формирование этих имен относится ко времени не позднее начала XI в., так как две шведских рунических стелы с именем *Farþegn* — камень № 21 из провинции Хельсингланд и камень № 222 из провинции Эстеръётланд (на нем, впрочем, имя читается не вполне уверенно) — датируются по методу А.-С. Грэслунд 980—1015 гг., а два камня с именем *Farbjörn* — № 720 из Упланда и № 181 с острова Готланд — 1010—1050 и 1033—1066 гг. соответственно.¹⁶

Ежели слово *farmaðr* уже в начале XI в. (или даже в X в.) использовалось в Скандинавии непосредственно в качестве личного имени, то вероятность происхождения древнерусского имени *Фарьманъ*, представленного в надписи второй половины XI в., напрямую от нарицательного *farmaðr* без посредства личного имени *Farmaðr* следует признать исчезающе малой.

Вернемся теперь к слову *поромонъ*. Каково же все-таки его происхождение? Вывод Т.В. Рождественской гласит: «И микропоним “Поромонъ”, и имя “Фарьман” свидетельствуют об очень давнем заимствовании в древнерусский язык исходной древнескандинавской лексемы, видимо, в период активного освоения скандинавами Севера Восточной Европы. Памятники XI—XII вв. отражают уже существенные изменения в семантике, возникшие в результате адаптации этого слова в древнерусском языке и, что существенно, отразившей устный путь заимствования» [Рождественская. С. 208]. Следует обратить внимание на то, что

исследовательница с оправданной осторожностью не приводит в этом пассаже реконструируемые ею словоформы, так как в действительности это невозможно. Если предположить, что в древнерусском языке существовало заимствованное из скандинавского слово **поромонъ* ‘путешественник, купец, в частности, ведущий заморскую торговлю’, то развитие полногласного *оро* на месте исходного сочетания *ar* в этой форме датирует заимствование временем не позже IX в.¹⁷ Из этой датировки следует, что имя *Фарьманъ* в надписи второй половины XI в. никак не может быть отражением гипотетически реконструированного древнерусского нарицательного **поромонъ*.

И реконструкция скандинавского заимствования **поромонъ* ‘путешественник, купец’, и реконструкция греческого заимствования **поромонъ* ‘гвардия’ строятся на прочтении в древнерусском тексте гапакса, не являющегося гапаксом при иной трактовке данного слова. Обе эти этимологии подразумевают весьма раннее проникновение нарицательного **поромонъ* в древнерусский язык (VIII или IX в. в скандинавской версии!). Не следует ли отказаться от натянутых построений Й.Ю. Микколы и переводить *Поромонъ дворъ* так, как предлагали М.М. Щербатов, С.М. Соловьев и А.А. Шахматов? Против этого выдвигалось несколько аргументов.

Б.А. Клейбер отметил редкую встречаемость имени *Поромонъ* на Руси. По его мнению, это имя могло быть новым на Руси в XIII в. [Клейбер, 1959а. С. 135—136]. Рассмотрим упоминания этого имени подробнее. Л.К. Гётц указал на новгородского подвойского Поромана, убитого в 1269 г.¹⁸ (замена *о* на *а* внутри слова характерна для древненовгородского диалекта [Зализняк. С. 205]). Недолгий поиск позволил выявить также следующих носителей рассматриваемого имени: (1) известный московский золотых дел мастер середины (?) XIV в. Парамша,¹⁹ (2) «Парамша — Парамон Григорий Лукьянович, середина XV в., Дмитров» [Веселовский. С. 239], (3) «Парамон Иванович Горемыкин, 1582 г., Новгород» [Веселовский. С. 85], (4) «Шахманов Парамон Сидорович, 1597 г., Рязань» [Веселовский. С. 363]. Очевидно, что данный список неполон. Отразилось данное имя и в топонимах: Б.А. Клейбер указал на Парамонову пустошь (иначе — *Парамонцово*) в Костромском уезде, отданную Троице-Сергиеву монастырю в середине XV в.²⁰, а Г.С. Лебедев — на современный старолadoжский топоним *Парамонов ручей*.²¹ К ним можно добавить деревню Пороманово Ясенского погоста Шелонской пятины, зафиксированную писцовой книгой 1498 г.²² Кроме новгородца XIII в. и позднейших фиксаций имя *Парамонъ* встречается в более древних богослужебных текстах: раннехристианский мученик Парамон упоминается в значительном количестве древнерусских месяцесловов, в том числе в Мстиславовом Евангелии.²³

Второй аргумент против Парамона также был обозначен Б. Клейбером [1959а. С. 136], а недавно заострен П.В. Лукиным. По мнению исследователя, «примеров наименования дворов подобным образом в новгородском летописании практически нет» [Лукин, 2014. С. 92]. Это утверждение неверно: ср., к примеру, *Ярославль дворъ* (под 6716 г. и позднее), *Петрятинъ дворъ* (под 6635 г.), *Ондръшковъ дворъ* (под 6837 г.). Постулируемое П.В. Лукиным новгородское происхождение рассматриваемого летописного текста весьма сомнительно,²⁴ киевское же летописание еще более изобилует подобными наименованиями дворов. «[Д]вор Поромон[ъ]»²⁵ — это, как просто объяснил еще С.М. Соловьев, двор “какого-то Парамона” (церковь чтит мученика с таким именем, погибшего в 250 г.). А параллели такому естественному названию усадьбы по имени ее владельца не раз встречаются, например, в топонимике Киева IX—X вв.: по приказу Олега, говорит ПВЛ, “убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Ольмин двор...” (882), “град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор князь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чудин...” (945)», — это справедливое замечание принадлежит перу В.В. Фомина [2010: 489], с доводами которого следует безоговорочно согласиться.

Итак, словосочетание *Поромонъ дворъ* означает ‘двор Поромона’, а *Поромонъ* — это личное имя хозяина двора, крестильное имя греческого происхождения.

Дальнейшие исторические рассуждения на основе сделанного лингвистического вывода вынужденным образом являются гадательными. Вряд ли когда-либо в нашем распоряжении окажутся источники, которые позволят уверенно судить о том, был ли Поромон, на дворе которого побили наемников Ярослава Владимировича, греком, славянином или скандинавом, был ли он боярином, воином, священником, держателем постоянного двора или простым горожанином, был ли он современником событий 1015—1016 гг. или прежним владельцем места будущего избияния, а также была ли какая-то связь между Поромоном и жившим через шесть десятков лет после него отроком Глеба Святославича Фарьманом.

В раннем летописном тексте крестильные имена мирян не княжеского происхождения практически отсутствуют, хотя общепризнано, что у всех древнерусских людей были оба имени. Имя *Коснятинъ*, которое носил сын кормильца Владимира Святославича Добрыни, вероятно, является гибридом крестильного *Константинъ* со славянским **Къснята* [Васильев, 2005. С. 199—200; 2012. С. 150—152], а единственным чистым исключением является имя воеводы Ивана Творимирича, участника похода Владимира Ярославича на греков 1043 г.²⁶ Не было ли обусловлено сохранение памяти о мирских именах Поромона и Ивана

фонетической близостью к их крестильным именам, как в традиционных парах **Къснята* — *Константинъ* и *Якунъ* — *Яковъ* [Гиппиус, Успенский]? Небезынтересно в этом отношении, что имя *Иворъ*, составляющее соответствие имени *Иванъ* [Гиппиус, Успенский. С. 30], аллитерирует с отчеством *Творимиричь*. Если причиной сохранения памяти о крестильном имени владельца двора, где новгородцы истребили варягов, действительно была его фонетическая близость к мирскому имени, то это могло быть как славянское имя типа *Поръи*, так и имя *Фарьманъ*, что одновременно объяснило бы нам и причины того, что варяги-наемники оказались на его дворе.

Другую реконструкцию предложил А.В. Сумин,²⁷ тесно связавший упоминание Поромона с контекстом летописного сообщения: «В Новгороде же тогда Ярослав содержал много варягов, боясь войны. И начали варяги насиловать замужних женщин. [И] сказали новгородцы: “Этого насилия мы не можем видеть”, и, собравшись ночью, изрубили варягов во дворе Поромона». По мнению А.В. Сумина, именно у Поромона новгородцы застали варягов на месте преступления, потерпевшими от которого были домочадцы Поромона.

К сожалению, нельзя сказать, был ли Поромон Фарьманом, нападали ли варяги на его двор. Нельзя даже исключать того, что обе эти версии верны.

Итак, имя *Фарьманъ* в новгородской надписи второй половины XI в. — это скандинавское личное имя *Farmaðr*, распространение которого подтверждается источниками первой половины XI в. Скандинавское имя генетически восходит к нарицательному *farmaðr* ‘путешественник, купец’, к которому — по весьма распространенному в науке заблуждению — возводился новгородский топоним *Поромонъ дворъ*, представленный в летописных описаниях избиения варягов новгородцами в 1015 или 1016 г. Лингвистический анализ показывает, что *Поромонъ дворъ* — это ‘двор Поромона’, то есть крестильное имя *Поромонъ* греческого происхождения носил либо современный погрому варягов хозяин двора, либо его прежний владелец. Удивительное совпадение — кажущаяся находка заманчивого скандинавского слова в новгородской надписи Фарьмана — затмило прозаическое происхождение летописного топонима.

Литература

- Андряшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I: Списки селений. М., 1914.
Брим В.А. Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 227—260. (Переиздание статьи 1931 г.)

- Валеев Г.К. Древнерусские подпоручики Киже // Русская речь. М., 1981. 2. С. 99—104.
- Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя история Руси в как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 36—63.
- Гиппиус А.А. Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Елены Константиновны Ромодановской: Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 40—47.
- Гиппиус А.А., Успенский Ф.Б. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени — древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Сборник тезисов XIX конференции памяти В.Д. Королюка. Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. М., 2000. С. 29—36.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. Скандинавские источники. Часть V // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 408—563.
- Гордиенко Э.А. Где был «Поромонь двор»? // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXV. СПб., 2016. С. 11—95.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Казанский В.О. Российская историография связей между Русью и Швецией в XI—XII вв. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 427—441.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II—III. М., 1991.
- Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2005. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1148 (948).)
- Клейбер Б. Два древнерусских местных названия // Scando-Slavica. 1959. Т. 5. P. 132—147 [Клейбер, 1959а]
- Клейбер Б. Поромань в Пскове и Поромони двор в Новгороде // Славянское языкознание: Сборник статей. М., 1959. С. 120—124 [Клейбер, 1959б].
- Костомаров Н.И. История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечевого уклада (севернорусские народоправства). Т. 1. СПб., 1868. (Н. Костомаров. Монографии и исследования. Т. 7.)
- Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1: Господство дома св. Владимира: X—XVI-ое столетия. СПб., [1911].
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. М.; Л., 1962.
- Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983.
- Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001.

- Лосева О.В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001.
- Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3—20.
- Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014.
- Медынцева А.А. Новгородские надписи-граффити // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 3—28.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI—XIV века. М., 1978.
- Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13—15 октября 1982 г. и посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984. С. 127—133.
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011.
- Михеев С.М. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 1 (31). С. 45—59.
- Михеев С.М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015—1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4.)
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. (Славяно-германские исследования. Т. 6.)
- Михеев С.М. Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте в контексте начальной истории древнерусской письменности // Вопросы эпиграфики. М., 2012. Вып. VI. С. 7—30.
- Михеев С.М. К проблеме датировки перехода русского начального летописания от хронистики к анналистике // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2016. № 3 (65). С. 153—157.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М., 2009.
- Назаренко А.В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593—654.
- Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
- Петрухин В.Я. Русь в IX—X веках: От призвания варягов до выбора веры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2014.
- Поптэ А.В. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники: Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 64—91.
- Рождественская Т.В. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии (1015) 1016 г. // Памятники Средневековой Культуры. Открытия и Версии: Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 205—209.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—XI—. М., 1988—2016.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1851.
- Стефанович П.С. Бояре. Отроки. Дружины: военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012.
- Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. Изд. 2-е, испр. / Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. Б.А. Успенского. М., [1995].
- Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. (Изгнание варягов из русской истории. Вып. 2.) С. 203—521.

- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Щербатов М. История Российской от древнейших времен. Т. I: От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. В Санктпетербурге, 1770.
- Adigard des Gautries J. Les noms de personnes scandinaves en Normandie de 911 à 1066. Lund, 1954. (Nomina germanica: Arkiv för germansk namnforskning. 11.)
- Beaurepaire F. de. Les noms des communes et anciennes paroisses de la Manche. Paris, 1986.
- Brate, Wessén — Sveriges runinskrifter. Bd. 3: Södermanlands runinskrifter / Granskade och tolkade av E. Brate och E. Wessén. Stockholm, 1924—1936.
- Bugge A. Kleine Beiträge zur ältesten Geschichte der deutschen Handelsniederlassungen im Auslande und besonders des Kontors zu Bergen in Norwegen // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1908. Bd. VI. S. 186—209.
- Gippius A.A. Reconstructing the original of the *Povest' vremennyx let*: a contribution to the debate // Russian Linguistics. 2014. 38. P. 341—366.
- Gippius A.A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // The Russian Review. In print.
- Gräslund A.-S. Dating the Swedish Viking-Age rune stones on stylistic grounds // Runes and their Secrets: Studies in Runology. Copenhagen, 2006. P. 117—139.
- Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. XXXVII. Reihe A: Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6.)
- Inasley J. Scandinavian Personal Names in Norfolk: A Survey Based on Medieval Records and Place-Names. Uppsala, 1994. (Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi. LXII.)
- Mikkola J.J. Fornrøy. Poromoni dvorū, fisl. farmadr // Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1907. Bd. 23. (N. f. Bd. 19.) H. 3. S. 281.
- Melnikova E.A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // Runica — Germanica — Medievalia. Berlin; New York, 2003. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 37.) P. 454—465.
- Poppe A. Poromoni dwór // Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. T. 4: P — R. Cz. 1: P. S. 232.
- Reany, Wilson — P. H. Reany. A Dictionary of English Surnames. 3rd ed. with corrections and additions of R. M. Wilson Reany P. H. A Dictionary of English Surnames. 3rd ed. with corrections and additions of R. M. Wilson. London; New York, 2006.
- Schramm G. Altrußlands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002. (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae. Bd. 12.)
- Smart V. 'Not the oldest known list': Scandinavian Moneyers' Names on the Tenth-Century English Coinage // Coinage and History in the North Sea World, c. AD 500—1250: Essays in Honour of Marion Archibald. Leiden, Boston, 2006. P. 297—324.
- Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.
- Thörnqvist C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm, 1948. (Труды по славянской филологии = Études de philologie slave. T. 2.)

¹ Работа была представлена на IX круглом столе «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» 10 июня 2016 г. Автор искренне признателен А.А. Гиппиусу, П.В. Лукину и А.В. Сумину, принявшим активное участие в обсуждении. Отдельное спасибо за помощь в работе с литературой А.Е. Мусину и Э. Ридель-Гранже.

- ² [Лукин, 2007; 2014. С. 70—102; Михеев, 2008. С. 45—55; 2009. С. 28—39; Гиппиус, 2014].
- ³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. Отв. ред. М.Н. Тихомиров]. М.; Л., 1950. 6524 г. Л. 78 об. (с. 174).
- ⁴ О данном этапе начального летописания см. [Назаренко, 2016. С. 638—641; Михеев, 2016].
- ⁵ Слова «женамъ ихъ» читаются только в Лаврентьевской летописи, но их согласие с более древней версией Новгородской первой летописи позволяет возвести их к архетипу «Повести временных лет». Еще одно различие на этом отрезке, по-видимому, вызвано случайным пропуском двух слогов или механическим повреждением в протографе Ипатьевской и Хлебниковской летописей, где были потеряны второй и третий слоги в слове *поромони*. Подробнее о соотношении рукописей «Повести временных лет» см. [Girrius, 2014] с указанием литературы.
- ⁶ Н.И. Костомаров ошибочно воспринимал *поромони* как форму родительного падежа от личного имени **Поромоня* [Костомаров, 1868. С. 42; 1911. С. 8], а Б.А. Клейбер — как форму родительного падежа от слова женского рода **поромьянь* / **поромань* с корнем *пором-* 'паром'. По мнению Б.А. Клейбера, *поромонь* — это окающий вариант слова **поромань*, искаженного **поромьянь* 'место, где пристает паром' [Клейбер, 1959а. С. 132—138; 1959б]. С точки зрения фонетики неприемлемо предположение исследователя о том, что *о* в суффиксе возникло в результате оканья: «Мы должны считаться с тем, что список отражает диалект последнего переписчика. Хотя для новгородского произношения прежде всего естественна форма *Поромань*, но в сильно-окающем Новгороде возможна и *Поромонь*» [Клейбер, 1959а; 132—138]. Оканье не является переходом *а* в *о*. Трактовка Б.А. Клейбера (и Н.И. Костомарова) ущербна и с точки зрения синтаксиса: в словосочетании «въ поромони дворъ» слово *поромони* не может стоять в родительном падеже.
- ⁷ [Щербатов. С. 293; Карамзин. С. 194; Соловьев. С. 191; Шахматов. С. 177]. Особняком стоит трактовка Н.И. Костомарова, считавшего, что владельца двора звали *Поромоня* и он был одним из «зачинщиков заговора» [Костомаров, 1868. С. 42].
- ⁸ См. [Мельникова, 1984. С. 130; 2011. С. 373 (прим. 16), 387; Глазырина, Джаксон, Мельникова. С. 543; Melnikova. P. 371].
- ⁹ Эта трактовка принята в новейшей работе [Гордиенко].
- ¹⁰ См. [Stender-Petersen. S. 119]. Мне не удалось обнаружить в московских библиотеках посвященную этой теме статью Р. Экблума «Livvaktens gård i Jaroslav den Vises Novgorod» 'Двор телохранителей в Новгороде Ярослава Мудрого' в Ежегоднике Королевского общества гуманитарных наук в Упсале (Kungliga Humanistiska Vetenskaps-Samfundets i Uppsala Årsbok) за 1952 г. Ср. искажение гипотезы Р. Экблума в работе [Никитин. С. 255].
- ¹¹ [Лихачев, 1962. С. 76—77; 1983. С. 80—81; 2001. С. 84]. А. Поппэ склоняется к мнению Д.С. Лихачева [Рорре; Поппэ. С. 87].
- ¹² См. [Назаренко, 2009. С. 115] о датировке новгородского княжения Глеба Святославича. А.А. Медынцева не исключала возможности идентификации Глеба с Глебом Ольговичем, бывшим в Новгороде в 1137 г. по вызову своего брата, новгородского князя Святослава Ольговича [Медынцева, 1974. С. 11—12; 1978. С. 108]. Эпиграфический контекст не позволяет принять эту гипотезу, так как поверхность стены, где была нанесена надпись, по-видимому, была перекрыта фресковой штукатуркой в 1144 г., а надпись находится посреди лопатки на удобной высоте и поверх нее прорезано несколько более поздних рисунков крестов. Если бы надпись наносилась незадолго до оштукатуривания данной стены, то ее автор вынужден был бы избегать многочисленных более ранних граффити. В пользу идентификации Глеба с Глебом Святославичем говорят также его долгое княжение в Новгороде и архаичная палеография. Присутствующая в над-

- писи графическая мена буквы *ŋ* на *e* (в слове *Глебовоу*) — вопреки А.А. Мединцевой — не говорит о поздней датировке надписи, так как эта особенность встречается как в ранних берестяных грамотах (№№ 109, 241, 246, 566, 613, 950), так и в некоторых других софийских граффити XI в. (см. формы *цела* <цѣла> и *нозе* <нозѣ> в надписях третьей четверти XI в. [Gippius, in print]).
- ¹³ См. об этом слове: [СДРЯ. Т. VI. С. 208—209; Стефанович. С. 336—338].
- ¹⁴ Нельзя исключать также скандинавского происхождения монетария Фармана или Фарамана, имя которого отчеканено на пенсах королей Йорка 940-х — 950-х гг. Впрочем, вариант написания *Faraman* свидетельствует в пользу его западно-германского происхождения [Smart. P. 314].
- ¹⁵ Полный текст надписи таков: **· Katil:biarn : auk : Þorbiarn : auk : Þorkatil · auk : Farmaþr : auk : Suain · raistu stain : at · Ikulbiaurn · faþ||ur : sin †** ‘Кетильбьёрн, Торбьёрн, Торкетиль, Фармад (Фарман) и Свейн поставили камень по Игульбьёрну, своему отцу’. Подробнее см. [Brate, Wessén. S. 203—204, pl. 114]. Торп находится в Сотхольмском районе, в приходе Сорунда. Датировка камня по методике А.-С. Грэслунд: 1010—1050 гг. (см. след. прим.).
- ¹⁶ См. [Gräslund] с указанием литературы.
- ¹⁷ Ср. ранние заимствования *Ладога*, *Тьмуторокань*, *король* (← праслав. **korʹь*), претерпевшие на славянской почве метатезу плавных, с другими словами, появившимися в славянские языки тогда, когда этот закон уже перестал действовать: *Ольга*, *ольтарь*, *Маркъ*.
- ¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 86, 316—317.
- ¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / [Подг. к печ. Л.В. Черепнин]. М.; Л., 1950. С. 16, 18, 36, 56—57, 59, 61, 197, 362. Изделия мастера Парамши впервые упоминаются в духовной грамоте Ивана Ивановича Красного (около 1358 г.).
- ²⁰ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 149 (№ 213), 476—477 (№ 588).
- ²¹ Правый приток Заклюки, правого притока Ладожки, левого притока Волхова. Парамонов ручей является южной границей исторической части Старой Ладogi [Лебедев, 1985. С. 206; 2005. С. 451].
- ²² Новгородские писцовые книги. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. I. 1498 г. — II. 1539 г. — III. 1552—1553 гг. СПб., 1886. С. 143, 453; [Андряшев. С. 370]. Ср. также на карте Европейской России топонимы *Парамоново* и даже *Пороманово* (в Одоевском районе Тульской области), совр. фамилию *Парамохин* [Унбегаун. С. 70].
- ²³ Память Парамона читается под 29 ноября [Лосева. С. 213]. Ср. «Стра^с. ст҃го . мѣнка . Парамона . и съ нимъ .т҃. и .б҃. ст҃хъ . слоуж* . всѣх ст҃х» (Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.Н. Панкратова. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. Л. 1766 (с. 237)). Ср. почти то же с добавлением «ти пострадаша при Декии цѣри» в переводном Синаксаре (Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. Т. I: Текст и комментарии / Изд. подг. Л.В. Прокopenko, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский. Под ред. В.Б. Крысько М., 2010. Л. 74в—74г (с. 414)).
- ²⁴ Ср. [Михеев, 2011. С. 123; Гиппиус, 2012. С. 16].
- ²⁵ У В.В. Фомина — «Поромони» (ошибка в согласовании падежных форм).
- ²⁶ Ср. имена варяга-мученика Иоанна (согласно Прологу, то есть тексту середины XII в.) и отрока Бориса Владимировича — Георгия Угрина (летописная повесть об убийстве Бориса и Глеба датируется 1070-ми гг. [Михеев, 2011; Гиппиус, 2012]), а также имя *Лазарь* в окружении мирских имен его родственников в надписи на Воймерицком кресте XI в. [Михеев, 2012].
- ²⁷ Выступление в устной дискуссии по докладу автора 10 июня 2016 г. на круглом столе «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе».

В.Б. Перхавко*

Отношение к военно-историческим памятникам России в эпоху Просвещения

Аннотация: Автор статьи показывает отношение в России эпохи Просвещения к вещественным памятникам, связанным с историей военного дела и воинской славы. Интерес к этой части национального культурного наследия отражает общий уровень культуры и историческую идентичность общества и имперского государства, расширявшего свои пределы в результате неоднократных войн.

Ключевые слова: память, памятные события, военное дело, реликвии, коммеморация, памятники-символы, имперское государство, общество, идентичность, культура.

V.B. Perkhavko

The attitude to the relics of war history in Russia during the epoch of Enlightenment

Abstract: The author of the article describes the interest to the ancient monuments and places, connected with the war history and arms in Russian Empire during the epoch of Enlightenment. The interest to the such part of national cultural heritage reflects the common level of the culture and historical identity of the society and imperial state, while the permanent growth of its territory was connected with wars.

Keywords: memory, memorable events, war affairs, relics, commemoration symbolic monuments, imperial state, society, culture, identity.

На облик эпохи Просвещения, начавшейся в России на рубеже XVII—XVIII вв., повлияли петровские реформы, имперский дух, политика просвещенного абсолютизма времен Елизаветы Петровны и Екатерины II, процессы дальнейшего обмирщения и европеизации русской культуры, социально-экономические реалии крепостнического общества, западноевропейские просветительские идеи. Огромное значение имели деятельность Академии наук, основание Московского университета и Академии художеств, зарождение научных направлений естественного и гуманитарного про-

* Перхавко Валерий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Perkhavko Valeriy Borisovich, PhD (History), Leading Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

филя, распространение барокко и классицизма, новых литературных жанров, светской монументальной скульптуры.

История охраны и изучения историко-культурных реликвий России на протяжении XVIII — начала XIX в. в основном отражена в учебных пособиях и научно-популярной литературе, однако детально не изучена с научной точки зрения. Слабо исследованной остается и тема зарождения в России эпохи Просвещения интереса к памятникам истории военного дела и воинской славы.

Первые попытки организации сбора в государственном наиболее примечательных археологических находок и сохранения историко-культурных памятников (старинных колоколов, пушек, первых парусных лодок, развалин Булгара) были предприняты еще в петровскую эпоху [Разгон. С. 292—308; ОПИКР. С. 20—24. № 1—8; Формозов. С. 7—69; Лебедев. С. 62—68].

Во время Великого посольства 1697—1698 гг. Петр I с интересом осматривал старинные орудия, ружья и холодное оружие в арсенале Дрездена и цейхгаузе замка Кёнигштайне (в Саксонской Швейцарии). И в самом начале Северной войны, когда ощущалась острая нехватка артиллерии, далеко не все старинные русские пушки перелили в современные орудия.

В Московском Кремле тогда приступили к возведению из кирпича Цейхгауза для хранения старинного оружия. 6 декабря 1702 г. царь «велел по именному своему великого государя указу в Киеве и в Батурине и во всех малороссийских городах масжёры (мортиры. — *В.П.*) и пушки медные и железные и всякие воинские сенжаки (знаки. — *В.П.*) осмотреть, описание и расписки прислать: буде явятся те, которые у окрестных государей, а именно у салтанов турецких (турецких. — *В.П.*) и королей польского и свейского (шведского. — *В.П.*) на боях где воинским случаем под гербами их, взяты к Москве и в новопостроенном цейхгаузе на вечную память поставить и послать о том в те вышеписанные города к воеводам свои великого государя грамоты. А к гетману и кавалеру к Ивану Степановичу Мазепе в той своей великого государя грамоте указать написать именно то, что вместо тех чужеземских, взятых у него масжеров и пушек, каковые будут весом и по калибру ядер взяты из Батурина, присланы с Москвы к нему. Сей его великого государя указ приказал боярин Федор Алексеевич Головин записать» [Ефимов. С. 58—63]. Малороссийский гетман, чтобы завоевать еще большее расположение государя, поспешил прислать в Москву десять старинных орудий. Взамен их на Украину отправили десять медных пушек нового литья. Аналогичные указы были разосланы и в другие города. Получив царский указ от 17 декабря 1702 г., смоленский воевода П.С. Салтыков прислал 30 пушек, 2 тюфяка (легкое орудие с длинным стволом)

и 7 мортир [Забелин. С. 414]. Н.Г. Устряловым приведены иные цифры: 36 пушек, 2 железных тюфяка и 4 мортиры [Устрялов. С. 42]. Вскоре в Москву из Смоленска были доставлены 12 пятиаршинных и 21 четырехаршинная пушка польского и литовского происхождения. Среди них была пушка «Базл» («Василиск»), отлитая во время правления короля Стефана Батория [Забелин. С. 414]. Доставленные в Москву орудия временно (до окончания строительства Цейхгауза) расположили на волокушах и дровнях на площади у Посольского приказа. В 1706 г. знаменитую Царь-пушку, утратившую военное значение и стоявшую ранее на Красной площади, вместе с другими старинными орудиями переместили в Кремль, во двор только что построенного Арсенала (цейхгауза), и позже подняли на деревянный лафет [Портнов. С. 23—24].

Старинные русские пушки при Петре Великом порой даже специально закупались за рубежом. В 1722—1723 гг. русские купцы Петр Барсуков (Борсуков) и Филимон Аникеев выменяли у шведов артиллерийское орудие «Царь Ахиллес», отлитое знаменитым мастером Андреем Чоховым в 1617 г., привезли в Петербург и выгрузили на Троицкой пристани, откуда комендант крепости полковник Бахмиотов (Бахниотов, Бахмеотов) доставил его для хранения с другими старинными орудиями в столичный Цейхгауз. В 1723 г. стокгольмский коммерсант Иоганн (Яган) Прим приобрел в Швеции и привез в Россию русскую пушку времен Ивана Грозного «Инрог». Артиллерийская канцелярия в распоряжении на поставку орудия в цейхгауз прямо указывает на его дальнейшее предназначение: «Оная пушка в артиллерию не требуется и впредь не может быть действительна, но куплена оная только для одного курьезу и видя, что она русская старинная» [Вышенков, Маковская, Сидоренко. С. 64—65].

Немало внимания уделялось и сохранению захваченных в ходе Северной войны военных трофеев. Как повелел в декабре 1702 г. Пётр I «взятые в баталии швейские ружья, и знамёна, и мортиры, и ныне всякие военные припасы, откуда будут присланы, принимать в Оружейную палату». Для трофеев была отведена специальная «шведская полная палата», где в «коробье и ящике плоском» находилось 295 знамён и прапоров, офицерские знаки, литавры, завеси к ним и сёдла. Всем им была составлена подробная опись [Викторов. С. 395—395].

В 1714 г. был учрежден первый российский музей — Кунсткамера, для пополнения фондов которой, в соответствии с петровским указом от 13 февраля 1718 г., предписывалось сдавать властям «старые вещи, а именно: камня необыкновенные, также какие старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно» [ОКНР. Т. 1. С. 24].

7 февраля 1722 г. последовало указание Петра I переславским воеводам о сохранении «потешной» флотилии: «Надлежит вам беречь остат-

ки кораблей, яхт и галер. А буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомков ваших, яко пренебрегших сей указ» [ПСЗРИ. Т. 6. № 3903; ОКНР. Т. 1. С. 27]. К сожалению, в 80-х гг. XVIII в. потомки не уберегли остатки потешного флота от пожара, в отличие от знаменитого ботика Петра Великого, который незадолго до смерти, 2 сентября 1724 г., предписал: «ботик августа в 30 числе для торжествования выводить повсягодно на воду, и иметь при Александро-Невском монастыре» [ПСЗРИ. Т. 7. № 4562].

Продолжали использоваться и традиционные приемы военно-исторической коммеморации — возведение культовых построек. На месте Полтавской баталии при Петре I предполагалось построить мужской Петропавловский монастырь, а перед монастырским храмом Петра и Павла соорудить «пирамиду каменную со изображением на ней персоны его, государевы, в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под ней бой самым добрым художеством» [ОКНР. Т. 1. С. 22; Быкова]. Несколько храмов, связанных с событиями Северной войны, появились в новой столице России — Петербурге. В честь победы под Полтавой, одержанной 27 июня 1709 г. (в день св. Сампсония) Петр I заложил в Петербурге деревянную Сампсоновскую церковь, на месте которой в 1728—1740 гг. был построен в традициях древнерусского зодчества каменный Сампсоновский собор (автор проекта неизвестен). Гораздо позже, в начале XX в., на боковых стенах нижнего яруса шатровой колокольни, примыкающей вместе с трапезной к храму, появились мемориальные доски, посвященные героям Полтавской битвы [Нащокина. С. 143—144; Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград. С. 562—563].

Морская победа над Швецией при острове Гренгаме (1720 г.) была ознаменована установкой на Троицкой площади Петербурга памятного обелиска. В период Северной войны московское купечество возводило за свой счет деревянные триумфальные арки и в 1703, и в 1709 гг. Гору Парнас с Аполлоном и музами можно было увидеть в декоративном оформлении триумфальной арки, построенной на средства купцов в Москве в конце 1721 г. по случаю подписания Ништадского мира со Швецией [Агеева. С. 24—42]. В Москве и Петербурге в 1721—1722 гг. была издана брошюра «Врата триумфальные в царствующем граде Москве на вход... царского священнейшего величества, императора Всероссийского... Петра Великого». На барельефе «Склонися древний Дербень вечному в славе Петру» А.К. Нартов и К.Б. Растрелли с точностью воспроизвели облик Дербентской крепости, завоеванной Россией во время Персидского (Каспийского) похода Петра I 1722—1723 гг. [История русского искусства. С. 485].

При приемниках Петра Великого власти продолжали уделять внимание реликвиям военной истории России. 8 апреля 1736 г. императрица

Анна Иоанновна подписала указ обер-егермейстеру А.П. Волынскому о хранении в Оружейной палате Москвы, наряду с уникальными конскими уборами, старинных ружей [ПСЗРИ. Т. 9. № 6935].

Одним из способов военно-исторической коммеморации стали надписи на надгробных памятниках. До нас дошел, например, текст надписи на надгробии Б.И. Куракина, скончавшегося 18 сентября 1727 г.: «Блаженные памяти князя Бориса Иоанновича Куракина, от фамилии Ягеллов великих князей Литовских, которы в Москве дня иулия родися году 1677, прародискую честь славою дел миром и бранию содеянных чрез все житие просветил, при Петре Великом всероссийском императоре в отрочестве спальником был, потом на войне Турецкой, Шведской в лейбгвардии Семеновском полку служил, на обоих походах под Азовом был, и под Вепчею галерою командовал на Шведской войне, императору последовал во многих сражении градов, в тяжких преступлениях наипаче под Нарвою в 1707 году, отправлен был к папе Клименту II, откуду возвратился в армию и на преславной при Полтаве победе над шведами полученную часть определения себе преславно содержал...» (приводится в сокращении) [Снегирев. С. 218].

До 1830 г. в Троице-Сергиевой лавре находились сабли, согласно устному монастырскому преданию, вложенные в ризницу Мининым и Пожарским, а также седло последнего [Новоселов. С. 347—358].

Огромную роль в изучении и сохранении как недвижимых, так и движимых памятников отечественной истории и культуры играла с момента основания (1724 г.) Академия наук, организовавшая в XVIII в. серию экспедиций (Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и других ученых).

Член Петербургской академии наук Иван Иванович Лепехин (1740—1802), будучи сыном отставного солдата Семеновского полка, сумел получить хорошее образование в академической гимназии и университете. Путешествуя в 1770—1771 гг. по Сибири, Лепехин обратил внимание на стволы старинных артиллерийских орудий XVI в. времен похода Ермака: «К числу Тюменских древностей принадлежат пушки, затинными прозываемые, с которыми Ермак Тимофеевич пришел на Сибирь. Оне не только для своей долговременности, но и для особенного их вида примечания достойны. Из них можно получить хотя несовершенное, однако довольно познание о употреблявшемся в тогдашние времена огнестрельном ломовом орудии» [ПСУПР. С. 3—4].

Продолжая описание пушек, Лепехин привел более детальные технические данные о них: «Длина их толщине ни мало не соответствует; ибо в длину имеют 9 футов парижских, а в толщину только 4 дюйма; дуло в поперечнике 3, а жерло 1 ½ дюйм, от затравки к заднему концу пушки четвероугольны. Но как сама их длина и узкогорлость неудобны к заря-

ду, а может быть нынешний способ зарядивания был и неизвестен, то заряд клался сзади чрез отверстие, которое несколько обширнее жерла: но чтобы порох мог иметь свое действие, и при возжжении оногo распространившийся воздух гнал ядро вперед, позади казенки пробита четвероугольная дыра, которая плотно затыкалася железным гвоздем, и оный прикреплялся снизу небольшою чекою» [ПСУПР. С. 3—4].

Странствуя в 1771—1772 гг. по русскому Северу, Лепехин посетил Соловецкий монастырь, в котором заходил и в монастырскую ризницу, и в хранилище оружия, где осматривал холодное и огнестрельное оружие, но не оставил, к сожалению, подробных его описаний [ПСУПР. С. 444].

Русский литератор и этнограф Петр Иванович Челищев (1745—1811), в мае 1791 г. отправился за свой счет в путешествие по северным областям России, объехав до конца года Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую и Новгородскую губернии. В «ружейной» палате Соловецкого монастыря Челищев увидел в 1791 г. «множество старинных ружей, ружейных стволов, лож, порошниц, стрел, пистолетов, шпаг, шашаков и прочего старинного военного орудия, и несколько платья, что все не составляет важности...». Как сообщил также Челищев, «по стене, что из дикого камня вокруг монастыря, а больше в башнях, лежит несколько изрядной величины медных старинных, теперь уже в употреблении негодных пушек». [Челищев. С. 43—44].

В 1773 г. в Москве был издан «Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи...», составленный выпускником Сухопутного шляхетного корпуса, воеводой подмосковного г. Вереи Федором Афанасьевичем Полуниным (ок. 1735/1736 — ок.1782—1783, до 1787) при деятельном участии академика Герарда Фридриха Миллера (1705—1783).

Описывая столицу Российской империи и Петропавловскую крепость, Миллер обратил внимание на ботик Петра I: «В Кронверке хранится старая ботик, построенной в Москве при Государе Царе АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ, котораго первой вид произвел в ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ непреодоляемую склонность к мореплаванию. Чего ради Государь оной ботик в 1723 году в Санктпетербург привести, и за деда заведеннаго им Государем морскаго флота почитать велел» [Географический лексикон. С. 339]. В 2012 г. С.С. Илизаровым были впервые опубликованы хранящиеся в РГАДА рукописные дополнения Г.Ф. Миллера к «Географическому лексикону Российского государства», в которых в описании судостроения эпохи царя Алексея Михайловича у с. Дединова на р. Оке (недалеко от Коломны) уточняется: «Остался с того времени тогда же в Дединове построенной малой бот или ботик, который Государь ПЕТР ВЕЛИКИЙ

называл Дедом Российского флота, и приказал оной в 1723 году привести болшею церемониею в Санктпетербург, как описано в предисловии к Морскому уставу» [Географический лексикон. С. 513].

Воронежский житель, коллежский асессор Иван Михайлович Краильников, составив 27 апреля 1772 г. по просьбе Г.Ф. Миллера, описание Воронежа, указал, что в местном «цейхгаузе некоторыя достойным вниманию вещи сооруженныя Высочайшими руками ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (Петра Великого — *В.П.*) есть». Какие же предметы, изготовленные Петром I, хранились в XVIII в. в каменном цейхгаузе на Адмиралтейском острове Воронежа? Член-секретарь Воронежского губернского статистического комитета Л.Б. Вейнберг в 1880-х гг. слышал от местных стариков, что там находились в «разные изделия собственных рук Петра как кубки, лапти, ложки, инструменты, чертежи, планы, модели», в том числе, по словам будущего митрополита, а тогда еще (в 1790—1800 гг.) префекта Воронежской семинарии) Евгения (Болховитинова) модель одного из новых для России типов кораблей. Попытки создать в цейхгаузе музей Петра Великого не увенчались успехом из-за нехватки средств на реставрацию и создание экспозиции, и в XIX в. городские власти продали старинное здание одному из воронежских купцов под шерстомойню [Вейнберг].

В екатерининскую эпоху власти стали увлекаться сооружением памятников-символов, посвященных славе русского оружия, причем даже не на месте исторических событий¹. В 1778 г. в Екатерининском парке Царского села, на островке посредине Большого пруда, была открыта 25-метровая Чесменская (Орловская) ростральная колонна, сооруженная скульптором И. Шварцем по проекту архитектора А. Ринальди и увенчанная орлом, держащим в лапах полумесяц — символ Османской империи. На пьедестале колонны были размещены три барельефа, изображающие сцены победоносных сражений русского флота в Восточном Средиземноморье (Хиосский пролив, Чесма, Митилены). Ее появление в загородной императорской резиденции было связано, прежде всего, с тем, что руководителем Архипелагской военно-морской экспедиции в Средиземное море, в ходе которой произошло Чесменское сражение 1770 г., являлся фаворит Екатерины Великой А.Г. Орлов. Приблизительно в это же время 13-метровый четырехгранный Чесменский обелиск, изготовленный из мрамора и гранита, установили по проекту А. Ринальди и в парке Гатчины, принадлежавшей тогда графу Г.Г. Орлову (впервые он упоминается в описании 1783 г.). Архитектор удачно подобрал место для обелиска: на оконечности мыса, глубоко вдающегося в Белое озеро и образующего бухту, ассоциирующуюся с Чесменской бухтой. Блестящая победа русской эскадры на турецким флотом у мыса Чесма, у западного побережья Малой Азии, была увековечена также со-

оружием Чесменского путевого дворца Екатерины II (1774—1777 гг.) на дороге из Петербурга в Царское село, Чесменской церкви (храма Рождества Иоанна Предтечи) в Петербурге (1777—1780 гг., в псевдоготическом стиле, проект архитектора Ю.М. Фельтена), созданием Чесменских дворцовых залов, Чесменской галереи в Гатчинском дворце (уже при Павле I). Интересна судьба еще одного символического монумента — колонны тосканского стиля, сооруженной из сибирского мрамора по проекту архитектора Я.А. Брюса в 1777 г. в Баболовском парке Царского села и первоначально именовавшейся Сибирской, но в 1783 г. в ознаменование присоединения Крыма получившей название «Крымская». Спустя два года она была увенчана бронзовой композицией скульптора Г.И. Козлова, изобразившего турецкие и татарские доспехи и регалии [Гусаров]. На Марсовом поле появился памятник А.В. Суворову работы скульптора М. Козловского (1799—1801 гг.).

К началу XIX в. в музей превращается Оружейная палата Московского Кремля — сокровищница национальных исторических реликвий России. 10 марта 1806 г. император Александр подписал указ «О правилах управления и сохранения в порядке и целостности в Мастерской и Оружейной палате ценностей». Уже в 1807 г. А.Ф. Малиновский выпустил в Москве книгу «Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося» (часть первая). На ее титульном листе под императорским вензелем Александра I и двуглавым орлом изображены старинные доспехи, знамена, пики, щит, алебарда (бердыш). Правда, имя автора не было указано. Гораздо позже, работая над дополнением своего путеводителя по Оружейной палате, Малиновский дал краткое описание одного из самых примечательных исторических мест России: «Куликово поле, где происходило сие незабвенное сражение, простирается в одну сторону более 50, а на другую до 30 верст и состоит в Епифановском и Ефремовском уездах. При устье реки Непрядвы есть село Рождествено, где церковь во имя Рождества Богородицы. А как Мамай разбит был в день сего праздника, то и вероятно, что храм сей тогда был воздвигнут. Но сия незабвенная победа заслуживает памятник великолепнейший!» [Малиновский. С. 222].

XVIII в. вошел в историю России не только как эпоха Просвещения, но и как период громких побед русского оружия в войнах с Турцией, Швецией, Пруссией. Имперской политике и имперскому духу в полной мере соответствовало значительное внимание властей памятникам военной истории Российского государства. Немало внимания уделялось сооружению памятников-символов воинской славы. А изучение памятников русской военно-технической старины на этом первоначальном этапе носило регистрационно-фиксационный характер.

Источники и литература

- Агеева О.Г. Купечество и официальная праздничная культура русских столиц петровского времени // Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. М., 1996. С. 24 — 42.
- Вейнберг Л.Б. Памятники деяний Петра Великого в Воронеже // Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.
- Викторов А.Е. Описание записных бумаг старинных дворцовых приказов. Т. 2. М., 1883.
- Вьюшников В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 64—65.
- Географический лексикон Российского государства / Составление, статья С.С. Илизарова. М., 2012.
- Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб., 2010.
- Ефимов С.В. «На вечную память поставить...». Пётр Великий и сохранение военно-исторических реликвий Российского государства // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 58—63.
- Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1.
- История русского искусства: В 12 т. М., 1960. Т. V.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992.
- Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы / Сост. С.Р. Долгова. М., 1992.
- Нащокина М.В. Храмы-памятники русской воинской славы // Памятники Отечества. 1988. № 1.
- Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2012. Т. 8.
- Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв. (ОПИКР). М., 1978.
- Охрана культурного наследия России XVII—XX вв.: Хрестоматия (ОКНР). М., 2000. Т. 1.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 6—7.
- Полное собрание ученых путешествий по России (ПСУПР). СПб., 1822. Т. 5.
- Портнов М.Э. Царь-пушка и Царь-колокол. М., 1990.
- Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России: XVIII — первая половина XIX в. // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7.
- Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград. Энциклопедический справочник. М., 1992.
- Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1873.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Устрялов Н.Г. История царствования императора Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. Приложение I.
- Челищев П.И. Путешествие по северу России в 1791 году / Издано под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб., 1886.

¹ См. подробнее: Сокол К.Г. Монументы империи. М., 2001; Он же. Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М., 2006. С. 4—6.

Космография Равеннского Анонима

Книга I

*С латинского языка перевел А.В. Подосинов**

Аннотация: Работа содержит перевод первой книги «Космографии» неизвестного автора из Равенны, написанной в VII в. н.э. на латинском языке. Это произведение представляет собой, с одной стороны, подведение итогов античной географии ойкумены, когда описывается весь мир, известный к концу античности, с другой, — попытку переосмыслить ее положения в новом, христианском духе. Таким образом, «Космография» представляет собой памятник литературы и культуры, запечатлевший переходный период от античности к средним векам. *Ключевые слова:* античная география, средневековая география, Равеннский аноним, Космография, христианские космологические догмы

The first book of Cosmography by an unknown author from Ravenna

The translation from Latin is made by A. V. Podosinov

Abstract: The work contains the translation of the first book of Cosmography by an unknown author from Ravenna, written in the 7th century in Latin. This work is, on the one hand, the summing up of the results of the ancient geography of the oecumene, when the whole world, known by the end of antiquity, is described, on the other, an attempt to rethink its positions in a new, Christian spirit. Thus, Cosmography is a monument of literature and culture, capturing the transition period from antiquity to the Middle Ages.

Keywords: ancient geography, medieval geography, anonyme from Ravenna, Cosmography, Christian cosmological doctrines.

Вводное слово А.В. Подосинова

Мой друг с университетских времен Александр Назаренко всегда поражал меня прекрасным знанием древних — латинского и древнегреческого — языков, которые не были его специальностью, но свободное использование которых в его исследованиях средневековой Европы придает его работам редкую в современных трудах достоверность и фундаментальность. О прямом «вторжении» медиевиста Назаренко в античность

* Подосинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор, зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
Podosinov Aleksandr Vasilevich, Grand PhD (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, chief of the Department for ancient languages of the Historical faculty of the Moscow State University.

свидетельствует его статья, посвященная Геродоту: «К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6)» (Назаренко 1989. С. 233—237) и до сих пор цитируемая скифологами. Я думаю, что античность в средневековых исследованиях Назаренко всегда присутствует как тот фон, на котором базируется последующая история Европы.

Исходя из этих соображений, я хотел бы в сборнике, посвященном Александру Васильевичу, опубликовать мой перевод первой книги «Космографии» Равеннского Анонима VII в. н.э., написанной на латинском языке. Это произведение представляет собой, с одной стороны, подведение итогов античной географии ойкумены, с другой, — попытку переосмыслить ее в новом, христианском духе (подробнее о «Космографии» см.: Бородин. 1982. С. 54—63; Подосинов. 1989. С. 248—256; Подосинов. 2002. С. 161—286; D’Avezac. 1888; Dillemann. 1997; Funaioli. 1914. Col. 305—310; Gross. 1913; Guckelsberger, Mittenhuber. 2013, S. 287—310; Parthey. 1860. S. 627—635; Pekkanen. 1979. P. 111—128; Schilling-Häfele. 1963. S. 238—251; Schnetz. 1919; Schnetz. 1932. S. 80—113; 1934. S. 85—101; 226—249; Schnetz. 1940; Schnetz. 1942; Schweder. 1886).

Латинский язык, на котором писал Аноним, настолько примитивен и искажен с точки зрения классической латыни, что иногда стоит большого труда понять смысл той или иной фразы. Некоторые падежные формы, род существительных, лексические значения отступают от норм классической латыни, предлоги часто имеют иное управление, синтаксический оборот *accusativus cum infinitivo* нередко заменяется придаточным с союзом *quod* и т.д. Орфография географических имен в большинстве случаев сильно испорчена, что объясняется, по видимому, не только плохой последующей рукописной традицией, но и низким уровнем владения латынью и географической безграмотностью самого автора «Космографии».

Перевод I книги «Космографии» впервые публикуется целиком. Перевод осуществлен по ее последнему изданию (Schnetz. 1940).

Перевод

1. Те, кто служат делу Бога, подчиняясь Его воле, жаждут закон Его соблюсти и желают насладиться благом счастливой и бесконечной славы Его, если бесхитростно и нелицемерно проявляют любовь к ближним своим, о чем постоянно напоминает нам Тот, кто владеет небесными скипетрами и земными царствами, и чувствуют себя обязанными давать всем просящим, как и сами они получили от самого Бога и спасителя нашего.

Поэтому, когда ты, любезнейший брат мой, воодушевленный божественным вдохновением, стал побуждать меня, чтобы я обстоятельно по-

казал тебе мир с помощью графического изображения, не следует тебе забывать, что сказал в Священном писании Господь, говоря: «Где был ты, когда я полагал основания земли? Скажи мне, если знаешь, кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь?», и в другом месте: «Высоту неба и широту земли и глубину бездны кто измерил?», но вместе с пророком только воскликнем: «Как многочисленны дела твои, Господи! Все соделал ты премудро». Ведь насколько человеческому восприятию доступно, я прочитал, с помощью Христа, книги многих философов, в меру своих сил, и я скажу тебе: пусть я не родился в Индии и не вырос в Скотии, и не путешествовал по Мавритании, и не исследовал Скифии, и не объездил четыре страны света, однако с помощью умозрительной науки я близко познакомился со всем миром и местами обитания различных племен в том виде, как этот мир был описан в книгах философов во времена многих императоров. Ведь один философ так сказал: «Римляне долгое время держали в подчинении весь мир, многих привлекая к себе как мудростью, так и благодеяниями, или же завоеывая силой оружия».

Об этом свидетельствует и Бога нашего Христа святое Евангелие, говоря: «вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле». Но и учение святых апостолов распространилось по всему миру, как было написано: «по всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их».

Итак, как было условлено, я, следуя твоему приказанию, подробно расскажу обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав вследствие чрезмерной надменности своей чужих или лучших земель, или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений, и, как бывает у варваров, страны, города или же реки, названные когда-то (одним именем), теперь стали называться иначе.

Но вернемся к нашему предмету. Всякому разумному человеку известно, что благой творец вселенной Господь наш, всемогущий Христос, сотворил все из ничего и для украшения Олимпа создал большие светила, с помощью которых искушенные в науках люди могут, по воле создателя, вычислять время и его промежутки.

Ведь когда солнце целый день движется, по воле могущественного творца, по южному краю (неба) и своим движением, как солнечные часы своим устройством, обозначает каждый час дня в весеннее время, мы можем судить о том, где располагаются на огромном побережье непреодолимого Океана все племена и страны и, с помощью Христа, точно указать их место.

2. В первом часу дня находятся племена индов, прямо позади которых, как бы сбоку, лежит одна только непроходимая пустыня, которую человеку, по всей видимости, никак нельзя всю пересечь пешком. Пе-

ред этой Индией находятся соседние с ней Нижние персы, т.е. парфы; но и другие народы расположены поблизости от той же Индии. Между ними и пустыней агарян, которая простирается на небольшое расстояние, тянется древняя страна набатеев — Мадия.

Во втором часу дня находится страна персов; к ней причисляют и большой Персидский залив, который принадлежит южному Океану в его верхней части.

В третьем часу дня находится страна арабов, приносящая пряности. В ней расположен обширный залив, тянущийся из Южного Океана; называют его Арабским, но обозначают и как Красное море.

В четвертом часу дня находится страна эфиопов-ауксумитанов, Кандакиссы и троглодитов. В ней рядом с пустынями и песчаными местностями, которые расположены недалеко от Океана, находится большое озеро Нусаклис, через которое протекает река Нил. Эти эфиопы, по свидетельству псалмографа, питаются в основном змеями. Перед этой страной, т. е. у Великого моря, лежит большая пустыня, которую называют Нитрейской, а за ней — обширный Египет и знаменитая Александрия.

В пятом часу дня лежит Эфиопия гарамантов. В этой стране недалеко от Океана протекает весьма протяженная река, которая называется Гер. В этой стране находятся горы, которые называются Наубабоны. В этой Эфиопии есть озеро, которое называется Ликумедис, и еще одно озеро, которое называется Аугитта. Перед этой страной гарамантов, хотя, возможно, и на большом расстоянии от нее, т.е. там, где берег Великого моря, расположена страна Мавритания Киренская.

3. В шестом часу дня расположена Эфиопия Бибоблатис. Там есть озеро, которое называется Таге. Так как эта страна очень жаркая, берег Океана, тянущийся на большом расстоянии, пустынен. В этой стране есть горы, которые называются Тулиатоды. В этой стране проходит берег Океана и протекает та же бурная река Гер. Перед этой огромной страной Бибоблатис, хотя и на большом расстоянии от нее, так сказать, на берегу Великого моря, находится вся Африканская область, Нумидия и Мавритания Цезарийская.

В седьмом часу дня обозначена Мавритания Перосис, или страна солварен. В этой стране, кажется, тоже стоит сильный зной. В ней есть большая пустыня и горы, которые называются Литры. Позади этой страны, далеко в Океане, находятся три больших острова. Перед этой страной, хотя и на большом расстоянии от нее, т.е. у берега Великого моря, обозначена Мавритания Тингитанская, которая соседствует с вышеназванной Мавританией Цезарийской.

В восьмом часу дня находится Мавритания, называемая Эгель. В этой стране рядом с заливом Океана есть горы; в этом месте приписано, что они «пылают». В этой стране берег самого Океана образуют

горы, которые называются Браки. Перед этой страной на расстоянии многих миль от нее, т.е. у берега Великого моря, располагается Мавритания, которая называется Гадитанская; эта Гадитанская (Мавритания) по-варварски называется Абрида. Этот берег Великого моря соопределен ранее указанной Мавритании Тингитанской. В этой Гадитанской стране племя вандалов, побежденное Велисарием, бежало в Африку и о тех пор не обнаруживало себя. Рядом с этой Гадитанской страной находится, как написано, Септемгадитанский пролив.

В девятом часу дня находится знаменитая страна спанов.

В десятом часу дня находится страна Галлеция, или Спания васконов. Эта Галлеция принадлежит вышеназванной Испании.

В одиннадцатом часу дня находится страна васконов, которая в древности называлась Аквитанией.

В двенадцатом часу дня находится страна бритонов. Позади нее в Океане, если плыть по нему при попутном ветре более двух дней и двух ночей, находится остров Бриттания, который греческие философы называли как будто (хе)микосмом. А за этой Бриттанией более чем в трехстах милях пути находится остров скотов, который обозначается также как Иберния. А за ней, так сказать к западу, люди не находят уже никакой земли.

4. Итак, во всех двенадцати странах, которые мы обозначили в соответствии с часами дня, по повелению Бога, который из своих кладовых выпускает также и ветры, дует шесть ветров. Возможно, кто-то захочет сказать, что лишь невежды могут думать, что по отдельным часам дня можно судить о (местоположении) стран, ибо, хотя и предполагается, что в первом часу дня солнце как бы стоит над страной индов, тем не менее оно в этом самом первом часу освещает и весь мир. На это ответим так: действительно, когда солнце в первом часу дня, по расчетам, как бы стоит над страной индов, тем не менее оно светит и всему миру, и не только в первом, но и во все двенадцать часов дня. И когда считается, что солнце в двенадцатом часу дня как бы стоит над страной скотов, следует полагать, что оно освещает и саму Скотию, и известнейшую Индию и вообще все четыре страны света, т.е. весь мир, насколько он известен Богу. Но, как мы сказали, следует иметь в виду, в каком месте солнце как бы стоит, как в Священном писании сказано: «Иисус (Навин) воззвал к Господу в тот день, в который предал господь Аморрея в руки Израилю... и сказал пред израильянами: “стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою”». О многоумные мужи, неужели солнце, когда оно стояло над городом гаваонитов, не освещало при этом и весь мир? И если считалось, что солнце — этот верный слуга Бога — не двинулось с названного места, то что мешает считать, что оно в разные часы дня находится над различными странами? И уж если по небольшим солнечным часам, где обозначения сделаны на металле, мы

весь день точно различаем по расчету часов, то насколько лучше могут мудрые люди, которые весь мир рассматривают как циферблат часов с двадцатью четырьмя часами, рассчитывать, какие страны находятся во всем мире по побережью Океана, как сказано, в каждом часе (дня).

5. Кто-нибудь из противников, возможно, захочет возразить, заявив, что, мол, как же можно думать, что в первом часе дня солнце сразу освещает страну индов, коль сказано было, что позади этой самой Индии тянется непреодолимая пустыня и поэтому следует полагать, что из-за большой протяженности указанной пустыни солнце, прежде чем придти в Индию, задержится на некоторое время, ведь каждому ясно, что солнце восходит или заходит за пределами земли. Им мы ответим так: если человек находится, скажем, в Скотии, где глазам человеческим не открывается далее уже никакая земля, то, ему станет ясно, что солнце со всей очевидностью уже прошло двенадцать часов дня и заходит невдалеке. И если по незнанию этот исследователь продолжит свой путь, чтобы установить предел, где заходит солнце, то он придет к выводу, что ищет напрасно, ибо только Создателю всего это известно. Точно так же следует думать и о восточной стороне, а именно, что с востока (солнце уже в первом часе дня стоит над Индией), хотя и было сказано, что позади этой Индии находится непроходимая пустыня, подобно тому, как и в Скотии считается, что там заканчивается двенадцатый час, а находится она позади Британии, хотя за этой, де, Скотией человеческим взорам представляется (лишь) бесконечный Океан.

Ведь многие святые отцы и некоторые языческие философы писали, что солнце восходит в области трансиндов и заходит в области бритов. Об этом свидетельствует святой Василий, епископ Цезареи Каппадокийской в своем «Гексамероне», а также святой Исидор Испаленский. Также и языческие философы — Лигиний и Катон, а также Ямблих — утверждали в своих сочинениях, что весной солнце восходит и заходит в областях трансиндов и бритов.

6. Возможно также, что кто-нибудь, отвергая наше изложение, поверит космографам, которые описали будто бы все земли Востока и даже обстоятельно и поименно обозначили места и области, расположенные на побережье Океана и сам Океан. Но утверждать это никому из христиан недопустимо, так как, по мнению большинства философов, никому из людей не дозволено достичь Океана позади Индии, которая называется Димирика Эвилат. Так и мы считаем, поскольку истинность (этого положения) доказывается неопровержимо следующим способом: ведь тот, кто, как мы допустили, верит этим космографам больше, чем нашему изложению, (должен допустить), что весь Восток, окруженный Океаном, был пройден людьми и описан, с (указанием) названий. Им мы ответим так: но где же тогда находится тот сладчайший рай бессмертия, который, согласно Священному писанию, расположен на

Востоке и в котором первозданный (предок) наш, оболыщенный злокозненным змеем и пренебрегший заповедью создателя, отверг жизнь и, будучи изгнан, заслужил по собственному выбору смерть? Поэтому мы думаем, что за Димирикой Эвилат — страной индов, недоступной для прохода людей, — вплоть до восточного края находится сам рай, о чем свидетельствует святой Афанасий, епископ Александрии, который, отвечая на вопросы властителя Антиоха, сказал: «Священное писание свидетельствует, что бог насадил рай в Эдеме на Востоке; следовательно, это доказывает нам, что рай находится на крайнем Востоке всей земли, поэтому и некоторые красноречивые историографы рассказывают, что по этой причине всё, содержащее амброзию, рождается в провинциях, расположенных поблизости от рая. И как мужские пальмы через дуновение ветра заставляют плодоносить близстоящие женские пальмы, так, очевидно, и горячее дуновение ветров, веющих из рая, заставляет деревья соседящих раю местностей рождать ароматы».

Есть еще и такое свидетельство: ведь сама ... <лакуна> река тоже существует. Ведь мы утверждаем, что все реки несут свои воды от суши к морю; люди никогда не видели, чтобы от моря к суше, за исключением морского приливного течения. Это ясно каждому. Но ответом на это служит то, что мы читаем об источнике Аретузы, и особенно то, что помещено в Священном писании, и подобное этому, а именно: вода, вытекающая из какого-то одного источника на каком-то одном острове, проходит через середину моря. Это подтверждается многими способами и в любом случае может быть устроено всемогущим Господом так, что «все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь». Все это, несомненно, истинно, но человеческий взгляд не может этого никогда увидеть.

7. И если кто-нибудь по неведению скажет, что, быть может, тот человек, который дошел до крайнего на востоке Океана, нашел этот достославный рай и своими ногами его пересек, но, возможно, по воле Божией, то место, где находится рай, было скрыто от его глаз, и он, вероятно, считал, что это одно из других мест, в то время как это был, конечно же, сам рай, тому мы ответим: если такая мысль укоренилась в человеческой голове, то мы расцениваем это как одно из неподобающих рассуждений, а именно, будто бы тленное (существо) — человек — был послан или сам прошел и смог или когда-нибудь сможет увидеть своими телесными глазами достославный рай или же пройдет по священной земле своими греховными ногами.

Ведь, как было сказано, восточные земли были описаны многочисленными псевдокосмографами в языческое время, еще до того, как род римлян воспринял власть над миром, хотя и не над всем миром, и до того, как Бог наш Христос явился телесно из непорочного чрева девы. И где

же был тогда тот меч обращающийся, который, по воле Божией, охранял рай вплоть до его прихода и воплощения, коль тленный человек мог плотью своей вступить в сам рай? Мы не говорим, что души праведников не вступают, согласно воле Божией, в рай, подобно тому, как, по нашему убеждению, (вступила в рай и душа) того уверовавшего разбойника, которому Христос, Бог наш всемогущий, чья плоть лишь была распята, сказал: «Ныне же будешь со мною в раю». Но мы говорим, что если из-за грехов душа грешника вообще не допускается в рай, то тем более грешный человек, посланный своим земным господином или же по своей воле путешествующий, не будет, по воле Божией, допущен в этот рай.

И в самом деле, мы читали, что знаменитый великий царь Македонский Александр, блуждая много дней по пустыне в стране трансиндов, не только от стоиков, людей из индийского рода, но и от демонов, которые, как правило, не желают говорить правду, (но тут сказали), получил ответ, что человек не может пересечь эту пустыню до конца, и буд-то бы по этой причине сам Александр, отступив, отправился восвояси.

Но в той же книге (об) Александре, где (рассказывается) о том, как он отправился в поход из своей страны Македонии, убил персидского царя Дария, а потом индийского царя Пора, ничего нельзя найти о том, будто бы Александр пересек море и прошел пустыню, которая находится за всей Индией, но лишь описывается, как сам Александр и его бесчисленное войско — конница и пехота — проходили в этих местах с мечами на поясах.

И другие лживые псевдокосмографы сообщают о том, что названные выше реки, т.е. Тигр и Евфрат, вытекают из гор Армении. Но и это далеко от истины. Очевидно, что этот сладчайший рай находится отнюдь не в земле армениев. Да и почему тогда написано, что рай находится на Востоке, если считать, что он в Армении? Ведь за самой Арменией живут персы-парфы. Страна армениев относится к бесплодным; широко также известно, что она весьма холодна по сравнению со многими (другими) восточными областями; признано, что она скорее гористая, чем плоская. А где же тогда местность, полная всяческих ароматов и плодов? Ведь следует верить, что рай в самом деле сладостен в высшей степени. Мы, конечно же, верим, что, как говорится в Священном писании, из реки, выходящей из рая, берут начало четыре реки, а именно: Геон, Физон, Тигр и Евфрат, повсюду разливающие свои воды.

Также и многие языческие философы в своих трактатах утверждали, что они расходятся по различным странам, вытекая из двух рек, из пустыни трансиндийской страны, из местности, недоступной для изучения. Они яснее ясного показали, что сами Тигр и Евфрат, разорвав незаметно для глаза землю и пройдя отсюда огромное расстояние, появляются около гор Армении и уже после этого они орошают богатую страну ассирийцев и Месопотамию. Поэтому пусть каждый доверяет этому объяснению

и не верит другим, что будто бы на крайнем Востоке, т.е. позади непроходимой пустыни Индии Димирика Эвилат, людьми обнаружен Океан и что из Южного Океана море перетекает в Северный Океан, разделяя землю, и обозначает край земли, или же, что Тигр и Евфрат берут начало в Армянских горах, что далеко (от истины). Следует, наоборот, изо всех сил упорнее отвергать то, что противоречит Священному писанию, и ревностно сохранять в дни жизни своей непорочную веру христианскую, чтобы избежать вечного осуждения и заслужить наслаждение небесными радостями.

9. Завершив эти споры — ведь удобно излагать, отталкиваясь от предмета и таким образом исполняя наш замысел, — мы не преминем подробно рассказать и о северной части земли, насколько нам это, с помощью Христа, удастся.

Целый ряд философов, обсуждая и прочие вопросы, твердо установили, что солнце ночью проходит северную часть земли под толщей Океана; при этом они ссылаются как на свидетельство на слова Священного писания: «солнце взошло над землю, и Лот пришел в Сигор» и в другом месте: «всходит солнце и заходит солнце; и спешит к месту своему, где оно восходит», взойдя, оно идет на юг и заворачивает на север. При этом они предполагают, что (если) кто-то захочет сказать, что, де, Священное писание не говорит ясно, что солнце проходит ночью путь под толщей Океана, то они ему ответят: ведь было сказано, что «солнце спешит к своему месту». Ведь Священное писание не могло бы сказать «засияло над землей», если бы речь не шла о высоте, ибо, если там сказано: «солнце взошло над землей», это означает, что солнце из глубины поднимается в вышину. Так излагает это положение Священное писание. Утверждают, что о том же свидетельствуют и некоторые языческие философы, среди которых Лигиний и Птолемей, египетский царь из Македонского рода, описавший северную часть (земли). И философ Ригилин, по их словам, таким образом это себе представляет:

О славное и сильное
могущество создателя!
Как дивно все, что тайное
являет провидение!
Прикажет — день рождается
и отступают сумерки;
зайдет Титан, и сразу же
Земля вся успокоится.
А солнце огненное в ночь
проходит страны севера
путями зодиачными
и чрез моря бескрайние.
Но что за удивительный

Творец, который сделал так,
что солнце, из воды взойдя,
не выжжет моря никогда
и влагой не потушится,
как то с огнем случается.
Вода не причинит вреда,
чтоб солнце огненное путь
послушно продолжало бы,
согласно воле Господа,
К восходу возвращалось бы
и вновь сияло ревностно.

Другие же философы и мудрые мужи говорили, что в северной части (мира) в океанском море, далеко от суши, в недосыгаемой местности находятся, по воле Божией, высочайшие горы, за которыми всю ночь после своего захода движется солнце до тех пор, пока, вернувшись из-за этих гор, не явится утром людям в свое время и соответственно луна в это же время затмевается солнечными лучами.

10. Но и другие философы, которые, как мы сказали выше, говорили, что солнце проходит как бы под толщей Океана — при этом в их трудах было много спорных моментов — оспаривали и это положение, говоря, что утверждения о горах, которые расположены ниже Океана на огромном расстоянии (от суши), за которыми проходит солнце и так далее, ни в коем случае не верны, ибо Океан окружает весь мир, и крайнего предела его, по воле Господней, отыскать нельзя. Да и кто видел эти горы своими глазами? Где в Священном писании можно прочесть об их существовании? Возражая им, те философы и мудрые мужи отвечают, и мы также присоединяемся, что люди не могут найти крайнего предела Океана; но мы утверждаем, что существуют горы, известные своему создателю и недосыгаемые для людей, высокие и недоступные, пройдя за которыми, солнце, как мы сказали, снова светит людям. А видел ли кто из вас своими глазами, как солнце под глубиной проходит и так далее, или где вы про это нашли в Священном писании? И снова возражая им, эти другие философы говорят, что мы своими глазами никогда не видели, ибо Бог не позволяет видеть этого людям; ведь в писании мы читаем, как мы сказали выше: «солнце вошло над землю, и Лот пришел в Сигор».

И вот мы спрашиваем, обращаясь к вашему остроумию: почему вода в колодцах зимой теплая? Оттого она нагревается и в зимнее время, что ночи становятся длиннее, и солнце задерживается, проходя (ночью) по водам. Летом же ночи короче, и солнце, быстрее проходя по водам, не успевает их нагреть. Поэтому и говорят, что солнце ночью движется, по воле Божией, под водными толщами.

Оставляя, наконец, все эти споры, я скажу, что я таким образом — конечно, недостаточно хорошо — подражаю Соломону: оно приходит

в северную часть, в течение же ночи проходит (под Океаном), но как и каким образом — это известно только Богу нашему.

Но вернемся к нашему предмету: как сказано, по ночному движению солнца мы сможем, с помощью Христа, определить, как располагаются по широкому берегу Океана северные области.

11. В первом часу ночи располагается страна германцев, которой недавно овладели франки; как сказано выше, позади нее в Океане находится вышеназванный, очень широкий остров Британия.

Во втором часу ночи располагается частично та же Германия, или страна фриков Доростат; позади нее в Океане находятся острова.

В третьем часу ночи располагается страна саксонов; позади нее в Океане находятся острова.

В четвертом часу ночи располагается страна нортومانов, которую древние называют также Данией, а перед ней — Альпы, или страна Альбис, в древности она, очевидно, называлась Маврунгань; в этой стране Альбис многие годы обитало племя франков. А перед этой Альбис называют (страну) Малую Дацию, а за ней сбоку — Великую Дацию — весьма обширную (страну). Недавно они стали называться Гепидией; в ней сейчас, как стало известно, обитает племя унов. За ней Иллирик тянется до провинции Далмация.

В пятом часу ночи располагается страна скирдифринов, или же ререфенов.

12. В шестом часу ночи располагается страна скифов, откуда вышел род склавинов; но и виты и химабы тоже вышли из них. Позади нее находится Океан, недоступный для судоходства.

В седьмом часу ночи располагается страна сарматов. Из этой страны вышло, ведя войны, племя карпов, которое произошло от названного выше; за ней — недоступный для судоходства Океан.

В восьмом часу ночи расположена страна роксоланов. Позади нее далеко в Океане находится большой остров — древняя Скифия; этот остров упоминают многие философы и историографы. Мудрейший космограф Иордан называет его Сканзой. С этого острова вышли также западные племена, ведь мы читали, что готты и даны, а также гепиды вышли в древности из него.

В девятом часу ночи находится страна амазонок, как ее назвали древние после того, как амазонки спустились с Кавказских гор. Позади (нее непроходимый Океан), а перед ней располагается обширная древняя Дардания, а за ней, или лучше сказать — сбоку, находятся большие болота, которые называются Меотийскими; как рассказывают иные историографы, человек может пройти какую-то часть названной (страны) на расстояние во много миль (посуху).

В десятом часу ночи располагается огромная, тянущаяся на большое расстояние пустыня, которая называется пустынной и древней Скифией; перед ней, или же сбоку, обозначают племя газов.

В одиннадцатом часу ночи располагаются Каспийские Ворота и отдаленнейшие отроги Тавра, которые, как пишут, есть Кавказские горы, затем снова непроходимая пустыня.

В двенадцатом часу ночи располагается Древняя Албания, а также Иссоон гирканцев и парфов. Она очень велика и находится, как известно, по соседству с ранее упомянутыми индами-бактрианами.

13. Итак, страны, находящиеся по всем 12 обозначенным нами часам ночи, по повелению Бога, который выпускает из своих кладовых ветры, овеваются шестью ветрами. Возможно, и здесь какой-нибудь спорщик станет противоречить, говоря: каким это образом под каждым часом дня или ночи подразумевается (расположение) одного племени, в то время как есть племя, которое находится возле самого Океана и занимает побережье этого Океана на многие сотни миль, и в то время, как одни племена населяют обширный берег Океана, другие расположены поперек (берега): одни — поблизости, другие — далеко от Океана и только своим краем доходят до Океана. Ему мы с помощью Христа ответим так: это верно, но вспомни, друг, что мы сказали раньше о протяженности племен (и ты обнаружишь у племени эфиопов), что оно занимает почти три часа. Далее, ты найдешь еще три или четыре племени, которые из-за страха перед другими соединились в одно; они не занимают пространства и одного часа. Таким же образом мы определяли (местоположение) других (племен). Как, например, для племени эфиопов мы предполагаем несколько часов, так же и довольно точно можем мы установить места обитания и прочих племен. Но если ты, Одокар, прочтешь о войне, которую вел римский император Траян, когда он прошел по всему берегу Северного Океана и победил царя даков, ты с удивлением обнаружишь там, как были удивлены мудрейшие римляне, видя, что земля заселена равномерно.

14. Возможно, кто-нибудь предположит, что (расположение) стран, находящихся на берегу Океана, определяется по ночным часам северной стороны не в соответствии с традицией, но по неведению, ведь (ночью) солнечные часы не действуют, а если ночь, как часто бывает, туманна, то человек никак не сможет рассчитать ночные часы, по которым, как сказано, он мог бы определить (расположение) упомянутых стран. Им следует ответить так: ведь и в Священном писании упоминается, что «в полночь господь поразил всех первенцев в земле Египетской», и псалмограф Давид говорит: «в полночь вставал я славословить тебя за праведные суды твои»; и в «Юдифи» содержится следующее: «и ввели ее слуги Олоферна в шатер и спала она до полночи». Но и творец жизни Христос, сын Бога, Бог наш всемогущий, в притчах своих сказал

такое речение: «в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему». Да и в «Деяниях апостолов» есть также это: «около полночи Навел и Сила, молясь, воспевали бога» и т. д. А если кто-нибудь скажет, что в Священном писании не встречается обозначения шестого или какого угодно другого из двенадцати ночных часов, кроме указанного (выражения) «полночь», тому мы ответим так: как же можем мы узнать полночь, если не определить ее по шестому часу? Таким образом (какой-то) мудрый человек совершенно разумно определил середину ночи шестым часом, а раз шестой час означает полночь, то мы можем сделать расчет вверх (т.е. первой половины ночи) от первого часа до шестого. Затем мы завершим расчет вниз от шестого до двенадцатого часа ночи.

Чтобы мое изложение звучало убедительнее, я нашел в Священном писании третий час ночи, так прямо и названный, а именно, в «Деяниях апостолов» написано: «тысяченачальник, призвав двух сотников, сказал: «приготовьте мне воинов двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. Приготовьте также ослон, чтобы, посадивши Павла, препроводить его к правителю Феликсу»».

15. Но если исследующий этот предмет не способен из-за ограниченности своего разума уловить смысл и не хочет, по неучености своей, понять расположение стран по расчету ночных часов, мы скажем ему: пусть он сравнит страну, т.е. (сравнит) те страны, которые находятся, по нашему обозначению, в первом часу дня и теперь, перед этой страной (расположит) страны северной части, которые мы обозначили под двенадцатым часом ночи, и пусть он рассудит, где она находится.

И потом пусть он таким образом сопоставит все дневные часы с ночными в отношении расположения стран, и тогда он, с помощью Христа, сочтет истинным наше изложение, как предшествующее, так и предстоящее. Пожалуй, кто-нибудь из противников захочет сказать, что расчет часов почти целой ночи относится только к Европе, и тогда он, как наводнение морское, извергнет целые потоки слов, желая сказать, что мы обозначили Европу, т.е. долю Яфета, столь же великой, как и (долю) обоих братьев, т.е. Сима и Хама, и что во всю ночь предполагается лишь одна Европа, тогда как один день приходится и на долю двух (других) братьев.

Но пусть никто так не думает, ибо, когда мы обозначали разные страны через расчет часов в весеннее, как было сказано, время, солнце садилось, пройдя значительную часть Европы, впрочем, в середине весеннего времени ночь явно короче дня.

16. Ведь и сама Европа заметно уже, чем Африка, и гораздо уже, чем упомянутая Азия, и, будучи узкой, сама Европа растянута по своему положению. И если строгий судья нашего рассмотрения отвергнет эти

(соображения), то пусть он спросит толковых путешественников, (тогда он узнает) то, что и мы говорим: упомянутая Европа нигде не простирается в ширину от Великого моря до Океана больше, чем в странах Далмации, которая расположена, как мы говорили, у Великого моря. Эта страна Далмация смотрит прямо на Данию, которая расположена, как мы говорили, на побережье Океана, хотя между ними находятся и другие страны.

Азия же раскинулась шире всего от провинции Вифиния (до Эфиопии). Как мы сказали, первая страна располагается на Великом море, там где пролив ведет из Великого моря Понтийского в Пропонтиду. Эфиопия же располагается на берегу Океана. Эта Вифиния смотрит прямо на Арабию, хотя между ними и расстояние во много миль. Узнав об этом от умного путешественника, о строгий исследователь, поверь, (наконец), что Азия намного шире описанной выше Европы, и тогда отметь, что мы, с помощью Христа, верно обозначили все страны.

17. Теперь, наконец, мы хотим, с помощью Христа, перечислить многочисленные города и реки, а также четыре главных залива (Великого) моря, а именно:

Первый залив — Восточный, он тянется вдоль морского побережья от Александрии, Тира и Сидона до Лаодикии, где река Оронт. Оронт течет из Сирии и, проходя через Аретузу, впадает в море, огибая Восточный залив до самого Эфеса.

Второй залив — Понтийский, он тянется вдоль морского побережья от Иера и страны халдеев до страны лазов, однако от Асилии, Авасгии и Фанугории он заворачивает к Воспору и Херсону, а также к месту впадения в море реки Данубий.

Третий залив — Западный, он тянется вдоль морского побережья от места, называемого Дианой, которое находится около Дурахия, мимо Далмации, Истрии и Венеции. Эсперийский залив заворачивает, начиная от Альтина и Равенны, и, (проходя) мимо границ Пентаполиса сплетанеев и беневентанов, (доходит) до Верета, что за Идрантом.

Четвертый залив — Галльский, он начинается от города Регион и тянется вдоль морского побережья огромной и знаменитой Италии, поворачивая от Марсилии Септиманской вдоль всей Испании к проливу, который мы назвали выше Септемгадитанским.

18. Мы хотим здесь также упомянуть все, так сказать, до самой последней, страны и очень многие города и различные реки, которые находятся в обширном мире. Хотим мы также перечислить и острова, и полуострова, Киклады, Споряды и Доркады, расположенные в мире.

Мы смогли бы затем, с помощью Христа, назвать точно имена гаваней и мысов и расстояния в милях между городами во всем мире, а также с помощью удивительных рисунков доказать, каким образом все страны

располагаются (на земле). Но, стремясь сделать наше изложение космографии совершенным, мы, избегая многословности, обошли молчанием все эти сведения и прочее в этом роде. Тем не менее мы намерены перечислить, как мы и обещали, упомянутые выше страны, их многочисленные города и реки. Пусть, однако, никто не подумает, что мы будем указывать только имена разных племен; нет, как было сказано, будут названы также и страны, расположенные в Азии, в доле Сима, сына Ноя.

Литература

- Бородин О.Р.* «Космография» Равеннского Анонима: (К вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ. 1982. 43. С. 54—63.
- Назаренко А.В.* К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 233—237.
- Подосинов А.В.* Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 248—256.
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002 (Древнейшие государства на территории Восточной Европы). С. 161—286.
- D'Arvezac M.A.P.* Le Ravennate et son exposé cosmographique. Rouen, 1888.
- Dillemann L.* La Cosmographie du Ravennate. Bruxelles, 1997 (Latomus. Revue d'études latines. 235).
- Funaioli G.* Ravennas Geographus // RE. II. Reihe. 1. Hlbd. Stuttgart, 1914. Col. 305—310.
- Gross H.* Zur Entstehungs-Geschichte der Tabula Peutingeriana. Bonn, 1913.
- Guckelsberger K., Mittenhuber F.* Überlegungen zur Kosmographie des anonymen Geographen von Ravenna // Vermessung der Oikumene — Mapping the Oecumene / Hrg. von K. Geus und M. Rathmann. Berlin, 2013. S. 287—310.
- Parthey M.* Die Erdansicht des Geographen von Ravenna // Monatsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1859. Berlin, 1860. S. 627—635.
- Pekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas // Arctos. Acta philologica Fennica. 13. Helsinki, 1979. P. 111—128.
- Schillinger-Häfele U.* Beobachtungen zum Quellenproblem der Kosmographie von Ravenna // Bonner Jahrbücher. 163. Bonn, 1963. S. 238—251.
- Schnetz J.* Untersuchungen zum Geographen von Ravenna. Programm des Wilhelms-gymnasiums in München. München, 1919.
- Schnetz J.* Neue Beiträge zur Erklärung und Kritik des Textes der Ravennatischen Kosmographie // Philologus. 87. 1932. S. 80—113; 89. 1934. S. 85—101; 226—249.
- Schnetz J.* (Ed.) Itineraria Romana. Vol. 2. Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Lipsiae, 1940 (Reprint: Stuttgart, 1990).
- Schnetz J.* Untersuchungen über die Quellen der Kosmographie des anonymen Geographen von Ravenna. München. 1942 (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Abt. Jg. 1942. Ht. 6).
- Schweder E.* Über die Weltkarte des Kosmographen von Ravenna. Versuch einer Rekonstruktion der Karte. Kiel, 1886.

«...Живой благодати родник...» (Приглашение к паломничеству)

Аннотация: Статья посвящена истории города Коломна и возрождению его религиозной жизни. Представлены знаковые ратные и матримониальные события: женитьба Дмитрия Донского в Коломне, сбор войск на Девичьем поле перед Куликовской битвой, строительство, история и возрождение Богородице-Рождественского Бобренева монастыря. Показана историческая и духовная значимость этого уникального города-памятника.

Ключевые слова: Коломна; Сергей Радонежский; Дмитрий Донской; Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский; Куликовская битва; Богородице-Рождественский Бобренев монастырь.

N.M. Rogozhin

«... A living spring of grace ...» (Invitation to pilgrimage)

Abstract: The article is devoted to the history of Kolomna and the revival of its religious life. The symbolic military and matrimonial events are presented briefly. Among them: the marriage of Dmitry Donskoy in Kolomna; the collection of troops in the Devichë field before the Kulikovo battle; the construction, the history and the revival of the Bogoroditse-Rozhdestvensky Bobrenev Monastery. The historical and spiritual significance of this unique city-monument is shown.

Keywords: Kolomna; Sergius of Radonezh; Dmitry Donskoy; the Bogoroditse-Rozhdestvensky Bobrenev monastery; Dmitry M. Bobrok-Volynskiy; the Kulikovo battle.

Всего лишь два с небольшим часа потребуется паломнику, чтобы добраться с московского Казанского вокзала на электричке, автобусом или на автомобиле до Коломны. И сразу же по прибытии Вы ощущаете на себе дыхание Божественной благодати, которая нисходит на этот древний город. Выросла Коломна на высоком берегу Москвы-реки, получившем позднее от жителей ласковое имя «Блюдечко», и была вторым в Московском княжестве городом — и по назначению ключевому у слияния Москвы-реки и Оки, и по богатству, и по красоте. Овеянный дыханием трех рек — Коломен-

* Рогожин Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН.

Rogozhin Nikolay Mikhaylovich, Grand PhD (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Center of Russian feudalism' history, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

ки, Москвы-реки и Оки, — получил город красивое славянское имя «Коло» — круг, кольцо, солнце.

Первое упоминание о Коломне как о городе мы находим в древнейшей Лаврентьевской летописи под 1177 годом и связано оно с военными действиями великого князя Всеволода III Юрьевича («Большое Гнездо») (1176—1212). Коломна вошла в состав Московского княжества в 1301 г. во время княжения Даниила Александровича и стала местом ежегодного пребывания московского князя. В первой половине XIV в. создается Коломенская епархия, и с тех пор сей град находится под благодатным покровом Святой Православной Церкви. К 1917 году Коломну украшали 28 храмов, 2 часовни и 5 монастырей. В трудные военные годы и в дни побед возносились в них к Богу молитвы благодарения и покаяния. Вся история Коломны, вплоть до наших дней, отмечена особой, духовной ролью. Это чувствовали и иностранные путешественники. В XVII в., пораженный красотой и величием города, немец Адам Олеарий выполнил с натуры его полную панораму, где на первом плане вздымаются многочисленные коломенские соборы. Секретарь антиохийского патриарха Макария Павел Аллепский в своем сочинении сделал яркие зарисовки жизни и быта жителей Коломны, отмечая твердость их православной Веры.

О Коломне писали и пишут историки, краеведы и литераторы. На протяжении многих лет создавали портрет города В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, И.И. Лажечников, Д.В. Григорович, Б.А. Пильняк, С.П. Бородин, А.А. Ахматова, Ю.М. Нагибин, Ю.М. Лошиц; здесь писал свои картины Аполлинарий Васнецов. Немало преданий украшают историю города, а начало их восходит к именам Святого Сергия Радонежского, Святого Благоверного князя Дмитрия Донского, доблестного воеводы Дмитрия Михайловича Волынца-Боброка и многих других наших славных соотечественников.

Неизгладимый след в памяти жителей Коломны оставил великий печальник земли Русской Преподобный Сергей Радонежский. В письменных источниках Коломна не раз прямо связана с его деяниями. Впервые — в 1375 г., когда на слиянии Москвы-реки с Окою Св. Сергием был основан, в память примирения московского князя с рязанским, Голутвин Богоявленский мужской монастырь. Монастырь имел важное духовное и стратегическое значение и его первым игуменом стал один из учеников Св. Сергия — Григорий. Впоследствии в кругу Троице-Сергиевских святых он стал почитаем как Григорий Голутвинский. В 1385 г., благодаря посредничеству Преподобного Сергия, Дмитрий Донской и Олег Рязанский заключили в Голутвине монастыре соглашение о мире, прекращении войны и границах своих владений. Подобно образам святых страстотерпцев Бориса и Глеба, Голутвин монастырь стал символом любви и смирения, здесь возносились молитвы за «но-

вые люди христианские». На берегу Оки до сих пор сохранился источник, названным в народе Святым колодцем. Рассказывают, что Св. Сергий ударил здесь своим посохом и открылась вода целебная, которую никогда не использовали для бытовых нужд. Народная память свято хранит упоминания о предметах Св. Сергия. Ризы, напрестольный крест и посох Преподобного хранились в Голутвинской обители, но, к сожалению, не дошли до наших дней. Однако, в Богоявленском храме до сих пор пребывает образ Св. Сергия с частицей его мощей. Память о Св. Сергии всегда почиталась в народе. Среди построек Старо-Голутвина монастыря с 70-х годов XVI в. упоминается церковь Св. Сергия Радонежского, которая в 1833 г., после переделки, была вновь освящена митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым). В Ново-Голутвине монастыре в первой четверти XIX в. старинный Покровский храм был переосвящен также в память Преподобного Сергия.

Каждый знает имя Благоверного великого князя Московского Дмитрия Донского. В нашем сознании оно неразрывно связано со знаменитой Куликовской победой. Но немногим известно, что венчались великий князь и суздальская княжна Евдокия Дмитриевна 18 января 1366 года в Коломне в дворцовом соборе Вознесения Словущего. Не у собственного стола, не на Москве сочетался князь, и не у невесты, а в благоверной Коломне, которую берёт, любил и завещал в удел своему старшему сыну Василию. Венчал молодых коломенский поп Михаил по прозванию (фамилии) Митяй. Настолько необычен был батюшка, что летописцы, вопреки обычаю, дали ему живописную характеристику: «Сей убо поп Митяй бысть возрастом велик зело и широк, высок и напруг, плечи имея велики, брада плоска, и долги и лицом красен и саном превзыде всех человек: речь легка и часта и грамогласна, глас же его красен зело; грамоте добре горазд: течение велие имея по книгам и силу книжну. Толкуя, и чтение сладко и премудро...» За необыкновенные дарования великий князь перевел его из Коломны в Москву, определил своим духовником и печатником, то есть самым близким секретарем и советником по делам государственным: «Князь зело любяще Митяя и чествоваше его яко отца паче всех». Природный ум, энциклопедические знания, феноменальная память и дар красноречия предопределили Митяю судьбу, аналогичную в последующей истории трагичной судьбе патриарха Никона, который также ставил вопрос о размежевании компетенций правительства и церкви.

С Коломной связано не только супружество Дмитрия Донского. Третья жена Ивана Грозного красавица Марфа Собакина и четвертая — Анна Колтовская — также принадлежали к коломенским знатым фамилиям.

Не только матримониальными, но и ратными делами наполнена история Коломны. Здесь в конце лета 1380 года на Девичьем поле сошлись необозримые полки великого князя московского Дмитрия

Ивановича, готовясь к победе над ханом Мамаем. Это самый известный и знаменитый сбор. В дальнейшем Девичье поле не раз было местом единения русских ратей перед решающими походами и важнейшими сражениями. В «Полном собрании русских летописей» упоминаются сборы русских войск на Девичьем поле в 1380, 1395, 1455, 1472, 1480, 1522, 1532, 1533, 1541, 1552 годах.

Великий князь Василий I Дмитриевич (1389—1425) на этом поле ополчился против Тамерлана; Василий II Темный (1425—1462) собирал силы на «престолохищного» Юрия; Иван III Васильевич (1462—1505) — на хана Ахмата. В Коломне расположил он свой штаб перед знаменитым «стоянием на Угре». Василий III Иоаннович (1505—1533) с Девичья поля шел на Магмет-Гирея и Саип-Гирея; сын его — Грозный царь Иван IV (1533—1584) продолжил поход на Саип-Гирея, а затем собирался на покорение Казанского ханства. В честь взятия Казани в Коломенском Кремле был основан Брусенский монастырь с уникальной шатровой соборной церковью Успения.

Духовным сердцем Коломны был и остается Кафедральный Успенский собор. История его престола восходит к временам Дмитрия Донского и связана с битвой на реке Воже (1378). Храмовая икона Донской Божией Матери с Успением на обороте была написана самим Феофаном Греком, он же, вероятно, был создателем соборной росписи. К XVI веку собор накопил богатейшее книжное и художественное собрание. Всего в ризнице Успенского храма в XVI столетии помимо непереpletенных «тетрадей» было 108 книг. Самой же богатой в это время была библиотека Старо-Голутвина монастыря — 123 книги. Учитывая большую дороговизну рукописных собраний, по тем временам это было громадным состоянием.

Среди многочисленных редкостей в Успенском соборе хранилась дарственная хоругвь супруги Иоанна III — внучки последнего византийского императора — Софьи Палеолог. В Святой Коломне, вышивая хоругвь, молила она Господа о даровании ей наследника престола. В память своего чудесного рождения ее сын Василий III поставил в городе каменный Кремль с 16 башнями, едва уступавший своей военной мощью Московскому. Когда в 1799 г. была упразднена Коломенская епархия, последний епископ ее Мефодий перевез в свою новую тульскую резиденцию многочисленные сокровища коломенских храмов и монастырей. Только из Успенского собора было вывезено 18 возов бесценной утвари.

В середине XIV в. в Коломне была еще одна церковь — Иоанна Предтечи на-Городищах. До сих пор сохранила она свое древнее очарование. В XVIII в. рядом с летним Успенским собором вырос теплый зимний храм Тихвинской иконы Божией Матери. Промыслом Божиим он был освящен вновь в канун Пасхи 1990 года. С 1989 г. рядом с соборной

площадью снова возносятся молитвы в Свято-Троицком Ново-Голутвине женском монастыре, который возник в XIX в. на бывшем архиерейском подворье.

Владения коломенского епископа состояли из 15 городов с многочисленными селениями. Павел Алеппский пишет: «Говорят, будто епархия эта бедна и мала. Да поможет ей Бог! Она больше области трех патриархов: антиохийского, александрийского и иерусалимского». В честь покровителя торговли Святого Николы на посаде в конце XVII в. на средства зажиточного коломенского купечества была воздвигнута нарядная, вся в кокошниках, словно рябь на Москва-реке, церковь Николы Посадского. В память великой победы русских войск над французами в 1812 году в центре Коломны перестроили храм Иоанна Богослова и соорудили высокую пятиярусную колокольню с часами и стройным шпилем.

Мирно и благочестиво жили «коломятины». На престольные праздники устраивались крестные ходы, служили молебны с водосвятием, об исцелении болезней ходили молиться к часовне Параскевы-Пятницы, что была у Пятницких ворот, а в часовне Ивана-воина просили Святого поспособствовать в торговле, путешествии и защитить от несправедного гнева начальства.

Наш рассказ будет о вновь открытом в 1992 г. Богородице-Рождественском Бобренева мужском монастыре.

С чего начинается любовь и та самая непреодолимая привязанность к неброскому среднерусскому пейзажу? Это понимаешь, когда узким переулком спускаешься от Соборной площади к Москва-реке. Задержишься, паломник, на старом живописном бульваре «Блюдечко», и взору твоему откроется сказочный силуэт Бобренева монастыря. Не торопясь дойди до моста, перейди реку и не заметишь, как окажешься у монастырских ворот. Немногие сегодня знают, что воздвигнут сей оплот веры по обету в благодарность Господу за одоление ордынских полчищ хана Мамаю. Бобренев монастырь — не только дорогой для нас памятник старины. Перед тобой, паломник, символ торжества добра над злом, память о прекращении страданий наших предков от злодейств и разорений, которые они в течение многих лет терпели от ордынского ига.

В конце июля 1380 г. князь Дмитрий Иванович узнал о приготовлениях Золотой орды к походу на Русь. Легендарный хан Мамай решил повторить Батыево нашествие. По пути на Москву он заключил военный союз с великим князем литовским Ягайло Ольгердовичем и великим князем рязанским Олегом Ивановичем, враждовавшими с Москвой. Появление полчищ Мамаю встревожило всю Русь. Князь Дмитрий Иванович объявил общий сбор военных сил. По преданию, сам Сергей Радонежский благословил его на борьбу с погаными. Местом сбора войск была назначена Коломна. На Успенев пост, то есть

к 15 августа, должны были собраться дружины, а на 25 августа 1380 г. был назначен смотр войска на Девичьем поле. «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне», — так описал Софоний Рязанец в «Задонщине» настроение национального подъема и воодушевления, царившее в городе. В коломенском Успенском монастыре молились Дмитрий Иванович, его ближние воеводы и соратники перед Донской иконой Божией Матери о ниспослании победы над врагами земли Русской. Среди присутствующих в храме был прославленный воевода, «муж славный доблестью и разумом», — князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. В этот роковой момент, когда решалась судьба России, дал он обет: в случае победы над Мамаем в благодарность Всевышнему заложить монастырь в Коломне.

Дмитрий Михайлович (Алибуртович), человек необыкновенной судьбы и выдающихся способностей, был сыном литовского князя на Волыни Кориата — Михаила Гедеминовича. Князь Боброк-Волынский был не только ближним советником, но и родственником великого князя Дмитрия Донского, выдавшего за него замуж свою сестру Анну. Под второй духовной грамотой Дмитрия Донского на первом месте стоит подпись Боброка-Волынского, что говорит о большой близости и доверии великого князя к своему ближайшему воеводе. Прозвище Боброк, возможно, связано с названием речки Боброка, упоминаемой в Галицко-Волынской летописи. Когда-то одна из самых густозаселенных и богатых земель Киевской Руси — Волынь — сильно запустела, на нее зарились одновременно Орда, Польша и Литва, не оставляя надежд на возрождение самостоятельной, собственно русской власти. Затомился тогда Дмитрий Михайлович и решил податься в края, где был бы ему, воину, простор для настоящего дела. О таких, как Дмитрий Михайлович, в древних былинах сказано, что они «под трубами повиты», «под шеломами взлелеяны», «с конца копья вскормлены». Выехав из Волыни, он был сначала тысяцким у нижегородского князя Дмитрия Константиновича, а затем перешел на службу в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу. В декабре 1371 г. князь Боброк-Волынский, начальствуя над московской ратью, разбил наголову рязанского князя Олега Скорнищего и заставил его оставить рязанский стол. В 1376 г. Боброк с московской и нижегородской силами ходил на болгар, нанес им поражение и заставил подчиниться воле великого князя московского. В 1379 г. вместе с двоюродным братом великого князя князем Владимиром Андреевичем серпуховским и боровским и князем полоцким Андреем Ольгердовичем ходил Боброк на Литовскую землю и взял города Трубчевск и Стародуб. Но особенно прославила Дмитрия Михайловича Куликовская битва, в которой он вместе с князем Владимиром Андреевичем начальствовал над засадным полком, решившим исход битвы.

В 1399 г. воевода Боброк-Волынский участвовал в походе против литовского князя Витовта. 12 августа после недельного стояния на реке Ворскле войска Витовта, оставив укрепленный лагерь, переправились через реку и внезапно напали на русские заставы. В этой жаркой схватке и погиб прославленный многими победами воевода Боброк-Волынский.

Согласно обету, промыслом Господним стоит в Коломне Богородице-Рождественский монастырь, который сохранил имя героя — «Бобреновский». Интересна предыстория основания этой обители. Дело в том, что, помимо воинской доблести, обладал Дмитрий Михайлович необыкновенными способностями. Умел Боброк по копытным следам исчислить величину вражеского отряда; знал травы, от которых кровь переставала сочиться из ран; а по голосам птиц угадывал, есть ли кто чужой в лесу; он понимал язык птиц, зверей и разговаривал с ними. Более того, храбрый князь слушал землю на поле Куликовом и «земля давала ему советы», где и как расставлять полки. Из житий святых и сказаний о подвижниках Веры известно, что многие из них и слушали, и понимали живые существа, а мать сыра-земля для русского человека всегда была защитницей и кормилицей, питала душу и тело богатырей Российских.

В замечательном письменном памятнике Куликовского цикла — «Сказании о Мамаевом побоище» — находим самый подробный рассказ о всех событиях во время битвы. «Сказание...» было написано в первой четверти XV в., в то время, когда еще хорошо помнили недавнее сражение и его героев. Надо отметить, что многие подробности о битве сообщаются также в летописных повестях, но «Сказание...» является самым детальным отражением действительных исторических фактов.

Согласно «Сказанию...» в ночь накануне сражения «Сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в эту ночь приметку свою проверить». Когда заря померкла и наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и повернувшись на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышци, брат, — гроза страшная очень». И ответил Волынец: «Призывая, княже, Бога на помощь!»

И повернулся он к войску русскому — была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» Тот ответил: «Виджу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Ра-

дуйся, государь, добрые это знамения, только Бога призывая, и не оскудевай Верою!»

И снова сказал «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двойко: одна сторона, точно какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметам битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость Божию — молитвою святых страсто-терпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

После такого вещего предсказания князь Дмитрий Иванович отослал своего брата Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился его полк. Вместе с ним отправил он и воеводу Дмитрия Волинского. На следующий день в разгар битвы, когда казалось, что христианские полки поредели и поганые уже стали одолевать, князь Владимир Андреевич, видя страшную погибель русских сынов, уже не мог сдерживаться. Он сказал Дмитрию Волинскому: «Так какая же будет польза в стоянии нашем?» На это мудрый воевода ответил: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет: ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благорожденными... Ныне только повели каждому воину Богу молиться прилежно и призывать святых на помощь и с этих пор снизойдет благодать Божья на помощь христианам». Когда наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины, воскликнул Волинец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало, и час удобный пришел!» И прибавил: «Братья мои, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!»»

После великой битвы и победы, исход которой во многом решил засадный полк Боброка-Волинского, князь Дмитрий Иванович сказал: «Благодарю тебя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, Господи, по делом их, я, же, Господи, надеюсь на тебя!» А обратясь к Дмитрию Михайловичу Волинцу, сказал: «Воистину Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».

После нашего рассказа, вероятно, совсем другими глазами посмотришь ты, паломник, на Бобреновскую обитель.

По данным «Сказания...» и летописных источников мы знаем, что знаменитая победа была одержана в день светоносного праздника Рождества Пресвятой Богородицы — 8 сентября 1380 г. Здесь важно вспомнить, что обетный Бобренов монастырь также построен во имя праздника Рождества Богородицы, что косвенно подтверждает предание о его происхождении. А если славный Боброк разговаривал и понимал землю, то какое непростое место для своего обетного монастыря, надо думать, выбрал герой Куликовской битвы!

Мы не знаем, как выглядел монастырь в XIV в. Первое описание его строений относится ко времени Ивана Грозного. В описи 1578 г. и в приправочной книге указано, что в монастыре были сооружены: 1) каменная холодная церковь, во имя Рождества Богородицы, с двумя на церкви колоколами; внутри церкви, пред иконою Рождества Богородицы поставлена была большая свеча великого князя; 2) каменное здание с церковью в нем во имя Входа во Иерусалим, кельей для игумена и 11 кельями для братии; 3) вокруг монастыря «деревянная городьба и таковыя же святые ворота, а внутри монастыря конюшенный двор». За Бобреновым монастырем считалось приписанных 1111 душ крестьян.

В 1764 г., по повелению императрицы Екатерины II, владение монастырем крестьянами было упразднено, и монастырь был оставлен за штатом (законсервирован). В 1790 г., при преосвященном Афанасии, епископе Коломенском, вместо существовавшего храма была воздвигнута церковь более современной архитектуры — круглой формы, в два этажа, с трапезою; сверху — церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а внизу — во имя Алексия человека Божия. Затем выстроены игуменские покои и архиерейский дом — деревянные, на каменных жилых помещениях. В летнее время архиерейский дом был летней резиденцией коломенского владыки. В 1795 г. монастырь обнесли каменной оградой с башнями по углам. Подобные же ограды псевдоготического стиля были выстроены вокруг Брусенского, Ново-Голутвина (в Кремле) и Старо-Голутвина монастырей. Устремленные вверх своими остриями, башни оград выглядят как минареты в татарских селениях, но окружают они попирающие их кресты православных храмов. Своими оградами монастыри Коломны обязаны великому русскому зодчему М.Ф. Казакову, который приехал сюда в 1778 г. Матвей Федорович так увлекся величественными образами коломенской истории, что создал ряд гравюр старого города. В 1792—1799 гг. им же в Коломне построена ротонда Вознесенской церкви, почти точная копия московской церкви Косьмы и Демьяна на Маросейке.

В 1800 г., по перенесении Коломенской архиерейской кафедры в Тулу, Бобренов монастырь со всеми угодьями был приписан к Троицкому Ново-Голутвину монастырю. В тот же год, 29 февраля его строителем (настоятелем) был назначен иеромонах Николаевского Пешнош-

ского монастыря Самуил. Монахи сердечно любили его и говорили, что Самуил имеет в себе дар молитвы Иисусовой. С избранием о. Самуила настоятелем начинается новый этап истории Бобренева монастыря. В марте 1813 г. о. Самуил освятил в монастыре новый придел по имя Федоровской Богоматери, построенный на средства уездного казначея П.И. Алисова. В скором времени, благодаря неусыпным стараниями о. Самуила, объединенные Старо-Голутвин, Ново-Голутвин и Бобренев монастыри вновь приобрели цветущее состояние. В 1830 г. Бобреневский храм Рождества Пресвятой Богородицы был перестроен. Для летнего богослужения в его трапезной были освящены два придела: с правой стороны в честь Казанской, а с левой — в честь Федоровской Божией Матери иконы. О. Самуил не устал повторять себе и в назидаение другим: «Что у человека высоко, то у Бога низко». Все, кто соприкасался с благочестивым старцем, чувствовали на себе его особый дар прозорливости и видения, ниспосланные ему свыше.

Учеником и преемником о. Самуила с ноября 1857 г. стал сын московского купца игумен Назарий. Стараниями братии и многочисленными пожертвованиями паствы Бобреневская обитель продолжала благоустраиваться. Лучшие люди города всегда считали своим долгом поддерживать святыню богатыми дарами. В 1861 г., по благословению митрополита Филарета, на средства благотворителя Д.И. Хлудова был сооружен отдельный теплый храм во имя Федоровской Божией Матери, с двумя приделами: Казанской Божией Матери и Преподобного Давида Селунского. В 1891 г. в благодарность Господу за спасение 17 октября 1888 г. Августейшей семьи, крестьянином деревни Бобренево П.А. Шишовым в храм Рождества Пресвятой Богородицы были пожертвованы металлические, резной работы, хоругви и большой величины образ Распятия Иисуса Христа. Вместо ветхого братского помещения было выстроено два каменных корпуса со всеми надворными принадлежностями, в собственность монастыря была пожертвована пахотная земля.

В 1865 г. Бобренев монастырь был возведен на степень самостоятельной обители. Предписанием митрополита Филарета в монастырь были определены один настоятель, один казначей и пятнадцать человек братии. В конце прошлого столетия в храме Рождества Пресвятой Богородицы был вызолоченный, трехъярусный, резной работы иконостас с образами старинного письма. В трапезной два придела: правый — во имя святого Тихона Задонского; левый — во имя Всех Святых; над папертью возвышалась колокольня. В храме Федоровской Божией Матери находились чтимая местными жителями одноименная чудотворная икона и крест с частицей мощей Святого великомученика Пантелеимона. На территории монастыря, помимо покоев настоятелей и келий бра-

тии, были хозяйственные постройки, погреб, баня, конюшни, налево от центральных святых ворот — небольшой сад с огородом, а направо — парк, где среди зеленеющих тополей и берез было братское кладбище. Всей братии монастыря в 90-е годы было 32 человека, из них: 5 иеромонахов, 3 иеродиакона, 4 рясофорных монаха и 6 послушников; пахотной и под лесом земли было до 500 десятин.

Трудно передать словами, сколь тяжелые испытания пришлось пережить Коломенским святыням в XX веке. Бобриневский монастырь также был осквернен и разграблен. Храмы то использовались под склады, то стояли бесхозными; утрачены образа, разрушены иконостасы, погибли фрески.

Но многое изменилось в последние десятилетия с начала возрождения Русского Православия. Летопись современной жизни Коломны ее храмов и монастырей продолжается, новые имена, даты и события будут вписаны в его историю. На глазах обновляются церковные территории, обнаружены отличные по качеству и сохранности фрагменты декора XIV—XVIII вв. и надгробные плиты прошлых столетий, возобновилась церковная служба. И ты, паломник, вступая по этой благословенной земле, вспомни о славных героях Куликовской битвы и всех защитниках Отечества, помни, что пред тобою не только «место, где замерла вражда», памятник торжества Веры, но и «Живой благодати родник».

Литература

- Антонова В.И.* О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. Т. 2. М., 1958.
- Булич О.П.* Коломна. Пути исторического развития города. М., 1928.
- Ефремцев Г.П., Кузьнецов Д.Д.* Коломна. М. 1977.
- Иванчев-Писарев Н.И.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843.
- Киреев А.Ф.* Описание Богородице-Рождественского, Бобринева, общежительного мужского монастыря. М., 1892.
- Клеванов А.С.* Очерк истории города Коломны // Московские губернские ведомости. 1852. № 49—51.
- Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: «Александрия», 2001.
- Марков Н.М.* Коломенская епархия. М., 1888.
- Писцовые книги XVI век / Под ред. Н.В. Колачова. СПб., 1872. Отд. I. С. 323—325.
- Православные монастыри Российской империи. Полный список. М., 1908. С. 482—483.
- Сергеева-Козина Т.Н.* Коломенский кремль // Архитектурное наследство. М., 1952. Вып. 2.
- Фехнер М.В.* Коломна. М., 1966.

В.М. Рычка*

«...Нѣсть се Олегъ но святыи Дмитреи»

Аннотация: Созданный в древнерусском летописании образ Вещего Олега многогранен. В нем причудливо совмещаются языческие и христианские лики. Увенчанный славой победоносного похода на Царьград Олег виделся составителю *Повести временных лет* демиургом древнерусской государственности. Это, очевидно, и побуждало летописца начала XII в. к уподоблению Олега Вещего св. Дмитрию — градозащитнику и охранителю христианского царства. Эта параллель дополнена мотивом вывешивания Олегова щита на воротах Царьграда. Провозглашая Киев устами князя-язычника «матерью градомъ руским», летописец имплицитно отождествляет его с Константинополем — Новым Иерусалимом, предвещая грядущее величие и славу столицы христианской Руси.

Ключевые слова: Олег Вещий, св. Дмитрий, Константинополь, защитник города, христианская культура и литература, язычество.

V.M. Rychka

Nest' se Oleg no svjatej Dmitrij

Abstract: Created in the ancient chronicle, the image of Veschiy Oleg is multifaceted. It bizarrely combines pagan and Christian features. Crowned with the glory of a victorious campaign against Tsargrad, Oleg seemed to the composer of the *Povest' vremennykh let* as the demiurge of the ancient Rus' statehood. At the beginning of the XII century, this, obviously, prompted the chronicler to the assimilation of Oleg Veschy to st. Dmitri who was the city custodian and the guard of the Christian kingdom. This parallel is supplemented by the motive of hanging Oleg's shield on the gates of Constantinople. Proclaiming Kiev as the mother of all Rus' cities with the mouth of the pagan prince, the chronicler implicitly identifies him with Constantinople — the New Jerusalem, foreshadowing the future greatness and glory of the capital of Christian Rus'.

Key words: Oleg Veschiy, St. Dmitry, Constantinople, the city custodian, Christian culture and literature, paganism.

В картине мира языческой Руси, выписанной киевским летописцем начала XII века заметно выделяется фигура Олега Вещего, правившего при Игоре Рюриковиче в 882—912 гг. В летописных преданиях, вошедших в состав *Повести временных лет* он представлен удачливым и предприимчивым властителем. Хи-

* Рычка Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины.

Rychka Volodymyr Mikhailovich, Grand PhD (History), Professor, Chief Researcher, the Institute of the History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine.

тостью захватив Киев, Олег в довольно короткий срок сумел подчинить своей власти окрестные восточнославянские «племена». Им были предприняты первые, пока еще может быть робкие и не всегда эффективные меры по усмирению, говоря словами А.В. Назаренко, «политической стихии» торгово-ремесленных центров [Назаренко. 2014. С. 22]. Энергичная деятельность этого, как сказали бы сегодня успешного «менеджера» заложила, пускай еще и довольно зыбкие, едва осязаемые основы социально-политической организации, рождающегося Киевского государства.

Не отвернулось военное счастье от предводителя киевского княжеского клана и во время, организованного им в 911 г. победоносного похода на Византию. Это главное историческое деяние Олега описано в *Повести временных лет* под 907. г. : «Иде Олегъ на Греки . Игоря остави в Киевѣ . поя же множество Варяг . и Словенъ . и Чюдь . и Словене . и Кривичи . и Мерю . и Деревляны . и Радимичи . и Поляны . и Сѣверо . и Вятичи . и Хорваты . и Доулѣбы . и Тиверци . яже суть толковины . си вси звахуться от Грекъ Великая Скуфь . и съ сими поиде Олегъ на конех и на кораблех . и бѣ числом кораблеи 2000 . и прииде къ Царюграду»¹.

Далее летописец повествует об изобретательности Олега, сумевшего наладить на подступах к Константинополю передвижение своих кораблей к городу «посуху», после того как греки «замкоша Суд». Когда войско Олега внезапно появилось под стенами Царьграда, Греки, как сообщает летописец, «...убояшася. и рѣша выславше ко Олгови. не погубляи града. имемъ ся подать якоже хоцещи. и оустави Олегъ воя И вынесоша емоу брашно и вино и не приа его. бѣ бо оустроено со отравою. и оубояшася Греции. и рѣша нѣсть се Олегъ. но святыи Дмитреи посланъ на ны от Бога»².

Происхождение мотива распознавания героем отравленного напитка твердо не установлено. В свое время Д.С. Лихачев отмечал, что в *житиях* Дмитрия, нет случая, чтобы последний разгадывал подносимую ему отраву [Лихачев. 2007. С. 416]. Мотив отравы, между тем, обнаруживается, как показала Илиана Чекова в *житиях* другого близкого Дмитрию чтимого христианского святого — Георгия [Чекова. 1994. Т. 87. Кн. 2. С. 76—77; Чекова. 2000. Т. 90 (9). С. 428—429]. Они способны заменять друг друга. Линия почитания Георгия Победоносца (Егория), выступающего в русском фольклоре как покровитель скотоводства, перекрещивалась, по замечанию С.С. Аверинцева, «с воинской, княжески-рыцарской линией на мотиве особой связи Георгия с конями (в подвиге драконоборчества он обычно изображается как всадник)» [Аверинцев. 1999. С. 59]. Легенды о богатыре и рыцарственном заступнике обреченный невинности, известны, отмечает исследователь, уже в низовой, полуофициальной византийской агиографии.

По мнению Е.А. Мельниковой, этот мотив мог быть заимствован как из византийской литературы, так и из скандинавской традиции: «Введение этого сюжета оказалось необходимым на определенном этапе развития сказаний об Олеге, чтобы объяснить его прозвище, которое в некотором смысле вступало в прямое противоречие с описанием его деятельности — после того, как значение исходного скандинавского слова было забыто». Скандинавское имя киевского князя *Helgi*, полагает исследовательница, «получило в славянской среде двойное отражение: фонетическое и семантическое. Результатом первого было личное имя *Ольгъ* > *Олегъ*, вошедшее позднее в русский именовослов, результатом второго — прозвище «вещий», в котором исходное значение имени, отражающее представления о сакральности как воплощении физической и духовной целостности и личной удачи, было переосмыслено в категориях славянского язычества» [Мельникова. 2005. С. 144—145]. Отмечу, что древнерусские летописцы называют Олега «вещим» после его триумфального возвращения в Киев: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга вещий: бяху бо людие погани и неvigласи»³.

Вложенное летописцем в уста Греков уподобление русского князя-язычника христианскому святому всегда изумляло исследователей. По мнению М.Г. Халанского, то обстоятельство, что в летописи греки принимают Олега за св. Дмитрия, ополчившегося против них, «заставляет предположить известность летописцу поэтического образа о появлении в среде врагов небесной силы, христианских святых, прогнавших на христиан, развитого в более позднем цикле славянских сказаний о падении разных центров политической жизни болгар и сербов, удалении героев, гибели богатырей, сказаний, примыкающих к греко-славянским песням и преданиям о гибели Царьграда в 1453 г.» [Халанский. 1902. С. 352]. Весьма своеобразно трактовал слова греков («нѣсть се Олегъ . но святыи Дмитриеи») Н.И. Костомаров. Ученый счел их невольной *прибавкой* (к народно-поэтическому, разумеется, сказу об Олеге), «расходившейся руки книжника, записавшего сущность предания на свою хартию» [Костомаров. 1905. Кн. 5. Т. XIII. С. 324].

А.А. Шахматову, задававшемуся вопросом, — «могло ли прийти в голову русскому летописцу, знавшему, что Олег язычник, приписать Грекам приведенные от имени их слова?», — представлялось это весьма маловероятным. Ученый рассматривал это известие как вставку *Древнейшего свода* под влиянием болгарской летописи: «Вспомним, что Дмитрий Солунский был святым особенно чтимым Болгарами, что бывали случаи, когда болгарские князья, отправляясь на Царьград, заезжали в Солунь и испрашивали себе благословения у мощей св. Дмитрия; вспомнив это, признаем вероятным, что болгарская летопись

в повествовании о походах Симеона на Царьград могла содержать сходное с приведенным место, причем Греки отождествили со св. Дмитрием не язычника, а христианина Симеона, наводившего страх на Византийскую империю» [Шахматов. 2001. С. 333].

По мнению Илианы Чековой, появление этого сюжета в *Повести временных лет* не было следствием прямого заимствования из византийской культурной традиции, например, подсказкой одной из византийских хроник⁴, а возникло в славянской среде. Не исключая его заимствования из староболгарской летописи, повествующей о походах болгарского царя Симеона на Царьград (913 г.) и Солунь (923 г.), исследовательница предполагает, что отождествление киевского князя-язычника с христианским святым было следствием фольклоризации реального события — похода Олега на Солунь, организованного им самим или же в союзе с царем Симеоном [Чекова. 2000. Т. 90 (9). С. 430].

Другим ученым представлялось более правдоподобным, что упомянутое отождествление появилось в летописи по недомыслу старокиевского книжника, который жил в обществе, еще недостаточно хорошо знакомым с христианской культурной традицией. Любопытной является попытка Я. Малингуди объяснить появление в этом сюжете св. Дмитрия ошибкой переписчика. В первоначальном тексте, по ее мнению, речь шла о Деметре [Малингуди. 1997. Т. 57(82). С. 79. Прим. 83]. В античной Греции Деметра Кидарийская, выступая гарантом нерушимости торжественной клятвы, связывалась, как показал Жан-Пьер Вернан, прежде всего с миром мертвых. Она должна была вызывать у людей такой же священный ужас как в потустороннем мире вода Стикса, которой клянутся боги и которая карает тех, кто нарушил клятву, поражая их временной смертью [Jean-Pierre Vernant. 1985]. В рассматриваемом нами сюжете мотив смерти представлен имплицитно, выступая зеркальным контрапунктом мотива исцеления/спасения. Поэтому, вряд ли стоит исключать присутствие святого Дмитрия в этом сюжете.

Святой Дмитрий, культ которого в Византийской империи достиг наивысшего расцвета в эпоху правления Македонской династии (867—1015 гг.), почитался не только как мученик за веру и целитель, а, прежде всего, как защитник и небесный покровитель Фессалоник (Солуни). Своими посмертными чудесами солунский воитель не раз спасал вторую византийскую столицу от нашествия полчищ славян и аваров. Благодаря Кириллу (Константину) и Мефодию, культ этого святого был перенесен на славянскую почву. Особую популярность он получил среди южных славян, в частности, болгар⁵, а в XI—XII вв. стремительно распространился и на Руси [Бегунов. 1975. С. 149—153; Тъпкова-Займова. 1979. С. 9—11].

Киевский летописец обнаруживает знакомство с болгарскими переводами литературных памятников, отражающих культ св. Дмитрия.

Среди них, возможно, был и атрибутируемый обычно Мефодию *Канон* Димитрию Солунскому, входящий в состав *Минеи* XII в. Реминисценция из одного чуда (15-е чудо 1-го сборника) обнаруживается в *Сказании* о Борисе и Глебе)⁶.

Полагаю, что наш летописец вполне осознанно сравнивал киевского князя-язычника Олега с христианским святым — градозащитником и охранителем всего ромейского царства. Тем самым он отводил Олегу такую же функцию, которая возлагалась на св. Дмитрия. Об этом свидетельствует хрестоматийный рассказ *Повести временных лет*, где говорится, как, оставляя столицу Византийской империи, киевский князь «повеси щит свои въ вратах, показуа победу»⁷. Примечательно, что свою победу завоеватель символически обозначает не ударом меча или вонзанием копья в мистическое тело города⁸, а вывешивает на воротах свой щит. Это был не просто боевой щит, а «щит мира»⁹, который дарует городу охрану и защиту. Ведь древнерусское слово «щитити», «щичу» означает защиту: «Азь есмь о тебѣ щитя и азъ помощникъ тебѣ» [Срезневский. 1903. Т. 3. Стб. 1609]. Вывесив свой щит на воротах Царьграда, киевский полководец демонстрирует, что он принимает Святой Город под свое покровительство, «показуа победу». Ведь древнерусское слово «победа» несло в себе более широкий спектр значений, чем современное (производным от него, в частности, является «победница», то есть заступница) [Данилевский. 1999. С. 143—144; Данилевский. 2004. С. 152—157]. Таким образом, есть основания полагать, что Олег искал не войны с Византией, а мира: «вешая свои щиты на башнях Константинополя, “русы” объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской появляются отряды “русов” (морская экспедиция на Крит 911—912 гг.), а сами греки наименовали Олега “святым Дмитрием”, то подобное утверждение вряд ли покажется слишком смелым» [Никитин. 2001. С. 180].

Под стены Царьграда Олег пришел жестоким захватчиком-язычником (вспомним бесчинства, творимые его воинами в окрестностях Константинополя, столь красочно описанные в летописи), а обернулся защитником христианской столицы. Это парадоксальное, на первый взгляд, превращение проясняет, предложенное И.Н. Данилевским прочтение летописного рассказа о походе Олега на Константинополь в эсхатологическом контексте: «христианская столица сдалась, когда неприятельский флот «переплыл сушу», но люди от «рода Рускаго» взяли Город — до «последнего времени» — под свою защиту» [Данилевский. 2004. С. 158].

Сакральный образ Вещего Олега формировался на Руси не столько в языческой, сколько в христианско-книжной среде. Увенчанный славой победоносного похода на Царьград Олег виделся составителю *Повести*

временных лет демиургом древнерусской государственности. Только язычество Олега, следует полагать, удержало летописца назвать его *Мудрым*, поэтому он избрал тождественное по семантике [Никитина. 1999. С. 298—304], но для христианской аудитории вполне нейтральное имя *Вещего* Олега.

Восприятие Русью идеи покровительства над ней св. Димитрия отнюдь не придавало этому культу, как в свое время утверждала болгарская исследовательница Василка Тъпкова-Заимова некую антивизантийскую окраску [Тъпкова-Заимова. 1979. С. 9—11]. Напротив, «религиозно-политическое самоопределение Древней Руси осуществлялось в символах, восходивших или возводимых к Византии. Воспринимаемые символы должны были в ходе перемещения освободиться от специфически-византийского государственно-политического значения, если они таковое имели... Древнерусская христианская государственность, равно как и государственность православных южных славян, мыслилась, как производное от Византии, как результат перемещения оттуда ценностей, силы и власти, как византийский дар или как завоеванная ценность» [Плюханова. 1995. С. 24].

О таких «дарах» и ценностях, обретенных Олегом сообщается в летописи: «И приде Олегъ к Киеву . неся злато и паволоки . и овощи . и вина . и всякое узорочье»¹⁰. Это известие может быть дополнено летописным фрагментом статьи, помещенной в *Повести временных лет* под 912 г. Завершая повествования о заключении «ряда» между Русью и Византией, летописец отмечает: «Царь же Леон почти послы Роуские . дарми . златом . и паволоками . и фофоудьами . и пристави к ним моужи свои . показати им церковную красотоу . и полаты златяа . и в них соущаа богатество . злата много . и паволоки . и камъне драгое . и страсти Господня . и венець и гвоздие . и хламиду багряную . и мощи святых оучаще я к вѣре своеи . и показывающе им истиную вѣроу и тако отпусти а во свою землю с честью великою»¹¹. Для «варварских» народов тогдашнего мира, это было, согласно емкому определению Дмитрия Оболенского, «желанной честью» [Оболенский. 1998. С. 306]. Приобщение посланцев Олега к христианской культуре и составляющих ее суть духовным ценностям возвышало государственный статус Олеговой Руси [Чекова. 1994. С. 78—79], пусть даже только в ее собственных глазах.

Возвращаясь из византийского похода, Олег и его окружение вместе с добычей привозили неведомые им ранее представления о христианской религии и государственном устройении, о Божьей власти и государственной власти византийского царя. Из жестокого воителя-грабителя он превращался в сознании древнерусских книжников начала XII в. в союзника и защитника этих ценностей, доброго устроителя Русской земли. Это, очевидно, и побуждало летописца к уподобле-

нию Олега Вещего христианскому святому, а также избрать именно этого князя для того, чтобы его устами провозгласить пророчество о грядущей судьбе и предназначении Киева: «Се буди мати градомъ рускими»¹². Как мне уже приходилось отмечать [Рычка. 2017. С. 514—527], эта формула (древнего, книжного по своему содержанию происхождения) несет в себе мощную идеологическую нагрузку¹³. Связанное с ожиданиями грядущего воцарения Иисуса Христа в Иерусалиме, это пророчество своеобразно отражает формирующийся символический образ Святой Руси¹⁴ с характерной для христианской легенды поливалентной ассоциативностью мотиваций. Провозглашая Киев устами князя-язычника «матерью градомъ руским», летописец имплицитно отождествляет его с Константинополем — Новым Иерусалимом, предвещающая грядущее величие и славу столицы христианской Руси.

Литература

- Аверинцев С.С.* Георгий Победоносец // *Аверинцев С.С.* Софія-Логос. Словник. К., 1999.
- Бегунов Ю.К.* Греко-славянская традиция почитания Дмитрия Солунского и русский духовный стих о нем // *Byzantinoslavica*. Prague, 1975. Т. XXXVI. Fasc. 2.
- Данилевский И.Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // *Одиссей: Человек в истории*, 1998. М., 1999.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Костомаров Н.И.* Предания первоначальной русской летописи // *Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования*. СПб., 1905. Кн. 5. Т. XIII.
- Лихачев Д.С.* Комментарии // *Повесть временных лет* / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп. подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 2007.
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // *Византийский временник*. М., 1997. Т. 57 (82).
- Мельникова Е.А.* Олегъ/Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fontem. У источника*. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.
- Назаренко А.В.* Князь и дружина в эпоху договоров Руси с Греками // *Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура* / Под ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. М.; Вологда, 2014.
- Никитин А.Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
- Никитина С.Е.* Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // *Славянские этюды* / Сб. научных статей к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Рычка В.М.* Иерусалим на Днепре (Опыт осмысления религиозно-политической идеи) // *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура*. М.; Вологда, 2017.

- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3.
- Тѣпкова-Заимова В. Култът на св. Димитър Солунски и някои въпроси, свързани с византийското културно влияние в балканските и славянските страны // Проблеми на балканската история и култура. София, 1979.
- Халанский М.Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1902. № 8.
- Чекова Илиана. Фолклорно-епически парадигми в повествованието за княз Олег и основането на Киевска Рус в староруските летописи // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. Литературознание, 1994. Т. 87. Кн. 2.
- Чекова Илиана. Митологемата «Цариград» в «Повесть временных лет» // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». София, 2000. Т. 90 (9).
- Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Vernant J.-P. La mort dans les yeux. Figures de l'Autre en Grèce anciennt. Paris: Hachette, 1985.

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). Т. 1. Л., 1926. Стб. 29—30. Трудно представить, чтобы Олег сумел сплотить и вооружить отряды из числа удаленных от киевского центра кривичей, мери, вятичей, хорватов и дулебов. Приведенный здесь список участников похода как и количество кораблей является плодом воображения древнерусского книжника начала XII в.

² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30.

³ Там же. Стб. 32.

⁴ Впрочем, такой возможности не стоит исключать. Повествуя об осаде Константиополя финикийцами, Гергий Амартол сообщает о том, что накануне сражения с вражеским флотом византийскому императору Консте приснился сон в котором тот видел «себе соуца въ Фессалоники, рекше в Селоуны». Императорские советники истолковали это как «золь сонъ»: «ибо бывшоу ти въ Фессалоники изъобразуеть: положи иному побѣду, се же есть тебѣ побѣжоноу бывшоу, побѣда врагом дана будет» (См.: *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920 [Репринт]: Die Chronik des Georgios Namartolos. München, 1972]. С. 458. Образ Солуня был небезынтересен для древнерусских книжников второй половины XI—XII вв.

⁵ В древнеславянском Каноне св. Дмитрию, входящим в состав Минеи XII в. упоминается, что в Амастриде (Пафлагонии) после избавления города от сарацин был построен храм св. Дмитрию Солунскому. В конце XII — начале XIII в. церковь св. Дмитрия Солунского была возведена в Тырново братьями Асенями. Ими было заявлено, что св. Дмитрий оставил опустошенную норманнами солунскую церковь и явился на помощь болгарам. Тогда же старший брат Петр был венчан царем болгар и греков, а тырновский епископ Василий провозглашен в 1204 г. самостоятельным болгарским (тырновским) патриархом (*Качановский В.* Славянский список описания чудес св. великомученика Дмитрия Солунского, 1479 г. // Христианское чтение. 1883. Ч. 1. С. 255).

⁶ На близость почитаемых на Руси князей-страстотерпцев культу св. Дмитрия указал в свое время С.А. Бугославский. (См.: *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. II): Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. С. 247). Поэтому, неслучайно древнерусский Вышгород, где находились мощи Бориса и Глеба, почитался «Вторым Солунем». В религиозно-политических представлениях средневековой Руси этот киевский пригород позиционируется «выше и

- превыше» всех городов. С развитием культа Бориса и Глеба при Ярославе Мудром связано наречение его старшего сына Изяслава в крещении христианским именем Димитрий. Он был основателем монастыря св. Димитрия в Киеве.
- ⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32.
- ⁸ Этот мотив надругательства над городом, его незащитности был весьма популярным в средневековой литературе. (См.: Ричка В. «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005. С. 112—116).
- ⁹ Средневековая практика вывешивания таких «щитов мира» (Fridskioldr) известна по данным древнескандинавских саг (см.: Стриннгольм А. Походы викингов. СПб., 2003). Поэтому курьезной представляется точка зрения Г.И.Магнера, который пытался обосновать, что Олег вывесил на воротах Константинополя не боевой щит, а щит-доску с написанным на ней текстом русско-византийского соглашения (См.: Магнер Г.И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2009. Вып. 2. С. 119—129).
- ¹⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32.
- ¹¹ Там же. Стб. 37—38. Рассматривая летописное известие 912 г., повествующее об осмотре послами Олега христианских реликвий, в частности, императорской коллекции реликвий страстей Христовых в дворцовой часовне Богоматери Фаросской (См.: Wortlej J., Zuckerman C. The Rtlies of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle // Византийский временник. М., 2004. Т. 63. С. 72—74), завершающееся словами: «оучаще я к вѣре своеи . и показую ще и стиную вѣроу», А. Чернов находит в них свидетельство оглашения — катехизации части русов за которым, по его мнению, последовало крещение и самого Олега: «договор 912 года с его беспрецедентно выгодными для Руси условиями был предложен Олегу за его крещение и обещание крестить Русь» (См.: Чернов А. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20). Львів, 2011. С. 706). Между тем, киевской правящей династии потребуются смена еще нескольких поколений, чтобы преодолеть многотрудный путь от предводителя разбойничьей шайки к христианскому властителю, помазаннику Божьему.
- ¹² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23. В других списках — «маги градомъ русьскимъ». См.: The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume X. Pt.1] 2003. P. 128.
- ¹³ В системе образов эсхатологической поэзии библейских книг рубежа Старого и Нового Заветов «город-мать» («город-дева») отождествляется с Небесным Иерусалимом. Провозглашая Киев устами князя-язычника «матерью градомъ рускимъ», летописец имплицитно отождествляет его с Иерусалимом. Знаменитый парафраз старокиевского книжника был вызван к жизни необходимостью подчеркнуть святость стольного града Руси и всего христианского царства и напрямую соотносится с апокрифическим пророчеством о том, что «будет на Руси градъ Иерусалим начальный, и в том граде будет Соборная и апостольская церковь Софии» (Буслаев Ф.И. Повесть града Иерусалима // Летописи русской литературы и древностей / Изд. Н. Тихонравов. М., 1859. Т. 2. Кн. 3. Отд. 3. С. 41—42).
- ¹⁴ Шире о феноменологии понятия «Святая Русь» см.: Soloviev A.V. Holy Russia: The History of a religious-social idea. Mouton, 1959 (= Musagetes. Contributions to the History of Slavic Literature and Culture / Ed. by D. Cizevsky. XII); Cherniavsky M. Holy Russia: A Study in the History of an Idea // American Historical Review. 1958. April); Averintsev S. The Idea of Holy Russia // Russia and Europe. London, 1991. P. 10—23; Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 269—278; Дмитриев М.В. «Святая Русь» в русском фольклоре XIX в. // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики: Сб. научных статей в честь 85-летия проф. Владимира Александровича Якубского. СПб., 2009. С. 196—199.

С.Ю. Темчин*

Владимир Креститель как Иоанн Предтеча в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона

Аннотация: Контекстуальный анализ евангельского первоисточника позволяет считать, что заглавие «Слова о законе и благодати» (основанное на Ин 1.17) и его библейский тематический ключ (Лк 1.68), отражающие заключительные стихи богослужебных чтений на Пасху и Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) соответственно, имеют важную точку пересечения в образе Иоанна Крестителя, в соответствии с которым в произведении показан креститель Руси — киевский князь Владимир Святославич. При этом основной концептуальной моделью стал евангельский рассказ Лк 1.39—56 (встреча Марии и Елисаветы), в связи с которым строится образ Владимира и который проясняет волновавшие Илариона проблемы взаимоотношений Византии и Руси.

Ключевые слова: древнерусская литература, Иларион Киевский, «Слово о законе и благодати», Евангелие, Иоанн Креститель.

Temčinas Sergejus

Vladimir the Great as John the Baptist in „Sermon on Law and Grace“ by Hilarion of Kiev

Using contextual analysis of the Gospels, the author argues that the title of Hilarion's „Sermon on Law and Grace“ (based on John 1.17) and its „biblical thematic clue“ (Luke 1.68) which reflect final verses of the liturgic readings for Easter and the Nativity of St John the Baptist (June 24) respectively, have the figure of St John in common. The latter served as a model for presenting Vladimir the Great in the sermon. The principal conceptual model for developing Vladimir's image may be identified as the Gospel story Luke 1.39—56 (*Visitatio Mariae*) which shows Hilarion's primary concern with the interrelations of Byzantium and Kievan Rus.

Keywords: Early Rus literature, Hilarion of Kiev, „Sermon on Law and Grace“, Gospels, John the Baptist.

* Темчин Сергей Юрьевич, габилитированный доктор гуманитарных наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт литовского языка, Вильнюс. Temčinas Sergejus, Habilitated Doctor of Humanities, Professor, Chief Researcher, Lietuvių kalbos institutas.

«Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, созданное, вероятно, в 1050 (мартовском) году [подробнее: Темчин. 2009б], содержит в себе несколько основных тем, на первый взгляд не связанных друг с другом: Пасха, Благовещение, «иудейская» тема (отмена Закона на Благодатью), сыновья Авраама (конфликт Измаила и Исаака)¹. Это тематическое разнообразие сопровождается жанрово-стилистической разнородностью текста (Слово о законе и благодати, Похвала Владимиру, Молитва), породившей предложение считать его не единым произведением, а «собранием сочинений» киевского митрополита [Дикстра]. В настоящее время наиболее распространен менее радикальный взгляд, согласно которому «Слово о законе и благодати» и «Похвала Владимиру» образуют одно произведение, а Молитва — другое [ср.: Турилов, Э.П.Р., Э.П.И. С. 123].

Наличие в «Слове» ярко выраженных мотивов двух крупных праздников — Пасхи и Благовещения — вызвало вопрос об их соотношении и предположение о написании произведения в момент календарной близости или полного совпадения этих двух праздников². Однако в рассматриваемом тексте цитируются и парафразируются многие места библейского текста, чтение которых полагается на разные дни церковного года [Акентьев].

Ниже я постараюсь показать, что указанные темы имеют вполне определенный общий знаменатель (эксплицитно не названный и потому не опознанный) — евангельский образ Иоанна Крестителя. Его выявление возможно, если мы учтем не только присутствующие в «Слове» евангельские мотивы и прямые цитаты (уже вполне известные), но и их контекст в рамках исходного источника — Евангелия.

Рассмотрим соответствующие контексты Священного Писания и их отношение к произведению Илариона, которое цитируется по изданию полного текста основного (синодального) списка — единственного представителя 1-й редакции этого сочинения [Розов. 1963].

1. Название «Слова»: Ин 1.17 (из пасхального чтения Ин 1.1—17)

Давно замечено, что название «Слова» (О законѣ Мѡисѣомъ данѣѣмъ, и ѡ бл̄годѣти и истинѣ ісѣ христомъ бывшіи...) парафразирует заключительный стих (Ин 1.17) пасхального евангельского чтения [Розов. 1963. С. 147, прим. 19]. Попытки оспорить эту связь [Ужанков. С. 43—44] неубедительны ввиду наличия точной аналогии, обнаруженной А.А. Гиппиусом: название «Повести временных лет» основано на предпоследнем стихе (Деян 1.7) пасхального апостольского чтения [Гиппиус].

Последняя параллель показывает, что речь идет не просто о стихе Ин 1.17, а о нем как части пасхального чтения Ин 1.1—17, тем более что далее Иларион цитирует стихи Ин 1.12—13 того же чтения (что отмечено Н.Н. Розовым). Однако в этой евангельской перикопе важное место занимает образ Иоанна Крестителя (Ин 1.6—8, 15), который оказывается промежуточным связующим звеном между Моисеем (законом) и Иисусом Христом (благодатью). Здесь и ниже в евангельских текстах курсивом выделены наиболее важные для нашей темы фрагменты, а жирным шрифтом даны стихи, использованные Иларионом в заглавии и зачале «Слова».

1.1 В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог <...>
6 Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. 7 Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.
8 Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. <...>
15 Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. 16 И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, 17 ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

В результате выстраивается триада библейских образов: Моисей — Иоанн Креститель — Иисус Христос, которой соответствует тройственность названия «Слова» и его структуры (О законѣ М̄швѣсомъ данѣмъ... — И похвала кагану нашему Владимероу... — И м̄лтва къ Б̄г̄ж̄ ѿ всеа земла наша). Взаимная соотнесенность первых членов обеих триад очевидна, а последних — вполне ясна, ведь обращенная к Богу молитва непосредственно относится к Иисусу Христу.

Интересно, что центральные части обеих триад — Иоанн Креститель и князь Владимир — оказываются взаимно соотнесенными, образуя нетривиальную пару.

2. Инципит «Слова»: Лк 1.68

(из чтения Рождеству Иоанна Предтечи на 24 июня:

Лк 1.5—25, 57—68, 76, 80)

Как известно, зачало «Слова» представляет собой слегка видоизмененную евангельскую цитату. Это начало известной библейской песни Захарии (Лк 1.68—79), отца Иоанна Предтечи, которая является второй и заключительной частью 9-й библейской песни (Лк 1.46—55, 68—79). При этом до сих пор, кажется, не отмечалось, что цитируемый Иларионом в начале «Слова» стих Лк 1.68 является третьим с конца в бого-

служебном евангельском чтении Рождеству Иоанна Крестителя на 24 июня (Лк 1.5—25, 57—68, 76, 80).

Это дополняет приведенную выше параллель в цитировании новозаветных текстов: из пасхального евангельского чтения цитируется последний стих (в названии «Слова»), из соответствующего апостольского — предпоследний (в названии «Повести временных лет»), из чтения на Рождество Иоанна Предтечи — третий с конца (в начале «Слова»).

Обе евангельские цитаты находятся в наиболее значимых местах (в названии и зачале) интересующего нас произведения Илариона. При этом цитата не в заглавии, а именно в начале произведения обычно играет роль библейского тематического ключа [Пиккио]. Отсюда следует важный вывод: «Слово о законе и благодати» начинается цитатой, отсылающей к богослужебному евангельскому чтению на Рождество Иоанна Крестителя.

Для адекватной оценки евангельской Песни Захарии, чей начальный стих цитируется в зачале «Слова», следует рассмотреть четыре библейских рассказа, следующих один за другим в 1-й главе Евангелия от Луки и образующих, таким образом, текстовое единство: а) благовестие архангела Гавриила Захарии (Лк 1.5—25); б) его же благовещение Богородице (Лк 1.26—38); в) встреча Марии и Елисаветы (Лк 1.39—56) и, наконец, г) имянаречение Иоанна Предтечи (Лк 1.57—80) — в последнем дается развязка всего повествования и именно здесь содержится интересующая нас Песнь Захарии, начало которой цитируется Иларионом в зачале «Слова».

При этом первый и последний рассказы (второй — с почти полным опущением Песни Захарии) составляют в своей совокупности богослужебное чтение Рождества Предтечи (24 июня на литургии и еще раз, в несколько сокращенном виде — Лк 1.24—25, 57—68, 76, 80 — на утрени), второй полностью входит в чтение Благовещения на литургии (25 марта: Лк 1.24—38), а третий — в чтение на утрени того же праздника (Лк 1.39—49, 56), с пропуском значительного фрагмента текста Песни Богородицы.

Для нас все четыре рассказа важны как части единого евангельского нарратива (1-я глава Евангелия от Луки), который в богослужебной традиции используется на Рождество Предтечи и Благовещение. Оба эти праздника, как мы видим, важны для «Слова о законе и благодати».

Ниже приводятся наиболее показательные фрагменты, в которых курсивом выделены особо значимые для нашей темы стихи, с сопроводительным комментарием:

а) Благовестие архангела Гавриила Захарии (Лк 1.5—25)

5 Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета <...>
13 Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и

жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречеши ему имя: Иоанн; <...> и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; 16 и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; 17 и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный. 18 И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных. 19 Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; 20 и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время. <...> 24 После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев и говорила: 25 так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми.

б) Благовещение архангела Гавриила Марии (Лк 1. 1.26—38)

26 В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, 27 к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова: имя же Деве: Мария <...> 36 Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, 37 ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. 38 Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

Эти два рассказа повествуют о двух последовательно произошедших событиях: благовестии архангела Гавриила Захарии и его же благовещении Богородице. Реакция адресатов была, как известно, противоположной: первый усомнился в истинности сообщенного ему, а вторая проявила послушание.

Захарии предсказано будущее имянаречение Иоанна и его деятельность по приуготовлению Господу целого народа, а также временная немота самого Захарии до исполнения предсказания. Благовещение Марии содержит эксплицитную ссылку на предыдущее благовестие Захарии. Следовательно, именно последнее является общим звеном обоих рассказов. Иными словами, тема Благовещения входит в ближайший смысловой контекст явления Гавриила Захарии и предсказания рождения, имянаречения и деятельности Иоанна Крестителя.

в) Встреча Марии и Елисаветы (Лк 1.39—56)

39 Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, 40 и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. 41 Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, 42 и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! 43 И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? 44 Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем. 45 И блаженна Уверовавшая, потому что со-

вершится сказанное Ей от Господа. 46 И сказала Мария: величит душа Моя Господа, 47 и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, 48 что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; 49 что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; 50 и милость Его в роды родов к боящимся Его; 51 явил силу мышцы Своей; *рассеял надменных помышлениями сердца их; 52 низложил сильных с престолов, и вознес смиренных; 53 алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем; 54 воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, 55 как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века.* 56 Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой.

Этот рассказ описывает реакцию еще не родившегося Иоанна на адресованное Елисавете приветствие Богородицы: именно эта реакция подвигла Елисавету на благословение в адрес Марии и еще не явившегося на свет Иисуса. Здесь же содержатся слова о рассеянии надменных и вознесении смиренных Богом с одновременной отсылкой к Аврааму, что важно ввиду типологии актуальных для «Слова» трех этнорелигиозных конфликтов (когда надменные старшие ущемляли смиренных младших): 1) Измаила и Исаака, детей Авраама; 2) иудеохристиан и языкохристиан в первоначальной христианской общине; 3) Византии и Руси в связи с поставлением в митрополиты христианина из недавних язычников [подробнее: Темчин. 2012]. Эти конфликты также образуют исторически развивающуюся триаду, подобную описанной выше (Моисей — Иоанн Предчета — Иисус Христос).

г) Имянаречение Иоанна (Лк 1.57—80)

57 Елисавете же настало время родить, и она родила сына <...> 59 В восьмой день пришли обрезать младенца и *хотели назвать его, по имени отца его, Захариею.* 60 *На это мать его сказала: нет, а назвать его Иоанном.* 61 И сказали ей: никого нет в родстве твоём, кто назывался бы сим именем. 62 И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его. 63 *Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему.* И все удивились. 64 *И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога.* <...> 67 И Захария, отец его, исполнился Святаго Духа и пророчествовал, говоря: 68 **благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему,** 69 и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, 70 как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, 71 что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; 72 сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет Свой, 73 клятву, *которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам,* 74 *необязанно, по избавлении от руки врагов наших,* 75 *служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей.* 76 *И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа приготовить пути Ему,* 77 *дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их,* 78 *по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил*

нас Восток свыше, 79 просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира. 80 Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю.

Этот заключительный рассказ является развязкой всего повествования: Захария, первоначально противившийся предсказанию архангела Гавриила, наконец-то принял сторону своей жены Елисаветы, предложившей назвать ребенка Иоанном, в соответствии с благовестием; тогда прошла немота Захарии, начавшего свою знаменитую песнь, инципит которой стал тематическим ключом «Слова». Здесь вновь (как и в предыдущем рассказе) вспоминается Авраам, и опять (как в явлении Гавриила Захарии) предсказывается приуготовительная деятельность Иоанна.

Как видим, главные темы «Слова» — Благовещение, «иудейская» тема (отмена Закона Благодатью), конфликт Измаила и Исаака (детей Авраама) — оказываются сопутствующими темами нарратива об Иоанне Крестителе (гл. 1 Евангелия от Луки), который и следует считать центральным для произведения Илариона. Более того, образ Иоанна Предтечи является общим связующим звеном двух наиболее маркированных текстовых позиций произведения — заглавия и инципита «Слова», которые ориентированы на две богослужебные перикопы (пасхальную и предтеченскую), откуда цитируются по одному из заключительных стихов (Ин 1.17 и Лк 1.68 соответственно).

Из двух этих тем ведущей является, безусловно, предтеченская, на что прямо указывает библейский тематический ключ в начале произведения. Именно Иоанн Креститель традиционно представляется связующим звеном при историческом переходе от Закона к Благодати, ср. (здесь и далее гимнографические тексты цитируются по современным обиходным минеям): ***Законоположник раб бжше Моисей, Иисус же — Бог Завета Новаго, ныне же обоих Предтеча поет, яко ходатай: вся дела, благословите Господня Господа*** (1-й тропарь 8-й песни предтеченского канона 4-го гласа Иоанна Дамаскина на 24 июня); ***Благодать же и закон ходатая тя честна яве предлагают: ов убо запечатствующаго, овая же начинающаго, всех пророков Словом предпочтеннаго, паче видимых поживша, всечестне*** (2-й тропарь 9-й песни предтеченского канона 2-го гласа Феофана Начертанного на 7 января).

Обобщение

Отмеченное выше соответствие киевского князя Владимира Святославича Иоанну Предтече позволяет считать, что наряду с универсальной триадой Моисей — Иоанн Креститель — Иисус Христос митрополитом Иларионом мыслилась локальная (древнерусская) триада, в которой креститель Руси образовывал среднее звено: княгиня Ольга — Влади-

мир — Ярослав Мудрый. Разумеется, что такая концепция могла возникнуть лишь в правление последнего (1016—1054).

Название и зачало «Слова о законе и благодати» показывают, что центральной фигурой этого произведения является киевский князь Владимир Святославич, о чем догадывались средневековые переписчики³ и современные исследователи⁴. Владимир представлен здесь как св. Иоанн — пророк (после пророков) и апостол (перед апостолами), Креститель и Предтеча — на том основании, что оба они являлись крестителями (Иисуса и Руси) и предтечами (Христа и Ярослава Мудрого).

При этом основной концептуальной моделью стал евангельский рассказ Лк 1.39—56 (встреча Марии и Елисаветы) и его предыдущий контекст (гл. 1 Евангелия от Луки): Елисавета с зачатым Иоанном и молчащий Захария перед лицом пришедшей Богородицы с воплотившимся, но еще не родившимся Христом. В православной традиции родители Иоанна служили символическими образами двух Заветов — Ветхого (молчащий Захария) и Нового (Елисавета, приветствующая Марию с Иисусом в чреве), ср., например, 1-й тропарь предтеченского канона 4-го гласа Андрея Критского: *Молчание старчо законнаго писания образ носит тайн. Ибо, пришедши благодати, Моисей умолча: подобаше бо, премудрости сокровищу явльшуся, всем молчати*. Примечательно, что здесь в связи с рождением Иоанна Крестителя мы видим тот же образ молчащей после прихода Христа Иудеи, что и в «Слове» Илариона.

Поскольку, как мы видели, в современной Илариону действительности Иоанну Крестителю соответствует князь Владимир, то вся ситуация может быть представлена так: подобно Елисавете, Русь с находящимся в ее чреве Владимиром приветствует приход христианства (Марии с Иисусом), тогда как Византия, подобно Захарии, скептически молчит, не веря предопределению Владимира стать крестителем Руси. Это тем более интересно, что есть основания считать, что Константинополь отрицательно относился к возможности поставления на Руси митрополита из недавних язычников [подробнее: Темчин. 2009а; Темчин. 2010].

Так выявляются две разные причины русско-византийских разногласий, обусловленные одним и тем же обстоятельством: недооценкой с византийской стороны ключевых для Киева местных — государственного и церковного — деятелей. Эта параллель мирского и церковного владыки показывает, что Иларион разделял византийскую идею симфонии властей.

В связи с этим примечательно, что Владимир неоднократно рисуется в «Слове» подобно Иоанну Предтече: И тако емж въ дни свои живящю <...> приде нань [читай: на нь — С.Т.] посѣщеніе Вышнаго... (ср. приход Марии с зачатым Иисусом к Елисавете с Иоанном); Не видиль еси

Ха̄, не ходиль еси по немь, какъ оученикъ его вбрѣтеса [читай: вбрѣтеса — С.Т.]? (ср. Иоанна, еще не видевшего Иисуса, но взыгравшего радостью в чреве матери в ответ на приветствие Марии). При этом Владимир, родившийся в недрах языческой Руси, подобен Иоанну, находившемуся в темном чреве матери, но почувствовавшему приближение Христа. В «Слове» можно усмотреть также образ Владимира как предтечи Ярослава Мудрого (Въстани, вижъ чадѡ свое Геврѣга...).

В исходной для Илариона евангельской концептуальной модели важна антропонимическая дилема: будет ли Предтеча назван в честь своего отца Захарией (значение: “Господь вспомнил”) или же, вопреки семейной традиции, но в соответствии с Божественным изволением, — Иоанном (значение: “Благодать Господня”). Наречение последнего имени весьма показательно как признание надлежащего ему перехода к христианской Благодати.

Толкование дренееврейского имени Иоанн было известно не только в византийской, но и в древнерусской книжности: оно находится, например, в предисловии Стязания бывшего в Иерусалиме при Софронии архиепископе (634—638): «Іванъ» еврѣйско има имануетса, толкует же са «Господеви послушьливъ» и «Благодать Господна», — понеже той хотяше прѣдтещи и проповѣдати Господа (по списку конца XIV в.) [Прохоров. С. 129], или в доподлинном похвальном слове Климента Охридского († 916) пророку Захарии и зачатию Иоанна Предтечи: Наречеши же ражаемоу има Іванъ, иже сказаетса [читай: сказает са — С.Т.] благодѣтъ гна̄ (по списку начала XV в.) [Климент Охридски. С. 181].

Древнееврейское имя Иоанн имеет точное женское соответствие — Анна (значение: “Божья благодать”). Поэтому представление князя Владимира как Иоанна Крестителя можно рассматривать как полемический ответ на более ранние попытки связать принятие христианства на Руси с именем византийской принцессы Анны († 1011/12), супруги князя Владимира [подробнее: Назаренко]. Этот ответ состоял в перенесении главной роли в крещении Руси с женской “благодати” на мужскую, т.е. с фигуры Анны на ее мужа, который представлен в «Слове» подобием Иоанна Предтечи: крестителем Руси и предтечей Ярослава Мудрого. Этот ономастический сдвиг — с реальной Анны на символического Иоанна (Владимира Крестителя) — и привел Илариона к описанной выше евангельской концептуальной модели.

При этом весьма важно, что Владимир показан как Иоанн Предтеча, еще находящийся в чреве матери, но уже почувствовавший приближение Христа, ср.: *Бога Слова познал еси, яко пророк, в матерней утробе, и, сея языка употребив, богословиши в темне чертозе, обожаем Светом Неприступным* (1-й тропарь 6-й песни предтеченского канона Иоанна Дамаскина); *Познал еси, Предтече, Емуже поклонился еси прежде*

рождества и прежде пелен твоих, Христа Жизнодавца, и възграньми показал еси Сего, Господа Твоего нарек, взаим взем матерний язык к пению Христа, Бога нашего (1-й тропарь 8-й песни предтеченского канона Андрея Критского).

Именно эта сцена позволила Илариону нейтрализовать более раннюю идею о том, что Владимир Святославич принял христианство для себя и своего народа под благотворным воздействием своей супруги — византийской принцессы Анны. Выбранная Иларионом евангельская концептуальная модель (Лк 1.39—56), заложенная в зачале «Слова» и поддержанная заглавием, позволила показать склонность Владимира к христианству не результатом вторичного влияния со стороны Византии, а врожденной чертой, проявившейся еще до его появления на свет — как в случае с Иоанном Предтечей.

Однако переходом от Закона к Благодати традиционно считался не только Иоанн Креститель, но и его отец Захария — ведь после его вынужденного отцовского согласия наречь сына именем Иоанн (которое одновременно означало его согласие с историческим предназначением последнего как «Благодати Господней») временный недуг был отменен, что и было ознаменовано началом Песни Захарии, ср.: *Светом Свет приял еси, мрачнейшим ты яснейший, преблаженне: законом бо и благодать ныне тебе приложися* (2-й тропарь 4-й песни канона 8-го гласа Захарии Феофана Начертанного на 5 сентября); *Закона служай сени, явися и благодати проповедник, Спасе наш, сподобися бо видети Твое воплощение* (1-й тропарь 6-й песни того же канона).

Поскольку «Слово о законе и благодати» начинается начальными словами Песни Захарии, ознаменовавшими конец его немоты, наступивший в результате его вынужденного согласия с благовестием архангела Гавриила, то можно считать, что Иларион таким образом выразил надежду на то, что угрюмо молчащая Византия все же поддержит более молодую, но уже благословящую Христа Русь: признает князя Владимира крестителем Руси и право последней на епископа-славянина из недавних язычников.

Согласно оптимистическому видению Илариона, конфликт обеих христианских стран — старой и новой — благополучно разрешится: надменные старшие (Византия), пусть даже вынужденно, под давлением непреодолимых и predeterminedных свыше обстоятельств, перестанут ущемлять смиренных младших (Русь) — как это произошло в избранной им евангельской концептуальной модели: ведь Захария, будучи старшим над своей женой Елисаветой, в конце концов все же принял ее сторону, чем причислил себя к лику праведников.

Литература

- Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Акентьев К.К. Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведьева. Византинороссика. Т. 3. СПб., 2005. С. 116—151.
- Гиппиус А.А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры / Под ред. В.Я. Петрухина. Древняя Русь. Т. 1. М., 2000. С. 448—460.
- Дикстра Т. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона как три изначально самостоятельных произведения // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006. СПб., 2006. С. 124—144.
- Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 1 / Под ред. Б.С. Ангелова, К.М. Куева, Х. Кодова. София, 1970.
- Назаренко А.В. Анна // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 456—457.
- Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: литература и язык. М., 2003. С. 431—473.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. для рус. пер. // Subsidia Byzantinorossica. Т. 1. СПб., 1996.
- Прохоров Г.М. (ред.), Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. / Сборник преподобного Кирилла Белозерского (Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII) // Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. Вып. 8. СПб., 2003.
- Розов Н.Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 17. Ленинград, 1961. С. 42—53.
- Розов Н.Н. Синаодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia. Roč. 32. Seš. 2. 1963. S. 141—175.
- Темчин С.Ю. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона и раннехристианская полемика // Ruthenica. Т. 7. Київ, 2008. P. 30—40.
- Темчин С.Ю. Поставление киевского митрополита Илариона в свете грузинского Жития Георгия Святогорца // Christians D., Stern D., Tomelleri V.S. (eds.), Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München-Berlin, 2009 (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Bd. 3). S. 345—358.
- Темчин С.Ю. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона и Провѣрѣя Николая Андидского // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 21: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы конференции (Москва, 14—17 апреля 2009 г.) / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2009. С. 318—323.
- Темчин С.Ю. О реакции Константинополя на поставление киевского митрополита Илариона // Именослов: История языка, история культуры. Труды Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН. Вып. 1 / Под ред. Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 180—192.
- Темчин С.Ю. Типология этнорелигиозных конфликтов в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2012. С. 280—286.

Турилов А.А. Э.П.Р., Э.П.И. Иларион // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 122—126.

Ужанков А.Н. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского // Из лекций по истории русской литературы XI—первой трети XVIII веков. М., 1999.

¹ См. представление тематики этого произведения: [Ужанков. С. 35—41; Темчин. 2008. С. 37—38].

² См. обзор мнений по этому поводу: [Темчин. 2009б. С. 318—319].

³ В списках 2-й и 3-й редакций «Слова» оно нередко приурочено к дате смерти Владимира (15 июня), см.: [Розов. 1961. С. 49].

⁴ Ср. мнение о том, что «Слово» было произнесено Иларионом в годовщину кончины Владимира (15 июня): [Подскальски. С. 150].

А.П. Толочко, П.П. Толочко*

Печати протопроедра Евстафия

Аннотация. Печати с именем протопроедра Евстафия принадлежат к числу наиболее многочисленных свинцовых булл, найденных на территории Восточной Европы. Их интерпретируют как принадлежавшие новгородскому посаднику Завду и датируют концом 1080-х — начало 1090-х гг. В статье на основании анализа экземпляров, найденных в археологическом слое, обоснована иная датировка печатей — серединой XII века и предложена гипотеза об их происхождении.

A.P. Tolochko, P.P. Tolochko

Seals of Eustathios the Protoproedros

Abstract. Seals with the name of Eustathios the protoproedros are among the most numerous lead bulls found on the territory of Eastern Europe. They have been interpreted as those of the Novgorod posadnik Zavid and dated to the late 1080s — early 1090s. Based on the sample of seals recovered from archaeological context, the authors demonstrate their dating to the mid-twelfth century and suggest another hypothesis as to their owner.

Печати протопроедра Евстафия: находки и интерпретации.

Свинцовые буллы с изображением св. Федора Стратилата и пятистрочной греческой надписью, известные в науке как «печати протопроедра Евстафия», были введены в научный оборот Н.П. Лихачевым. Располагая первоначально четырьмя экземплярами, исследователь отметил «работу хорошего греческого мастера» и отсутствие очевидных признаков, позволяющих отнести печать к числу русских. «Если печати будут найдены на юге России, — пророчески заметил он, — то предположение [о византийском происхождении — *Авт.*] получит более определенное основание»¹. Однако, к моменту выхода в свет второго выпуска Материалов для истории

* Толочко Алексей Петрович, член-корреспондент Национальной Академии наук Украины; Институт истории Украины НАН Украины;

Толочко Петр Петрович, академик Национальной Академии наук Украины; Институт археологии НАН Украины.

Tolochko Aleksey Petrovich, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine; Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine;

Tolochko Petr Petrovich, Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine; Institute of Archeology, National Academy of Sciences of Ukraine.

византийской и русской сфрагистики новые экземпляры печати были найдены опять в Новгороде, что заставило Н.П. Лихачева пересмотреть свое первоначальное предположение: «Обилие печатей таинственного Евстафия, находимых исключительно в Новгороде, тесно связывает этого протопроедра с древнейшей историей Новгорода», заключил он². В конечном итоге, Н.П. Лихачев связал печати с единственным известным Евстафием, сыном черниговского князя Мстислава Владимировича, якобы княжившим в 1020-х — начале 1030-х гг. в Новгороде как наместник Ярослава Мудрого³. И хотя это искусственное построение было впоследствии отвергнуто, новгородское происхождение печатей осталось в литературе как достоверно установленный факт.

Возражая Н.П. Лихачеву в 1932 г., В. Лоран отметил, что титул «протопроедр» неизвестен в самой Византии до 1060-х — 1070-х гг. и нет возможности предполагать, что за пределами империи он распространился раньше, чем в центре. Во владельце печати, следовательно, нужно видеть византийского сановника, жившего в конце XI в. и пославшего письмо в Новгород одному из тех греков или эллинизированных лиц, что составляли тогда костяк церковной организации Руси⁴.

Новую идентификацию протопроедра Евстафия предложил крупнейший отечественный сфрагист В.Л. Янин в вышедшем в 1962 г. исследовании о новгородских посадниках, располагая 9 экземплярами печатей⁵. В поисках лица, которому могли принадлежать эти печати, Янин руководствовался двумя постулатами сфрагистической науки, один из которых, скорее всего, сомнительный, другой, вероятно, верный: концентрация находок печатей указывает на источник их происхождения (находки в Новгороде доказывают новгородское происхождение, в Киеве — киевское и т.д.); изображение святого указывает на имя владельца печати, либо его патрона. Поскольку имя владельца — новгородца Евстафия — было прочитано на печати, с необходимостью была избрана вторая возможность: Федор есть имя лица, при котором Евстафий служил «советником»⁶. На протяжении XI — первой половины XII в. единственным князем в Новгороде, носившем крестильное имя Федор, был Мстислав Владимирович, среди «подчиненных» которого, следовательно, и нужно искать владельца печати. В конечном итоге, Янин остановил свой выбор на некоем Завиде, известном из списка новгородских посадников, включенного в новгородские летописи XV века. По предположению исследователя, Завид держал посадничество в 1088—1094 гг., в первое княжение Мстислава, чем и определилась датировка печатей⁷. Необычный облик печатей Янин связал с возникновением «посадничества нового типа», перераставшего в «государственный институт, возглавлявший систему управления Новгородом»⁸.

Публикуя в 1970 г. свой фундаментальный свод Актовые печати Древней Руси, В.Л. Янин располагал уже 13 экземплярами печатей, от-

тиснутыми двумя парами матриц. Все они (за одним исключением) были найдены в Новгороде или Новгородской земле, что только укрепляло впечатление об их новгородском происхождении⁹.

С такой атрибуцией и датировкой печати протопроедра Евстафия прочно вошли в литературу. За время, прошедшее с 1962 г., нам известна только одна попытка, А.В. Кузы, даже не оспорить, а несколько модифицировать гипотезу Янина¹⁰, впрочем, встретившая довольно резко отповедь¹¹.

К 2007 году, насколько можно судить по своду В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова¹², авторам было известно о 42 экземплярах первого типа печати и 4 экземплярах второго типа. Подавляющее большинство из них по-прежнему происходит из Рюрикова Городища и, в меньшей степени, Новгорода, но география находок расширилась: одна печать была найдена в Пскове, еще одна в Ладогe, три — в Белоозере, три — на селище у д. Могутово Щелковского р-на Московской обл.¹³

Сбылось и предвидение Н.П. Лихачева: печати были обнаружены на юге Руси: в с. Белгородка Киевской обл. (летописный Белгород), в Киве (Подол), в с. Витачев Киевской обл. (летописный Новгород Святополч). К этим трем, найденным в ходе регулярных раскопок, следует добавить более десятка печатей, находящихся в частных руках, в том числе, например, 5 экземпляров из коллекции А. Шереметьева (Киев). Эти печати, несомненно, происходят с территории Украины, хотя в отношении сообщаемых мест находок следует быть крайне осторожным.

Таким образом, «южных» находок печатей протопроедра Евстафия сегодня насчитывается даже больше, чем было в распоряжении В.Л. Янина, когда он в 1962 г. формулировал свою гипотезу, основываясь на убеждении об их исключительно новгородском происхождении. А потому и время вернуться к рекомендации Лихачева и рассмотреть иные возможности.

В любых попытках составить какую-то разумную картину, исходя из общего количества зарегистрированных печатей или их географического распределения, всегда присутствует редко осознаваемая проблема Рюрикова Городища. С точки зрения концентрации свинцовых булл Городище представляет собой совершенно уникальное и ни с чем несопоставимое явление, традиционно поставляя подавляющее большинство всех вообще печатей. Это, вероятно, связано с какими-то явлениями прошлой реальности (предполагаемый «княжеский архив»), но в еще большей степени с современным состоянием памятника (отсутствие на нем городской жизни, а также прорытый в нач. XIX в. Сиверсов канал, вымывающий печати из культурного слоя). Поскольку другого памятника с аналогичными условиями в Восточной Европе нет, присутствие в подсчетах печатей, собранных на Рюриковом Городище, неизбежно искажает картину в пользу «новгородских» находок и делает любые сравнения некорректными и, по существу, напрасными. Более осмысленные объяснения можно добыть, исключая аномалию Рюрикова Городища и сравнивая сравнимое. Пригодная для

анализа выборка должна создаваться на основании общего для группы печатей критерия, например, условий их находки — либо в ходе регулярных раскопок, либо случайная находка вне археологического контекста.

Пользуясь, например, первым из критериев, обнаруживаем следующую картину. В ходе археологических исследований было обнаружено, в общей сложности, 15 печатей протопроедра Евстафия:

Новгород — 7 (Троицкий (4), Михаилоархангельский (1), Нутный-IV (2) раскопы)

Ладога — 2

Киев — 1

Белгородка — 1

Витачев — 1

Рюриково Городище — 1

Псков — 1

Московская обл. — 1

Как и следовало ожидать, Рюриково Городище оказывается «нормальным» памятником, ничем не выделяясь в кругу других, что подтверждает правильность устранения из статистики поднятых на берегах Сиверсового канала печатей.

Исходя из второго критерия (исключая Рюриково Городище), картина будет следующей:

Белоозеро — 4

Житомирская обл. — 3

Херсонская обл. — 3

Московская обл. — 2

Новгород — 2¹⁴

Тверская обл. — 1

Тернопольская обл. — 1

Киевская обл. — 1

Украина, без м.н. — 5?

Как видим, никакого исключительно новгородского, и даже преимущественно новгородского распределения находок не обнаруживается, а разделение их на воображаемые «север» и «юг» Руси оказывается достаточно паритетным.

Отдельная проблема, как интерпретировать подобные данные. Ясно, что распространение печатей очерчивает географические пределы деятельности их владельцев. В этом смысле протопроедр Евстафий несомненно функционировал внутри политического пространства Руси. Но можно ли на основании топографии находок определить центр, из которого исходили печати? Это неочевидно. Если мы предполагаем, что свинцовыми буллами удостоверился или запечатывался письменный документ (послание, грамота), то, разумеется, выпадать печати должны в конечном пункте

назначения посланий, где с них срезалась печать (как и ныне письма накапливаются у адресата, а не отправителя). Таким образом, вопреки распространенному убеждению пункты с наибольшей концентрацией печатей заведомо не могут быть источниками их распространения.

Печати протопроедра Евстафия и печати новгородских посадников

Печати протопроедра Евстафия справедливо считаются в некотором смысле загадочными. Но как печати новгородского посадника XI века они представляют собой совершенную аномалию. Как легко убедиться на основании каталога Янина-Гайдукова, печати, атрибутируемые новгородским посадникам, достаточно редки и известны в малом количестве экземпляров. Так, к 2007 г. печатей Дмитра Завидича (1117—1118) было найдено 4; Константина Моисеевича (1118—1119) — 5; посадника Бориса (1120—1125) — 2; Завида Дмитриевича (1128) — 5; Мирослава Гюрятича (1126—1128, 1135—1136) — 15; Петрилы Микульчича (1131—1134) — 4; Иванка Павловича (1134—1135) — 3. Только единичные экземпляры этих печатей найдены за пределами Новгородских земель. И количество, и распространение печатей, следовательно, отражают достаточно локальный характер деятельности новгородских посадников, что и ожидаемо для нач. XII в.

На этом фоне активность протопроедра Евстафия поражает интенсивностью (ок. 60 экземпляров печатей)¹⁵ и географическим размахом, охватывая, по сути, все регионы Руси. Это выдает в нем человека (или представителя некоего института) совершенно иного масштаба, нежели скромные новгородские посадники конца XI в., еще даже не фигурирующие в летописных сообщениях.

Оставим в стороне праздный вопрос, с какой целью новгородский посадник решил вырезать на своей печати греческую надпись, что он хотел этим сказать и кто в Новгороде XI в. (или вне его) мог быть адресатом подобного послания. Обратимся к типологическим сравнениям.

По природе своей печати (тем более, институциональные) представляют собой материал, где традиция и преемственность играют значительную роль, что, собственно, и делает возможным их типологическую классификацию. Здесь особое значение имеет первый опыт, устанавливающий образец и дающий толчок последующему движению. Печати Завида-Евстафия должны быть наиболее ранним опытом подобного рода в Новгороде. Поразительно, но эти замечательно исполненные, выпускаемые в большом количестве и, предположительно, в течение достаточно длительного времени печати никак не отразились на по-

следующем развитии. Они даже не установили обычай. Следующие за Завидом восемь (!) посадников (Петрята, Константин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, Добрыня) не оставили после себя печатей. Таким образом, между печатью гипотетического Завида-Евстафия и следующей печатью новгородского посадника оказывается лакуна в 25 лет.

Наиболее ранняя достоверно атрибутируемая печать новгородского посадника принадлежит Дмитру Завидичу (1117—1118).¹⁶ Это, вероятно, и было началом традиции, так как после него наблюдаем практически непрерывную вереницу печатей посадников. Но эта традиция возникает без всякой опоры на, предположительно, самый первый опыт: на всех печатях читаем традиционную славянскую формулу «Господи, помози рабу твоему имярек». На обратной стороне посаднических печатей находим исключительно патрональных святых самих владельцев, но не их патронов-князей, и притом на первых печатях изображения, как правило, поясные; изображения святых в полный рост входят в моду позднее.

Ни одним из своих элементов печати протопроедра Евстафия не могут быть поставлены в этот ряд.

Историческая датировка печатей протопроедра Евстафия

В.Л. Янин относил посадничество легендарного Завида, а, следовательно, и выпуск им печатей под именем Евстафия, ко времени первого новгородского княжения Мстислава Владимировича в 1088—1094 г. Между тем, на основании показаний древнейших источников двукратное княжение Мстислава документировать невозможно. В летописании отмечено единственное княжение Мстислава, начавшееся весной 1096 г.

Вот как восстанавливается история новгородского стола после смерти Владимира Ярославича в 1052 г. Под 6575/1067 г. Повесть временных лет (далее — ПВЛ), а под 6574/1066 г. Синодальный список Новгородской первой летописи (далее — Синод.) сообщают, что Новгород был взят Всеславом полоцким¹⁷. О том, был ли князь в городе во время нападения, из этих сообщений неясно. Но под 5577/1069 г., описывая следующее нападение Всеслава, Синод. упоминает «Глеба князя», то есть Глеба Святославича. Под 6586/1078 г. в ПВЛ (в Синод. под 6587/1079 г.) читаем сообщение о гибели Глеба Святославича в Заволочьи и посажении в Новгороде Святополка Изяславича¹⁸. Святополк княжит в Новгороде до 6596/1088 г., под которым читаем: «того же лѣта . иде Стѣполкъ . из Новагорода . к Тоурову жити»¹⁹.

Следующее упоминание о новгородском князе находим уже только в статье 6603 (весна 1096 г.) ПВЛ:

сего же лѣѣ исходача . иде Двѣдъ Стославичъ . из Новагорода къ Смоленську . Новгородѣ же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича . и

1. Печать, найденная на киевском Подоле в 1975 г. *Раскопки П.П. Толочко.*
 2. Печать, найденная в Новгороде Святополчем в 1989 г. *Раскопки Н.В. Блажевич.*

поемше и приведоша и Новугороду . а Дѣдови рекоша не ходи к намъ .
 пошедь Давыдъ оузворотиса . и сѣде оу Смоленськѣ впать . а Мьстиславъ
 сѣде оу Новѣгородѣ²⁰.

Когда и при каких обстоятельствах Давыд Святославич сел в Новгороде неизвестно, и вполне допустимо, что он занял стол вскоре после Глеба Святославича. Важно, что текст никак не намекает на повторное вокняжение Мстислава (в этом случае мы ожидали бы «а Мьстиславъ паки (или опать) Новѣгородѣ сѣде»). Так, как это сказано о Давыде Святославиче, вернувшемся из Новгорода в Смоленск: «и сѣде оу Смоленськѣ впать». В отношении Мстислава летопись употребляет формулу, соответствующую первому занятию князем стола²¹.

Если воздерживаться от домыслов, можно констатировать отсутствие сведений о новгородском столе за 1088—1095 гг., но нет никаких оснований полагать, что именно Мстислав Владимирович все это время занимал новгородский стол.

Откуда же происходит идея «первого княжения» Мстислава?

Эти сведения находятся в доведенном до Василия Дмитриевича (ум. 1425) списке новгородских князей, вместе с другими подобными каталога-

ми (киевских князей, митрополитов, новгородских архиепископов, посадников) включенном в Новгородскую первую летопись младшего извода под 989 г.²² В части перечня новгородских посадников эти материалы с замечательной полнотой исследованы В.Л. Яниным, пришедшим к доказательному выводу о возникновении всех этих каталогов в 1420-х — 1430-х гг.²³

Столь поздняя дата списка новгородских князей сама по себе исключает возможность использовать его показания для реконструкции событий второй половины XI в. Тем более, что источники его избыточных сведений, если и существовали, не установлены. Впрочем, нетрудно продемонстрировать их (сведений) общую вторичность и недостоверность²⁴.

Следовательно, «первое новгородское княжение» Мстислава Владимировича в 1088—1094 гг. есть только гипотеза. По существу, печати протопроедра Евстафия оказываются лишены достоверной датировки.

Археологическая датировка печатей протопроедра Евстафия

Однако в литературе считается, что печати Завида-Евстафия настолько прочно атрибутированы, что не нуждаются в дополнительных обоснованиях их датировки. Напротив, они сами выступают надежным хронологическим маркером археологических комплексов, в которых обнаружены, безусловно указывая на 1080-е — 1090-е гг. Тем не менее, попробуем определить, какими данными располагает наука для датировки этих печатей.

Здесь, разумеется, репрезентативной может быть лишь выборка печатей, найденных в закрытом комплексе или слое и сопровождаемых вещевым контекстом. Таких экземпляров насчитывается 15 (см. выше). К сожалению, не для всех из них авторы публикаций приводили контекст, а в некоторых случаях именно находкой печати датировали комплекс. Наиболее показательными здесь должны быть находки из Новгорода, учитывая тщательно разработанную хронологию археологического слоя. В Новгороде найдено 7 экземпляров: 4 на Троицком раскопе, 1 на Михаилоархангельском и 2 (по сообщениям в печати) на Нутном-IV.

Начнем с последнего. В 2016 г. на Нутном-IV раскопе (Торговая сторона) была обнаружена достаточно хорошей сохранности печать протопроедра Евстафия. Сообщение руководителя работ Михаила Петрова на официальном сайте Министерства культуры РФ звучало следующим образом:

Отложения XII—XIII столетий оказались небольшой мощности. При этом темпы работ довольно высоки, а потому исследовательский коллектив незамедлительно для себя достиг отложений XI столетия. Подтвердили это находки печатей «протопроедра Евстафия», которые относятся к рубежу XI—XII вв.²⁵

Достаточно трудно представить себе новгородский слой, где отложения XII и XIII вв. совокупно были бы значительно менее мощными, чем напластования XI в., как и трудно (учитывая методическую тщательность раскопок) представить, что археологи могли «незаметно для себя» прокопать эти слои. Вероятно, исследовательский коллектив полагал, что все еще находится в XII в., но находка печати протопроедра Евстафия заставила подозревать, будто «незаметно» был достигнут XI век.

Из свода Янина-Гайдукова нелегко понять, в слое какого времени были найдены печати на Троицком и Михаилоархангельском раскопах. По какой-то причине для всех находок приводится не соотношение с дендрохронологически датированным строительным ярусом, но глубина залегания от дневной поверхности или номер пласта. Так, для печати из Михаилоархангельского раскопа указана глубина 299 см.²⁶ В публикации автора раскопок Б.Н. Ершевского указан соответствующий этому пласт 15, но глубина приведена сообразно иному пласту — 322 см, что может быть связано со следующим комментарием автора: «Печать Евстафия-Завида найдена в стратиграфически чистых материковых слоях, на глубине 322 см, что позволяет надежно датировать время освоения раскопанной территории»²⁷.

Для троицких печатей в своде Янина-Гайдукова приведены следующие данные: № 73—3 — «пласт 16»; № 72—21 — «364 см»; № 72—36 — «160 см»; № 72—37 — «158 см». Исходя из этих данных невозможно определить, к слою какого времени относятся находки. Но по крайней мере одна печать (№ 73—3) достоверно датируется серединой XII в.²⁸, что делает вероятным аналогичную датировку и для остальных.

Печать (№ 72—14), найденная в 1974 г. на киевском Подоле (ул. Волшская, 17), происходила из усадьбы XII в.²⁹

Печать (№ 72—16), найденная в 1977 г. в Пскове, была обнаружена в раскопе, остальные материалы которого были датированы XII—XIII вв., но интерпретированы как «переотложенные»³⁰.

Печать (№ 72—29), найденная в 1989 г. в Витачеве, происходит из раскопок городища Новгорода Святополча (основан в 1095 г.) и обнаружена в слое XII в.³¹

Наконец, три печати (№№ 72—34, 35, 41) найдены в археологическом комплексе поблизости с. Могутова Московской обл., наиболее ранние слои которого, исходя из керамического комплекса, датируются серединой XII — первой третью XIII вв.³²

Как видим, все печати протопроедра Евстафия, об археологическом контексте которых имеются сведения, происходят из слоев XII в., при этом одна из них твердо датирована серединой XII века³³.

Легенда печатей протопроедра Евстафия

Пятистрочная надпись на лицевой стороне печатей протопроедра Евстафия гласит:

+πρωτοπρόεδρος εὐστάθιον με σκέλε

(Сохрани меня (букв.: воззри на мя) протопроедра Евстафия)

Как отмечает Вернер Зайбт³⁴, надпись представляет собой правильный двенадцатисложник с цезурой после пятого слога, что указывает на хорошую греческую выучку владельца печати, а, может быть, и его византийское происхождение.

Печать, таким образом, принадлежит к числу так называемых «метрических печатей», то есть тех, чьи легенды представлены в стихотворной форме³⁵. Из соображений ритмизации формула «воззри на мя» (με σκέλε) оказалась в конце надписи³⁶, что не уникально, хотя чаще ее встречаем в начальной части легенд. Как указывалось выше, ни одна из печатей, атрибутируемых новгородским посадникам, не содержит подобной формулы. Зато она хорошо представлена на печатях церковных иерархов Руси: киевских митрополитов Иоанна III (1090—1091), Никифора I (1104—1121), Никифора II (поставлен в 1182 г.)³⁷; новгородских епископов Никиты (1096—1108), Иоанна (1110—1130), Нифонта (1131—1156), галицкого епископа Козьмы (1156—1165), а также на нескольких анонимных буллах иерархов³⁸.

Особого внимания заслуживает титул владельца печати — «протопроедр». В.Л. Янин утверждал, что он «означает советника, помощника князя» и в этом значении, например, употребляется на печатях восточнославянских иерархов, бывших якобы помощниками князей³⁹. Это не так. Титул «протопроедр» представляет собой развитие титула «проедр». В этимологическом смысле «проедр» обозначал лицо, наделенное неким достоинством, из которого вытекало его право на приоритет, старшинство⁴⁰ (Г. Шлюмберже переводил «проедр» как *praeses*, *président*, а «протопроедр» как *premier président*)⁴¹. В Византии существовало два разряда проедров: с середины X до середины XII в. так называли светских (преимущественно, дворцовых) сановников высокого ранга; но в гораздо большей степени титул был распространен как обозначение церковных иерархов.⁴² Нас, по понятным причинам, должен занимать именно этот последний, известный со времен Халкедонского собора.

Как отмечал Северьен Салавилль,

Под пером первых духовных писателей название *πρόεδρος* применяется без разбора для всех высокопоставленных лиц в епископском сане. Каждый епископ является естественным проедром своей церкви⁴³.

Со временем титул начинает употребляться преимущественно по отношению к предстоятелю столичной церкви, митрополиту. Как «поэтический синоним» епископа, звание «проедра» по соображениям метрического характера оказалось весьма распространено в легендах печатей епископов, чему существует множество примеров⁴⁴.

В буквальном смысле «протопроедр» есть первенствующий в проедрах, то есть глава епископов, что достаточно близко передает существо власти архиепископа, возглавляющего церковную провинцию⁴⁵.

Среди древнерусских печатей единственными с титулом «проедр» и «протопроедр» ожидаемо оказываются принадлежавшие руским иерархам. Так, «проедрами» называют себя на печатях митрополиты киевские Николай (1092—1104) и Константин (1156—1159); «протопроедром» именуется себя переяславльский митрополит Ефрем (ум. до 1101)⁴⁶. Можно думать, что выбор между «проедром» и «протопроедром» на печатях митрополитов диктовался соображениями метрическими.

Подытожим: и самой греческой надписью, и формулой заступничества, и церковным титулом печати протопроедра Евстафия должны быть поставлены в ряд булл церковных иерархов XII в.

Иконография печатей протопроедра Евстафия

На лицевой стороне печати помещено изображение св. Федора. Святой представлен в полный рост, в правой руке он держит копьё, левой рукой опирается на круглый щит, показанный в профиль. Святой изображен в короткой тунике, без плаща. Только Лихачев прокомментировал изображение на лицевой стороне, отметив работу хорошего, вероятно, византийского, мастера.

Подобная иконография св. Федора входит в моду на византийских печатях в конце XI в. (на печатях предыдущего времени находим почти исключительно погрудные изображения св. Феодора) и становится чрезвычайно распространенной в XII в. Достаточно близкие аналогии нашей печати (вплоть до особенностей расположения подписи вокруг изображения) можно усмотреть, например, в печатях «протопроедра Феодора» из коллекции Dumbarton Oaks, датируемых концом XI—XII веком⁴⁷. В XII в. этот иконографический тип становится почти стандартным для изображения святых воинов, в том числе, например, св. Георгия, св. Димитрия, св. Агафоника и др.

На Руси подобное изображение св. Федора впервые встречается на печатях, атрибутируемых Мстиславу Владимировичу (впрочем, на некоторых типах щит развернут зеркально, к фигуре святого), а затем фи-

гурирует на печатях его сыновей и внуков (на большинстве из которых святой изображен в плаще), т.е., начиная с первой половины XII в.

Кому могли принадлежать печати «протопроедра Евстафия»?

Атрибуция анонимной печати всегда сопряжена с большой долей гипотетичности, а ее убедительность, в конечном итоге, всегда есть только следствием соглашения среди исследователей. Осознавая это, тем не менее, отважимся предложить собственную гипотезу относительно того, кем мог быть таинственный «протопроедр Евстафий», без чего наше исследование было бы неполным.

Совокупность данных подсказывает, что искать владельца печати нужно среди церковных иерархов, скорее всего, митрополитов, середины XII в. Но, разумеется, напрасно было бы искать среди них Евстафия.

Обратимся вновь к наблюдениям Вернера Зайбта. Исследователь отметил одну характерную и достаточно странную особенность легенды. На на печатях первого типа (т.е. на подавляющем большинстве экземпляров) ясно различимо двоеточие, разделяющее предполагаемое имя владельца печати: εὐ : στάθιον. Ученый объяснил это обстоятельство как желание подчеркнуть значение εὐ («хорошо, добро, благо») или даже внести значение «εὐ σκέλε». Эти наблюдения позволительно развить.

Двоеточие в надписях, как правило, служит разделительным знаком, обозначением членения фразы на слова и подсказкой читающему. Учитывая метрический строй легенды и готовность автора к словесной игре, вполне допустимо предположить, что этим знаком он обращал внимание на значение компонентов, составляющих слово (εὐ — благо; στάθερός — твердо стоящий, постоянный), и тем давал понять, что εὐστάθιος нужно читать не как личное имя, но как эпитет. В таком случае надпись на печати можно было бы интерпретировать следующим образом: «возри на мя, благопоставленного протопроедра».

Если так, то единственным указанием на имя митрополита должно служить изображение на обратной стороне печати св. Федора. Митрополит с таким именем в середине XII в., действительно, был и, по счастью, ему не атрибутирована ни одна из известных печатей.

Митрополит Федор пробыл на киевской кафедре недолго, но его каденция пришлась на, вероятно, самый сложный и противоречивый момент в истории русской церкви домонгольского времени. Митрополит прибыл на Русь в августе 1160 г. На его долю выпало умиротворять церковь и князей, взбудораженных продолжающимся «нестроеванием», вызванным поставлением в митрополиты Клима Смолятича. По существу, два предшествовавшие Федору митрополита оказались

сомнительной легитимности: Клима не одобрил Константинополь, а присланного оттуда Константина не принял новый киевский князь. Оба — и Клим, и Константин — вынуждены были покинуть свой стол и укрываться под защитой светских властей, один на Волыни, другой в Чернигове. Какое-то время на Руси одновременно было два митрополита, что, конечно же, подрывало законность каждого из них. Правомочность поставления обоих митрополитов отрицалась частью общества, и в какой-то момент было принято решение не признавать ни того, ни другого, а просить Константинополь о новом митрополите. Им и оказался Федор, о котором летопись говорит, что киевский князь Ростислав Мстиславич «башеть бо посылалъ по нь»⁴⁸ (то есть знал о назначении Федора и отрядил за ним посольство). К моменту прихода нового митрополита Константин только что умер, но Клим был жив и по-прежнему претендовал на митрополию.

Можно думать, что именно этими обстоятельствами и объясняется своеобразие легенды на печатях Федора. Она декларировала, что, в отличие от предшественников на кафедре (в том числе и «проедра Руси» Константина), новый митрополит есть «благопоставленным протопроедром», то есть законным и твердым, относительно которого не может быть сомнений и разночтений.

Надо полагать, ликвидация церковного раскола потребовала интенсивной административной деятельности нового митрополита, оживленных сношений с князьями и церковными властями, с необходимостью охватывающими все регионы Руси. Но на долю митрополита Федора выпало еще одно испытание: так называемая «леонтийская ересь», то есть крайне острый, доходящий до ожесточения, спор о соблюдении постов в господские праздники. В него оказались вовлечены князья и иерархи, а разрешение потребовало сначала митрополичьего суда в Киеве, а затем патриаршего в Константинополе, куда епископ Леон был направлен в сопровождении послов от киевского, суздальского, переяславльского и черниговского князей.

В свете указанных событий могла бы разъясниться важнейшая и иначе малообъяснимая особенность печатей «протопроедра Евстафия».

В самом деле, при огромном количестве печатей, они оказываются отпечатаваны всего двумя парами матриц, причем, на долю второго типа приходится ничтожное меньшинство всех печатей (4 экземпляра против пяти с лишним десятков). Это означает только одно: печати бытовали очень непродолжительное время (иначе мы ожидали бы большего числа матриц), и в то же время деятельность их владельца носила исключительно интенсивный характер, указывающий на чрезвычайные обстоятельства⁴⁹.

Все это хорошо согласуется именно с личностью митрополита Федора. На митрополии он пробыл всего один год и десять месяцев⁵⁰.

Изложив доказательства в пользу Феодора, следует признать, что есть аргумент и против подобной атрибуции. К середине XII в., как известно, уже установилась традиция изображать на митрополичьих печатях не святого патрона иерарха или его кафедрального храма, но Богородицу. Может ли это обстоятельство быть решающим аргументом против нашей интерпретации печатей «Евстафия», сказать сложно.

- ¹ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928. С. 159.
- ² Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930. С. 272.
- ³ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 64.
- ⁴ Vitalien Laurent. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine [Archives de l'Orient chrétien, 2] (En Athenais, 1932), 111 (№ 317).
- ⁵ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962 С. 60—62.
- ⁶ Категорически отрицая возможность того, что протопроедр Евстафий мог быть духовным лицом и настаивая на его безусловно светской должности, Янин аналогией избрал как раз печать духовного лица: также протопроедра, митрополита Ефрема, на печати которого изображен архангел Михаил, якобы небесный патрон патриарха Михаила, чьим «советником» был митрополит (см.: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси, 65). Печать, однако, принадлежит митрополиту переяславльскому Ефрему, а изображение архангела Михаила, в таком случае, символизирует кафедральный храм епархии.
- ⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 61.
- ⁸ Там же. С. 62.
- ⁹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. С. 65—67.
- ¹⁰ Куза А.В. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI века). Советская археология. 1977. № 3. С. 121—129. Исследователь обратил внимание на две печати с изображением архангела Михаила и греческой надписью «Господи, помози рабу твоему Евстафию» (найденны в погребении некрополя древнерусского города Желни) и отождествил владельца с протопроедром Евстафием. Используя тот же логический ход, что и Янин, Куза предположил, что Михаил — имя патрона Евстафия, которым должен был быть переяславльский князь Ростислав Всеволодович. Биография Евстафия, таким образом, расширилась: до своего назначения в Новгород, он служил «советником» юного Ростислава на юге Руси. Заметим, город Желни был построен в 1116 г. (ПСРЛ. Т. 1: 291), что противоречит устанавливаемой для печатей хронологии. Еще одна попытка идентифицировать протопроедра Евстафия прошла мимо внимания исследователей печатей. Анжей Поппэ предложил считать Евстафия сыном (гипотетическим) новгородского посадника Остромира от его брака с Феофаной, гипотетической дочерью Владимира Святославича и «цесарицы» Анны. «По-видимому, протопроедр Евстафий, прежде чем щеголять в Новгороде своим имперским званием, побывал в Византии, где, то ли за военную службу, то ли из-за родственных отношений с правящей македонской династией, был отличен этим титулом» (см.: Поппэ А. Феофана Новгородская. Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 118, прим. 47).

- ¹¹ *Ершевский Б.Д.* К вопросу о новгородских посадничьих буллах рубежа XI—XII вв. // Новгородский исторический сборник. 1984. № 2 (12). С. 80—83.
- ¹² <http://www.siegel.ru/book/peev.html>; <http://russianchange.narod.ru/sfr1.html>
- ¹³ Судя по всему, печать, найденная в Волковыске и учтенная в своде Янина-Гайдюкова как № 72—28, принадлежит к другому типу. Автором раскопок она описана следующим образом: «На лицевой стороне — четырехлепестковая розетка в тройном ободке [...] На оборотной стороне — изображение человеческой фигуры в полный рост, в короне, с копьем и щитом. Вокруг зеркальная греческая надпись с именем Дмитрий» (*Зверуго Я.Г.* Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975. С. 134—135; *Он же.* Верхнее Понеманье в X—XIII вв. Минск, 1989. С. 185).
- ¹⁴ Из подсчетов исключаем находки, учтенные В.Л. Яниным в 1 томе Актовых печатей Древней Руси как найденные в Новгороде, так как, судя по всему, в сообщениях первой пол. XX в. указание на «Новгород» имело ввиду преимущественно Городище.
- ¹⁵ Разумеется, прямое сопоставление общих объемов может показаться некорректным, ввиду достаточно длительного срока посадничества, отводимого Яниным для Завида-Евстафия: 1088—1094. Поэтому можно было бы сравнить количество печатей, условно приходящихся на год деятельности. Но и в этом случае Евстафий с десятью печатями в год опережает самого «продуктивного» из посадников — Мирослава Гюратича — вдвое.
- ¹⁶ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. 101. № 124.
- ¹⁷ ПСРЛ 1: 166; НПЛ: 17.
- ¹⁸ ПСРЛ 1: 199; НПЛ: 19.
- ¹⁹ ПСРЛ 1: 207.
- ²⁰ ПСРЛ 2: 219.
- ²¹ Считают, что Давыд сел в Новгороде незадолго до своего ухода, основываясь на сообщении Синод. под тем же 1095 г.: «Въ лѣто 6603. Иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новѣгородъ. Въ то же лѣто придоша въ Русь пружи августа въ 28» (НПЛ: 19). Это довольно странное известие: Владимир идет на Давыда походом, чтобы принудить его занять новгородский стол, тем самым насильно «повышая в чине». Более того, в рамках принятой в историографии представлений, он делает это в ущерб себе, выгоняя из Новгорода собственного сына Мстислава. Скорее всего, в Синод. имеем дело с плохо пересказанным (зеркальным образом) сообщением ПВЛ 6603 г. об уходе Давыда в Смоленск, что доказывается его сочетанием с сообщением о приходе саранчи (как и в ПВЛ). В.Л. Янин обратил внимание, что в ПВЛ сообщается о двух приходах саранчи: под 6603/1095 г. (вслед за сообщением об уходе Давыда в Смоленск) и годом ранее, под 6602/1094 г. Исследователь предположил, что известие Синод. обозначено неправильным годом и на самом деле Давыд сел в Новгороде в год первого прихода саранчи, то есть в 1094 г. (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 51). Эту остроумную догадку едва ли можно принять. Дело в том, что в 1094 г. саранча появилась 26 августа, а в 1095 г. — 28 августа. Именно так и находим в Синод. — 28 августа. То есть речь идет все о том же сообщении 1095 г., что и в ПВЛ. Впрочем, на основании Синод. 6603 устанавливается только более краткое княжение в Новгороде Давыда Святославича. О Мстиславе же оно ничего не говорит.
- ²² В другой редакции эти материалы присоединены к Комиссионному списку Новгородской первой летописи, Новороссийскому списку Новгородской четвертой летописи и к Ермолинскому летописцу.
- ²³ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 14—44.
- ²⁴ Сколько-нибудь детальный анализ списка князей выходит за рамки задач настоящей работы. Отметим только, что каталог составлен с откровенной идео-

- логической целью: все без изъятия князья в нем разделены на два разряда: тех, кто «ушел» со стола, и тех, кого «выгнали» из Новгорода. Собственно, этот единственный урок список князей и призван продемонстрировать. В связи с такой задачей произошли явные деформации в освещении и подаче событий. Никакими источниками, помимо летописных, автор каталога не располагал, комбинируя в части, что нас интересует («первого княжения» Мстислава), известия Синод. 6603/1095 (о посадении в Новгороде Давыда) и известие ПВЛ 6610/1102, где новгородские мужи якобы вспоминали, что Мстислава им «дал Всеволод» (ПСРЛ 1: 251).
- ²⁵ http://old.mkrf.ru/press-center/news/article/prodoljayutsya-arheologicheskie-issledovaniya-na-raskope-nutniy-iv/prodoljayutsya-arheologicheskie-issledovaniya-na-raskope-nutniy-iv?sphrase_id=6929486 (26. 10. 2017).
- ²⁶ Янин-Гайдуков. Т. 3.
- ²⁷ Ершевский Б.Д. Вислые свинцовые печати из находок 1990/1991 годов на Михайлоархангельском раскопе. Новгород и Новгородская земля // История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 201.
- ²⁸ Ср.: «В слое середины XII в. найдена великолепной сохранности булла протопроедра Евстафия, принадлежащая ко второй разновидности этого типа» (Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 97—98).
- ²⁹ Толочко П.П. Древний Киев. К., 1983. С. 84.
- ³⁰ Плоткин К.М. Печать протопроедра Евстафия из Пскова (К вопросу о времени и заселения Запсковья). Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы ежегодной научно-практической конференции. 1986. Как и в случае с Михайлоархангельским раскопом в Новгороде, печать Евстафия позволила датировать заселение соответствующей территории Пскова существенно более ранним временем, ср. замечание автора: «Эти материалы позволяют удревить заселение Запсковья, упоминаемого в письменных источниках только с XIV в.».
- ³¹ Сообщение руководителя раскопок Н.В. Блажевич.
- ³² Чернов С.З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты интерпретации // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 20.
- ³³ Две печати, надежные в Ладоге при раскопках на Земляном городище, происходят из переотложенного слоя (см.: Кирпичников А.Н., Белецкий С.В. Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладоге. Археология и история Литвы и северо-запада России в раннем и позднем средневековье. СПб. С. 21—51).
- ³⁴ Выражаем искреннюю благодарность Федору Андрощуку и Вернеру Зайбту за любезно предоставленную возможность воспользоваться материалами и наблюдениями, изложенными в подготавливаемом ими каталоге византийских печатей из коллекции А. Шереметьева.
- ³⁵ В этом качестве печать была учтена Лораном (*Vitalien Laurent. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. № 317*). О метрических печатях см.: *Alexandra-Kyriaki Wassiliou-Seibt. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden, Teil 1* (Wien, 2011). S. 32—61.
- ³⁶ Аналогично встречаем, например, на найденной в усадьбе киевского Софийского собора печати паниперсевастииссы Марии Комниной (см.: Булгакова В. Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. Т. 5 (6). № 2 (<http://archaeology.kiev.ua/journal/050900/bulgakova.htm>)).
- ³⁷ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1, 48, 50; Купранис А.А. Да-

- тированные печати иерархов русской церкви (домонгольский период) // Восточно-европейский археологический журнал. 1999. Т. 1 (1), №4—5, 11—12, 13—15, 22—23 (<http://archaeology.kiev.ua/journal/011299/kupranis.htm>).
- ³⁸ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 53, 56, 58; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнейшая новгородская владычная печать. Византийские очерки. СПб., 2006. С. 230—234.
- ³⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 60.
- ⁴⁰ Sévérien Salaville «Le titre ecclésiastique de «proedros» dans les documents byzantins» *Échos d'Orient* 29, 160 (1930), 418.
- ⁴¹ Gustave Schlumberger, *Sigillographie de l'Empire byzantin* (Paris, 1884), 408.
- ⁴² The Oxford Dictionary of Byzantium, ed. by Alexander P. Kazhdan, vol. 3 (New York, 1991), 1728; Gustave Schlumberger, *Sigillographie de l'Empire byzantin*, 571—572; Кънев Николай. Титлата проедър като част от първоразредните почетни титли във Византия през X—XI в. Протопроедри и проедри, засвидетелствани по сфрагистични данни // Кънев Н. Византинобългарски студии. Велико Търново, 2013. С. 144—227.
- ⁴³ Sévérien Salaville. Le titre ecclésiastique de «proedros» dans les documents byzantins. P. 418.
- ⁴⁴ Ibid. P. 421.
- ⁴⁵ Существует мнение В. Лорана, что «протопроедр» во всех случаях представляет собой сокращение титула «протопроедр протосинкеллов», то есть первенствующего среди членов патриаршего совета (*Vitalien Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Vol. 5, 1. Paris, 1963. P. 148, 295—296*). Не оспаривая здесь это утверждение, отметим, что «протопроедр» выступал и как самостоятельное звание, обозначая главенствующее положение лица в неких церковных институтах (соборной капитуле, монастыре, церковной провинции). Известны печати с титулом «протопроедр», принадлежавшие «протосу» клира Влахернской церкви или, например, предстоятелю Студийского монастыря (*Gustave Schlumberger. Sigillographie de l'Empire byzantin. P. 571; Sévérien Salaville. Op. cit. P. 421*). В этом же значении называл себя «протопроедром» переяславльский митрополит Ефрем.
- ⁴⁶ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 44, 48.
- ⁴⁷ BZS.1955.1.3691 (<https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.3691>); BZS.1955.1.3692 (<https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.3692>).
- ⁴⁸ ПСРЛ 2: 515.
- ⁴⁹ Матрицы второго типа печати заметно отличаются от первого более грубой работой резчика, что может свидетельствовать об их изготовлении уже на Руси.
- ⁵⁰ Известие о смерти митрополита содержит только число месяцев, ср.: «Тогда же и Федоръ митрополить престави^е бѣвь . 1̄ . мѣць въ митропольи» (ПСРЛ 2: 522), однако Н.Г. Бережков справедливо предположил в нем пропуск числа лет (см.: *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 176*).

Прот. Павел Хондзинский*

Два Иуды

Аннотация: В истории русской богословской традиции и истории русской литературы есть немало точек взаимного соприкосновения, одновременно являющихся и «белыми пятнами» в науке. В предлагаемой статье выдвигается и рассматривается гипотеза о настоящем адресате апологии «истинного христианства», развернутой на страницах эссе известного киевского священника, члена Киевского религиозно-философского общества, о. Анатолия Жураковского, расстрелянного в 1937 г. Обобщая результаты своего исследования, автор приходит к выводу, что стремление русской словесности подменить собой «Церковь учащую» в проповеди христианства стало одной из причин размывания христианских ценностей в обществе в целом. *Ключевые слова:* Русское богословие, русская словесность, Розанов, Жураковский, Андреев, «Религиозно-философские собрания», культура и культ.

Archpriest Pavel Khondzinsky

The two Judeas

Abstract: There are many common points in the history of the Russian theology and Russian literature not revealed yet. In the article we consider the hypothesis of the real addressee of the apology of the «true Christianity» written by well-known Kiev priest Anatoly Zhurakovsky (the member of Religious and philosophical society of Kiev, who was shot in 1937). Summarizing the results of his study the author concluded, that the ambitions of Russian literature to substitute the «The teaching Church» as a principal actor of Christian mission became one of the reasons of the erosion of the Christian values in Russian society in this period.

Keywords: Russian theology, Russian Literature, Rozanov, Zhurakovsky, Andreev, «Religious and philosophical meetings», a culture and a cult.

* Хондзинский Павел Владимирович, протоиерей, доктор богословия, декан Богословского факультета ПСТГУ.

Archpriest Pavel Khondzinsky, Doctor of Theology, Dean of the Faculty of Theology in Saint Tikhon's Orthodox University.

1

Тема взаимовлияния русской богословской мысли и русской словесности по сей день недостаточно изучена как церковными, так и светскими авторами. Между тем, важность этой темы трудно переоценить, хотя бы потому, что русская литература, судя по всему, еще в конце XVIII века сама выбрала для себя это имя — *словесность*, — на церковно-славянском языке означающее высшие духовные качества человека. Не вдаваясь в историко-филологический анализ этого факта, обратим внимание здесь только на то, что это имя, с одной стороны, наилучшим образом обозначило те претензии на духовное руководство обществом, которые русская литература со временем оспорила у Церкви, а с другой, — невольно указало и на сблизивший их источник — слово Божие.

В XVIII веке русская богословская школа провозгласила слово Божие уникальным источником богословия, зародив одновременно мысль о возможности перевода Писания на русский язык. Французская революция и наполеоновские войны, став следствием вольнодумного «века просвещения», породили и религиозную реакцию на него, обнаружившую себя как в представлении об апокалиптическом характере совершающихся событий (Юнг-Штилинг), так и в стремлении противопоставить хаосу перемен религиозные основы жизни (Библейское общество). Для русской нации все эти тенденции сошлись в фокусе 1812 года, когда Россия осознала себя единственной защитницей христианских ценностей перед лицом нашествия отрекшейся от них Европы, а вместе с этим ощутила и ответственность за проповедь слова Божия прежде всего в своих собственных пределах. Деятельность пришедшего в Россию после войны Библейского общества нашла себе благодарную среду и стала источником возрождения практически свернутой при Екатерине православной миссии. Разделенная Петром на «общество» и «народ» нация вдруг болезненно ощутила отсутствие языка, способного выразить ее вновь обретенную христианскую ментальность, и таким образом перевод Писания на русский язык стал прогнозируемой необходимостью; гений Филарета придал ей черты реальности. Русско-библейский язык его проповедей связал языки духовной и светской литературы.

Так давно уже отделившаяся от своих церковных корней русская литература тогда получила своего рода вторичную прививку христианского самосознания. Пушкинский «Пророк» дал конгениальное филаретовскому прозаическому совершенное поэтическое оформление библейской

темы. Разговор о библейском характере русской поэзии подхватил Гоголь: «Как же ты хочешь, — писал он в “Избранных местах...”», — чтобы лиризм наших поэтов, которые слышали полное определение царя в книгах Ветхого Завета и которые в то же время так близко видели волю Бога на всех событиях в нашем отечестве, — как же ты хочешь, чтобы лиризм наших поэтов не был исполнен библейских отголосков?»¹. При этом примечательно, что Гоголь уже стремится как бы «перехватить» инициативу у словесности Церковной, и если свт. Филарет место учительное видел прежде всего на церковном амвоне, ибо «с сего священного места можно и должно видеть далее, нежели обыкновенно видит мир и его стихийная мудрость»², то Гоголь роль учителя жизни и пророка прямо усваивал поэту. «Перечитывай строго Библию, набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени»³, и тогда «найдешь слова, найдутся выраженья, огни, а не слова, излетят от тебя как от древних пророков, если только, подобно им, сделаешь это дело родным и кровным своим делом, если только, подобно им, посыпав пеплом главу, раздравши ризы, рыданьем вымолишь себе у Бога на то силу и так возлюбишь спасенье земли своей, как возлюбили они спасенье богоизбранного своего народа»⁴, — советовал он Языкову.

Написанные в сороковые годы, эти слова свидетельствуют, о том, что сведенные воедино грозой двенадцатого года концы русской жизни вновь начали расходиться. Окончательно это обнаружилось уже в начале XX века, на затеянных, по видимости, для примирения и взаимопонимания Церкви и интеллигенции «Религиозно-философских собраниях». К тому времени русская словесность одержала ряд значительных побед. Кажущиеся столь далекими друг от друга Толстой и Достоевский были равновелики в своей признаваемой всеми претензии на роль духовных вождей русского общества. В конечном счете, Христос вне чуда, тайны и авторитета был равно дорог им обоим. Двадцатилетие, прошедшее между смертью Достоевского и отлучением Толстого стало временем все усиливающегося влияния словесности, духовный авторитет которой *de facto* был признан и многими видными деятелями Церкви⁵.

Неизбежно возникающее здесь противоречие не могло долее оставаться незамеченным, но характерно, что инициаторы «Религиозно-философских собраний» со стороны интеллигенции (Мережковские и Философов) шли на них с осознанной целью окончательно утвердить свое первенство в роли духовных учителей. Об этом недвусмысленно говорит тот факт, что перед началом их они тайно основали свою собственную церковь, совершив в ней и обряд «причастия»⁶. Об этом же свидетельствует и доклад Мережковского, посвященный Гоголю, в котором он прямо призвал Церковь к ответу за то, что она не смогла объяснить Гоголю, как отделять «нужное от ненужного, святое от грешного, боже-

ское от бесовского, не только в искусстве, но и во... всей живой плоти мира»⁷, — иными словами, Церковь, озабоченная небесным, не уделила достаточно внимания этой самой «живой плоти мира», не научила примирять ее с жизнью иной. «Гоголю на вопрос этот церковь ничего не ответила. Может быть, тогда еще не исполнились времена и сроки. Но теперь они исполняются»,⁸ — так, вполне органично усвоив роль поэта-пророка, завершил свой доклад Мережковский. Еще более обострил вопрос Василий Васильевич Розанов. В сделанном на тех же собраниях докладе «О Христе — Судии мира» он, с одной стороны, как бы снимал вину с Церкви, но, с другой стороны, делал это достаточно парадоксальным образом, доказывая, что христианство — это религия страдания и ужаса⁹, что Евангелие отличается от всех других человеческих книг тем, что никак не передает чувственное восприятие мира — в нем не упоминается ни о вкусе, ни о цвете, ни о чем-то еще подобном¹⁰, — что пророчество Христа о кончине Иерусалима есть осуждение его на смерть, ведь «глаголы Христовы суть глаголы Божии, и пророчество Христа влечет события, как нога идущего тащит башмак... “Будет” в устах Божиих равно “да будет”, итак, “Да будет Тит на сей город, да будут вопли этих женщин, сейчас умиленно плачущих”»¹¹. Одним словом, с Евангелием — с христианством — примириться нельзя, не отказавшись от всего, что дорого в этой жизни обычному простому человеку.

В 1903 году «Собрания», как известно, были закрыты, но в 1907 возобновились вновь, и там тот же Василий Васильевич выступил еще с одним докладом на ту же тему — «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», где вернулся к теме страдания и противоположности христианства и культуры, еще более заострив «несовместимые контрасты жития». Вспоминая минувшие «Собрания» и доклад Мережковского о Гоголе, Розанов писал: «Мне кажется, вопрос разрешается с помощью мысленной инкрустации. Если кусок из прозы Гоголя, самый благодетельный, самый, так сказать, бьющий на добрую цель, вставить в Евангелие, — то получим режущую, несносную какофонию, происходящую не от одной разнокачественности человеческого и Божественного, слабого и сильного, но от разно-категоричного: невозможно не только в Евангелиста вставить кусок Гоголя, но — и в послания которого-нибудь Апостола. Савл не довоспитался до Павла, но *преобразился* в Павла, к прежней раввинской мудрости он не приставил новое звено, пусть новую голову — веру во Христа, нет: он изверг из себя раввинство. Отношение в нем есть именно *Савла* и Павла, взаимно пожирающих друг друга “Я”. И так бывало со всяким, обращающимся ко Христу: пожирание новым старого»¹². И ниже: «С рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости. Как только вы вкусите сладчай-

шего, неслыханного, подлинно-небесного, — так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу»¹³.

Характерно при этом, что свой вывод, казалось бы, свидетельствующий об однозначном признании сакральной неприкосновенности евангельского текста, Розанов делает в том самом году, когда выходит в свет «Иуда Искариот» Леонида Андреева, где евангельское слово служит не более чем сырым материалом для пророчествующей о своем словесности.

2

Очевидно, нет специальной необходимости в том, чтобы давать здесь подробную характеристику личности и творчества Леонида Андреева. Сосредоточимся сразу на повести. Сказать, что последняя является вольным пересказом евангельского сюжета — значит, не сказать ничего. Точнее было бы назвать ее негативом, причем судя по всему — «изготовленным» вполне сознательно. Согласно Андрееву, Христос не призывает Иуду, но Иуда становится Его учеником сам¹⁴. Христос бессилен — Иуда спасает Ему жизнь¹⁵. Словами «Сын Бога Живого» Петр отвечает не на вопрос Спасителя, а на вопрос Иуды¹⁶. Иуда не возмущается тем, что женщины тратят деньги на миро, но сам покупает его для них, чтобы они помазали Спасителя¹⁷. Даже слова «пусть лучше один человек погибнет, чем весь народ» (Ин. 11: 50) — достаются в повести не Каиафе, а Иуде. Наконец, самое главное: Христос не любит Иуду, зато Иуда любит Христа, и предает Его именно для того, чтобы доказать ему это. Точнее даже так: предателями Христа являются все остальные ученики, потому что они не попытались отбить Иисуса и умереть вместе с ним¹⁸. И наоборот, один Иуда умирает добровольно вслед за Христом, чтобы доказать Ему свою верность¹⁹. Подробное литературоведческое исследование могло бы выявить не только евангельский, но и культурный контекст, так или иначе отразившийся в повести. Так, к работам Н.Н. Ге (а через него и к толстовскому восприятию Евангелия), возможно, отсылает нас описание ночной прогулки Иисуса с учениками²⁰, а к философии Шопенгауэра — мысль о том, что «из одного кубка страданий, как братья, пили они оба, преданный и предатель»²¹, — и т.д. Однако теперь это не самое важное. Важнее то, что в истории русской литературы первой четверти XX в. это не единственная обработка евангельского рассказа об Иуде Искариоте. В начале 20-х годов создает свое эссе «Иуда» священник Анатолий Евгеньевич Жураковский, расстрелянный в 1937 г. на Соловках²².

При ответе на вопрос, что подвинуло о. Анатолия обратиться к этому сюжету? — намерение оспорить Андреева, конечно, первое, что

приходит в голову. Во всяком случае, в аннотации к отдельному изданию эссе о. Анатолия²³ так и сказано, что повесть Андреева является для эссе «ближайшим литературным источником». Очевидно также, что между двумя сочинениями можно усмотреть по меньшей мере общность литературного приема, обусловленного тем, что если абсолютная духовность Евангелия оставляет душевно-телесную жизнь в глубокой тени (вспомним Розанова), то словесности, имеющей дело как раз прежде всего с этой жизнью и только посредством этой жизни умеющей и смеющей говорить о *духовном*, конечно же, хочется восполнить лакуны душевности, недостаток пейзажей, чувств и переживаний, так бросающийся в глаза в евангельских текстах. Как бы то ни было, можно признать, что оба автора именно с этой точки зрения подходят к теме. Но даже по тому, как они воспроизводят зрительный ряд евангельских событий, видно, что один живет в стихии светской культуры, а другой в стихии Церкви; что для Андреева слово Евангелия служит лишь своего рода «глиной», из которой вольный художник лепит любые представившиеся ему образы, а для о. Анатолия — мериллом (канонем!) истинности описываемых им картин и создаваемых образов.

Если в приведенном выше андреевском описании прогулки Спасителя узнается картина Ге, то точно так же в изображении о. Анатолием исцеляющего прокаженных Христа не трудно угадать икону Преображения: «Учитель стоял весь белый в Своем одеянии, и Иуде казалось — от Него идут белые прозрачные лучи, и что эти лучи — любовь»²⁴.

То же различие обнаруживается и в непосредственной работе авторов с библейским словом. Возьмем, например, сцену ухода Иуды с Тайной Вечери. Согласно евангелисту Иоанну, Христос подал Иуде кусок хлеба *и после сего куска*, говорит евангелист, *вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь* (Ин. 13: 27—30).

Андреев интерпретирует этот текст следующим образом:

«И был вечер, и вечерняя тишина была, и длинные тени ложились по земле — первые острые стрелы грядущей ночи великого боя, когда прозвучал печальный и суровый голос. Он говорил:

- Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать тебя в руки твоих врагов. И было долгое молчание, тишина вечера и острые, черные тени.
- Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мне идти? И снова молчание.
- Позволь мне остаться. Но ты не можешь? Или не смеешь? Или не хочешь?

И снова молчание, огромное, как глаза вечности.

— Но ведь ты знаешь, что я люблю тебя. Ты все знаешь...

И последнее молчание, бездонное, как последний взгляд вечности.

— Я иду»²⁵.

В этом фрагменте можно опознать две микроцитаты из Писания: первая — «И был вечер»; вторая — «Я иду». Одна перенесена сюда из начала книги Бытия. Другая на протяжении Тайной Вечери не раз звучала в устах Иисуса. Например: *Куда я иду, Вы не можете придти* (Ин. 13:33); *Я иду приготовить место вам* (Ин. 14:2); *Я иду к Отцу Моему* (Ин. 16:6), — всего семь раз. Обе цитаты вырваны из контекста. Первая, в оригинале дополненная подразумевающим устойчивостью круга времени завершением: *и был вечер, и было утро*, — у Андреева просто играет роль «библейской» декорации в «сцене предательства». При этом неиспользованным остается стих Евангелия, прямо связывающий уход Иуды с ночной тьмой: *он, приняв кусок, тотчас вышел, а была ночь* (Ин.13:30).

Вторая микроцитата — «Я иду» — в устах Спасителя звучит всегда с одним и тем же подтекстом: иду умирать за вас, иду спасти вас. Андреев вкладывает ее в уста Иуды, опуская одновременно слова Спасителя: *Что делаешь, делай скорее*.

О. Анатолий формально пользуется тем же приемом «дополненной реальности», но строго следует последовательности, а главное, смыслу евангельского рассказа, лишь осторожно восполняя его непротиворечивыми подробностями: «И сейчас же точно темное холодное облако сошло к нему в душу, и точно какая-то новая посторонняя сила овладела им. Бессмысленными и странными глазами смотрел он кругом. Но, несмотря на эту бессмысленность, и он заметил нависшую угрозу. Иоанн делал Петру какие-то знаки, и тот, возбужденный, красный, протягивал руку к одному из лежавших на столе ножей... Еще мгновение... Кто знает, что было бы через мгновение... Но Учитель, обращаясь прямо к нему, Иуде, громко сказал: “Что делаешь, делай скорее”. И, почти шатаясь, Иуда встал и вышел. И была ночь, когда он вышел»²⁶.

Понятно, однако, что центр тяжести и повести, и эссе лежит в желании объяснить поступок Иуды.

Андреевский Иуда, как помним, предаёт Спасителя, чтобы доказать Ему, что никто иной не готов последовать за Ним даже до смерти — предательство преобразуется в подвиг самопожертвования и любви («я иду»).

У о. Анатолия мотивация предательства наиболее определенно проговаривается в трех местах.

Во-первых, это сон Иуды, в котором он летит вместе с другими учениками, над оставленным виноградником отцов и на мгновение *сожалеет* о нем: «Все они облечены и соединены одной общей белой, легкой и просветленной плотью. И это та плоть, о которой говорил Учитель в Капернауме... Но вдруг Иуда на миг посмотрел вниз в пространство,

над которым пролетали. Там, где-то в глубине, он увидел черную точку, и он узнал, почувствовал, что эта черная точка — маленький виноградник, родовое наследие отцов, которое он бросил, когда пошел за Учителем. И на мгновение, только на мгновение, точно жалость об этом винограднике, о воспоминаниях, связанных с ним, кольнула его в сердце. Это было мгновение. Но за это мгновение случилась катастрофа. Он чувствует, что что-то оборвалось, и он уже не летит, а падает с ужасающей быстротой в пустую, темную бездну»²⁷.

Во-вторых, это вход в Иерусалим, когда Спаситель, глядя на город, предрекает судьбу его: тогда «что-то оборвалось в сердце Иуды и полетело тяжелым камнем в пропасть, негодуя и плача. И когда шествие двинулось дальше и народ, махая одеждами, кричал “осанна” уже на самых улицах города, Иуда был холоден и равнодушен»²⁸.

В-третьих, это внутренний монолог Иуды в ночь накануне предательства, когда он осознает, что Христос грозит «гибелью миру... Он — Соблазнитель. И тот, кто хоть раз вкусил от Его соблазна, рано или поздно будет принадлежать Ему... Но Иуда препобедит и рассеет Его соблазн. Он, Иуда — предатель — истинный спаситель мира»²⁹.

Эти три важнейших для понимания смысла эссе места указывают нам, как кажется, и на истинного оппонента его автора, опровергнуть которого было для о. Анатолия, вероятно, важнее, чем опровергнуть Андреева³⁰. Мы легко узнаем его имя, если вспомним приведенные выше тезисы Василия Васильевича Розанова, искренне ужасавшегося, что во всяком человеке, обращающемся ко Христу, старое непременно будет поглощено новым; что, оплакивая Иерусалим, Христос тем самым навлек на него гибель, и что этот так уютно обжитый нам мир во Христе должен не улучшиться только, но погибнуть.

Собственно, в этих тезисах и обнаружилась суть происходивших на Религиозно-философских собраниях споров, обнаружилась — заостренной до степени бритвенного лезвия; Василий Васильевич умел это. Понятно, что *этот* оппонент был и значительней, и глубже Андреева, что здесь были поставлены вопросы, на которые действительно невозможно было ответить общими рассуждениями или святоотеческими цитатами. И кажется, что тогда, на собраниях, достойного возражения на эти слова Розанова ни у кого не нашлось. Но вот пришло время, прояснившее многое, и эти слова, помещенные в поле Евангелия, обнаружили свою внутреннюю логику, и оказалось, что их логика — *логика Иуды*.

Задумывался ли об этом сам Василий Васильевич? — видимо, нет. Сознательно ли испытывал слова его словом Божиим, проникающим *до разделения составов и мозгов* (Евр. 4:12), о. Анатолий? — видимо, да. Несомненно, что ему — многолетнему члену Киевского религиозно-философского общества — доклады Розанова не могли не быть из-

вестны. Но истинный их смысл обнаружил себя, когда уже жизнью, а не словами надо было платить за веру в *Иисуса сладчайшего, грядущего судию мира*.

Что это именно так, убедимся, если напоследок еще сравним и оценим: «24 февраля 1907 г. Капри» — подписывает Андреев на последней странице повести; у о. Анатолия означено — «Краснококшайск. 7—13 декабря, 23 год».

Так *Слово* ушло от пожелавшей распорядиться им по-своему *словесности* и вернулось к Давшему его.

3

Процесс постепенного выделения культуры из культа был в свое время подробно и убедительно описан о. Павлом Флоренским в «Философии культа» [Флоренский. С. 117]. Своеобразие российской действительности в этом отношении, пожалуй, состояло лишь в том, что война 1812 г. дала русской словесности своего рода вторичную «христианскую закуску», никак при этом не затронув уже обретенной ею «автономии». Быть может, именно здесь кроется корень, с одной стороны, всеми признаваемой духовности русской литературы и тесно связанной с ней религиозной философии, а с другой — от них же исходящей претензии на духовное руководство нации. Причем эта претензия не упраздняет общего иерархического соотношения позиций культа и культуры, но с неизбежностью приводит к той стадии процесса, о которой о. Павел упоминал только вскользь. Культура не только отделяется от культа, но и активно пользуется его сакральными элементами для своих собственных целей. Если при формировании христианского культа в его богослужebную жизнь вошли высочайшие достижения античной культуры, то теперь слово Евангелия служит сырым материалом для фантазий художника.

В одной из новелл Эдгара По рассказывается, как один живописец решил написать портрет своей красавицы-жены, избрав для этого сырую и мрачную башню старого замка, потому что именно в ней свет падал на лицо молодой женщины нужным ему образом. С головой уйдя в работу, он не замечал, что сырой воздух башни действует на нее губительным образом и она слабеет с каждым днем. Окончив портрет, он воскликнул, восхищенный своим творением: «Это сама жизнь!», — но, переведя взгляд на возлюбленную, увидел, что она *мертва*.

Вспоминая этот рассказ и неизбежно возвращаясь в эти дни мыслью к событиям столетней давности, трудно отделаться от странного ощущения, что следствием предшествовавшего им блестящего взлета русской культуры, безусловно, питавшейся христианскими корнями

российской жизни и в то же время отказывавшей ей в ее собственном христианском смысле и значимости, стало истощание этой жизни в прекрасных, но все же вторичных формах художественного творчества, истощании, ставшем, быть может, еще одной из фундаментальных причин катастрофы.

Литература

Флоренский П., *свящ.* Философия культа. // Богословские труды № 17. М., 1977.

Источники

Андреев Л. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1901—1909. Т. 5.

Антоний Храповицкий, *митр.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Нью-Йорк, 1963—1969. Т. 2.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений. М., 1978. Т. 6.

Жураковский А., *свящ.* Иуда: эссе. Киев, 2004.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг. М., 2005.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1.

Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990.

Филарет, *митр. Московский, свт.* Слова и речи: В 5 т. М., 1873—1885.

Шопенгауэр А. Собрание сочинений М., 2011.

Ярославские епархиальные ведомости. 1912. № 28.

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1978. С. 224.

² Филарет, *митр. Московский, свт.* Слова и речи: В 5 т. М., 1873—1885. Т. 1. С. 108.

³ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 6. С. 245.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ См., напр., воспоминания митр. Антония Храповицкого о смерти Достоевского (Антоний Храповицкий, *митр.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Нью-Йорк, 1963—1969. Т. 2. С. 2); статью о Достоевском в «Полном богословском словаре» (Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 771) или воспоминания о. Сергия Щукина о приехавшем к Чехову за наставлениями провинциальном священнике (Ярославские епархиальные ведомости. 1912. № 28. С. 543).

⁶ Записки Петербургских Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг. М., 2005. С. 496.

⁷ Там же. С. 183.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Там же. С. 465.

¹⁰ «Люди вкушают, пьют; но и яства и пития как без вкуса, и люди нигде не сказали “горько”, “сладко”, “солono”, “кисло»» (Там же. С. 466).

¹¹ Там же. С. 469.

¹² Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 418—419.

¹³ Там же. С. 426.

¹⁴ «Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей, но уж давно неотступно шел он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал» (Андреев Л. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1901—1909. Т. 5. С. 10).

¹⁵ «Христа приняли очень враждебно, а после проповеди его и обличения лицемеров пришли в ярость и хотели побить камнями его и учеников. Врагов было много, и, несомненно, им удалось бы осуществить свое пагубное намерение, если бы не Иуда из Кариота. Охваченный безумным страхом за Иисуса, точно видя уже капли крови на его белой рубашке, Иуда яростно и слепо бросался на толпу, грозил, кричал, умолял и лгал, и тем дал время и возможность уйти Иисусу и ученикам» (Там же. С. 23).

¹⁶ «Иуда злобно взглянул на него: — А ты что думаешь? Петр испуганно и радостно прошептал: — Я думаю, что он — сын Бога живого» (Там же. С. 18—19).

¹⁷ «Раньше Иуда не любил Марию Магдалину и других женщин, которые были возле Иисуса, грубо шутил над ними и причинял мелкие неприятности — теперь он стал их другом, смешным и неповоротливым союзником. С глубоким интересом разговаривал с ними о маленьких, милых привычках Иисуса, подолгу с настойчивостью расспрашивая об одном и том же, таинственно совал деньги в руку, в самую ладонь, — и те приносили амбру, благовонное дорогое миро, столь любимое Иисусом, и обтирали ему ноги» (Там же. С. 48).

¹⁸ «Нет, вы на себя взяли весь грех. Любимый ученик! Разве не от тебя начнется род предателей, порода малодушных и лжецов? Слепцы, что сделали вы с землею? Вы погубить ее захотели, вы скоро будете целовать крест, на котором вы распяли Иисуса! Так, так — целовать крест обещает вам Иуда... Но разве он запретил вам и умирать? Почему же вы живы, когда он мертв? Почему ваши ноги ходят, ваш язык болтает дрянное, ваши глаза моргают, когда он мертв, недвижим, безгласен?» (Там же. С. 81—82).

¹⁹ «И перед тем как оттолкнуться ногою от края и повиснуть, Иуда из Кариота еще раз заботливо предупредил Иисуса: — Так встретить же меня ласково, я очень устал, Иисус» (Там же. С. 84).

²⁰ «В лунном свете каждая белая фигура казалась легкою и неторопливою и не шла, а точно скользила впереди своей черной тени, и вдруг человек пропадал в чем-то черном, и тогда слышался его голос. Когда же люди вновь появлялись под луной, они казались молчаливыми — как белые стены, как черные тени, как вся прозрачно-мглистая ночь» (Там же. С. 15). Ср. с картиной Н.Н. Ге «Выход Христа с учениками после Тайной вечери в Гефсиманский сад».

²¹ Там же. С. 63. Ср. у Шопенгауэра: «Мучитель и мученик — это одно и то же. Первый заблуждается, думая, что он не причастен мучениям; второй заблуждается, думая, что он не причастен вине. Если бы у них обоих открылись глаза, то причиняющий мучения понял бы, что он живет во всем, что страдает на свете и тщетно спрашивает себя (если одарено разумом), почему оно призвано к бытию для такого большого страдания и за какую неведомую вину; а мученик понял бы, что все злое, совершаемое или когда-нибудь совершавшееся в мире вытекает из той воли, которая составляет и его сущность, является и в нем, и что вместе с этим явлением и его утверждением он принял на себя все те муки, какие возникают из подобной воли, и по справедливости терпит их, пока он есть эта воля» (Шопенгауэр А. Собрание сочинений М., 2011. С. 281).

²² Будущий о. Анатолий родился в 1897 г. Уже в старших классах гимназии он входит в круг общения деятелей Киевского религиозно-философского обще-

ства. На первом курсе университета получает золотую медаль за работу «Жозеф де Местр и Константин Леонтьев». В 1915 году идет на фронт добровольцем. В 1917-м по состоянию здоровья возвращается в Киев. Сотрудничает в газете В.В. Зеньковского «Слово» и в 1920 г., окончив университет, рукополагается в священники. Община о. Анатолия при храме св. равноапостольной Марии Магдалины была известна всему Киеву. В 1923 г. его на год отправляют в ссылку в Краснококшайск. В 1930 г. арестовывают вторично и отправляют на Соловки, откуда он уже не вернулся. Зарубежной Церковью причислен к лику святых.

²³ Жураковский А., *свящ.* Иуда: эссе. Киев, 2004.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Андреев Л. Собрание сочинений. Т. 5. С. 56.

²⁶ Жураковский А., *свящ.* Иуда. С. 104.

²⁷ Там же. С. 70—71.

²⁸ Там же. С. 86.

²⁹ Там же. С. 98—99.

³⁰ Вообще, только в одном месте о. Анатолий, быть может, прямо отталкивается от андреевского текста. У Андреева Иуда опасается, что верующие освободят ведомого на казнь Иисуса, и таким образом затея его не удастся, — «Но верующие шли молча. Одни притворно улыбались, делая вид, что все это не касается их, другие что-то сдержанно говорили, но в гуле движения, в громких и иступленных криках врагов Иисуса бесследно тонули их тихие голоса. И опять стало легко» (Андреев Л. Собрание сочинений. Т. 5. С. 68). О. Анатолий замечает кратко: «Ходили разные слухи. Кто-то рассказывал, что утром у священников было волнение. Говорили, что идет громадная толпа исцеленных им калек и больных, прокаженных и бесноватых, во главе с воскресшим Лазарем требовать Его освобождения. Но никто не пришел, и успокоились» (Там же. С. 110).

К. Цукерман*

Английский след в ранней летописи, или летописец шутит

Аннотация: В денежной единице «щеляг» обозначена в летописи дань, которую якобы платили хазарам вятичи «от рала» во времена князя Святослава. Это единственное упоминание щеляга в Киевской Руси, если не считать описания дани хазарам от радимичей при князе Олеге. Однако, как показывается в статье, эпизод с радимичами является дуплетом эпизода с вятичами, возникшим при переработке древнейшего источника летописи, Сказания 1016/7 г., автором ПВЛ. Единственное объяснение происхождения термина — это западноевропейский шиллинг. Шиллинг в 12 серебряных денаров также составлял подать с плуга, введенную королем Этельредом II в Англии в 1012 г. Выясняется, это не просто совпадение. Разбор летописных сообщений о древних даях показывает, что исследователи напрасно воспринимали их (хоть и селективно) как исторически значимые. Все они принадлежат к литературному оформлению Сказания: подать в щеляг с рала столь же реальна, как и дань по мечу с дыма. Вероятным каналом попадания на Русь сведений о только что созданном английском налоге оказывается отряд ярла Свейна Хаконссона, поступивший на службу к князю Ярославу весной 1015 г. после поражения в битве у Несьяра. Рассказ о необычной подати, чуждой для Руси как в отношении налоговой ставки, так и единицы обложения, привлек автора Сказания и стал частью эпизода, помещенного им за столетия до ее создания. Разбираются и сведения о податях в «Славянской хроника» Гельмольда из Босау. Десятина в 12 серебряных монет (брактеатов) со «славянского плуга», возводимая Гельмольдом к середине X в., оказывается нововведением его современника, герцога Генриха Льва.

Ключевые слова: щеляг, шиллинг, ПВЛ, Сказание 1016/7 г., вятичи, радимичи, поляне, полянская дань, белая веверица, Этельред II, данегельд, Гельмольд из Босау, славянский плуг, битва у Несьяра, Олав II Святой.

* Цукерман Константин, доктор исторических наук, профессор, Практическая школа высших исследований, Исследовательский университет Paris Sciences et Lettres (EPHE, PSL).

Constantin Zuckerman, Directeur d'études à l'École pratique des hautes études, Université de recherche Paris Sciences et Lettres.

The English Trace in the Rus'ian Chronicle, or the Chronicler's Jokes

Abstract: The Rus'ian Chronicle denominates the tribute allegedly paid to the Khazars “per (light) plow” by Vyatichi at the time of Prince Svyatoslav, in the monetary unit “shchelag”. This is shchelag’s only mention in Kievan Rus, except for the description of the Radimichi’s tribute to the Khazars in the time of Prince Oleg. The article shows, however, this use of the term to be a borrowing from the Viaticy episode, part of the re-writing of the Chronicle’s oldest source, the Tale of 1016/7, by the author of the “Primary Chronicle”. The only explanation for the term’s origin is the West European shilling. A shilling of 12 silver denars was also the tax imposed on each “(heavy) plow” by King Ethelred II in England in 1012. Of course, this is not just a coincidence. A comparative study of the ancient tributes mentioned in the Tale shows that scholars were wrong to perceive them (albeit selectively) as historically valid. They belong to the Tale’s literary design: the tribute of a shilling per *rало* is as realistic as that of a sword per household (allegedly produced by Poliane). The knowledge of the newly created English tax was probably channeled to Rus’ by Earl Sweyn Haakonsson and his men, who entered Prince Yaroslav’s service in the spring of 1015 after their defeat at the battle of Nesyar. The story of the unusual tax, alien to Rus’ both in regard to its monetary rate and to the unit of taxation, captured the attention of the Tale’s author, who made it part of an episode placed half a century before the time of the tax’s creation. Indications on taxes in the “Slavic Chronicle” of Helmold from Bosau are also examined. The dime of 12 silver coins (bracteates) per “Slavic (light) plow”, described by Helmold as introduced in the mid-10th century, is shown to be an innovation of his contemporary, Duke Henry the Lion.

Keywords: Primary Chronicle, Tale of 1016/7, Poliane, Radimichi, Viaticy, shilling, heregeld, Danegeld, Ethelred II, white squirrel, Helmold of Bosau, aratrum slavicum, earl Sweyn Haakonsson, battle of Nesjar, Olaf II Haraldsson, Saint Olaf.

Дважды в раннем летописании встречается слово щяльгъ для обозначения налоговой ставки¹. Один из этих контекстов является общим для Новгородской Первой летописи младшего извода (НЛМл.) и для Повести временных лет (ПВЛ), второй же содержится только в ПВЛ. Все исследователи сходятся на том, что термином щяльгъ обозначается некая денежная единица. В остальном же мнения расходятся — как в вопросе о том, что же это за единица, так и в определении того конкретного значения, каковое предполагаемая единица приобретает в ранней летописи. На оба эти вопроса я предлагаю здесь ответ, кратко затрагивая проблемы древнейшего монетного обращения на Руси, которые нашли широкое освещение в работах Александра Васильевича Назаренко. Однако юбиляра увлекали вопросы обращения реального, а мои ответы, должен сразу предупредить, помещаются, в основном, в иной плоскости: щяльгъ, который мы достоверно определим, не имел хождения на Руси.

Дело в том, что летописец пошутил, и его шутка учеными комментаторами летописи воспринята не была. Любопытно, что древнейший летописец, по-видимому, не был понят и его продолжателями, плодом совместной работы которых явилась ПВЛ. Разбор контекстов, употребляющих (или опускающих) слово щялягъ, даст нам повод для наблюдений по стратиграфии раннего летописания. Не обойдется, на увеселение юбиляру, и без привлечения немецких источников: перед нами предстанут в новом свете сообщения «Славянской хроники» Гельмольда о податях полабских славян. Викинги пересекут Русь от моря до моря, и варяжские наемники Ярослава обретут историю и идентичность, дабы объяснить появление термина щялягъ (щеляг).

I. Щеляг = шиллинг. Шиллинг с рала

Исходным для нас станет тот пассаж, который одинаково читается в статьях НИИмЛ. и ПВЛ за 6472/964 г. В начале своего восточного похода князь Святослав «налѣзе Вятичѣ, и рече Вятичемъ: “Кому дань даете?” Они же рѣша: “Козаромъ по щялягу отъ рала даемъ”» (PVL 2003: 427—428). Слово щялягъ, обозначающее здесь единицу выплаты дани, традиционно связывалось с древнегерманским, а затем англосаксонским и скандинавским понятием шиллинг. Дело в том, что то же слово использовалось в позднем Средневековье в Польше, где с конца XIV в. чеканится по западному образцу серебряная монета, именуемая *szeląg*, а также в белорусских и украинских землях, где щеляг, отражая падение качества польских чеканов, обретает значение монеты билонной или просто медной. Связь этих словоупотреблений с шиллингом несомненна. Да и в плане этимологии лингвисты легко возводят щялягъ к шиллингу в его древнескандинавской (*skillingr*) или древнесаксонской (*scilling*) форме (Фасмер IV, 1973: 508).

Альтернативная этимология слова щялягъ была выдвинута А.П. Новосельцевым (1990: 117). Исследователь утверждает, что арабский дирхем получил у еврейских купцов название «шэлэг» («белый», «серебряник»), и именно эта денежная единица упоминается в ПВЛ. Данная этимология широко цитируется в недавних работах и принимается всерьез даже теми, кто ее оспаривает (напр. Свердлов, 2011), однако совершенно напрасно. Древнееврейское слово «шэлэг» обозначает «снег», но ни как прилагательное («белый»), ни, тем более, как название монеты («серебряник») оно не использовалось. Сам А.П. Новосельцев не приводит никаких примеров постулируемой им языковой практики еврейских купцов. Вариантом на ту же тему является идея С.П. Щавелева (2003), который приписывает понятие щеляг хазарам и сопоставляет

его «с шекеlem (на иврите — белая, то есть серебряная монета)». Забавно отметить, что шекель — это одна из предложенных этимологий древнегерманского шиллинга, но к белому цвету корень *shakal* (весить, взвешивать) отношения не имеет, а о том, что хазары якобы дали библейское название дирхему, у нас никаких сведений нет.

Предложенные этимологии оказываются на проверку чистейшими Volksetymologien, хоть они и имели бы преимущество связать щяльгъ с единственной монетой, имевшей хождение в регионе. Дело в том, что слово шиллинг, обозначавшее при первом своем появлении в остроготских документах конца VI в. позднеримскую золотую монету (*solidus*), а тысячу лет спустя медяк, в период составления летописи никакой конкретной монете не соответствовало. Со времен монетной реформы Карла Великого шиллингом (*solidus* в латинских документах) именовалась 1/20 доля либры или фунта (ок. 20 г серебра), содержащая 12 серебряных монет-денаров. Падение веса денаров приводит к «материализации» шиллинга в форме одной серебряной монеты, но это происходит много позже создания ПВЛ. Однако шиллинг как расчетная единица на Руси вне указанного выше контекста не засвидетельствован, да и налоговая ставка в шиллинг с плуга, указанная для вятичей, кажется уж очень высокой. Поскольку средний вес арабского дирхема немного не доходил до 3 г, отождествление щяльга с дирхемом уменьшало налог на вятичей более чем в семь раз. Но хотя выгоды подобного решения очевидны, принять его к рассмотрению мы не можем.

Иное решение проблемы было предложено С.Н. Кистеревым. Автор возрождает выдвинутое в XIX в. отождествление летописного щяльга-шиллинга с византийской золотой монетой-солидом на том основании, что слово шиллинг, в форме стьяльзь, является синонимом златника-солида в Законе Судном людем (Кистерев, 1998: 338, ср. СДРЯ XI, 2016: 688). Есть несколько причин оспорить это решение, которое, как мы знаем теперь, отвергал еще Н.П. Бауэр (2014: 171). Прежде всего, неудивительно, что древнейшая форма стьяльзь или скьяльзь, в которой слово шиллинг перешло к западным славянам непосредственно из древнегерманского (Максимович, 2004: 97, ср. 226), сохранила его изначальное значение. Но с какой бы стати обрела то же значение форма щяльгъ, позднее перешедшая из древнескандинавского или древнеанглийского?² Ведь в культурах-носителницах обоих этих языков в монетном обращении доминировало серебро и именно к нему применялось понятие шиллинг. Современная практика совмещения в словарных леммах слов стьяльзь/скьяльзь и щяльгъ вводит читателя в заблуждение, так как для средневекового книжника они никак не связывались морфологически и, как я полагаю, выражали разные понятия.

Также трудно принять аргумент С.Н. Кистерева (1998: 341), основанный на «следах обращения» золотой монеты, обнаруженных на терри-

тории Хазарского каганата. Подобные следы реальны в VII—VIII вв., но в IX—X вв. находки византийских золотых монет в Хазарии редки, а на Руси и вовсе единичны. Повсюду имеет хождение арабское серебро, а также его хазарские и болгарские подражания. В земле же вятичей находки золотых монет мне не известны вообще, что явно не позволяет рассматривать их как реальный инструмент налоговых выплат. Более того, признание щеляга за золотую монету приводит к некоторым натяжкам. Путем сложных вычислений С.Н. Кистерев (1998: 348) приходит к оценке выплачиваемой вятичами дани в щьяльг как «примерно пятой части» гривны, «использовавшейся в южных областях Руси в начале X в.». Таким образом, гривна оценивается в пять солидов-номисм периода, задолго предшествующего какой бы то ни было порче веса или пробы византийской золотой монеты. Однако еще в своей работе 1996 г. А.В. Назаренко очень верно определил гривну как «счетный солид, отражающий в серебре стоимость стандартной золотой монеты» (Назаренко, 1996: 33); позже и я иным путем пришел к тому же выводу (Zuckerman, 2011: 25—44). Отводя построения, основанные на в пять раз более высокой оценке гривны, позволю себе отослать читателя к аргументам, сформулированным в обеих указанных работах³.

Безоговорочно принимая реальность налоговой ставки в шиллинг с плуга, С.Н. Кистерев последовал за М.Б. Свердловым, которой сделал по поводу интересующего нас пассажа полезнейшее наблюдение совсем в ином плане. В двух сходных по аргументации работах автор отметил, что практика обложения пахотной земли в шиллингах с плуга находит себе параллель в средневековой Англии. В более ранней работе исследователь полагал, что эта система налогообложения была позаимствована из англосаксонской Британии на Русь в XI в. и что летописец описывал современную ему практику (Свердлов, 1978: 148—149). В позднейшей статье он более склоняется к мысли о введении поземельного налога на Руси уже во второй половине X в., но не исключает и чуть более позднего его появления в XI — начале XII в. В таком случае, «его отнесение в ПВЛ ко второй половине X в. стало следствием его литературной ретроспекции», а «*terminus ante quem* возникновения данной подати — начало XII в.». Как бы то ни было, подчеркивается «закономерность появления [поземельного обложения от плуга или рала щьяльгами] на Руси в контексте общеевропейского социально-экономического развития страны в XI — начале XII в.» (Свердлов, 2011: 405).

Английская параллель, метко указанная М.Б. Свердловым, получит дальнейшее развитие ниже, но прежде я остановлюсь на немаловажной детали, которая также от него не ускользнула. Исследователь отмечает, что облагаемый в шиллингах серебра надел земли именовался *саггисата* — в XI в. этот термин становится эквивалентным традиционному обозначению семейного надела гайда-*hida* —, так как для его вспашки использо-

вался тяжелый плуг-carra, в который запрягались четыре пары волов. Но ведь даже если предположить, что Святослав, Владимир или кто-то из их преемников позаимствовал из Англии систему поземельного налогообложения — возникшую, отметим, на базе англосаксонской традиции, Руси чуждой, учета пахотных наделов-гайд —, а с нею и расчетную единицу шиллинг, «материальным содержанием» которой были якобы изначально арабские дирхемы (Свердлов, 2011: 404), то позаимствовать тяжелый европейский плуг князя, во всяком случае, не подумали. Обложение же по английским ставкам участков, вспаханных традиционным славянским ралом-сохой, было бы, пожалуй, чрезмерным.

М.Б. Свердлов ссылается в своих работах на Книгу Страшного суда (Domesday Book), иными словами, на налоговую практику, установленную Вильгельмом Завоевателем. В самом деле, поземельный налог лучше всего засвидетельствован в Англии, как в нарративных источниках, так и документально, именно в столетие, последовавшее за нормандским завоеванием, когда его ставка (в исключительных обстоятельствах повышавшаяся) определяется в два шиллинга с плуга (Green, 1981). Однако общеизвестно, что поземельный налог, *gyld* или *heregyld* (*heregeld*), вводится в Англии задолго до нормандского захвата, как раз как средство борьбы с захватчиками: он предназначался для оплаты скандинавов, привлекаемых на службу английскими королями, дабы отвратить их от грабежей, а также использовать против других скандинавских банд. Сообщение Англосаксонской хроники об отмене этого налога королем Эдуардом Исповедником в 1051 г. после 39 лет его взыскания с точностью указывает, что *heregeld* был введен королем Этельредом II в 1012 г. (а Вильгельм Завоеватель возобновил его менее двух десятилетий спустя после отмены). Следует подчеркнуть, вслед за английскими исследователями, новационный характер налога, созданного Этельредом II. Как отмечает Джюдис Грин, острая потребность в новых налоговых поступлениях в годы его правления «led to the development of a system of national land taxation which was the first to appear in western Europe since the fall of the Roman Empire» (Green, 1981: 240). Если бы у нас были серьезные основания говорить о появлении «поземельного обложения от плуга или рала щелягами» на Руси во второй половине X в., пришлось бы признать, что именно на Руси англичане эту систему и позаимствовали. В противном случае, Англия представляется единственным возможным источником летописного описания.

Базисная налоговая ставка составляла два шиллинга с плуга со времен Вильгельма по начало 60-х гг. XII в., когда налог был окончательно отменен, но она не являлась таковой изначально. Налоговые документы, относящиеся к сбору *heregeld*'а в первой половине XI в., не сохранились, но так называемые «Законы Эдуарда Исповедника» фиксируют его ставку (называя налог *danegeld*) в 12 денаров с гайды (*duodecim denarios de unaquaque hida totius*

patrie), и именно эту ставку Саймон Кейнс рассматривает как первоначальную (Keynes, 1980: 221). Поскольку датировка «Законов Эдуарда Исповедника» расплывчата, особое значение приобретает свидетельство Саги об Эгиле (XIII в.), привлеченное М.Б. Свердловым. Английский король Этельстан, ок. 937 г. по реальной хронологии его правления, якобы предложил викингу Олафу Гутфриттссону откуп в шиллинг серебра от каждого плуга своего королевства (*skilling silfrs af plógi hverjum um ríki sitt*) (цит. по Свердлов, 1978: 150). Для нас, в отличие от М.Б. Свердлова, очевиден анахронизм предложения, приписанного Этельстану. Однако разителен параллелизм формулировок саги и «Законов Эдуарда Исповедника» (*de unaquaque hida totius patrie - af plógi hverjum um ríki sitt*), а главное, идентичность налоговой ставки. Свидетельства Саги об Эгиле, а также, скажем сразу, и русской летописи, неизвестные С. Кейнсу, подтверждают справедливость его позиции относительно изначального уровня обложения *heregeld*'ом.

Приведенные дополнительные данные лишь подкрепляют английскую параллель, указанную М.Б. Свердловым. И все же, чем складнее у нас получается картина, тем она выглядит парадоксальнее. Летописец приписывает хазарам обложение племени вятичей поземельным налогом, который возникнет в Англии с полстолетия спустя после похода князя Святослава, обнаружившего для читателя существование этой, видно, не вчера назначенной дани. При этом вятичи облагаются в тех расчетных единицах и по той ставке, по которой налог будет взиматься англосаксонскими королями с 1012 по 1051 г. Более того, согласно ПВЛ, тот же налог взимался с радимичей на 80 лет ранее рассмотренного нами сообщения. Именно к этому контексту нам и следует теперь обратиться.

II. Завоевание и налогообложение вятичей и радимичей В ЛЕТОПИСИ

Первое появление щеляга в летописи фигурирует в статье ПВЛ за 6393/885 г. в описании завоеваний князя Олега, которое разительным образом предвосхищает описание хазарского похода Святослава:

<p>[6393/885] Посла къ Радимичемъ рька “Камо дань даете?” Они же рѣша: “Козаромъ”. И рече имъ Олегъ: “Не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте”. И въдаша Ольгові по щелягу якоже [и] Козаромъ даху. [ПСРЛ I², 2001: 24 (адапт.)]</p>	<p>[6472/964] Посылаше къ странамъ (...) и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: “Кому дань даете?” Они же рѣша: “Козаромъ по щелягу и отъ рала даемъ” [ПСРЛ I², 2001: 65 (адапт.)]</p>
--	---

Сходство обоих описаний не ускользнуло от комментаторов, в первую очередь от А.А. Шахматова, который писал: «Мне кажется, что сообщение о покорении Радимичей составлено по образцу сообщения о покорении Вятичей: последнее представляется более обстоятельным.» Исследователь верно подметил, что назначенная радимичам дань указывается «без определения единицы обложения», то есть, не сообщается, с чего же взымался щеляг; он также указывал, что связь между радимичами и вятичами обусловлена представлением автора ПВЛ о том, что эти два племени происходили от родных братьев. Наконец, Шахматов отказался придавать значение летописной дате покорения радимичей, поскольку «хронология русской летописи до 945 (г.) представляется произвольной, искусственно построенной» (Шахматов, 1916: 58—59).

В самом деле, указание налоговой ставки без указания налоговой базы примечательно своей явной беспредметностью. Если не исходить из данных статьи за 6472 г. как уже знакомых читателю (или без знания английской истории), невозможно догадаться, что подать в щеляг налагалась именно на рало. Тем более любопытно, что подобная ситуация наблюдается и в отношении поборов с древлян. Согласно НЛМл., Игорь и Свенельд, покорив древлян (незадолго до гибели Игоря зимой 944/5 г.), обложили их данью «и имаша по чернѣ кунѣ от дыма» (НЛМл., 1950: 109). В ПВЛ это сообщение выпадает, а само подчинение древлян власти киевских князей отнесено к началу правления Олега, 6391/883 г. по летописной хронологии, причем указывается, что Олег «имаша (sic!) на них дань по чернѣ кунѣ» (ПСРЛ I², 2001: 24). В недавней работе я объяснил сказуемое во множественном числе, описывающее действие одного лишь Олега, явлением внутрिलетописного заимствования, небрежным переносом фразы из контекста 940-х гг. на 60 лет ранее. При переносе была также утеряна единица обложения, дым, что дало место для неверной интерпретации дани в куницу как подушной (Казанский, Цукерман, 2017: 6—8, ср. Zuckerman, 2011: 51—52).

Среди современных исследователей, следующих за А.А. Шахматовым, принято представление о многослойности ранней летописи, о том, что в текстах, дошедших до нас в форме НЛМл. и ПВЛ, просматриваются более древние исторические сочинения и компиляции. В конкретных вопросах выделения этих сочинений, иными словами, стратификации летописного текста, есть немало разногласий. Обоснование моих собственных представлений на эту тему читатель найдет в моей более ранней работе (Цукерман, 2009), а подробную их критику в обзорной статье А.А. Гиппиуса (2012), где дается широкая панорама современного состояния вопроса. Я со временем вернусь к нашему спору, ибо не теряю надежды убедить моего оппонента, но здесь в этом необходимости нет, и вот почему. Когда я недавно попытался проследить конкретные по-

следствия наших текстологических дебатов для историков, выяснилось, что они очень невелики [Казанский, Цукерман, 2017]. Расхождения в десятки лет относительно времени создания древнейшего источника летописи или в три-четыре года в датировке последующего этапа ее становления важны для истории текста, но мало что меняют в оценке удельного веса известий, относимых к тому или иному слою. Отсылая заинтересованного читателя за подробностями к названным выше работам, я попытаюсь объяснить здесь разноречивые летописные сообщения, касающиеся нашей темы, их разновременностью и разнослойностью.

Лишь после этих вводных замечаний я приведу самый ранний контекст, содержащий упоминание вятичей в ПВЛ. Речь идет о широко цитируемой статье за 6367/859 г., описывающей раздел сфер власти над славянскими и финно-угорскими племенами между заморскими варягами и хазарами. Частичная текстуальная параллель этой статье содержится в НЛМл., и я для удобства сразу сопоставлю оба текста:

<p>[6362] Словенѣ свою волость имѣли, и Кривици свою, а Мере свою; каждо своимъ родомъ владаше; а Чюдь своимъ родом; и дань даяху Варягомъ</p> <p>от мужа по бѣлѣи вѣверици. [НЛМл., 1950: 104]</p>	<p>[6367] [И]маху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ,</p> <p>а Козари имаху на Полянхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣи вѣверицѣ отъ дыма. [ПСРЛ I², 2001: 19]</p>
---	---

С.А. Бугославский, который рассматривал, вслед за В.М. Истриным, раннюю часть НЛМл. как сокращение и пересказ ПВЛ, кратко сформулировал ту же позицию и в отношении нашего пассажа: «Новгородский летописец сокращенно пересказывает эту статью [ПВЛ]» (Бугославский, 2006, I: 298), ср. мою критику этого направления в летописеведении (Казанский, Цукерман, 2017: 8—9). В работах историков вопросы текстологии, как правило, не ставятся столь резко, но чисто эмпирически рассказ НЛМл. воспринимается как некий ущербный вариант версии ПВЛ. Так, например, в работе С.М. Каштанова, где собраны и рассмотрены как равные свидетельства более двух дюжин летописных сводов, версия ПВЛ и ее производные оказываются в явном «большинстве», а версия НЛМл., которую поддерживают только лишь Устюжская летопись и Устюжский летописный свод, выглядит маргинальной (Каштанов, 2003: 58—59). Исследователь, впрочем, сводит данные обеих версий как взаимодополняющие и утверждает, что «обложение по “мужу”» «отражает, вероятно, более высокую степень социальной организации, чем обложение по “дыму”»; первое было свойственно северной варяжской зоне, а второе лишь южной (Каштанов, 2003: 60).

Очевидно, что все дискуссии вокруг деления территории будущей Руси между варягами и хазарами, коим имя легион, могут строиться только на тексте ПВЛ (напр. Петрухин, 2012: 107—121).

Однако недавно А.А. Гиппиус (2011: 50) коротко отметил, что отсутствие хазарской составляющей в рассказе о дани НІЛмл. свидетельствует о том, что она отсутствовала и в Начальном своде, то есть в той общей основе киевского и новгородского летописания, которую Гиппиус, вслед за Шахматовым, определяет как свод начала 1090-х гг., а я отождествляю со сводом 1076 г. (Цукерман, 2009: 273—282). Таким образом, парная конструкция даннических зон принадлежит к наиболее позднему слою ранней летописи, идентичному самой ПВЛ. Именно на этой основе мы теперь и обратимся к рассмотрению самой неожиданной части свидетельства ПВЛ, столь неожиданной, что, насколько я знаю, она никогда никем не комментировалась. В самом деле, в статье за 6367/859 г. ПВЛ указывает, что вятичи, как и их соседи, платили хазарам по беличьей шкурке (белой веверице) с дыма (ср. ниже), а чуть более столетия спустя тот же источник сообщает, что их дань тем же хазарам составляла по щелягу с рала. Ведь если, как указывает С.М. Каштанов (2003: 60), переход от обложения «по “дыму”» к обложению «по “мужу”» обнаруживает нам «выделившегося из общины индивидуума», то что сказать о переходе от «подымного» обложения шкурами к поземельному серебром? То было бы свидетельством о невообразимом скачке производительных сил пусть не всех славянских племен сразу, но, по крайней мере, на отдельно взятой территории вятичей. Охотники становятся земледельцами, наращивая товарно-денежные отношения! Однако подобная интерпретация, да и вообще какое-либо объяснение изменения налогового статуса вятичей мне нигде не встречались, а сейчас предлагать их поздно. Объяснение находится не в историческом, а в текстологическом плане и состоит оно в небрежности компилятора, автора ПВЛ, расширившего текст Сказания, доступного ему через посредство свода 1076 г., а нам через посредство НІЛмл., вобравшей в себя этот свод.

Точно так же объясняется и появление вятичей в составе участников «похода 907 г.» (ПСРЛ I², 2001: 29). Никто из защитников историчности этого похода не задавался вопросом о том, каким же образом вятичи, данники хазар, оказались в списке его участников среди племен, свежепокоренных — согласно концепции автора ПВЛ, чуждой древнейшему Сказанию — князем Олегом. Однако в недавней работе я подробно проследил, как автор ПВЛ сконструировал этот поход за счет нарративных элементов, выписанных им из иных контекстов (Казанский, Цукерман, 2017: 21—22). Летописец перенес в список участников похода список славянских племен, которые «живяху в мирѣ» между собой, позаимствованный во вводной части летописи, но при этом запа-

мятовал, что вятичей, в отличие от остальных племен, подчиненных им Олегу, он пока оставил за хазарами.

Как мне неоднократно приходилось отмечать, древнейший (Сказание 1016/7 г.) и позднейший (ПВЛ) слои летописного повествования отражают два совершенно разных представления о динамике покорения русью славянских племен Приднепровья. Согласно Сказанию, достоверно воспроизведенному в НЛМл., Олег с дружиной занимают (а если захватывают, то у подобных им варягов) очень небольшую землю полян, ограниченную «горами киевскими», а процесс территориальной экспансии начинается лишь при Игоре, «примучившем» уличей и древлян. Согласно же ПВЛ, этот процесс проистекает при князе Олеге, покорившем почти все известные летописцу племена. Эта перестройка древнейшего прошлого производилась посредством перекраивания древнейшего текста, и именно таким образом термин щяльгь приобрел обманчивую временную «глубину», фигурируя в контексте 6393/885 г. Но если исключить дословное перенесение позднейшего контекста в прошлое, отмеченное еще А.А. Шахматовым, то термин этот гапакс. В первой части данной работы мы не нашли для его объяснения альтернативы понятию шиллинг в том единственном значении, в каком оно употреблялось в Западной Европе в период составления источника летописного рассказа (1016/7 г.). При этом, однако, обнаружилась вся сложность контекстуализации этой денежной единицы, как и конкретно налога в шиллинг с рала, в древнерусской действительности X—XI вв. Но следует ли искать ему объяснение именно среди реалий? Таков неожиданный вопрос, который я предлагаю рассмотреть. В самом деле, мы увидим на примерах, что сведения летописцев о древних данях иногда не только вызывают недоверие, но и заведомо недостоверны.

III. Подати западных славян в «Славянской хронике» Гельмольда

Обращаясь вслед за М.Б. Свердловым (1978) к разбору летописных пассажей о дани в щяльгь-шиллинг с рала, А.П. Толочко (1986) развивает любопытную параллель (указанную уже Б.Д. Грековым, на которого он ссылается): свидетельства «Славянской хроники» Гельмольда из Босау о податях, взываемых с полабских славян. Эти же свидетельства занимают центральное место и в исследовании С.Н. Кистерова (1998), с работой А.П. Толочко незнакомого. Параллель столь разительна, что и я не обойду ее стороной.

В хронике, составленной в 60-е годы XII в., эти подати описаны очень сходно в двух контекстах, которые разделяют два столетия времени и резкие исторические сотрясения. Первые два упоминания (I a-b) восходят к периоду первого обращения полабских славян в христианство, то есть к середине — третьей четверти X в. Третье же (II), по существу идентичное, касается поборов в пользу епископа, назначенных герцогом Генрихом Львом и современных автору хроники. Текст хроники цитируется по стандартному изданию Б. Шмайллера (Helmold 1937), а приводимый мной русский перевод Л.В. Разумовской адаптирован в деталях.

I. a. Dabatur autem pontifici annum de omni Wagirorum sive Obotritorum terra tributum, quod scilicet pro decima imputabatur, de quolibet aratro mensura grani et XL resticuli lini, et XII nummi puri argenti. Ad hoc unus nummus, pretium colligentis. Slavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus (I, 12, p. 25).

Ежегодно со всей земли вагров и бодричей вносилась епископу считавшаяся десятиной дань: с каждого плуга по мере зерна и по 40 пучков льна и по 12 монеток чистого серебра; сверх того, одна монетка как вознаграждение для сборщиков. Славянский же плуг составляет пара волов или одна лошадь (ср. Гельмольд, 1963: 55).

b. Est apud Obotritos pontificale tributum, quod pro decimo imputatur, de quolibet scilicet aratro, quod duobus bobus aut uno constat equo, mensura grani et XL restes lini et XII nummi probatae monetae; praeterea unus nummus, qui debetur colligenti (I, 14, p. 28).

Существует у бодричей считающаяся десятиной дань в пользу епископа, а именно с каждого плуга, который состоит из двух волов или одной лошади, вносится одна мера зерна, 40 пучков льна и 12 монеток официальной чеканки; кроме того, одна монетка, которая полагается сборщику (ср. Гельмольд, 1963: 58).

II. Et precepit dux Slavis, qui remanserant in terra Wagirorum, Polaborum, Obotritorum, Kicinorum, ut solverent reditus episcopales, qui solvuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est *de aratro tres modios siliginis* et duodecim nummos monetae publicae. Modius autem Slavorum vocatur lingua eorum ‘curitce’. Porro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis (I, 88, p. 174).

А славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан, герцог повелел, чтобы они платили поборы епископу, как их платят у полонов и поморян, то есть с плуга по 3 модия ржи и по 12 монеток государственной чеканки. Модий же у славян называется на их языке корец. Славянский же плуг составляется из двух волов и стольких же лошадей (ср. Гельмольд, 1963: 200).

За два столетия, разделяющие обе группы свидетельств, произошло три мощных славянских восстания, церковные структуры, созданные при

Оттоне I, были сметены с лица земли и долго не восстанавливались, а налоговые ставки якобы остались прежними. Ни в русско-, ни в иноязычных работах эта поразительная преемственность сомнений не вызывала и вообще не комментировалась. А.П. Толочко и С.Н. Кистерев, как и ранее Б.Д. Греков, относят данные Гельмольда к X в., а наиболее стройный ряд выстраивается в недавней работе А.В. Комара. Автор полагает, что «происхождение поплужной системы налогообложения с единицей в 1 шиллинг серебра следует связать с древнесаксонским обществом, откуда эта традиция распространилась в Англию и к прибалтийским славянам, после чего и была заимствована в X в. Русью». В рамках этой гипотезы появление шиллинга как меры серебра связано вовсе не реформой Карла Великого, а с неким «салическим солидом», и весил он всего 16,38 г, прекрасно вписываясь в систему древнерусских весовых гирек (две гирьки по 8,19 г). Из этого следует вывод: «Археология не оставляет никаких сомнений в том, что счет в системе весового шиллинга был широко распространенным на Руси X — начала XI вв., до появления собственной кунно-резанной денежной системы» (Комар, 2011: 158). Не отрицая оригинальности этой концепции, вернусь к разбору данных Гельмольда.

Примечательной чертой всех трех описаний десятины у Гельмольда является используемая им денежная единица: *nummi puri argenti*=*nummi probatae monetae*=*numm[i] monetae publicae*. Словом *nummus* традиционно обозначалась мелкая монета, в позднеантичном и византийском словоупотреблении — исключительно медная, но на варварском Западе и серебряная. Поэтому я позволил себе перевести *nummus* как «монетка», а *moneta* (монетный двор) как «чеканка». У Гельмольда речь идет о монете серебряной (*puri argenti*), причем официальной (*probata*), чеканеной государственной властью (*publica*). Слово сочетание *nummus puri argenti* необычно, других ему примеров я не нашел. Неслучайно Л.В. Разумовская, которая в первых двух контекстах переводит *nummus* как «монета», в третьем случае подменяет его традиционным обозначением денар («12 денаров местной монеты»)⁴. Однако именно термина денар наш автор явным образом и пытается избежать.

Нет сомнения, что Гельмольд стремится описать те монеты, что чеканились в Саксонии его сюзереном Генрихом Львом (*moneta publica*) и которые славяне должны были приобретать для выплаты десятины. Именно в эпоху Генриха брактеаты, весом ок. 0,8 г, вытесняют из обращения традиционные денары двухсторонней чеканки. Брауншвейгские брактеаты Генриха отличались стабильным весом и хорошей пробой (Dirlemeier, 2003: 303—304), но все же составляли ровно половину имперского денара времен Оттона I. Так, если учитывать монетные реалии, иллюзия преемственности и постоянства, создаваемая Гельмольдом, начинает рассеиваться: пришлось бы признать, что денеж-

ные повинности славян уменьшились ровно вдвое. Однако и сама идея о денежных выплатах в X в. иллюзорна. Немногочисленные данные о славянской десятине, собранные Джеймсом Сомпсоном за конец IX — начало XI в., указывают лишь на натуральные повинности: мед, зерно, лен, конопля, скот (Thompson, 1916: 215—216). Обложение славян в серебряной монете, как в собственную пользу, так и в пользу церкви, представляется нововведением герцога Генриха Льва.

Еще более значительным нововведением герцога Генриха оказывается славянский плуг. Речь идет, разумеется, не о сельскохозяйственном инструменте, каковым его зачастую воспринимают, а о единице налогообложения. Роберт Барлетт, кажется, впервые заострил внимание на том, что «Славянская хроника» Гельмольда содержит наиболее раннее употребление термина *aratrum slavicum*. В позднейших документах этот термин (наряду с другими «плугами», напр. тевтонским и польским), как и другие элементы описания славянской десятины у Гельмольда, представлен достаточно широко, но ранее он отсутствует (Bartlett, 1993: 149—151). Здесь нет надобности вступать в дискуссию о природе «плуга», славянского или иного, в немецкой системе налогообложения, важно лишь установить хронологию его появления. Признать его существование в X в. было бы явным анахронизмом, а уж каким образом единица обложения, созданная королем Этельредом II в начале XI в., проникает полтора столетия спустя в Саксонию — это не наша тема.

При описании событий двухсотлетней давности, периода первой попытки обращения полабских славян и подчинения их структурам немецкой церкви, Гельмольд пользовался хроникой Адама Бременского. Сообщения о древних податях фигурируют как раз в том блоке глав, где Гельмольд выписывает из этой хроники целые пассажи, однако в его источнике подобных сообщений нет. До сих пор утверждается, что Гельмольд дополнял хронику Адама Бременского некими «устными источниками» (Stoob, 2002: 10—11), но эту позицию оспорил в свое время Д.Н. Егоров (1915, I: 36), отмечая, что «источник мифотворчества Гельмольда нужно искать не вне его, а в нем самом». Главу I, 14 «Славянской хроники», которая содержит один из пассажей о славянской десятине, Д.Н. Егоров (1915, I: 66—68) подробно разобрал (не касаясь податей) как пример неприятия вставной новеллы, порожденной воображением Гельмольда. Однако наш автор, относя введение податей к истокам славянского христианства, руководствовался не литературными соображениями. Представление о Гельмольде как о рупоре интересов Ольденбургско-Любекской епархии ныне не в моде (Stoob, 2002: 16), но в данном случае очевидно, что настойчивое повторение идентичных описаний десятины применительно к прошлому и настоящему служит единственной цели легитимации податей, созданных в пользу церкви герцогом Генрихом Львом.

IV. Сведения о данях в Сказании 1016/7 г.

Здесь нет необходимости вступать в дискуссию о точных контурах и дате древнейшего Сказания, чтобы сделать следующее простое наблюдение. Если мы исключим единовременную контрибуцию «на ключ», наложенную князем Олегом на византийцев, а также ежегодные выплаты князю Владимиру от Ярослава из Новгорода, древнейший источник летописи содержал всего четыре описания собственно дани — регулярных выплат, знаменующих подчинение чужой власти:

1. Полянская дань, когда в ответ на требование хазар «платите намъ дань», «съдумавши же Полянѣ и даша от дыма мечь» [НЛМл., 1950: 105].
2. Дань, возложенная варягами на словен, кривичей, мерю и чудь, которые «дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици» [НЛМл., 1950: 106].
3. Древлянская дань, наложенная Игорем и Свенельдом, которые «имаша по чернѣ кунѣ от дыма» [НЛМл., 1950: 109].
4. Дань, исконно выплачиваемая хазарам вятичами, которые рассказали Святославу: «Козаромъ дань даемъ по щелягу отъ рала» [НЛМл., 1950: 117].

Все четыре описания привлекают своей обстоятельностью: точно указывается как единица обложения, так и налоговая ставка. Бросается в глаза исключительное разнообразие налоговых ставок: мечь—по бѣлѣи вѣверици—по чернѣ кунѣ—по щелягу, в чуть меньшей степени и единиц обложения: от дыма—от мужа—от дыма—отъ рала. Каждое из описаний обсуждалось неоднократно, а все четыре названы вместе в работе П.С. Стефановича (2012). Однако автор исключает из рассмотрения известие о полянской дани как «явно легендарное» и благо-разумно оставляет в стороне сообщения о дани по щелягу с рала, ибо «непонятно, что представлял собой этот “щеляг”». Таким образом, насколько мне известно, все четыре сообщения о данях никогда не рассматривались сопоставительно, что я и предлагаю проделать.

Рассказ о полянской дани пользуется немалой популярностью у исследователей. Дань мечами часто интерпретируется как отказ от дани. Так, Г.И. Магнер (1996: 192) описывает выразительную сцену: «На требование дани поляне, пользуясь обычной формулой дани, ответили гордой иронией: мы готовы выставить вам дань — по мечу от дыма, т.е. по воину с мечом от каждой семьи, мы встретим вас всенародным ополчением». Правда, Г.И. Магнер вынужден признать позднейшее подчинение полян хазарам из-за последующего описания дани «по бѣлѣи вѣверицѣ отъ дыма», которую те якобы выплачивали хазарам наряду с северянами и вятичами. Но мы уже видели, что это сообщение вторичное и чего оно стоит в отношении вятичей, а древнейшее Сказание не содержало никаких других указаний на характер отношений между полянами и ха-

зарами, кроме эпизода с мечами. Также А.А. Гиппиус (2011: 51) отмечает, что «предложение меча в качестве дани вряд ли может быть понято иначе, чем как знак готовности к вооруженному сопротивлению, равносильный отказу от выплаты дани как таковой». Более сложные схемы с привлечением скандинавских параллелей развиваются в недавних работах А. Коптева, где «приношение меча» («offering a sword») рассматривается как предложение хазарам — изначально, по смелой гипотезе автора, хазарам тмутараканским, якобы сопровождавшим князя Мстислава в его походе на Русь — подчиниться власти полян-кыян (Коптев, 2010; 2014), и Д. Глебовой (2017), которая обнаруживает в нашем эпизоде «ситуацию загадки», сходную с элементами описания пребывания княгини Ольги в Царьграде. Я бы предпочел, скорее, термин «ситуация разгадки», ибо несложное иносказание, которое содержит наш эпизод, тут же раскрывается для читателя. Однако, не желая спорить с предложенными интерпретациями, я хочу лишь заострить внимание на тех элементах летописного рассказа, которые из них выпадают.

Отмечу, прежде всего, резкий диссонанс между образом полян, созданным автором Сказания, и характером выплаченной ими дани. Поляне «бѣша мужи мудри и смысленѣ», и оттого их обижали все соседи. Именно с этим печальным состоянием полян и связывается в тексте предложение хазар платить им дань — по современным понятиям, за «крышу». Тем большим сюрпризом оказывается состав этой дани: поляне отдают то, что никто бы не ожидал у них найти. Более того, они выдают не некий символический меч, который фигурирует в современных работах, а целую их грудку, десятки и сотни, от каждого дыма. Читатель должен вообразить подводки с мечами, которые хазарские мытари везут своему князю и старейшинам (а комментаторам неплохо бы задаться вопросом о том, чем, отдав мечи, гордые поляне собирались бить хазар). При этом мы тут же узнаем, что хазарам от столь тщательно собранной и доставленной дани ни малейшего проку нет: их оружие сабли. К вышеуказанному добавляется известная средневековому читателю стоимость меча, несоизмеримая с понятием дани. Таким образом, перед нами, прежде всего, комическая сценка с характерным нагнетанием абсурдных элементов, что не исключает и иного иносказательного ее толкования.

Сходные элементы обнаруживаются и в анекдоте о дани вятичей. Современный историк древних славян О.Н. Трубачев подметил двойственность летописного образа вятичей, разбирая работу своего предшественника Д.И. Иловайского: «Уже один из первых историков готов, опираясь на свидетельство Нестора, признать, что они не имели земледелия, но сразу вслед за этим, на основе летописных же данных об уплате вятичами дани Святославу и Владимиру, то есть в достаточно раннее время, «по шелягу с плуга», заключает, что земледелие они зна-

ли» (Трубачев, 2000: 5, со ссылкой на: Иловайский, 1858: 9, 12). Определяя свою работу как «некую апологию вятичей» (стр. 4), О.Н. Трубачев противостоит восходящим к летописи представлениям о «глухой земле вятичей», но доказать расцвет у них земледелия (ср. Монгайт, 1961: 258—259), как кажется, пока не удалось. Примечательно, что во вводной части ПВЛ летописец, описав радимичей, вятичей и северян как «живущих в лесах», затем специально выделяет вятичей как сохранивших древние обычаи «и нынѣ» (ПСРЛ I², 2001: 13—14). Таким образом, назначая для вятичей дань «отъ рала», автор древнейшего Сказания создавал тот же диссонанс между их образом как жителей лесов и единицей обложения, предполагающей повсеместное распространение пахенного земледелья.

Более всего дискутировался пассаж о дани, выплачивавшейся варягам северными племенами. Описание налоговой ставки, «по бѣлѣи вѣверици», читается одинаково в НЛМл. и в ПВЛ. Однако в отличие от А.Н. Насонова, издателя НЛМл., и от большинства издателей ПВЛ, Д.С. Лихачев разбил прилагательное «бѣлѣи» на два слова и получил двойную ставку: «по бѣлѣ и вѣверицѣ», т.е. «по серебряной монете [определяемой как дирхем] и по белке» (ПВЛ, 1950 I: 18, 214; II: 233). Это деление, которое не Д.С. Лихачев придумал, недавно вновь обосновывалось С.П. Щавелевым (2003). Альтернативную интерпретацию неразбитого текста аргументировал П.С. Стефанович (2011), полагая, «что слово “вѣверица” использовалось в данном случае как “родовое” понятие для всех мелких пушных зверей, а эпитет “белая” указывало на горностаю» (с. 14). Однако подобное значение слова «вѣверица» не засвидетельствовано, да и слово «бѣла» в значении «денежная единица» документировано лишь с конца XIV в. (СДРЯ I, 1988: 362). Последний по времени издатель ПВЛ, Г.М. Прохоров, печатает текст без разбивки «по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма» и переводит «по белой шкурке белки от дыма» (Лаврентьевская летопись, 2017: 28—29). К этому традиционному пониманию текста следует, как мне кажется, окончательно вернуться.

Важно подчеркнуть, что сам по себе летописный текст не темен и не испорчен — все попытки его переиначить возникают из-за трудности исторической интерпретации. В самом деле, как неоднократно указывалось, беличий мех был очень дешев, в разы дешевле, чем куница, не говоря о горностае. Взыскав по шкурке от мужа, что стали бы делать купцы-варяги с горами мехового ширпотреба, был ли экономический смысл его экспортировать и какой внешний рынок был бы способен его поглотить? При этом оказывается, что взыскание совсем не тяжелой дани было связано с насилием («а иже бяху у них, то ти насилие дѣяху Словеномъ», и т.д.) и послужило причиной изгнания варягов [НЛМл., 1950: 106]. Сложности интерпретации лишь усугубятся при

сопоставлении летописного сообщения со свидетельством восточных источников, восходящих к так называемой Анонимной записке об отношениях славян и русов в эпоху каганата (недавно вновь собраны и прокомментированы Т.М. Калининой [2017]). Из этих свидетельств складывается картина вовсе не стабильных «трибутарных» отношений, которые постулирует в данном случае П.С. Стефанович (2012)⁵, а набегов и грабежей, в результате которых русы завладевали славянскими рабами на экспорт, а также широким ассортиментом драгоценных мехов. Создается впечатление, что до автора Сказания дошли смутные воспоминания о причинах изгнания первой волны поселенцев-русов и он неудачно совместил их с плохо подобранной данью.

Остается древлянская дань «по чернѣ кунѣ от дыма». Она вполне возможна и реалистична, поскольку находит в значительной степени параллель в сообщении Ибн-Фадлана о подати в шкурку (об определении пушного зверька идут споры), взимаемой с «дома» правителем Волжской Булгарии. Но это лишь один элемент из четырех.

Как недавно отметил С.Н. Темушев (2010: 328), оппозиция цветов в паре «бѣла вѣверица» и «черна куна» представляется литературно-стилистическим приемом «летописца, возможно, пользовавшегося при записи рассматриваемых сообщений какими-то устными преданиями, облеченными в повествовательно-поэтическую форму. Это предположение кажется» автору «более вероятным, чем совершенно искусственное построение сложной конструкции, включающей две единицы подымного обложения». С.Н. Темушев исходил из версии ПВЛ, не вдаваясь в вопрос об ее источниках, но он верно подметил, что шкурки белки и куницы — столь разные по ценности, что проще признать две различные нормы обложения за фигуру стили, чем объяснить их как историческую реальность. Я не стану спекулировать об устных преданиях, так как, на мой взгляд, все четыре сообщения о данях однородны: их нужно рассматривать вместе и расценивать одинаково. В них следует видеть авторский вклад сочинителя Сказания в создаваемую им картину древнейшего прошлого Руси.

Приведенные соображения составляют дополнительный аргумент против попыток придать термину щеляг-шиллинг некое иное значение, нежели то единственное, которое обильно засвидетельствовано в западных источниках на период создания ранней летописи. Однако если мы признаем, что древнейший летописец не сам придумал для вятичей поплужную подать в шиллинг, а позаимствовал ее в современной ему Англии, то возникает любопытная хронологическая коллизия. Король Этельред II вводит эту подать, как указывалось выше, в 1012 г., а автор древнейшего Сказания составляет свой труд в 1016/7 г. — пользуясь, таким образом, очень свежими информационными данными. Учи-

тывая частые и тесные связи Руси со скандинавским миром, вопрос о путях поступления этих данных можно было бы и не ставить, но есть обстоятельства, которые позволяют предложить столь конкретный и непосредственный ответ на этот вопрос, что я считаю их заслуживающими подробного рассмотрения.

V. Последние два года жизни ярла Свейна, сына Хакона Могучего

Образ ярла Свейна, сына Хакона, застывает в источниках образом его более энергичного и удачливого сводного брата Эйрика. В сагах Свейн выступает в главной роли в одном единственном эпизоде, битве у Несьяра, где он терпит сокрушительное поражение. Проблемы интерпретации древнего текста, сохранившего память о битве у Несьяра, столь значительны, что шведский ученый Стаффан Хеллберг даже выразил сомнение (никем, впрочем, из исследователей не поддержанное) в историчности личности Свейна (Hellberg, 1972). Тем более примечательно, что в свете наблюдений, предложенных ниже, Свейн, сын Хакона, оказывается одним из наиболее надежно и разнообразно засвидетельствованных скандинавских вождей своего времени.

Исходной точкой для моих наблюдений является идентификация, не так давно предложенная О. Филипчуком, некоего Сфенга, который появляется с дружиной в Константинополе в первой половине 1016 г. Согласно Иоанну Скилице, император Василий II, вернувшись в январе 6524 /1016 г. с болгарского фронта, направляет в Хазарию флот под командованием Варды Монга, который захватывает в первом же столкновении местного архонта Георгия Цулу при содействии Сфенга, представленного братом императорского шурина Владимира (Ioannes Scylitzes, ed. Thurn, 1973: 354). В недавней работе я подробно разбираю этот эпизод, отстаивая отождествление Георгия Цулы с одноименным персонажем известным по многим печатям. Ранее стратиг Херсона, здесь он предстает в роли (мятежного) стратига Боспора или же, в парафразе Скилицы, которой я предлагаю объяснение, архонта Хазарии. Там же я указываю, что из даты возвращения Василия II в Константинополь не следует заключать, что сразу же в январе он направил флот в «Хазарию» — морская экспедиция зимой была бы безрассудно опасной (Zuckerman, 2017: 316—318). В отношении же Сфенга, зачастую без всякого основания отождествляемого с будущим князем Тмутаракани Мстиславом, О. Филипчук указал, что за греческой транслитерацией

Σφεύυος стоит скандинавское имя Свейн, а Свейн, сын Хакона, отправляется с дружиной как раз в 1015 г. на восток в Гардарики, что очень хорошо объясняет его появление в 1016 г. в Константинополе (Филипчук 2009).

Данные скандинавских текстов о Свейне были собраны и прокомментированы Т.Н. Джаксон (2012: 323—326). Исследовательница разбирает хронологию битвы у Несьяра, датированную в источниках вербным воскресеньем, каковое она относит к 1015 г. (ср. ниже). Затем следует эпизод бегства Свейна, который в различных сказаниях разнится в деталях. Некоторые тексты заводят его в Данию или Швецию, иногда и в Карелию, но он всегда продолжает свой путь на восток, в Аустрвег или в Гардарики, чтобы «добыть себе добро». Свейн умирает от болезни на обратном пути в Швецию. Т.Н. Джаксон отвергает мнение М.Б. Свердлова (1974: 58—59) об экспедиции Свейна как о грабительском походе на северные владения князя Владимира, однако собственного представления об обстоятельствах похода не предлагает. В самом деле, краткие пассажи о Свейне ни о каких грабежах на Руси не повествуют, а сообщение о добровольном возвращении дает, скорее, понять, что своей цели он достиг.

В анализе названных исследователей недостает центрального звена, а именно сведений о пребывании Свейна на Руси. Очевидно, что отряд скандинавов не мог появиться в Константинополе в начале 1016 г., пусть даже не зимой, а поздней весной, иначе как пройдя через Русь. О том же свидетельствует притязание предводителя отряда на «братство» с князем Владимиром. И в самом деле, мы осведомлены о пребывании на Руси скандинавского отряда с поздней весны 1015 г. по зиму 1015/6 г. — речь идет о варяжских наемниках князя Ярослава. Сведения о них подробны и точны, ибо восходят к Сказанию 1016/7 г., то есть строго современным событиям.

Согласно источнику, Ярослав, княживший в Новгороде, принял решение прекратить выплату «Киеву» дани в 2000 гривен. Узнав о решении отца «пойти на Ярослава, сына своего», он «посла за море, приведе Варягы». Хронология событий определена указанием, что князь Владимир не успел выступить в поход, так как разболелся и умер 15 июля (1015 г.) [НЛмл., 1950: 168—169]. Современный читатель в праве заподозрить, что лояльный историограф Ярослава чуть подправил ход событий и что Ярослав, предвидя реакцию отца, озаботился набором наемников заранее, но, как бы то ни было, нет причин датировать это событие раньше апреля или мая. Вербное воскресенье в 1015 г. выпадает на 3 апреля, а пару недель спустя Свейн и его беглецы-соратники были уже в Швеции, где их и нашли вербовщики Ярослава.

Последующие события разбирались неоднократно, в том числе и мной. Не ведая о киевских делах, Ярослав колебался, «кормяще Варягъ много, бояся рати». Число варягов далее определяется как номинальная «тысяча». Между варягами, уличенными в насилии «на мужатых женахъ», и новгородцами произошла кровавая стычка. Лишь получив от Предславы известие о смерти отца и приходе к власти Святополка, Ярослав собрал новгородское ополчение и выдвинулся вместе со скандинавами, никак не ранее конца августа, в направлении Киева. Я предположил, что воинство Ярослава, насчитывавшее около 4000 человек, двигалось на ладьях и уже к началу октября вышло к Любечу, где и сошлось с войском Святополка. Решающая битва состоялась не сразу, а после трехмесячного «стояния», то есть не раньше второй половины декабря. Разбитый Святополк бежал к печенегам, и Киев был взят без боя, надо полагать, в январе 1016 г. [НІЛмл., 1950: 174—175; Цукерман, 2009: 200—204]. Хотя летопись об этом не упоминает, Ярослав, конечно, расплатился с наемниками; по выдвинутому мной предположению, они могли получить по 12 гривен (1,5 византийских фунта = почти 0,5 кг) серебра [Zuckerman, 2011: 26—27]. Однако надежды, которые они питали на добычу при взятии и разграблении Киева, не оправдались.

Днепр, надо полагать, замерз вскоре после Любечской битвы, а по весне, когда в конце марта или в первой половине апреля лед сошел, у Свейна с товарищами было два выбора: либо возвращаться к кораблям в Ладогу, удовлетвоваввшись добытым, либо продолжить авантюру на юге. В их распоряжении были ладьи, которые доставили их в Киев, и как мы знаем из сообщения Скилицы, они выбрали второе. В мае они оказались в Константинополе, где предложили свои услуги Василию Болгаробойце, и были наняты для одной операции, которая была также способом выдворить их восвояси. В июне или июле Георгий Цула был разбит с первого же натиска в Боспоре-Керчи, а оттуда скандинавам был прямой путь домой на северо-запад через Дон и Волгу, минуя и Константинополь, и Киев. Свейн умер от болезни на обратном пути осенью 1016 г.

В предложенной реконструкции, альтернативы которой нет, безымянные варяги Ярослава обретают историю и идентичность. После победы в битве у Свольдера ок. 1000 г. норвежцы Эйрик и Свейн совместно правили в Норвегии как ярлы датского короля Свейна Вилобородого. Затем Эйрик присоединился к походу Кнута, сына покойного короля Свейна († 3 февраля 1014 г.), на владения английского короля Этельреда II, а былой соратник Этельреда, норвежец Олав, сын Гаральда, будущий Святой, усмотрел в этом шанс установить собственную власть над Норвегией и пошел войной на Свейна, брата Эйрика,

какового и разгромил в битве у Несьяра. Итак, союзниками Ярослава оказываются беглецы-норвежцы, выбитые из собственной страны враждебным кланом. Податься им было некуда, и именно поэтому они готовы были служить Ярославу практически за прокорм — и надежду на будущие блага.

Хронология последних полутора-двух лет жизни ярла Свейна устанавливается с точностью до месяцев и тем самым, любопытнейшим образом, становится ключом для точного определения во времени важнейших событий норвежской и английской истории. Как указывает Т.Н. Джаксон (2012: 238, 324), разноречивые источники позволяли датировать битву у Несьяра вербным воскресеньем как 1015, так и 1016 г. Сама исследовательница предпочла более раннюю дату, но приводит мнения и тех, кто выступил за более позднюю. Совсем недавно в селе Helgeroa был воздвигнут огромный монумент, который увековечил дату битвы, «the first precise dated event in Norwegian history»,⁶ как 25 марта (вербное воскресенье) 1016 г. Однако мы теперь знаем, что в этот день Свейн Хаконссон вовсе не сражался с Олавом у берегов Норвегии, а готовил ладьи к отплытию из Киева в Константинополь. Если когда-нибудь норвежцы прочтут эту статью, дату битвы на памятнике придется переписать.

1016 г. возобладал в исследованиях последних лет как дата битвы у Несьяра, главным образом, потому, что требовалось время для интриг, которые предшествовали возобновлению завоевания датчанами Англии, оборвавшегося со смертью короля Свейна Вилобородого в феврале 1014 г. Сыновья Свейна Гаральд и Кнут должны были поделить сферы действий, Кнут должен был вызвать Эйрика, а Олав Гаральдсон, будущий святой просветитель Норвегии, должен был об этом узнать и подготовить свое возвращение на родину. Если исходить из этой последовательности событий, ведя обратный отсчет от реальной даты битвы у Несьяра, то новый план завоевания Англии был готов у Кнута уже к осени 1014 г., а ярл Эйрик к этому времени отбыл из Норвегии с контингентом верных ему людей. Однако связь между отбытием Эйрика и планами Олава не очевидна: возможно, Олав отправился в Норвегию поздним летом или осенью 1014 г. при поддержке короля Этельреда II в целях ослабления Дании и ее норвежских вассалов (Roach, 2016: 297). За зиму Олав Гаральдсон сумел найти поддержку на родине и сколотить коалицию недовольных властью ярлов датского короля. С возобновлением свободной навигации весной, за день до вербного воскресенья 1015 г., эти силы сошлись с флотом ярла Свейна, а на следующий день разбили его наголову.

Если когда-нибудь англичане прочтут эту статью, они измыслят еще более остроумные интриги, укладывающиеся в более сжатый отрезок

времени. Нам же важно, что ярл Свейн и его люди вполне могли прослышать о новом налоге короля Этельреда II, за счет которого тот пытался отбиваться от их бывшего сюзерена, короля Свейна. Поскольку, как подчеркивает Джюдис Грин, обложение в шиллинг с плуга было реально необычным и новым, оно привлекло внимание и норвежцев, и автора Сказанья, который общался с ними в Киеве зимой 1016 г., а быть может, и на пути из Новгорода в Киев. Составляя вскоре затем свой текст, он не преминул воспользоваться этой деталью. И так наряду с несообразной белкой с мужа, забавным мечом с дыма и примкнувшей к ним куницей, появилась среди древних даней неуместная на Руси подать в шиллинг с рала, которую никто до сих пор так и не сумел объяснить.

Литература

- Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / под ред. П.Г. Гайдукова. М., 2014.
- Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006.
- Гельмольд. Славянская хроника / Предисл., пер. и примеч. Л.В. Разумовской. М., 1963.
- Гиппиус А.А. К хазарской дани // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 49—55.
- Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Н.А. Макаров (отв. ред.), Русь в IX—X веках: археологическая панорама, М.; Вологда, 2012. С. 37—63.
- Глебова Д. Загадка как нарративный прием в Повести временных лет: хазарская дань и византийский визит княгини Ольги // COLLOQUIA RUSSICA Series I, vol. 7: Rus' and the World of the Nomads (the second half of the 9th — 16th C.). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23th—26th November, 2016 / Editor V. Nagirnyy. Krakow, 2017. P. 55—62.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Текст, перевод, комментарий. Изд. 2-е, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.
- Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. М., 1915.
- Зенченко М.Ю. “Хотят татарове тамги и десятины” (По поводу спорности бесспорных мнений о “татарском наследии” на Руси) // Одиссей. Человек в истории 2010/2011. Школа и образование в Средние века и Новое время. М., 2012. С. 488—503.
- Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Казанский М., Цукерман К. Уличи // Palaeoslavica XXV/2. Boston, 2017. P. 1—37.
- Калинина Т.М. Дани и поборы в Древней Руси по данным «Анонимной записки» арабо-персидских авторов // ДГ 2015 г., М., 2017. С. 374—389.
- Каиштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 57—71.
- Кистерев С.Н. К характеристике системы даней в Древней Руси // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 336—352.

- Комар А.В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах 9. Киев-Харьков 2010—2011. С. 131—184.
- Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер. и исслед. Г.М. Прохорова. СПб., 2017.
- Магнер Г.И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хазарам // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст.: К 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 189—195.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Максимович К.А. Законъ соудьныи людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ 1994 г. М., 1996. С. 5—79.
- НІЛмл.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрухин В.Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2012.
- ПВЛ: Повесть временных лет / Подг. текста, статьи и ком. Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, под. ред. В.А. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ P: Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I, 2-е изд. М., 2001.
- Свердлов М.Б. Скандинавы на Руси // Скандинавский сборник. 1974. Вып. 19. С. 55—69.
- Свердлов М.Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси / Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 144—150.
- Свердлов М.Б. Шиллинг или шэлэг? К изучению поземельного обложения в домонгольской Руси // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 399—405.
- Стефанович П.С. Как правильно читать: «по белей веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Вторые Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат.-лы к междунар. науч. конф. М., 2011. С. 12—16.
- Стефанович П.С. О дани в «трибутарном» государстве Руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 260—267.
- Темушев С.Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славя хазарам // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 324—332.
- Толочко О.П. Про походження поземельної форми данини на Русі в IX—X ст. // Український історичний журнал. 1986. № 8. С. 104—109.
- Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. М., 2000. № 5. С. 4—27.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Филипчук О. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг — брат Володимира Святого? // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність “Історія”. Чернівці, 2009. Вип. 8. С. 58—70.
- Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Collectanea borisoglebica = Борисо-Глебский сборник / éd. С. Zuckerman. Paris, 2009. P. 183—305.
- Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Петроград, 1916.
- Щавелев С.П. Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 141—145.

- Bartlett R. *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 950 — 1350*, London 1993.
- Dirlmeier U. Heinrich der Löwe und “die Wirtschaft” // *Heinrich der Löwe: Herrschaft und Repräsentation* / hrsg. von J. Fried und O.G. Oexle. Ostfildern, 2003. S. 293—309.
- Green J.A. The last century of *Danegeld* // *The English Historical Review*, Vol. XCVI, Issue CCCLXXIX, 1 April 1981. P. 241—258.
- Hellberg St. Slaget vid Nesjar och “Sven jarl Håkonsson” // *Scripta Islandica*, bd. 36, Uppsala 1972. S. 21—30.
- Helmoldi presbyteri bozoviensis *Cronica slavorum* // *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum* / bearbeitet von Bernhard Schmeider. Hannover, 1937.
- Ioannes Scylitzes. *Synopsis Historiarum* / Rec. I. Thurn. Berlin, 1973.
- Keynes S. The Diplomas of King Æthelred ‘The Unready’, 978—1016: A Study in their Use as Historical Evidence. Cambridge, 1980.
- Koptev A. The Story of “Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian *Primary Chronicle* // *Scando-Slavica*, 56/2, 2010. P. 189—212.
- Koptev A.A. ‘*Khazar Prince*’ at the Walls of Medieval Kiev: The Collision of Princely Succession in the Russian Primary Chronicle // *Mirator* 15/2, 2014. P. 84—120.
- PVL: Ostrowski D. *The Pověst’ vremennykh lět: an interlinear collation and paradosis*, Cambridge (Mass.), 2003. 3 vol.
- Roach L. *Aethelred the Unready*. Yale, 2016.
- Stoob: Helmold von Bosau, *Slawenchronik/ Neu übertr. und erl. von Heinz Stoob*; 6. Aufl. mit einem Nachtr. von Volker Scior. Darmstadt, 2002 (1. Auflage 1963).
- Thompson J.W. The German Church and the Conversion of the Baltic Slavs // *American Journal of Theology*, 20, 1916. P. 205—230, 372—389.
- Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica* 10, Kiev 2011. P. 7—56 (русский перевод в печати: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии XXIII, Симферополь, 2018).
- Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии XXII, Симферополь, 2017.

- ¹ О.В. Творогов в своем словоуказателе к ПВЛ (см. ПСРЛ I², 2001: 708) указывает форму щьяляга, существительное женского рода, но ее происхождение для меня не ясно.
- ² С.Н. Кистерев (1998: 338) предполагает преобразование формы стьяльз в щьяляг на славянской почве, что очень мало вероятно.
- ³ Важно отметить, что в основе всей аргументации С.Н. Кистерева лежит татищевское описание «урочной дани», якобы наложенной татарами во время визита «великого князя» Василия в Орду в 1275 г. (Кистерев, 1998: 336 и далее). Я не буду оригинален, признавая это описание и его непосредственный контекст за типичный татищевский анекдот, лишенный исторической ценности (см. Зенченко, 2012).
- ⁴ Сходным образом немецкий переводчик Хайнц Штооб передает в первых двух случаях *nummus* как *Pfennig*, что вполне адекватно, а в третьем пассаже использует общее слово *Münze*. Штооб соединяет все три пассажа перекрестными ссылками, там самым подчеркивая преемственность налоговой системы. Впрочем, разбирается он в ней из рук вон плохо, как следует из перевода-пересказа «*Slavicum vero aratrum par bovum aut unus conficit equus*» как «*Ein slawischer Pflug (Landes ist das, was) ein Paar Ochsen oder ein Pferd an einem Tage bearbeitet*», ср. «*ein slawischer Pflug ist das mit zwei Ochsen und ebensoviel Pferden (an einem Tage) bestellte (Stück Landes)*» (Stoob, 2002: 71, 75, 313). Если бы те добавления, которые переводчик, в скобках или без скобок, вносит в текст, действительно в

нем находились, славянам пришлось бы выплачивать годовичную подать за каждый день пахотной страды. Поплужная подать определялась, естественно, не за день пашни, а за весь пахотный сезон.

⁵ Следует исправить очевидный огрех в аргументации автора: обсуждаемая нами дань взыскивалась вовсе не «варягами, “призванными” в Новгород», а наоборот, варягами, которых никто не призывал и которым предстояло быть изгнанными за творимое насилие. Иными словами, известие относится не ко второму, а к первому этапу становления Древнерусского государства.

⁶ www.visitvestfold.com/en/larvik/see-and-do/Attractions/architecture-history/?TLp=1144967 & The-Nesjar-Monument (проверено 16 ноября 2018 г.).

С.З. Чернов*

Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические данные

Аннотация: Статья посвящена изучению истории зарождения города Волока Ламского, содержащейся в «Волоколамском патерике», написанном Досифеем Топорковым, племянником Иосифа Волоцкого, в 1530-х — 1540-х годах. Рассмотрен исторический контекст появления памятника, текст которого исследовался в качестве образца устной традиции; предлагаются аргументы для идентификации мест, упомянутых в «Волоколамском патерике», с археологическими памятниками. «Старый Волок» был отождествлен с пустошью «Елина Городищи», описанной в 1625—1626 гг. и зафиксированной на плане в 1765 г. На этом месте В.Л. Ивченковым обнаружены следы открытого торгового и ремесленного поселения X—XI вв. Таким образом, место первоначального Волока Ламского можно считать установленным, а свидетельство о переносе города Ярославом Мудрым, записанное Досифеем Топорковым, является в основе своем достоверным. Обнаружение на территории Власьевского монастыря следов одного из ранних поселений 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. дает некоторые основания предполагать, что рассказ об основании Ильинского и Крестовоздвиженского монастырей из «Волоколамского патерика», возможно, также отражает историческую реальность.

Ключевые слова: Волок Ламский, Волоколамск, «Волоколамский патерик», Иосиф Волоцкий, Досифей Топорков, Селище Лама-1, Ильинский монастырь на посаде Волока Ламского, Крестовоздвиженский монастырь на посаде Волока Ламского, Власьевский монастырь на посаде Волока Ламского, Варваринский монастырь на посаде Волока Ламского, Печати новгородских князей, Всеволод Мстиславич Новгородский (1117—1136), Ярослав Изяславич Новгородский (1148—1154).

S.Z. Chernov

Old and New Wolok of Lamsky: Historical Topography and Archaeological Data

Abstract: The article is devoted to the study of the story of the birth of the town of Voloк Lamsky, contained in the «Volokolamsky Patericon» written by the nephew of Joseph Volotsky Dosifey Toporkov in the 1530s—1540s. The historical context of the appearance of this work is considered, the text is studied as a sample of

* Чернов Сергей Заремович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГУН Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН). Chernov Sergey Zaremovich, Doctor of Historical Sciences, Research Officer, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

the oral tradition, arguments are proposed for identifying the places mentioned in the story with archaeological monuments.

«Old Wolok» was identified with the wasteland of «Elina Gorodishche», which was described in 1625—1626 and fixed in the plan in 1765. On this spot Victor Ivchenkov traces of an open trade and craft settlement of the 10th-11th centuries were discovered (site Lama-1). Thus, the place of the original Volok Lamsky can be considered established. Therefore, the certificate of the transfer of Yaroslav the Wise, contained in the legend written by Dosiphei Toporkov, is reliable.

As for the traces of early settlements of the second half of the XI — the first half of the XII century on the villages of Volok Lamsky, until only one of them is discovered — on the territory of the Vlasyevsky Monastery. This gives some grounds for assuming that the story of the foundation of the Ilinsky and Krestovozdvizhensky monasteries, which reached us in the «Volokolamsky Patericon», may also reflect a certain historical reality.

Keywords: Wolok of Lamsky, Volokolamsk, Volokolamsky Patericon, Iosif Volotsky, Dositheus Toporkov, Site Lama-1, Ilyinsky monastery, Krestovozdvizhensky monastery, Vlasyevsky monastery, Varvarainsky monastery, Stamps of Novgorod princes, Vsevolod Mstislavich of Novgorod (1117—1136), Yaroslav Iziaslavich of Novgorod (1148—1154).

Археологические исследования 2001—2007 гг. на посаде древнерусской Шерны (Могутовский археологический комплекс в Щелковском р-не Московской обл.) открыли группу усадеб, отличающихся богатством материальной культуры, наличием оружия, импортов и предметов личного благочестия. Комплекс вислых свинцовых печатей, некогда скреплявших грамоты, обнаруженный на одной из этих усадеб, был интерпретирован как следы архива, хранившегося на дворе посадника или наместника [Чернов. 2008б]. Печати, найденные на посаде Шерны, принадлежат новгородским князьям Мстиславу Владимировичу (1088—1094, 1095—1117), Всеволоду Мстиславичу (1117—1132, 1132—28.05.1136), Святославу Ольговичу (19.07.1136—17.04.1138, 25.12.1139 — февраль 1141) и Святославу Ростиславичу (1158—1160, 1161—1168). Эти находки дают основания предполагать, что до перехода под юрисдикцию Суздаля земли, которые позднее образовали северную часть Московского княжества, управлялись из Новгорода. С распространением на эти территории юрисдикции Суздаля старые центры новгородского управления могли получить статус совладения [Чернов. 2003, 2015]. Недавние находки в ходе раскопок в Твери печатей Ростислава Мстиславича (правившего в Новгороде в 1154 и 1157—1158) в Кремле [Хохлов] и Святослава Ростиславича (1158—1160, 1161—1168) в Затьмацком посаде склоняют к мысли, что и на Верхней Волге смена юрисдикций совершалась подобным же образом.

В связи с этим в новом свете предстает ранний (новгородский) этап истории древнего совладения Новгорода и великих владимирских князей — Волока Ламского. Оказывается, что до установления совладения

(вторая — третья четверти XII в.) Волок представлял собой не анклав новгородских владений в Низовской земле, но существенное звено в системе управления значительной территории.

Значение Волока Ламского, как это не раз указывалось в историографии, было связано с функционированием водно-волокового пути с Верхней Волги в бассейн верхнего течения р. Москвы, который осуществлялся посредством волока из р. Ламы в р. Рузу (рис. 1). Изучение структур землевладения Волоцкого околородья показало, что в Ламском стане, вдоль древнего волокового пути, к XIII в. сформировался комплекс княжеских земель от села Порховского до села Рюховского [Чернов. 1998. С. 104—106, рис. 2, 3 на с. 112, 113]. В 2012 г. в 0,7 км к западу от села Порхова, на левом берегу р. Лама были найдены две свинцовые печати, атрибутируемые новгородским князьям (рис. 11).

Печать князя Всеволода Мстиславича (1117—1136) (рис. 11, 1). На лицевой стороне изображение Благовещения с «испуганной Марией». Пропечаталось лишь изображение Архангела с жезлом в руке. На оборотной стороне изображена фигура святого воина в рост с копьем в правой и щитом в левой руке. Изображение окружено ободком. Слева от воина надпись (сверху вниз) «Θεοδο». Аналогична типу № 134 по своду В.Л. Янина. Атрибутируется князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Федоровичу [Янин. 1970. Описание: С. 193; изображение: табл. 13 на с. 261; фотографии — табл. 46 на с. 294; Янин, Гайдуков. 1998. Описание: С. 129; изображение: Табл. 7 на с. 265; фотография: табл. 68 на с. 326, табл. 69 на с. 327].

Печать князя Ярослава Изяславича (1148—1154) (рис. 11, 2). На лицевой стороне изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост, вправо, с крестом в правой руке и со свитком в левой. Слева, позади фигуры Иоанна, — «древо пустыни». Надпись: «ΙΟΑΝ» (вторая и третья литеры читаются неуверенно). На оборотной стороне изображение св. Пантелеймона в полный рост, с сосудом в левой руке, прижатой к груди. Надпись: «Παντλѣи» Аналогична типу № 134 по своду В.Л. Янина. Атрибутируется князю Ярославу — Иоанну Изяславичу-Пантелеймону [Янин, Гайдуков. 1998. Описание: С. 131, 132; изображение: Табл. 7 на с. 265, 150; фотография: табл. 74 на с. 332, 150—10].

Поскольку печати скрепляли грамоты, связанные с поземельными отношениями и судопроизводством, их можно интерпретировать как свидетельства управления Волоком Ламским новгородскими князьями.

«Волок» появляется на страницах летописей при описании первого похода новгородцев на Суздаль, который произошел осенью 1134 г. Как известно, в развернувшейся после смерти Мстислава Владимировича Киевского (14.04.1132) борьбе за Переяславль победу одержал Юрий, получив эту ключевую для Мономашичей область из рук Ярополка

Владимировича в обмен на Суздаль и Ростов (февраль 1134 г.). Изяслав Мстиславич, утративший вначале Переяславль, а затем и Туров, вошел в союз с черниговскими Ольговичами и начал войну со своими дядьями, младшими Мономахичами — Юрием и Андреем.

Новгородская I летопись сообщает: «Того же лѣта ходи Всеволод с новгородци, хотя брата своего посадити в Суждалѣ, и воротишася на Дубнѣ опять (в *Толстовском списке* — «назад»); и на том же пути отъѣша посадничьство у Петрилѣ и даша Иванкови Павловичю. А Изяславъ идее къ Киеву; и раздрася вся земля Русская»¹.

Лаврентьевская летопись так описывает эти события: «В то же лѣт(о) ис Турова иде Изяславъ в Мѣнескъ оттолѣ же иде Новугороду к братьи и сложишася Олговичи (в *Радзивилловском списке и списке Духовной академии* — «со Ольговичи») и с Д(а)в(ы)довичи и всташа вси на рать и иде Мстиславичъ Всеволодъ и Изяславъ на Ростовъ и на Волзѣ воротишася Новгородьци и иде Всеволодъ опять Новугороду. а Изяславъ оста на **Волоцѣ**. На ту же осень оувѣдавъ оже идетъ Ярополкъ съ братьею к Чернигову и иде тамо же»². 30 ноября («на с(в)ят(о)го Андрѣя д(е)нь») 1134 г. Изяслав Мстиславич с братьями Всеволодом и Святополком уже воевали на левом берегу Днепра напротив Киева³. Второй, ставший роковым, поход Всеволода Мстиславича и новгородцев на Суздаль начался 31 декабря 1134 г. и завершился разгромом новгородцев 26 января 1135 г.⁴

Волок Ламский и земли по верхней Волге вплоть до Дубны предстают в процитированных рассказах летописцев как территории, управляемые из Новгорода. Исследователи, специально изучавшие вопрос о границах новгородских и суздальских земель, единодушны во мнении, что эти территории в 1134—1135 гг. принадлежали Новгороду [Куза. 1975. С. 196—199; Кучкин. 1984. С. 76—82].

Рассказ «Волоколамского патерика» об основании Волока Ламского и исторический контекст его написания

В памятниках письменности, возникших в домонгольское время, отсутствуют какие-либо данные о Волоке Ламском до 1134 г. Однако в распоряжении исследователей имеется уникальный рассказ об основании этого города. Он читается в «Волоколамском патерике», автором которого считается Досифей Топорков. Приведем этот текст:

«Волокъ же той бяше изъначала предѣль Великаго Новаграда...

Волокъ же Ламьский — предѣль того града, и подь областью архиепископа того града и до сего времени. Тако древний бяше градъ той. Бѣ

же первые на брезе Ламы-реки, и той нынѣ нарицаетьца “Старый Волокъ”, великаго же князя Владимира, крестившаго всю Рускую землю. По представлении же его великий Ярославъ, сынъ его, проязду творя по градомъ рускимъ, прииде на Старый Волокъ. И прошедь его два поприща, и ста шатры на горѣ близъ рѣчки, иже впаде в Ламу, в полудни починути. И явися ему во снѣ мужъ старъ и показа ему перъстомъ на другой странѣ реки, глаголя: “На семъ мѣстѣ заложи градъ Волокъ и люди приведи оттулева”. И близъ показа гору и глагола ему: “А на сей горѣ постави церковь Воздвижение Честнаго Креста Христова и сотвори монастырь. А на нейже почи ваеши горѣ сотвори церковь во имя святаго пророка Ильи и такоже сотвори монастырь”. Вопросы же его: “Господи, ты кто еси?” Онъ же рече: “Азъ есмь боговидецъ пророкъ Илья”, — и, си рекъ, невидимъ бысть. Възбнувъ же благочестивый великий князь Ярославъ и сотвори вся, елика повелѣ ему святой пророкъ Илья. И градъ сотвори Волокъ, идѣже и донынѣ стоять, и оба монастыря на показанныхъ ему горахъ, и внутрь града соборную церковь Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. И дасть священникомъ и обоимъ монастыремъ во окорѣмление тамгу со всего: и помѣрное, и явку з животины, и пятно; и дасть имъ грамоты вѣчныя, и печати златыя приложи, ихже мы самовидци быхомъ и прочтохомъ. И пребыша до князя Бориса Васильевича лѣтъ мало не съ пятьсотъ. И той взять ихъ, не вѣмъ, с которою мыслию, к себѣ въ казну, а имъ дасть свои грамоты, или паче хотя соблюсти ихъ, но не соблюде: преставлешуся ему, и изгибоша у него в казне, — и погуби память прародителей своихъ»⁵.

Для понимания происхождения приведенного рассказа и оценки его достоверности необходимо рассмотреть его контексты, связанные с историей его появления, устно-исторической спецификой, а также исторической топографией и археологическими реалиями упоминаемых в нем местностей.

Прежде всего, следует напомнить некоторые вехи творчества Досифея Топоркова. Племянник Иосифа Волоцкого (12.11.1439 — 9.09.1515), книгописец и писатель, Досифей оказывается в поле зрения источников в 1485 г., когда он — уже будучи иноком Иосифова монастыря — принимал участие в работе артели Дионисия над росписью только что возведенного белокаменного Успенского собора. Многие годы он провел в Иосифовом монастыре, но еще при жизни Иосифа Волоцкого оставил монастырь «немощи ради, по его благословию, но умом и сердцем повсегда с ним и с сущими его»⁶. В московском Симоновом монастыре он общался с князем-иноком Вассианом Патрикеевым и позднее, на соборе 1531 г., свидетельствовал против него.

Волоколамский патерик был написан им не ранее 1523 г. Рассказывая о Никандре, принявшем мучения за веру во время нашествия Ахмата (1480), Досифей отмечает, что после этого Никандр «пребысть» в Иосифо-Волоцком монастыре «лѣтъ 40 и 3 всякую добродѣтель исправи»⁷. Большинство исследователей на основании косвенных данных относят

работу Досифея над Волоколамским патериком к 1545—1546 гг. [Дмитриева. С. 201—203; Ольшевская. С. 331, 332.]. В тоже время совершенно очевидно, что значительная, если не большая, часть рассказов, вошедших в Волоколамский патерик, была записана значительно ранее. Так рассказ о видении Никиты-мученика поселянину в Успенском соборе Московского Кремля был записан со слов Вассиана — брата Иосифа Волоцкого — до возведения его на Ростовскую кафедру (15.01.1506 г.)⁸. Рассказ о князьях Голениных излагает события, имевшие место в 1490—1493 гг. (смерть братьев Ивана и Семена Голениных), в период, когда после смерти кн. Бориса Васильевича Волоцкого (26.05.1494 г.) их брат Андрей перешел на службу к его сыну кн. Ивану Борисовичу Рузскому († 28.11.1503 г.), принял постриг под именем Арсения и — уже после кончины Иосифа Волоцкого (9.09.1515 г.) — был погребен в Иосифове монастыре (до 1522 г.)⁹.

Поскольку в интересующем нас рассказе о возникновении Волока Ламского прямо говорится о том, что грамоты, хранившиеся в городском соборе, Ильинском и Крестовоздвиженском монастырях «изгибоша» в казне князя Бориса Васильевича Волоцкого после его смерти, очевидно, что Досифей видел эти грамоты до кончины князя, имевшей место 25.05.1494 г., но, скорее всего, после возвращения его дядьев (Иосифа и Вассиана) из Пафнутиева Боровского монастыря на Волок в мае 1479 г.

Крестовоздвиженский монастырь был знаком семье Саниных. Семи лет от роду, то есть около 1446 г., в этот монастырь, в обучение старцу Арсению Леженке, был отдан Иосиф¹⁰. Вблизи Крестовоздвиженского монастыря располагался женский Власьевский монастырь, где после пострижения Иосифа (13.02.1460) на протяжении 30 лет жила его мать (бабушка Досифея) Марина, принявшая там постриг под именем иноки Марии¹¹. Поэтому знакомство любознательного юноши с грамотами Крестовоздвиженского монастыря представляется вполне возможным.

Зная по произведению Досифея о его остром взгляде и стремлении к точности в передаче деталей, следует с вниманием отнестись к его «археологическим» замечаниям: «И дасть свещеникомъ и обоимъ монастыремъ во окоръмение тамгу со всего:¹² и помърное, и явку з животины, и пятно; и дасть имъ грамоты вѣчныя, и печати златыя приложи, ихже мы самовидци быхомъ и прочтохомъ»¹³. Коль скоро кн. Борис Волоцкий выдал собору и монастырям «свои грамоты» взамен забранных, можно полагать, что древние документы представляли собой жалованные грамоты. Приведенный Досифеем перечень свидетельствует о том, что этими грамотами князь жаловал собору и монастырям часть местных торговых пошлин. Подобные пожалования в XIV—XV вв. являлись основным источником материального обеспечения городских соборов и маловотчинных городских монастырей. Так, Богородицкий Крутицкий монастырь, расположенный вблизи московских посадов, был пожалован Иваном II

(1359) четвертой частью коломенской тамги¹⁴. Десятой неделей во владимирской тамге обладал Успенский собор Владимира, а источником доходов собора в Серпухове, учрежденного в 1370-е годы, было «померное», «гостиное» и «всече» [Флоря. 1982. С. 28, 30]. Б.Н. Флоря в специальном исследовании об источниках материального обеспечения Церкви на Руси, рассматривает подобную практику как реликт старой княжеской десятины (торговой и судебной) [Флоря. 1982. С. 26, 27, 31]. Эти соображения дают определенные основания предполагать, что Досифей верно передал содержание весьма ранних грамот, в которых жаловались доходы от торговых пошлин. Употребление слова «тамга», которое, разумеется, не могло содержаться в грамотах домонгольской поры, не должно смущать, поскольку Досифей, внимательно следивший при написании своих сочинений за сохранением контакта с читателем, использует язык своего времени¹⁵. В пользу древности документов, увиденных Досифеем, говорит и характер печатей — возможно, он действительно держал в своих руках древнерусские хрисовулы, хотя утверждать это, конечно, нельзя.

Рассказ «Волоколамского патерика» как фиксация устной традиции

Рассказ Досифея о возникновении Волока нельзя рассматривать без учета понимания закономерностей устной истории и устной традиции. Под «устной историей» сегодня принято понимать воспоминания людей, отражающие период их собственной жизни или их непосредственный исторический опыт, излагаемый в устной форме. «Устная традиция» же хранит исторический опыт какой-либо группы людей, передаваемый из уст в уста и от поколения к поколению. Кроме того, в самостоятельную группу иногда выделяют «расширенные личные воспоминания», занимающие промежуточное положение между указанными понятиями; как правило, к ним относят воспоминания о событиях, произошедших в период жизни родителей ныне живущих старожиллов [Чернов. 2016].

«Волоколамский патерик» содержит образцы всех трех видов устных свидетельств. Первый из них представлен рассказами, записанными от Иосифа и его брата Вассиана, иосифовского старца Никандра, от учеников Иосифа, от Паисия Ярославца, от Ионы, духовника епископа тверского Акакия, от учеников Пафнутия Боровского (1394—1.05.1477) и, даже, от него самого. Среди этих текстов присутствуют рассказы, относящиеся к самой границе 70-летнего горизонта памяти (от периода, когда делались записи — 1480-е — 1510-е гг.). Так, например, записанный от Пафнутия Боровского рассказ о «великом море» 1426/1427 г.,

содержит описания признаков болезни, по которым можно было угадать ее неминуемый исход — типичное свидетельство очевидца. К «расширенным личным воспоминаниям» следует относить рассказы Иосифа Волоцкого о Макарии Калазянском. И, наконец, к устной традиции принадлежат рассказы, которые характеризуются упрощенной схемой повествования, стереотипизацией описаний и наличием четкой (запоминающейся) сюжетной канвы. Таковы записанные от Пафнутия Боровского предания о Иване Калите, одно из которых объясняет его прозвище, а другое передает его вещий сон.

Таким образом, предание об основании Волока Ламского может быть рассмотрено в контексте довольно обширного корпуса свидетельств устной истории и устной традиции, которые оказались в поле зрения Досифея Топоркова на Волоке в конце 1470-х — 1500-х годах. Но даже в данном контексте это предание, повествующее о событиях, отстоявших почти на 500 лет¹⁶ от момента его фиксации, кажется удивительным. Тем не менее, в инструментарии устной истории имеется ряд приемов, которые позволяют дать ему некоторые экспертные оценки.

Следует прежде всего отметить, что Досифей — вопреки своего обычая — не говорит от кого им было записано это предание. Тем не менее читатель можем догадываться, что рассказ о судьбе грамот в казне князя Бориса Волоцкого скорее всего стал известен ему от иноков Крестовоздвиженского и (или) Ильинского монастырей. Возможно, именно от них и было записано предание. На это указывает ряд признаков. Во-первых канва рассказа несет черты классического церковного предания об основании монастыря. Во-вторых ядро предания образует сюжет видения князю пророка Ильи, что несет назидательный смысл.

Предание, впрочем, несет в себе и совершенно иные коннотации. Оно построено на вполне бытовом наблюдении. Дело в том, что крепость Волоколамска, Ильинский и Крестовоздвиженский монастыри расположены на трех горах, лежащих напротив друг друга, так что из каждой точки можно увидеть другую (рис. 2). Таким образом это типичное предания, построенное на пространственном соотношении объектов, хорошо известных горожанам. Опыт работы устных историков показывает, что четырехсотлетний хронологический рубеж способны преодолеть только те предания, которые связаны с топонимами, известными непрерывно проживающему на данной территории населению [Чернов. 2014. С. 8—17].

Приведенные наблюдения показывают, что рассказ, записанный Досифеем Топорковым, являлся элементом устной традиции Волоколамска конца XV в. Однако это вовсе не значит, что содержащиеся в нем сведения не соответствуют исторической реальности. Для того, чтобы приблизиться к ответу на последний вопрос следует обратиться к археологическим источникам.

Историко-топографический и археологический комментарий

Старый волок. А.А. Зимин, анализируя рассказ Досифея Топоркова о возникновении Волока Ламского, предположил, что место первоначального Волока Ламского нужно искать в районе позднейшего села Староволоцкого [Зимин, 1961. С. 99]. Село это упоминается в 1506 г. как владение Волоцкого князя Фёдора Борисовича [«А оу города даю своеи кн(я)г(и)ни село Староволоцкое и з деревнями» — ДДГ. № 98. С. 407] и являлось центром Староволоцкого стана [о границах стана: Чернов, 1998. С. 73—99] (рис. 3). Место села до недавнего времени не было установлено. Поэтому путь локализации древнего города, предложенный А.А. Зиминим, не было возможности использовать. Кроме того исследователь не обратил внимание на то, что Досифей Топорков, живший в период, когда село существовало, обозначил в качестве места старого города вовсе не его, а урочище Старый Волок.

Место урочища Старый Волок до последнего времени также не было установлено по письменным свидетельствам. И это обстоятельство препятствовало усилиям по надежной идентификации данных поселений с археологическими памятниками.

Между тем в нашем распоряжении имеется другое свидетельство, которое вернее ведет нас к локализации места древнего города. Предание, записанное Досифеем, гласит, что урочище Старый Волок располагалось в двух поприщах (верстах) от города, на берегу реки Ламы.

Историческая информация, потенциально заложенная в этом местном припоминании, стала доступной после того, как были установлены границы Староволоцкого стана [1998. С. 73—99]. Этот стан начинался от городских земель и распространялся на северо-запад, вниз по течению реки Ламы, расширяясь в виде сектора (доли) (рис. 3). Необходимо подчеркнуть, что ближайшие к городу земли этого стана в середине XVIII в. образовывали обширную земельную дачу села Ивановского. В период проведения Генерального межевания (1766) это владение охватывало 2694 или 2730 десятин земли [Чернов, 1998. С. 344, 345, 357 — № 12; С. 390, 396 — № 12] и занимало оба берега реки Ламы к северу от впадения в нее речки Городянки. Наиболее раннее изображение этой земельной дачи на генеральном плане содержится на Плане Староволоцкого стана, составленном в 1771 г. (рис. 4). Таким образом, если верны указания, что Старый волок располагался в 2 верстах от Волоколамска и на берегу р. Ламы, то его следовало искать в пределах земельной дачи села Ивановского (рис. 3).

В дальнейшем вопрос о локализации села Староволоцкого и урочища Старый волок был существенно продвинут вперед Е.Н. Мачульским. Исследователь обратил внимание на то, что в писцовых книгах

Волоколамского уезда 1626—1627 гг. среди 16 пустошей, тянувших к селу Ивановскому, упоминаются пустоши Староволочьа (93 десятины) и Елина Городищи тож (9 десятин), названия которых указывали, соответственно, на село Староволоцкое и Старый Волок.

Особенно важной находкой Мачульского стали три межевые описания периода Генерального межевания, которые разграничивали пустоши, расположенные в пределах земельной дачи села Ивановского, на правом (восточном) берегу реки Ламы.

- 3 августа 1765 г. пустошь Горки была отмежевана от земель д. Щекино и пустоши Староволочьа (1 межа).
- 5 августа того же года пустошь Староволочьа была отмежевана от земель д. Щекиной и пустоши Елиной (2 межа).
- 6 августа земли д. Щекиной были отмежеваны от пустоши Елиной (3 межа), а пустошь Староволочьа — от пустоши Тишево (4 межа) [Мачульский. 2011. С. 104—108].

В связи с тем, что соответствующие описаниям планы не известны, единственным методом, который позволил бы локализовать их, являлось вычеркивание трассировок межей на основании текстового описания. Наличие точных горизонтальных замеров в саженях и указания на направления в градусах от направления на север (норд) и юг (зюйд) сделало вычеркивание возможным (рис. 5).

Значительно сложнее оказалось привязать вычерченные трассировки к современной карте масштаба 1:25000. Ориентиром для локализации служит река Лама, у берегов которой завершается 2-я и 3-я межи и начинается 4-я, и д. Щекина, располагавшаяся тогда на правом берегу реки Ламы к востоку от села Ивановского. Северо-восточной границей пустоши Староволочьа являлась зафиксированная на уездном плане Генерального межевания внешняя граница земельной дачи села Ивановского с пустошью Возницыной [Чернов, 1998. С. 390, 397 — № 58]. У южного окончания этой границы завершается 1-я межа, а у северной — завершается 4-я межа (рис. 6).

Ключевым элементом топографии интересующей нас территории является безымянный ручей, который отделял в 1765 г. земли д. Щекиной (на юге) от пустоши Староволочьа (на севере). Этот ручей идентифицируется с ручьем, который впадает в настоящее время в р. Ламу в 1,5 км к северу от впадения речки Городянки и в 0,9 км к северу-северо-востоку от церкви с. Ивановского (рис. 6).

В верхнем течении на протяжении 365 и 100 сажен ручей отделял пустошь Староволочьа от земель д. Горки (межа 1). Ниже на пространстве в 260 и 130 саженей пустошь Староволочьа соприкасалась с землями д. Щекиной. На этом участке межа пересекала большую Тверскую дорогу, которая локализуется в 150 м к западу от перехода через ручей

шоссе Волоколамск — Микулино. И, наконец, в самом низовье ручья, на пространстве в 90 сажений или 191,7 м к землям п. Староволочьей с юга примыкала пустошь Елина.

Непростой задачей оказалось локализовать юго-восточную (напольную) границу пустоши Елиной (3-я межа). Она начиналась от ручья в 90 саженьях от его впадения в Ламу и пролегла на юг-юго-запад (25 градусов «от зюйда к весту») до реки Ламы. В тексте описания имеется описка. Первый участок межи определен в 230 сажений, второй — в 155 сажений, а сумма определена в 195 сажений. Вынос межи на современную геоподоснову показал, что верными являются суммарные данные. Далее межа пролегла на запад вдоль реки Ламы, отделяя на пространстве в 118 сажений пустошь Елину от земель села Ивановского, расположенного за рекой (рис. 5, 6).

В результате проведенной локализации межевых описаний 1765 г. было установлено, что пустошь Елина Городище тож располагалась на правом (восточном) берегу реки Ламы в 300 м к северо-востоку от церкви села Ивановского. Пустошь охватывала высокий коренной берег реки Ламы на пространстве в 600 м вплоть до впадения безымянного ручья в Ламу. В глубину от реки Ламы на восток земли пустоши распространялись на 191,7 м на севере (вдоль ручья) и на 450 м — на юге. В настоящее время пятиэтажная застройка фабрики Волоколамский текстиль вплотную подступила к напольной границе пустоши с юго-востока, причем д. 21 по ул. Свободы своим северным торцом пересек эту границу.

Проведенная локализация показала, что селище Лама-1, обнаруженное в 1990 г. В.Л. Ивченковым на мысу при впадении безымянного ручья в р. Ламу и интерпретированное им на основании находок XI в. как следы первоначального Волоколамска [Ивченков. 1990, 2011. С. 38, 43, 44, 51, 57—61, 64, 68, 70, 73, 75], действительно может быть идентифицировано с урочищем Старый Волок, который местное предание в начале XVI века связывало с первоначальным Волоком Ламским эпохи Ярослава Мудрого. Что касается села Староволоцкое, то его следы сохранились, по всей видимости, к северо-востоку от впадения безымянного ручья в р. Ламу.

Селище имеет размеры не менее 70—40 м и возвышается над р. Ламой на 17 м (рис. 7, 8). По данным исследований 1990 и 1994 гг. культурный слой памятника состоит из двух слоев. Нижний слой относится к дьяковскому времени, а верхний — к XI—XII вв. [Ивченков. 2011. С. 22, 23: фотографии находок на с. 25—34]. На вскрытой площади памятника (200 кв. м) обнаружено три очага (печь-каменка) и 4 хозяйственные ямы. Встречено до 500 фрагментов лепной и раннекруговой керамики X — первой половины XII вв. (рис. 9). Вещевой материал верхнего слоя содержит каменные оселки, кремневое скребло, рыболовное грузило из

белого известняка, ключ, ножи, серп, бронзовый пластинчатый браслет, бронзовую проволоку и золотостеклянную боченовидную бусину, которая датируется XI — серединой XII в. [Захаров, Кузина. 2008. С. 197].

Селище Лама-1 — уникальный памятник археологии, требующий дальнейшего исследования, которое позволит выявить постройки, содержащие закрытые комплексы находок и керамики, имеющие радиоуглеродные датировки. Это прольет свет на целый ряд вопросов, связанных с направлением торговых связей и взаимодействием традиций (домостроительной, керамической) автохтонного населения и переселенцев из новгородских земель.

Однако уже теперь совершенно очевидно, что предание, записанное Досифеем Топорковым, отражает историческую реальность. В урочище Старый Волок, которое предание трактует как место первоначального Волочка Ламского, обнаружено открытое торгово-ремесленное поселение, которое уверенно датируется XI в., а, вероятно, и более ранним временем.

Волок Ламский: монастыри на посаде. Волоцкие монастыри зафиксированы в многочисленных источниках, среди которых можно выделить акты Иосифо-Волоцкого монастыря, писцовые книги и книги Патриаршего казенного приказа XVII в. Важным источником для локализации волоцких монастырей и церквей, в том числе не восстановленных после смуты, являются материалы Генерального межевания. Как показал их анализ, работы по интересующим нас монастырским и церковным землям были проведены еще до начала екатерининского межевания, в период правления императрицы Елизаветы Петровны, в 1756 г., и отразились в виде планов земельных дач, генерального плана уезда [Чернов. 1998. С. 33, 355, 356] и плана города 1766 г. (рис. 12).

Ильинский мужской монастырь располагался к 200 м северу от городища (крепости) Волоколамска, на противоположном правом берегу р. Городни, на высоте 21 м над уровнем реки (рис. 13). Монастырь упоминается в написанной около 1528 г. духовной грамоте Василия Ускова Петрова сына Есипова, владевшего селом Ярополчь Староволоцкого стана. Перечисляя вклады в монастыри, Василий Есипов после упоминания святой Варвары «на Волоце в городе» (см. ниже) пишет: «да к Ильие святому три ж рубли»¹⁷. Замечательное известие, свидетельствующее о том, что монастырь был особножительным, содержится в данной грамоте 1576/1579 г. «Ильинского монастыря старец Пахнутей» дал Иосифо-Волоцкому монастырю «на Волоке на Ламском в Ыльньском в монастыре келью да повалуша, а меж повалуши и кельи сени, да на зади крыльцо глухая, да на дворце погреб, а напогребица дащатая, и с агородам». Особенно интересна фраза, завершающая распоряжения

Пахнутия: «а после моего живота...да тое кельи нет дела роду моему и племяни никаму ни в чем»¹⁸. Таким образом, видно, что кельи в Ильинском монастыре находились в собственности иноков и после их кончины ими могли распорядиться родственники.

После смутного времени Ильинский монастырь представлял собой печальное зрелище. В писцовой книге 1625/1626 г. о нем говорится так: «на Волокѣ, на посадѣ, Ильинской монастырь, и въ немъ церковь Ильи пророка; в кельѣ черной попѣ Александра». В 1674 г. Ильинский монастырь был обращен в приходскую церковь, которая упоминается вплоть до 1715 г.¹⁹ В период проведения Генерального межевания (1756 г.) к северу от крепости, на противоположной от нее стороне речки Городянки, показана «писцовая церковная земля церкви Живоначальныя Троицы» [Чернов. 1998. С. 355, Н]. Вместо этой ветхой церкви в первой половине XVIII мещане и купцы Волоколамска построили деревянный храм во имя Троицы Живоначальной с приделом пророка Илии. На плане 1766 г. показаны две деревянные церкви (рис. 12). В 1764—1767 гг. по благословению епископа Переяславского Сильвестра возвели рядом каменную зимнюю церковь во имя Всех Святых. В конце XVIII века, по благословению Митрополита Московского и Калужского Платона (Левшина), на средства московского купца Алексея Ивановича Кушашникова, началось строительство нового трехпрестольного каменного храма. Придельные церкви в трапезе во имя святого пророка Илии (левый) и Казанской иконы Божией Матери (правый) освятили в 1799 году. Главный Троицкий храм закончили постройкой и освятили в 1804 году. В настоящее время от него сохранился только остов (рис. 13).

Варваринский женский монастырь располагался к западу от крепости Волоколамска, на левом высоком берегу р. Городни, на краю посада (рис. 12). Как говорится в Волоколамском патерике «в том граде монастырь есть девический, церковь же в немъ святая и великия мученици Варвары». В этом монастыре приняла постриг жена иосифовского инокка Бориса Обобурова, ранее дьяка кн. Бориса Волоцкого. Ее немая дочь обрела дар речи в храме Варваринского монастыря когда внимала «Покаянию», которое читал ей «игумен святаго Покрова»²⁰. Из этого рассказа видно, что в непосредственной близости от женского Варваринского монастыря располагался *мужской Покровский монастырь*.

В 1541/1542 г. «варваринская старица Аграфена Григорьева жена Мижуева», происходившая из рода землевладельцев Староволоцкого стана, дала крупный вклад в Иосифо-Волоцкий монастырь по своей дочери Анне. Анна была выдана за Матвея Лыкова, который был воеводой в северском городе Радогощ и погиб в 1535 г. во время обороны города от литовских войск. Анна была пленена и к 1541/1542 г. считалась умершей²¹. В 1546/1547 г. «старица Волоцкого Варваринского мо-

настыря Марфа Пирогова дочь Григория Оладьина сына Плохова продала К.А. Ордыну Нащокину д. Загорьев в Рахове стане²². В написанной в 1571/1572 г. духовной грамоте вотчинника Льяниковского стана Елизара Игнатьева сына Бровцына последний просил вернуть у попа Варваринского монастыря Ивана заложенные «у Ворвары великой... в монастыре на Волоце» восемь образов с гривнами и другое узорочье²³. В 1572/1573 г. Иван Крестьянинов из боярского рода Полевых, землевладельцев Сестринского стана, завещал передать 5 рублей «к Ворваре великой в монастырь на Волоке на Ламском на посаде»²⁴. В своей духовной грамоте 1579/1580 г. владелец обширной вотчины Бибиковых в с. Добром на р. Лби в Издетемльском стане Елизар (Елисей) Васильевич дал «к Варваре Христове святой два рубли»²⁵.

Монастырь не был разорен в смутное время. В 1625/1626 г. в нем упоминаются деревянная клетцкая церковь Успения Пресвятыя Богородицы и «церковь христовы мученицы Варвары древяна же ветха, завалилась». В нем проживало тогда 18 стариц в 8 кельях и «игуменья Варсанофия Егубова»²⁶. В 1695 г. по инициативе царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной был возведен каменный Успенский собор монастыря, сохранившийся до наших дней. На месте Покровского монастыря сохранялась деревянная Покровская церковь — она упоминается в 1653, 1676 гг., а в 1720 г. была построена заново²⁷. Эта ситуация зафиксирована на плане города 1766 г., составленном до его перепланировки (каменный храм показан под № 5, а деревянный Покровский под № 6 — рис. 12). После упразднения Варваринского монастыря в 1764 г. главный престол каменного храма был освящен в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Отдельно пристроенный южный придел посвятили Успению Пресвятой Богородицы. В трапезной были освящены приделы: северный — святого мученика Уара, южный — великомученицы Святой Варвары. Покровский храм — единственный в Волоколамске — продолжал служить в советский период и хорошо сохранился²⁸.

Крестовоздвиженский мужской монастырь, где проходил обучение Иосиф Волоцкий с 1446 г., располагался в 400 м к юго-востоку от крепости Волоколамска, на левом берегу р. Городни, в конце высокой и узкой гряды, вдоль которой ныне пролегает ул. Соборная. (рис. 2). Археологическими исследованиями на гряде зафиксирован культурный слой городского посада XIII—XV вв. Для возведения монастыря был избран мыс, ограниченный на севере склоном к р. Городне, на юге — склоном к ручью, а на востоке — поймой речки Весовки, которая впадает в Городню в 150 м к востоку. Мыс отделен от основной части гряды оврагами и возвышается над рекой на 20 м (рис. 14).

После смутного времени, в 1625/1626 г., в монастыре упоминается «церковь Воздвиженія честнаго Креста Господня, у церкви во дворѣ

поп Оедор Васильев»²⁹. В первой половине XVII в. монастырь был упразднен и обращен в приходскую церковь. В период Генерального межевания (1756) здесь располагалась церковная земля «Воздвиженского монастыря, что ныне приходская церковь» [Чернов. 1998. С. 356, Р]. На плане города 1766 г. она показана еще деревянной (рис. 12). В 1776 г. на ее месте (?) по храмоздатной грамоте 1765 г. (?) была возведена ныне существующая каменная Крестовоздвиженская церковь³⁰.

Власьевский женский монастырь, в котором постриглась и провела 30 лет мать Иосифа Волоцкого Марина (инока Мария), располагался на левом берегу речки Весовки, в 200 м к югу от Крестовоздвиженского монастыря и в 400 м к западу Возмищского подгородного монастыря, на возвышенности округлой формы, в 8 м над уровнем речки (рис. 2, 15). Судя по наложению показанных на плане 1766 г. границ церковной земли (рис. 12) на современную геоподоснову, монастырь включал большую часть возвышенности.

В смутное время он был razoren и к 1637/1638 г. представлял собой церковную землю «Власьевского монастыря», которая сдавалась посадским людям. («с огородца» выплачивался оброк)³¹. В 1693—1696 гг. на церковной земле, на месте могилы Марьи, был возведен каменных храм Петра и Павла, сохранившийся до нашего времени³². После возобновления Власьевского монастыря, согласно ведомости 1734 года, в нем находились «церковь каменная..., колокольня и Святые ворота каменные, ограда и кельи деревянные». В монастыре проживало 5 монахинь с наместницей³³. Около 1764 г. церковь была обращена в приходскую.

Как можно видеть из вышеизложенного, на каждом из трех посадов Волока Ламского существовали мужская и женская обители, где подвизались как жители посада, так и члены семей волоцких служилых людей, владевших вотчинами в округе.

К сожалению, археологическое изучение города только начинается, поэтому мы не имеем возможности установить, когда возникли эти монастыри и поселения на их месте.

Первый опыт систематических археологических раскопок связан с Власьевским монастырем, где в 2017 г. было заложено 7 шурфов на общей площади 38,5 кв.м³⁴. Раскопки показали, что храм Петра и Павла был возведен на месте кладбища XVI в. Обнаружено 5 белокаменных плиточных надгробий, три из которых несли орнамент в виде мелкого «волчьего зуба», датируемого концом XV — первой половиной XVI в.

Шурф 7, заложенный у подножья холма (рис. 15) выявил культурный слой раннего поселения (50 фрагментов керамики). Ранняя группа керамики включает лепную (10%), раннекруговую (40%) и курганную посуду из белой глины (50%) — типы, которые сосуществовали в пределах последней четверти XI в. — первой половины XII в. Шурф 1, за-

ложенный в апсиде церкви Петра и Павла (10,5 кв. м) дал коллекцию керамики тех же типов (80 фрагментов). Соотношение лепной и ранне-круговой составило 20% и 80%. Таким образом холм, на котором возник Власьевский монастырь, был заселен в период новгородского княжения Мстислава Великого (1086—1095, 1096—1117 гг.).

В шурфе 1, в слое засыпки, который происходил из фундаментных рвов 1693 г., была найдена лицевая створка бронзового энколпиона (80 × 48 мм) (рис. 16). Створка несет изображение Христа на кресте с выделением широкой поперечной перекладины крестного дерева и широкой верхней перекладины. Христос изображен с прямым торсом, прямыми руками и ногами и чуть склоненной головой. На верхней перекладине креста читается «IC XC». По типологии Г.Ф. Корзухиной — А.А. Песковой крест принадлежит к группе энколпионов с высоким рельефом типа 1 с изображением Распятия (лицевая створка) и Богородицы (оборотная створка) с поднятыми руками и повернутой влево (Агиосоритисса). Аналогии Петропавловскому кресту происходят из Южной Руси (Княжая гора и Сахновка Каневского уезда, Василев, Вышгород), Новгорода, Ростова Великого, а также из археологических раскопок в Друцке и Торопце, где они по сопровождающим находкам датируются XIII веком (Корзухина, Пескова. 2003. С. 97—101). Иконография Богородицы — Агиосоритиссы (Заступницы) появляется в искусстве Византии в годы правления императора Мануила I Комнина (1143—1180). Каменная иконка с изображением Богоматери-Агиосоритиссы была найдена на Шепетовском городище (древнем Изяславле) в ходе раскопок М.К. Каргера и была датирована рубежом XII—XIII в., что отражает начало распространения этой иконографии на Руси (Корзухина, Пескова. 2003. С. 98). Присутствие раннего креста в культурном слое или одном из погребений, свидетельствует о том, что церковная жизнь на этом месте началась не позднее XIII—XIV вв.

Подводя итог, нельзя не отметить, что наши представления о формировании Волока Ламского как города крайне ограничены. Тем не менее, сегодня можно констатировать несколько моментов, которые существенно продвигают вперед наши знания в этом направлении.

«Старый Волок» — урочище, с которым предание связывало первоначальное место города, надежно локализовано. Это урочище идентифицировано с пустошью Елина Городищи тож (9 десятин), которая была описана в писцовой книге 1625—1626 гг. и отмежевана в 1765 г. Здесь, на левом берегу р. Ламы, в 300 м к северо-востоку от церкви с. Ивановского и в 1,3 к северу от впадения р. Городни в р. Ламу В.Л. Ивченковым были обнаружены следы открытого торгово-ремесленного поселения X—XI вв. (селище Лама-1). Таким образом, место

первоначального Волока Ламского можно считать установленным. Следовательно содержащееся в предании, записанном Досифеем Топорковым, свидетельство о переносе города Ярославом Мудрым является в основе своем достоверным.

Что касается следов ранних поселений второй половины XI — первой половины XII в. на посадах Волока Ламского, то пока обнаружено лишь одно из них — на территории Власьевского монастыря. Это дает некоторые основания предполагать, что рассказ об основании Ильинского и Крестовоздвиженского монастырей, дошедший до нас в «Волоколамском патерике», возможно, также отражает определенную историческую реальность.

Литература

- Дмитриева Л.П.* Досифей Топорков (Вощечников) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л.: Наука, 1988. ДДГ — духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., Л.: Изд. Академии наук СССР, 1950.
- Древнерусские патерики. Киево-Печерский Патерик. Волоколамский патерик /* Изд. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука, 2008.
- Зимин А.А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV веках // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 97—116.
- Ивченков В.Л.* Отчет об археологических исследованиях на территории Волоколамского района в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р—1. Д.
- Ивченков В.Л.* Волок Ламский в XI—XVI вв. М., 2011.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003. С. 97—101.
- Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984. 332 с.
- Кучкин В.А.* Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 50—82.
- Мачульский Е.Н.* О локализации Старого Волока: новые материалы // Древняя Русь. 2011. № 4. С. 102—108.
- Назаренко А.В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2.
- Ольшевская Л.А.* История создания Волоколамского патерика, описание его редакций и списков // Древнерусские патерики. М.:Наука, 1999. С. 316—350.
- Хохлов А.Н.* Новые находки вислых свинцовых печатей в Твери http://www.archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=319&zid=9
- Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Чернов С.З.* Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опы-

- ты интерпретации Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2003. № 2 (12). С. 5—33; № 3 (13). С. 5—21.
- Чернов С.З.* 2008а. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф и его обитель. Материалы научно-практической конференции посвященной пятилетию обретения мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М.: Северный паломник, 2008. С. 269—314.
- Чернов С.З.* 2008б. Сфрагистический комплекс 1088—1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 407—410.
- Чернов С.З.* Рассказы «Жития Сергия Радонежского» о его отрочестве и юности в контекстах устной истории // Преподобный Сергий, «родом ростовец...»: материалы конференции / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Ростов, 2014. С. 7—42
- Чернов С.З.* Печать Святослава Ольговича из Могутова (городок Шерна) 2013 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 116—121.
- Чернов С.З.* Вознесеньев день: устная традиция в свете устной истории. Комментарий к «Бабушкиным рассказам» Н.И. Никитина // Грани русского средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 330—398.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998.

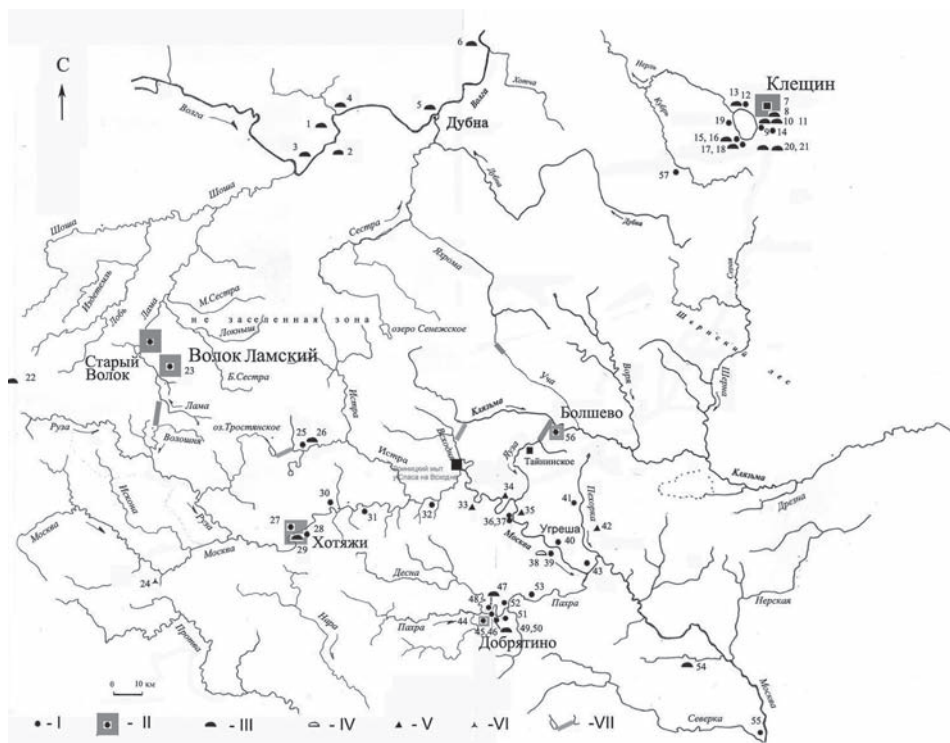

Рис. 1. Западная часть Волго-Окского междуречья в IX—XI в. Схема расположения памятников археологии. I — открытые поселения с лепной и раннекруговой керамикой; II — центры торгово-ремесленной деятельности с дружинными древностями; III — курганные могильники с ингумациями XI в.; IV — курганные могильники с кремациями; V — клады куфических монет IX—X в. и западноевропейских монет X—XI вв.; VI — местонахождения; VII — волокна на водно-волоковых путях;

Памятники Конаковского (1—4) и Кимрского (5—6) районов Тверской области: 1 — курганный могильник Глиники (погребение с дирхемами 823, 908—997 гг. в курганах 8, 15, 17, 31 и денариями 1038—1057 гг. в курганах 10, 22); 2 — курганный могильник Заборье (погребение с денарием 1027—1054 гг. в кургане 22); 3 — курганный могильник Загорье (погребение с дирхемами 914—943 гг. в кургане 24 и денариями 1027—1086 гг. в курганах 15, 18); 4 — курганный могильник Устье (погребение с дирхемами 914—943 гг. в кургане 3 и денариями 1027—1068 гг. в курганах 7 и 13); 5 — курганный могильник Пекуново-2 (погребения с дирхемами 914—985 гг. из курганов 12, 40, 51, подражаниями дирхемам из кургана 32 и денариями пер. пол. X в., 983—1076 гг. из курганов 5, 6, 11, 18, 19, 21, 26, 43, 63, 66 и курганов 1, 4, 8, 15 нумерации 1972 г.); 5а — Пекуновское селище (40% лепной керамики, золотостеклянные бусы); 6 — курганный могильник Плешково (погребения с дирхемами 917—997 гг. из курганов I—2, I—26, I—29 и денариями 947—1090 гг. из курганов I—7, II—2, II—3, I—2, I—10, I—12, I—16, I—17, I—20).

Памятники Переславского района Ярославской области: 7 — Александрова гора, городище (2-й слой X—XI вв. — монеты 858, 960 гг.); 7б — селище 1 у с. Городище (посад города Клещина). Поселение X—XI вв. площадью 13 га (50% лепной керамики, кресты с эмалью, пломбы, фрагмент подвеска со знаком князя Владимира Святославича или Ярослава Мудрого) (Н.А. Макаров. Исследования 2014—2015 гг.); 8 — курганный могильник Городище-5 (237 курганов, в том числе XI в.);

9 — селище Слуда-1 и 5; 10 — могильник Городище-7 (627 курганов: 123 кремации и 504 ингумации, в том числе XI в.); 11 — курганный могильник Городище-1 (202 кургана, в том числе с денариями 936—961, 978—1016 и 1057—1058 гг.); 12 — Криушкино, поселения 1, 2, селища 1, 2; 13 — Криушкино, курганный могильник 5 (100 курганов, в том числе погребения с денариями); 14 — Борисоглебская слобода, селище, 15 — Веськово, селище 1 (Ботик); 16 — Веськово, курганный могильник 1 (412 курганов: 243 кремации, 168 ингумаций, в том числе XI в.); 17 — Веськово, селище 2; 18 — Веськово, курганный могильник 2; 19 — Соломидино, поселение 1; 20 — Брембола, курганный могильник Князьи Могилы (ингумации с денариями 915—970-х гг. и монетой Константина Багрянородного 912—939 гг., кремация с подвеской из монеты Оттона I); 21 — Брембола, курганный могильник Круглицы (97 курганов: 53 кремации, 44 ингумации, в том числе погребение с дирхемами 905—915 гг.);

Памятники запада Московской области: 22 — курганный могильник Елизарово (Шаховской район) (погребение с денариями 1020—1086 гг. в кургане 26); 23 — селище Лама-1 («Старый Волок» — первоначальный Волоколамск); 24 — местонахождение украшений XI в. на посаде г. Можайска; 25, 26 — селище и курганный могильник Шейки (Истринский район) (погребения с денариями 1024—1086 гг. в курганах 36, 72, 76);

Памятники Одинцовского района Московской области: 27 — селище Хотяжи 1 (левобережное) дирхемы 906/907 и 939/940 из раскопа 2009 г. Н.А. Кренке; 28 — селище Хотяжи 2 (правобережное) денарий 1059—1071 гг, подражание дирхему 914—943 гг.); 29 — курганный могильник Хотяжи (Мышкино) (кремации и ингумации); 30 — селище Саввинская слобода-2 (жилище 3 кон. IX—X вв. (радиоуглеродная дата ок. 775—963 гг.) с салтовским перстнем, боченковидной весовой гирькой, привеской из клыка медведя; 31 — селище Поречье-2; 32 — селище Жуковское;

Памятники г. Москвы: 33 — находки дирхемов 753—775, 790, 806—808 гг. на городище Кунцевское; 34 — находки дирхемов 862 и 866 гг. на месте храма Христа Спасителя; 35 — находка обломка дирхема у Симонова монастыря; 36 — селище Даниловское-1 (в Свято-Даниловом монастыре); 37 — селище Даниловское-2 (в Даниловской слободе);

Памятники Московской области: 38 — большой Беседский курган; 39 — селище Беседы (Ленинский район); 40 — селище на территории Николо-Угрешского монастыря (г. Дзержинский); 41 — селище Акатово-2 (Балашинский район); 42 — Коренево (Раменский район), клад дирхемов IX—X вв. 43 — селище Заозерье-2 (Раменский район), находка брактеата дирхема;

Памятники Подольского района Московской области: 44 — селище Добрятино-1; 45 — селище Жданово-1; 46 — селище Стрелково-1; 47 — курганный могильник Стрелково (из 13 курганов один с кремацией); 48 — селище Стрелково-2; 49 — селище Покров-5; 50 — курганный могильник Покров; 51 — поселение на городище Щербинском; 52 — селище Макарово-1; 53 — селища Новое Съяново-3.

Памятники Московской области: 54 — курганный могильник Давыдово на р. Отре (Раменский район) (денарий 1068—1090 гг. в насыпи 7-ми метрового кургана); 55 — селище Северское (Коломенский район); 56 — селище Болшево-3 (г. Королев); 56а — дирхем 862/863 г., найденный на поле д. Бурково в 2014 г.

Памятник Александровского района Владимирской области: 57 — городище «Золотая чаша» у д. Ям близ летописной Ждан-горы.

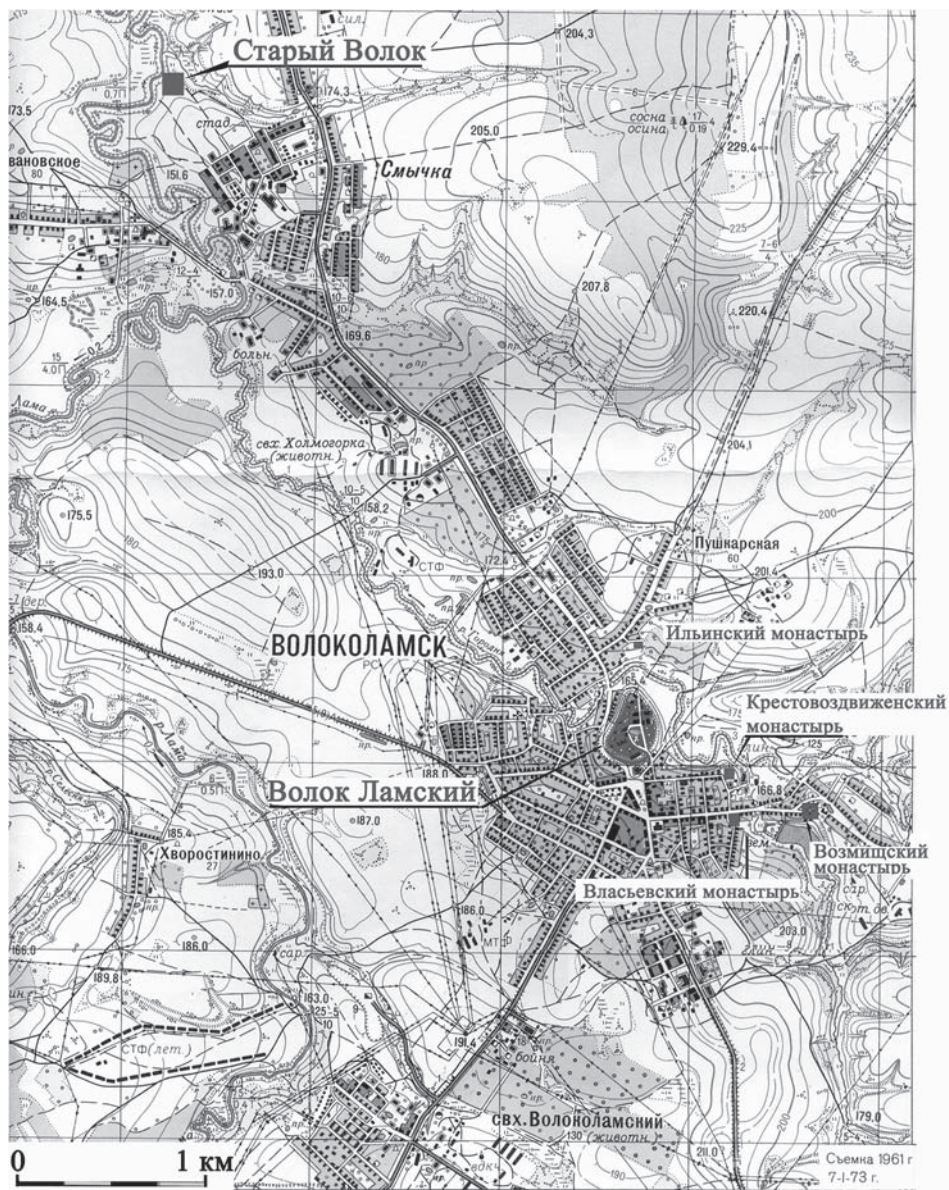

Рис. 2. Локализация Старого Волока и монастырей на посаде Волока Ламского. Основа — карта ГУГК съемки 1961 г.

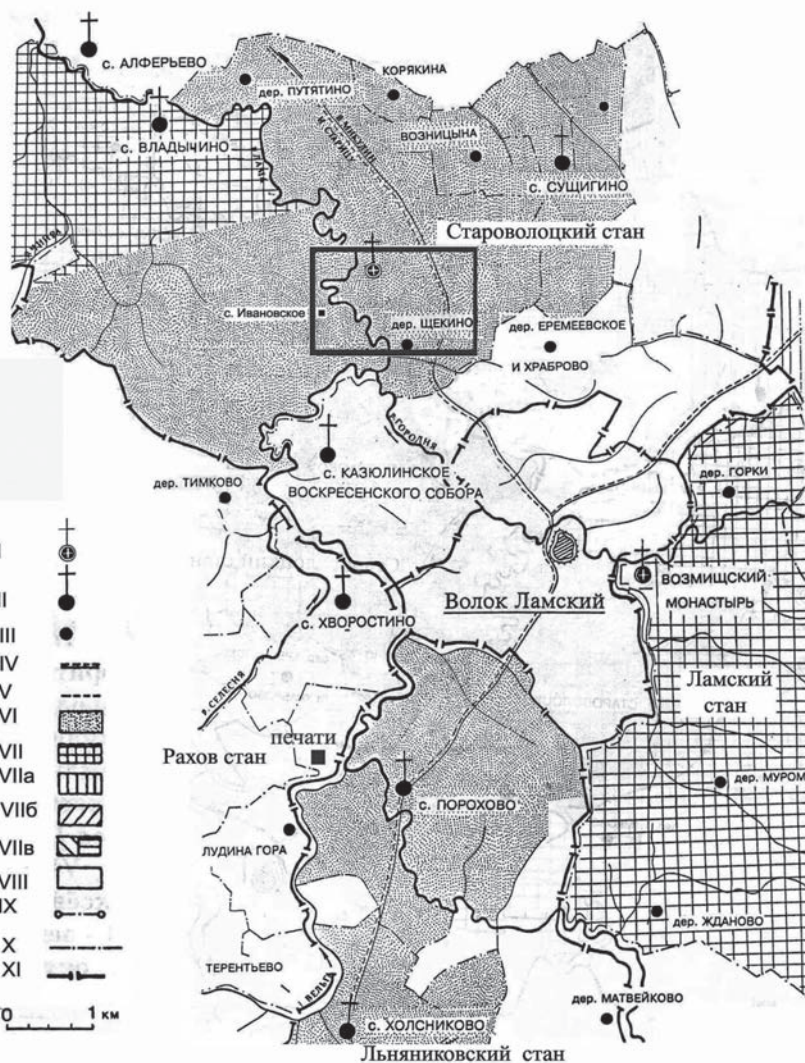

Рис. 3. Округа Волока Ламского в конце XV — начале XVI в. (территории Староволоцкого, Ламского, Льяныиковского и Рахова станов примыкающие к городу) I — центр стана; II — село с церковью; III — деревня; IV — дороги в Москву, в Микулин и Старицу, в Рузу и Можайск; V — прочие дороги; VI — княжеские вотчинные земли; VII — земли Новгородского Юрьева монастыря (с. Чернецкое), Возмищского монастыря (примерная реконструкция), Новгородского владыки (с. Владычино — ?) и Алексея Посадничка; VIIa — земли Полевых (с. Овдотьино) и Карамышевых (с. Рождествено); VIIб — земли Марининых (купля) в Рахове стане; VIIв, г — земли Кожуховых (д. Аксеновская и др.) и Ф.А. Ржевского проданная Оладье Клементьеву (д. Козино и др.); VIII — земли, владельческая принадлежность которых не ясна; IX — границы владений, описанные в грамотах; X — прочие границы; XI — границы станов. Прямоугольником выделена зона локализации урочища Старый Волок.

Рис. 4. Земельная дача села Ивановского на Плана Староволоцкого стана 1771 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2232)

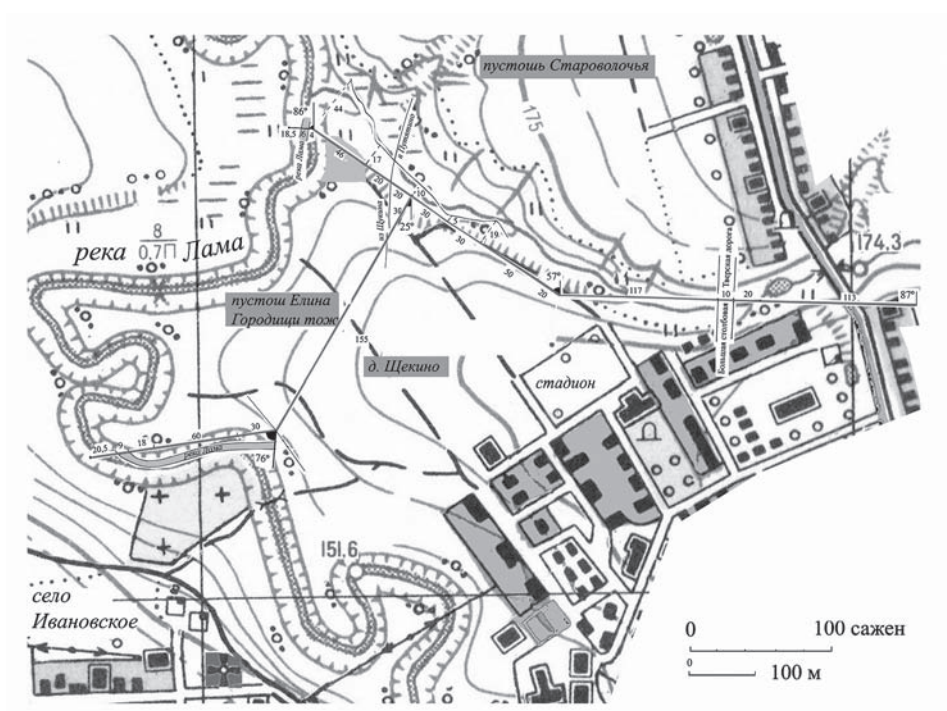

Рис. 6. Локализация межей 1, 2 и 3, пройденных 3—6 августа 1765 г., на современной геоподоснове (Карта ГУГК в масштабе 1:25 000. Съемка 1961 г. Отпечатана 7.01.1973 г.).

Рис. 7. Селище Лама-1. Космоснимок 19.05.2014 г.

Рис. 8. Селище Лама-1. Вид с севера, от поймы р. Ламы. 9.10.2009 г.

Рис. 9. Селище Лама-1. Лепная (1—4) и раннекруговая керамика (5).

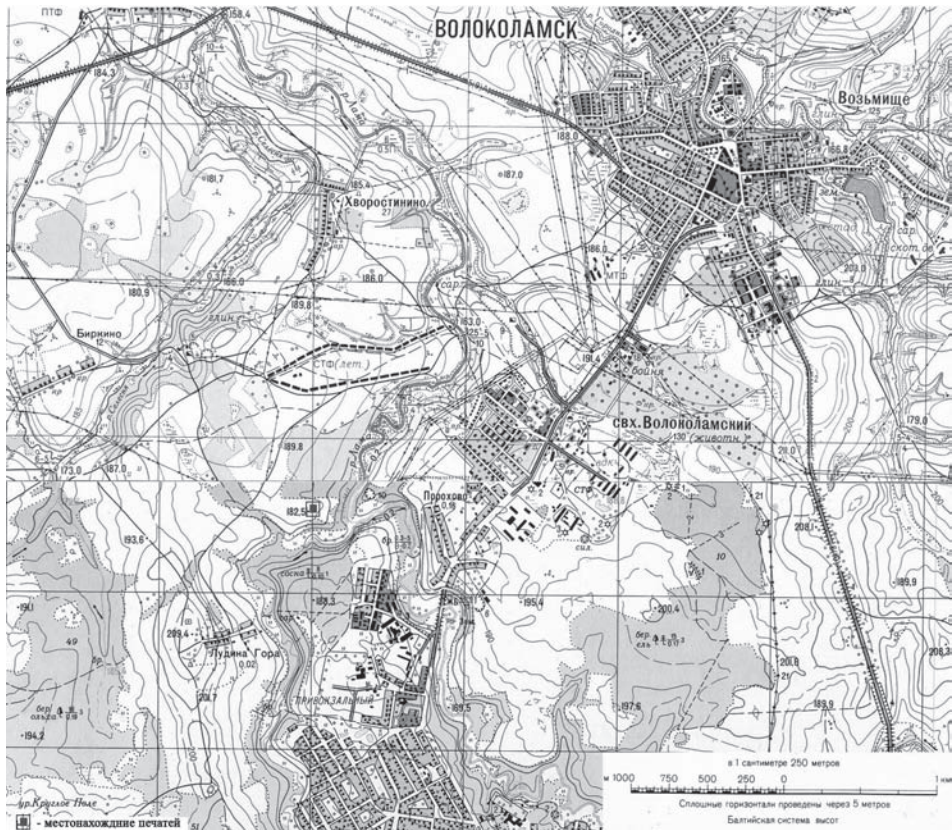

Рис. 10. Местонахождение печатей князя Всеволода Мстиславича (1117—1136) и князя Ярослава Изяславича (1148—1154) на селище у д. Лудина Гора. Основа — Топографическая карта ГУГК в масштабе 1:25 000. Северная часть: лист Р-48—80-Г-г. Съемка 1961 г. Отпечатано 07.01.1973 г.; Южная часть: лист Р-47—80-Б-б. Съемка 1977 г. Отпечатано 07.10.1982 г.

Рис. 11. Свинцовые печати новгородских князей, найденные в 2012 г. на селище у д. Лудина Гора в 0,7 км к западу от села Порхово близ г. Волоколамска. 1 — печать князя Всеволода Мстиславича (1117—1138) (тип 137 по В.Л. Янину). 2 — печать князя Ярослава Изяславича (1148—1154) (тип 150 по В.Л. Янину).

Рис. 12. План города Волоколамска 1766 г., составленный по материалам Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2450) с показом мест монастырей на посадах.

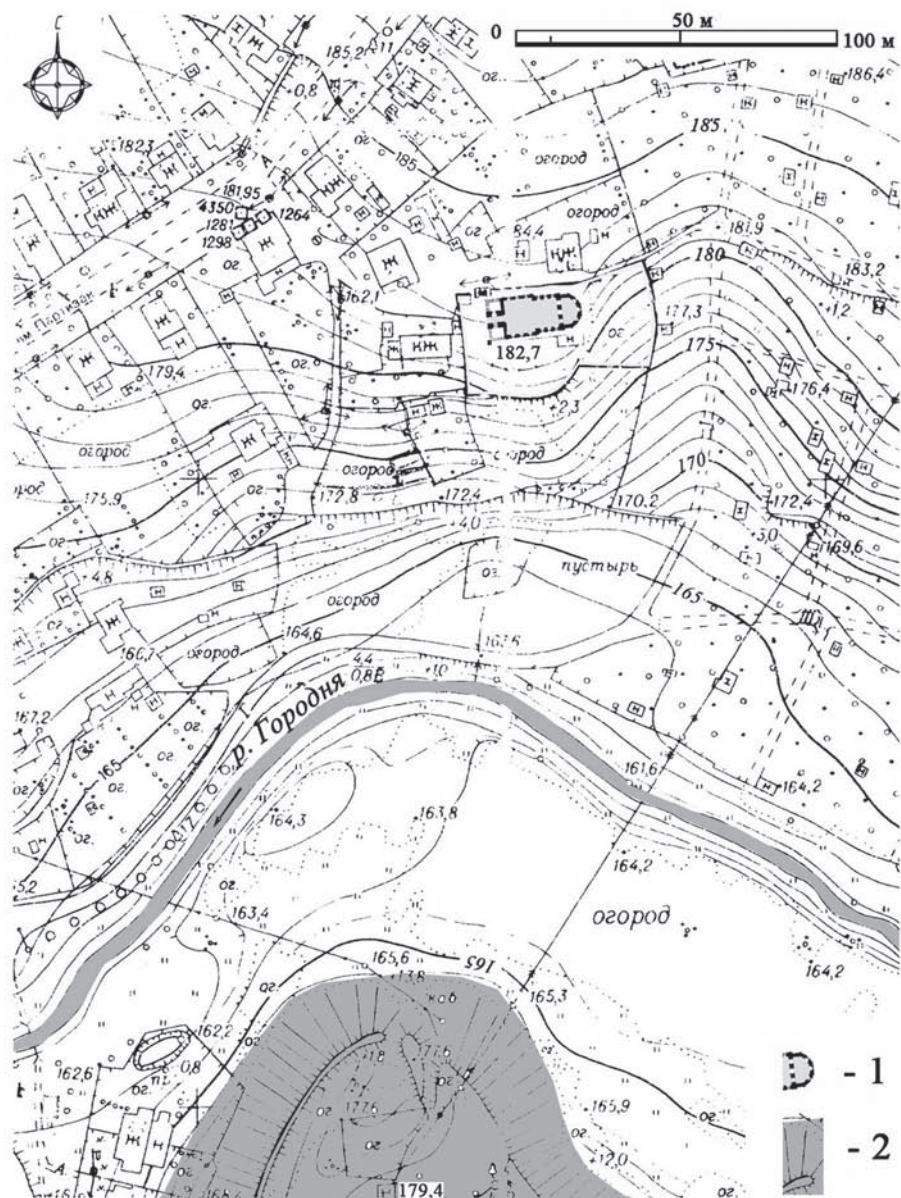

Рис. 13. Ильинский монастырь на посаде Волоколамска. Топографический план. 1 — Троицкая церковь 1788 г.; 2 — городище Волоколамска.

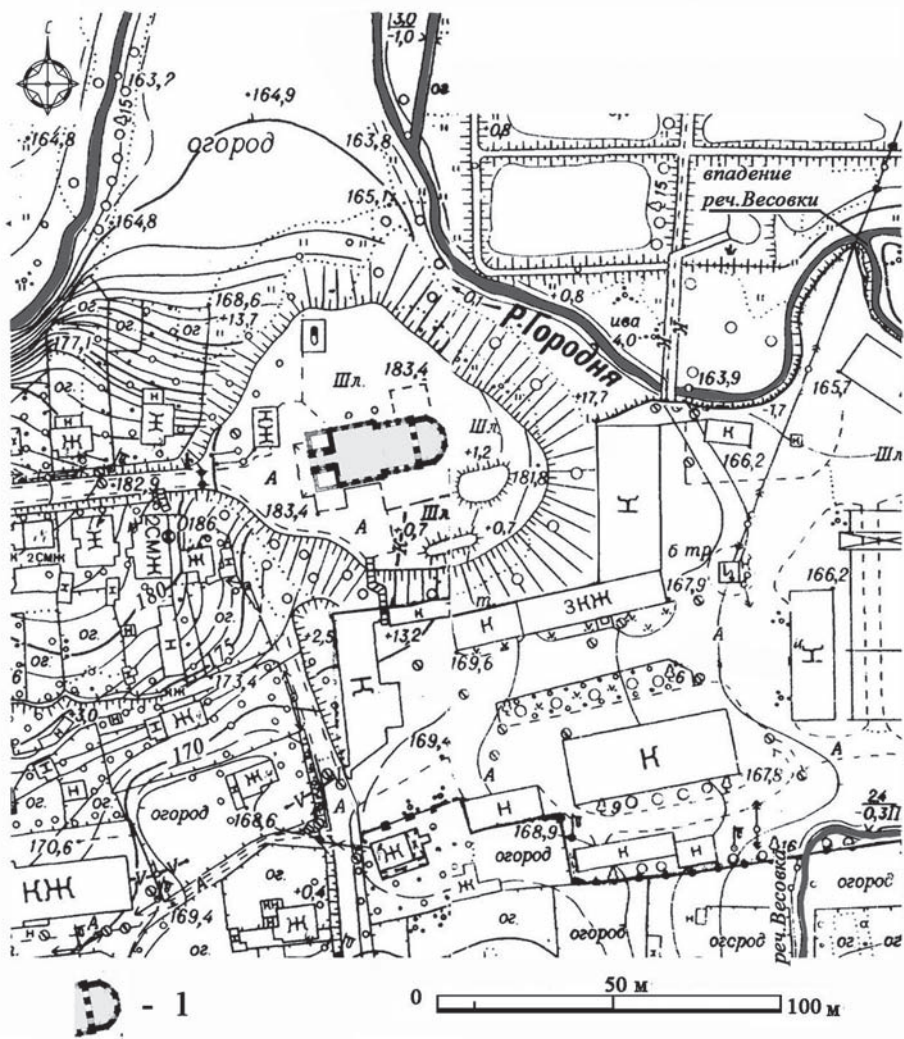

Рис. 14. Крестовоздвиженский монастырь на посаде Волоколамска. Топографический план. 1 — Крестовоздвиженская церковь 1776 г.

Рис. 16. Раскопки в церкви Петра и Павла г. Волоколамска. Шурф 1 в апсиде церкви. Лицевая створка креста-энколпиона, найденного в верхнем слое (засыпка). № 46. Пл. 4. Кв. 2. Отметка — 91 см.

- ¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 208.
- ² ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 301, 302.
- ³ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 296.
- ⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 208.
- ⁵ Волоколамский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подготовили Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников М.: Наука, 1999. С. 81, 82.
- ⁶ Слово надгробное Иосифу Волоцкому / Изд. К.И. Невоструевым. М., 1865. С. 180.
- ⁷ Волоколамский патерик... Л. 17. С. 89.
- ⁸ Там же. Л. 10 об. С. 85.
- ⁹ Хронологическая канва истории семьи князей Голениных по: Чернов. 2008. С. 289—291.
- ¹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 144.
- ¹¹ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1865. Ч. 2. Прилож. С. 161—164.
- ¹² По смыслу текста здесь должно быть не двоеточие, которое выставлено издателем, а запятая.
- ¹³ Волоколамский патерик... Л. 3 об. С. 82.
- ¹⁴ Духовные и договорные грамоты московских великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 4. С. 16.
- ¹⁵ Излагая предание о спасении Новгородской земли от татарского нашествия, Досифей пишет, что Батый «пойде на литовские грады», потому что именно так в начале XVI в. легче всего было обозначить направление его похода.
- ¹⁶ Досифей так пишет о возрасте грамот: «И пребыша до князя Бориса Васильевича лѣтъ мало не съ пятьсотъ». Эту круглую цифру можно было бы отнести к стереотипам, если бы не внимание Досифея к точности в датировках событий. Так или иначе, но Досифей почему-то склонен был относить записанное им предание к периоду новгородского княжения Ярослава и (или) началу его киевского княжения.
- ¹⁷ АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. № 97. С. 92.
- ¹⁸ Там же. № 368. С. 410.
- ¹⁹ Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 9. Волоколамская и Серпуховская десятины. М., 1896. С. 7.
- ²⁰ Волоколамский патерик... Л. 21 об. С. 91.
- ²¹ АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. №164. С. 157. Чернов. 1998. С. 90—92.
- ²² АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. № 187. С. 201.
- ²³ Там же. № 356. С. 397.
- ²⁴ Там же. № 357. С. 397.
- ²⁵ Там же. № 370. С. 412.
- ²⁶ Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Указ. соч. С. 5.
- ²⁷ Там же. С. 7, 8.
- ²⁸ Подъяпольская Е.Н. Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1. М.: Стройиздат, 1999. С. 38—39.
- ²⁹ Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Указ. соч. С. 81.
- ³⁰ Подъяпольская Е.Н. Указ. соч. С. 37, 38.
- ³¹ Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Указ. соч. С. 8.
- ³² Подъяпольская Е.Н. Указ. соч. С. 38.
- ³³ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. Д. 14. Л. 4 об.
- ³⁴ Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках на территории церкви Апостолов Петра и Павла 1683—1696 гг. в зоне реставрационных работ по ул. Советская, д. 28 в г. Волоколамск Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.

Л.С. Чекин*

«Был у нас толмач-немчин»: Богословский диспут между шведским архиепископом и московским «патриархом» и его отражение в литературе**

Аннотация: В приложении к статье публикуются текст и перевод сообщения 1726 г. шведского пастора Ю.Ё. Халльмана о религиозном диспуте, якобы состоявшемся при дворе Ивана Грозного в 1557 г. между упсальским архиепископом и московским «патриархом» при посредстве царского переводчика. В основной части статьи разбирается достоверность этих сведений, их восприятие в современной, в основном историко-церковной, литературе и их вероятное отражение в пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич» (1935).

Ключевые слова: устный перевод, дипломатический перевод, шведское посольство 1557 г., Иван Васильевич Грозный, митрополит Макарий, Ларс (Лаурентиус) Петри, Микаэль Агрикола, Ю.Ё. Халльман, Н. Рабениус, У. Далин, М.А. Булгаков.

L.S. Chekin

“We used to have a German interpreter”: A theological dispute between a Swedish Archbishop and a Moscow “Patriarch” and its reflection in literature

Abstract: The appendix to the article includes the text and translation of a 1726 report by a Swedish pastor Johan Göstaf Hallman about a theological dispute which allegedly took place at the court of Ivan the Terrible in 1557 between the Archbishop of Uppsala and the “Patriarch” of Moscow and which was mediated by the Tsar’s interpreter. The main body of the article discusses the veracity of this report, its reception in modern, primarily church-historical literature, and its probable reflection in Mikhail Bulgakov’s satirical play *Ivan Vasil’evich* (1935).

Key Words: Diplomatic interpreting, Swedish embassy of 1557, Ivan the Terrible, Metropolitan Macarius, Lars (Laurentius) Petri, Mikael Agricola, Johan Göstaf Hallman, Nils Rabenius, Olof Dalin, Mikhail Bulgakov.

* Чекин Леонид Сергеевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «АИРО-XXI», Москва.
Chekin Leonid Sergeevich, Doctor of Geographical Sciences, Leading Research Associate, AIRO-XXI Research Centre, Moscow.

** Статья написана к юбилею А.В. Назаренко в знак дружбы и признательности за неизменно поучительные беседы. Благодарю Е.М. Чекалину, высказавшую замечания по переводу халльмановского сообщения, и М.М. Голубкова, обсуждавшего текст статьи на разных этапах его подготовки.

О посольстве, приходившем от Густава Васы к Ивану Грозному в 1557 г., обычно упоминалось в рамках двух практически не взаимодействовавших между собой историографических традиций. Историки дипломатии, опираясь на посвященный этому посольству статейный список в первой книге Шведских дел Посольского приказа [Сборникъ. С. 23—49], отмечают, что целью посольства было утверждение права шведского короля на прямые переговоры с царем (а не с новгородским наместником), заключение мира, возвращение пленных, но не разбирают вопроса ни о составе посольства, ни тем более о царском переводчике, работавшем на переговорах [Граля. С. 211—213; Хорошкевич. С. 192—195; Коваленко].

Состав посольства и работа переводчика были наиболее интересны для второй историографической традиции, а именно для изучавших этот эпизод русско-шведских отношений историков церкви. Дело в том, что в посольство входили два выдающихся деятеля Реформации, первый лютеранский архиепископ Швеции Ларс (Лаурентиус) Петри (1499—1573) и епископ Або (нынешнего Турку) Микаэль Агрикола (ок. 1510—1557). Эта вторая историографическая традиция восходит к главе из совместного жизнеописания братьев Улуфа (Олауса) и Ларса Петри, составленного пастором Ю.Ё. Халльманом (1701—1757) и опубликованного в 1726 г. В главе рассказывается о состоявшемся в связи посольством 1557 г. религиозном диспуте между шведским архиепископом и предстоятелем московской церкви. Определенные элементы сюжета, в особенности связанные с фигурой толмача при дворе Ивана Грозного, возможно, обеспечили ему прочное место в современной русской культуре. В приложении к настоящей статье публикуется текст и дана первая попытка перевода сообщения Халльмана на русский язык, а в основной части разбирается достоверность излагаемых в главе сведений, их восприятие историками церкви и их вероятное отражение в пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич».

Текст Халльмана цитируется чаще всего (а в отечественной историографии исключительно) по поздним пересказам. Важную роль в популяризации этого текста сыграл крупнейший шведский литератор эпохи Просвещения У. Далин (1708—1763), включивший краткое изложение главы о посольстве 1557 г. и религиозном диспуте в свою незавершенную «Историю Швеции», которая благодаря немецкому переводу профессора Грайфсвальдского университета И.К. Дэнерта (1719—1785) надолго стала стандартным трудом по шведской истории как в немецкоязычных странах, так и в России¹.

Далин выверил по архивным документам состав посольства и дополнил рассказ точными датами прибытия в Москву и встречи с царем. Но описание московских переговоров и религиозного диспута между швед-

ским архиепископом и «патриархом» передано исключительно по Халльману, хотя и несколько сокращенно. Итак, добрались послы до Москвы не без затруднений, так как один из их слуг в Новгороде из озорства «немного пожег» русские иконы; чтобы продолжить путь, им пришлось выдать озорника, которого новгородцы заковали в железо. В остальном с послами обращались хорошо, дорожные расходы оплачивались принимающей стороной, а при подъезде к Москве их встретил боярин со свитой из 100 человек. Приняв послов, великий князь в знак дружбы передал им двадцать шведских военнопленных и попросил архиепископа диспутировать с патриархом. Иван пожелал слушать диспут на немецком, но патриарх немецкого не понимал. Архиепископ предложил латинский; в конце концов сошлись на греческом, но этого языка не понимал великий князь. От этого в крайнее затруднение пришел толмач, так как по-гречески он также не понимал ни слова, но от страха за свою жизнь не мог не переводить. Речь шла о посте и почитании икон, но толмач говорил, что ему в голову придет, так что абосский епископ Агрикола, понимавший и русский, и греческий, не мог не рассмеяться. Иван прекратил диспут, подарил архиепископу тяжелую золотую цепь на плечи и одарил других членов посольства [von Dalin. S. 463; von Dalin, Dähnert. S. 362].

Первым данное известие подверг некоторому сомнению шведский епископ, историк церкви Л.А. Аншу (1803—1884), отметивший, что ему не удалось узнать, откуда Халльман добыл сведения о диспуте [Anjou. S. 24, fotnot]. Когда рассказ Халльмана (в версии Далина, переведенной на немецкий Дэнртом) привлек внимание Д.В. Цветаева (1852—1920), работавшего над историей протестанства и протестантов в России, историк обратился к Х.Г. Йерне (1848—1922), который перевел с рукописи документы из первой книги Шведских дел Посольского приказа еще до первой публикации оригинала [Hjärne. S. 27—60]. Тот посчитал рассказ о диспуте известием «очень сомнительного качества», не подтверждающимся русскими источниками. В истории изучения сведений о посольстве 1557 г. это, по-видимому, был единственный пример взаимодействия между двумя историографическими традициями, названными в начале статьи. К сожалению, оно не оказалось плодотворным.

Во-первых, Йерне работал с текстом не Халльмана, а Далина, т.е. с неполной и измененной версией рассказа. Исследователя насторожило то, что Далин писал о единственной встрече посольства с царем, во время которой якобы и состоялся диспут, и датировал ее девятым марта, а согласно статейному списку, именно в этот день архиепископа Ларса при дворе не было, он «сказался болен». Во-вторых, переданные Цветаевым сомнения Йерне оказались спрятаны в сноске и авторами, в дальнейшем ссылавшимися на книгу Цветаева, во внимание не принимались. Кроме того, достаточно подробно изложив рассказ Далина,

Цветаев умолчал об анахронизме: Далин вслед за Халльманом именовал предстоятеля московской церкви «патриархом», Цветаев же писал согласно с исторической реальностью о беседе архиепископа уппсальского с «московским митрополитом Макарием» [Цветаевъ. С. 539].

В современной отечественной историко-церковной литературе, следующей Цветаеву, история излагается без сомнений в правдивости источника и обычно без переданного Цветаевым комизма. Вся ответственность за срыв диспута возлагается на толмача: «Поскольку переводчик недостаточно хорошо знал богословскую терминологию, беседу пришлось прекратить» [Августин. С. 249]. В сходном ключе писал и исследователь русско-скандинавских литературных связей Д.М. Шарыпкин, повествуя об истории изучения шведского языка в России и определив этот эпизод как «диалог глухих». Впрочем, не связанный рамками историко-церковных жанров, он мог позволить себе донести до читателя улыбку Микаэля Агриколы, которая теперь превратилась в «хохот»²: «Макарий отвечал на немецкие речи шведа на латинском и греческом, чего не поняли ни царь, ни толмач. Наконец один из членов шведского посольства захохотал, и Иван Грозный прекратил дискуссию» [Шарыпкин. С. 25].

Авторитетный российский исследователь жизни и деятельности митрополита Макария, рассказывая о диспуте, но не упоминая о его неудачном завершении, сослался на немецкое издание Далина [Макарий 1996. С. 40, 76], а выдающийся философ и богослов Г.В. Флоровский в статье 1954 г. — непосредственно на Халльмана. У Флоровского рассказ Халльмана сомнений не вызвал, но переложение звучит как сводка из официального бюллетеня: «эпизод интересен как доказательство заинтересованности обеих сторон в религиозном аспекте отношений между двумя странами». Вина возложена исключительно на «русских переводчиков» («языком разговора был греческий, но русские переводчики оказались очень слабыми») [Florovsky. P. 171—172, 242].

Между тем, уже в 1927 г. Н. Анлунд увидел в главе, посвященной посольству 1557 г. и религиозному диспуту, руку известного фальсификатора исторических документов Н. Рабениуса (1648—1717). Во-первых, Халльман сам назвал документы, «собранные Рабениусом», во внутреннем списке своих печатных и рукописных источников (к сожалению, Халльман не отягощал отдельными ссылками ни рассказ о посольстве 1557 г., ни другие главы, так как он определил жанр повествования как «сагу», жизнеописание, предназначенное для прославления выдающихся сынов шведского народа и христианской церкви). Во-вторых, главу о посольстве 1557 г. и о диспуте Анлунд поставил в ряд с другим, явно выдуманном Рабениусом посольством в Россию во главе с Агриколой, якобы имевшим место в 1564 г. (на деле Агрикола умер на обратном пути из России 9 апреля 1557 г.) [Ahnlund. S. 108—109]. Рассказа о посольстве

1557 г. среди трудов Рабениуса обнаружено не было, однако предположение Анлунда, насколько мне известно, никем не оспаривалось.

Шведский славист-литературовед П.-А. Будин считает авторство Рабениуса доказанным и рассматривает рассказ о посольстве и диспуте, сравнивая его с другими оценками православной церкви шведскими авторами XVII века. Рабениус, по мнению Будина, опередил свое время, и его противопоставление шведской учености и бурлескного невежества русских более характерно для эпохи Просвещения [Bodin. S. 65—66]. Да и не только Просвещения: «русская сторона, как она здесь представлена, по сути комична, и переводчик, которого бросает в пот, когда он не справляется со своей работой, вполне мог быть взят из многочисленных анекдотов, которые когда-то ходили о представителях советского режима. Как славист, я, конечно, ему сочувствую» [Bodin. S. 65].

Если сопоставить полный текст рассказа Халльмана и статейный список, то мы увидим, что фактическая основа у рассказа есть, в том числе и в той части, где говорится о религиозном прении. Из статейного списка мы узнаем, что посольство пришло на рубеж 18 января, в Новгороде оказалось 5 февраля, в Москве 21 февраля. Проводить их до Москвы было поручено Грише Гурьеву, который и оплачивал дорожные расходы («давал корм») послам [Сборникъ. С. 23]. Подтверждается, что в Новгороде «пословъ княжъ Штеневъ челоувѣкъ образъ жегъ свечею» и «его вкинули въ турму» [С. 49]. Перед въездом в Москву послов встретил Федор Васильевич Вокшеринов, правда, других встречавших была не сотня, а с 56 человек. Среди встречавших упоминается и толмач, работавший со шведским посольством в Москве, и даже называется его имя, Олеша Лукашов [С. 23, 25]. Если именно он переводил и во время прения, то сурового наказания он не понес: переводчик с немецкого языка Олеша Лукашев (Лукашов) упоминается в посольских книгах в период с июля 1556 г. по июль 1562 г. [Граля. С. 463].

Первый прием послов состоялся 24 февраля. В следующий раз, 9 марта, архиепископ сказался болен и не был на аудиенции. Но Халльман, в отличие от сокращенно передавшего его сообщение Далина, писал о том, что диспут имел место при отпуске послов, когда все дела были улажены. Отпуск послов состоялся 21 марта, в воскресенье (а уехали послы 24-го).

Согласно статейному списку, во время последней аудиенции послы поблагодарили царя за то, что он освободил шведских пленных. Царь пригласил послов к столу в Грановитой палате. «А после стола царь и великий князь Свѣйскимъ посломъ князю Штеню съ товарищи подоваль въ ковшѣхъ въ золотыхъ медь вишневой и малиновой и отпустиль ихъ хъ королю» [Сборникъ. С. 40].

Хотя в статейном списке о богословском диспуте не упоминается, из документа ясно, что о почитании икон речь в любом случае шла, так

как Стен Эрикссон при отпуске послов бил царю челом, «что человекъ его по грехомъ в вину пришел въ великую, со пьяна образъ попортилъ». Иван незадачливого слугу постановил также освободить [С. 49]. Конечно, за столом в Грановитой палате вполне могла обсуждаться и вторая тема «диспута», указанная Халльманом и Далином, «о посте», так как отпуск послов состоялся в третью неделю Великого поста.

О присутствии митрополита Макария при отпуске послов статейный список не говорит, но одним из ведущих русских дипломатов на переговорах 1557 г. был дьяк Иван Михайлов Висковатый (ум. 1570), который, по оценке его биографа, являлся «единственным интеллектуалом высшего класса, разительно отличавшимся от прочих влиятельных дьяков» [Граля. С. 435]. Таким образом, и в отсутствие митрополита шведским дипломатам было бы с кем дискутировать о богословских предметах. Правда, мы не знаем, насколько вольно дьяк мог в это время рассуждать об иконах. Еще была свежа память о том, как он в 1553—1554 гг. спорил с митрополитом Макарием о каноничности некоторых иконографических сюжетов, но потерпел поражение в споре, в результате чего 14 января 1554 г. на него была наложена трехлетняя соборная епитимия [Граля. С. 416—443; Макарий 2010. С. 133—196].

Итак, признать рассказ Халльмана полной фальсификацией мы не можем. Сопоставление со статейным списком показывает, что у рассказа была определенная фактическая основа и что диспут вполне мог состояться, пусть и не в таком формализованном виде, как он представлен у Халльмана.

Выше была описана русская историографическая традиция, в конечном итоге восходящая к Халльману, а в России основанная Д. Цветаевым. Работа Цветаева вызвала немало споров и рецензий, как положительных и даже хвалебных [Завитневичъ. С. 148], так и менее однозначных; упреки, в частности, касались обилия сырых данных, к которым, в общем, можно отнести и историю о посольстве 1557 г. [ср. Лебедевъ. С. 226]. Книгу должен был знать отец М.А. Булгакова — А.И. Булгаков (1859—1907), профессор Киевской духовной академии и специалист по западному христианству, тем более, что о ней так хорошо отзывался его близкий сотрудник В.З. Завитневич. Услышал ли Булгаков-младший о посольстве 1557 г. в юности, еще при жизни отца, прочитал ли в книге Цветаева, оставшейся в семейной библиотеке, либо получил сведения о нем какими-то другими путями, но о его знакомстве с этим эпизодом может свидетельствовать появление очень сходной сцены в комедии положений «Иван Васильевич» (1935).

В третьем акте «Ивана Васильевича» описан прием шведского посла. На месте царя Ивана Грозного сидит управдом Бунша-Корецкий, попавший благодаря машине времени в прошлое вместе с обаятельным

жуликом Жоржем Милославским, который помогает ему заниматься «государственными делами». Милославский не может понять, о чем говорит посол, и обращается к дьяку посольского приказа Федору:

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо бы переводчика, Фединька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! [Булгаков. С. 607].

Переводчик, впрочем, оказался и не нужен, требование шведского посольства было Федору понятно и так. «Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют». И.Е. Ерыкалова, а вслед за ней Н.Н. Мутья увидели здесь аллюзию на пересыльный пункт Соловецких лагерей, в качестве которого Кемь была известна современникам Булгакова. Милославский, недавно вернувшийся из заключения, поспешил этот невеселый город отдать шведам [Мутья. С. 356]. На прощание же он украл с груди посла медальон с «алмазами гранеными», а с груди появившегося вслед за тем патриарха драгоценную панагию.

В упоминании Булгакова о толмаче наверняка отразилось его обращение к сопровождавшим иностранцев переводчикам. Вспомним другого представителя этой профессии, Коровьева из «Мастера и Маргариты», того внешне услужливого и пронырливого черта, у которого была «физиономия, прошу заметить, глумливая» и который представлялся переводчиком при богатом иностранном профессоре Воланде. Вторая профессия, в отношении которой Милославский в «Иване Васильевиче» призывает к милосердию — это такие же, как он сам, воры:

Дьяк. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

Милославский. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко [Булгаков. С. 610].

Помимо переводчиков и воров, в пьесе не названо никаких других профессий или групп, к которым применялись жестокие наказания.

Являясь социальной сатирой, вместе с тем пьеса основана на хорошем знании исторических источников и литературы, среди которых, возможно, была и книга Цветаева. Если сцена основана на знакомстве с книгой Цветаева, то драматург сумел даже через два пересказа уловить и оценить комизм описанной ситуации. Однако есть основание предполагать, что кто-то из Булгаковых или их собеседников, историков церкви, заглянул и в источник книги Цветаева, т.е. по крайней мере в немецкий перевод «Истории Швеции» Далина.

До сих пор не объясненным остается появление при дворе Ивана Васильевича в пьесе Булгакова «патриарха». Это не единственный, но

самый заметный анахронизм [Мутья. С. 355]. Я.С. Лурье считал его «странной ошибкой», доказывая, что не знать о том, когда в России было утверждено патриаршество, Булгаков не мог [Лурье. С. 320]. Но та же самая странная ошибка допущена и Халльманом, а вслед за ним и Далином. Цветаев в своем пересказе, конечно, уже говорит не о безымянном «патриархе», а о митрополите Макарии.

Есть и другие соответствия между «Иваном Васильевичем» и текстом Далина: «не вяжущий лыка» толмач, в булгаковском изложении уже понесший наказание, но пока ждущий его со страхом у Халльмана и Далина; медальон посла и панегия патриарха, украденные Милославским и напоминающие о золотой цепи, полученной архиепископом Ларсом; а главное, обе сцены сходны своим гротескным комизмом. Вполне вероятно, что именно элементы халльмановского «диспута», основанного на исторических, хотя и расцвеченных карнавальными красками, фактах, преобразовались в не менее яркий и нелепый эпизод приема шведского посольства в фантастической сатире Булгакова.

Приложение

Текст и перевод рассказа Ю.Ё. Халльмана о шведском посольстве 1557 г.

[Hallman. S. 118—121].

Det Tiugonde Fierde Kapitlet. Huru Erkiebispen til Ryssland för ett sändebud affärdas, och om thet han ther förrättade.

Af Swenska Historierne är nogsamnt bekant thet krig, som emellan Konung Göstaf i Sverige och Storfursten i Moscou år 1554 begyntes, synnerligen af then orsak, at the Ryske med stältmodighet och wäld wille hafwa theras gränneskilnad närmare in til på Sverige, än theras häfd och rättighet tilsade, och i följe ther af, gjorde i Finland och Lifland, med sine fiendtelige infall stor skada, hwar om i bemelte Swenska Historier utförligen är at läsa. Tå sådant blef af Kong Göstaf, såsom Landsens rätta Fader tilbörligen hämmat med lika mått, och ther jemte befans, sådant intet annat förorsaka, än obotelig skada och manspillan å bade sidor, blefwo fredsförslag så af Konung Göstaf som Storfursten bewiljade, med wilkor, at *Potentaterne* skulle med sina sändebud hwar annan besöka, och således här uti något gagneligit uträtta. Förthenskul affärdar Konung Göstaf Erkiebiskop *Lars*, tillika med Herr *Sten Eriksson*, *Bengt Gylte*, *Knut Claesson*, *Michael Agricola* och *Oluff Larsson Secreterare*, hwilka år 1557 Nyårs tiden kommo öfwer gräntzen in uti Ryssland, ther en Rysk *Bajor* them straxt war til mötes, och med fri fordenskap til Moscou beledsagade, och ändock sändebuden upppå thenna resa woro allestädes wäl

undfångne, råkade the likwäl uti ett oförmodeligt äfwentyr, i staden Nougorod, i ty ett hastigt buller ther yppade sig, och Erkiebiskopen med sine följeslagare uti Herberget af mer än tryhundrade man omringade, af then orsaken at en af tienarena hade af skalckhet swett några målade Heligas beläten uti herberget, så at några blädror på them woro uplupne. Så framt nu sändebuden wille komma på frihet och färdig resa igen, måste sändebuden gifwa tienaren ifrån sig, som sedan af Ryssarna blef i järn och bojor sluten och i fångelset kastad. Sedan skyndades med resan til Muscou, hwarest them en *Bajor* utan för staden med hundrade man emottog, och til herberget beledsagade, samt straxt anmodade at låta se, hwad föräringar the hade at medfara, thet också skedde. Tredie dagen ther efter upfordrades the, at få tala med Storfursten, hwilken sedan han af them wärfwet afhördt och föräringarna emottagit, böd them til måltids, och efter sluten måltid låtit them med mycken heder til herbergs åter beledsaga, tåt Storfursten sände sina egna dryckekar med åtskillige slags miöd och dricker, och til vidare benägenhets uptäckelse, skiänckte han them lösa tiugo fångar, som under kriget tagne woro. Sedan blef fridsförbundet uprättat på sätt som uti Historierne förmåles. Efter the wiktigare sakers afhandling, tå sändebuden wille begifwa sig åt Sverige tillbaka, sänder Storfursten til them ett höfligt bud, med begäran, at efter the hade sin Erkiebiskop med sig, han måtte³ få höra honom tala med sin Patriark ther i Ryssland, hwilkenthera hade then bättre, riktigare och sannare läron, hwilket samteligen, tå thet å båda sidor bewiljades, hafwer Ryssarnes Patriark och Erkiebiskopen *Lars*, uti en stor församling, och Storfurstens egen närwaro, trädt tilsammans at thet begynna. Först osamdes them hwilketthera språket, the under *disputationen* skulle betiena sig utaf, Mäster *Lars* wille tala *latin* <, Patriarchen förstod ingen *latin*⁴>, utan något *grækiska*. Storfursten åter som samtalet afhöra skulle, förstod hwarken *latin* eller *grækiska*; begärade therfore thet the måtte tala på tyska, then Patriarken ikke heller kunde; men Mäster *Lars*, som i sin ungdom *studerade* i Tyskland, war i thet språket färdig, talar therfore Storfursten til på tyska, men som Storfurstens tal intet kom öfwerens med thet som Mäster *Lars* sade, kunde man någorlunda sluta, at Storfursten äfwen i tyskan hade en ringa kunskap. Omsider kommo the öfwerens at talas wid på *grækiska*, om fastan och beläternas tilbediande, men när Erkiebiskopen i sitt tal *metaphysiske termer* inspådde, förstod intet Patriarken hwart tredie ord lemnade så svaret ther efter. Storfurstens Tolk, som talet skulle uttolka, war under thetta samtalet stadd i tusende ångest, emedan han af alt som sades icke ett enda ord förstod, wiste ock, at om han sig skolat ursäckta, hade thet kostat hans lif, ty thenne Storfurste war en af the grymmaste Ryske Storfurstar. Hwarfore, när han skulle förklara hwad som sades, tog han til råda, och talade hwad som tå i en hast kunde honom förekomma, som dock i intet mål med Erkiebiskopens och Patriarkens tal öfwerens kom. *Michael Agricola*, then äfwen war en af the Swenske sändebuden, förstod både *grækiska*, *latin*

och Ryska, men hölt dock för särdeles orsaker skul lönlige, at han Ryskan förstod, han begynner öfwer thenna löjelige handel at hierteliga le, hwilket, tå Storfursten förmärckte, befalte han the både talande med *disputationen* uphöra, som war allom kärt; men i synnerhet Tolcken, hwilken thet ena swettbadet efter thet andra öfwegick. Ther uppå togo the Swenske sändebuden sitt afskied, tå ock Storfursten befalte låta hängia öfwer Erkiebiskopens *Larses* hals en gullkedio, then intet war liten, med hwilken Konungsliga skänck och förening, jemte wäl förrättade ärender, han sitt fädernesland och käre anhörige uti ett godt och förnögd tilstånd åter träffade.

Глава двадцать четвертая. Как архиепископ отправляется в Россию с посольством, и о том, что он там совершил.

Из шведских исторических трудов достаточно известна та война, которая началась в 1554 году между шведским королем Густавом и московским великим князем. Главной ее причиной было то, что русские в своей гордыне хотели силой подвинуть границу на шведскую территорию дальше, чем позволяли их обычай и право. В результате они нанесли своими враждебными набегами много ущерба Финляндии и Лифляндии, о чем подробно повествуется в упомянутых шведских исторических трудах. Тогда король Густав, как истинному отцу народа подобает, дал им соразмерный отпор. Так как военные действия там не прекращались, ничего другого не принося обеим сторонам, кроме невозполнимого ущерба и людских потерь, король Густав предложил мир, на что великий князь согласился с условием, что властители отправят друг к другу посольства, чтобы таким образом из этого вышла какая-то польза.

В этих обстоятельствах король Густав отправляет архиепископа Ларса⁵, вместе с господином Стеном Эрикссоном⁶, Бенгтом Юльте⁷, Кнудом Клэссоном⁸, Михаэлем Агриколой⁹ и секретарем Улуффом Ларссоном¹⁰. В начале 1557 года они пересекли российскую границу, и там их сразу встретил русский боярин и сопроводил до Москвы, оплачивая их дорожные расходы. И хотя посольство во время этого путешествия повсюду хорошо принимали, они всё же попали в неожиданную историю в городе Новгороде. Там внезапно начался шум, и постоялый двор, где остановился архиепископ со спутниками, окружило более трех сотен человек. Причиной было то, что один из слуг озорства ради подпалил икону с какими-то нарисованными на ней святыми, так что краска в нескольких местах пошла пузырями. И теперь, чтобы посольство вышло на свободу и могло продолжить поездку, пришлось выдать этого слугу, и русские, заковав его в железные оковы, бросили в тюрьму. Посольство же поспешило в Москву, где их перед городом встретил боярин с сотней человек, сопроводил на постоялый двор и сразу же

пожелал посмотреть, какие дары они имели с собой, и ему было все показано.

На третий день после этого они были позваны говорить с великим князем, который выслушал их речи и принял дары, пригласил их на трапезу, а после окончания трапезы велел их с большими почестями отвести обратно на постоялый двор. Туда великий князь оправил свои собственные кубки с различными медами и напитками и, в знак дальнейшей его милости, отпустил к ним двадцать пленников, взятых во время войны. После этого был заключен мирный договор, о чем в исторических трудах повествуется. После завершения более важных дел, когда посольство собиралось возвращаться в Швецию, великий князь приглашает их выполнить его просьбу. Поскольку с ними был их архиепископ, он бы желал послушать его беседу с российским патриархом о том, у кого из них лучше, правильнее и истиннее учение. И когда обе стороны на это согласились, патриарх русских и архиепископ Ларс встретились с этой целью в большом собрании и в присутствии самого великого князя.

Сперва они не могли договориться о том, каким языком пользоваться во время диспута. Местер Ларс хотел говорить по-латински, <патриарх латинского не понимал,> но немного знал греческий. Однако великий князь, который желал выслушать беседу, не понимал ни по-латински, ни по-гречески, и поэтому пожелал, чтобы они говорили по-немецки, которого патриарх также не знал; но местер Ларс, который в юности учился в Германии, владел этим языком и потому обратился к великому князю по-немецки. Но из того, что речь великого князя не соответствовала тому, что сказал ему местер Ларс, можно было, в общем, заключить, что и в немецком познания великого князя были ограничены. Наконец, они согласились вести беседу на греческом, о посте и поклонении изображениям. Но так как архиепископ употреблял в речи метафизические термины, патриарх не понимал каждое третье слово и так после и дал ответ. Толмач великого князя, который должен был переводить речь, был во время этой беседы в величайшем страхе, ибо он ни единого слова не понимал из того, что говорилось, но и знал, что если бы он отказался, это бы стоило ему жизни, так как этот великий князь был одним из самых жестоких русских великих князей. Поэтому, когда ему надо было объяснять то, о чем шла речь, он собирался с силами и говорил, что ему в спешке приходило в голову, но что никоим образом не соответствовало речам архиепископа и патриарха.

Микаэль Агрикола, который также был в составе посольства, понимал и по-гречески, и по-латински, и по-русски, однако по особым причинам держал в тайне свое знание русского. Наблюдая за этой нелепой сценой, он не смог удержаться от улыбки, которую заметил великий князь и приказал обоим собеседникам прекратить диспут, что всех

обрадовало, а в особенности толмача, которого неоднократно бросало в пот. После этого шведское посольство простилось, а великий князь повелел надеть на шею архиепископу Ларсу золотую цепь немалого размера, и с этим королевским даром, и с договором, и с хорошо выполненными поручениями, в добром и довольном расположении архиепископ вновь встретился с родиной и с дорогими близкими.

Литература

- Августин (Никитин), архимандрит.* О почитании святых в Русской Православной Церкви (Из истории русско-скандинавских церковных связей) // Богословские труды. М., 1987. Сб. 28. С. 246—261.
- Булгаков М.А.* Сочинения в трех томах. Т. 2. Рассказы. Фельетоны. Пьесы. СПб., 1999.
- Граля И. Иван Михайлов Висковатый.* Карьера государственного деятеля в России XVI в. / Пер. с польского М.И. Леньшиной. М., 1994.
- З[авитневичъ В.З.]* Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразований. Историческое изслѣдование Дм. Цвѣтаева // Труды Киевской Духовной Академіи. 1890. № 9. С. 148—155.
- Коваленко Г.М.* Шведское посольство в России в 1557 году // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в.: Сб. науч. статей. М., 2010. С. 60—67.
- Лебедевъ А.С.* Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразований. Историческое изслѣдование Дм. Цвѣтаева // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1892. Мартъ. Ч. 280. С. 175—228.
- Лурье Я.С.* Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 315—321.
- Макарий (Веретенников), архимандрит.* Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482—1563). Москва, 1996.
- Макарий (Веретенников), архимандрит.* Святитель Макарий, митрополит Московский. Очерки о жизни и деятельности. СПб., 2010.
- Мутья Н.Н.* Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX—XX вв. СПб., 2010.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Т. 129. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи со Швеціей. СПб., 1910.
- Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Цвѣтаевъ Д.[В.]* Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразований. М., 1890.
- Шарыткин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980.
- Ahnlund N. Nils Rabenius (1648—1717).* Studier i svensk historiografi. Stockholm, 1927.
- Anjou L.A.* Svenska kyrkoreformationens historia. Upsala, 1851. Avd. 3.
- Bodin P.-A.* The Debate on Religion. Swedish-Russian Relations in the 17th Century // Sweden—Serbia and Europe. Periphery or not? / Ed. by T. Lundén. Stockholm, 2014. P. 55—68 (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Konferenser. Nr 85).
- von Dalin O.* Svea rikets historia. Stockholm, 1760—1761. D. 3. B. 1.
- von Dalin O.* Geschichte des Reiches Schweden / Übers. durch J.C. Dähnert. Rostock; Greifswald, 1763. Th. III. B. 1.
- Florovsky G.* The Orthodox Churches and the Ecumenical Movement Prior to 1910 //

Florovsky G. Collected Works. Vol. 2. Christianity and Culture. Belmont, Mass., 1974. P. 161—231, 242—245.

Hallman (Göstafrsson) J.G. The Twenne Bröder Och Neriksboer, Som Then Evangeliska Läran Införde uti Nordlanden. Stockholm; Åbo, 1726.

[Hjärne H.] De äldsta svensk-ryska legationsakterna / Udg. af H. Hjärne. Uppsala, 1884.

- ¹ С немецкого языка Р. Цебриковым был сделан и перевод на русский язык, изданный в 1805—1807 гг.; к сожалению, с этим изданием мне ознакомиться не удалось. Следовавшие Далину русские историки церкви ссылались именно на немецкий перевод.
- ² У Цветаева «один из членов посольства <...> не выдержал и рассмеялся», что соответствует формулировке Далина; у Халльмана сама сцена «нелепая» или «смехотворная», но епископ выразил свои эмоции более сдержанно.
- ³ В оригинале *mätte*.
- ⁴ Слова в угловых скобках, опущенные при наборе с. 120 оригинала, взяты из списка опечаток к книге на нумерованной странице, в конце указателя.
- ⁵ В статейном списке «арцыбископъ Апсалимскій Лаврентей».
- ⁶ Стен Эрикссон Лейонхувуд (1518—1568), в статейном списке «князь Штенъ Эрековъ (Ериковъ, Ириковъ)».
- ⁷ Бенгт Бенгтссон Юльга (1514—1574), в статейном списке «Бентю Гулте».
- ⁸ Кнут Кнутссон Лилие (ум. 1596), в статейном списке «Кнутъ Кнуитовъ».
- ⁹ В статейном списке «местер Михаило Агрекола бископъ Абовской».
- ¹⁰ Улуф Ларссон (ум. 1571) в статейном списке «королевской печатникъ Олавей Лаврентьевъ».

М.И. Чернышева*

«Варвар» глазами «варвара»: предварительные наблюдения**

Аннотация: В Древней Греции варварами называли тех, кто не принадлежал к эллинской культуре, чужеземцев, не говоривших по-гречески. Со временем добавилось значение «враг». Во времена существования Византийской империи, постоянно находившейся в борьбе с нападавшими «варварами», ромеи подчеркивали их невежество и особенно — жестокость. Тогда стали обращать пристальное внимание на вероисповедание «варваров». Характеристики отдельных «варварских» народов (в том числе — предков славян, склавин и антов) находятся в сочинениях Прокопия Кесарийского (VI в.) и его современников. В сохранившихся в древнерусской письменности славяно-русских переводах с греческого языка семантика античных и византийских сочинений сохранена. Особый интерес представляют материалы оригинальных древнерусских произведений, где те, кого ромеи именовали «варварами», уже сами называли так своих врагов.
Ключевые слова: варвар, греческий язык, византийская литература, Прокопий Кесарийский, старославянский язык, древнерусский язык.

M.I. Chernysheva

«Barbarian» through the eyes of the «barbarian»: preliminary observations

Abstract: The strangers who were not able to talk and comprehend Greek, who were not a part of the Hellenic culture were called the Barbarians. Over the time it started meaning «enemy». By the period of the Byzantium Empire («barbarians» constantly attacked it), the Romans emphasized their ignorance and their cruelty. Then, they started paying more attention to their religion. The characteristics of individual «barbarian» peoples (including the ancestors of Slavs, Sklavins, and Antes) can be found in the Procopius Caesarensis's works (6th century) and his contemporaries. In the Slavonic-Russian translations from the Greek, preserved in Old Russian writing, the semantics of ancient and Byzantine works is well-maintained. Of particular interest are the materials of the original Old Russian works, where those whom the Romans called “barbarians” already called themselves their enemies.
Keywords: barbarian, Greek, Byzantine literature, Procopius of Caesarea, the Old Slavonic language, Old Russian language.

* Чернышева Маргарита Ивановна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Chernysheva Margarita Ivanovna, Grand PhD (Philology), Professor, Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

** Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ — грант № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI—XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель: М.И. Чернышева).

В середине 70-х годов прошлого века, когда я еще училась на классическом отделении филологического факультета МГУ и готовилась к работе над «Сводом источников по истории древнейших государств на территории СССР», вместе с группкой студентов нашего отделения мы стали приходить в Институт истории СССР (нынешний Институт российской истории) в отдел В.Т. Пашуто, где я впервые увидела нашего юбиляра, похожего на заморского принца: точеное лицо, взгляд, устремленный поверх голов, волнистые волосы до плеч; кажется, он тогда уже носил свою бородку, придававшую ему особую загадочность.

Игорь Сергеевич Чичуров, ставший моим учителем, сотрудник этого отдела, тогда предложил мне тему дипломного исследования «Принципы описания варвара и варварского мира у Прокопия Кесарийского». Работа была написана, в основном, по материалам «Истории войн римлян с персами, вандалами и готами» Прокопия Кесарийского, секретаря знаменитого полководца Велисария, который в 527 году при императоре Юстиниане I стал главнокомандующим Византийской армии (на мозаике Сан-Витале в Равенне Велисарий изображен стоящим справа от Юстиниана). Привлекались также сведения о варварах из других, хронологически близких, источников.

Жизнь однако повернулась так, что моя деятельность оказалась связанной не со «Сводом источников», а с работой над «Словарем русского языка XI—XVII вв.», содержащим множество славяно-русских переводов с греческого языка, где тема «варваров» постоянно всплывает: сначала в осуществляемых ими переводах, где славянские и русские книжники узнают о себе как о «варварах», нападавших на Византию, а затем, претерпев определенную трансформацию, «варвар» появляется и в оригинальных древнерусских произведениях. Тема эта оказалась настолько обширной, что пришлось представить ее в почти тезисном виде.

Прежде чем перейти к славяно-русскому пласту, возвратимся к выпискам из дипломной работы.

1. «Варвар» в ранневизантийской литературе

В эпоху Юстиниана особенно остро ощущалась варваризация византийского общества: войско состояло большей частью из варваров-наемников [Просор. Н.В. V.27.2; Н.В. I. 13.20; 18.5; II. 16.5; 21.4; 29. 10], во главе которого иногда были полководцы варварского происхождения (об Арефе, предводителе сарацин [Просор. Н.В. I. 18.7]), варвары-телохранители окружали Велисария [Просор. Н.В. VI. 2.10; 10.19; 13.14; 27.14], варвары-союзники помогали в борьбе с враждебными племенами, наконец, два последних императоры имели, по мнению Прокопия, варвар-

ское происхождение (это породило целую дискуссию о том, не были ли Юстиниан и его дядя Юстин славянами [Васильев. С. 468—492]).

При описании варварского мира Прокопий до некоторой степени остается на традиционных позициях резкого, идущего от античности, противопоставления варваров и ромеев, как прежде — варваров и эллинов. Поэтому-то он так часто в своих экскурсах, посвященных пяти варварским племенам, говорит об «отличиях от других людей». Само понятие «варвар» у него непосредственно связано с представлениями об этих «отличиях». Под «другими людьми», естественно, подразумеваются византийцы-ромеев. Иногда историк прямо сравнивает варварское общественное устройство или законы с ромейскими. Об эфталитах Прокопий пишет: «Управляет ими один царь, у них существует имеющее законы государство, и они соблюдают между собой и по отношению к соседям справедливость, не хуже ромеев и персов» [Procop. H.V. I. 3.5]. В экскурсе о славянах: «Эти племена, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве» [Procop. H.V.VII. 14. 22].

По некоторым отрывкам, взятым из сочинения «О царствовании Юстиниана» последователя Прокопия Агафия Миринейского, можно судить о том, кого вообще принято было называть варваром. Историк вычленяет варварский «чужой мир» из цивилизованной ойкумены и сопоставляет его с византийским государственным устройством, верой и законами. В экскурсе о варварах-франках Агафий дает им пространный характеристику: «Франки не кочевники, как некоторые из варваров, но в большинстве случаев пользуются римскими порядками и теми же законами, равным образом одинаково мыслят о договорах, браке и божественной службе. Все они христиане... Франки имеют в городах и правителей, и священников. Праздники совершают так же, как и мы, и для варварского племени они представляются мне очень благопристойными и культурными, ничем от нас не отличаясь, кроме варварской одежды и особенностей языка» [Agath. III. 5].

В «Истории войн» Прокопия Кесарийского находится пять экскурсов (τόποι), посвященных склавинам и антам, фулитам, эфталитам, готам и герулам. Суммировав «ответы анкеты», можно видеть, какие вопросы стремится выяснить византийский историк, это: 1) название племени, 2) место обитания, 3) происхождение, 4) портрет, 5) одежда, 6) пища, 7) язык, 8) нрав, 9) вера, 10) общественное устройство и 11) законы страны. Ответы на эти вопросы есть хотя бы в одном, двух или в большем числе экскурсов.

О склавилах и антах, отвечая на второй вопрос, сказано, что «они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки» [Procop. H.V.VII. 14. 30].

Ответ на четвертый вопрос: «все они высокие, сильные; цвет кожи у них не совсем белый или желтый, но все они рыжие» [Procop. H.V.VII. 14. 27].

Пятый пункт: «некоторые не носят ни рубашек (хитонов), плащишек <каких-нибудь> — τριβώνιον, а одни только штаны, подтянутые поясом на бедрах — τὰς ἀναξυρίδας ἐναρμοσάμενοι μέχρι εἰς τὰ αἰδοῖα» [Procop. Н.В. VII. 14. 26]; интересно, что у Агафия почти так же одеты франки: «у них голая грудь и спина, льняные или кожаные штаны» [Agath. II. 5].

В «Стратегиконе» историка Маврикия, жившего в конце VI в., находятся ответы еще на несколько пунктов: «племена антов и славян... выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище» [Mauric. XI, 4].

Что касается пищи, уместно вспомнить работу Р. Бенедикти, который сформулировал представления византийцев о питании: «Как древние греки и римляне, так и византийцы считали питание весьма характерным признаком душевного склада народов. Дикость связывалась с питанием мясом; отсутствие вина и хлеба свидетельствовало о невежестве, а питание молоком считалось признаком кротости и правдивости» [Бенедикти. С. 58]. У Прокопия Кесарийского в русле этой традиции описано дикое фантастическое племя скритифинов, жителей некоего острова Фула, которые «ведут звериный образ жизни», «не пьют вина», «питаются мясом убитых животных», а новорожденных детей вскармливают не грудным молоком, а мозгом пойманных животных.

Относительно седьмого пункта мысленной анкеты, касающегося языка, в экскурсе о склавинах и антах находим совершенно замечательную фразу: «у обоих племен единый язык — совершенно варварский — ἔστι δὲ καὶ μία ἑκατέροισ φωνὴ ἀτεχνῶς βάρβαρος» [Procop. Н.В. VII. 14. 26].

Что касается веры, то обычно варвары — язычники, не придерживаются христианской веры, либо являются еретиками. О готах сказано, что «они все ариане» [Procop. Н.В. III. 2.5], о герулах, что они «признают множество богов» [Procop. Н.В. VI. 14.1], о вере склавин и антов сообщается, что «они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем... Они почитают также и реки, и нимф, и всякие другие божества» [Procop. Н.В. VII. 14. 23, 24].

2. «Варвар» в переводной славяно-русской литературе

2.1. Античное понимание варвара

В переводной славяно-русской литературе в произведениях, содержащих изложение античной истории, варвар, соответственно, понимается как «тот, кто не принадлежит к греческой культуре», «иноземный»; при этом часто речь идет о враждебном и/или некультурном и грубом народе.

2.1.2. Варвар — не эллин

Приводимая ниже цитата из славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы показывает, что в данном случае под «варварами» понима-

ются «эфиопы» (Моуры): ...Ѧбне вѣсть мѣтежь н бѣгъ варваромъ (τῶν βαρβάρων), мзи ж Ѣллни, си оувндѣвше н оукрѣпльшес<л>, всѧ ѦѦооурзи (τοὺς Αἰθίοπας) нзбнкомъ^н Хрон. И. Малалы, 143 (V, 27)].

Кстати, обратим внимание на употребление в этом тексте именованья «Еллини» — это или греки, или представители одного из греческих племен (ахейцы).

2.3. Ветхозаветные свидетельства в переводной литературе

Старославянские переводы ветхозаветных псалтырных фрагментов, в том числе, включенных в новозаветные и другие греческие сочинения, демонстрируют несколько способов перевода слова βαρβάρος, употребляющегося в Септуагинте, например: нноплеменьнкъ (Пс. 107, 10) [СС. С. 261], т.е. «человек из другого рода».

2.4. Раннехристианские представления

2.4.1. Соположение: варвар—скиф

В новозаветном Послании Колоссянам (Кол. 3, 11) очевидна несущественность этнического происхождения для «нового человека» по отношению к Христу (т.е. к христианской вере): «А теперь вы отложите все... совлекшись ветхого человека (τὸν παλαιὸν ἄνθρωπον) с делами его и облекшись в нового (τὸν νέον), который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина (Ἑλληγν), ни Иудея (Ἰουδαῖος), ни обрезания, ни необрезания, варвара (βάρβαρος), Скифа (Σκύθης), раба, свободного, но все и во всем Христос».

Эта цитата многократно встречается в переводной славянской литературе (к примеру, в старославянской Супрасльской рукописи XI в. [СС. С. 109]).

«Новый человек» в трактате Епифания Кипрского «О ересях» (IV в.) назван «новым творением» (καινή κτίσις). Трактат находится в составе Ефремовской кормчей (древнерусский список XII в.): Ѧпсѧз проповѣдаѧ рече: о Х^рѣ И^сѣ нн варваръ . нн скѣмннъ . нн ѧлннъ . нн жндовннъ, нз нова тварь — ἐν γὰρ Χριστῷ οὐ βάρβαρος, οὐ Σκύθης, οὐχ Ἑλληγν, οὐκ Ἰουδαῖος, ἀλλὰ καινή κτίσις. Ефр.корм., 647.

2.5. Византийские представления, отраженные в переводной литературе

2.5.1. Свидетельства старославянского языка

В создаваемом в Праге «Греческо-старославянском индексе» [Ř.-St. С. 470] собраны все способы перевода βαρβάρος в старославянской переводной литературе, свидетельствующие о понимании смысла этого слова,

— со значением «чужеземец»: нноземьць, нностраньнкъ, нноплемень-
нкъ, страньнкъ;

- со значением «тот, кто говорит на чужом языке»: нноѡззычѣнкъ;
- со значением «язычник»: варзваръ, поганъ;
- со значением «неприятель, противник, враг»: ратынкъ.

2.5.2. Свидетельства древнерусского языка

Свидетельства, представленные в переводах византийских сочинений, сохранившихся в древнерусской письменности, полностью совпадают со старославянскими данными.

Подтверждением сказанному служит пример из древнерусского «Мерила праведного» (XIV в.), включенного в состав «Кормчей Балашова» (XVI в.), где слово варваръ протолковывается как нноѡззычѣнкъ: **Н**икто ж да не продает варваром, рекше нноѡззычѣнком, оустроена ѡрѣжѣнн неоустроена [Корм. Балаш., 567 об.].

2.5.3. Соположение: варвар—скиф

В славянском переводе «Хроники» Константина Манассии, которая включена в Русский хронограф, дважды встретилось определение *триварварный* как соответствие греч. τριβάρβαρος [Хроногр. 1512 г. С. 313, 324]. В первом случае, где речь идет о «хагане», добавлено еще одно определение — *скифообычный*:

Триварваръный Хаганъ, скифообычный, похотию имѣниа разжегъ си сердце... совѣтъ совещаеать на сродника своего (в греч. только: ὁ βάρβαρος ἐκεῖνος Χαγάνος).

Показательно, что здесь варварские качества приравниваются к скифским. Кстати, соположение: варвар — скиф встречается еще в старославянской литературе — в Супрасльской рукописи [СС. С. 109].

Интересно понимание того, что такое Варвария:

Варвария во странѣ сѣверней, ея же нарицают Скифиею внутреннею, яже суть готфи и давники [Алф., 40. XVII в.].

Ср. в другом сочинении:

Земля Варвария, сирѣчь Татарская, вѣра и языкъ бусорманский [Козм., 24. 1670 г.]

2.5.4. Скиф — славянин?

В древнерусском переводе «Жития» Андрея Юродивого переосмыслено происхождение святого: в то время как в греческом оригинале дважды сказано, что он «скиф» (Σκύθης), переводчик последовательно говорит о нем: «словѣннъ» [Ж. Андр. Юрод. 160, 452]. Особенно показательна в этом смысле вторая цитата, из которой ясно, что именно удивляло в молодом скифском рабе: «Мальчик был весьма красив... будучи смышлен, в скором времени выучился Псалтири и счету, так что даже учитель дивился его одаренности, да и никто не мог подумать, что он

скиф, из-за его внешнего вида, а также благоразумия души, скромного поведения и аккуратности записей» [Жизнь и деяния. С. 22].

3. «Варвар» в древнерусской непереводаной литературе

Укрепление государства в XVI веке, произошедшее в результате объединения земель вокруг Москвы и присоединения Казани и других территорий, способствовало осознанию значимости «Русского царства», внутренне сопоставляемого по своей деятельности с теперь уже не существующей Византийской империей (ниже будет приведена цитата, где ее завоеватели-турки названы варварами). В результате произошло транспонирование прежнего отношения ромеев к варварам, теперь уже в новом государстве называют варварами врагов (позже: врагов «Русского царства»), людей грубых, жестоких (иногда в составе сравнения с варварами), некультурных (по отношению к противопоставляемой культуре).

Византийцы особенно подчеркивали жестокость варваров — так и в древнерусской литературе; постоянные эпитеты варваров: *лютые, жестокие, неистовые* и *окаянные* (как в «Исторической повести о взятии Азова» — Аз.пов., 53).

Варварами называли нехристиан, иноверцев; язычников; иногда — еретиков — в этом смысле интересна выписка из Рязанской кормчей 1284 г.:

Ѣстьмъ ересемъ мѣрн соуть первобразныи четырн. варварство. скоуѣство. еанньство. нюдѣство ѿ снхъ же ннзие вса възроста. [Ряз. корм. Л. 3596].

В зависимости от контекста характеристика конкретного варвара может быть одиночной или совокупной.

При описании войны с ханом Батыем ордынские воины последовательно называются варварами:

(запись под 1247 г.= 6755 г.) Угри же сташа во станох Батыевых. Татарове же приходяще к станом своим со плѣном, не вѣдуще бывшаго, Угри же плѣнъ отнимающе, самих же варваръ немилостивно погубляху, токмо елици восхотѣша вѣры еже въ Христа, тѣх оставиша [Моск.лет., 141. К. XV в.].

В русских памятниках XVI века варварами называли народы, противостоявшие и воевавшие с расширяющим свои границы «Русским царством».

В приводимой ниже цитате речь идет о финно-угорском народе — черемисах-марийцах, которые в результате так называемых черемисских войн 1552—1585 гг. были присоединены к Русскому государству:

Живяху же за Камою рекою, в части земля своя, болгарския князи и варвари, владеюще поганым языком черемисским, незнающе Бога и никоего же закона имуще, обоима же бяху служаще, ни дани дающее Рускому царьству до Батыя царя [Казан. ист. Л. 3—3об. XVI в.].

В процессе присоединения Сибири в XVII в. продолжались столкновения с сибирскими народами, в своем «Житии» протопоп Аввакум назвал их варварами:

Война в Сибири была на Иртыше... стоять иноземцы: ждуть березовских побити... И я, ис судна вышедъ... говорю: «Христось с нами уставися». Варвари же, Христа ради, умягчилися, и ничего мнѣ зла не сотворили [Авв.Ж. [В.]. 193].

Протопоп Аввакум называл также варварами и турок, захватчиков Константинополя:

Тому лет з двести семьдесят с лишком варвар, Бахмет турской, взял Царьград [Пис.Авв.цар.Ир. Мих.Ром. Л. 64. Ок. 1667 г.].

Варварами постоянно звали турок и мусульман — «врагов христианского имени», как в письме Петра Первого Г.И. Головкину [Петр. VII. С. 478. 1708 г.].

Кстати, если бы мы предположили, что наши соотечественники называли варварами исключительно нехристиан, это предположение было бы ошибочным. Подтверждением сказанному служит цитата из «Повести об осаде Пскова Стефаном Баторием», где варваром назван король польский и великий князь литовский Стефан Баторий (речь идет о событиях 1581 г.):

По сем 87-го году под седьмою тысящею, во второе лето по Полотцком взятии, разсвирепися и розгордися лютый той варвар, литовский король Степан, паки устремление пути показывает на Рускую землю, попущением же Божиим, грех ради наших [Пов.прихожд. на Псков². 128].

* * *

Затронутая тема, безусловна, интересна и может быть продолжена. В заключение никак не обойтись без «солнца русской поэзии». У Пушкина мы найдем все те значения, которые позже отметил в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль:

ВАРВАРЪ м. человекъ необразованный, грубый, невѣжа и невѣжда; свирѣпый, жестокий, немилосердый.

В нашей истории все взаимосвязано. Во времена Даля еще придавали значение знакам, символам и талисманам.

Пушкин и Даль обменивались сказками, вместе ездили по пугачевским местам. Именно Пушкин сказал Далю: «Так делайте словарь!» — «Позарез нужен словарь живого разговорного языка!» А накануне смерти Пушкин передал свой золотой с изумрудом перстень — дежурившему у его постели Далю.

Еще один перстень (сердолик с надписью) достался В. Жуковскому, от него — И. Тургеневу, который хотел, чтобы после его смерти следующим владельцем стал Лев Николаевич Толстой, с тем чтобы потом граф передал перстень «достоинейшему последователю пушкинских традиций». Этот — «литературный» — перстень пропал...

А тот, что Пушкин подарил Далю (словарный!), — сохранился...

Можно было бы закончить это эссе словами поэта:

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя **варваров**, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? [СЯП I. С. 205].

Но — как не вспомнить тут «Скифов» А. Блока — стихотворение, написанное за два дня — 29 и 30 января 2018 г., — поэтический отклик на срыв мирных переговоров с немцами в Брест-Литовске:

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!
С раскосыми и жадными очами!*

...

*В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает **варварская лира!***

Литература и источники

- Авв.Ж.* Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1 (РИБ. Т. 39). Стлб. 1—240 [ред. А, с. 1—82: 1673 г. (переизд.: Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 11—80 и *Робинсон А.Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 139—172); ред. Б. С. 83—150: 1672 г., сп. XIX в.; ред. В. С. 151—240: 1675 г., сп. XVIII—XIX вв.].
- Аз.пов.* — Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906.
- Алф.* Книга глаголемая гречески алфавит. Рукопись БАН. Арх. д., № 446. XVII в.
- Бенедикти Р.* Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 23—31.
- Васильев А.* Вопрос о славянском происхождении Юстиниана // Византийский временник. 1894. I. С. 468—492.
- Жизнь и деяния* — Жизнь и деяния св. Отца нашего Андрея, Юродивого Христа ради. Вступ. статья, перевод с греч. и комментарии Е.В. Желтовой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
- Петр.* VII Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 7. М.; Л., 1918—1946.
- Пов.прихожд. на Псков²* Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. 80-е г. XVI в., сп. н. XVII в.
- Ряз. корм.* Рязанская кормчая. Рукопись РНБ, Ф. п. II, 1, 1°. Л. 1—402 об. 1284 г.
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р.М. Цейлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: «Русский язык», 1994.
- СЯП — Словарь языка Пушкина. Т. I. М., 2000.
- Agath.* Agathiae Myrinaei libri quinque. Bonnae, 1828.
- Mauric.* Mauricius. Arta militara. București, 1970.
- Procop.* H.B. Procopii Caesariensis opera omnia. Recognovit J. Haury. Editio stereotypa corr., add. et corrig. adjectit G. Wirth. V. I — IV. Lipsiae, 1963—1964.
- Ř.-St. Recko-staroslověnský index. Index verborum graeco-palaeoslovenicus. Praha, 2014.

С.М. Шамин

Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам

Аннотация: Статья посвящена сообщениям европейской прессы о битве при Зенте в 1697 г. Анализируются тексты, которые были переведены на русский язык и вошли в русские рукописные сборники.

Ключевые слова: битва при Зенте, рукописные книги, европейская пресса XVII в.

S.M. Shamin

Descriptions of the Battle of Zente: from the kuranty to the manuscripts

Abstract: The article is devoted to reports from the European press about the battle of Zente in 1697. Examines the texts that have been translated into Russian language and entered the Russian manuscripts.

Keywords: the battle of Zente, manuscripts, the European press of the 17th century.

Турецкая тема была популярна в русской рукописной книжности начиная с XVI в. Однако особое звучание она приобрела во второй половине следующего столетия. Причиной этого стали русско-турецкие войны, череда которых началась в 1672 г. [Флоря. С. 108—148]. На первом этапе противостояния империй русская армия еще не могла вести наступательные боевые действия против осман без союзников. Московское командование вынуждено было строить свою стратегию на обороне [Яфарова. С. 129—137]. Действия же в союзе с европейскими странами, напротив, существенно облегчали борьбу с грозным противником [Богданов. С. 179—228]. Все это усиливало интерес русского читателя к битвам турок с их европейскими противниками. Тем не менее, подробные описания сражений, как кажется, долгое время оставались в документах Посольского приказа и в рукописную книжность не проникали.

Переломным событием для русской книжности стала состоявшаяся 11 сентября 1697 г. битва при Зенте — решающее сражение Вели-

* Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
Shamin Stepan Mikhailovich, PhD (History), Senior Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

кой турецкой войны. В нем австрийская армия под предводительством принца Евгения Савойского наголову разгромила войска султана. После этого удара Турция так и не смогла оправиться. Описания этой битвы стали первыми подробными текстами, в которых самой битве и ее результатам отводилось заметное место. Исследованием этих текстов плодотворно занимался Д.К. Уо [Waugh. P. 491—506], опубликовавший рассказ о битве по двум спискам [Уо. С. 300—302].

Новые подробности о происхождении текстов рукописных сборников удалось выяснить при обращении к обнаруженному Б.Н. Морозовым списку из архива торговых крестьян Шангиных (Ленская волость Яренского уезда) [Морозов. С. 57—61], хранящемся в РГАДА¹, а также рукописи нач. XVIII в. из собрания В.М. Ундольского². Как оказалось, источником для одного из текстов стала сводка курантов (составлявшихся для царя и бояр обзоров европейской прессы) от 12 октября 1697 г.³ В нее было подряд включено четыре текста с описанием разгрома турок. Наиболее подробным оказалось описание битвы с заглавием «Подлинное объявление, что августа з 22-г числа по 13-е числа сентября меж христианскими и турецким войском учинилось. Писано из обозу при Центе сентября 13-го числа 1697-г году». Ниже шло сообщение с заголовком «Из Вены сентября в 21 день» с более коротким описанием сражения. Вслед за ним помещена «Роспись какову прислал принц Эугениус цесарскому величеству о убитых и раненых войска нашего» — список погибших, а ниже, под заглавием «Тогож числа из Вены» — перечень турецких потерь и трофеев. Завершала комплекс небольшая статья о разгроме пошедших на Польшу татар и гибели огромного числа турок — «От волоских рубежей пишут»⁴. Общий объем данного комплекса составил более десяти тыс. знаков в современном наборе. Он с незначительными изменениями (к примеру, в описании трофеев пропущено «48 литавр») воспроизведен в рукописном сборнике из собрания М.П. Погодина (рубеж XVII—XVIII вв.)⁵.

Как материалы попали в погодинский сборник неизвестно. Судя по составу, его владелец входил в число служилых людей петровского времени. В отношении характеристики владельца наиболее интересно наставление отца к сыну при отправлении его по воле Петра Великого в чужие края в 1708 г. Молодой человек должен был беречь свою душу, помнить о боге, выучить немецкий, а лучше французский, а потом арифметику, которая дверь всем математическим наукам и содержит геометрию, архитектуру, фортификацию, «ведение земнаго глобуса», «искусство земных и морских чережей», компас, солнце звезды — то, что нужно, чтобы служить государю. Юноше полагалось также осваивать умения, необходимые дворянину — научиться ездить на коне, владеть шпагой и пистолетами. От юноши также требовалось по утрам не

забывать креститься и умываться, а также не забывать православную веру⁶. Данный текст, появившийся за десять лет до опубликованной по указу Петра Великого книги «Юности честное зерцало», отражает назревшую в дворянстве потребность в формировании ценностей повседневной жизни.

Можно с уверенностью утверждать, что копии сводки курантов от 12 октября 1697 г. делались в Посольском приказе более одного раза. Несколько иной вариант описания сражения под Зентой оказался востребован в среде торговых крестьян и духовенства. Об этом свидетельствуют переписанные на столбцах куранты из архива торговых крестьян Шангиных. Сохранились они случайно. Кто-то из потомков первого владельца использовал чистые с одной стороны столбцы в качестве писчего материала для копирования текста религиозного содержания. Часть сводки утрачена. В руках Шангиных находились именно куранты, а не выписки о турецких событиях. Среди сохранившихся текстов есть также сообщения из Гааги, Амстердама, Парижа, Польши, скопированные с той же сводки из РГАДА. Куранты Шангиных не могут быть связаны с текстом из собрания Погодина. С одной стороны, в них имеется пропущенное в погодинском сборнике упоминание о 48 литаврах. С другой стороны, эта копия курантов была сделана с сокращением. В ней от первого, самого объемного известия о битве остался только заголовок. Дальше переписчик пропустил описательную часть и перешел сразу к списку погибших, сохранив остальной текст в том виде, в котором его составили переводчики Посольского приказа.

Однако и этот вариант примерно в две с половиной тысячи знаков оказался слишком объемным для книжных сборников. В рукописные книги пошла его сокращенная переработка. Если сравнивать куранты Шангиных с рукописью из собрания Ундольского, то становится очевидным, что человек, который перерабатывал текст для рукописи старался уменьшить объем складывая потери. К примеру, три пункта «От пехоты 12 человек. От конницы 12 человек. От пушешного снаряду 1 человек» он превратил в один «Убито цесарского войска 25 человек». При этом он не всегда был точен. В одном месте книжник даже умудрился к раненым и убитым людям прибавить потерянные возы. Небольшие фрагменты с описанием событий были последовательно удалены. Обобщающие данные о числе погибших противников собраны в одно место.

РГАДА Ф. 188. (Рукописное собрание ЦГАДА) Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 369.	РГБ ф. 310 (Собр. В.М. Ундольского) № 635
\\55\\ Подлинное объявление что августа з 22-го числа сентября по 13 число меж христианским войским и турским войским учинилося. Писано из обозу при Центе сентября 13-го числа 1697 ⁷ -го.	/44об./Августа з 22-го числа сентября по 14 число меж христианским и турским учинилось. Писано из обозу при Ценке сентября 13-го числа лета 1697.
Убитые начальники цесарского войска. От пехоты 12 человек. От конницы 12 человек. От пушешного снаряду 1 человек.	Убито цесарского войска 25 человек.
Пехоты. Рядовых 267 человек. Конницы 1 человек.	Пехоты 67 человек. Конницы 10 человек.
Пушного снаряду 9 человек. Раненых начальников. От пехоты 99 человек. От конницы 60 человек. От пушечного снаряду 9 человек. Рядовых. 1114 человек пехоты.	Ранено пехоты 1242 человека.
327 человек конницы.	/45/ Конницы 327 человек.
28 человек от пушечного снаряду.	
Лошади служивые от конницы и от пушешного снаряду пропали. Убито 348 лошадей. Ранено 477 лошадей. Да пропало 112 лошадей.	Лошадей служивых убито и ранено 825 лошадей. Пропало 112 лошадей.
Сюда в Вену уже привезено 83 знамя 7 бунчуков	В Вену привезено 83 знамя да семь бончуков.
\\54об.\\и завтрешнего дни выставлены будут на триунф.	
Тогож числа из Вены. Прошлои среды граф Дидриштен от войска из Венгерской земли прибежал с ведомостью и привез три печати салтанской 83 знамени 7 бунчуков и завтрешняго дни образ пресвтыя Богородицы понесен будет в костел святого Стефана и тамо пето будет «Тебя Бога хвалим» для полученной над турком победы. А которм побое привез он Дитриштон роспись.	
	Цесарского войска побить и ранено 2000 человек.
Побито на боевом месте 20 000 человек, великой везир, янычерской ага 27 пашей побито.	Турок побито на боевом месте 20 000 человек. Великой визере янычерской агаи да 20000 пашей по /45об./ бито.
12000 человек потонуло и поимано. 6000 ранено. 6000 возов.	Потоплено и ранено и поимано 24 000 человек.
6000 лошадей. 12000 буйволов.	Лошадей да буйлов 18 000.

162 пушки. 5000 знамен. 48 литавр. Все наметы и салтанский намет, которои ценят 400000 золотых и тот намет с печатью салтанскою взял принц Софоиский на имя цесарское. Обоз салтанской \53 об.\ с 4-ми лошадми да з десятью женами ево взял же.	Да 162 пушки, взято ж 5000 знамен, 48 политавр. Все наметы, и салтанской намет, /46/ которой ценят четыреста золотых, и тот намет с печатью салтанскою взял принц Совонской на имя цесарское. Обоз салтанской с четырьми лошадми да з десятью женами иво взял же.
А с нашей стороны убито 500 человек да 1500 ранено.	
У мосту Тисы реки труп неприятельского лежало на 2 человека вышиною, а Тиссу реку так наполнили, что наши по тем трупом бутто по мосту ходили чрез.	/46об./У мосту Тисцы реки труп неприятельского лежало в вышину на два человека. А Тисцу реку так наполнили, что наши по тем трупом аки по мосту ходили.
Курфирста Саксонского генерал Раибе трижды ранен, но не смертно. Генерал Гайзлер от раны своеи умре.	
От Волских рубежей. Пишут, что 15000 татар побито. 3000 татар пошли было з Буджак в Полшу и от волохов и от казаков полских татар побито,	От Волоцких земель /47/пишет 15 000 татар побито.
что толко с 300 человек назад возвратис. Казаки готовы все ⁸ сколо скоро полское корование совершица всеми силами сухим и воденым путем татар воевати, а татары зело смущаютца для коронования. Того испрашивали у наших вестовщиков, аще ли тот королем полским, которои лошадиню подкову руками разрвет. \56\ Вчерашней гонец которои здес прибежал сказал, что болши 30000 человек турок побито да 15000 турок которые пошли было в Вышнею венгерскую землю на помощ бунтовшиком чрез Тису реку переправясь перетонули так, что малое число осталос их. А о побитих о 5000 ис Папов пишут изветы с поттвержением. Также что и 40000 человек турок побито и потоплено. И салтан турской с 50000 человек конными с муфтием и с французским послом ушел.	3000 пошли было в Польшу и от волотцких и от казаков таков так побито да 15 000 человек турок же через Исцу реку на переправе потонуло. А салтан турецкой со 8000 с конными и с Мутем французским послом ушел.

В итоге получился компактный текст, который имел примерно в десять раз меньший объем, чем первоначальный перевод из курантов Польского приказа и в два раза меньший, чем в курантах Шангиных. Другой список данного сочинения отмечен Уо [Уо. С. 301—302;] в составе Соловецкого собрания РНБ⁹. Сборник Соловецкого монастыря имеет незначительные отличия, связанные с порчей текста при переписывании. В нем утрачено начало заглавия, перепутан год (1698 вместо 1697)

и т.д. Однако возводить одну рукопись к другой нельзя, поскольку в соловецком сборнике более близко к оригиналу указана цена шатра султана (4000 тысящей золотых, вместо четыреста золотых в рукописи из собрания Ундольского). Накапливающиеся ошибки свидетельствуют о том, что текст после переработки продолжал копироваться.

В рукописи, принадлежавшей вятскому книжнику С. Попову, Уо выявил еще одно описание битвы при Зенте. Этот текст отсутствует в курантах. Он озаглавлен «Выписано из перевода с латинского листа» [Уо. С. 300—301] и имеет небольшой объем, чуть более двух тысяч знаков. Если первый из рассмотренных нами текстов постепенно сократился до перечня потерь, то здесь мы имеем хотя и относительно краткое, но все же разностороннее описание событий. Второй список этого сочинения помещен в сборнике из собрания Ундольского вместе с описанным выше перечнем погибших и трофеев¹⁰. Очевидно, что его составитель интересовался сражением и собирал информацию о битве из разных источников. В том, что оригинал перевода сочинения с заголовком «Выписано из перевода с латинского листа» установить не удалось, нет ничего удивительного. Такие тексты переводились для дипломатических нужд массово. К примеру, целый ряд переводов удалось найти в материалах Великого посольства [Гуськов. С. 64, 157, 272—273, 290—291, 295.].

Таким образом, в книжную традицию рубежа XVII и XVIII веков попало, как минимум, два разных текста о сражении при Зенте. Один из этих текстов покидал приказной архив не менее двух раз. Вестовой документ могли копироваться целиком, а могли и перерабатывать. Переработка, как правило, вела к сокращению текста, однако находились и книжники, желавшие дополнить сокращенный ранее материал. Это свидетельствует о том, что русская книжность имела потребность в известиях о важнейших политических событиях Европы. О читателях этих текстов удалось получить лишь отрывочную информацию, однако очевидно, что прочесть о сражении при Зенте хотели люди из разных регионов страны, принадлежащие к разным социальным группам.

Вестовые материалы о сражении при Зенте, составленные и переведенные на русский язык по горячим следам после сражения могли оказаться востребованными многие годы спустя. О причудливости путей движения информации говорит следующий случай: на основании первых полученных царем известий о победе принца Савойского было составлено и отправлено в Москву письмо Патриарху Адриану. Данное письмо оказалось востребовано в печати в годы русско-турецкой войны 1787—1791 гг., когда издатель Нового Санкт-Петербургского Вестника П.Ф. Богданович опубликовал небольшую брошюру с перепиской между Петром I, его братом Иоанном Алексеевичем и патриархом Адрианом по поводу событий Великой турецкой войны¹¹. Ранее отдель-

ные письма из этой переписки тиражировались в рукописных сборниках. Теперь же они стали частью печатной пропаганды, обращавшейся к давним победам. Не смотря на переработку изначальных текстов для письма к Патриарху, первоначальным источником информации были все те же переводы вестовых материалов.

Сделанные нами наблюдения позволяют по-новому взглянуть на роль переводных текстов в рукописных сборниках исторического содержания. Встает вопрос о том, какая часть известий о зарубежных событиях в подобных рукописях имеет своим источником сделанные приказными служащими переводы различных «вестей» из Европы. Рассмотренный пример ярко демонстрирует нам, что переводы легко преодолевали барьер между приказной документацией и книгой, а переведенный текст мог при копировании очень быстро «избавляться» от сведений о своем первоначальном происхождении.

Литература

- Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков. М., 1989. С. 179—228.
- Морозов Б.Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57—61.
- Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.
- Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 108—148.
- Яфарова М.Р.* О планах Московского государства во время первого Чигиринского похода 1677 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 129—137.
- Waugh D.C.* News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars. // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington, 2008. P. 491—506.

¹ РГАДА. Ф. 188. (Рукописное собрание ЦГАДА) Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 369. Л. 52 об.—56.

² ОР РГБ. Ф. 310. № 635. Л. 40—47 об.

³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 516—557.

⁴ Там же. Л. 536—553.

⁵ РНБ. Погод. 1561. XVIII в. Л. 122—130.

⁶ Там же. Л. 147—159.

⁷ Цифирь буквенная.

⁸ Написано два раза, первое вычеркнуто.

⁹ РНБ. Солов, собр., № 862/972. Л. 80—80 об.

¹⁰ РГБ. Ф. 310 (Собр. В.М. Ундольского) № 635. Л. 40—43.

¹¹ Письма императора Петра Великого к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану : С ответом на оныя и на отзвывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейна, князя Бориса Алексеевича Голицина, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева / На ижд[ивении] П. Б.[огдановича]». СПб. 1788 г.

И.Н. Шамина*

Эпизод затянувшегося кризиса: о бесчинствах игумена Спасо-Нуромского монастыря в середине 1660-х гг.

Аннотация: Статья посвящена кризису в монашеской жизни вологодского Спасо-Нуромского монастыря. Рассмотрены отразившие этот кризис документы, проанализированы действия епархиальных властей и насельников, направленные на исправление сложившейся в обители ситуации. Автор приходит к выводу, что кризис продолжался несколько десятилетий.

Ключевые слова: Монастыри Вологодской епархии в XVII в.; Вологодский Спасо-Нуромский монастырь; повседневная жизнь монастырей; нарушения монастырских уставов.

Summary: The article is devoted to the crisis in monastic life of Vologda Spaso-Nuromsky Monastery. Considered are those documents, that present the crisis, the actions of the diocesan authorities and people, aimed at correcting the established in the monastery situation. The author comes to the conclusion that the crisis lasted several decades.

Keywords: Monasteries of the Vologda diocese in the 17th century; The Vologda Spaso-Nuromsky Monastery; daily life of monasteries; violations of monastic regulations.

Проблема кризисов в монастырской жизни изучена слабо. Между тем вопрос о том, как монастыри преодолевали сложные периоды своего существования, достаточно интересен. Данное исследование вводит в научный оборот сведения о кризисе в жизни небольшого Спасо-Преображенского Нуромского монастыря Вологодской епархии.

Спасо-Нуромский монастырь был основан в конце XIV в. Он располагался в Обнорской волости Вологодского уезда, на берегу р. Нурмы и был самым древним из всех монастырей, когда-либо существовавших на территории южной части Вологодского уезда. Его основатель — прп. Сергей Нуромский, ученик прп. Сергия Радонежского. Он пришел в Троицкую обитель с Афона и прожил в ней «время довольно», после

* Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Shamina Irina Nikolaevna, PhD (History), Senior Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

чего ушел в Обнорскую волость. Церковное почитание Сергия Нуромского началось с 1546 г.

К середине XVI в. вотчину монастыря составляли 4 поселения¹. На протяжении XVII в. число деревень и крепостных крестьян увеличивались: с 84 дворов в 17 деревнях в 1620—1630-х гг.² до 153 дворов в 20 деревнях в 1670-х гг. [Переписные книги... С. 269—270] Несмотря на свою довольно древнюю историю монастырь остается малоизученным.

Данные о кризисе в Спасо-Нуромском монастыре в 1660-х гг. представлены в Челобитной монахов и крестьян на игумена монастыря Сергия 1666 г.³, Судном деле игумена Сергия⁴ и других документах. Текст челобитной 1666 г. приводится в Приложении к данной статье. В исторической литературе сведений об игумене Сергии найти не удалось. Не известен он остался и П.М. Строеву [Строев].

В 1666 г. монахи во главе с казначеем Александром и представители вотчинных крестьян подали на имя архиепископа Вологодского и Белозерского Симона челобитную, где жаловались на пьянство настоятеля, его пренебрежение монастырским чином и разорение монастырской казны (см. Приложение). Челобитчики утверждали, что часто по воскресеньям, а иногда и в церковные праздники настоятель бывал пьян. Так, в 1665 г. во время Светлой седмицы в субботу прп. Марии Египетской он не пришел на службу, поскольку весь день пил и бражничал. Ситуация неоднократно повторялась. Иногда же, когда пьяный игумен появлялся в храме во время службы, он выгонял оттуда всех присутствовавших. Нетрезвый настоятель якобы любил в любое время суток подниматься на колокольню и звонить в колокола, а также ездить по деревням своей вотчины, разорять дворы и гоняться за крестьянскими женами.

По ночам игумен Сергей, как пишут челобитчики, часто приводил к себе в келью женщин — «с коровья двора коровниц». Можно предположить, что в коровницы попадали женщины из наименее социально защищенных слоев крестьянского общества, что делало их уязвимыми для сомнительных домогательств. Образ коровницы, которой желает «подать благословенье» нарушающий монашеские обеты инок, представлен в сатирическом «Списке с челобитные, какова подана в 185(1677) году Калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила в его неисправном житии слово в слово Преосвященному Симеону, архиепископу Тверскому и Кашинскому». Источник известен в научной литературе как «Калязинская челобитная» [Памятники литературы Древней Руси. С. 212.].

Разумеется, подобное поведение вызывало возмущение со стороны братии. Однако на замечания монахов, что это большой грех, игумен Спасо-Нуромского монастыря Сергей отвечал: «Что же баб тех-де всех переблужу, ино же и вас всех переблужу. Да еду с монастыря, а оставлю-де у вас в монастыре стены да стрехи одне... Я-де вас и до последнева вымерщу».

Приезжавших в монастырь с наказаниями от архиерея стрельцов игумен Сергей якобы отправлял в свою вотчину собирать с монастырских крестьян деньги. Возражений же и недовольства он слушать не хотел: «А когда... мы, Божие крестьянишка, сойдемся в монастырь для государева дела и мирскова, и он, игумен, вышед из келии пьян с дубиной и нас бедных розгоняет. А иных, которья крестьяня позаводнее... сажает в железа и в тюрьму и прощает денги на вино». Занимался рукоприкладством игумен не только по отношению к своим крестьянам. Он бил «своим пьяным обычаем у себя в монастыре, а неведомо про что» сына боярского Тимофея Островского и дворовых людей других помещиков. В результате вновь пострадали монастырские крестьяне: «Те... помещики нам, бедным крестьянишкам, грозят нас убить, изувечить и лошадишка изотнять... для того не смеем никуды выехать».

В монастыре игумен Сергей содержал около десятка больших собак. На замечания монахов, что такую стаю собак прокормить очень сложно, игумен отвечал: «Лутче-де мне собаки те, [чем] вся братии» и кормил собак «братцким хлебом». Если игумен видел, что в монастырь пришел кто-либо из вкладчиков, он забирал все принесенное в келью: ценности оставлял себе, а пироги и хлеб отдавал собакам: «Собаки-де мне лутче братии».

Данное обвинение так же, как и упомянутые выше домогательства к коровницам, не было уникальным случаем. К примеру, уже в начале XVIII в. воронежский священник Савва Дугин обвинял Коломенского и Каширского епископа Варлаама в следующих словах: «И тот-де архиерей, стоя в Коломенской улице на квартере, при коломенских ямщиках... говорил про свою сабаку черную, которая была при нем, архиерее: “Мне-де так Коломенской области не жаль, как-де этой сабаки”» [Шамин. С. 104].

Челобитчики Спасо-Нуромского монастыря жалуются также, что неоднократно игумен присваивал себе и монастырские деньги. Так, в 1665 г. он забрал себе все, что было получено за проданный монастырский овес, в 1666 г. взял лично себе собранные на престольный праздник средства «с лавок, и шалашей, и квасных мест, и соляных и всяких товаров». Тратил же игумен деньги тоже по своему собственному усмотрению, не ставя в известность братию. Так, однажды, будучи в Москве, он купил коня и отдал его некому Ивану Ивановичу Маркову «без нашего братцкаго совету неведомо за что». В другой раз он обманом взял из казны 30 рублей, так же не представив никаких документов о том, куда эти деньги потрачены. Никогда не рассказывал игумен остальным монахам и о целях своих поездок в Москву: «Игумен Сергей наряжается к Москве. Сказывает — для монастырскаго дела, а дела нам не скажет. И с нами, з братью, ни о чем не советует. И хочет... у нас из монастыря и остатки забрать. А сказывает, жить-де мне на Москве и долго».

Ситуация, описанная в челобитной, — странная, поскольку нарушения явно имеют долговременный характер. Каждое из нарушений монастырского устава грозило настоятелю судом и снятием должности, тем не менее об этих событиях в монастыре долго молчали, а затем включили сразу все в одну челобитную. Жалоба на игумена Сергия была рассмотрена, а настоятель снят с должности. Об этом свидетельствует, в частности, судное дело об изнасиловании игуменом Сергием бывшей монастырской коровницы Каптелины⁵.

Очевидно, однако, что проблемы монастыря заключались не только в деятельности конкретного игумена. Скорее всего, речь шла об упадке монастырской жизни в целом. Жалобы на действия монастырской администрации поступали в Вологодский архиерейский дом регулярно, как минимум с середины 1640-х гг. И после того, как игумен Сергей был снят с должности, ситуация не изменилась. На нового игумена Мисаила также поступали жалобы, что он живет не по монашескому уставу: бьет и бранит служителей, пользуется монастырскими деньгами (1667 г.)⁶. В разорении монастыря и пьянстве монахи обвиняли и следующего игумена Авраамия (1670 г.)⁷. В 1672 г. в Кириллов Белозерский монастырь был сослан за пьянство и драки нуромский старец Матвей⁸.

Ситуация временно улучшилась после вступления в должность игумена Варфоломея в 1673 г. Не исключено, что он был прислан в Спасо-Нуромский монастырь для наведения порядка из какой-то другой обители. Как свидетельствует опись имущества 1678 г., за 5-6 лет настоятельства Варфоломей сделал немало. При нем были построены новая колокольня и Святые врата, новая игуменская келья, частично заменена монастырская ограда и за монастырскими стенами возведен скотный двор. В ризницу были закуплены новые ризы, а в библиотеку книги [Переписные книги... С. 267—269]. С чем связано оставление Варфоломеем должности игумена, неизвестно. Однако после него в монастыре так и не нашлось подходящей кандидатуры на должность настоятеля. Монастырь был передан в руки безграмотных казначей и житника. О том, что проблемы в жизни монастыря не теряли своей остроты, свидетельствует тот факт, что в 1682 г. здесь было совершено убийство⁹.

Безусловно, проблемы, продолжавшиеся в Спасо-Нуромском монастыре в середине — второй половине XVII в., сильно ослабили авторитет обители. Очевидно, что дело было не только в поведении отдельных настоятелей, но и во всем строе жизни монастыря. Епархиальное начальство не могло справиться с этой проблемой.

Следует заметить, что события в Спасо-Нуромском монастыре не были чем-то уникальным. Нарушения монастырского устава и конфликты между монастырскими властями и монахами в XVII в. имели место и в других обителях Вологодского уезда. Так, например, о чрез-

мерном употреблении в Павлове Обнорском монастыре хмельных напитков и других нарушениях свидетельствует грамота царя Михаила Федоровича строителю Феоктисту Калединскому 1636 г. Здесь, судя по тексту документа, имело место «нестроение и пьянство и самовольство»: в монастыре не только держали «питье пьяное» и табак, но и устроили вблизи его стен харчевню и бани, возле которых монахи продавали брагу. Вопреки уставным традициям павловские монахи посещали эти бани и харчевни, а также «в волости ко крестьяном по пиром и по братчинам к пиву ходят безпрестанно, и бразничают, и бесчинствуют, и всякое нестроение чинитца, а уйму им преж сего не бывало». Строителю Феоктисту было приказано установить в обители строжайший порядок: сломать бани и харчевни или отнести их как можно дальше, чтобы «старцы в бани не ходили и не плутали»¹⁰.

В 1657 г. Вологодский архиепископ Маркел просил Патриарха Никона снять с должности келаря Корнильева Комельского монастыря Андреяна по причине того, что он «вино безпрестани держит, и пьет, и бражничают, и по деревням и в город на Вологду для бражничества почасту ездит, о монастырском строении не радеет. И промеж братьи и служками, и служебники, и крестьяны росправы не чинит и озорников от дурна не унимает, и в ево пьянстве и не в росправе монастырь пустует» [Попов. С. 365—366].

Н.В. Башнин в своей монографии о Дионисиевом Глушицком монастыре приводит интересный рассказ о келаре этого монастыря Мельхиседеке (Пересветове) — «келаре со шпагой». Назначенный келарем в 1690 г., Мельхиседек (предположительно отставной военный) всюду появлялся со шпагой в руках и часто обращал ее против глушицких монахов и монастырских крестьян. В челобитной мирских старост и крестьян, поданной на имя архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила в марте 1690 г., келарь Мельхиседек обвинялся в том, что «прошал себе гостинцев больших» с крестьянских промыслов, т.е. требовал с крестьян крупные деньги за пользование монастырским имуществом без «ведома» игумена и братии. Приезжая в деревню, где жила приглянувшаяся ему крестьянка, келарь выгонял хозяина из дома и сам оставался «з женским полом один, звать, что умысел у него был для блудного». В «великий мясопуст», когда глушицкие крестьяне играли свадьбы, келарь Мельхиседек молодоженов «с подклета перед собой ставил и их, женихов с невестами, как они придут с подклета, он, келарь, досматривал». Осознав, что против него ополчились не только крестьяне, но и монахи, келарь поспешил покинуть Глушицкий монастырь, однако был задержан. В соответствии с «мировой грамотой» Мельхиседек иск братии и крестьян «сполна заплатил», дал обещание «впредь мне, Мельхиседеку, в том Глушицком монастыре не жить» и

был отправлен в Вологду, где его отдали «на росписку» спряпчему Спасо-Прилуцкого монастыря [Башнин. С. 335—344].

Известно также Дело о непристойном поведении игумена Иннокентиева Комельского монастыря Акиллы и крестьянки Ульяны: «Он, игумен Акилла, с ней, с Ульяной, блудные дела чинил многожды ж, все по любви ж... Присылал к ней, Ульяне, того ж монастыря крестьянина деревни Огаркова Семена Нифантиева. И с ним-де, Семеном, она, Ульяна, к нему, игумену, в келью ночным временем ходила трижды и блудные дела чинила. А как-де он, Семен, ею, Ульяну, к нему, игумену, в келью приведет, а сам выходил в другую келью. И от тех-де ево, игуменовых, блудных дел она, Ульяна, очреватела». По завершении разбирательства 8 декабря 1705 г. Акилла был лишен игуменства и отправлен в Павлов Обнорский монастырь¹¹.

Как видим, разнообразные конфликтные ситуации между представителями монастырской администрации и рядовой братией с крестьянами в вологодских монастырях временами случались. Изредка имели место и злостные нарушения монастырского устава. Однако ни в одном из выявленных случаев проблемы не стали затяжным, растянутым на десятилетия явлением. Проблемы в монастырской жизни выявлялись и ликвидировались. Почему вологодским архиереям не удавалось навести порядок в Спасо-Нуромском монастыре, непонятно. Причины упадка древней и славной обители требуют дальнейшего изучения.

Приложение

1665/66 г.— Челобитная архиепископу Симону казначея старца Александра, всех старцев, старост и крестьян Спасского Нуромского монастыря на игумена Сергия, о его пьянстве, пренебрежении монастырским чином и разорении монастырской казны¹²

(Л. 1) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом и извещают царские богомольцы и твои святительския всемилостиваго преподобнаго чудотворца Сергия Нуромскаго монастыря казначей старец Александр, да старец Макарей, да старец Евросин, да старец Варсунофей, да старец Фаддей, да старец Харитоней, да старец Иона и вся братья того Спаса Нуромского монастыря да того ж Нуромскаго монастыря вотчины староста Лучка Иванов, Ивашко Панкратьев, Федка Алексеев, Пашка Стефанов, Мишка Семенов, Ивашко...¹³ Митка Лукин, Митка Иванов, Меркушка Кирилов, Любимко Васильев, Ивашко Васильев, Оска Прокофьев, Якунка

Дмитриев, Харка Федоров, Овдокимко Фомин, Филипко Иванов, Сенка Савельев, Фетка Ефремов, Захарко Елфимов, Пятунка Иванов, Ивашко Андреев, Гришка Афонасьев, Дмитрийка Прокофьев, Васка Дружинин, Любимко Наумов, Гришка Игнатъев, Сенка Федоров и все крестьяня того Спаса Нуромскаго монастыря того ж Спаса Нуромскаго монастыря на игумена своего Сергия в том, что живет он, игумен Сергий, у нас в монастыре не по монастырскому чину, пьет и бражничает безпре- станно, недели по три и по четыре, и в церковь Божию не ходит.

Да в прошлом, государь, во 173 году на Светлой неделе было в суббо- ту преподобных матери Марии Египетския. И он, игумен Сергий, пил и бражничал в тот день и в церковь Божию не ходил, литоргию Божию не служил, ни молебна. Да в том же году июня в 10 день было святого вели- комученика Феодора Стратилата. И он, игумен Сергий, пил же да бражни- чал, а в церковь Божию не ходил. Да в нынешнем во 174-м году сентября в 1 день преподобнаго отца нашего Симеона Столпника и матери его Мар- фы. И он, игумен Сергий, и в тот день все пил же да бражничал и в церковь Божию не ходил. А когда, государь, в которое воскресение и придет пьян, и он (Л. 2) нас, убогих крестьянишек, из церкви Божией всех розгоняет. И мы, убогия, лишились и церкви Божия для иво, игумена Сергия.

Да он же, игумен Сергий, напившись пьян, ездил по деревнишкам на- шим, домишка наши разоряет и за женишками нашими гоняется. Да в прошлом, государь, во 173-м году прожали мы, государь, монастырска- го овса шестьдесят четвертей в Грязивицкую¹⁴ меру. И сорок четвертей написано в монастырских казенных приходных книгах. А за осмнатцеть четвертей взято полосма рубли. И те деньги взял он, игумен Сергий, себе.

Да он же, игумен Сергий, взял у нас из монастыря из казны и из миру тритцать рублей. Сказывает, ему стало на Москве игуменство. А в тех в тритцати рублях, сказывает, есть-де на вас у меня кабала. А мы, государь, на Москве великому государю об нем не били челом, и каба- лы в тритцати рублях ему не даывали. А деньги он у нас, игумен, из казны и из миру тритцать рублей взял, а кабалы нам в мир ни в казну не отдал, кто у него деньги заимывали.

Да он же, игумен Сергий, безстыдно к ночи приводит к себе в келию с коровья двора коровниц. И мы, государь, нищия, ему, игумену Сер- гию, говорили, что же делаешь игумен государь неистово? И он, игу- мен, на то: что же баб тех-де всех переблужу, ино же и вас всех переблужу. Да еду с монастыря, а оставлю-де у вас в монастыре стены да стрехи одне. А бе живал-де я у вас не седу.

А обче, государь, мы станем ему, игумену Сергию, говорить и счувать. И он, игумен Сергий...¹⁵ нам грозит Москве и зазывными грамотами: Я-де вас и до последнева вымерщу. Да от иво же, государь, игуменския налоги ныне забежали четыре крестьянина со всеми семьями безвестно.

Да он же, игумен, держит на монастыре собак болших десяти, кормит хлебом братцким. И мы, государь, братия станем ему, игумену, говорить, что-де что держишь собак много — не по хлебу, и на монастыре держишь — не по монастырскому чину, и кормишь из братцкого хлебом. И он, игумен Сергей: лутче-де мне собаки те, [чем] вся брати.

Да он же, (Л. 3.) игумен, напившись пьян, взошел на колокольню звонить в колокола не по временам, днем и ночью во многия времена.

А когда, государь, в монастырь к нам приедут с Вологды стрельцы с государевыми наказы в каком деле, и он, игумен Сергей, тех стрельцов на нас, бедных крестьянишек, начает¹⁶, велит езды править болшия¹⁷ — рубли по два и по три. А делит с ними пополам. А когда, государь, мы, Божие крестьянишка, сойдемся в монастырь для государева дела и мирскова, и он, игумен, вышед из келии пьян с дубиной и нас, бедных, розгоняет. А иных, которыя крестьяня позаводнее...¹⁸ сажает в железа и в тюрьму и прошает денги на вино.

А которой крестьянин принесет в монастырь по родителям своих поминов пирогов или колачей, и он, игумен, увидя тово крестьянина с поминками, с пирогами и калачами и велит взять к себе в келию. И взяв поминки, пироги и колачи, и что ему надобно, и то себе он и отложит, а остатки розмелчит собакам. Собаки-де мне лутче брати.

Да в нынешнем же во 174 году, что собрано на праздник Происхождения день деньги с лавок, и шалашей, и квасных мест, и соляных и всяких товаров, что собрано. И то он, игумен, все взял себе, а в казну не отдал. Да продали, государь, скатины на чetyре рубли з гривною и те денги он, игумен, взял себе же, в казну не отдал. Да он же, игумен Сергей, купил на Москве коня на казенные деньги, а дал за него тритцать рублев серебряных денег. И тово он коня отдал Ивану Ивановичу Маркову без нашего братцкаго совету, неведомо за что.

Да он же, ¹⁹игумен Сергей¹⁹, наряжается к Москве. Сказывает, для монастырскаго дела, а дела нам не скажет и с нами, з братьею, ни о чем не советует и хочет, государь, у нас из монастыря и остатки забрать. А сказывает, жить-де мне на Москве и долго.

Да он же, игумен Сергей, бил сына боярскаго Тимофея Островскаго плетми и батоги и иных помещиков дворовых людей и крестьян плетми и батоги бил своим пьяным обычаем у себя в монастыре, а неведомо про что. (Л. 4) Те, государь, помещики нам, бедным крестьянишкам, грозят нас убить, изувечить и лошадишка изотнять. И мы, государь, для того не смеем никуда выехать для иво пьяново безчинства.

Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодской и Белоозерский, пожалуй нас, бедных нищих царских богомольцев своих святительских, и нас, бедных сирот крестьянишек. Вели, государь, сию изветную челобитную принять и записать, чтоб, государь,

нам от его игуменского бесчинства и похвал бы и от его неподобных дел вконец не погинуть. Государь, смилуйся, пожалуй!

Литература

- Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016.
- Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.
- Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.: Исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011.
- Попов М.В.* К истории Корнильева Комельского монастыря Грязовецкого уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Прибавления. Часть неофициальная.
- Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
- Шамин С.М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 97—147.

¹ РГАДА. Ф. 281. №2619.

² Там же. № 2648.

³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО). Ф. 1260. Оп. 1. Т. 2. Д. 2484.

⁴ Там же. Д. 2344. Документ не датирован, без начала и конца.

⁵ ГА ВО. Ф. 1260. Оп. 1. Т. 2. № 2344.

⁶ Там же. № 2811.

⁷ Там же. Оп. 1. Т. 2. № 3442.

⁸ Там же. Оп. 1. Т. 3. № 3793.

⁹ ГА ВО. Ф. 1260. Оп. 1. Т. 4. № 5934.

¹⁰ Электронный ресурс:

<http://nestorbook.ru/uDrive/file/170/d3a9f0dcf930da8101087a984832437d> (дата обращения — 22 октября 2017 г.)

¹¹ ОР РГБ. Ф. 37. № 427/64.

¹² ГА ВО. Ф. 1260. № 2484.

¹³ Далее неразборчиво.

¹⁴ Село Грязивицы (современный г. Грязовец Вологодской области) известно с 1538 г. В XVII в. наиболее крупное поселение в южной части Вологодского уезда, находилось в вотчине Корнилиева Комельского монастыря. По воскресеньям здесь устраивалась ярмарка, куда съезжались крестьяне из окрестных деревень — как из вотчины Корнилиево-Комельского монастыря, так и из других мест. Торговали в основном хлебом, а также разными мелкими товарами.

¹⁵ Далее неразборчиво.

¹⁶ В рукописи слово написано неразборчиво, прочтение предположительное.

¹⁷ Исправлено, в рукописи: билшия.

¹⁸ Далее неразборчиво.

¹⁹ В рукописи написано дважды.

К идентификации названия «*eptaradici*» в «Описании городов и областей к северу от Дуная» («Баварском географе»)

Аннотация: В статье предлагается новая идентификация этникона «*eptaradici*» из «Баварского географа» с названием *ἑπτὰ γένηαι*, которым в тексте византийского трактата «Об управлении империей» середины X в. обозначены «семь племен» венгров. Это отождествление — еще один аргумент в пользу датировки текста «Баварского географа» рубежом IX и X в. (около 900 г.), когда происходило вторжение «семи племен» венгров на территорию Европы и захват ими территории их «новой родины».

Ключевые слова: этникон, «семь племен», «Баварский географ», византийский трактат «Об управлении империей», этническая история, славяне, мадьяры, венгры.

A.S. Shchavelev

To the Identification of the Name ‘*eptaradici*’ in the “Describing cities and regions northward from the Danube” (“The Bavarian Geographer”)

Abstract: The article suggests a new identification of the ethnon ‘*eptaradici*’ from the “Bavarian geographer” with the name *ἑπτὰ γένηαι*, which ‘seven tribes’ of the Magyars are designated in the text of the Byzantine treatise of the mid-tenth century “De Administrando Imperio”. This identification is a new argument in favor of dating the text of the “Bavarian geographer” by the boundary of the 9th and 10th centuries (around 900), when the ‘seven tribes’ of the Magyars invaded Europe and seized the territory of their “new homeland”.

Keywords: Ethnonym, ‘seven tribes’, “Bavarian geographer”, Byzantine treatise “De Administrando Imperio”, ethnic history, Slavs, Magyars, Hungarians.

Изучение раннесредневекового латинского текста, известного в историографии под условным названием «Баварский географ», — одна из ключевых тем в многообразном творчестве Александра Васильевича Назаренко. Он неоднократно возвращался к этому сложному тексту, а сейчас, без сомнения,

* Шавелев Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире», Институт всеобщей истории РАН.

Shchavelev Aleksei Sergeevich, PhD (History), Senior Researcher, Centre of “Eastern Europe in Ancient and Medieval World”, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

является одним из ведущих специалистов по нему [Назаренко. 1993. С. 7—51; 1994. С. 35—61; 2001. С. 51—70; 2009. С. 162—171; 2010. С. 25—30]. Но несмотря на длительную традицию изучения, этот источник все еще требует поиска новых ключей к его интерпретации.

Текст «Баварского географа» был написан на последних листах латинской рукописи-конволюте, хранящейся в Баварской библиотеке (BSB Clm. 560. Fol. 149^v—150^r). Текст представляет собой перечисление славянских и неславянских этниконов с примерным указанием на количество областей и городов у каждого из них. Некоторую типологическую аналогию этому тексту представляет собой англо-саксонский документ «Tribal Hidage», датировки которого варьируются в широком интервале между VII и IX столетиями [Гимон. 2015]. Этот текст также как и «Баварский географ» является списком этно-территориальных общностей с указанием их примерных размеров. Скорее всего, «Tribal Hidage» являлся своего рода учетно-налоговым документом и давал ориентиры для сборщиков дани, возможно, что это был справочник для миссионеров. «Баварский географ», тем не менее, таковым пара-фискальным документом быть не может, и, видимо, должен был служить ориентиром для предпринимателей и / или миссионеров. Однако, более всего вероятно, что речь идет о некоей ученой компиляции любительского характера. С. Росиньоль, опираясь на состав кодекса, убедительно интерпретировал рукопись BSB Clm. 560. как средневековый учебник [Rossignol. 2010]. Исходя из этой идеи, можно считать, что добавление географического списка носило также учебно-справочный характер для клирика, который должен был готовиться к дипломатической работе. Добавим, что и «Tribal Hidage», и «Баварский географ» во многом воспроизводят форму классического римского текста типа *laterculi provinciarum*, например, *Notitia provinciarum et civitatum Galliae* [Reynolds. 2009].

Данных для точной датировки «Баварского географа» не существует. Попытки датировать этот текст, исходя из исторических соображений носят сугубо произвольный характер и колеблются в промежутке от VIII до X в., в историографии до последнего времени закрепилась дата вторая половина — последняя четверть IX в., однако, считать эту датировку строго доказанной нельзя.

Главным основанием для датировки «Баварского географа» является палеография почерков, которыми написан основной текст рукописи и сам текст «Баварского географа». Основной текст рукописи (Fol. 89^r—149^r) датируется по палеографическим признакам Б. Бишоффом последней четвертью IX в. и с оговорками локализуется по почерку в южной Германии, а приписанный на листах Fol. 149^v—150^r текст «Баварского географа» датируется им X в. [Bischoff. 2004. S. 221—222]. Другой специалист по латинским рукописям этого периода Х. Хофф-

манн вслед за Б. Бишоффом датирует основную часть рукописи последней четвертью IX в., а текст «Баварского географа» «около 900 г.», он поддерживает локализацию почерка в южной Германии, но специально оговаривает, что сомневается в его принадлежности скрипторию монастыря Райхенау [Hoffmann. 2004. S. 173—174].

В специальной работе С. Россиньоль вполне убедительно предположил, что первая часть текста «Баварского географа» (перечень народов вдоль границ Франкской империи) была написана, скорее всего, в конце IX в., а вторая часть, перечень других, более отдаленных, народов — в начале X в. [Rossignol. 2009]. Однако, весь текст «Баварского географа» вполне вероятно представляет собой не сшивку двух частей, а некое одно целое, составленное за один раз. Теоретически можно выделить либо две, либо три части в его тексте, однако, неоспоримых текстологических аргументов для этого нет. Нет никаких примет того, что перед нами не оригинал этого памятника, написанный в единственном экземпляре. Был ли у этого текста некий протограф — совершенно не известно [Назаренко. 2001. С. 61—62]. Поэтому мы можем считать, что этот текст представляет собой одну редакцию, разом написанную на свободных листах рукописи не раньше и не слишком позже 900 г.

Мы хотели бы специально остановиться на идентификации одного спорного этникона из «Баварского географа»: «*eptaradici habent civitates CCLXIII*» (Fol. 149^v, l. 25). А.В. Назаренко вслед за многими исследователями, интерпретировал этот этникон *eptaradici* как кальку с греческого названия **ἑπτὰ ῥάδικες* — «семь ветвей», «семь корней». И, затем, сопоставил с названием славянской общности *ἑπτὰ γέγεαι* — «семь племен» [Назаренко. 1993. С. 30] из Хроники Феофана Исповедника начала IX в. Этот этникон упоминается в Хронике единственный раз при описании событий конца 70-х — начала 80-х гг. VII в. [Theophanis. Vol. I. 1883. P. 359]. В раннем латинском переводе Хроники Феофана 870-х гг. Анастасия Библиотекаря (Anastasius Bibliothecarius) это название переведено просто как «Septem» — «Семь» [Theophanis. Vol. II. 1885. P. 227]. Добавим, что в схожем контексте рассказа о происхождении варварских народов слово «корень» встречается в поэме «Аварская война» византийского поэта Георгия Писиды, жившего в первой половине VII в. В начале поэмы рассказывается как турки, т. е. авары, расплодились, в частности, там сказано, что этот «корень» (ἡ ρίζα) дал начало огромной массе варваров [Georgii Pisidae. 1836. P. 48].

Отождествление *epta radici* = **ἑπτὰ ῥάδικες* = *ἑπτὰ γέγεαι* будучи вполне приемлемо филологически, несколько дезавуируется естественным вопросом, как этникон VII в. из текста начала IX в. попал в список народов начала X в. Но, самое главное, что в византийских текстах есть еще два упоминания названий *ἑπτὰ γέγεαι*, которые странным образом не учитывались при отождествлении этникон *epta radici*.

Первый находим в «Истории» Феофилакты Симокатты первой половины VII в. В «Истории» дословно приведено начало письма некоего кагана тюрков императору Флавию Маврикию Тиберию Августу («...ἡ δὲ τῆς ἐπιστολῆς ἐπιγραφή εἶχεν ἐπὶ λέξεως οὕτως...» / «...письма же начало — слово в слово...»). В этом письме каган называет себя: «ὁ Χαγάνος ὁ μέγας δεσπότης ἐπτὰ γενεῶν καὶ κύριος κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ἐπτὰ» / «Каган великий владыка семи племен и повелитель семи климатов Ойкумены» [Theophylacti Simocattae. 1887. P. 257]. Здесь мы видим точно такое же название «семь племен», как и в тексте Феофана Исповедника. Но отождествление этникона из «Баварского географа» с этими «семью племенами» маловероятно и по хронологическим, и по географическим соображениям.

Второй случай находим в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», где есть упоминание о «семи племенах» венгров в 38 главе и «восьми племенах» венгров вместе с каварами в 40 главе: «Καὶ οἱ μὲν Τοῦρκοι γενεαὶ ὑπῆρχον ἐπτὰ»; «Αἱ δὲ ὀκτώ γενεαὶ τῶν Τοῦρκων...» / «Турок же племен было семь»; «Эти же восемь племен турок...» (Constantine Porphyrogenitus. 1967. Vol. I. P. 170, 174, 178). Этот трактат «Об управлении империй» был составлен в окончательном виде между 948 (смерть императора Романа Лакапина) и 959 (смерть самого Константина VII) годами, но включает в себя и более ранние материалы IX—X вв. [Howard-Johnston, 2000; 2007].

В древнейшей венгерской латинской хронике анонимного магистра П. «Gesta Hungarorum» (написана между ориентировочно 1200 г. и 1230-ми гг.) в свою очередь сказано о том, что в переселении мадьяров-венгров на территорию Паннонской низменности участвовали: «... septem principales persone qui Hetumoger dicti sunt...», «VII principales persone, qui Hetumoger vocantur» / «Семь главенствующих людей, которые звались Хетумогер...» [Anonymus & Master Roger. 2010. P. 10, 16]. Название *hétmagyar* (*hetümajer*) по-венгерски означает «семь мадьяр» [Constantine Porphyrogenitus. 1962. Vol. II. P. 147]. Точно такую же информацию о «семи хозяевах» обретенной территории сообщает позже Шимон Кезаи в «Деяниях венгров» (около 1280—1285 гг.) [Simonis de Kéza. 1999. P. 78—79, 80—87]. Это говорит о том, что информация о семи родоначальниках державы Арпадов была устойчивым топосом венгерской исторической памяти, отразившимся в разных историографических памятниках. Вариант названия общности в венгерской историографической традиции «семь мадьяр» («хозяев», «вождей») позволяет не исключать интерпретацию этникона **epta radici* как греческо-славянского гибрида: греч. **ἐπτὰ* + ст.-слав. *rodьci* — «семь родичей» [Назаренко. 1993. С. 30]

Появление названия малоизвестных общностей славян или тюрков VII в. в тексте «Баварского географа», отражающем реалии рубежа IX и X вв., странно и маловероятно. Гораздо логичней видеть здесь обозначение общности «семь племен» венгров-мадьяров, которые как раз в конце IX в. вторглись на территорию Среднедунайской низменности (Паннонской равнины). В списке «Баварского географа» есть не только славянские этниконны, но и вполне достоверные названия неславянских народов: вулгарии (Vulgarii), пруссы (Bruzi), хазары (Caziri, Chozirozi), русы (Ruzzi), унгаре (Ungare). Наличие чуть позже в списке названия венгров не противоречит нашей версии, поскольку «Баварский географ» — памятник компилятивный, унгаре-венгры находятся в последней части текста, которая представляет собой какие-то последние дополнения этого списка народностей. В тексте «Баварского географа» по каким-то причинам дважды упомянуты мораване под названиями Marharii и Merehani [Назаренко. 1993. С. 13—12, 21, 21]. Точно также в нем, скорее всего, дважды упомянуты хазары под обозначениями Chozirozi и Caziri [Войтович. 2016. С. 30, 36]. Двойное упоминание венгров в тексте вполне объяснимо достоверно зафиксированным источниками наличием разных их «племенных» групп [Шушарин. 1997; Róna-Tas. 1999].

В пользу отождествления *epta radici* именно с семью племен мадьяр говорит и сам текст «Баварского географа»: «Attorozi. habent CXL.VIII. populus ferocissimus. Eptaradici. habent civitates CCLXIII.». Совершенно не обязательно относить определение «populus ferocissimus» к не идентифицированному народу Attorozi. Синтаксис вполне допускает и даже предполагает прочтение фразы: «populus ferocissimus Eptaradici habent civitates CCLXIII» / «народ свирепейший эптарацици имеют городов 263». Точки между словами в этом тексте стоят произвольно и ничего определенного не значат, иногда даже отделяя подлежащее-этникон от сказуемого «имеют». Именно мадьяры-венгры в IX—X вв. имели в латинской историографической традиции дурную славу самого жестокого и дикого кочевого народа, что укрепляет предложенное нами прочтение. Такие характеристики венгров находим в Хронике Регинона Прюмского (ум. в 915 г.) [Regionis abbatis Prumiensis. 1890. S. 131—133]. Еще более злоеший образ дикого и свирепого народа, пьющего человеческую кровь, рисует Лиудпранд Кремонский (ум. после 970 г.) в «Антаподосисе» [Liutprandus Cremonensis. 1915. S. 6—7, 15—16, 36—39]. Точно такие же характеристики находим в византийских текстах X—XI вв. [Moravcsik. 1967. S. 221—259; 1983. Vol. I. S. 131—145, 356—390, 400—409; 1983. Vol. II. S. 320—327].

У нас практически не остается сомнений в том, что в «Баварском географе» названием «populus ferocissimus Eptaradici» обозначены «свире-

пейшие» «семь племен» венгров, известные из византийского трактата «Об управлении империей» середины X в. и более поздней венгерской исторической традиции. Использование греческого или греко-славянского названия вторгшейся группы мадьяров вкупе с их нелестной характеристикой выдает возможный источник этой информации: некоего беженца из Моравии, подвергшейся военному разгрому и геноциду. Идентификация названия «*ep̄ta radic̄i*» с «семью родами» мадьяр еще раз косвенно подтверждает датировку текста «Баварского географа» «около 900 г.», когда венгры в 890—900-х гг. начали завоевание своей «новой родины» в Европе [Kellner. 1997].

Литература

- Войтович Л.В.* «Баварский географ»: попытки этнолокализации населения Центрально-Восточной Европы в IX в. // *Studia Historica Europae Orientalis / Исследования по истории Восточной Европы.* Вып. 9. Минск, 2016. С. 16—51.
- Гимон Т.В.* «Роспись племен» («*Tribal Hidage*») и территориальная структура англо-саксонских королевств // *Восточная Европа в Древности и Средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза.* М., 2015. С. 65—71.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко.* М., 2010.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки) / *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2007. М., 2009.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX—X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1991. М., 1994. С. 35—61.
- Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997.
- Anonymus & Master Roger. *The Deeds of the Hungarians / Ed., Trans. & Annot. by M. Rady & L. Veszprény. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Trans. & Annot. by J.M. Bak & M. Rady.* Budapest; N. Y., 2010.
- Bischoff B.* *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts.* T. II. Laon — Paderborn. Wiesbaden, 2004.
- Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik.* Washington, 1967.
- Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins.* L., 1962.
- Georgii Pisidae. Expeditio Persica, Bellum Avaricum, Heraclias / Rec. I. Bekkerus.* Bonnae, 1836.
- Hoffmann H.* *Schreibschulen des 10. und des 11. Jahrhunderts im Südwesten des Deutschen Reichs / mit einem Beitrag von E. Hochholzer.* Hannover, 2004.
- Howard-Johnston J.* *Byzantine Sources for Khazar History // The World of the Khazars:*

- New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / Ed. by B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007. P. 163—194.
- Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus / J. Howard-Johnston // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zukerman. Paris, 2000. (Réalités Byzantines, 7). P. 301—336.
- Kellner M.G.* Die Ungarneinfälle im Bild der Quellen bis 1150: von der «Gens detestanda» zur «Gens ad fidem Christi conversa». (Studia Hungarica. Bd. 46). München, 1997.
- Liutprandus Cremonensis.* Die Werke Liudprands von Cremona / MGH. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum / Hrsg. J. Becker. Hannover, 1915.
- Moravcsik Gy.* Studia Byzantina. Budapestini, 1967.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Berlin, 1983.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Berlin, 1983.
- Regionis abbatis Prumiensis.* Chronicon cum continuatione Treverensi / Rec. F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum Scholarum. T. L. Hannoverae, 1890.
- Reynolds R.E.* The *Noticia Galliarum*: An Unusual Bavarian Version // Readers, Texts, and Compilers in the Earlier Middle Ages: Studies in Medieval Canonical Law in Honor of Fawler-Magerl / Ed. by M. Brett & K.G. Gushing. Burlington, 2009. P. 3—14.
- Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. Budapest, 1999.
- Rossignol S.* „Bayerischer Geograph“. Überlegungen zur Datierung des Traktates des sog. Bayerischen Geographen anhand paläographischer und kodikologischer Beobachtungen // Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweissbach, 2011. P. 305—316.
- Rossignol S.* À propos du manuscrit de l'opuscule du «Géographe de Bavière» // Ad libros! Mélanges d'études médiévales offerts à D. Angers et J.-C. Poulin / Ed. J.-Fr. Cottier, M. Gravel, S. Rossignol. Montréal, 2010. P. 49—68.
- Simonis de Kéza.* The Deeds of the Hungarians / Ed., Trans. & Study by L. Veszprémy, F. Schaer, J. Szűcs. Budapest; N. Y., 1999.
- Theophanis.* Chronographia. Vol. I. Textum graecum / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Theophanis.* Chronographia. Vol. II. Theophanis Vitas, Anastasii Bibliotecarii Historiam Tripertitam / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1885.
- Theophylacti Simocatae.* Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.

С.Г. Яковенко

Е.Ф. Шмурло — ученый корреспондент Академии наук в Риме: учреждение должности (1895 — 1903)**

Аннотация: В 1903 г. при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук была учреждена должность Ученого корреспондента в Риме. Его задача заключалась в том, чтобы наиболее полно выявить все имеющиеся в итальянских (прежде всего — Ватиканском) архивах и библиотеках документы и материалы, которые касаются русской истории. На эту должность по конкурсу был избран российский историк Е.Ф. Шмурло (1854—1934). Затем он избирался еще трижды (в 1908, 1913 и 1918). После революции 1917 г. он остался в Риме, его регулярные контакты с Академией наук прекратились и в 1924 г. должность Ученого корреспондента в Риме была упразднена. Часть собранных Е.Ф. Шмурло материалов была опубликована в России и за рубежом после 1924 г. Часть из них сохранилась в личном архиве историка.

Ключевые слова: Е.Ф. Шмурло, Ученый корреспондент в Риме, Ватиканский архив.

S.G. Iakovenko

**E.F. Shmurlo — Scientific correspondent of the Academy of Sciences in Rome:
foundation of position (1895—1903)**

Abstract: In 1903, at the Historical and Philological Department of the Imperial Academy of Sciences, it was established position of the Scientific correspondent of Academy in Rome. The task of the Scientist correspondent was to fully

* Яковенко Сергей Георгиевич к.и.н., ученый секретарь Научного совета РАН «Роль религий в истории», г. Москва.

Iakovenko Sergei Georgievich, PhD (History), Scientific Secretary of the Council “Role of Religions in History” of the Russian Academy of Sciences.

** Материалы для данной работы были собраны благодаря поддержке фонда Макса Вебера (Max Weber Stiftung [MWS]) — его Институтов в Москве (Германский исторический институт в Москве [ГИИМ] — Deutsches Historisches Institut in Moskau [DHIM]), в Риме (Германский исторический институт в Риме — Deutsches Historisches Institut in Rom [DHIR] и в Париже (Германский исторический институт в Париже — Deutsches Historisches Institut in Paris [DHIP]). Особая благодарность коллегам — А. Доронину (A. Doronin — DHIM), Н. Катцеру (N. Katzer — DHIM), А. Коллеру (A. Koller — DHIR), Ст. Мартенсу (St. Martens — DHIP), Г. Шиффердекер (G. Schifferdecker — MWS), которые оказывали неизменную помощь в решении организационных вопросов и своими научными консультациями.

identify all documents and materials in Italian (especially the Vatican) archives and libraries that relate to Russian history. On this position at the competition was elected Russian historian E.F. Shmurlo (1854 — 1934). Then he was elected three more times (in 1908, 1913 and 1918). After the revolution of 1917, he remained in Rome, his regular contacts with the Academy of Sciences ceased and in 1924 the position of Scientific correspondent in Rome was abolished. Part of the collected by E.F. Shmurlo materials were published in Russia and abroad after 1924. Part of them are preserved in the personal archives of the historian.

Keywords: E.F. Shmurlo, Scientific correspondent in Rome, Vatican archive.

Иностранные источники по русской истории предоставляют в руки исследователя много важного, интересного материала. Они дают возможность более объемно, выпукло взглянуть на различные события и явления — со стороны. Это справедливо как при изучении раннего периода (IX—XIII вв.), не очень богатого письменными источниками [Древнейшие источники], так и по отношению к более позднему периоду (XVI—XVII вв.), когда их количество значительно увеличивается. Важную роль в понимании различных событий продолжают играть иностранные сведения о Русском государстве этого времени, к числу которых относятся записки иностранцев, материалы посольств, дипломатическая переписка и пр. [Герберштейн, Поссевино].

Существенная часть такого рода источников хранится в итальянских архивах и библиотеках. Эти материалы обратили на себя внимание российских историков в значительной степени благодаря публикации в середине XIX в. документов Ватиканского архива [Акты исторические, Дополнения к Актам историческим]. Издание переписки папских нунциев в Польше, материалы, относящиеся к дипломатической миссии в Московию в 1581—1582 гг. папского легата А. Поссевино, открыли для исследователей большое количество новых важных свидетельств по русской истории, связям России с Европой, с католическим Римом. Однако издатели этих документов не имели возможности непосредственно работать с архивными материалами. А.И. Тургенев, Археографическая комиссия получали от префекта Ватиканского архива М. Марини отобранные им копии. В середине XIX в. большое количество документов Ватиканского архива было опубликовано его префектом А. Тейнером, который имел широкий доступ к этим материалам. Изданные под его наблюдением документы представляли значительный интерес и для исследователей русской истории [Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Annales ecclesiastici].

Однако качественный скачок в изучении и использовании материалов Ватиканского архива произошел после того, как по решению папы Льва XIII в 1881 г. он был открыт для исследователей. Здесь сразу же появились как отдельные ученые, работавшие в соответствии со своими задачами, так и постоянно действующие иностранные институты и миссии

[Яковенко. Материалы Ватиканского архива]. В 80-е—90-е годы XIX в. исследования в Ватиканском архиве велись также и на предмет изучения русской истории (Ф. Вержбовский, Г. Гильдебрант, Н. Любович, П. Пирлинг, Г. Форстен, Е. Шмурло). Эти работы были связаны с поисками материалов по отдельным самостоятельным темам, но они не ставили перед собой цели систематического изучения всего комплекса материалов и свидетельств по русской истории [Шмурло. Об учреждении].

Это же в полной мере относится и к тем исследованиям, которые с начала 90-х гг. XIX в. начал проводить в итальянских архивах и библиотеках Е.Ф. Шмурло. Побывав в Италии в 1880, 1886 и 1890 гг. сначала в качестве туриста, он подробно познакомился с ее красотами и достопримечательностями [Саханев. С. 34—35]. Затем, в 90-е гг. XIX в. он приезжал сюда уже с научными целями — в 1892—1893 (17 ноября 1892 — 1 февраля 1893 г.), в 1893—1894 гг. (10 июня 1893 — 20 января 1894 г. [Шмурло. Отчет 1892/3 г.; Шмурло. Отчет 1893/4 г.; Саханев. С. 47—51] и в 1897 г. [Шмурло. Отчет 1897 г.]. При этом он не ограничился лишь работой в итальянских архивах, но собрал также большой материал в собраниях Москвы, Гааги, Парижа. Е.Ф. Шмурло подбирал документы, имеющие отношение, прежде всего, к главной теме его исследований о Петре Великом и его эпохе. Через несколько лет эти материалы были им опубликованы [Сборник документов]. Выход этой работы в свет совпал с завершением важного периода в жизни ученого — в 1903 г. он приступил к исполнению обязанностей Ученого корреспондента Академии наук в Риме и с этого времени в течение двадцати лет продолжал систематические занятия в итальянских архивах и библиотеках. Стоит обратить внимание на то, что он был одним из первых российских историков, которые начали свои занятия в Ватиканском архиве почти сразу же после его открытия.

Наличие большого количества ценных архивных материалов, которые активно изучались иностранными историками, наличие в Риме действующих на постоянной основе научных учреждений стало веским аргументом в пользу открытия здесь также и Русского института.

Потребность в организации постоянно действующей научной организации с целью систематического обследования документов и материалов по русской истории все более отчетливо ощущалась не только историками. В апреле 1895 г. (то есть сразу же после открытия Русского археологического института в Константинополе в феврале 1895 г.) министр-резидент при Папском дворе в 1894—1897 гг. А.П. Извольский сообщал министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому о том, что в связи с открытием папой Львом XIII Ватиканского архива «исторические работы становятся здесь все более и более делом институтов учреждаемых и содержимых различными европейскими правительствами и обществами»¹. Речь шла об исследованиях, которые нача-

ли проводить здесь ученые из Франции², Германии³, Пруссии⁴, Чехии, Польши, Венгрии. При этом он отмечал, что «менее всего деятельна в Ватиканском архиве русская наука»⁵. Главная идея донесения А.П. Извольского заключалась в том, что «было бы весьма желательно создание в Риме постоянного Русского ученого учреждения»⁶.

В ноябре 1895 г. записка А.П. Извольского была рассмотрена на заседании Историко-филологического отделения, и Академия наук приняла решение ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об «учреждении в Риме ученой Комиссии наподобие Института, учрежденного ныне в Константинополе, а на первый случай просить об отправлении в Рим Ученого корреспондента»⁷.

Решение Академии наук было с одобрением встречено и поддержано министром иностранных дел А.Б. Лобановым-Ростовским, который писал, что выражает «полное ... сочувствие к предположенным Академией мерам для устройства постоянных занятий русских ученых в Ватиканском архиве»⁸.

Однако на данном этапе осуществить проект не удалось. На некоторое время его пришлось отложить в связи с тем, что в ответ на запрос, направленный в Министерство финансов, с его стороны последовал отказ, в котором указывалось отсутствие необходимых для этого средств⁹.

На позицию А.П. Извольского относительно организации в Риме русского научного представительства некоторое влияние оказал Е.Ф. Шмурло. Во время своей второй большой научной командировки (1893—1894 гг.) он встречался с министром-резидентом и при его содействии добился приема у кардинала-секретаря М. Рамполлы с целью получить разрешение для работы в архиве Конгрегации пропаганды веры [Саханев. С. 50]. В письме П.О. Пирлингу (март 1896 г.) Е.Ф. Шмурло, явно опережая события, писал ему: «Вероятно, Вы уже знаете, что в Риме организуется русская комиссия, (а позже, может быть, и институт) для работ архивных и археологических? Извольский двинул это дело, и мне лестно было узнать, что и моего меду капля тут есть: Майков передавал мне, что докладная записка, составленная Извольским и переданная в Академию наук, во многом опирается на мой “Отчет о двух командировках”. Дай Бог, чтобы проект осуществился. Кто знает, может быть придется еще раз съездить в Рим и поработать в Архиве? А при существовании комиссии это много удобнее»¹⁰. Очевидно, что Е.Ф. Шмурло хотел бы продолжать свои занятия в Риме на постоянной основе. В ответ на письмо П.О. Пирлинга, в мае 1896 г. он пишет: «Благодарю Вас за лестные для меня пожелания видеть меня директором будущего римского Института. Была ли бы только эта обязанность мне по силам? К тому же, кажется, у нас скорее предпочтут видеть в этой должности филолога, представителя классических древностей. Я слышал, что очень просился Модестов, но неудачно»¹¹.

Создание в Риме Русского института вызывало справедливый интерес со стороны исследователей античности. В Академию наук обращался со своими предложениями В.И. Модестов. В марте 1896 г. М.И. Ростовцев писал С.А. Жебелеву: «Что Ваши сведения о Риме, обычный Петербургский пуф или имеют почву? Хорошо бы кабы в самом деле. ... Вот бы мне археологическим секретарем ...»¹². Немного позже он опять возвращается к этому вопросу: «...Назначение Модестова — гибель для дела; лучше не надо института; он его с первых шагов провалит ...»¹³

Действительно, профессор В.И. Модестов, в связи с тем, что он «для завершения своих изысканий по римской истории нуждался ... в изучении на месте археологического материала ..., искал содействия и поддержки у Император[ской] академии наук». В связи с обсуждением составленной им записки, летом 1898 г. ходатайство «об учреждении в Риме Ученой архивной комиссии» было возобновлено¹⁴.

Первоначально задачи Комиссии формулировались слишком широко и расплывчато. Речь шла о том, что она могла бы заниматься не только сбором материалов об отношениях между Россией и папским Римом, но также «изысканиями по классической археологии и по истории, преимущественно византийской и христианского востока, как в архивах и в библиотеках, так и в музеях»¹⁵.

Об этом же можно судить и на основании высказанной в докладе Е.Ф. Шмурло на XI Археологическом съезде в Киеве (1899 г.) мысли о том, что содержание проекта устава предстоящего научного начинания будет зависеть от того, «возникнет ли намеченная комиссия, как самостоятельное учреждение или войдет в состав проектируемого Русского археологического института, как его секция или отделение» [Шмурло. Об учреждении. С. 23]. Сам он считал более предпочтительным создание Комиссии, которая бы занималась прежде всего архивной работой, поскольку археографические и археологические исследования существенно отличаются по своим задачам [Шмурло. Об учреждении. С. 23—24]. Это выступление Е.Ф. Шмурло стало важным аргументом в пользу организации систематических работ в Ватиканском архиве, итальянских архивах и библиотеках [Шмурло. Об учреждении]. В нем было дано развернутое научное обоснование проекта (важность для изучения русской истории этих документов), и были предложены конкретные рекомендации относительно устройства Русской исторической комиссии в Риме (организационные и финансовые вопросы) [Шмурло. Об учреждении. С. 25—26].

По мере более детального знакомства с условиями работы в Риме сформулированные первоначально исследовательские задачи были значительно скорректированы и ограничены архивными исследованиями. По мнению академической Комиссии эти задачи успешно могла бы решить небольшая группа сотрудников. Поэтому первоначально обсуждал-

ся вопрос об учреждении в Риме постоянной ученой комиссии в составе трех человек. Предлагалось также создание здесь впоследствии Русского исторического института. Но на данном этапе в связи с недостатком средств было принято решение о том, что в Рим следует отправить Ученого корреспондента Академии наук, а Институт можно будет открыть, когда для этого появятся более благоприятные финансовые возможности.

Ответ на очередное обращение со стороны Академии наук, направленное в Министерство народного просвещения летом 1898 г., последовал лишь 18 декабря 1901 г. На этот раз он был положительным. В то же время, в связи с отсутствием средств на организацию в Риме историко-археологического института предлагалось учредить в Риме должность Ученого корреспондента. Министерство финансов уведомяло, что с его стороны «не встречается препятствий к испрошению разрешения Государственного Совета на отпуск ... кредита с 1903 г.»¹⁶. Таким образом, вопрос денежного обеспечения был урегулирован и предстояло пройти ряд бюрократических процедур, важнейшей из которых являлось постановление Государственного совета.

В связи с принятым положительным решением, в течение 1902 г. предстояло решить ряд важных научных и организационных вопросов. 9 января 1902 г. очередное заседание Историко-филологического отделения рассмотрело доклад Комиссии, в котором кратко излагалась история вопроса, связанная с попытками проведения систематических исследований в Риме. Были приняты краткие рекомендации научного и организационного характера относительно того, каким образом может вестись эта работа¹⁷. На заседании также было сообщено о ходе подготовки к изданию сборника "*Varia spectantia ad Moscoviam collecta anno 1710*". Эта работа могла бы объединить усилия нескольких крупных исследователей и стать конкретным проектом, связанным с изучением итальянских архивных материалов. В ней было предложено принять участие Е.Ф. Шмурло и П.О. Пирлингу¹⁸, которые уже были хорошо известны научному сообществу своими исследованиями и публикациями. 21 февраля 1902 г. состоялось заседание Комиссии по вопросу об учреждении должности Ученого корреспондента Академии¹⁹, а 3 апреля министру народного просвещения был направлен доклад Комиссии, организованной для обсуждения этой темы²⁰.

Весной 1902 г. А.С. Лаппо-Данилевский побывал в научной командировке за границей. В числе важнейших целей поездки было ознакомление с рукописным сборником "*Varia spectantia ad Moscoviam*" (Королевский архив в Неаполе) и теми условиями, «в какие может быть поставлена будущая деятельность "ученого секретаря Исторической комиссии"». В связи с этим А.С. Лаппо-Данилевский познакомился с рукописными уставами и инструкциями, которыми руководствовались в своей деятельности в Риме немецкие и английские ученые. В Ва-

тиканском архиве он осмотрел многие рукописные каталоги и некоторые тома документов, которые имеют отношение к русской истории. На основании сделанных наблюдений он изложил свои соображения о направлении будущих работ Ученого корреспондента. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского они должны иметь главным образом археологическую направленность, а важнейшими задачами могут стать составление описи «бумаг Ватиканского архива, которые имеют отношение к русской истории, и выработка плана издания памятников культурных и дипломатических сношений России с Италией, в состав которого прежде всего должны войти материалы по истории важнейших папских миссий в Россию и русских посольств в Италию в XI—XIX вв.»²¹. Таким образом, деятельность Ученого корреспондента предлагалось ограничить собственно архивной работой, хотя хронологические рамки его исследований должны были охватывать весь период отношений между Россией, Италией и папским Римом.

23 декабря 1902 г. должность Ученого корреспондента в Риме была утверждена Государственным советом, а принятое на его заседании решение было подписано императором Николаем II²².

Денежные средства на организацию и проведение работ в Риме начали отпускаться с 1 января 1903 г. Затем в марте 1903 г. состоялось избрание на должность — члены Историко-филологического отделения единодушно проголосовали за Е.Ф. Шмурло²³. Вскоре последовало и назначение со стороны президента Академии, которое состоялось 21 мая 1903 г.²⁴

Для руководства деятельностью Ученого корреспондента и направлением его работ Постоянная историческая комиссия в составе Вице-президента Академии наук П.В. Никитина, Непременного секретаря Н.Ф. Дубровина и А.С. Лаппо-Данилевского разработала два основных документа — проект «Положения об обязанностях и службе Ученого корреспондента...» и «Предварительную инструкцию Ученому корреспонденту...»²⁵. Эти документы, после их утверждения²⁶, стали основным руководством в его деятельности.

Таким образом, к осени 1903 г. вся подготовительная работа была завершена: были решены различные организационные вопросы, был определен круг обязанностей Ученого корреспондента и основные направления его исследований.

Выбор, сделанный в пользу Е.Ф. Шмурло, был связан в том числе с тем, что предпочтение в деятельности будущего научного учреждения было отдано именно архивной работе. Так что пожелания П.О. Пирлинга, адресованные его коллеге, оказались не лишними основания.

Постоянная историческая комиссия, созданная в соответствии с ранее принятым решением для руководства работой Ученого корреспондента²⁷, признала необходимым «для прочной организации исто-

рических работ в Риме ... учредить библиотеку преимущественно по русской истории при Русском посольстве в Риме»²⁸.

Библиотека в течение всего времени существования должности Ученого корреспондента располагалась на квартире Е.Ф. Шмурло. Первоначально она была размещена здесь временно, но так и осталась на прежнем месте. Это оказалось впоследствии серьезной проблемой, поскольку она занимала много места в квартире. Затем в связи с различными обстоятельствами пришлось поместить ее в подвальное помещение, за которое необходимо было платить дополнительно.

Решение о судьбе библиотеки было принято 23 апреля 1924 г. на заседании Историко-филологического отделения. В нем говорилось о том, что в связи с теми объяснениями, которые представил член-корреспондент Е.Ф. Шмурло «о дальнейшей судьбе библиотеки РАН в Риме и ее передаче Istituto per l'Europa Orientale», Конференция Академии наук постановила передать ее этому Институту сроком на десять лет²⁹.

В течение всего последующего времени библиотека Ученого корреспондента продолжала оставаться в поле зрения Академии наук. В конце 1938 г. началась подготовительная работа по ее передаче из Рима в Академию наук³⁰. К началу 1940 г. эта работа была завершена³¹ и римское собрание книг было перевезено из Рима в Ленинград. Поскольку Академическая библиотека не хранит отдельные коллекции, Римская библиотека была расформирована, и в настоящее время о ней можно судить на основании отдельных экземпляров, которые не указываются в каталоге как часть римского собрания. Тем не менее, у нас есть возможность получить представление о составе «корреспондентской библиотеки» на основании ее каталога, составленного Е.Ф. Шмурло³².

Кроме составления каталогов, подбора документов для их последующей публикации Ученому корреспонденту было поручено составление палеографической коллекции — «фотографических снимков важнейших в палеографическом отношении образцов письма»³³. Коллекция должна была состояться в двух экземплярах — один оставался в собрании Ученого корреспондента, другой передавался в Рукописный отдел Академической библиотеки³⁴. О составе этой коллекции мы также можем судить на основании экземпляра из личного фонда Е.Ф. Шмурло³⁵.

К исполнению своих новых обязанностей Е.Ф. Шмурло приступил не сразу же после избрания, но осенью 1903 г. Это было связано с рядом обстоятельств. 21 августа истек срок выслуги 25-ти летнего срока, который давал ему право на получение пенсии. Необходимо было отправить в Рим вещи и книги. Кроме того в летние месяцы Ватиканский архив был закрыт.

Е.Ф. Шмурло выехал из Санкт-Петербурга в Рим 2 ноября, а по дороге заехал во Львов и Венецию. Во Львове он детально ознакомился с работой Польской комиссии историков, которая с 1896 г. вела система-

тические исследования в Ватиканском и других римских архивах и библиотеках. В середине ноября Е.Ф. Шмурло прибыл в Рим и приступил к выполнению обязанностей Ученого корреспондента Историко-филологического отделения Императорской академии наук в Риме.

Таким образом, усилия, которые предпринимались отдельными учеными для решения своих конкретных исследовательских задач, усилия академического научного сообщества в лице Императорской академии наук, были поддержаны Министерством иностранных дел. Обращение в Министерство народного просвещения со стороны Академии наук и последующие ходатайства к Министерству финансов привели к тому, что вопрос об учреждении в Риме постоянно действующего русского научного учреждения с целью изучения материалов Ватиканского архива, а также других итальянских архивов и библиотек был решен положительно, хотя и не в полном объеме. Пришлось ограничиться учреждением должности Ученого корреспондента. Открыть в Риме Русский исторический институт так и не удалось, несмотря на имевшие впоследствии место попытки осуществить и это начинание.

Е.Ф. Шмурло несколько раз возвращался к этому вопросу в переписке с А.С. Лаппо-Данилевским, который от имени Постоянной исторической комиссии наблюдал за деятельностью Ученого корреспондента в Риме. Наиболее значимым стало предложение, сделанное в апреле 1917 г. русскому послу в Риме М.Н. Гирсу. В начале октября 1917 г. записка Е.Ф. Шмурло на имя посла обсуждалась на заседании Историко-филологического отделения³⁶. Ученый считал сложившиеся после февраля 1917 г. и прихода к власти Временного правительства условия благоприятными для реализации его предложения. Понятно, что и на этот раз (и уже окончательно) этой идее не суждено было сбыться. Более того, условия работы Ученого корреспондента вскоре стали крайне затруднительны, а через несколько лет его деятельность и вовсе прекратилась.

Примечательно, что накануне отъезда из Санкт-Петербурга в Рим Е.Ф. Шмурло пишет П.О. Пирлингу: «Да, я еду в Рим и получил уже назначение. Передо мной открывается новая, хотя отчасти уже и знакомая деятельность; охотно берусь за нее, но не скрываю трудности своего положения и отнюдь не обольщаюсь собственными силами. Вот когда особенно понадобятся мне Ваши добрые советы и указания, потому что кто же иной, как не Вы, мог бы быть лучшим истолкователем русско-итальянских отношений в их прошлом, кто мог бы лучше руководить в работах в Ватиканском архиве по истории сношений Св. Престола с Россией? ... Живо вспоминаю я, как 10 лет тому назад собственно Вы ввели меня в Ватикан и облегчили мою работу ...»³⁷.

Вскоре по приезде в Рим Е.Ф. Шмурло в апреле 1904 г. опять пишет большое письмо своему коллеге. Уже в качестве Ученого корреспон-

дента, на основе некоторых наблюдений он пытается сформулировать свои исследовательские задачи, просит совета: «Обилие Ватиканского материала подавляет ... К тому же русский историк стоит, сравнительно с другими, в менее благоприятном отношении, потому что у тех есть всегда более или менее основной фонд — нунциатура, которая всегда даст известное положительное количество документов ... По русской же истории ... все отрывочно, не полно ...»

Я хотел было, в зависимости от того, что Польская нунциатура начинается с половины XVI ст., эту эпоху и избрать как начальную для своих работ, но Краковская академия уже в будущем году надеется приступить к печатанию или даже опубликовать том документов касательно Стефана Батория — другими словами миссия Поссевино, то, что и есть самого существенного для русского историка в Ватиканском архиве за вторую половину XVI в., уже предвосхищена. Если начать со Смутной эпохи, то ведь и она почти готова у поляков? ...»³⁸ Е.Ф. Шмурло делится также своими соображениями относительно плана предстоящих работ — он предполагал подготовить к публикации собрание папских документов, касающихся России, «начиная с буллы папы Григория VII 1075 года»³⁹. Этот первоначальный проект не был реализован.

В свою очередь П.О. Пирлинг обращался к постоянно находящемуся в Риме Е.Ф. Шмурло с просьбами навести некоторые архивные справки.

Деятельность Ученого корреспондента хорошо прослеживается на основании ежегодных отчетов, которые он отправлял в адрес Постоянной исторической комиссии Историко-филологического отделения Академии наук. Часть из них была опубликована в сборниках «Россия и Италия»⁴⁰.

Важные сведения о его работе содержатся и в переписке, особенно, — в письмах П.О. Пирлингу, А.С. Лаппо-Данилевскому, М.А. Дьяконову. Они тем более интересны, что это — живое, профессиональное общение коллег и друзей.

В соответствии с «Положением об обязанностях...» и «Предварительной инструкцией ...» задача Ученого корреспондента заключалась в том, чтобы наиболее полно выявить документы, которые имеют отношение к русской истории. Результаты работы предполагалось публиковать в двух серийных изданиях — «Россия и Италия» (текущие исследования, материалы отдельных фондов, миссий, отчеты о работе и пр.) и «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» (документы, относящиеся к отдельным важным событиям, миссиям, посольствам). Е.Ф. Шмурло подготовил и опубликовал три тома сборника «Россия и Италия» (каждый в двух выпусках). Четвертый том, посвященный описанию архива Конгрегации пропаганды веры, был опубликован в 1927 г. в Ленинграде без его непосредственного участия (на основании того материала, который уже находился в типографии Академии наук к 1917 г.) [Рос-

сия и Италия. Т. I—IV]. Судьба второй серии — «Памятников» оказалась менее успешной. В 1925 г. в Ленинграде (также без участия Е.Ф. Шмурло) был опубликован только первый выпуск первого тома [Памятники]. Второй выпуск, в который должны были войти подготовленные к печати более 250 документов, и обширные примечания ко всему тому так и не увидел свет [Яковенко. Е.Ф. Шмурло и его незавершенный проект].

В распоряжении Академии наук оказалась только та часть, которая осталась в Петрограде и уже была отпечатана в типографии. Издание не было завершено, поскольку от Е.Ф. Шмурло впоследствии не были получены недостающие материалы⁴¹.

В соответствии с «Положением об обязанностях ...» Ученого корреспондента избрание происходило сроком на пять лет. В течение всего времени существования этой академической институции трижды (в 1903, 1908 и 1913 гг.) предпочтение отдавалось Е.Ф. Шмурло. В 1918 г. он был избран на очередной срок. Но обстоятельства времени уже не давали ему возможности полноценно исполнять свои обязанности.

Последняя выплата от Академии наук была предоставлена Е.Ф. Шмурло в июне 1917 г.⁴² — в начале 1918 г. он сообщал «о получении полностью штатной суммы и жалованья за весь 1917 год»⁴³. Затем — с 1918 по май 1920 г. он продолжал «заимообразно» получать средства от Русского посольства в Италии⁴⁴.

С начала 20-х годов Е.Ф. Шмурло начал предпринимать попытки возобновить официальные контакты с Академией наук. В 1920 г. Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург сообщал на Общем собрании о том, что от Ученого корреспондента в Риме получено письмо и предполагается оказать ему содействие в его исследованиях⁴⁵. В 1922 г. в своей речи он кратко упомянул о том, что «после значительного перерыва» удалось «получить сведения о работах ... Ученого корреспондента в Риме» и сообщал, что его подробный отчет будет напечатан⁴⁶. В 1923 г. Е.Ф. Шмурло отправил на адрес Постоянной исторической комиссии очередной Отчет о работе за 1922—1923 гг., который был рассмотрен на ее заседании⁴⁷. Таким образом, речь не шла о том, чтобы отказаться от должности Ученого корреспондента в Риме.

Тем не менее, 6 декабря 1924 г. на Общем собрании Академии наук Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург доложил о том, что должность Ученого корреспондента в Риме следует считать упраздненной⁴⁸. Подобные решения были приняты и по отношению к ряду других академических учреждений. Это было связано с теми преобразованиями, которые начали проводиться Российской академией наук.

Отсутствие возможности продолжать исследования в итальянских архивах и библиотеках, отсутствие широкого доступа к русским библиотечным собраниям все же не помешали ученому полностью прекратить ра-

боту по подготовке к изданию некоторых собиравшихся на протяжении более двадцати лет документов и материалов. Однако те работы, которые велись Е.Ф. Шмурло в качестве Ученого корреспондента, к сожалению, в полном объеме не были продолжены. Впоследствии исследования велись отдельными учеными применительно к их конкретным темам.

В течение долгого времени личный архив Е.Ф. Шмурло был мало известен исследователям и к тому же — трудно доступен. Лишь в начале 90-х годов XX в. фонд ученого в ГАРФ был переведен из специального хранения в общее пользование. Сразу после этого появился ряд работ, посвященных Е.Ф. Шмурло и основанных на материалах его архива. За небольшими исключениями⁴⁹ изучение итальянских архивов и библиотек и до сих пор не получило серьезного системного продолжения в отечественной исторической науке.

Источники и литература

Академия наук

- Императорская академия наук.
 - Историко-филологическое отделение. Протоколы ИФО:
 - № XVII. 29 ноября 1895 г. § 193
 - № III. 14 февраля 1896 г. § 27
 - № VIII. 29 мая 1896 г. § 96
 - № I. 9 января 1902 г. § 3, 9, 10, 39, 66
 - № X. 4 сентября 1902 г. § 159
 - № I. 15 января 1903 г. § 3
 - № V. 12 марта 1903 г. § 81
 - № VII. 30 апреля 1903 г. § 103
 - № X. 24 сентября 1903 г. § 186
 - № XI. 15 октября 1903 г. § 206, 213
 - Российская академия наук:
 - Протоколы ИФО. № XII. 4 октября 1917 г. II-е приложение к протоколу XII заседания Отделения Исторических наук и филологии Российской академии наук 4 октября 1917 г. (к § 324)
 - Российская Академия Наук. Общее собрание. XII заседание, 6 декабря 1924 года.
 - Российская академия наук в 1920 году. Отделения физико-математических наук и исторических наук и филологии. Речь Непременного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. Читана в торжественном заседании 29 декабря 1920 года
 - Российская академия наук в 1922 году. Речь Непременного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. Читана в торжественном заседании 29 декабря 1922 года
- Государственный архив Российской Федерации (Москва) — ГАРФ:*
- ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 581, 583, 584, 609, 610, 612, 613, 625
- Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург) — СПФ АРАН:*
- СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24
 - СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 293, 342
 - СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 38
 - СПФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1

- Archives françaises de la Compagnie de Jésus. Vanves: Bibliothèque Slave. P. Pierling (BS. Pi 12: Pierling. Correspondance générale) —*
- Письма Е.Ф. Шмурло П.О Пирлингу (AFCJ. BS. Pi 12):*
 — AFCJ. BS. Pi 12: Юрьев. 19.03.1896
 — AFCJ. BS. Pi 12: Юрьев. 03.05.1896
 — AFCJ. BS. Pi 12: Рим. 21.04.1904
- Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. I: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год. СПб., 1841
- Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1: текст, пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; Т. 2: статьи, комм. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008
- Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографической Комиссией. СПб., 1848
- Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. Серия основана В.Т. Пашуто. Издается с 1977 г.
- Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. I. Вып. 1. Л., 1925.
- Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. статья и комм. Л.Н. Годовиковой. М., 1983.
- Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Собрал Е. Шмурло. Т. I: 1693—1700. Юрьев, 1903.
- Annales Ecclesiastici, quos post Caesarem S.R.E. Card. Baronium, Odoricum Raynaldum ac Iacobum Laderchium ab an. MDLXXII ad nostra usque tempora continuat Augustinus Theiner. T. I—III. Romae, 1856. (T. I: 1572—1574; T. II: 1575—1578; T. III: 1579—1585).*
- Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia; maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica deposita ab Augustino Theiner. T. I—IV. Romae, 1860—1864.*
- Россия и Италия. Т. I—IV. СПб., 1907; Л., 1927.
- Саханев В.В.* Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк / Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. третья. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 27—79.
- Скифский роман / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- Шмурло Е.Ф.* Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.
- Шмурло Е. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Юрьев, 1895.
- Шмурло Е.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898.
- Яковенко С.Г.* Материалы Ватиканского архива о связях России и папства (изучение и характеристика) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 176—196.
- Яковенко С.Г.* Е.Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» // *Ars historica*. Сборник в честь О.Ф. Кудрявцева. М.; СПб., 2015. С. 530—551.

¹ Протоколы ИФО. № XVII. 29 ноября 1895 г. § 193.

² École Française de Rome — с 1875 г.

³ Römisches Institut der Görres-Gesellschaft — с 1888 г.

⁴ Preussisches Historisches Station (преобразована в Deutsches Historisches Institut in Rom) — с 1888 г.

⁵ Протоколы ИФО. № XVII. 29 ноября 1895 г. § 193.

⁶ Там же.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24. Л. 1.

- ⁸ Протоколы ИФО. № III. 14 февраля 1896 г. § 27.
- ⁹ Протоколы ИФО. № VIII. 29 мая 1896 г. § 96.
- ¹⁰ AFCJ. BS. Pí 12: Юрьев. 19.03.1896.
- ¹¹ Ibid.: Юрьев. 03.05.1896.
- ¹² Скифский роман / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 383.
- ¹³ Там же. С. 385.
- ¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24. Л. 1 об.—2; Протоколы ИФО. № I. 9 января 1902 г. § 3.
- ¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24. Л. 1 об.
- ¹⁶ Протоколы ИФО. № I. 9 января 1902 г. § 3.
- ¹⁷ Там же. § 66.
- ¹⁸ Там же. § 9, 10, 39.
- ¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24. Л. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Протоколы ИФО. № X. 4 сентября 1902 г. § 159.
- ²² Там же. № I. 15 января 1903 г. § 3.
- ²³ Там же. № V. 12 марта 1903 г. § 81.
- ²⁴ Там же. № VII. 30 апреля 1903 г. § 103.
- ²⁵ Там же. № X. 24 сентября 1903 г. § 186. Приложение к протоколу.
- ²⁶ Там же. № XI. 15 октября 1903 г. § 206.
- ²⁷ Там же. № I. 9 января 1902 г. § 66.
- ²⁸ Там же. № VII. 30 апреля 1903 г. § 103.
- ²⁹ СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 34.
- ³⁰ Там же. Д. 293. Л. 53—58, 79—80, 128—129; Д. 342. Л. 1, 2, 33—35.
- ³¹ Там же. Ф. 158. Оп. 3. Д. 38.
- ³² ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 612, 613.
- ³³ Там же. Д. 609. Л. 1.
- ³⁴ Протоколы ИФО. № XI. 15 октября 1903 г. § 213.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 581, 583—584.
- ³⁶ Протоколы ИФО. № XII. 4 октября 1917 г. § 324. II-е приложение к протоколу.
- ³⁷ AFCJ. BS. Pí 12: СПб., 02.11.1903.
- ³⁸ Ibid.: Рим. 21.04.1904.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Россия и Италия. Т. III. Вып. 1—2. СПб., 1911; Пг., 1915.
- ⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1898. Д. 24. Л. 169—169 об.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 609. Л. 11.
- ⁴³ Там же. Д. 610. Л. 15.
- ⁴⁴ Там же. Д. 625.
- ⁴⁵ РАН в 1920 г. Речь Ольденбурга. С. 8.
- ⁴⁶ РАН в 1922 г. Речь Ольденбурга. С. 21.
- ⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205—207.
- ⁴⁸ РАН. ОС. XII заседание, 6 декабря 1924 г. § 228. С. 62—63.
- ⁴⁹ В последние несколько лет работу в итальянских архивах возобновили И. Дубровский (XVI в.) и А. Ястребов (XVIII в.).

Библиография трудов А.В. Назаренко*

2009

1. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования). М., 2009 (= Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). 515 с.
2. «Слово на обновление Десятиной церкви» — одно или два «Слова»? // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его источник (XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто). М., 2009. С. 231—236.
3. Об обстоятельствах учреждения Смоленской епископии // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 468—481.
4. Βυζαντινὴ ἱεραρχὴς στὶς ἐπισκοπικὲς ἐδρεὶς τῆς Ρωσίας κατὰ τὴν про τῆς ἐπιδρομῆς τῶν Μογγόλων περίοδο // Διαχρονικὲς σχέσεις καὶ προοπτικὲς συνεργασίας στὸν 21ο Αἰῶνα. Ἀθήνα, 2009. Σ. 85—91.
5. Несостоявшееся посольство папы Евгения III (1145—1153) на Русь // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2009. № 3 (37). С. 81—82.
6. К юбилею друзей // Православный паломник. М., 2009. № 8 (51). С. 10.
7. Памяти Людвига Мюллера (1917—2009) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2009. № 3 (37). С. 137—138.
8. Изяслав (Димитрий) Ярославич // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 669—671.
9. Кий // Большая Российская энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 665.

2010

10. *Η ΕΧΩ ΡΩΣΙΑ*: К политической географии Древнерусского государства середины X века // *Gaudeamus igitur*: Сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 294—301.
11. К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии // *Forma formans: Studi in onore di Boris Uspenskij* / Ed. S. Bertolissi, R. Salvatore. Napoli, 2010. Vol. 2. P. 85—99.
12. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Россия» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2010. С. 411—425 (= Труды Гос. Эрмитажа. Т. 49).
13. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI — первая треть XIII в.) // Русская Палестина: Россия в Святой Земле. СПб., 2010. С. 220—227.
14. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России в средние века и раннее новое время: Сб. статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 268—283.
15. *Составление, перевод с лат. и средненем., комментарии, генеалогические табл., подбор илл. и пояснения к ним, глоссарий, аннотир. указатели*: Древ-

* Библиографию до 2008 г. включительно см.: История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М., 2010. С. 325—343.

няя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 4. 503 с.: Западноевропейские источники.

16. Иоанн I, митрополит киевский // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 469—471.
17. Иоанн II, митрополит киевский // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 471—475.
18. Ирина (Ингигерд) // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 386—387.
19. Крещение Руси // Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 16. С. 7—8.
20. Лендзяне // Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 17. С. 226—227.
21. *Отв. ред., предисловие* (с. 11—12): Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 2010. 574 с.

2011

22. Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 284—303.
23. Русские люди в Святой земле // Русская история. М., 2011. № 3 (17). С. 20—23.
24. Вместо предисловия // Пашуто В.Т. Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пашуто. М., 2011 (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год). С. 5—8.
25. *Переводы с лат., ред. лат. оригинала, русск. перевода и примеч.:*
 - Договоры Немецкого ордена и его союзников с куршами, земгалами и сааремасцами 1230—1284 гг.;
 - Христбургский (Кишпоркский) договор 1284 г.;
 - Послания Гедимины;
 - Послание хана Абаки папе Клименту IV // Пашуто В.Т. Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пашуто М., 2011 (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год). С. 375—398, 453—472, 496—570, 587—590.
26. Любечский съезд 1097 г. // Большая российская энциклопедия. М., 2011. Т. 18. С. 218—219.

2012

27. «А руская грамота Богом дана...» // День славянской письменности и культуры. М., 2012. С. 9—14.
28. Русские княгини в Святой Земле // Императорское Православное Палестинское общество: К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция, Москва, 10 ноября 2011 г. М., 2012. С. 87—98.
29. Die Regensburger *Ruzarii*. Der bayerisch-russische Handel des Mittelalters (vornehmlich des 12. bis 13. Jahrhunderts) // Bayern und Russland in vormoderner Zeit: Wegmarken der Annäherung bis in die Zeit Peters des Grossen. Symposium der Kommission für bayerische Landesgeschichte bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 22. bis 24. Februar 2012. München, 2012. S. 15—38.
30. «Русь и другие восточные народы пусть приходят беспошлинно»: торговые связи между древнерусскими и немецкими землями в домонгольское время // Русские и немцы: 1000 лет истории, искусства и культуры. Гос. историч. музей (Москва), 21 июля 2012 г. — 25 августа 2012 г.; Новый музей (Берлин), 6 октября 2012 г. — 13 января 2013 г. Берлин; М., 2012. Т. 1. С. 48—51.
31. То же на нем. яз.
32. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 13—35.
33. Культура Древней Руси // Россия и Украина на перекрестках истории. Посо-

бие для учителей истории. М., 2012. С. 51—166 (6,5 п.л.) (в соавт. с В.М. Рычковой).

34. Культура Давньої Русі. Київ, 2012 (= Україна та Росія на перехрестях історії. Посібник для вчителя. Модуль 1) (160 стр.; 10,7 п. л.) (в соавт. с В.М. Рычковой).
35. Русь IX века: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 38—52.
36. *Интервью*: Выбор князя Владимира: логика личной судьбы и логика истории // Родина. М., 2012, № 9. С. 88—92.
37. «Слово на обновление Десятиной церкви» (к текстологии памятника) // ΘΕΟΛΟΓΟΥΛΟΣ: Сб. статей памяти профессора И.С. Чичурова. М., 2012. С. 229—252.
38. К вопросу об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык // *Ruthenica*. Киев, 2012. Т. 11. С. 146—152.
39. Сюзеренітет колективний (родовий) // Енциклопедія історії України. Київ, 2012. Т. 9. С. 927—928.
40. *Отв. ред., предисловие*: Религии мира: история и современность, 2006—2010. М., 2012. 704 стр. (совместно с Е.В. Беляковой).

2013

41. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников [2-е изд., исправл. и сильно расширенное]. М., 2013. С. 249—426.
42. IN MEMORIAM. Свящ. Герхард Подскальски (Gerhard Podskalsky), SJ // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2013. № 2 (52). С. 116—117.
43. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре (Международная научная конференция, Владимир, 5—6 июля 2011 года). Владимир, 2013. С. 12—35.
44. «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского на Руси. М.; Брюссель, 2013 (*Patrologia Slavica*, 2).
45. Киевская епархия (до сер. XV в.) // Православная Энциклопедия. М., 2013. Т. 33. С. 151—159 (в соавт. с Б.Н. Флорей).
46. Мстислав Владимирович Черниговский // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 21. С. 366.
47. Мстислав Владимирович Великий // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 21. С. 366—367.
48. Никифор I, митр. Киевский // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 22. С. 737—724.
49. Никон Великий // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 23. С. 25—26.

2014

50. Династический статус Курского Посемья в составе Новгород-Северского княжества в XII в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 169—178.
51. *ΠΓΩΒ, ΒΑΡΑΓΓΟΙ* и др. (о вероятных следах ассимилятивных процессов в языке восточноевропейских скандинавов в X веке) // ПОЛУТРОПОС. Сб. научных статей памяти А.А. Молчанова (1947—2010). М., 2014. С. 223—236.
52. *Некролог*: Памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (27 февраля 1947 — 18 июля 2010) // Там же. С. 11—13.

53. *Интервью: «Неожиданный»* Сергей: поборник Русского мира, церковник и аскет-исихаст // Родина М., 2014. № 5. С. 20—22.
54. Династические коллизии в Древней Руси и начальная история Ростовской епископии (XI — начало XIII в.) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Сб. докладов международной конференции (МГУ им. М.В. Ломоносова, 7—8 ноября 2011 г.). М., 2014. С. 214—236.
55. Рюриковичи и Арпады в XI—XII веках // Россия и Венгрия на перекрестках истории: Альманах. Ставрополь; Капошвар; М. 2014. Вып. 1. С. 54—59.
56. Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI—XII вв. (династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии) // Книга картины земли: Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 192—211.
57. Городские центры или зоны полудья? О политической структуре Киевской Руси первой половины — середины X в. // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 38—44.
58. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с греками // Русь в IX—XII вв.: общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева. Москва; Вологда, 2014. С. 14—24.
59. Святость и монастырь: «Casus s. Galli» vs. «Киево-Печерский патерик (Лаборатория медиевистических исследований НИУ ВШЭ; 8-я академическая дискуссия из цикла «Дискуссионное средневековье» на тему «Святость и святые в христианской культуре Запада и Востока Европы», 11 сентября 2014 г.) // <http://medieval.hse.ru/news/139891023.html>
60. Ольга // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 140—141.
61. Олег Святославович, кн. Древлянский // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 84.
62. Олег Святославович, кн. черниговский // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 84—86.
63. *Пашуто В.Т.* // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 494—495. *Статьи для: Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014:*
64. Адальберт, миссийный еп. Руси (С. 11),
65. Адам Бременский (11—12),
66. Амазонки (22—23),
67. Анастасия (?) Ярославна (25),
68. Анна Ярославна (28—29),
69. Баварский географ (47—48),
70. Бернхард, маркгр. Сакс. сев. марки (65),
71. Бертинские анналы (65),
72. Болеслав I Храбрый (76—77),
73. Борис Владимирович, кн. ростов. (78),
74. Борис Кальманович, внук кн. киев. Владимира Мономаха (79),
75. Бориса и Глеба культ (79—81),
76. Бруно Кверфуртский (89),
77. Винцентий (Кадлубек) (120—121),
78. Владимир Всеволодович Мономах (132—133),
79. Владимир Святославич (135—137) (в соавт. с П.П. Толочко),
80. Германия (180—181),
81. Гертруда, ж. кн. киев. Изяслава Ярославича (181) (в соавт. с Н.И. Щавелевой),
82. Гертруды кодекс (181—182),
83. Глеб Владимирович, кн. муром. (185),
84. Денежно-весовые системы Руси (234—235),
85. Евпраксия Всеволодовна (270),

86. Западный (немецкий) путь (289—290),
87. Илья Ярославич (333—334),
88. Кнут Великий (401),
89. Корсунская легенда (417—418),
90. Кунигунда (Ирина), ж. кн. волын. Ярополка Изяславича (435),
91. Ламперт Херсфельдский (445—446),
92. Летосчисление (453) (в соавт. с П.В. Кузенковым),
93. Любек (469—470),
94. Миссионерство (498),
95. Ода, ж. кн. киев. Святослава Ярославича (566—567),
96. Ольга, княг. киев. (575—576),
97. Петр, «архиепископ Руси» (605),
98. Польша (638—640),
99. Продолжение Регинона (657),
100. Раффельштеттенский таможенный устав (675),
101. Регенсбург (676),
102. Рейнберн, еп. (678),
103. Ростислав Владимирович (686—687) (в соавт. с Н.Ф. Котляром),
104. Саксонский анналист (714),
105. Синодик (740),
106. Сказание о Борисе и Глебе (740—741),
107. Софья Владимировна (779)
108. Титмар Мерзебургский (810),
109. Хильдесхаймские анналы (856—857),
110. Янка (Янька) Всеволодовна (916) (в соавт. с Н.Ф. Котляром).

2015

111. *Интервью*: Крещение Руси — это не случайность. Религиозные аспекты государственного строительства // Журнал Московской Патриархии. М., 2015, № 6. С. 36—39.
112. *Дудика, Негварь*: два германских имени в новгородских памятниках // Slověne — Slověne. International Journal of Slavic Studies. М., 2015. Vol. 4, № 1. С. 323—333.
113. Новгородский холоп Дудика и соболя падерборнского епископа Майнверка // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 293—301.
114. Владимир Великий: креститель, строитель, небесный охранитель Руси // Отец Земли Русской: К 1000-летию блаженной кончины святого равноапостольного князя Владимира. М., 2015. С. 6—68.
115. Архиепископы в Русской Церкви домонгольского времени // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2015, № 4. С. 67—76.
116. *Интервью*: Креститель, Строитель, Хранитель // Наука и религия. М., 2015, № 8. С. 2—7 (совместно с Н.Н. Лисовым).
117. Регенсбургские *Ruzarii* в XI—XIII вв. // ARS HISTORICA. Сб. статей в честь О.Ф. Кудрявцева. М., 2015. С. 45—60.
Статьи для т. 40 «Православной Энциклопедии». М., 2015:
118. Леон, митр. киев. (С. 441),
119. Леонтий II, архиеп. ростовский (С. 532—534),
120. Леон, митр. переяславский (С. 441—442),
121. Св. Леонтий I, еп. ростовский (С. 488—490).

2016

122. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593—654.
123. «Кодекс Гертруды» после Гертруды: Судьба книги на династических перекрестках XII в. // Polistoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 85—138.
124. Почему в 1169? О времени передачи русским афонитам монастыря св. Пантелеимона // Журнал Московской патриархии. М., 2016. № 8. С. 48—52.
125. Введение к первому тому // История русского православного зарубежья. М.: Изд-во Моск. Патр., 2016. Т. 1: Русское зарубежье до 1917 г. Кн. 1: Русское православное присутствие на христианском Востоке. С. 40—52.
126. «Никола вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2016. Сб. 11: К 70-летию Н.Н. Лисового. С. 258—284.
127. *Интервью*: Имперская связь, протянувшаяся через века // Наука и религия. М., 2016. № 12. С. 4—11 (совместно с Н.Н. Лисовым).
128. *Отв. ред., предисловие* «О юбиларе»: Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2016. Сб. 11: К 70-летию Н.Н. Лисового. 354 с.

2017

129. Изгнанный печерский игумен в Выдубицком монастыре, или когда и почему в Киеве возникли монастыри Святослава и Всеволода Ярославичей // Культурный шар. Статті на пошану Г.Ю. Івакіна. Київ, 2017. С. 315—327.
130. Die Rus' im 9. Jahrhundert. Ein Überblick über die Schriftquellen // Die Rus' im 9.-10. Jahrhundert. Ein archäologisches Panorama. Köln; Hamburg, 2017 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 14). S. 21—43 (исправл. переиздание-перевод № 32).
131. О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Эпоха Владимира Великого: государство, церковь, культура. Мат-лы Международной научной конф. М.; Вологда, 2017. С. 130—175.
132. *Отв. ред., предисловие*: Эпоха Владимира Великого: государство, церковь, культура. Мат-лы Междунар. науч. конф. М.; Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2017 (559 с., 69 п.л.) (совместно с Н.А. Макаровым).
133. *Интервью*: Никола, «русский бог» // Наука и религия. М., 2017. № 7. Июль. С. 28—34.

2018

134. Памяти Готтфрида Шрамма (1929-2017) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2018. № 1. С. 145—149.
135. Ольга // Православная энциклопедия. Т. 52. М., 2018. С. 636—639, 641—642 (библ. в соавт. с А.В. Духаниной).
136. Олег Святославич // Там же. С. 576—579.
137. «Vexilla regis prodeunt...» — «Вперед знамена царские...»: гимн Честному Кресту Венанция Фортуната (VI в.) // Филаретовский сборник. М.: изд-во ПСТГУ, 2018. № 14. С. 9—16.

Научное издание

**У истоков и источников:
на международных и междисциплинарных путях**
(Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко)

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано к печати 28.02.2019. Формат 70×100/16. Заказ № 696.
Тираж 300 экз. 36,5 п.л. 38,5 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unkniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: unknigal@westcall.net

в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: unkniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены

в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>